

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б.Д. ГРЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1948

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик *Б Д Греков* (ответственный редактор),
член-корреспондент АН СССР *Н М Дружинин*, *В Д. Мочалов*,
член-корреспондент АН СССР *С Д Сказкин*,
Ответственный секретарь *И. У. Будовниц*

ИСТОРИЯ СССР

А. Л. СИДОРОВ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ОБОСТРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ

1. СОСТОЯНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ НАКАНУНЕ ВОИНЫ

После огромного взмаха железнодорожного строительства в России в 90-х гг XIX в при министре финансов Витте уже не было нужды доказывать решающее значение железных дорог для капиталистического развития страны. Это давно уже стало общепризнанным и среди помещиков и среди буржуазии. Согласно «всеподданнейшим» отчетам министра путей сообщения,¹ на строительство железных дорог в России и их оборудование было затрачено за полустолетие, до 1911 г. включительно, 6 955 млн. руб., из них 4 990 млн руб на казенные дороги, а остальные средства — на частные дороги.

По другим данным,² которые уточняют приведенные мною цифры, на 1 января 1914 г на строительство русской железнодорожной сети было затрачено 7 591 млн руб, из них на казенные дороги — 5 618 млн. руб, а на строительство частных дорог — 1 973 млн руб. Такие огромные средства были получены за счет бюджетных средств (2 903 млн. руб) и за счет железнодорожных займов (4 688 млн. руб.)³ Общие затраты на строительство железных дорог значительно превосходили основные капиталы всех вместе взятых отраслей крупной капиталистической промышленности России.

Не приходится говорить о том, насколько строительство железных дорог ускоряло развитие капитализма в России, особенно принимая во внимание огромные просторы страны, наше бывшее бездорожье, отсутствие хороших шоссе и автотранспорта, слабость речного и морского судоходства.

Окраины России, являвшиеся, по характеристике Ленина, колониями в экономическом отношении, поддерживали хозяйственную связь с центром страны при помощи железных дорог. Промышленные товары доходили до потребителя на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе и Сибири, пробежав тысячеверстные расстояния. Промышленное сырье перебрасывалось с одного конца России в другой, хлебные грузы и сельскохозяйственное сырье подвозились к морским портам для экспорта и к промышленным центрам. Потоки грузов двигались в двух направлениях: промышленное сырье и сельскохозяйственные гру-

¹ Данные «всеподданнейших» отчетов и докладов министра путей сообщения извлечены нами из экономического отд. ЦГИАЛ, ф. М-ва путей сообщения.

² Н. П. Петров, О хозяйственном управлении казенных железных дорог — «Журнал министерства путей сообщения», 1916, кн. 8, стр. 98—99.

³ Там же. Государственные займы на нужды железнодорожного строительства составляли 2 968,5 млн руб и займы частных обществ — 1 719,4 млн. руб.

зы — с окраин к центру страны и к крупнейшим портам Черного моря и Балтики и готовые продукты из центра России — к потребителю, на периферию страны

Наиболее густая сеть железных дорог России приходилась на европейскую часть империи, особенно на польские губернии Север, Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия поддерживали железнодорожную связь с центральной Россией однопутными дорогами, а многие районы страны и совсем их не имели

Более густое развитие железных дорог ближе к западным границам империи было продиктовано отнюдь не экономическими потребностями страны, а военными соображениями — на случай войны с Германией

Еще в 70-х годах прошлого века при военном министре Милютине стали создавать Западный укрепленный район, строились крепости по Висле, но прежде всего была создана разветвленная сеть железных дорог, обеспечивавшая мобилизационное сосредоточение русской армии. Из общей суммы 628 млн руб., затраченных правительством к началу XX в. на создание Западного укрепленного района, на строительство железных дорог приходилось 309,5 млн руб.⁴

Военные авантюры царизма на Дальнем Востоке временно ослабили внимание правительства к западным границам, но дальнейшее укрепление русско-французского союза, образование Антанты и обострение борьбы между империалистическими странами вновь поставили в порядок дня большую программу строительства стратегических железных дорог на западе. Эта программа была уже разработана к 1910 г., однако ее выполнение наталкивалось на недостаток средств.

Следует вообще указать, что темпы железнодорожного строительства в XX в. были значительно ниже, чем в последние десятилетия XIX в. Особенно мало внимания обращалось на строительство экономических железных дорог. Ген.-лейтенант Ронжин, ведавший во время первой мировой войны в Ставке верховного главнокомандующего военными перевозками, признает, что строительство железнодорожной сети России на основном театре военных действий — от Балтийского моря до границ с Бессарабией — «происходило под сильным влиянием военного ведомства, и поэтому начертание сети в значительной мере отражало взгляды Генерального штаба на характер будущих военных операций»⁵

В период депрессии железные дороги в общем удовлетворительно справлялись со своими задачами по перевозке грузов. Во время же предвоенного промышленного подъема со всей очевидностью выяснилось, что пропускная способность существующих железных дорог, снабжение их паровозами и вагонами, строительство новых железнодорожных линий — отстают от общего темпа развития народного хозяйства. Что касается новых железных дорог, то, по данным «всеподанных» отчетов министра путей сообщения, длина железнодорожной сети России увеличилась с 61 223 верст в 1908 г. до 65 289 верст в 1913 г., или по 800 верст в год.

По данным же Шмуккера,⁶ за 6 предвоенных лет было сооружено

⁴ ЦВИА, Гл. штаб, д. 177845, лл. 65—108. Стоимость железных дорог этих районов исчислена без подвижного состава.

⁵ Ронжин Железные дороги в военное время (по опыту мировой войны) Белград, 1929, стр. 4.

⁶ М. М. Шмуккер. Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта России за 1913—1922 гг. (в связи с общими экономическими явлениями жизни страны), стр. 24.

около 3 850 верст новых железных дорог, из которых 2 945 верст построили частные предприниматели, а 895 верст — казна, причем 533 версты были начаты постройкой еще при Витте. В планах нового железнодорожного строительства на 1913 г на долю казны приходилась лишь одна треть работ, а частные предприниматели строили в два раза больше — 55 тыс верст.⁷ В общем можем сказать, что железнодорожное строительство накануне войны развертывалось недопустимо медленно, хотя нужда в экономических и стратегических железных дорогах была огромная.

Накануне мировой войны наличие рельсовых путей только в Европейской России на единицу пространства было в 11 раз меньше, чем в Германии, и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии.⁸ Кроме того, в России было мало двухпутных железных дорог, составлявших лишь около четвертой части длины всей сети. По данным Войновского-Кригер, представленным в 1917 г в Совет министров, двухпутные дороги в России составляли 27% общего протяжения, а в европейских странах процент их колебался от 39 до 56%.

К началу войны не было закончено строительство Амурской железной дороги, не начато строительство Мурманской железной дороги. Огромная Сибирская магистраль оставалась однопутной, а железная дорога Вологда — Архангельск была узкоколейной. Это показывает непонимание русским правительством и министром путей сообщения Рухловым стоявших перед ними задач. На фоне общего промышленного подъема страны прирост сети происходил «медленнее даже, чем в какой-либо другой период последних сорока лет, несмотря на то, что промышленное развитие страны, напротив того, совершается теперь значительно быстрее».⁹

Российская буржуазия видела в этом факте огромную опасность и старалась путем воздействия на правительство предупредить ее. В докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли «о мерах к развитию производительных сил в России и к улучшению торгового баланса», представленной 12 июля 1914 г правительству в качестве программного документа в области экономической политики, обращалось внимание на развитие железных дорог, особенно тех, которые должны связать Донецкий и Домбровский угольные бассейны с промышленными районами и портами Балтийского моря. Независимо от нового железнодорожного строительства буржуазия требовала усиления пропускной способности старых железных дорог, увеличения подвижного состава на дорогах и т. д.

В период промышленного подъема увеличение грузового и пассажирского движения в России происходило быстрее, чем в какой-либо западноевропейской стране. Количество грузов с каждым годом возрастало. Прирост против предшествующего года достигал следующих размеров (в процентах):¹⁰

⁷ Всеподданнейший отчет министра путей сообщения о деятельности министерства за 1913 г.

⁸ К. Ушаков. Подготовка военных сообщений России к мировой войне, Госиздат, 1928, стр. 14.

⁹ 7-й очередной съезд представителей промышленности и торговли. Доклад «Рост промышленности России за последнее десятилетие», стр. 6.

¹⁰ Цифры взяты из «всеподданнейших» отчетов министра путей сообщения за 1909—1912 гг., а для 1913 г — из журнала «Народное хозяйство» за 1913 г. На отставание роста подвижного состава от роста грузооборота указывал крупный специалист в области железнодорожного дела Уржумцев. Приняв грузооборот и подвижной состав в 1910 г за 100, он подсчитал, что в 1913 г. грузооборот вырос до 138,2%, а подвижной состав — лишь до 108,7% («Горнозаводское дело», 1915,

Годы	1909	1910	1911	1912	1913
Товарные грузы	7	5 4	11 1	11 1	10 5
Пассажиры	8 4	11 8	8 2	11 7	12 5

В то же время прирост движения во Франции, Германии и США колебался от 25 до 30% ежегодно

Прирост грузов опережал не только расширение железнодорожной сети, но и рост подвижного состава и паровозов. Чтобы хоть как-нибудь справиться с массой грузов, железные дороги увеличили нагрузку на ось вагона со 188 пудов (1909) до 254 пудов (1913).¹¹

Чтобы понять причины плохой работы железнодорожного транспорта в годы войны, недостаточно отметить только слабость пропускной способности и развития сети в предвоенные годы. Надо более внимательно рассмотреть состояние паровозного и вагонного парка железных дорог. Авторы многочисленных работ о железнодорожном транспорте — Михайлов, Шмуккер, Неопиханов, Гриневецкий и др. единодушны в оценке причин слабой провозоспособности русских железных дорог. По их мнению, дело заключалось не только в слабости самой сети, но и в остром недостатке подвижного состава — паровозов и вагонов. По официальным данным и расчетам Михайлова, для полного использования пропускной способности только главных магистралей в 1913 г. не хватало 2 тыс. товарных паровозов и 80 тыс. товарных вагонов.¹²

Если обратиться к состоянию паровозного парка, то ни численно, ни качественно он не стоял на высоте. По признанию министра путей сообщения, «паровозный парк нашей казенной железнодорожной сети отличался большим разнообразием типов, часто весьма устарелых».¹³ Количество паровозов на казенных железных дорогах за шесть предвоенных лет совершенно не выросло. В 1908 г. их было 15 146, а в 1913 г. — 15 204. Количество паровозов на частных дорогах также оставалось почти стабильным: 4 302 в 1908 г. и 4 631 в 1913 г. Всего, таким образом, паровозный парк империи увеличился в течение шести лет только на 387 паровозов, или на 260‰. В отдельные годы на железных дорогах кончали свою службу гораздо больше паровозов, чем заказывалось новых, с 1909 по 1911 г. было исключено 1 011 паровозов, а заказано новых — 918.

Из наличного состава паровозов примерно четверть всего паровозного парка фактически давно уже вышла из строя, имея возраст от 40 до 45 лет, в то время как срок службы паровоза в России был установлен в 25 лет, а за границей — и того меньше.¹⁴

№ 14 Доклад В. В. Уржумцева Чрезвычайному всероссийскому съезду представителей биржевой торговли и сельского хозяйства) По данным упомянутого нами Войновского-Кригера, на наших железных дорогах подвижного состава, особенно товарных вагонов, было в 2—3 раза меньше, чем на дорогах Европы.

¹¹ «Новый Экономист», № 11, 1916 (ст. Соколов).

¹² И. Д. Михайлов. Транспорт. Его современное состояние, М., 1919, стр. 5.

¹³ «Всеподданнейший» отчет министра путей сообщения за 1911 г., стр. 60.

¹⁴ И. Д. Михайлов. Указ. соч., стр. 6. В работе Н. Васильева приведены подробные данные о сроках службы паровозов: 75% всех паровозов работало до 20 лет и около 20% всех паровозов — больше 30 лет. Около 1600 паровозов работало от 40 до 50 лет (Н. Васильев. Транспорт России в войне 1914—1918 гг. Воениздат 1939, стр. 15).

Политика «экономии» на казенных дорогах и погоня владельцев частных дорог за повышенными дивидендами вели к тому, что производительная способность паровозных и вагонных заводов использовалась в минимальном количестве. По данным годовых отчетов министерства путей сообщения, железные дороги получали с заводов

Г о д ы	1909	1910	1911	1912	1913
Паровозов	514	495	416	363	535
Пассажирских вагонов	2 684	1 090	1 652	1 515	1 488
Крытых товарных вагонов и цистерн	2 074	6 532	5 622	10 130	19 042
Рельсов (в млн пудов)	19,3	19,7	24,7	34,3	31,1 ¹⁵
Прочих изделий (в млн пудов)	13,6	19,3	19,6	18,0	19,0

Бросается в глаза мизерная цифра поступления паровозов и вагонов, а между тем производство их не представляло никаких технических трудностей. Русская промышленность располагала достаточно мощной базой для производства паровозов и вагонов, которая могла щедро обеспечить снабжение транспорта. Заводчики настойчиво добились от казны увеличения заказов, но это не согласовалось с планами правительства, требовавшего от министерства путей сообщения поднять доходность железных дорог, которая достигалась бы не только увеличением перевозок товаров и грузов, но главным образом путем экономии на приобретении подвижного состава. Результат этой политики был уже подытожен Гриневецким: «При производительной способности наших восьми паровозостроительных заводов до 1 500 штук в год,— пишет он,— она была использована максимально на 85% в 1906 г., удовлетворительно за весь период 1900—1906 гг., а потом слабо, понижаясь в 1911 и 1912 гг. до 25—20%. Такая же неравномерность видна относительно выпуска *пассажирских и товарных вагонов*. Производительная способность наших 17—20 вагоностроительных заводов оценивалась ими самими перед войной — около 45 тыс. товарных единиц, но в лучшие годы использовалась на 65—75%, а в 1909—1911 гг. использование упало до 20—30%». Наблюдая общую картину русского паровозо- и вагоностроения, надо сказать, что вне эпохи широкой железнодорожной политики при графе Витте, в период 1895—1903 гг., Россия усиленно снабжала свою сеть подвижным составом лишь в связи с войнами»¹⁶.

Данные других авторов целиком подтверждают эти выводы, свидетельствуя также о неполном использовании производительной способности паровозостроительных заводов. За 1900—1906 гг. восемь заводов ежегодно выпускали от 1 005 до 1 266 паровозов. Начиная же с 1907 г., выпуск новых паровозов катастрофически падает, составив в 1907 г. 746 единиц, в 1908 г. — 653, в 1909 г. — 499, в 1910 г. — 580, в 1911 г. — 367, а в 1912 г. — всего 308. Всего за шесть лет железные

¹⁵ Производство рельсов в России достигало в 1913 г. 399 млн пудов, но русские рельсы вывозились за границу: в 1907 г. было вывезено 59 млн пудов, в 1909 г. — 88 млн пудов. В последние годы, в связи с ростом внутреннего потребления, вывоз рельсов сократился.

¹⁶ В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности, М., 1919, стр. 110.

дороги получили с русских заводов 3 153 новых паровоза стоимостью в 136,2 млн руб.¹⁷

В то время, когда железные дороги задыхались от недостатка паровозов, паровозостроительные заводы оставались без заказов, без работы. Русские заводы сделали попытку выступить поставщиками паровозов на иностранных рынках (Румыния, Балканы), и хотя они предложили самые низкие цены, Германия не допустила поставок русских паровозов в эти страны.

К 1912 г. производительность всех паровозостроительных заводов России упала до 25% от производительности 1906 г., а производительность Путиловского, Луганского, Сормовского и Невского заводов уменьшилась еще больше. Только один Брянский завод, находившийся в лучших условиях, сократил производство в два с небольшим раза.¹⁸ Чтобы поддержать производство заводов, их владельцы перешли на изготовление паровых котлов, сельскохозяйственных машин и т. д.

Положение вагоностроительных заводов, снабжавших железные дороги подвижным составом, после русско-японской войны стало значительно тяжелее, чем в начале XX в.¹⁹ За 1907—1912 гг. железнодорожный транспорт получил следующее количество вагонов

	Заказано	Выполнено
Пассажирских . . .	8 988 шт	8 918 шт
Товарных . . .	57 707 шт	52 934 шт

Перед мировой войной значительно увеличился лишь парк пассажирских вагонов — с 217 тыс штук, до 303 тыс штук, или на 40%. В отношении грузовых вагонов внимание было направлено на увеличение их грузоподъемности с 750 до 900 пудов. Но это мероприятие не могло сгладить остроту недостатка товарных вагонов, число которых очень мало увеличилось. За пятилетие 1909—1913 гг. вагонный парк увеличивался в среднем на 14% ежегодно, и притом такой мизерный прирост происходил главным образом, за счет частных дорог, где годовой прирост равнялся 5%; на казенных же дорогах он достигал лишь 0,8%.²⁰ С 1908 по 1913 г. количество товарных вагонов на всей сети дорог увеличилось с 432 тыс до 485,6 тыс штук или на 12%.²¹ За все предвоенные годы значительно улучшилось пассажирское движение, а скорость товарного движения даже уменьшилась.

Между тем промышленность России располагала 16 мощными вагоностроительными заводами. Комиссия Щукина, обследовавшая в 1912 г. эти заводы, установила их ежегодную производительность в 30 тыс вагонов, а в дальнейшем, при условии подготовки квалифицированных кадров, она могла быть доведена до 63 тыс вагонов в год. Следовательно, в предвоенные годы железные дороги использовали менее одной трети нормальной производительности вагонных заводов.²² Этот факт, как и недостаток паровозов, объясняется близорукой по-

¹⁷ Д. П. Ильинский и В. П. Иванецкий. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности, М., 1929, стр. 97.

¹⁸ Там же, стр. 99.

¹⁹ Там же, стр. 100. За 1904—1906 гг. было израсходовано на приобретение подвижного состава 209,1 млн руб., а за 1907—1912 гг. вагоностроительные заводы поставили пассажирских и товарных вагонов на 145,6 млн руб.

²⁰ «Народное хозяйство в 1913 г.», стр. 518.

²¹ Сведения получены на основе «всепогоднейших» счетов министра путей сообщения за 1909—1913 гг.

²² Д. П. Ильинский и В. П. Иванецкий. Указ соч., стр. 100—104.

литикой правительства, поставившего во главу угла всей своей экономической политики обеспечение любой ценой бюджетного равновесия.

Русские железные дороги и в XIX в, при Витте, не отличались особым совершенством, но политика Рухлова в предвоенные годы углубила исторически складывавшиеся недостатки железных дорог, усилила разрыв между потребностями народного хозяйства и способностью железных дорог их удовлетворить.

Этот разрыв происходил, по мнению многих специалистов, из ошибочного направления в финансовой политике железнодорожного хозяйства, «когда ему ставилась главнейшая фискальная задача — максимальная доходность, а не органическая — содействие развитию производительных сил. Недостаточную экономичность хозяйства казенных железных дорог, охватывавших более двух третей всей сети министерство путей сообщения стремилось уравновесить скаредностью в затратах на поддержание, возобновление и усовершенствование оборудования сети. В частности, наиболее страдал подвижной состав»²³.

Буржуазные экономисты, правильно констатируя факт, не понимали лишь одного: что эта политика Рухлова была не случайной, личной ошибкой министра, а печальной необходимостью, обусловленной общей экономической отсталостью страны и отсутствием средств у правительства для поддержания железнодорожного хозяйства. «Скаредность» в железнодорожном хозяйстве являлась лишь обратной стороной столыпинско-коковцовского «бездефицитного» бюджета. Поставив себе определенную задачу добиться бездефицитного бюджета, правительство Столыпина — Коковцова осуществляло ее за счет развития народного хозяйства, в частности за счет сковывания транспорта, а Государственная дума охотно помогала им в этом.

Министерство путей сообщения только за четыре года (1909—1912) не израсходовало из ассигнованных по сметам средств свыше 105 млн руб. Из «всеподданнейших» отчетов министра путей сообщения за 1909 и 1913 гг. видно, что годовая чистая прибыль только казенной сети поднялась за это время с 146,7 млн руб. до 307,4 млн руб. в год, увеличившись за пятилетие более чем на 100%. Чистый доход от казенных железных дорог за шесть предвоенных лет достигал огромной суммы 1311,8 млн руб. Кроме того, следует учесть крупные платежи процентов по железнодорожным займам и погашение их. За пять предвоенных лет на эти цели из доходов казенных железных дорог было выплачено свыше 15 млн руб. Таким образом, казенные дороги являлись в предвоенные годы важнейшим источником пополнения государственного бюджета²⁴.

Такое же положение наблюдалось и на частных железных дорогах, большинство которых выдавало акционерам огромные дивиденды. Так, в 1912 г. они выплатили 16,3%, а в 1913 г. — 17,5% на акционерный капитал. Чистая прибыль частных железных дорог увеличилась с 97 млн руб. в 1909 г. до 145,5 млн руб. в 1913 г. За все предвоенное пятилетие все железные дороги империи дали 1827,6 млн руб. чистой прибыли²⁵.

Нельзя сказать, чтобы министерство путей сообщения не делало

²³ И. В. Гриневецкий. Указ. соч., стр. 110.

²⁴ «Журнал министерства путей сообщения», 1916, кн. 8, стр. 110—113, где Петровым приведены все расчеты о финансовом положении и доходности железных дорог. По исчислению «Нового экономиста», доходность одной версты русских железных дорог повысилась с 4316 руб. в 1909 г. до 7669 руб. в 1913 г., или на 78% («Новый экономист», 1916, № 11).

²⁵ Данные о доходности взяты из «всеподданнейших» докладов министра путей сообщения и из итоговых цифр доходности «Народного хозяйства в 1913 г.», стр. 521.

робких попыток добиться увеличения ассигнований на эксплуатационные расходы дорог. В 1907 г. оно составило план усиления пропускной и провозной способности дорог на пятилетие 1908—1912 гг., для выполнения которого требовалось отпустить 916,1 млн руб. Большая часть этих средств предназначалась на усиление подвижного состава (302,75 млн руб.), затем идут переоборудование станций (119,2 млн руб.), организация ремонтных заводов и мастерских (104,5 млн руб.), закупка новых рельсов (120 млн руб.) и усиление оборотных средств (22 млн руб.). Осуществление намеченных мероприятий серьезно улучшило бы техническое состояние железных дорог и усилило бы их пропускную способность. Но царское правительство оказалось не в состоянии реализовать эту программу. Все ведомства: военное, морское, министерство земледелия — требовали новых больших ассигнований. А в это время самодержавие само изыскивало средства в Европе для покрытия финансовых последствий русско-японской войны, и транспорту, естественно, отказали в таких больших расходах.

В 1910 г. министерством путей сообщения был представлен новый план, предусматривавший расход 1 085 млн руб. на ближайшее пятилетие. «Между тем, взамен этого в течение десяти лет, с 1905 по 1915 г., в среднем ассигновывалось ежегодно около 75 млн руб. вместо намеченных планом 1907 г. 183 млн руб. в год, т. е. усиление дорог ежегодно отставало, по крайней мере, на 100 млн руб., и это при необычайном росте экономической жизни страны, который характеризовал последнее довоенное время».²⁶

Факты, отмеченные Неопихановым, приводились министром путей сообщения Треповым в специальной докладной записке, поданной им в феврале 1916 г. в Совет министров,²⁷ а затем в его речи в Государственной думе. Анализируя причины трудностей, возникших на железных дорогах, Трепов указывал, что беда произошла потому, что постройка железных дорог в России и до войны шла «очень медленным темпом», что развитие железных дорог «никогда не производилось в расчете на потребности войны» и постоянно отставало от нужд мирного времени. Министерство путей сообщения, — писал Трепов, — постоянно ужималось в финансовых ассигнованиях и не получало необходимых средств. Он ссылается на то, что перед войной министерству отказали в ассигновании на ближайшее пятилетие сперва 916, а потом 1 085 млн руб. Поэтому, — делал свой вывод Трепов, — «наша железнодорожная сеть не только не имела до войны никакого запаса в своей пропускной и провозной способности, но ее перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребностям обычных перевозок мирного времени».²⁸

Какие бы личные цели ни преследовал Трепов в критике деятельности своего предшественника Рухлова, он в общем правильно констатировал факт большого значения намеченную министерством программу значительного развития железных дорог. Правительство оказалось осуществить из-за финансовых трудностей. Казна не могла допустить «расскоши» развития железных дорог исходя из потребностей экономического развития страны или из военных соображений. Реальное финансовое положение правительства не позволяло ему

²⁶ Неопиханов. Проблемы планирования и регулирования железнодорожных перевозок, стр. 112—114. Тем недопустимее являлась практика неиспользования министерством отпущенных по бюджету средств.

²⁷ ЦВИА, ф. 368, д. 67. Доклад Трепова в Совете министров от 15 февраля 1916 г., стр. 8 и сл.

²⁸ Там же.

осуществить вполне назревшие и технически целесообразные мероприятия²⁹

Буржуазия напряженно следила за железнодорожной политикой правительства и предупреждала, что политика неразумной экономии неминуемо приведет к кризису. Предложения буржуазии были направлены к тому, чтобы усилить частное строительство и увеличить оборудование существующих путей, «дабы в годы наиболее благоприятные по количеству перевозок грузов не получился быстрый недостаток подвижного состава»³⁰

Опасения буржуазии оправдались. В 1909 г., когда грузооборот еще не достиг своего максимума, на железных дорогах уже появились огромные залежи грузов, достигшие 81 тыс вагонов. С тех пор и вплоть до войны «залежи» не переводились. В первой половине 1914 г. их количество снизилось до 39 тыс вагонов³¹

В связи с этим явлением Совет съездов представителей промышленности и торговли подал специальную докладную записку правительству, в которой предлагал для устранения в будущем затруднений проложить вторые пути и развернуть строительство новых линий. Усиление провозоспособности Юго-восточных дорог, указывалось в записке, дало бы «свободный выход каменному углю в Московский и Приволжский промышленные районы, а хлебу — к потребительским пунктам». В записке критиковалась деятельность министерства путей сообщения, которое «стоит не на высоте положения», так как средства железнодорожного передвижения отстают от общего хозяйственного роста страны. Совет съездов промышленности и торговли обращал внимание правительства «на громадные, могущие возникнуть затруднения в передвижении грузов, если немедленно не будут решены вопросы об усилении существующих дорог в Юго-восточной части Европейской России и о сооружении в этом районе целого ряда новых линий для облегчения перевозок грузов»³². Тревожные сигналы буржуазии не повели к переменам. До империалистической войны правительство продолжало старую политику без изменений.

Слабость связей железнодорожной сети с портами отмечает и генерал Ронжин: «Что касается нашей общеперской железнодорожной сети, — пишет он, — то с точки зрения подготовки к войне надо признать не вполне удовлетворительной нашу рельсовую связь с внешними морскими портами и с Кавказским театром военных действий. Нельзя было не предвидеть, что в случае европейской войны мы на Западе и на Юге будем лишены связи с нашими союзниками и подвоза извне. Выходы из Балтийского и Черного морей преграждались очень

²⁹ Накануне Февральской революции 1917 г. рухловская политика подверглась критике в докладе Совету министров «О путях сообщения и условиях перевозок в третий год войны» — со стороны преемника Трепова по управлению министерством, знающего чиновника Войновского-Кригер, временно управляющего министерством путей сообщения. В начале своего доклада он уделил особое внимание тяговому хозяйству, отмечая отсталость паровозного парка железных дорог. Он указывал, что тяга паровозного парка до войны не превышала «так называемого нормального паровоза, построенного еще в 1896 г.» (ЦВИА, ф. 368, д. 67). Доклад Войновского содержит интересные данные о том, какие меры были осуществлены правительством во время войны для усиления пропускной способности железных дорог.

³⁰ «Железные дороги России» — доклад 5-му Съезду представителей промышленности и торговли, стр. 59.

³¹ На одной только Юго-восточной дороге в октябре 1913 г. было 13 тыс вагонов скопившихся грузов. К марту 1914 г. их удалось уменьшить до 9 290 вагонов (Записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О затруднениях в перевозке грузов на сети Юго-восточных железных дорог» ЦГИАЛ, ф. Центр военно-промышл. комитета, папка № 2).

³² Там же.

легко Оставалось сообщение через Архангельск и Владивосток»³³ Однако правительство ничего не сделало, чтобы обеспечить железнодорожные выходы к Архангельску и Владивостоку (Амурская железная дорога) Все эти сложные вопросы пришлось разрешать во время войны

Мы остановились лишь на коренных недостатках железных дорог Деятельность министерства путей сообщения в очень небольшой мере была направлена к их устранению и к планомерной подготовке дорог для решения задач, которые выдвинет война

Военное ведомство при генералах Куропаткине и Сухомлинове прекрасно отдавало себе отчет в слабости русской железнодорожной сети, в превосходстве в этой области будущего противника на Западе, но сделало для подготовки дорог к войне очень немного

Генеральный штаб не интересовало обслуживание железными дорогами всего хозяйства страны Он прежде всего интересовался более узкой задачей — быстрым проведением мобилизации и выполнением обязательств, вытекающих из франко-русской военной конвенции о сосредоточении военных сил России против Германии и переходе в наступление через 15—18 дней после объявления мобилизации С этой точки зрения военные специалисты и подходили к подготовке дорог к войне

Однако и в этих узких рамках многое не было сделано К. Ушаков, исследовавший в специальном труде подготовку русской железнодорожной сети к мировой войне, обоснованно делает вывод о «недостаточной подготовленности ее и в военном отношении Построение русской сети для обороны границ было неудовлетворительное»³⁴ Прежде всего, бросалась в глаза крайняя неравномерность сети даже в пределах Европейской России; густота ее понижалась к востоку от меридиана Москва — Севастополь Европейская сеть связывалась с Сибирью только двумя магистралями Общее заключение Ушакова, с которым нельзя не согласиться, гласит «Россия имела железнодорожную сеть, не удовлетворяющую ни военным, ни экономическим требованиям, не вполне удовлетворительную по начертанию, а главное, крайне пеструю по пропускной способности отдельных линий и к тому же бедно снабженную подвижным составом, вследствие чего даже небольшая фактическая пропускная способность не могла быть использованной. В несравненно большей степени все сказанное надо отнести к частной железнодорожной сети, отличавшейся наибольшей технической отсталостью, и потому еще менее (чем казенная сеть — А С) удовлетворявшей потребности страны в военном отношении».³⁵

Генеральный штаб видел, что Россия отстает от западных государств по густоте сети По всей линии нашей границы на Запад выходило 13 линий дорог с 18 колеями, а Германия, Австрия и Румыния имели 32 железнодорожных линии с 36 колеями, по количеству подвижного состава и паровозов русские дороги значительно отставали от дорог европейских стран

Мобилизация русских железных дорог была возможна лишь в течение 5—9 дней Для этого требовалось передать западным дорогам 1 192 паровоза, 1 546 классных вагонов и свыше 54 тыс товарных вагонов Все эти данные были учтены ген. Алексеевым в его докладной

³³ Ронжин Указ соч, стр 6

³⁴ К. Ушаков Указ соч, стр 15

³⁵ Там же

записке об инженерной подготовке будущего театра военных действий³⁶ Русские дороги могли подвезти к западным границам 211 поездов в сутки, а дороги противника — 530 пар поездов

Учитывая указанные выше преимущества врага, военное министерство и союзники России — французы всячески стремились усилить наши западные дороги с целью ускорить сбор войск по мобилизации В эту сторону и были направлены главные устремления военного ведомства Кроме того, Генеральный штаб наметил соответствующее изменение в развертывании русских войск Интересны выводы из вышеупомянутой записки ген Алексева, в которых стратегические задачи русской армии неразрывно связаны с оценкой состояния русских дорог «Сравнительная малочисленность числа колеи,— писал Алексеев,— подходящих к западной границе, и присущие нашей железнодорожной сети недостатки указывают на трудность успешного сосредоточения наших сил к исходным районам и почти исключают, в особенности при современных политических союзах, возможность рассчитывать на сборы наших войск к границе с переходом затем в наступление При современной войне мы опаздываем в деле сосредоточения дней на двадцать сравнительно с нашими врагами Состояние наших железных дорог при существующей у нас дислокации внушает серьезные опасения, что войска в пограничной полосе могут быть вслед за объявлением мобилизации атакованы превосходными силами противника без возможности быть действительно поддержанными войсками внутренних округов Наши противники будут в состоянии наносить нам удары всеми своими силами в течение трех примерно недель, когда наши армии будут находиться еще в периоде неоконченного сосредоточения»³⁷

Из этой оценки фактов Алексеев делал двоякий вывод с одной стороны, об оттягивании сосредоточения русских войск за Вислу на восток, а с другой — он намечал ряд мер по линии усиления строительства железных дорог Главное значение он придавал окончанию Амурской железной дороги, усилению западного театра войны путем строительства новых линий и увеличения прокладки вторых и третьих путей на старых линиях Большое значение он уделял и железнодорожной связи России с окраинами — с Кавказом и Средней Азией Поэтому совершенно неправ Васильев в своем утверждении, что «требования генерального штаба на постройку стратегических линий начиная с 1908 г почти прекратились».³⁸

В записке Алексева и еще более ярко в совещаниях генеральных штабов России и Франции были намечены стратегические линии, строительство которых было признано первоочередным³⁹

На факт военно-технической и железнодорожной отсталости России указывает в своих «Воспоминаниях» бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов Отметив постоянную боевую готовность Германии, он писал «Даже Австро-Венгрия, близкая уже много лет к государственному банкротству, стояла выше России с точки зрения

³⁶ ЦВИА, ф 2000, оп II, д 1381, лл 80—125 Записка ген Алексева «Об инженерной подготовке будущего театра военных действий», 1908 г. Содержание записки вошло в основном в доклад Сухомлинова от декабря 1909 г «О мероприятиях по обороне государства» В этом докладе, представленном года на полтора позже записки Алексева, приводятся несколько иные цифры, уточняющие обстановку.

³⁷ Там же Недостаточно точно учтенные резервы позволили целому ряду дорог легко и намного превысить мобилизационное расписание

³⁸ Н Васильев Указ соч, стр 30

³⁹ «Франко-русские отношения», 1910—1911 гг, стр 697—718 Протоколы совещания начальников генеральных штабов русской и французской армий

своего вооружения и довела до большого развития сеть своих стратегических железных дорог. С этой последней точки зрения наша отсталость была особенно поразительна. Для исправления недостатков наших железнодорожных сообщений были необходимы огромные суммы, которые мы могли получить только из-за границы и в которых наши союзники нам не отказывали, но, прежде всего, для этого нам был необходим прочный и продолжительный мир»⁴⁰

Усиление военно-стратегической готовности царской России к войне путем строительства железных дорог достигалось царской Россией только ценой усиления финансовой кабалы и зависимости России от французского империализма.

В числе утвержденных в 1910 г. военных мероприятий, направленных на усиление русской армии, предусматривалось значительное строительство стратегических железных дорог, на которое только по линии военного министерства ассигновывалось свыше 100 млн руб. Француз со времени образования франко-русского союза близко интересовался строительством стратегических дорог. Еще в 1901 г. Делькассе сделал заявление о готовности помогать русскому правительству получить необходимые средства для таких улучшений в русских железных дорогах, «которые будут признаны русским Генеральным штабом необходимыми» для осуществления русской армией наступления против Германии на 18-й день мобилизации.

Генерал Ю. Данилов, игравший накануне мировой войны важную роль в русском генштабе, подтверждает, что все начальники французского генштаба, встречавшиеся с русскими представителями, предъявляли к России «неизменное требование, которое сводилось к принятию нами наступательного образа действий против Германии, притом осуществляемого возможно большими силами и — главное — в кратчайший срок»⁴¹. Поэтому во всех протоколах совещания представителей генштабов видное место занимает вопрос о строительстве стратегических железных дорог в России.

В выборе направления для строительства железных дорог французы были весьма настойчивы. Ген. Ронжин также отмечает большую заинтересованность французов и их настойчивость в вопросе усиления железных дорог на западе России: «Указанная тенденция железнодорожного строительства в направлении западной границы усиливалась еще и настойчивыми пожеланиями нашего главного союзника, для которого ускорение нашего сосредоточения могло иметь, и весьма вероятно фактически имело, решающее значение»⁴². «Пожелания» французов находили отражение как в мобилизационных планах военного министерства, так и в плане железнодорожного строительства. Эта зависимость царского правительства от своего союзника показана не только в трудах и мемуарах военных специалистов, но и в воспоминаниях б. председателя Совета министров графа Коковцова, который рассказывает, как во время совещания начальников генштабов в июле 1912 г. французский генерал Жоффр явился к нему на квартиру с разработанной схемой строительства новых железных дорог в России.⁴³

Явившись к Коковцову с большой свитой, Жоффр обратился к

⁴⁰ С. Д. Сазонов. Воспоминания. Париж, 1927, стр. 36.

⁴¹ Ю. Н. Данилов. Наше стратегическое развертывание в 1914 году и идеи, положенные в основу его — «Военный сборник», № 4, Белград, 1923, стр. 70.

⁴² Ронжин. Указ. соч., стр. 4.

⁴³ Граф В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. II, Париж, 1933, стр. 178—183.

нему со словами «Я приехал к вам, господин председатель, с просьбой оказать нам вашу помощь в деле развития русской железнодорожной сети (французский генерал обращается к главе русского правительства с просьбой оказать французам помощь в вопросе строительства железных дорог в России — вот характер отношения царского правительства со своими союзниками и хозяевами!— А С), так как от этого зависит теперь вся подготовка наших общих военных сил» Коковцов ответил Жоффру, что «все дело нашего железнодорожного строительства зависит исключительно от возможности скорой реализации капиталов для этой цели»⁴⁴ Капиталы эти русское правительство, разумеется, искало у французских капиталистов

Во время этой беседы выяснилась прекрасная осведомленность французов во всех деталях железнодорожного строительства в России Жоффр отказался от предложения Коковцова снабдить его письменной справкой и картой, «на которой все дороги будут отмечены и которая может быть вообще полезна французскому генеральному штабу», так как все эти сведения имелись во французском штабе⁴⁵ Таковы были отношения между союзниками в специальном вопросе железнодорожной политики Русская сеть готовилась на случай войны под диктовку французского генштаба и должна была отвечать его интересам

В 1910 г было введено новое мобилизационное расписание в России, которое с небольшими изменениями и было проведено в жизнь во время войны 1914 г⁴⁶ По этому плану мобилизационные перевозки в начале войны достигали 4591 эшелона, из них около 60% направлялись западнее линии Москва — Харьков — Петербург План мобилизации был так составлен, что оставлял неиспользованной значительную часть провозоспособности железных дорог Происходило это, главным образом, из-за недостатка подвижного состава. Недостаток паровозов, по окончательным подсчетам, достигал 2 тыс штук Поэтому выполнение плана мобилизационной готовности дорог требовало строительства новых стратегических дорог и усиления подвижного состава — вагонов и паровозов на всех дорогах империи Мобилизационная подготовка дорог вскрыла крупное несоответствие пропускной способности железных дорог к западу и востоку от меридиана Москвы Из-за этого с конца второй недели мобилизации приграничные дороги не могли работать на полную мощность ввиду недостаточного подвоза с востока и центра России Для ликвидации этого недостатка требовалось значительное увеличение числа паровозов и строительство новых железных дорог протяжением свыше 6 тыс км⁴⁷

За год до начала мировой войны ген Сухомлинов в письме от 24 апреля 1913 г к министру финансов и председателю Совета министров Коковцову указал на основные недостатки русских железных дорог⁴⁸ Эти недостатки были очень существенны и тормозили быстрое проведение мобилизации русской армии Переброска русских войск в намеченные места сосредоточения могла быть осуществлена только к 28-му дню мобилизации «Причина столь медленного хода перевозок по сосредоточению, — писал Сухомлинов, — кроется главным образом в недостаточной пропускной и провозной способности нашей железно-

⁴⁴ Там же, стр. 178

⁴⁵ Там же, стр. 179 «Мои офицеры постоянно следят за всеми переменами в русской рельсовой сети», — ответил Жоффр Коковцову

⁴⁶ Н. Васильев Указ соч, стр. 39.

⁴⁷ Там же, стр. 35—37

⁴⁸ К. Ушаков Указ соч, стр. 55—56

дорожной сети» Вследствие этого «62 %, эшелонов частей войск, отобюксованных и вполне готовых к перевозке, приходится задерживать в пунктах их квартирования на несколько дней, пока линии, по которым они должны следовать, не освободятся от перевозки ранее принятых частей, 2) магистральные линии в западной пограничной полосе не могут с конца недели мобилизации работать полным графиком, так как к ним нельзя подвести своевременно и в нужном числе эшелоны дорог центральной и восточной части Европейской России. Требуется усилить 6 244 км железнодорожных линий западной полосы, из коих на протяжении 4 200 км уложить вторую колею и добавить 4 225 паровозов. Кроме того, желаемого усиления можно достигнуть лишь с постройкой двух новых линий, одной на Северо-западном фронте, а другой на Юго-западном фронте»

К концу 1913 и началу 1914 г. военное ведомство разработало конкретный план мероприятий, направленных к развитию и усилению железнодорожной сети в стратегических целях.⁴⁹ Этим планом предусматривалось увеличение паровозного парка на 2 тыс. паровозов, при одновременном увеличении числа паровозов в течение пяти лет на 3 тыс. штук для коммерческого движения. Военное ведомство требовало оборудования подвижного состава автоматическими тормозами. Предусматривалась постройка 4 790 верст новых железных дорог, укладка второй колеи протяжением 2 879 верст, усиление пропускной способности ряда важнейших участков железных дорог до возможного предела⁵⁰ на протяжении 5 549 верст, перешивка ряда узкоколейных дорог на широкую колею и мероприятия по усилению пропускной способности дорог Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока.

Приведенный нами перечень мероприятий, осуществление которого было необходимо в целях повышения боевой готовности русской армии, далеко выходит за рамки интересов чисто военного ведомства. Осуществление только этих мероприятий требовало общегосударственного вмешательства, огромных денежных средств и строжайшего контроля. Чтобы осуществить намеченные мероприятия, правительство обратилось за деньгами к французам. Французское правительство согласилось гарантировать России в ближайшие пять лет ежегодное получение на парижском денежном рынке от 400 до 500 млн. франков на нужды, связанные с программой железнодорожного строительства. Таким образом, в течение пяти лет на строительство стратегических железных дорог должно было быть вложено 750—900 млн. руб. только французских капиталов. Однако этот заем французское правительство согласилось обеспечить при непреложном выполнении царским правительством двух следующих условий.

«1) Постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом на западной границе, будет немедленно предпринята,

2) наличный состав русских армий в мирное время будет значительно увеличен»⁵¹

⁴⁹ Там же, стр. 187—193, приложения 7 и 8.

⁵⁰ На ряде участков — до 16 пар поездов, на других — до 35 пар воинских поездов.

⁵¹ «Франко-русские отношения в 1910—1914 гг.», стр. 586—587. Нота посольства Французской республики министру иностранных дел С. Д. Сазонову от 11/24 августа 1913 г. В протоколах совещаний начальников генштабов России и Франции в 1912 и 1913 гг. (см. там же, стр. 704—718) вопрос о железнодорожных линиях, на постройке которых настаивал французский генштаб, получил полное отражение. В целях быстрой концентрации войск французы потребовали провести новые пути, соединяющие восточную Россию с районами Варшавы, а также значительно увели-

Принятие этих условий — а царское правительство согласилось на них — означало дальнейшее подчинение царизма интересам более сильного французского империализма. Русская армия и русская стратегия лишались свободы действий и должны были стать послушным орудием французской политики. Такой ценой расплачивалось царское правительство за попытку разрешить важную, но все-таки частную проблему — усилить мобилизационную готовность железных дорог.

Подведем некоторые итоги

Общее экономическое развитие России и финансовая политика царского правительства определяли отсталость русской железнодорожной сети, которая не справлялась с обслуживанием экономических нужд народного хозяйства страны. Одновременно железные дороги не вполне были подготовлены и к решению военных задач, вытекавших из военного соглашения России с Францией.

Ответственность за это несут царское правительство, превратившее железные дороги в источник получения доходов, и частные железнодорожные магнаты, заинтересованные только в личном обогащении. Вопрос о широкой программе железнодорожного строительства царским правительством не был поставлен, да он и не мог быть им реализован вследствие отсутствия капиталов.

Железнодорожный транспорт перед войной находился в кризисном состоянии. Он не справлялся с ростом перевозок. Слабость в работе транспорта проявлялась в систематических задержках грузов. Нужно было широкое новое строительство, укладка вторых путей, усиление узловых станций, значительное увеличение подвижного состава. В первую очередь, надо было усилить дороги Донецкого бассейна и те магистрали, по которым двигалось колоссальное количество грузов к центру России. В этом отношении ничего не было сделано. Перед войной уже начали сказываться результаты «расчетливой» политики Рухлова. «Полностью же плоды политики правительство пожало во время войны, которая застала русскую железнодорожную сеть без военного запаса провозной и пропускной способности, так как перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребности обычных перевозок мирного времени»⁵². Железные дороги испытывали острую нужду в паровозах и товарных вагонах. Между тем производительная мощность существующих предприятий не использовалась. Железные дороги вступили в войну с крайним недостатком подвижного состава.

Ни правительство, ни военное министерство ничего не сделали для подготовки железных дорог на случай войны. Программа военного министерства сводилась лишь к проведению мобилизации и, в этой связи, к усилению стратегических дорог на западной границе. Совершенно не было предусмотрено новое направление грузопотоков на случай европейской войны, хотя готовились именно к ней. Не были согласованы работа и оборудование портов с работой железных дорог. Не был изучен вопрос о формах экономической связи с союзниками и о методах перевозки поступающих от них грузов.

Не только министерство путей сообщения, но и все правительство в целом не понимало значения железных дорог как одного из основных элементов экономической и боевой готовности государства к большой европейской войне. Планирование железных дорог в целях войны не шло дальше самой начальной стадии войны — мобилизации. Такая

чить подвижной состав — вагоны и локомотивы на русских дорогах. Что касается второго требования французов, то речь идет о мероприятиях, предусмотренных 5-й частью военной программой.

⁵² Не о п и х а н о в, Указ. соч., стр. 114.

преступная близорукость политики царского правительства является следствием экономической, финансовой и военной отсталости страны, нежелания и неумения извлечь соответствующие выводы из уроков русско-японской войны

Таким образом, военные затруднения в работе железнодорожного транспорта в значительной мере были подготовлены всей предшествующей политикой правительства, не оценившего той роли, которую транспорт должен сыграть как в ходе военно-стратегических операций, так и в организации всей работы тыла

2 МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА И ЕГО ПЕРЕСТРОЙКА В СВЯЗИ С ВОЙНОЙ

По официальным данным, война произвела следующие коренные изменения в работе железных дорог. В ведение военных властей перешло 22 тыс верст железных дорог, что составляет 33% всей сети К 1 января 1915 г линия железных дорог фронта увеличилась до 246 тыс верст ⁵³ На дорогах фронта находилось 166 тыс вагонов (33% всего количества) вместо 119 тыс. вагонов до войны и 7 тыс паровозов (35%) вместо 5 700 до войны ⁵⁴ Таким образом, не только сократилась сеть дорог тыла, но и значительно уменьшилось количество вагонов и паровозов

Тыловые дороги должны были обслуживать не только нужды хозяйства, но и выполнять огромные перевозки для фронта Достаточно сказать, что перевозка интендантских грузов для армии в первый год войны занимала не менее 110 тыс. вагонов ⁵⁵ В первом полугодии 1915 г военные перевозки занимали на тыловых дорогах 145 тыс вагонов, что составляет свыше 40% всего товарного парка Для нужд коммерческих перевозок железнодорожная сеть располагала в 1915 г. вдвое меньшим вагонным парком, чем до войны, — 153 тыс. вагонов вместо 308 тыс ⁵⁶ Все это должно было породить ряд трудностей в работе дорог тыла

Первой проверкой железнодорожного транспорта во время войны явилась мобилизация, потребовавшая огромного напряжения в работе дорог и почти полного прекращения перевозок коммерческих грузов и частного пассажирского движения По отзыву военных специалистов и по официальным материалам, ⁵⁷ мобилизация в России прошла хорошо,

⁵³ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну, ч II, 1916, стр 7 Данные, приведенные в очерке, совпадают с данными, приведенными в «Отчете о деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке, за сентябрь 1915 г—сентябрь 1916 г.», стр 12, К 1 января 1915 г русская армия занимала 4 тыс верст австрийских дорог и 100 верст немецких С другой стороны, немцы заняли около 1500 верст железных дорог в Польше

⁵⁴ После проведения мобилизации на военные дороги дважды посылались подкрепление, всего в количестве 21 тыс вагонов и 725 паровозов

⁵⁵ Отчет о деятельности особого совещания по перевозке, стр 20

⁵⁶ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну, ч II, стр 20—21, Отчет о деятельности особого совещания по перевозкам, стр. 34

⁵⁷ В первом же «всеподданнейшем» докладе министра путей сообщения царю о работе железных дорог за первый месяц войны было отмечено, что «перевозка частных грузов была почти совершенно прекращена, пассажирское движение доведено до минимальных, предусмотренных воинским графиком, размеров» Зато перевозка военных поездов, доставка материалов и фуража «выполнялись дорогами своевременно, без значительных затруднений и отступлений от плана». Товарные перевозки стали постепенно восстанавливаться на дорогах восточного района. К середине августа 1914 г погрузка достигла 70% по сравнению с августом 1913 г, а на казенных дорогах — даже 75%. На дорогах фронта частные перевозки в конце августа

железные дороги работали четко, перевозка войск и грузов совершалась по графику. Восемь железных дорог значительно перевыполнили мобилизационное задание, на других дорогах перевозочная способность была далеко не использована.

Во время мобилизации большая часть паровозного и товарного парка была использована для перевозки войск. К 1 сентября 1914 г. для военных перевозок было занято 50% вагонов I и II классов и до 15% вагонов третьего и четвертого классов. Так как для сбора порожняка требовалось время, то большинство железных дорог достигло максимальной провозоспособности не в первые дни мобилизации, а спустя некоторое время — через 8—12 дней. На восьмой день мобилизации 21 железная дорога достигла максимальных перевозок, на 12-й день — 32 дороги.⁵⁸ Следовательно, для полной мобилизации железных дорог требовалось больше недели. По свидетельству генерала Ронжина, все мобилизационные перевозки по сосредоточению войск были выполнены «с полным успехом». Только в это время, собственно в процессе подготовки войны, железные дороги перевезли свыше 3 500 воинских эшелонов.⁵⁹

5 сентября 1914 г. министр путей сообщения докладывал царю, что благодаря самоотверженному отношению к делу железнодорожных рабочих и служащих перевозка эшелонов на фронт происходит «со всей необходимой быстротой и точностью». Некоторые трудности создались на Сибирской железной дороге, где пришлось увеличить движение с намеченных восьми пар воинских поездов до 13. Но и с этой чрезвычайно ответственной задачей дорога справилась. В сентябре на Сибирской дороге установилось регулярное движение 16 пар поездов. Коммерческая погрузка грузов на дорогах восточных районов составляла 75—80% сравнительно с 1913 г.

Несмотря, однако, на успокоительный характер министерских докладов царю, изображавших положение дел в розовом свете, нельзя было скрыть резкого сокращения перевозок коммерческих грузов, что не могло не отозваться на всей хозяйственной жизни страны. В августе 1914 г. 214,2 тыс. вагонов, почти половина вагонного парка (47,7%), были выделены для воинских перевозок, но с каждым месяцем это количество уменьшалось, пока в декабре не снизилось до 105 тыс. вагонов, или 23,1% всего количества товарных вагонов.⁶⁰ Соответственно увеличивались коммерческие перевозки. В августе 1914 г. на каждую тысячу вагонов приходилось лишь 557 вагонов на все коммерческие перевозки в тылу; в октябре это количество повысилось до 775, а в декабре опять снизилось до 673 вагонов.

Сравнивая работу дорог тыла за второе полугодие 1914 г. с первым полугодием, получаем данные, свидетельствующие о снижении погрузки вагонов до 69—70%. Такое снижение тем более разительно, что работа транспорта не совпадает по полугодиям, так как реализация уро-

составляли 35%, или около одной трети сравнительно с августом прошлого года. Главная заслуга в проведении мобилизации принадлежит железнодорожным рабочим и служащим. Но их усилия ничем не были отмечены. Зато работники военного министерства, генералы Лукомский и Добровольский были произведены в следующий чин (ЦГИАЛ, ф. 270, оп. 10, д. 2583, лл. 4, 9. «Всеподданнейший» доклад министра путей сообщения, копия. Далее мы довольно часто пользуемся этим источником, который до сих пор оставался совершенно не использованным в нашей научной литературе).

⁵⁸ Н. Васильев. Указ соч., стр. 68.

⁵⁹ Ронжин. Указ соч., стр. 17.

⁶⁰ Н. Васильев. Указ соч., стр. 67.

жая и образование запасов топлива на зиму вызывают сезонные перевозки

Несмотря на прекрасный урожай, страна по вине железных дорог переживала продовольственный кризис в первом же году войны. В отчете о деятельности Особого совещания по перевозке⁶¹ это положение объяснялось тем, что из основных продовольственных районов хлеб нельзя было доставить, так как железные дороги были заняты воинскими перевозками; Сибирь, север и юг были как бы отрезаны от потребляющих центров Европейской России. Другие данные также указывают на значительное свертывание коммерческого оборота в связи с объявлением войны и медленное восстановление его лишь к концу года, причем общий уровень его оставался на одну треть ниже довоенного. В общем, за второе полугодие 1914 г. железные дороги перевезли на 2 млрд пудов меньше сравнительно со вторым полугодием 1913 г.⁶²

Об общем снижении перевозок дают представление перевозки двух наиболее массовых грузов — хлеба и угля. Погрузка хлеба за второе полугодие 1914 г. по сравнению с теми же месяцами 1913 г. сократилась с 712 тыс вагонов до 353 тыс вагонов.⁶³ Вывоз топлива из Донбасса за время с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1915 г. снизился сравнительно с теми же месяцами предыдущего года на 27%.⁶⁴ За эти девять месяцев фактический недогруз угля против нарядов Харьковского комитета по перевозкам достиг 325 тыс вагонов, или более 35 тыс вагонов в месяц.

Следует к тому же иметь в виду, что такой большой недогруз относится к плану, значительно сокращенному против заявок.⁶⁵

Работа А. Арцимовича⁶⁶ особенно убедительно показывает глубокие изменения, происшедшие с перевозками в связи с войной. Сравнивая все перевозки коммерческих и воинских грузов второй половины 1914 г. со средними цифрами перевозок за то же полугодие 1911—1913 гг., он приходит к выводу о сокращении их на 11,5%. По отдельным категориям грузов это снижение еще более значительное: по керосину и нефтепродуктам — на 20%, по хозяйственным грузам — на 33,9%.⁶⁷ Автор указывает и причины общего сокращения грузовых перевозок: колоссальный рост людских перевозок, отвлекший массу товарных вагонов, и ухудшение использования транспорта в связи с войной.

Если из общего грузооборота исключить воинские перевозки, то отправка грузов за указанные месяцы снизилась в среднем по сравнению с предшествующим трехлетием на 16,1%. Больше всего уменьшились погрузки леса (на 44%), керосина и нефтяных продуктов (на 22,4%), рогатого скота (на 21%), а все «остальные грузы» дали сокращение на 9%.

Такое резкое сокращение перевозок имело огромное значение для промышленной и торговой жизни страны, послужив толчком к росту дороговизны и развитию спекуляции. Сокращение коммерческих перевозок являлось совершенно неизбежным следствием уменьшения количества вагонов, оставшихся в распоряжении службы движения. Около одной трети всех вагонов (32,1%) были выделены для воинских перево-

⁶¹ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке, стр. 33—36.

⁶² О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны, 1916, стр. 8.

⁶³ Н. Васильев. Указ. соч., стр. 69.

⁶⁴ Труды комиссии по изучению современной дороговизны, вып. II, стр. 248.

⁶⁵ Там же, стр. 250—251.

⁶⁶ А. Арцимович. Состояние железнодорожного транспорта во время войны — там же, вып. III, стр. 103—119.

⁶⁷ Там же, стр. 103—105.

зок, причем в августе 1914 г. под воинские перевозки была выделена почти половина вагонов⁶⁸

Война создала чрезвычайно неблагоприятные условия для работы транспорта. Она разорвала единую сеть железных дорог с одним регулирующим центром на две части: на дороги тыла и на дороги фронта, с различными управлениями.

Для регулирования движения и согласования интересов частных отправителей с интересами военного ведомства 29 июля 1914 г. был создан Особый распорядительный комитет, который работал под руководством начальника управления железных дорог, с участием представителей военного ведомства. Но этот орган не справился с регулированием движения. Железные дороги фронта в организационном отношении не представляли единого целого: они были разделены между отдельными фронтами, и их управление оказывалось подчиненным главным начальникам снабжений. Военные дороги оказались независимыми от министерства путей сообщений, которое, однако, должно было заботиться о снабжении дорог фронта подвижным составом и всем необходимым оборудованием⁶⁹.

Военные действия происходили в районе с наиболее густой железнодорожной сетью. Несмотря на это, ее состояние «совершенно не соответствовало ожидаемой работе по обслуживанию армий. Железные дороги были недостаточно развиты и оборудованы, их направление и устройство не отвечало новым грузовым потокам, вызванным войной»⁷⁰.

Если расчленить второе полугодие 1914 г. на отдельные периоды, то в летние и первые осенние месяцы железные дороги не плохо справлялись с важнейшими перевозками. Так, во второй половине октября было погружено 299 тыс. вагонов, или на 23 тыс. вагонов больше, чем в первую половину месяца. По данным доклада министра путей сообщения царю, вывоз угля из Донбасса в октябре 1914 г. также увеличился и превзошел вывоз в октябре 1913 г.⁷¹ Однако, начиная с ноября и особенно в декабре 1914 г., происходит резкое ухудшение работы дорог, и грузов перевозится меньше, чем в 1913 г. Тогда же происходит резкое сокращение перевозок основных грузов, играющих решающую роль в работе промышленности. За полтора месяца (ноябрь — первая половина декабря) было погружено только 76% от уровня 1913 г. Недогруз достиг почти четверти всех перевозок. Особенно резко сокра-

⁶⁸ Там же, стр. 118. На фронтовые дороги было дополнительно откомандировано (кроме бывших до мобилизации) 800 паровозов, 20 тыс. вагонов и 20 тыс. теплушек («Всепоподаннейший доклад министра путей сообщения» от 4 сентября 1914 г. — ЦГИАЛ, ф. 270, оп. 10, д. 2583, лл. 9—10).

⁶⁹ На основе «Положения о Полевом управлении войск» в ставке находился начальник военных сообщений при верховном главнокомандующем, с очень ограниченным штатом технических работников: два штаб-офицера генерального штаба и два инженера VI класса министерства путей сообщения, специалистов по движению и по тяге. В таком положении дело оставалось до весны 1915 г., когда произошла централизация управления военными железными дорогами. Была установлена должность главного начальника военных сообщений, которому подчинялись все работники министерства путей сообщения в пределах фронта. Права начальников военных сообщений фронтов были сокращены, а главные начальники сообщений фронтов потеряли право распоряжаться железнодорожным транспортом.

⁷⁰ Пути сообщения на театре войны, 1914—1918, ч. 1, М., 1919, стр. 10—11.

⁷¹ Такое сравнение, которым щеголял министр путей сообщения, не совсем правильно, так как в связи с войной спрос на донецкий уголь возрос в огромной степени. Поэтому уровень 1913 г., с которым все время происходит сравнение, является совершенно не достаточным. Чтобы удовлетворить потребителей, угля следовало вывозить намного больше.

тился вывоз угля со 180 млн пудов в соответствующий период 1913 г до 148 млн пудов в 1914 г ⁷²

Чтобы удовлетворить потребности страны в топливе, вывоз донецкого угля необходимо было увеличить примерно на 75% сравнительно с довоенным временем и довести его до 21 млрд пудов в год вместо запроектированной правительством максимальной нормы 15 млрд пудов. Но и намеченное количество регулярно не вывозилось по причине недостатка вагонов. Следует учесть, что в связи с удлинением расстояний, на которые перебрасывалось донецкое топливо, для его перевозки требовалось на 35—40 тыс вагонов более, чем до войны.

Еще более ухудшилось дело в январе—феврале 1915 г. Дороги оказались совершенно не в силах справиться с наступившими снежными заносами, которые задержали движение на несколько дней ⁷³.

Тяжелые климатические условия совпали с массовым отвлечением порожняка на дороги фронта. К этому времени значительно увеличилось интендантские грузы для армии, которые стали занимать вместо 800—900 вагонов до 2 тыс вагонов в день, причем фураж приходилось вывозить из Сибири. Вследствие этого погрузка во второй половине января 1915 г упала до 70% от прошлого года, а угля было вывезено вместо 62 млн пудов всего около 50 млн пудов ⁷⁴.

Железные дороги стали переживать кризис, который особенно обострился в феврале 1915 г. Министр путей сообщения признает условия работы железных дорог в этот период «особенно тяжелыми» ⁷⁵. Впервые прозвучала ссылка на испытываемый дорогами недостаток перевозочных средств и повторено указание на метели, затруднявшие движение. В феврале же на фронт было отвлечено на 7 тыс вагонов больше обычного. Погрузка коммерческих грузов во второй половине февраля 1915 г упала по сравнению с соответствующим периодом 1914 г. до 64% против 66% за первую половину февраля, а вывоз минерального топлива упал до рекордно низкой цифры — 42 млн пудов.

Последствия плохой работы дорог отразились на работе всей промышленности. Перед правительством остро встал вопрос о катастрофическом недостатке топлива. Во «всепопданнейшем» докладе в конце апреля, давая обзор работы железных дорог за первые 3½ месяца 1915 г, Рухлов пытался поставить объем перевозок в тылу в исключительную зависимость от величины отлива вагонов на театр военных действий. Разница между наибольшей и наименьшей задолженностью дорог фронта достигала действительно солидной цифры в 28 тыс вагонов (10 тыс и 38 тыс вагонов), а количество вагонов на дорогах тыла колебалось от 307 тыс в январе 1915 г. до 317 тыс вагонов в первой половине апреля (в феврале оно сократилось до 293 тыс вагонов) ⁷⁶.

Рухлов приводит данные о распределении вагонов между различными группами отправителей. Под военные перевозки было занято 30 тыс вагонов, под интендантские грузы — 76 тыс., под вывозку грузов из Владивостока — 24 тыс., под вывозку минерального топлива и горнозаводских грузов из Донецкого бассейна — 98 тыс. вагонов. Если к ним прибавить еще 12 тыс. больных вагонов, то для всех остальных грузов оставалось ⁷⁷.

⁷² ЦГИАЛ, ф 270, оп 10, д 2583, л 27. Доклад министра путей сообщения царю.

⁷³ Там же. Доклад Рухлова царю от 12 февраля 1915 г., лл 33—37.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Доклад Рухлова царю от 12 марта 1915 г., л 39.

⁷⁶ Там же. Доклад Рухлова царю от 23 апреля 1915 г., лл 42—43.

⁷⁷ Там же, л 43.

В 1-й половине января	67 тыс вагонов, или	9 900 ваг. в сутки
Во 2-й » »	61 » » »	8 600 » » »
В феврале	53 » » »	8 400 » » »
В 1-й половине марта	49 » » »	6 700 » » »
Во 2-й » »	68 » » »	9 310 » » »
В 1-й » апреля	77 » » »	11 500 » » »

Несмотря на наметившееся улучшение в работе железных дорог, Рухлов приходил к грустному заключению относительно перспектив вывоза донецкого топлива и определял максимальную цифру вывоза в 120 млн пудов в месяц, в то время как одни только потребности железных дорог, флота и заводов, работавших на оборону, определялись в 95 млн пуд. При условии полного выполнения плана перевозок все остальные потребители топлива могли получить не более 25 млн. пудов угля, или всего только около 20%⁷⁸ намеченной нормы вывозки. Повысить норму вывозки угля было невозможно, так как и без того уголь занимал около 30%⁷⁹ наличного вагонного парка, дальнейшее отвлечение вагонов под уголь должно было повлечь сокращение других перевозок.

Только во второй половине апреля наметилось значительное улучшение перевозок. Общая погрузка увеличилась по сравнению с февралем на 25%⁸⁰. Вывоз горнозаводских грузов и угля достиг плановых норм. Министр констатировал, что «погрузка как всех горнозаводских грузов, так в частности и минерального топлива, в апреле месяце была выше, чем за все предыдущие месяцы полугодия ноябрь 1914 года — апрель 1915 года»⁸¹. Некоторое улучшение работы дорог было налицо. Вопрос заключался лишь в том, долго ли оно будет продолжаться, и, во-вторых, может ли данный уровень работы дорог обеспечить нужды военного хозяйства страны и возросшие потребности армии в связи с развитием активных операций.

В половине мая 1915 г. работа дорог держалась на уровне апреля, но это все-таки составляло лишь 78%⁸² от погрузки 1914 г. Таким образом, в лето 1915 г. железнодорожный транспорт вступал со значительным снижением перевозок. Попыталось ли министерство путей сообщения разобраться в обстановке, дать правильное объяснение причин плохой работы дорог и наметить действенные методы к улучшению основной артерии всей экономической жизни страны?

Еще в конце апреля⁸³ Рухлов поставил объем перевозок в тылу «почти исключительно» в прямую зависимость от количества отвлекаемых на фронт вагонов. К этой «основной» причине министр прибавлял всякого рода конъюнктурные влияния метели, обилие праздников, а с весны 1915 г. — нераспорядительность копеек, якобы не использовавших назначенные им вагоны в размере 15%⁸⁴. В докладе Рухлова царю нег предложений о необходимости решительных мероприятий в деле срочного и значительного увеличения количества вагонов и паровозов. Между тем, анализ использования вагонов для перевозки основных грузов весной 1915 г. показывает, что с наличным парком вагонов невозможно было добиться сколько-нибудь заметного улучшения перевозок⁸⁵.

Недостаток вагонов и паровозов пытались несколько смягчить путем лучшего использования подвижного состава. Уже осенью 1914 г.

⁷⁸ Там же, л. 50, доклад Рухлова царю от 14 мая 1915 г.

⁷⁹ Там же, лл. 42—43, доклад Рухлова царю от 23 апреля 1915 г.

⁸⁰ Там же, л. 54, доклад от 14 мая 1915 г.

⁸¹ За первый квартал 1915 г. на дороги поступило 8 тыс вагонов и 200 паровозов. До конца года должно было еще поступить 900 паровозов и 35 тыс товарных вагонов. Кроме того, в Америке было заказано 400 сильных паровозов, 8 тыс обыкновенных и 13 340 большегрузных вагонов.

использование товарных вагонов на дорогах тыла увеличилось на 19 8⁰/₀, а паровозов — на 7⁰/₀,⁸² но это достижение значительно снижается ухудшением пробега вагонов на фронтовых дорогах на 12 6⁰/₀. В итоге реальное улучшение использования вагонов всей сети составляло лишь 8 6⁰/₀.

В мае 1915 г по всему фронту развернулись бои, и это вновь повлекло отлив 13 тыс вагонов на дороги фронта. Все же погрузка угля и горнозаводских грузов достигла нормы, хотя общие перевозки дорог держались всего на уровне 78⁰/₀ от предыдущего года.

В июне 1915 г на дороги фронта было отправлено дополнительно 23 тыс вагонов. В этом месяце происходит резкое снижение перевозок на 12 5⁰/₀, а угля — на 7 5⁰/₀ сравнительно с маем.⁸³ Таким образом, ограниченность количества товарных вагонов и паровозов не позволила весной и летом 1915 г, несмотря на улучшение климатических условий, добиться сколько-нибудь реального улучшения в обслуживании экономических потребностей тыла — увеличить вывозку угля, металла, организовать нормальную перевозку товаров для потребителей и снабжение городов.

3 РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В СВЯЗИ С ЭВАКУАЦИЕЙ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ

Летом 1915 г железные дороги встретились с исключительными трудностями. Началась эвакуация населения и промышленности из Польши, Прибалтики и Западного края, потребовавшая огромных перевозочных средств. Одновременно происходил отход армий из Польши, эвакуировались крепости, откуда вывозились огромные запасы снабжения и артиллерия.

Из прифронтовой полосы двигались потоки составов с беженцами, промышленным оборудованием, военным снаряжением и ранеными. В обратном направлении на фронт усиленно подвозили боеприпасы, фураж, воинские пополнения. В связи с решением командования усилить запасы ряда крепостей это движение на фронт было особенно интенсивно. Ивангород, например, эвакуировался, а в Новогеоргиевск и Осовец экстренно подвозили запасы. «Но и с этой задачей железные дороги отлично справились, причем последние грузы в Новогеоргиевск пришлось подать на грузовых автомобилях, потому что головные станции, с отрядом армий, были уже отнесены назад».⁸⁴ Затем, во время отхода армий на Гродно—Белосток, Брест-Литовск—Ковель, последовали распоряжения об эвакуации крепостей Осовец и Гродно. Перед железными дорогами встала новая труднейшая задача, но и с ней, по свидетельству очевидца, прекрасно знавшего обстановку, железные дороги справились, и все ценное имущество этих крепостей, в частности, вся артиллерия с ее огромными боевыми запасами, было отправлено по указанию свыше на Московский железнодорожный узел.⁸⁵

Решение остановиться у Брест-Литовска потребовало усилить его запасы, в связи с чем весь график Александровской и Полесской железных дорог был вновь перестроен: груженные составы потянулись в адрес этой крепости. Работа еще не закончилась, как было получено известие о падении Новогеоргиевска, и в связи с этим военное коман-

⁸² ЦГИАЛ, ф. 270, оп. 10, д. 2643, лл. 86—87.

⁸³ Там же, лл. 62—63.

⁸⁴ Н. А. Данилов. Экономика и подготовка к войне, 1926, стр. 167—168.

⁸⁵ Там же.

дование окончательно потеряло веру в способность изолированной крепости сопротивляться врагу. В связи с этим «внезапно было решено эвакуировать Брест-Литовск, вывезя оттуда все запасы и имущество. Легко себе представить, в какое положение это приказание ставило железные дороги, набивавшие Брест-Литовск в срочном порядке дополнительными запасами. Теперь нужно было подавать в адрес этой крепости уже не груженные составы, двигавшиеся туда с полной интенсивностью, а порожняк»⁸⁶. В этой работе огромный героизм проявили железнодорожники, семьи которых в большинстве случаев оставались на месте до последней возможности.

Генерал Ронжин, бывший в курсе эвакуационной работы и прекрасно осведомленный о всех деталях летнего отступления русских армий, рисует картину работы железных дорог во время эвакуации: «Возникла она (эвакуация — А.С.) внезапно и потому не могла быть планомерной. Недостаточно определенные и часто запаздывающие распоряжения по эвакуации со стороны военных властей и отсутствие надлежащего спокойствия у исполнителей сделали работу железных дорог с самого начала очень нервной. Поезда, следовавшие с головных участков под давлением военной необходимости, проталкивали вглубь составы попутных станций и постепенно как бы спрессовывали движение. Число отправляемых поездов значительно превышало пропускную способность линий, и на станциях начали образовываться пробки. Подходившие с фронта составы вынуждены были останавливаться в пути, вследствие чего получались непрерывные линии вагонов в десятки верст длиной. С течением времени средняя скорость движения не достигала 50 верст в сутки»⁸⁷. Эвакуация продолжалась несколько месяцев. За это время был вывезен весь подвижной состав железных дорог, но зато было потеряно большое количество военных грузов.

Переписка управлений отдельных дорог с министерством путей сообщения дает возможность более детально и полно представить себе, что делалось в это время на дорогах⁸⁸.

Из Киева сообщали, что в связи с эвакуацией Галиции, Привислинских и Варшаво-Венских железных дорог поток грузов, двинувшихся через Холм и Ковель, сломал движение грузов с востока на запад, через Знаменку и Киев. Работа дорог по питанию армий фронта была в корне нарушена. Для вывоза беженцев, правительственных учреждений, продовольственных магазинов и т. п. одному Ровенскому участку потребовалось 20 тыс. вагонов. Всего на дороге было занято одними беженцами 35 тыс. вагонов, причем основная масса грузов двигалась на восток «без всяких документов», так как преследовалась коренная задача спасти ценности. Из 35 тыс. вагонов, занятых беженцами, одна треть прошла через Киев, а две трети — через Знаменку. Около 10 тыс. вагонов было разгружено в пределах Юго-западных дорог, а 20 тыс. вагонов прошли транзитом на восток. Кроме того, около 15 тыс. вагонов были погружены в пределах самой дороги⁸⁹.

На Риго-Орловскую дорогу было принято 7 тыс. вагонов грузов и полмиллиона беженцев. Кроме того, в пределах дороги было погружено 35 тыс. вагонов грузов и 300 тыс. беженцев. Правление дороги указывало на полное отсутствие какой-либо организации в деле эвакуации.

⁸⁶ Там же, стр. 169.

⁸⁷ Ронжин. Указ соч., стр. 21—22.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 10, д. 3057. В этом деле находятся записки по прямому проводу с донесениями ответственных работников управлений дорог в министерство путей сообщения о ходе эвакуации беженцев и грузов.

⁸⁹ Там же, лл. 4—9.

беженцев, которые предоставлялись самим себе. Вывоз грузов также происходил без плана. И все же заместитель начальника дороги доносил в министерство, что дороге «удалось из эвакуируемых пунктов, в том числе и из Риги, вывезти все более ценное»⁹⁰

По Северо-западным дорогам сведения неполны. И все же известно, что дорога приняла 62 400 вагонов с грузами и беженцами, большинство которых (43 300 вагонов) было разгружено в пределах дороги. Кроме того, в пределах дороги было погружено 1600 вагонов с грузами и 750 вагонов с беженцами. В результате основные станции дороги оказались забиты, и частные грузы имели простой до трех недель и больше. В конце концов 23 июня 1915 г. дорогой был прекращен прием всех грузов, кроме воинских⁹¹

Московско-Виндаво-Рыбинская дорога только за два месяца — с 22 июля по 24 сентября 1915 г. — приняла 32 803 вагона с беженцами и грузами. Грузы направлялись без всякой сортировки и забивали узлы, поэтому дорога стремилась поскорее передать их на соседние дороги, однако свыше 8 тыс. вагонов пришлось разгрузить в Москве⁹²

Александровская железная дорога приняла 32 240 вагонов беженцев и грузов, из них около одной трети (11 360 вагонов) было разгружено на станциях дороги, а остальные проследовали транзитом. На этой дороге эвакуационный поток грузов встретился «с усиленным движением» в обратном направлении воинских и санитарных эшелонов и военных грузов, что особенно усложнило работу дороги и ее передаточных станций. В числе эвакуируемых без документов грузов было большое количество военных, только в Минске их скопилось 500 вагонов, а в Москве — 900⁹³

Московско-Казанская железная дорога была далеко от районов эвакуации, но эвакуационная волна докатилась и до нее. С 1 августа по 25 сентября дорога приняла 7882 вагона с беженцами и грузами. Около половины их было разгружено на станциях дороги, а остальные проследовали транзитом далее. Эвакуационные грузы заставили правление дороги временно прекратить погрузку коммерческих грузов на всех станциях⁹⁴

Особенно большая нагрузка выпала на Полесские железные дороги, которые за полтора месяца отправили 5500 вагонов с беженцами и 80 тыс. вагонов с грузами. Транзитом проследовало 120 тыс. вагонов. Грузы из Бреста, Барановичей, Вильно и Молодечно следовали по Полесским дорогам, через которые проходило по 80 поездов в сутки, при пропускной способности в 40 поездов.

Большая нагрузка выпала на дороги юга. На Екатерининскую железную дорогу поступило свыше 6200 вагонов с грузами. Значительное количество грузов прибывало с тяжелым заводским оборудованием из Варшавы и Риги. Это вызывало длительные простои вагонов. Кроме того, по дороге проследовало до 200 тыс. беженцев.

Провести полный статистический учет всей той огромной работы, которую провели железные дороги летом 1915 г., почти невозможно. 115 тыс. вагонов в течение двух месяцев были заняты беженцами и оборудованием⁹⁵. Этот огромный поток грузов⁹⁶ сталкивался со встреч-

⁹⁰ Там же, лл. 2—3.

⁹¹ Там же, лл. 10—13.

⁹² Там же, л. 15.

⁹³ Там же, лл. 17—18.

⁹⁴ Там же, л. 27.

⁹⁵ Стеногр. отчет 4-й Гос. думы, сессия IV, заседание 37 от 15 марта 1916 г., стб. 3447. Выступление Герценвица.

ным потоком эшелонов, двигавшихся на фронт. Все это сломало график движения и заставило перебросить еще больше вагонов с тыловых дорог на фронтовые.

Министр путей сообщения Трепов в своем выступлении в Государственной думе 15 марта 1916 г.⁹⁷ признал огромное влияние эвакуации и летнего отступления 1915 г. на состояние и работу железных дорог. «После отступления армий,— указывал он,— сокращения сети дорог примерно на 6 тыс. верст и обращения целого ряда тыловых дорог в дороги боевого значения положение железных дорог резко изменилось, особенно в первые месяцы отступления армии, когда эвакуация из западного района огромного количества грузов и беженцев совершенно спутала работу дорог и в течение двух-трех месяцев не давала возможности восстановить правильный грузооборот».

Пожалуй, в еще более резких выражениях дана оценка влияния эвакуации на ухудшение работы железных дорог в отчете Особого совещания по перевозке.⁹⁸ Эвакуация резко нарушила движение на сети, «спутала грузовые и порожние течения», забила узловые и обменные станции, образовав «огромное количество неразгруженных задержанных в пути вагонов с эвакуационными грузами». Оба приведенные мною свидетельства особенно ясно указывают на то обстоятельство, что разрешением эвакуационной проблемы были заняты не только фронтовые дороги, но фактически вся железнодорожная сеть империи. Эвакуационная волна захватила дороги и восточнее меридиана Москва — Харьков.

Эвакуация явилась тяжелейшим испытанием для железнодорожного транспорта России, за которое он заплатил дорогой ценой. Массовое отвлечение подвижного состава для нужд эвакуации крайне отрицательно отозвалось на общем ходе всей жизни страны: сократились перевозки важнейших грузов, необходимых для промышленности, и ухудшилось обслуживание дорогами военно-оперативных нужд армии.

В апреле 1915 г. ежедневная погрузка коммерческих грузов равнялась 171 тыс. вагонов, а в июле — только 148 тыс. вагонов; в августе и сентябре погрузка еще более падает и достигает лишь 136 тыс. вагонов.⁹⁹

Ухудшение работы железных дорог отразилось не только на коммерческих грузах, но и на вывозе донецкого топлива, которое определяло общий характер работы всей военной промышленности. Вывоз топлива катастрофически упал со 120 млн пудов в апреле до 74,4 млн пудов в сентябре 1915 г. За все время войны вывоз угля из Донбасса никогда не падал так низко, как в сентябре 1915 г. Резко ухудшилось продовольственное положение обеих столиц. Ежедневный подвоз продовольствия в Петроград в сентябре упал наполовину, а в Москву — на две трети. Сравнительно с апрелем 1915 г.¹⁰⁰ Следовательно, резкое ухудшение работы железных дорог летом 1915 г. создало предпосылки для общего экономического кризиса в стране. Только начиная с октября 1915 г. работа железных дорог вновь начинает несколько улучшаться, что ска-

⁹⁶ Эвакуация одной только Риги потребовала в течение одного месяца 19 531 вагона для перевозки грузов и рабочих с семьями (см. А. А. Поливанов. Мемуары, стр. 169).

⁹⁷ Стеногр. отчет 4-й Гос. думы, сессия IV, заседание 37.

⁹⁸ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке, 1916, стр. 100.

⁹⁹ Там же, стр. 45.

¹⁰⁰ Там же, стр. 46. В апреле 1915 г. продовольствие доставлялось в Петроград в количестве 397 вагонов в день, а в Москву — 359 вагонов. Снижаясь из месяца в месяц, доставка продовольствия упала в сентябре 1915 г. до 212 вагонов в Петроград и 126 вагонов в Москву.

залось на увеличении вывоза угля, доставке продовольствия столицам и общего увеличения погрузки коммерческих грузов

В результате эвакуации и летнего отступления войск значительно ухудшилось техническое состояние транспорта и ощутительно сократилась железнодорожная сеть. Цифры сокращения сети в разных источниках называются различные — от 6 тыс до 11 тыс верст. По данным совещания начальников службы пути дорог фронта,¹⁰¹ неприятель занял к осени 1915 г. 11 тыс верст главных путей в пределах империи и 3 тыс верст железных дорог в Галиции.¹⁰² По данным доклада министра путей сообщения Трепова Совету министров,¹⁰³ железнодорожная сеть сократилась на 6 тыс верст.

Очевидно, разница в данных является результатом того, что в одном случае указываются чистые потери, а в другом — в министерском докладе — потери сокращаются за счет вновь построенных железных дорог как на фронте, так и в тылу.¹⁰⁴ О том, в каком состоянии находилась железнодорожная сеть фронта после ее освобождения от немцев, дают представление данные упомянутого выше совещания начальников дорог фронта. На этом совещании была установлена следующая степень разрушения различных элементов железных дорог: железнодорожные рельсы были разрушены от 15 до 50%, стрелки — от 50 до 60%, а на ряде дорог — до 75—100%, сигнализация, телеграфная линия, водопроводы на всех дорогах разрушались полностью.¹⁰⁵ Такие разрушения на дорогах театра войны влекли за собой отвлечение технических средств с дорог тыла.

Слабая техническая оборудованность железнодорожной сети и организационная путаница, вызванная эвакуацией, довели дороги до того, что уже в августе 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеев писал министру путей сообщения Рухлову, что «многие железные дороги стали совершенно непроизводительными».¹⁰⁶ Они оказались забытыми снабженческими грузами, а оперативные действия армий стеснялись. В качестве примера можно привести железные дороги Галиции, где под «оперативные перевозки предоставлялось не более 10—15% провозной способности, и остальная часть занималась по снабжению, а при отступлении из Галиции пришлось вывозить многомиллионные запасы, накопленные там, в прямой ущерб оперативным перевозкам».¹⁰⁷

Военные специалисты признают, что в связи с дальнейшим ходом военных операций и эвакуацией прифронтовых районов в 1915 г. «движение на дорогах постепенно запутывалось» и оперативные нужды армии «встречали все большие и большие затруднения».¹⁰⁸

Железные дороги прифронтовой полосы были заняты исключительно для военных нужд и потребностей, и с этими задачами они справлялись

¹⁰¹ Журнал совещания начальников службы пути дорог театра войны 27—29 сентября 1915 г., типография Штаба верховного главнокомандующего.

¹⁰² Там же, стр. 2.

¹⁰³ ЦВИА, ф. 368, д. 67.

¹⁰⁴ Там же. В докладе Войновского-Кригер в феврале 1917 г. Совету министров приведены следующие цифры вновь построенных в 1915—1916 гг. дорог: 4700 верст — в тылу, 1400 верст — на фронте, и, кроме того, проложено вторых и третьих колеи — 770 верст, перебиты с узкой колеи на широкую участки Архангельск — Вологда и Ершов — Уральск, протяжением 1160 верст. В 1917 г. предполагалось открыть новых путей около 3500 верст, в большинстве на фронте, и завершить прокладку вторых путей протяженностью 1740 верст.

¹⁰⁵ Журнал совещания начальников службы пути дорог театра войны, стр. 6—7.

¹⁰⁶ Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг., ч. I, стр. 11.

¹⁰⁷ Там же, приложения 2 и 3.

¹⁰⁸ Там же, стр. 11.

плохо Кроме того, из-за отсутствия единого руководства получалось нарушение «правильного кругооборота вагонов, без коего невозможно рациональное использование железнодорожной сети» ¹⁰⁹

Осенью 1915 г, после окончания летнего отступления русских войск, когда линия фронта стабилизировалась, определились новые прифронтовые районы и наметились расположения базисных складов, было проведено обследование прифронтовых железных дорог ¹¹⁰ Осмотр дорог проводил по «высочайшему повелению» ген Ропп Он изучил работу 15 важнейших железнодорожных узлов прифронтового района Гомель, Жлобин, Минск, Молодечно, Полоцк, Невель, Великие Луки, Новосокольники, Витебск, Смоленск, Брянск, Сухиничи, Калуга, Вязьма, Ржев. Уже самый перечень прифронтовых узлов показывает, как далеко на восток отодвинулись прифронтовые дороги Работа этих узлов имела решающее значение не только для снабжения фронта, но и оказывала влияние на снабжение обеих столиц — Москвы и Петрограда

Обследователь пришел к выводу об огромном влиянии эвакуации промышленности и людей на состояние железных дорог ¹¹¹ Она «внесла в железнодорожное движение серьезное расстройство, не ликвидированное вполне и до сего времени» Почти все станции должны были проводить работу во много раз большую, чем та, на которую была рассчитана их пропускная способность На некоторых узлах временами накапливалось до 40 задержанных составов Станции были забиты не только вагонами с беженцами, эвакуированными грузами, но и военными и прифронтовыми учреждениями и организациями, что приводило к выводу, что эти узлы «не могут правильно выполнять функции узловых станций» ¹¹² Обследователь предлагал провести спешное увеличение пропускной способности участков и расширение приемной способности тех станций, которые являются новыми разграничительными узлами В числе предложений фигурируют развитие вторых путей, составление общих планов перевозок и т. д. Внимание исследователя было сосредоточено также на вопросах технического усиления узловых станций прифронтовых дорог и на улучшении управления

Осенью 1915 г произошла реорганизация управления фронтовыми дорогами После назначения на пост начальника штаба верховного главнокомандующего ген Алексева он признал «органические несовершенства» в существующей системе управления дорогами фронта и решил «коренным образом реорганизовать управление железными дорогами театра войны, изъяв его из фронтов и сосредоточив в управлении военных сообщений при верховном главнокомандующем» ¹¹³ При управлении должен был быть создан отдел путей сообщения, ведающий как эксплуатацией сети, так и строительством новых дорог; ему же подчинялись и округа министерства путей сообщения фронтового района

¹⁰⁹ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, Архив Особого совещания по обороне, Журнал Особого совещания № 23 от 11 ноября 1915 г, доклад товарища министра путей сообщения Борисова

¹¹⁰ Отчет осмотра, по высочайшему повелению, военным инженером ген-лейтенантом бароном Ропп Либаво-Роменской, Полесских, Николаевской, Московско-Виндаво-Рыбинской и других железных дорог с 19 октября по 1 декабря 1915 г, ч. I, 1915, и ч. II (диаграммы)

¹¹¹ Там же, стр. 67—74

¹¹² Там же, стр. 68

¹¹³ Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг, ч. I, приложение 2, стр. 103—104, письмо нач. штаба верховного главнокомандующего министру путей сообщения Рухлову

22 сентября 1915 г реорганизация была оформлена приказом Алексеева¹¹⁴ Было разработано положение о главном управлении военных сообщений и утверждены большие штаты¹¹⁵ Эта реорганизация значительно усиливала техническое руководство дорогами фронта, обеспечивала необходимую централизацию управления, так как главный начальник военных сообщений подчинялся непосредственно начальнику штаба верховного главнокомандующего.

Такая централизация управления железными дорогами вызвала возражения со стороны командующего юго-западным фронтом ген Иванова,¹¹⁶ который считал невозможным, чтобы все перевозки планировались в Ставке и чтобы начальник военных сообщений фронта не был больше подчинен главному начальнику снабжения¹¹⁷

Действительно новое положение об управлении дорогами фронтов не вносило ясности во взаимоотношения управления дорогами фронта с министерством путей сообщения Потребовались новые дополнения — «Главные основания эксплуатации железных дорог фронта» Новый управляющий министерством путей сообщения Трепов обратился к царю (16 ноября 1915 г) со специальным докладом «О взаимодействии военно-полевого управления и министерства путей сообщения в отношении заведывания железными дорогами империи».¹¹⁸ В связи с кризисом железных дорог этот вопрос приобрел большое значение, подвергался обсуждению членами Государственного совета и Государственной думы и рассматривался на заседании всех четырех Особых совещаний Отказываясь от «единства управления как практически неосуществимого», Трепов наметил ряд вопросов, требовавших «согласованности действий» между дорогами тыла и фронта

На деле этой согласованности не удалось достичь, несмотря на организацию Временного распорядительного комитета по перевозкам, и через год Трепов вновь поставил вопрос о дальнейшей реформе управления железными дорогами фронта.¹¹⁹

Трепов разработал проект создания «временной должности товарища министра путей сообщения на театре военных действий», обязанность которого заключалась в объединении деятельности дорог фронта и тыла. На товарища министра возлагалось «общее руководство работой железных дорог фронта в целях достижения наилучшего удовлетворения потребностей армии и полного согласования этой работы с железнодорожной сетью тыла»¹²⁰ В случае разногласий с военным ведомством в отношении перевозок вопрос разрешался товарищем министра. Отмена его решений требовала, как правило, согласованных решений начальника штаба верховного главнокомандующего и министра путей сообщения. Проект, предложенный Треповым, усиливал позиции гражданского ведомства (министерства путей сообщения) при решении вопросов военных перевозок. Начальник штаба верховного главнокомандующего ген Гурко (временно заменявший лечившегося в Севастополе ген Алексеева) хотя и соглашался «в общем» с предложенной схемой, все же считал ее недостаточной и предлагал «провести спешно в законодательном порядке милитаризацию всех железных дорог импе-

¹¹⁴ Там же, приложение 4, стр. 107

¹¹⁵ Там же, стр. 108—125

¹¹⁶ Там же, приложение 5, стр. 133—136.

¹¹⁷ Там же, стр. 17

¹¹⁸ Там же, приложение 8, стр. 143—145

¹¹⁹ Письмо Трепова Гурко от 30 ноября 1916 г — там же, приложение 9, стр. 146 и приложение к письму.

¹²⁰ Там же, стр. 147, § 2 приложения к письму

рии» Одновременно Гурко представил Трепову и схему милитаризации железных дорог,¹²¹ по которой все работники министерства путей сообщения объявлялись призванными на военную службу, а товарищ министра путей сообщения, ведающий перевозками на театре войны, должен был исполнять распоряжения начальника штаба верховного главнокомандующего. Предложение Гурко не встретило возражений у Трепова.

В январе 1917 г. было утверждено «Положение об управлении путями сообщения театра военных действий»,¹²² а через неделю последовал приказ начальника штаба верховного главнокомандующего о введении нового положения в жизнь.¹²³ Главное управление военных сообщений при штабе верховного главнокомандующего расформировывалось и вместо него создавалось Управление начальника военных сообщений. Кроме того, при штабе создавалось Управление путей сообщения, непосредственно подчиненное товарищу министра путей сообщения. При штабах фронтов создавались отделы путей сообщения. Во всех случаях принципиальных разногласий военного ведомства с товарищем министра вопросы решались по соглашению начальника штаба верховного главнокомандующего с министром путей сообщения. Это «Положение» было проведено за месяц до Февральской революции и действовало до конца войны.

Рассмотренные нами материалы показывают, что летнее отступление 1915 г. русских армий на восток имело не только военно-оперативные, но и огромные экономические последствия, в частности для железных дорог. Отступление армий, эвакуация промышленности и волны беженцев потребовали от железных дорог крайнего напряжения. Большая работа, сделанная транспортом во время эвакуации, подорвала его техническую основу, запутала и расстроила управление, забила важнейшие железнодорожные магистрали. Мало того, эвакуация подготовила острый кризис, разразившийся осенью и зимой 1915 г. на дорогах тыла.

Справиться с задачами, вставшими перед железными дорогами, при бедности подвижного состава и недостатке паровозов было очень трудно. Огромное количество вагонов было занято под грузы и людей, тылы армий передвинулись на восток и приблизились к важнейшим экономическим районам страны, крупные узлы были забиты; направление многих грузовых потоков изменилось, протяженность железных дорог сократилась.

Все это должно было быстро сказаться на ухудшении обслуживания потребностей тыла. Усилилась дезорганизация управления, резко обострившая недостатки в работе железных дорог.

Правительство и Ставка намеревались преодолеть их рядом организационных мероприятий, в том числе и реформами в управлении военными и тыловыми дорогами, но принимаемые меры не могли исправить положение.

Железные дороги вступили в зиму 1915 г. еще менее подготовленными, чем раньше, с более изношенным подвижным составом, с большими залежами грузов, с магистралями, забитыми большим количеством неразгруженных вагонов.

¹²¹ Там же, приложение 10, стр. 148, письмо Гурко Трепову от 2 декабря 1916 г.

¹²² Там же, приложение 13, стр. 167—188. Положение было утверждено Николаем 21 января 1917 г.

¹²³ Там же, стр. 166, приложение № 13, приказ от 28 января 1917 г.

4. РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ТЫЛА

Война оказала глубочайшее и многостороннее влияние на железнодорожный транспорт. Она изменила направление грузовых потоков в тылу, что увеличивало пробег грузов и нагрузку отдельных участков пути. Три направления приобрели решающее значение для хода войны: магистрали, по которым шли уголь и металл с юга страны (Донбасс) на север и северо-запад, к основным промышленным центрам — Москве, Петрограду и Прибалтийскому району; Сибирская железная дорога, по которой перебрасывались не только продовольствие и фураж для фронта, но и разнообразные товары из США и Японии, и железная дорога между Архангельском и центрами страны. Следует иметь в виду, что с закрытием портов Балтийского и Черного морей торговые сообщения России с границей поддерживались только морем, через Архангельск и Владивосток. Архангельск соединялся с Вологодой узкой колеей.

Огромная масса импортируемых товаров поступала во Владивосток и оттуда через весь сибирский путь перебрасывалась в центр. Эти перевозки забили участки Сибирского пути, прекратив нормальный оборот подвижного состава.

В Архангельске к тому времени образовались громадные скопления грузов, абсолютно необходимых для промышленности, которые нельзя было вывезти из-за небольшой пропускной способности железнодорожной линии Архангельск—Вологда. К 1 января 1915 г. в Архангельске скопилось 20 млн пудов угля, 4 млн пудов других грузов и 3 тыс. военных автомобилей.¹²⁴ Пропускная способность узкоколейки была ничтожна. Пришлось сразу же заняться двумя вопросами: увеличением подвижного состава на дороге и перешивкой узкой колеи на широкую. Кроме того, часть грузов отправляли на Котлас, что потребовало усилить пропускную способность железной дороги Котлас — Вятка с 144 до 240 вагонов в сутки.

Только к апрелю 1915 г. удалось перебросить подвижной состав, и вывозка грузов на участке Архангельск—Вологда повысилась с 70 до 170 вагонов в сутки.¹²⁵

В 1916 г., с перешивкой узкой колеи на широкую, пропускная способность дороги поднялась до 300 вагонов в день,¹²⁶ в июне 1916 г. она повысилась до 400 вагонов, а в августе — до 520, а с 1 октября — до 600 вагонов в день.

Однако и в конце 1916 г. железные дороги лимитировали перевозку грузов. В январе 1917 г., во время конференции с союзниками в Петрограде, при определении количества грузов, подлежащих доставке в Россию, союзники, особенно англичане, ссылались на небольшую пропускную способность дорог. Они были забиты в ряде пунктов, и это нарушало нормальную работу всего громадного пути, сводя его работу до минимума.

К 1916 г. железные дороги увеличили свою провозную способность, но она далеко отставала от потребностей страны в транспорте. «За 1914 г., — констатировал в апреле 1916 г. товарищ министра путей сообщения Борисов, — осталось невывезенными до 2 млрд. пудов частных грузов, перешедших, таким образом, дополнительно на 1915 г. Спра-

¹²⁴ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну, ч. II, стр. 46—48.

¹²⁵ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке.

¹²⁶ Незаконченность оборудования ст. Архангельск снижала пропускную способность дороги с 390 вагонов до 300.

биться с этой работой дороги, конечно, не могли, так как около трети всего подвижного состава занято было обслуживанием армии, ныне же не менее половины всех перевозочных средств железных дорог расходуется исключительно на нужды, вызванные войной. Понятно, что для удовлетворения прочих потребностей в перевозках средства дорог оказались недостаточными, несмотря на постоянное развитие их работы. Уже в 1915 г., несмотря на сокращение на 6 тыс верст сети дорог, во второй половине года погрузка и прием возросли примерно на 10% сравнительно с 1914 г. С 1916 г. работа дорог еще более возрастает. Например, за март 1916 г. общий пробег вагонов увеличился на 32%.¹²⁷ Работа наиболее загруженных дорог, например, Николаевской, Курской, Северной и других, поднялась в 1916 г. на 45—60, а иногда на 135% сравнительно с 1914 г.»¹²⁷ Дороги не справлялись с перевозкой не только обычных частных грузов, но и шедших в адрес оборонных предприятий.

Годовой прирост грузов за время войны превосходил довоенный, а по азиатской сети он вырос в 3—4 раза, поэтому там заторы движения наступили скорее.

Правительству пришлось усиливать фронтовые дороги за счет дорог тыла паровозами, подвижным составом и рельсами. Уже в первые дни войны было дополнительно передано на фронтовые дороги 600 паровозов и 17,5 тыс. вагонов, во время занятия Галиции было дополнительно отправлено 4 тыс. вагонов и 200 паровозов, наконец, к августу 1915 г. фронтовые дороги задержали около 35 тыс. товарных вагонов и 600 паровозов. На фронтовых дорогах оказалась почти половина всего парка паровозов и вагонов: 8 тыс. паровозов и 218 тыс. вагонов.¹²⁸

Всю огромную работу в тылу приходилось выполнять с меньшим количеством подвижного состава, и это требовало организации более интенсивного его использования. Кроме того, из тыла приходилось направлять на фронт огромное количество грузов, достигавших 150—170 поездов в день. Ежедневные отправки в адрес Полевого управления дорог колебались в конце 1916 г. и начале 1917 г. от 4,5 тыс. до 6 тыс. вагонов в день. Лишь одни интендантские грузы занимали от 2 до 3 тыс. вагонов в день.¹²⁹

По данным обследования инженера Кононенко, ¹³⁰ по железным дорогам Полевого управления в 1916 г. подвозилось к фронту грузов «в достаточном и даже большем против нормы количестве». Во время брусилковского наступления ежедневная подача вагонов из тыла колебалась от 6,5 тыс. до 6,7 тыс. штук. В результате, несмотря на интенсивные бои, запас интендантских и артиллерийских грузов повысился с двухнедельных в апреле до полутора-двухмесячных к августу 1916 г. «Таким образом, норма приема с дорог тыла в 6600 вагонов является желательным максимумом подвоза при значительных боях на фронте, дающая возможность при усиленном расходовании грузов снабжения «сверх всего накопить запасы в магазинах». Приемом вагонов из тыловой сети работа фронтовых дорог не ограничивалась. Местная погрузка на дорогах Полевого управления была в два раза больше, достигая 13,5 тыс. вагонов. Таким образом, обычная работа фронтовых дорог составляла 20 тыс. вагонов в сутки. Прибывавшие из тыла грузы рас-

¹²⁷ ЦВИА, ф. 369, оп. 1. Журнал Особого совещания по обороне № 65 от 23 апреля 1916 г., доклад товарища министра путей сообщения Борисова.

¹²⁸ М. М. Шмуккер. Указ соч., стр. 73.

¹²⁹ Н. Васильев. Указ соч., стр. 80—82.

¹³⁰ ЦВИА, Канцелярия военного министра, ф. 2000, оп. II, д. 97, лл. 146—147. Записка инженера Кононенко «О состоянии дорог Полевого управления».

пределялись по разным категориям следующим образом (в вагонах) ¹³¹

	Июнь 1916	Август 1916	Август 1917
Санитарные . . .	709	488	276
Людское и конское пополнение	788	865	651
Интендантские . . .	2 373	1 970	737
Артиллерийские, воинские и инженерные	657	797	480
Грузов организаций	129	163	53
Топливо для железных дорог	716	555	481
Частных грузов	1 295	1 190	1 020
Итого	6 667	6 028	3 698

Подача вагонов в августе 1917 г снизилась почти вдвое сравнительно с тем же месяцем предыдущего года

Но и этим не ограничивались военные перевозки. Не говоря уже о промышленности, работавшей на оборону, надо еще учесть огромные гарнизоны в тылу, которые нуждались в питании, одежде и пр. Их снабжение происходило за счет работы железных дорог тыла. Вот почему потребность хозяйства в железнодорожных перевозках сильно выросла, хотя железнодорожный транспорт проделывал большую работу, чем до войны.

Общее движение перевозок во время войны представляется в следующем виде ¹³²

По всем дорогам	1913	1914	1915	1916
Перевезено пассажиров (в млн. чел.) . . .	234 8	264 4	294	347 9
В том числе дорогами фронта (в млн. чел.)	93 1	103 4	94 9	111 9
Перевезено грузов (в млн. пудов)	13 826	13 737	14 612	17 228
В т. ч. дорогами фронта (в млн. пудов)	3 381	3 311	3 304	3 763

Из таблицы видно, что в 1916 г работа транспорта сравнительно с 1913 г увеличилась на 48% по пассажирскому движению и на 25% по грузам.

Приведенные выше статистические данные подтверждаются архивными источниками. Так, в феврале 1916 г Трепов указывал, что движение на ряде дорог тыла увеличилось по сравнению с довоенным периодом: на Николаевской — на 60%, на дорогах Сибирской магистрали — на 40%, на Архангельской линии — на 200%, на Московско-Курской дороге — на 45%. ¹³³ По данным доклада Войновского-Кригер, ¹³⁴ представленного Совету министров ровно через год после доклада Трепова, пропускная способность железных дорог сравнительно с 1913 г увеличилась в 1916 г на дорогах тыла на 48% и на дорогах фронта —

¹³¹ ЦВИА, Канцелярия военного министра, ф 2000, оп II, д 97, лл 145—147. Записка инженера Кононенко «О состоянии дорог Полевого управления»

¹³² М. М. Шмуккер. Указ соч., стр. 49—53

¹³³ ЦВИА, ф 368, д 67. Доклад Трепова в Совет министров 15 февраля 1916 г., стр. 8 и сл.

¹³⁴ Там же. Доклад Совету министров февраля 1917 г.

на 100 % Средняя ежедневная погрузка по сравнению с 1915 г увеличилась на 29 %, пробег вагонов — на 14 %, вывоз топлива из Донбасса — на 13 %, перевозка нефтепродуктов — на 47 % Особенно выросла отправка грузов из Архангельска (на 128 %) и из Владивостока (на 62 %) ¹³⁵ Однако все эти проценты прироста перевозок как в целом по железным дорогам, так и на отдельных артериях, не могут и не должны замаскировать действительного положения дела, а именно того, что железные дороги не справлялись с обслуживанием и фронта и тыла.

Для правильной оценки работы и состояния железных дорог необходимо учесть не только количественный рост грузов, но и значительное увеличение пробега грузов, что вело к удлинению оборота вагонов. Пересброска значительного количества грузов из Владивостока и Архангельска к центру России, перевозки угля и нефти в Петроградский и Северный районы, ранее жившие на привозном заграничном топливе, доставка сырых материалов к оборонным предприятиям, — все это привело к удлинению пробега грузов по сравнению с 1913 г на 28,8 % ¹³⁶ и явился одним из факторов, ускоривших наступление кризиса железных дорог

В 1916 г театр военных действий расширился — появился Румынский фронт, а источники снабжения, особенно мясом и фуражом, отодвинулись на восток Это увеличивало дальность перевозок Тот же Трепов, пытавшийся защитить железнодорожный транспорт якобы от необъективной критики со стороны общественных деятелей, все же признавал, что «безграничных требований наша рельсовая сеть удовлетворить не в состоянии, несмотря на полное напряжение живой силы, обслуживающей ее». Осенью 1916 г дороги перевозили продовольствие в размере 50 % потребностей армии, металл, топливо и ряд других материалов перевозились в чрезвычайно ограниченном размере, что и вызвало общий паралич хозяйственной жизни в конце 1916 г

Между управлением железных дорог и промышленностью происходила постоянная борьба Владельцы промышленных предприятия, буржуазные деятели обвиняли министерство путей сообщения в плохой доставке топлива и металла Министерские чиновники пытались возложить ответственность на самих владельцев копей и рудников, якобы своевременно не представивших грузы под погрузку По инициативе Центрального военно-промышленного комитета было проведено обследование перевозки южных горнозаводских грузов ¹³⁷ Насколько эти грузы играли решающую роль во всей военной экономике страны, видно из того, что в 1915 г юг давал 93,7 % всего минерального топлива, 100 % кокса, 74 % чугуна, 63 % металлических готовых изделий и стали, 69,2 % железной руды, 51,4 % марганцевой руды ¹³⁸ Данные обследования показали, что если в 1913 г было погружено 95,6 % от назначенных к погрузке всех горнозаводских грузов, то в 1915 г этот процент падает до 72,2 %, а по донецкому топливу и того ниже — до 70,8 % ¹³⁹ Другими словами, около одной трети топлива и более одной четверти всех горнозаводских грузов, назначенных к вывозке, железные дороги не вывезли Еще более разительные выводы получаются, если данные о вывозке горнозаводских грузов проанализировать по полугодиям (в млн пудов) ¹⁴⁰

¹³⁵ ЦВИА ф 368, д 67 Доклад Трепова в Совет министров 15 февраля 1916 г, стр 6

¹³⁶ Н Васильев Указ соч, стр 77

¹³⁷ Перевозка южных горнозаводских грузов за время войны, П, 1917

¹³⁸ Там же, стр 19.

¹³⁹ Там же, стр 7

¹⁴⁰ Цифры вывозки в миллионах пудов даны с небольшим округлением в десятках сотнях миллионов пудов

	1913	1914	1915	1916
1-е полугодие назначено .	901 9	1 064 7	1 174 4	1 259 2
недогружено .	15 3	81 8	238 7	297 9
% недогруза .	1 7	7 7	20 3	23 7
2-е полугодие назначено .	960 1	996 4	1 077 6	—
недогружено .	65 5	242 6	324	—
% недогруза .	6 8	24 3	30 7	—

Приведенная таблица наглядно показывает колоссальный рост «недогрузов», подымающихся с 17% в мирное время до 30 7% во втором полугодии 1915 г и до 23 7% в первом полугодии 1916 г. Эта же таблица показывает, что процент невывезенных грузов значительно повышается во второй половине года, т. е. осенью и зимой, сравнительно с первой половиной года.

Обследование также убедительно доказало, что главным виновником невыполнения плана вывозки являются сами железные дороги, а не отправители или получатели грузов. В течение всего 1915 г было недоставлено по вине отправителей 205 млн пудов угля, а вследствие неподачи железными дорогами подвижного состава — 377 7 млн пудов.¹⁴¹ Обследование также показало прямую зависимость вывоза угля и металла от отлива вагонов на фронт. Усиливается задолженность в порожняке дорог фронта, и тотчас же резко падает погрузка угля и других грузов, необходимых для военной промышленности. Железные дороги тыла не обладали запасом порожняка, чтобы возместить дополнительный отлив 10—20 тыс вагонов на фронт. А такой отлив часто определялся оперативными нуждами, как, например, отступление в 1915 г и наступление Брусилова в 1916 г.

5. ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Несмотря на усиленную работу по восстановлению транспорта (ремонт пути, смена рельсов, заготовка шпал), ремонт паровозов и вагонов проходил менее тщательно, чем до войны. Наконец, пополнение железных дорог новыми паровозами, вагонами, рельсами и крестовинами происходило в таких мизерных количествах, что это не могло не вызвать ухудшения технической базы транспорта, причем большая часть технических средств направлялась на дороги фронта.

Только за первый год войны (до 1 июля 1915 г) с тыловых дорог было послано для восстановления линий фронтовых дорог 878 верст рельсов, около 700 тыс пудов креплений и 2975 комплектов стрелочных переводов.¹⁴² Таким образом, пополнение фронтовых дорог происходило не только за счет текущей продукции, но и за счет запасов тыловых дорог. Во время войны министерство путей сообщения и частные дороги сделали большие заказы русским заводам на паровозы и вагоны. Только в 1914 г было заказано 1500 паровозов и 43 тыс вагонов. Вскоре выяснилась недостаточность этих заказов, так как только штаб верховного главнокомандующего потребовал усилить парк военных дорог на 40 тыс товарных вагонов и 400 паровозов.

¹⁴¹ Там же, стр. 8.

¹⁴² Очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну, ч. II, стр. 112.

Но производственные возможности русских заводов, искусственно заниженные в предвоенные годы неумной политикой правительства, не могли обеспечить быстрого выполнения новых заказов. Пришлось поэтому прибегнуть к иностранному рынку, прежде всего американскому. По признанию самого министерства путей сообщения, американцы предъявили и довольно тяжелые и трудно приемлемые условия: срок не менее 6 месяцев, уплату только золотом по весьма высоким ценам.¹⁴³ Тем не менее, пришлось согласиться на тяжелые условия американцев и разместить у них заказ на паровозы и вагоны.

Включая выданные в 1915 г. новые заказы русским заводам, всего в течение первого года войны (до 1 июля 1915 г.) казенными и частными дорогами был размещен очень большой заказ на 3170 паровозов, 3430 пассажирских и 88 959 товарных вагонов.¹⁴⁴ Фактическое же выполнение выданных заказов шло очень медленно и никак не могло удовлетворить выросшие в огромной мере потребности транспорта. За 1914—1916 гг. паровозный парк получил 2188 новых паровозов, или в среднем по 729 штук в год, причем в 1916 г. новых паровозов было изготовлено всего лишь 576. Пополнение транспорта новыми паровозами происходило значительно слабее, чем в годы русско-японской войны.¹⁴⁵ Производство вагонов, поднявшись в 1914—1915 гг. до 32 тыс. штук, или до 70% производительности заводов, снизилось в 1916 г. до 21 тыс. штук, или 47%.

Поступление вагонов и паровозов резко снизилось в 1916 г., что свидетельствует об ухудшении общей экономической конъюнктуры в стране. Так, с августа 1915 г. и до конца года русские заводы поставили 326 паровозов и 12 626 товарных вагонов, что дает в среднем в месяц 65 паровозов и 2525 товарных вагонов, за восемь же месяцев 1916 г. (январь — август) средние поставки снизились до 52 паровозов и 2180 товарных вагонов в месяц, что дает снижение на 20% по паровозам и 13% по товарным вагонам.¹⁴⁶ Такое снижение работы заводов не было случайным, а обуславливалось недостатком металла, рабочих рук, трудностями снабжения заводов топливом, переключением их на выполнение других заказов. И правительство и буржуазия всячески стремились увеличить производство рельсов, вагонов и паровозов. Особенно настойчиво добивалась буржуазия, чтобы правительство выдало заводам многолетние заказы. И все же не недостаток заказов вызвал снижение производства оборудования для железных дорог в 1916 г., а невозможность при сложившихся условиях добиться большего выпуска продукции.

С самого начала войны правительство принимало ряд мер к увеличению пропускной способности железных дорог тыла и фронта и доби-

¹⁴³ Там же, стр. 64.

¹⁴⁴ Там же, стр. 68.

¹⁴⁵ В И. Гриневецкий. Указ. соч., стр. 111. По данным Войновского-Кригер, за два года войны на железнодорожную сеть поступило около 1500 железнодорожных паровозов и 256 военно-полевых. Кроме того, был закуплен за границей и доставлен на железнодорожную сеть 431 паровоз. Итого получается цифра 2187 паровозов, совпадающая с данными Гриневецкого. Что касается вагонного парка, то он увеличился до Февральской революции на 55 тыс. товарных вагонов и платформ и на 13 тыс. большегрузных вагонов. В целом это «дает увеличение инвентаря подвижного состава приблизительно на 10%» (ЦВИА, ф. 368, д. 67. Докладная записка Войновского-Кригер в Совет министров, л. 3).

¹⁴⁶ Вычислено нами на основе данных, приведенных в отчете о деятельности Особого совещания по перевозке, стр. 162. Снижение отечественного производства было компенсировано поступающими из Америки паровозами и вагонами. За 9 месяцев 1916 г. было собрано во Владивостоке и поступило на дороги империи 376 паровозов и 11 556 вагонов.

лось в этой области некоторых результатов В отношении тыловых дорог было обращено внимание на усиление выходов из Донбасса, Сибири и дорог, идущих к Петрограду и Москве В течение первого года войны, до летней эвакуации 1915 г, удалось значительно увеличить пропускную способность линии Курск — Москва — с 800 до 1200 вагонов в день Были усилены и другие участки, выходящие из Донбасса на север и на запад Участок Зверево — Козлов — Москва увеличил пропускную способность на 250 вагонов, или на 33%, участок Купянск — Валуйки — Елец — Раненбург — на 250 вагонов (85%), Льгов — Брянск — Витебск — на 200 вагонов (42%), Витебск — Петроград — на 200 вагонов (51%), Москва — Петроград — на 250 вагонов в день ¹⁴⁷ В результате принятых мер из Донецкого бассейна стало возможно вывозить на север 3900 вагонов вместо 2830 вагонов в день ¹⁴⁸

Что касается Сибирской железной дороги, то в первую очередь было обращено внимание на усиление выходов через Екатеринбург — Вятка и южного выхода Челябинск — Сызрань — Батраки К 1 июля 1915 г участок пути Екатеринбург — Вятка увеличил пропускную способность с 232 вагонов до 348, Вятка — Вологда — с 234 до 390 вагонов, Вологда — Тихвин — с 336 до 416 вагонов, Вологда — Ярославль — с 296 до 407 вагонов, Тихвин — Обухово — с 588 до 756 вагонов ¹⁴⁹ В результате указанных мер приток грузов с окраин к центру увеличился на 1500 вагонов в день, или на 43% Однако в первый год войны больше внимания и сил было обращено на фронтовые дороги, чем на дороги тыла За этот год на железных дорогах фронта было построено 643 версты вторых путей и новых дорог, в то время как в тылу было построено лишь 315 верст вторых путей ¹⁵⁰

Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке ¹⁵¹ дает ясное представление о характере работ по усилению пропускной способности железных дорог во втором году войны На основании этого отчета, который в глазах буржуазного общества стремился показать деятельность Особого совещания по перевозке в выгодном свете, видно, что на год (с сентября 1915 г по сентябрь 1916 г) железным дорогам тыла было разрешено работ на сумму 520 млн. руб Из этой суммы только незначительная часть расходов — 37 млн. руб — приходилась на строительство новых железнодорожных линий Наиболее крупным строительством являлся участок Буй — Данилов, постройка которого делала ненужным строительство второго пути на линии Вологда — Данилов

Крупные расходы, исчислявшиеся в 125 млн руб, были ассигнованы на усиление пропускной способности дорог. Только по 39 участкам железных дорог ¹⁵² после выполнения намеченных работ пропускная способность увеличивалась свыше чем на 9 тыс вагонов, или процентов на 70 по сравнению с существовавшей Большие средства — 25 млн руб — затрачивались на усиление пропускной способности Петроградско-го и Московского узлов Общая стоимость работ по усилению провозоспособности дорог достигала суммы 350 млн руб Следует, однако, иметь в виду, что львиная доля этих средств приходилась на загранич-

¹⁴⁷ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке, 1916, стр 30—33

¹⁴⁸ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну, ч. II, стр. 130—131

¹⁴⁹ Там же, стр 51.

¹⁵⁰ Там же, стр 55—57

¹⁵¹ Там же, стр 156—161 и особенно приложение 14

¹⁵² Там же, стр 158—159, где дан полный перечень участков

ные заказы 1300 мощных паровозов и 35 тыс товарных вагонов общей стоимостью 236 млн руб ¹⁵³

Выступая на мартовской сессии 4-й Государственной думы, Трепов сообщил, что на усиление пропускной способности железных дорог, на сооружение новых линий и усовершенствование узлов в 1916 г предположено израсходовать 355 млн руб ¹⁵⁴ В 1916 г продолжались работы по усилению выходов из Донбасса по направлению к Москве; было обращено также внимание на усиление дороги между Москвой и Петроградом, на усиление Московской окружной дороги и т. д. Особое содействие выдало русским заводам новые заказы на 24 тыс товарных вагонов для казенных железных дорог и 12 тыс вагонов и 620 паровозов для частных дорог

Не считая расходов на постройку Мурманской железной дороги и дороги Петроград — Рыбинск, правительство исчисляло затраты на железные дороги за один только 1915/16 г в сумме свыше 800 млн руб, в том числе на улучшение материального положения служащих (главным образом, увеличение жалованья в связи с дороговизной) — свыше 100 млн руб ¹⁵⁵ Если же учесть все расходы до Февральской революции 1917 г., то они составили до 1 млрд руб по тыловым дорогам, а вместе с фронтовыми дорогами — до 1,5 млрд руб

О размерах железнодорожного строительства дают представление следующие данные за два года, с октября 1915 по октябрь 1917 г, было построено 3290 верст новых дорог, уложено 1195 верст вторых путей, в постройке находилось 3500 верст. Свыше 1,5 тыс верст железных дорог было перешито с заграничной колеи на широкую, но были оставлены и захвачены неприятелем около 800 км вновь построенных дорог и 900 км недостроенных осталось на захваченной неприятелем территории ¹⁵⁶

Проведенные правительством мероприятия серьезно усилили выходы из Донбасса и Сибири. Пропускная способность некоторых дорог увеличилась на 30—40% ¹⁵⁷ Однако никоим образом не следует преувеличивать значение проведенных министерством путей сообщения мероприятий. Были проведены в жизнь лишь абсолютно необходимые работы, которые, конечно, помогли несколько увеличить пропускную способность дорог и узлов, в частности помогли обеспечить переброску топлива и продовольствия к Москве и Петрограду. Работы сколько-нибудь широкого масштаба, за исключением строительства Мурманской железной дороги, на дорогах тыла не проводились. Коренным образом исправить недостатки железнодорожной сети правительство было не в состоянии.

Всячески подчеркивая усиление работы железных дорог, правительство вместе с тем было вынуждено признать недостаточность достигнутых результатов. В полусекретной брошюре «О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны», выпущенной весной 1916 г и отражавшей взгляды министерства путей сообщения, говорится: «Несмотря на столь значительное поднятие работоспособности отдельных линий, все же пропускная способность многих дорог и их узлов не отвечает тем размерам движения, какие требуются для современного удовлетворения всех потребностей. Например, если учесть все количество

¹⁵³ Там же, стр. 161

¹⁵⁴ Стеногр. отчет 4-й Гос. думы четвертого созыва, сессия IV, заседание 37, 15 марта 1916 г.

¹⁵⁵ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке, стр. 63

¹⁵⁶ ЦВИА, ф. 2000 оп. II, д. 9731 (1915—1917 гг.) Справка начальника отдела воинского движения Полевого управления дорог («О построенных новых линиях и вторых путях»)

¹⁵⁷ Н. Васильев. Указ соч., стр. 95—97

грузов, какое необходимо ежедневно доставлять по Николаевской железной дороге для удовлетворения потребностей Северного фронта, армий и населения всего Северо-западного района, включая Финляндию и Петроград, и всех многочисленных заводов и фабрик, расположенных в этом районе, то Николаевской дороге надлежало бы перевозить не менее 2200 вагонов», ¹⁵⁸ в то время как она перевозила 1500 вагонов в день. Такое положение существовало и на других дорогах, так что, по признанию официоза, пропускная способность нескольких главных магистралей «не достигала на 20 и до 40% того, что было бы необходимо для удовлетворения всех потребностей, подлежащих учету» ¹⁵⁹

Как уже указывалось, развитие перевозок тормозила не только недостаточно развитая сеть железных дорог, но также недостаток паровозов и вагонов. О поступлении подвижного состава мы уже говорили. Потребности военного ведомства фактически целиком поглощали всю продукцию русских заводов и даже значительно ее превосходили. В 1916 г. по требованию штаба верховного главнокомандующего для обслуживания дорог фронта и вновь строящихся фронтовых дорог необходимо было передать 1947 паровозов нормального типа, что в три раза превышало годовую производительность страны по паровозам. Дороги фронта требовали 2500 верст рельсов и несколько десятков тысяч вагонов. ¹⁶⁰ Учитывая поступление заказанных за границей вагонов и паровозов полностью в распоряжение дорог Ставки, ген. Алексеев настаивал перед министерством путей сообщения о дополнительном заказе 5 тыс верст рельсов, 25 тыс вагонов и 500 мощных паровозов (или 750 нормальных) ¹⁶¹

До 1916 г. количество паровозов и вагонов на железных дорогах империи растет, а за 1916 г. происходит значительное сокращение. Очевидно, усиленная работа вывела из строя очень много подвижного состава и паровозов. Движение паровозов и вагонов за 1914—1916 гг. представляется в следующем виде ¹⁶²

	Паровозы (всех видов)	Вагоны (всех видов)
На 31 декабря 1914 г.	20 071	539 549
На 31 декабря 1915 г.	20 731	575 601
На 31 декабря 1916 г.	16 837	463 419

Цифры показывают громадное снижение к концу 1916 г. количества паровозов и вагонов; количество паровозов уменьшилось на 20% и на столько же сократилось количество вагонов. Это очень показательно. Если до конца 1916 г. кризис транспорта происходил при постепенном возрастании подвижного состава, то в 1916 г. кризис вступил во вторую стадию, более глубокую. Разруха транспорта происходила так быстро, что производительность паровозо- и вагоностроительных заводов не успевала компенсировать потерь.

¹⁵⁸ О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны, 1916, стр. 13—14.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Архив Министерства финансов СССР, ф. Особен. канц. по кредитной части Иностр. отдел, 1916, № 62. О заграничных заказах.

¹⁶¹ Там же. Письмо ген. Алексеева Трепову от 22 мая 1916 г.

¹⁶² Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. II, стр. 143 и 148.

Положение транспорта отражало только общее положение всего народного хозяйства. Империалистическая война потребовала от русского капитализма такого напряжения производственных ресурсов, что он уже не мог добиться процесса воспроизводства. Война стала вестись за счет основного капитала страны, который беспощадно расхищался. На примере с транспортом это можно проследить особенно ясно. К 1 января 1916 г. было максимальное количество паровозов и вагонов. К тому же из-за границы поступило 400 мощных паровозов и 13 160 большегрузных вагонов, а русские заводы дали 700 новых паровозов и 28 тыс. вагонов, и все же на 1 января 1917 г. железным дорогам недоставало 128 313 товарных вагонов, 1884 мощных паровоза и 28 млн пудов рельсов.¹⁶³

За 1916 г. дело не только не улучшилось, но явно ухудшилось. Кроме значительного абсолютного сокращения подвижного состава, росло количество «больных» паровозов и вагонов — верный спутник разрухи транспорта. В августе 1914 г. «больных» товарных вагонов было 37% от общего количества, в августе 1916 г. — 56%, а в январе 1917 г. — уже 69%. «Больных» паровозов до войны было 16%, а в феврале 1917 г. — 22,2%.¹⁶⁴

Одновременно с разрушением паровозного парка и подвижного состава происходит понижение производительности железных дорог.оборот товарных вагонов удлинился с 5,4 суток в 1916 г. до 7,2 суток (т. е. на 33%) в январе — феврале 1917 г. Это было равносильно уменьшению работы всего товарного парка на одну треть. За это же время суточная погрузка уменьшилась на 22%.

Параллельно с ростом работы транспорта увеличивалось и потребление топлива, которое сжигалось железными дорогами. Накануне мировой войны подавляющее большинство паровозов, особенно на казенных железных дорогах, работало на угле. Из 11 546 паровозов (по 20 казенным дорогам) 7582 паровоза (около 2/3 парка) работали в 1912 г. на угле, около четверти парка — на нефти и 8% — на дровах.¹⁶⁵ На частных дорогах около трети паровозов работало на нефти, а остальные на угле. Во время войны произошло резкое повышение потребления всех видов топлива и особенно донецкого угля.

Следующая таблица дает представление о потреблении топлива в 1913—1916 гг.¹⁶⁶

Годы	Каменный уголь (в млн пуд)	Нефть (в млн пуд)	Дрова (в тыс куб саж.)
1913	556 6	109 7	898 5
1915	676 6	138 1	1 357.2
1916	672 0	169 0	1 615.9
В 1916 г. в процентах по сравнению с 1913 г.	120.8	154 5	179.8

¹⁶³ Архив министерства финансов СССР, ф. Особен. канц. по кредитной части, Иностр. отдел, 1916, № 62. О заграничных заказах.

¹⁶⁴ М. М. Шмуккер. Указ. соч., стр. 74. Шмуккер в своей работе переоценивает работу транспорта, однако и он признает, что частичное улучшение эксплуатации в 1916 г. «не обнимало всех сторон» железнодорожного транспорта и «парализовалось» ухудшением работы его прочих отраслей.

¹⁶⁵ Потребление топлива железными дорогами в 1912 г., Баку, 1914.

¹⁶⁶ ЦВПК. Потребление топлива железными дорогами за 1911—1916 гг., П., 1916, стр. 14.

Потребление топлива фронтовыми дорогами в 1916 г увеличилось по сравнению с 1913 г на 63 %. Увеличение потребления угля почти целиком падает на донецкий уголь, который в 1913 г составлял только 55 % к общей массе потребления железными дорогами угля, а в 1916 г повысился до 75%.¹⁶⁷ Только на 21 дороге, работавшей исключительно на угле, в 1915 г было сожжено на 188,8 млн пудов донецкого угля больше, чем в 1913 г, а в 1916 г — на 200 млн пудов больше.

Некоторые исследователи пытаются объяснить рост потребления топлива железными дорогами ухудшением качества угля. Такая точка зрения едва ли верна. Особая комиссия министерства путей сообщения, обследовавшая зольность углей, получаемых транспортом с копей, установила чрезвычайно незначительное повышение зольности.¹⁶⁸ Причина роста потребления топлива крылась в увеличении движения и изношенности паровозов. В конце 1916 г процент «больных» паровозов значительно вырос, и контроль за сжиганием топлива ослабел. По этим причинам в 1916 г на 100 паровозоверст сжигали топлива на 21% больше, чем в 1913 г. Надо еще учесть увеличение работы железных дорог, и особенно прифронтовых, где в 1916 г потребление всех видов топлива увеличилось против 1913 г на 63 %.¹⁶⁹

Общее увеличение работы и провозоспособности транспорта в годы войны совершенно бесспорно. Но несмотря на это, также очевидно, что с 1916 г начался его кризис. В марте 1916 г министр путей сообщения А. Ф. Трепов выступил с думской трибуны с опровержением распространившегося в обществе и печати мнения о наличии в стране железнодорожного кризиса, который справедливо расценивался в качестве одной из коренных причин расстройства всей хозяйственной жизни. По мнению Трепова, увеличение работы дорог на 40—50 % по сравнению с мирным временем «неопровержимо свидетельствует» о том, что расстройство транспорта «фактически нет».¹⁷⁰ Министр соглашался признать недостаточность развития сети дорог и нехватку вагонов, но не расстройство транспорта.

Несостоятельность утверждения А. Ф. Трепова была на том же заседании доказана выступлениями членов Думы. Депутаты Хаустов, Герценвиц, Годнев, Лашкевич, выступавшие по докладу Трепова, красочными примерами иллюстрировали состояние железнодорожной разрухи и царившее на железных дорогах взяточничество. Годнев указал, что количество железнодорожных станций, закрытых для приема грузов, колеблется от 550 до 575, а количество груженных вагонов, задержанных в пути из-за конвенционных запрещений, ежедневно доходит до 11 тыс.¹⁷¹ Трепов не нашел доверчивых слушателей среди членов Думы, а о широких слоях населения и говорить не приходится.

Однако утверждение Трепова об отсутствии в 1916 г железнодорожного кризиса, хотя и в ослабленном виде, проникло в литературу. М. М. Шмуккер, данными которого мы несколько раз пользовались, относит появление кризиса лишь к началу 1917 г, т. е. по существу ко времени Февральской революции. «Только со второй половины 1916 г, — пишет он, — начали появляться тревожные, едва уловимые симптомы надвигающейся разрухи транспорта: помесичное сокращение перевозок,

¹⁶⁷ Транспорт и народное хозяйство, вып. II, стр. 5.

¹⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. мин. торговли и промышленности. «Всеподданнейший» доклад кн. Шаховского от 20 февраля 1917 г.

¹⁶⁹ Потребление топлива железными дорогами за 1911—1916 гг., стр. 11.

¹⁷⁰ Стеногр. отчет 4-й Гос. думы, сессия IV, заседание 37, 15 марта 1916 г.

¹⁷¹ Там же.

появление недогрузов угля и дров, ухудшение ремонта состава, пути и т. д. Особо рельефно появление кризиса обнаружилось в первые два месяца 1917 г., когда как сокращение перевозок и недогрузки, так и залежи грузов на станциях и на колесах достигли еще более крупных цифр»¹⁷² Ряд авторов, в том числе и Гриневецкий, пытались признать наличие кризиса лишь после Февральской буржуазно-демократической революции¹⁷³ Желание этих авторов свалить ответственность за разруху на пролетариат, предъявивший законные требования о повышении заработной платы, слишком очевидно Миллиарды пудов невывезенных грузов, явный недостаток паровозов и вагонов для перевозки угля и металла — все эти явления, сковывавшие всю хозяйственную жизнь страны, начались задолго до Февральской революции Уже в 1916 г. нельзя было увеличить выплавку металла из-за плохой работы транспорта Города оставались без хлеба и угля по вине железных дорог, сотни предприятий останавливались по этой же причине

Одновременно с речью Трепова (март 1916 г.), смазывавшего дезорганизацию железных дорог и усиливавший развал самого царизма, на 5-м Всероссийском съезде городов А. И. Фролов говорил о скопившихся на железнодорожных станциях залежах грузов в количестве 150 тыс. вагонов, в том числе 50 тыс. вагонов внеочередных грузов, дальнейший прием грузов для отправки был прекращен на 575 станциях и т. д.

Залежи на железных дорогах наблюдаются с самого начала войны, и чем дальше, тем они все больше возрастают Министерство путей сообщения само признавало, что за 1914 г. не было перевезено до 2 млрд. пудов грузов, перешедших на 1915 г. В первой половине 1914 г. залежи грузов составляли 39 тыс. вагонов, а во второй увеличились до 84 тыс. вагонов Правда, к февралю 1915 г. их удалось уменьшить до 65 тыс. вагонов, но к февралю 1916 г. они снова достигли огромной цифры 150 тыс. вагонов Залежи стали хроническим явлением, нарушая тем самым нормальный ход экономической жизни страны и работы самого транспорта В результате возник продовольственный голод в городах и на фронте при наличии больших запасов хлеба в тылу Металлургические заводы останавливались из-за недостатка топлива при наличии невывезенного угля в Донбассе

Еще в конце 1914 г. Совет съезда представителей торговли и промышленности в официальном документе — записке, адресованной председателю Совета министров, указывал, что недостаток вагонов «вызвал в русской торгово-промышленной жизни кризис, угрожающий со дня на день разразиться катастрофой, чреватой неисчислимыми бедствиями»¹⁷⁴

В записке подробно описывается влияние кризиса транспорта на различные отрасли промышленности и выражено опасение в возможности остановки работы предприятий, «кои заняты снабжением армии предметами обмундирования, снаряжения и вооружения, а также продовольствием населения». Буржуазия советует правительству принять «чрезвычайные меры, которые бы устранили опасность, угрожающую всей хозяйственной жизни страны» Рецепт буржуазии заключался не в тех мерах, которые были приняты правительством через год — в декаб-

¹⁷² М. М. Шмуккер Указ соч., стр. 130.

¹⁷³ «Административно-техническая дезорганизация железных дорог началась в серьезных размерах с первых месяцев революции» (В. И. Гриневецкий Указ соч., стр. 112).

¹⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. ЦВПК, папка 71, докладная записка № 32737 от 29—31 декабря 1914 г.

ре 1915 г и выразились в создании вместо одного распорядительного комитета — другого, а в усилении материально-технической базы транспорта «По предварительному подсчету, — указывалось в записке, — требуется в пополнение вагонов парка по крайней мере 70 тыс вагонов, между тем как все существующие вагонные заводы и мастерские железных дорог могут изготовить в 1915 г 49 тыс, а ежемесячно около 4 тыс вагонов, а по более верным сведениям г министра путей сообщения эти заводы могут выпустить не более 2500 вагонов в месяц» Далее записка рекомендует дать полную нагрузку русским заводам на ряд лет, «не останавливаясь перед стоимостью вагонов», а недостающее количество заказать за границей

Одновременно Совет съездов просил о субсидировании правительством вагоностроительных заводов и передаче им запасных вагонных частей с целью ускорить изготовление вагонов Правительство посчиталось с этим советом и очень быстро выдало заказ на полную мощность вагоностроительных заводов Как видно из следующей записки от 12 февраля 1915 г, врученной председателю Совета министров,¹⁷⁵ вагонные заводы получили на 1915 г заказ на 36 115 вагонов и еще 7289 штук «условно» Это количество не покрывало всей потребности в товарных вагонах Поэтому буржуазия вновь ставит перед правительством вопрос о выдаче 14 вагоностроительным заводам страны долгосрочных заказов на 3—5 лет, указывая на возможность при этом условии увеличить производство вагонов уже в 1916 г до 63 тыс штук в год Действительно, вагоностроительные заводы могли бы за два года изготовить до 100 тыс вагонов, но буржуазия не учитывала еще, что общая разруха в стране не позволит уже в 1915 г обеспечить заводы металлом, топливом, а рабочих — продовольствием

16 марта 1915 г состоялось заседание Совета съездов представителей промышленности и торговли, на котором было заслушано сообщение Бубликова о согласии министра путей сообщения повысить цену на вагоны и выдать трехлетний заказ вагоностроительным заводам. На заседании указывалось на возможность увеличить производство до 62 тыс вагонов в год, но выполнение всей программы упиралось в снабжение заводов При том порядке снабжения, который существовал, заводы не могли в 1915 г выпустить и 41 тыс вагонов В связи с этим на заседании было решено добиваться привилегированного снабжения заводов, как работающих непосредственно на оборону¹⁷⁶ Усилия эти, однако, не дали никаких плодов 15 заводов, выполнявших заказы на товарные вагоны для министерства путей сообщения, недодали к 1 января 1916 г 11 092 товарных вагонов, а 8 паровозостроительных заводов недодали 268 паровозов¹⁷⁷ Нормальная работа промышленности давно уже была нарушена. Как ни срочны и необходимы были рельсы, вагоны и паровозы, военное ведомство в первую очередь снабжало металлом заводы, изготавливавшие снаряды, и отпускало очень скромную норму металла для нужд путей сообщения

Работники министерства путей сообщения видели, что самое слабое место транспорта — это недостаток подвижного состава и рельсов Они всячески старались получить возможно больше и того и другого со своих заводов, но это уже фактически зависело не от них Так, в январе 1916 г. министр путей сообщения возбудил ходатайство перед

¹⁷⁵ Там же, докладная записка № 33209 от 12 февраля 1915 г

¹⁷⁶ К вопросу об обеспечении сырьем вагоностроительных заводов «Горнозаводское дело», 1915, № 12.

¹⁷⁷ ЦВИА, ф 369, оп 13, д 21, лл 315—316

военным министром об увеличении производства рельсов на русских заводах с 440 верст ежемесячно до 600 верст. Общая годовая потребность в рельсах была определена в 11 тыс верст,¹⁷⁸ следовательно, две трети ее должны были удовлетворить русские заводы. Военное министерство пошло навстречу железным дорогам, и председатель Особого совещания по обороне фиксировал месячную программу каждому заводу, исходя из общего расчета 2600 тыс пудов рельсов и 330 тыс пудов накладок в месяц.¹⁷⁹

Так было на бумаге. В действительности производство едва достигало 50% намеченного плана. По всем 12 заводам было изготовлено в январе 1916 г 1364 тыс пудов рельсов, в феврале — 1488 тыс пудов, в марте — 1665 тыс пудов, а в апреле производство рельсов сократилось до рекордно низкой цифры — 1079 тыс пудов.¹⁸⁰ Трепов вновь обратился в феврале 1916 г к военному министру Поливанову с письмом, в котором просил принять специальные меры к увеличению производства рельсов, указав на трудности с закупкой рельсов за границей. Трепов признал создавшееся положение «угрожающим».

Для практического обсуждения вопроса была создана межуведомственная комиссия, 10—13 марта 1916 г она провела несколько заседаний, на которых присутствовали представители заводских совещаний ряда районов.¹⁸¹ На совещании выяснилось, что Надеждинский завод (Урал) вовсе прекратил прокатку рельсов и не выполнил заказ почти на 2 млн пудов для казенных железных дорог, так как завод перешел на производство стали для снарядов. Рассмотрев производственную способность заводов, изготовлявших рельсы, комиссия пришла к выводу, что предприятия без Надеждинского завода, не сокращая заказов на оборону, могут дать 26 млн пудов рельсов ежемесячно, а с учетом возможного привлечения Надеждинского завода — 28 млн пудов в месяц, т. е. примерно столько, сколько просило министерство путей сообщения. Комиссия установила, что помимо объективных трудностей одной из причин сокращения производства рельсов является «невыгодность ныне такого производства по сравнению с другими исполняемыми заказами».¹⁸² Другими словами, заводчики саботировали выполнение важнейшего государственного заказа, чтобы добиться повышения цен на рельсы. Материалы комиссии были переданы председателю Особого совещания по обороне, который вновь утвердил норму производства рельсов в 26 млн пудов и 300 тыс пудов накладок в месяц.¹⁸³

Так же плохо обстояло дело и с выполнением заказов на подвижной состав. Здесь причина лежала не в недостаточной производственной возможности заводов, изготовлявших эти заказы, а в том, что из-за расстройств железнодорожного транспорта заводы месяцами не получали необходимых материалов и грузов — швеллеров, пароперегревательных труб, вагонных брусев, листового железа и т. д. В докладной записке от 21 апреля 1916 г, поданной в Особое совещание по обороне председателем заводского совещания Московского района ген. Чердынцевым, приводятся многочисленные факты, когда нехватка нужных материалов тормозила производство Коломенского, Орловского, Брянского и других заводов, выполнявших заказы для

¹⁷⁸ Там же, лл 61—62

¹⁷⁹ Там же, л 130

¹⁸⁰ Там же, лл 134—136

¹⁸¹ Там же. Журнал совещания, лл 162—169

¹⁸² Там же, л 166

¹⁸³ Там же, лл 248—251

министерства путей сообщения. С исключительной резкостью Чердынцев подчеркивает, «что главной причиной понижения производительности паровозостроительных заводов является неперевозоспособность железных дорог. Поэтому и принятие мер к урегулированию этого вопроса должно быть направлено по отношению к железным дорогам, а не заводам»¹⁸⁴

Если допустить известную односторонность в освещении проблемы Чердынцевым, продиктованную желанием все свалить на железные дороги, все же показательно, что за год до Февральской революции 1917 г. плохая работа крупнейших предприятий страны, выполнявших важнейшие правительственные заказы, уже связывается с расстройством снабжения по вине железных дорог. Несмотря на неоднократные напоминания о важности этих заказов и выгодность их для заводчиков правительству так и не удалось добиться выполнения намеченных планов. При общей производительности рельсопрокатных заводов в 72 млн пудов в год, в 1916 г. было с трудом изготовлено около 17 млн пудов рельсов, что составляло около 50% намеченного годового плана¹⁸⁵. На следующий 1917 г. управляющий министерством сомневался в возможности получить и такое количество. Между тем «неотложная потребность в рельсах» только для дорог фронта определялась ежемесячно более чем в 2 млн пудов. В связи с этим дороги тыла могли рассчитывать на получение рельсов «исключительно из-за границы». Отныне все больше заказов министерства путей сообщения передаются в США. Однако отсутствие достаточного количества валюты не давало возможности сделать там значительный заказ подвижного состава, а то, что удавалось оттуда получить, шло главным образом на удовлетворение нужд дорог фронта. В тылу снимали сотни верст рельсов, скрепления, отнимали паровозы и вагоны и все отдавали военным дорогам. «Прирост подвижного состава в текущем (1916 — А. С.) году, — констатировалось на заседании Особого совещания 14 декабря 1916 г., — почти целиком был использован для удовлетворения нужд фронта, так что железные дороги тыла остались при прежнем количестве подвижного состава. Попытка ведомства поместить крупный заказ на подвижной состав за границей встретила затруднения в отношении обеспечения такового заказа валютой и тоннажем»¹⁸⁶.

Между министром путей сообщения Треповым и военными министрами Поливановым и Шуваевым шла непрерывная борьба за выполнение плана заказов для железных дорог. Создавались комиссии, обследовались заводы, но реальные результаты были ничтожны. Меры правительства сводились главным образом к созданию распорядительных комитетов и особых совещаний по перевозкам. В улучшении методов организационно-административного руководства железными дорогами правительство видело ключ к решению транспортной проблемы, игнорируя экономическую сторону дела.

6 РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОЗОК

До войны регулированием перевозок на транспорте занимались Центральный комитет по перевозкам и порайонные комитеты. Во время войны были созданы Распорядительный комитет по перевозкам военно-

¹⁸⁴ Там же, стр. 285—286.

¹⁸⁵ ЦВИА, ф. 368, д. 67. Доклад Войновского-Кригер Совету министров.

¹⁸⁶ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, Журнал Особого совещания № 127 от 14 декабря 1916 г.

го времени, а позднее, в 1915 г — Особое совещание по перевозкам с периферийным аппаратом

Распорядительный комитет был создан 3 августа 1914 г (положение о нем было утверждено 29 июля 1914 г) и просуществовал до начала декабря 1915 г Деятельность этого комитета касалась лишь тыловых дорог и сводилась к выяснению нужд военного ведомства в части железнодорожных перевозок, а также к руководству работой порайонных комитетов, которые регулировали коммерческое движение, движение в узлах, вырабатывали планы перевозок минерального топлива и т д ¹⁸⁷

До войны перевозки грузов совершались в порядке очереди Существовало пять разных очередей грузов Были и внеочередные грузы перевозившиеся по требованию государственных и общественных организаций, и ряд грузов, перевозившихся по особым правилам

Во время войны сложилась новая система перевозок — литерная, или разрешительная, по которой каждый груз, независимо от грузо-отправителя, занимал определенное место в очередности Постепенно, в связи с недостаточной провозоспособностью дорог, все грузы перевозились лишь по разрешениям Кроме того, стала вводиться известная плановость ввоза и вывоза груза для определенных районов

Перевозка частных грузов в районах театра военных действий регулировалась особыми правилами, утвержденными начальником штаба верховного главнокомандующего 24 августа 1914 г При «порайонных комитетах» были созданы Особые совещания, которые устанавливали участки пути, где принимались для перевозок частные грузы, устанавливали потребности гражданских учреждений, а также намечали очередность для их перевозок Даже в период мобилизации, когда перевозка частных грузов была совсем прекращена, на деле железные дороги перевозили их, но, конечно, в меньшем количестве, чем раньше.

В общем можно сказать, что до 1915 г по известному плану перевозились лишь топливо и горнозаводские грузы, перевозка которых и до войны совершалась на основе планового распределения вагонов Конечно, это не был общегосударственный план, но постепенно во время войны при распределении вагонов стали учитывать государственные интересы

В августе 1915 г, наряду с другими особыми совещаниями, было создано и Особое совещание по перевозке, деятельность которого сводилась к объединению «мероприятий по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов» ¹⁸⁸ Следовательно, по идее совещание должно было усилить плановость перевозок военных грузов, продовольствия и топлива Кроме того, Особое совещание должно было заниматься коренными вопросами экономики транспорта и усиления пропускной способности железных дорог. Оно утверждало месячные планы перевозок и контролировало их выполнение, регулировало распределение подвижного состава, каждую треть года обсуждало и намечало меры по усилению пропускной способности дорог Следовательно, и по линии регулирования перевозок, и по линии эксплуатации и экономики транспорта создание Особого совещания по перевозке являлось шагом вперед по усилению государственного регулирования хозяйства и приспособления транспорта к нуждам и потребностям войны

Планирование перевозок хлеба было усилено Помимо плана снабжения армии продовольственными товарами был выработан порядок

¹⁸⁷ Н Васильев Указ соч, стр. 190—209.

¹⁸⁸ Особые совещания и комитеты военного времени, П, 1917, стр. 37

перевозки продовольственных грузов, выкупаемых земствами, городами и направляемых в адрес губернаторов. Из всех указанных выше категорий перевозок лишь продовольственные грузы для армии относились к старшей группе (А) внеочередных грузов. Вследствие этого снабжение городов продовольствием проводилось с большими перебоями. План перевозок продовольственных грузов, конечно, не являлся общегосударственным, строго обязательным планом. Он охватывал только потребности фронта, а также небольшую часть городов и рабочих центров, предоставляя большую часть продовольственных перевозок для тыла обычному в капиталистическом мире самотеку.

В отношении топлива до августа 1915 г. министерство путей сообщения занималось не только перевозками его, но и распределением. В сущности оно отвечало за топливное снабжение всей промышленности, хотя не имело никакого отношения к регулированию добычи. «Всепопданнейший» доклад министра путей сообщения царю 23 апреля 1915 г. был целиком посвящен угольной проблеме. В нем было дано подробное описание угледобычи в империи и особенно в Донбассе, где наблюдалось катастрофическое снижение количества рабочих и угледобычи.¹⁸⁹

Минимальные потребности страны в донецком угле определялись в 160 млн пудов в месяц. Поэтому, писал министр, «главные заботы ныне должны быть в отношении донецкого угля обращены на увеличение его добычи, что, в свою очередь, должно вызвать спешные меры по увеличению на коях рабочих». Вместо забот об увеличении перевозок топлива внимание министра путей сообщения было привлечено к решению вопросов, не имевших отношения к его обязанностям. Собственно о перевозках в этом докладе нет ни слова. Министр путей сообщения заботился об увеличении числа рабочих на коях и даже занимался коммерческой деятельностью, аннулировав все распродажи угля частным потребителям и «обратив всю производительность и все запасы донецкого угля на удовлетворение, прежде всего, сих (государственных — А. С.) потребностей с приостановкой действия упомянутых частных договоров». Решение несвойственных компетенции министра путей сообщения задач не способствовало налаживанию производства угля и вредно отражалось на управлении дорогами. В это время существовала полная неразбериха в кругу ответственности министерств. Так, министерство торговли и промышленности, устраненное от ответственности за топливное снабжение, занималось, в свою очередь, продовольственным снабжением рабочих и т. д.

С организацией Особого совещания по топливу, во главе которого стоял министр торговли и промышленности, распределение топлива было снято с министерства путей сообщения. Ежемесячные планы снабжения топливом составлялись Особым совещанием по топливу и его местными органами, а на основе этих планов уже составлялся план вывозки топлива, причем сохранялась определенная очередность погрузки. В целях более планомерного снабжения топливом различных групп все потребители топлива делились на три группы, и в случае недостатка вагонов производилась определенная процентная скидка с намеченного планом распределения по всем группам. В общем за флотом, оборонными предприятиями и железными дорогами попрежнему сохранилось преимущественное право снабжения и перевозок.

¹⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. мин. путей сообщения, III отдел, ст. I, д. 52. «Всепопданнейший» доклад министра путей сообщения от 23 апреля 1915 г.

В результате деятельности Особого совещания по перевозке усилилась, особенно с 1916 г, плановость в перевозке важнейших грузов. По планам перевозились военные грузы, интендантское имущество, различные металлы для оборонных предприятий, рельсы, топливо (уголь, нефть), хлопок, продовольствие для столиц и для северного и северо-западного районов, важнейшие строительные материалы для строительства оборонных предприятий.

Однако общего государственного плана перевозок не было. Огромное количество грузов перевозилось стихийно, без плана, за взятки. Да и «планы» составлялись под сильным влиянием не одних только общегосударственных нужд и потребностей, но и частных интересов. Транспорт переживал очень серьезный кризис, приковавший к себе внимание всех четырех Особых совещаний, создавших объединенную комиссию для исследования вопроса.

Комиссия охарактеризовала положение как катастрофическое. Начальник управления железных дорог Борисов не был заинтересован называть вещи своими именами, но и он в объяснительной записке, представленной 14 ноября 1915 г в Особое совещание по перевозке,¹⁹⁰ достаточно резко критиковал существовавшую практику планирования, вернее бесплановости, порождавшую «очень серьезные затруднения». Кроме недостаточной оборудованности сети, причины «серьезных затруднений» Борисов видел в распыленности перевозочных средств дорог, которые используются независимо от министерства целым рядом правительственных и общественных учреждений, самостоятельно предъявляющих к дорогам многочисленные требования и наряды на перевозки. В ряде случаев эти требования не отвечали действительной потребности, были мало согласованы между собой, не считались с возможностью их выполнения и с условиями дальнейшего следования грузов по другим дорогам. Такой порядок, указывал Борисов, ведет к громадной, ежедневно меняющейся переброске порожних вагонов к пунктам погрузки, к нервной и напряженной, но мало производительной работе служащих и к нерациональному использованию средств дорог, так как срочно, но непланомерно погруженные вагоны постоянно приостанавливаются в дальнейшем своем движении вследствие перегруженности отдельных участков дорог, узлов или пунктов назначения. Кроме непроизводительных простоев вагонов и загромождения дорог следования, это вызывает неправильный оборот товарных вагонов, постоянный их отлив в районы доставки, особенно в западный район военных действий, и недостаток свободных вагонов в районах отправления.

В целях лучшего использования перевозочных средств в интересах государства Борисов предлагал ряд мер организационного характера, выполнение которых потребовало создания особого коллегиального органа. Временного распорядительного комитета по железнодорожным перевозкам, созданного в ноябре 1916 г. Первое заседание Распорядительного комитета состоялось 3 декабря 1915 г при участии начальника военных сообщений Ставки генерала Ронжина.¹⁹¹ После этого комитет

¹⁹⁰ ЦВИА, ф. 369, д. 106, лл. 361—364. Объяснительная записка Борисова от 14 ноября 1915 г, № 3019.

¹⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 290, оп. 1, журналы Временного распорядительного комитета. В архиве сохранился полный комплект журналов и обзоры его деятельности. Журналы, дающие подробную протокольную запись существа обсуждавшихся вопросов и принимаемых решений, представляют ценнейший материал для изучения не только регулирования перевозок грузов во время войны, но и экономического положения страны.

проводил регулярно свою работу, собираясь по 8—10 раз в месяц ¹⁹²

На первом заседании комитет заслушал доклад начальника эксплуатационного отдела министерства путей сообщения, который ознакомил комитет с состоянием перевозок на сети и наличием вагонов и паровозов по отдельным дорогам. Особое внимание комитет уделил усилению деятельности Петроградского железнодорожного узла, снабжению подвижным составом горнозаводского района и сибирских железных дорог. Затем комитет составил план перевозок продовольствия и фуража на срок с 10 до 31 декабря 1915 г. Чтобы внести некоторые элементы плановости в работу железных дорог, комитет решил, что начиная с января 1916 г. Ставка будет давать ежемесячные заявки на перевозки для нужд армии, на основе которых Распорядительный комитет не позже 20 числа каждого месяца будет вырабатывать «общий план интендантских перевозок на будущий месяц» ¹⁹³ Таким образом, комитет начал с упорядочения военных перевозок.

Ввиду огромных затруднений с перевозкой топлива и сырья даже для крупнейших военных заводов комитет признал необходимым развить плановые перевозки таких грузов не только из Донецкого, но и из других районов.

План перевозок твердого топлива рассматривался в связи с другими перевозками. Этим обеспечивалась большая вероятность выполнения утверждаемых планов. Комитет пересматривал и иногда на деле даже отменял планы, установленные Особым совещанием по перевозкам. Так, Особое совещание по топливу утвердило план вывоза топлива на апрель 1916 г. в количестве 136,2 млн пудов, а комитет установил «как крайний, допустимый для апреля предел, основное назначение в 120 млн пудов и факультативное в 5 млн пудов» ¹⁹⁴ При утверждении плана перевозок на май 1916 г. комитет не согласился с предложением военного министерства повысить вывозку военных и частных грузов и сократить вывозку рельсов ¹⁹⁵.

Было бы, однако, неправильно считать, что комитет установил полную плановость перевозок. Кроме перевозок топлива (угля) по другим видам грузов не было общих имперских планов. Элементы плановости вводились ощупью и слишком робко. Большей частью план устанавливался только для отдельных центров, районов или групп заводов. Так, план перевозки продовольствия для Петрограда был утвержден 22 декабря 1915 г. ввиду новизны дела лишь на полмесяца.

Больше и чаще всего комитету приходилось заниматься Петроградским узлом. Объясняется это, конечно, и политическим значением столицы, и ролью промышленности Петрограда для военных целей. Намеченная комитетом для Петрограда норма завоза топлива и продовольствия нарушалась, и тогда принимались экстренные меры. Так, в конце декабря 1915 г. и в январе 1916 г., в связи с создавшимся в Петрограде катастрофическим положением с продовольствием и топливом, был выработан детальный график ежедневного завоза различных видов продовольственных грузов в количестве 277 вагонов. Еще хуже в Петрограде обстояло дело с топливом. Многие петроградские

¹⁹² За первый месяц комитет собирался 10 раз, до конца января 1917 г. состоялось 136 заседаний.

¹⁹³ ЦГИА, ф. 290, оп. 1. Обзор деятельности Распорядительного комитета.

¹⁹⁴ Там же. Обзор деятельности Временного распорядительного комитета с февраля по 31 марта 1916 г., л. 94. Разумеется, комитет подробно мотивировал свое решение.

¹⁹⁵ Там же. Журнал заседаний комитета № 7 от 22 декабря 1915 г., № 10 от 2 янв. 1916 г. и № 15 от 16 мая 1916 г.

заводы, работавшие на оборону, оказались под угрозой остановки¹⁹⁶ Чтобы исправить положение, было решено прекратить на семь дней транзитное пассажирское движение и использовать освободившиеся паровозы и вагоны для перевозок угля По расчетам комитета, это должно было дополнительно дать за семь дней до 15 млн пудов угля И действительно, за пять дней в Петроград было доставлено 4 тыс вагонов с углем и металлом, 3 тыс вагонов с продовольствием и 785 цистерн с нефтью¹⁹⁷ Но комитет был не в состоянии создать общегосударственный план перевозки продовольственных грузов Такая задача вообще казалась комитету невыполнимой ввиду «громадной сложности» ее Перевозка всех видов продовольственных грузов была возложена на местные порайонные комитеты За собой Распорядительный комитет оставил лишь доставку продовольствия для Петрограда, Финляндии и нескольких северо-западных губерний¹⁹⁸

В середине января 1916 г комитет принял важное решение, уточнявшее компетенцию комитета и других органов, ведавших регулированием перевозок¹⁹⁹ В ведении Распорядительного комитета были оставлены плановые перевозки, внеочередные перевозки массового характера, срочные маршрутные поезда, внеочередные перевозки по группе «А» и перевозки по «затруднительным направлениям»²⁰⁰ Остальные виды перевозок были разграничены между Центральным комитетом по перевозкам и порайонными комитетами Таким образом, за комитетом оставались наиважнейшие группы грузов, перевозка которых имела общегосударственное значение и срочность в связи с выполнением военных заказов

В конце января 1916 г комитет впервые установил план перевозки металла на февраль для небольшой привилегированной группы заводов²⁰¹ В план была включена перевозка чугуна для 48 заводов, снарядной стали — для 10 заводов и всех видов грузов для Путиловского завода «Для начала» плановые перевозки предусматривали 2 307 вагонов, из которых 647 вагонов были назначены маршрутными поездами, а остальные — распределены по дорогам в виде суточной погрузки Вслед за металлом были выделены перевозки хлопка в размере двух маршрутных поездов в день в адрес Московского и Петроградского районов²⁰²

Постепенно объем плановых перевозок металла, хлебных грузов для отдельных районов империи и разных полуфабрикатов для военных предприятий увеличивался Так, для Петрограда, Финляндии и северо-западных губерний плановые перевозки хлеба составили за март — апрель 1916 г 53 324 вагона, кроме того, было выделено более 6 200 вагонов семенных грузов Были утверждены также планы перевозок сырья для предприятий Петроградского района (без Путиловского завода) в марте — 2 846 вагонов и в апреле — 2 336 вагонов Перевозки

¹⁹⁶ Журнал заседаний Распорядительного комитета № 10 от 2 января 1916 г В докладе о положении дел на Петроградском узле указано, что трудности объясняются тремя причинами а) стеснением пропускной способности дороги пассажирским движением, б) ограниченной способностью Петроградской сортировочной станции и в) недостатком паровозов и паровозных бригад

¹⁹⁷ Журнал № 15 заседания комитета от 16 января 1916 г

¹⁹⁸ Журнал № 27 заседания комитета от 23 февраля 1916 г Утвержденный для этих местностей план продовольственных перевозок на март 1916 г можно было выполнять только за счет сокращения пассажирского движения

¹⁹⁹ Журнал № 15 заседания комитета от 16 января 1916 г

²⁰⁰ К их числу относились Сибирская, Пермская, Николаевская и Северные дороги, переправа у Саратова, города Архангельск и Вологда

²⁰¹ Журнал № 19 от 28 января 1916 г.

²⁰² Журнал № 20 заседания комитета от 2 февраля 1916 г

для Путиловского завода планировались отдельно в количестве 900 вагонов на февраль и 825 вагонов на март. Плановые перевозки для предприятий Московского района количественно были менее, чем для Петроградского района, но и они увеличивались с каждым месяцем: 571 вагон — в марте и 1 730 вагонов — в апреле. Видное место в плановых перевозках занимали рельсы (7 млн пудов за два месяца), металл для заводов, изготавливавших стрелки и скрепления для железных дорог (2 314 вагонов на апрель). Плановая перевозка для заводов Уральского района предусматривала 3 262 вагона на апрель, а перевозка строительных материалов для строительства воинских барачков — 3 139 вагонов в марте и 4 256 вагонов в апреле (до 10 мая).²⁰³

В связи с прибытием во Владивосток из Америки 10,2 млн пудов рельсов потребовались срочные меры для их вывозки. Комитет планировал перевезти их в течение 3 месяцев — с 20 февраля по 20 мая 1916 г. Чтобы выполнить этот план, комитету пришлось повысить провозоспособность Сибирской железной дороги с 750 до 800 вагонов в день, а ежедневную отгрузку из Владивостока увеличить с 200 до 300 вагонов, в том числе 160 вагонов воинских грузов, 100 вагонов рельсов и 40 вагонов грузов частных отправителей, в счет которых входило 10 вагонов сельскохозяйственных машин.²⁰⁴ Сибирская дорога представляла жизненную магистраль, по которой перебрасывались материалы, доставлявшиеся из Америки и Японии. Поэтому регулирование перевозок на дороге велось наиболее строго. Все же справиться с перевозкой грузов из Владивостока комитет рассчитывал главным образом потому, что во Владивосток были доставлены американские вагоны, которые там собирались и нагружались.²⁰⁵ Трудной задачей для комитета оказалась переброска для Англии льна в Архангельск и Вологду (по 67 вагонов в день) и 15 млн пудов пшеницы для отправки из Архангельска во Францию.²⁰⁶ 10 млн пудов пшеницы комитет решил отправить внеочередным порядком, наравне с плановыми грузами.

В феврале и марте 1916 г. положение на железных дорогах резко ухудшилось из-за снежных заносов, которые особенно охватили район Рязано-Уральской, Юго-восточной, Екатерининской, Московско-Казанской и Воронежской железных дорог. В связи с этим погрузка угля сократилась до 108 млн пудов в месяц.²⁰⁷

8 марта 1916 г. Распорядительный комитет слушал доклад эксплуатационного отдела, в котором указывалось на серьезные недостатки в работе дорог. В докладе указывалось, что вагонный парк фронта достиг 140 тыс. единиц и продолжает увеличиваться. Вагоны с фронта направлялись на Северные дороги, которые «перенасыщены вагонами». Николаевская дорога имела излишек в 7 тыс. вагонов. Из-за перенасыщения вагонами коммерческая скорость упала. Вывоз из Архангельска сократился с 300 вагонов ежедневно до 250—260 вагонов. Неуспешность работы дорог объяснялась плохим качеством паровозов и топлива, плохим оборудованием станций.²⁰⁸ Уже в это время были железные дороги, на которых количество больных паровозов достигало ката-

²⁰³ Обзор деятельности Временного распорядительного комитета за февраль — март 1916 года, лл. 81—88.

²⁰⁴ Журнал № 25 заседания комитета от 16 февраля 1916 г.

²⁰⁵ В феврале 1916 г. ежедневно собиралось по 16 вагонов, в половине апреля сборку рассчитывали увеличить до 60 и в мае — до 70 вагонов.

²⁰⁶ Журнал № 39 комитета от 1 апреля 1916 г.

²⁰⁷ Журнал № 29 заседания комитета от 1 марта 1916 г.

²⁰⁸ Журнал № 31 заседания комитета от 8 марта 1916 г.

строфической цифры — 37% от общего их количества ²⁰⁹ Чтобы усилить перевозку экстренных грузов, комитет решил полностью прекратить на неделю (с 20 по 26 марта) пассажирское движение

На усиление плановости перевозок министр путей сообщения возлагал теперь все свои надежды Распорядительный комитет был не в состоянии значительно усилить провозоспособность железных дорог, но внедрение элементов плановости перевозок и маршрутизации поездов все-таки позволило железным дорогам удовлетворять наиболее острые военные и хозяйственные потребности страны

В связи с летним наступлением русских войск 1916 г железные дороги фронта и тыла произвели огромные военные перевозки, но обслуживание экономических нужд тыла и техническое оснащение дорог все ухудшалось, и Распорядительный комитет оказался не в силах преодолеть резко сократившуюся провозоспособность дорог

Зимой 1916—1917 г все яснее проявляется неспособность Распорядительного комитета справиться с первоочередными перевозками, объем которых непрерывно возрастал, так как стихийное планирование комитета распространилось на все большее и большее количество перевозок Так, комитет вынужден был в плановом порядке перевозить зерно для нужд населения. 27 января 1917 г комитет утвердил на февраль 1917 г перевозку зерна в количестве 19547 вагонов ²¹⁰ Увеличились также перевозки товаров, прибывавших из-за границы К январю 1917 г в Финляндии скопилось до 50 тыс тонн различных грузов, а к началу летней навигации ожидалось еще 20 тыс тонн Финляндские железные дороги были неспособны справиться с перевозками этих грузов Они нуждались в паровозах и вагонах, которые надо было снять с европейской сети, где также ощущался большой недостаток в подвижном составе

В Уральске скопилось огромное количество рыбопродуктов Рыбопромышленники бомбардировали министерство путей сообщения бесчисленными телеграммами с требованием вагонов Комитету приходилось изыскивать вагоны, чтобы хотя бы частично обеспечить переброску рыбы в центры ее потребления ²¹¹ Рыбопромышленники добились планового выделения вагонов для вывоза рыбы, хотя министерство и отпустило им в три раза меньше вагонов, чем это было необходимо Распорядительный комитет резко и чисто механически сокращал количество вагонов для перевозки руды и металла для основных промышленных районов страны Вообще комитет придерживался политики «ввиду общей загруженности главных железнодорожных магистралей по возможности сократить размер испрашиваемых перевозок» ²¹² Для Уральского, Екатеринославского, Ревельского и Петроградского районов представленные на февраль 1917 г заявки были сокращены на 20%

В то время как Распорядительный комитет механически сокращал требования промышленности, военные предприятия испытывали острый голод в металле Одновременно главный уполномоченный по снабжению металлами обратился в комитет с ходатайством о плановой перевозке металлов для промышленных районов страны, которые не были

²⁰⁹ Журнал № 27 заседания от 23 февраля 1916 г Доклад управляющего Москвско-Виндаво-Рыбинской ж. д. Насколько плохо обстояло дело с перевозками в феврале 1916 г, показывают цифры перевозок семенных грузов из назначенных 2429 вагонов было отправлено только 1316.

²¹⁰ Журнал № 135 заседания комитета от 27 января 1917 г

²¹¹ Журнал № 138 заседания комитета от 3 февраля 1917 г

²¹² Там же

включены в плановые перевозки Комитет по делам суконной промышленности просил о плановой перевозке в феврале 1917 г. шерсти для шерстяной промышленности. Министерство земледелия обратилось с такой же просьбой о плановой перевозке скота к местам убоя при холодильниках и консервных заводах, это дало бы большую экономию в транспорте, так как на фронт доставлялось бы уже обработанное мясо и консервы, а не живой скот. Такие требования шли со всех сторон, и даже чиновники видели в твердом государственном плане выход из хозяйственной анархии. Но Распорядительному комитету, состоявшему в большинстве своем из специалистов-путейцев, оказалась не по плечу выработка общегосударственного плана перевозок важнейших грузов. Особое совещание по перевозкам, возглавляемое министерством путей сообщения, также не смогло разрешить такого большого общехозяйственного вопроса, затрагивавшего интересы многих министерств и «общественных» буржуазных организаций. Государственный аппарат в это время трещал и разваливался по всем швам. Полоса министерской чехарды, наблюдавшаяся во второй половине 1915 г., вновь началась в конце 1916 г. К руководству министерствами и ведомствами приходили новые люди, главным образом из числа специалистов, но более мелкие по размаху и политическому весу, чем их предшественники. В такое время было не до разрешения больших экономических вопросов. Работники Распорядительного комитета, помимо всего прочего, хорошо понимали, что с большим общегосударственным планом им совсем нельзя будет справиться, так как железные дороги не смогут обеспечить его выполнение. Поэтому работа многих важнейших отраслей хозяйства и отдельных важных предприятий, а также снабжение рабочего и городского населения были предоставлены стихийному ходу событий. Все это свидетельствовало о провале попыток царского правительства ввести даже ограниченное планирование перевозок и таким путем разрешить экономические задачи, стоявшие перед транспортом.

Особое совещание по обороне в 1916 г. несколько раз высказывалось за «желательность» составления общего плана перевозок. В частности, в апреле 1916 г., заслушав доклад представителя министерства путей сообщения в Особом совещании по обороне, военный министр ген. Шуваев настаивал на введении общего плана перевозок. Он указал, что, сообразуясь с таким планом, ведомства будут распределять грузы, что и «явится наилучшим, в условиях текущего времени, решением вопроса о перевозках».²¹³ Во время обсуждения этого вопроса было произнесено много речей, в которых подчеркивалась важность железнодорожного транспорта для дела обороны. Член Государственного совета Карпович предложил объявить железные дороги на военном положении. Однако Особое совещание все же не приняло решения о едином плане перевозок.

В декабре 1916 г., чтобы сколько-нибудь организовать работу транспорта, начальник штаба ген. Гурко предложил «провести спешно в законодательном порядке милитаризацию всех железных дорог империи». Трепов являлся сторонником этой идеи, но после его отставки практически осуществить это предложение до Февральской революции не удалось. Таким образом, феодально-крепостническому государству не удалось сколько-нибудь широко внедрить плановость перевозок в хозяйственную жизнь страны. Дело, разумеется, было не столько в техниче-

²¹³ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. 75. Журнал Особого совещания № 65 от 25 апреля 1916 г. Прения были закончены только на следующем заседании.

ских трудностях составления плана, сколько в том, что такой план существенно затронул бы интересы спекулянтов и банковских воротил.

По признанию отчета Особого совещания по перевозке, осенью 1916 г плановые перевозки охватывали около 15 тыс вагонов ежедневной погрузки, что составляло «от 40 до 50% всей погрузки»²¹⁴ Следовательно, больше чем наполовину железные дороги были предоставлены дельцам и спекулянтам, наживавшимся на войне. В действительности роль плановых перевозок была, вероятно, еще ниже, так как перевозки хлеба, игравшие значительную роль в плановых перевозках, выполнялись менее чем на 50%. С января по июль 1916 г из 1747 тыс вагонов, назначенных для перевозки хлеба, погружено было по плану только 837 тыс вагонов, или 48,1%²¹⁵ В отдельные месяцы выполнение плановых погрузок хлеба снижалось до 39%.

Составители отчета Особого совещания по перевозке пытаются внушить читателю мысль о том, что если плановые перевозки не удались, то вина за это должна быть возложена на товаротправителей, а не на железные дороги. «Приходится констатировать, — говорится в отчете, — что доминирующей причиной невыполнения перевозок, явилось недопредъявление грузов к отправке»²¹⁶ Между тем, как по углю, так и по продовольствию главная причина невыполнения планируемых перевозок заключалась в слабости перевозочных средств железных дорог и в неспособности государственных органов последовательно осуществить плановые перевозки. Провал идеи планирования перевозок еще более обострял как железнодорожный, так и общехозяйственный кризис в стране.

Кризис транспорта достиг особой остроты за несколько месяцев до Февральской революции, когда сильно увеличился недогруз угля, железа, продовольствия. Промышленность осталась без топлива, города — без хлеба, металлические предприятия — без металла. Обнаружился паралич важнейших отраслей хозяйственной жизни. Обстановка общего экономического кризиса страны довольно красочно передана в докладной записке председателя Государственной думы Родзянко, посланной им незадолго до Февральской революции царю²¹⁷ Родзянко надеялся, что картина нарисованного им кризиса заставит Николая скорее пойти на ряд политических уступок в пользу буржуазии. Особое внимание в записке Родзянко было уделено необходимости плановых перевозок «без различия районов тыла и фронта».

Обследование кавказских дорог в декабре 1916 г установило, что для улучшения их работы нужны рабочие руки, металл и продовольствие. Провозоспособность Сибирской дороги упала в несколько раз. По ней должно было ежедневно перевозиться 1200 вагонов летом и 1000 вагонов зимой. Но эта «нормальная» провозоспособность была ниже потребности, измерявшейся 1350 вагонами ежедневных перевозок. В конце 1916 г погрузка во Владивостоке сократилась до 150, потом до 100 и даже до 40 вагонов в день. В январе 1917 г. она опять поднялась до 100 вагонов, что давало всего лишь 10% от зимней провозоспособности. Во владивостокском порту скопилось 25 млн пудов чрезвычайно важных грузов, которые не могли быть переброшены в центр России²¹⁸ Показатели о работе железных дорог в конце 1916 г

²¹⁴ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке, стр. 105.

²¹⁵ Там же, стр. 120—121.

²¹⁶ Там же, стр. 168—169.

²¹⁷ «Красный Архив», 1924, № 10.

²¹⁸ ЦВИА, ф. 369, оп. 1. Журнал Особого совещания по обороне, № 135, 14 января 1917 г., д. 375.

свидетельствовали о глубоком кризисе, охватившем транспорт. Значительно сократились запасы топлива. На 1 марта 1917 г запасы угля на дорогах составляли 50 % того количества, которое было на 1 января 1917 г, и 22 % по сравнению с запасами на 1 января 1916 г.²¹⁹ Несмотря на бедственное положение транспорта, военное министерство сделало попытку сократить производство рельсов на 50 %, обратив освободившийся металл на изготовление тяжелых снарядов.

Зимний кризис 1916 г. вовсе не является чем-нибудь исключительным, наоборот, он был неизбежным следствием того положения, в котором к осени оказался транспорт. Недостаток подвижного состава, отсутствие металла и других материалов для ремонтных работ, дезорганизация рабочей силы, увеличение количества больных паровозов и вагонов остро чувствовались уже летом 1916 г. Указывая на них, Трепов писал председателю Совета министров Штюмеру, что они в ближайшем будущем могут не только «затруднить дальнейшее развитие перевозок» вообще на всех дорогах тыла, но «крайне затруднить и поддержание движения в настоящих его размерах».²²⁰ Никаких серьезных мер, которые могли бы уничтожить эти отрицательные явления, не было принято, да и принять их было невозможно в силу общей дезорганизации народного хозяйства.

Заслушав информацию о положении дел на транспорте в конце 1916 г., Особое совещание по обороне отметило, что «затруднения на железных дорогах приняли во второй половине года довольно острый характер». Объяснения этого явления, по мнению Совещания, крылись в несоответствии между возможностями дорог и возросшим спросом на перевозки. «Приrost подвижного состава в текущем году почти целиком был использован для удовлетворения нужд фронта, так что железные дороги тыла остались при прежнем количестве подвижного состава».²²¹ Оставались последние надежды на улучшение работы дорог — они связывались с размещением в США заказов на паровозы и вагоны, однако, как в Совещании полагали, «на скорое их прибытие в Россию рассчитывать не приходится».

Зима с морозами и буранами еще более ухудшила положение с перевозками. Продовольственный кризис в городах обострился. В течение нескольких заседаний Особое совещание по обороне обсуждало создавшееся положение. «С самого начала войны еще не было такого критического для России момента, как тот, который переживается нами ныне», — говорил Гучков, и он был совершенно прав. С самого начала войны не было еще такого глубокого кризиса транспорта и промышленности, как перед Февральской революцией. Никогда еще продовольственные затруднения не достигали такой остроты, как теперь. Наряду с экономическими затруднениями, буржуазия видела громадную для себя опасность в нарастании революционного движения масс, и поэтому принимала все меры, чтобы дело не дошло до открытой революции. Отсюда — предложение буржуазии созвать объединенное заседание четырех Особых совещаний под председательством Николая, где можно было бы развернуть всю картину экономического краха и политической опасности, чтобы добиться в свою пользу ряда экономических и политических уступок. Чиновники из министерства путей сообщения

²¹⁹ Цифровые данные мною вычислены на основе данных указанной книги И. Д. Михайлова.

²²⁰ ЦВИА, ф. 360, сп. 1. Переписка между Треповым и Штюмером.

²²¹ Там же, д. 182. Журнал заседания Особого совещания по обороне от 14 декабря 1916 г.

считали преувеличенными чрезмерные опасения буржуазного крыла Особого совещания. События в конце февраля опровергли их оптимизм.

Острый кризис железнодорожного транспорта является одной из важнейших причин того кризиса, который переживало хозяйство России перед Февральской революцией. С разрешением транспортной проблемы русский капитализм не мог справиться собственными средствами. Самодержавию пришлось обратиться за помощью к союзникам, но их помощь не поспела.

Не будучи в силах организовать работу транспорта в последние месяцы существования царизма, министерство путей сообщения вкупе с русской буржуазией много занималось составлением планов развития железных дорог на будущее. Председатель соответствующей комиссии Борисов составил план строительства железных дорог на 10 лет. По плану предусматривалось построить за этот срок 60 тыс верст дорог, из них больше половины (36 6 тыс верст) в первые пять лет, 17 5 тыс верст — в последующие пять лет, строительство остальных 6 тыс верст переходило на следующее десятилетие. Выполнение всего этого построенного на песке плана должно было обойтись, по исчислению проф В. И. Гриневецкого, до 9 млрд руб. Неосуществимость плана была явной не только по финансовым соображениям, но и из-за слабости развития отечественной металлургии.

Осенью 1915 г комиссия Центрального военно-промышленного комитета признала мало осуществимым гораздо более скромный план, сводившийся всего лишь к строительству 60 тыс товарных вагонов ежегодно. Специалист по финансовым вопросам кадет Кутлер подсчитал, что выпуск в течение пяти лет 300 тыс товарных вагонов потребует расхода 500 млн руб, вызовет увеличение строительства паровозов от 1 700 до 2 тыс паровозов в год, что также в пять лет обойдется в 500 млн руб, потребует, наконец, увеличения пропускной способности узлов, на что необходимо будет израсходовать еще 500 млн руб. Таким образом, скромная программа увеличения вагонного парка влекла за собой расход в 1.5 млрд руб, и эта программа вызывала у буржуазии возражения «финансового» свойства.²²²

Несмотря на неподходящую обстановку (война, хозяйственный и политический кризис, дороговизна, нехватка рабочей силы), буржуазия в конце 1916 г много занималась разработкой плана нового строительства железных дорог. Самый размах плановых наметок был продиктован войной, огромным размером военных заказов и военного производства. В разработке этого плана буржуазия в лице Военно-промышленного комитета выступала конкурентом правительству. Центральный военно-промышленный комитет организовал специальную комиссию во главе с инженером Бубликовым, разработавшую план строительства 28 тысяч верст железных дорог в течение пяти лет. В обсуждении этого плана принимали участие представители 30 областных военно-промышленных комитетов. В основу своего плана буржуазия положила два принципа. 1) строительство не новых линий, а усиление существующих для разрядки грузовых потоков, 2) максимальный учет интересов мест при проведении нового строительства. Осуществить такой план буржуазия мечтала при помощи иностранного капитала. А. И. Гучков пытался вести переговоры о передаче американцам

²²² «Известия Центр военно-промышленного комитета» № 22, 1915. «Сообщение Кутлера»

строительства железнодорожной линии Москва — Донбасс, которая должна была стоить более 500 млн руб ²²³

Потребность в иностранных капиталах оказалась сильнее разговоров об эмансипации от иностранной зависимости, которые усиленно велись среди буржуазии во время войны. Как показали события, буржуазия доживала последние месяцы своего экономического господства. Ее план был построен на песке и не соответствовал реальным возможностям русского народного хозяйства. Лишь свержение власти буржуазии открыло широкую дорогу для индустриализации страны, в которой железнодорожное строительство заняло подобающее ему важное место.

7 ЗАГРАНИЧНЫЕ ЗАКАЗЫ НА ТРАНСПОРТНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Мелкие заказы за границей министерство путей сообщения делало еще в 1914 г. После объявления войны мелкий заказ на 2 тыс с лишком комплектов стрелочных переводов и около 300 тыс пудов рельсов был передан США. Весной 1915 г. было решено прибегнуть к широкому размещению иностранных заказов для нужд министерства путей сообщения. Размещение этих заказов продолжалось в США, так как союзники не могли уступить России сколько-нибудь значительного количества ни паровозов, ни вагонов, ни рельсов.

В марте и апреле 1915 г. Совет министров разрешил заказать за границей 17 700 товарных большегрузных вагонов, соответствующих 40 тыс вагонов нормального типа. Затем в июне 1915 г. было решено заказать дополнительно 35 тыс вагонов подъемной силы в 1200 пудов каждый. Прошел год. Как видно из «всеподданнейшего» доклада Трепова от 25 июля 1916 г., размещение заказов в США шло чрезвычайно медленно. По первому заказу оставались неразмещенными около 5 тыс вагонов, а к заказу на 35 тыс вагонов еще не приступали. «Причина задержки к выдаче сих заказов,— указывал Трепов,— заключается в отсутствии достаточной валюты» ²²⁴. Трепов просил царя, не дожидаясь окончательного решения о валюте, «безотлагательно озабочиться» заказом 6 тыс большегрузных вагонов. Уже этот документ достаточно красноречиво показывает, какие трудности надо было преодолеть при заказах иностранного оборудования. Из широкой программы заказов, которая включала кроме вагонов еще паровозы и рельсы, к 15 марта 1916 г. удалось заказать в США только 13 160 вагонов большого типа и 400 паровозов.

Большая переписка министра путей сообщения с министром финансов Барком вскрывает длительные переговоры о финансах, большая часть которых не дала результатов. Заказы для железнодорожного транспорта не обеспечивались кредитами, несмотря на наличие в 1915 г. сентябрьского финансового соглашения. Более того, по несколько месяцев Трепов даже не получал ответа от Лондонского комитета. Ввиду этого путейские работники изыскивали способы самостоятельно достать иностранную валюту. В конце декабря 1915 г. Трепов поделил-

²²³ О плане строительства железных дорог. См. В. И. Гриневецкий, Указ соч., стр. 126—133, «Производительные силы», 1916, № 2. П. П. Мигулин. План железнодорожного строительства — «Новый экономист», 1916, № 20. А. П. Погребинский. Военно-промышленные комитеты. — «Ист. записки», т. XI, стр. 185—188.

²²⁴ Архив Министерства финансов СССР, Иностранный отдел, переписка с министром путей сообщения, «Всеподданнейший» доклад Трепова Николаю II от 25 июля 1916 г.

ся с Барком планом получить валюту при помощи Путилова и Лшберга (представители «Гарантитрест компани») Были выработаны условия соглашения, предусматривавшие заключение 18-месячного займа из 9% годовых Трепов настойчиво просил Барка присоединиться к выработанным условиям займа, так как другой возможности осуществить заказ Ставки не было, а «невыполнение этих заданий,— писал Трепов,— может оказать, по моему мнению, весьма серьезное, а может быть и решительное влияние на весь дальнейший ход предстоящих усилий»²²⁵

В январе и феврале 1916 г Трепов просил у Барка денег на мелкие заказы — 300 пятитонных автомобилей и 5 тыс вагонов Из этих писем узнаем, что с ноября 1915 г оставался неразрешенным вопрос о размещении заказа на 7 085 вагонов Трепов предлагал Барку воспользоваться финскими заводами для размещения заказа на 3 тыс вагонов, соответствующих их годовой производительности Заказы на 65 млн пудов рельсов оставались неразмещенными с ноября 1915 г В конце февраля 1916 г потребность в рельсах уже возросла до 15 млн пудов, а предложение их со стороны иностранных фирм совсем прекратилось Министерство путей сообщения оказалось не в состоянии самостоятельно осуществить заказы на рельсы и обратилось с просьбой в русское посольство в Лондоне возбудить перед английским правительством вопрос о размещении русского заказа на рельсы в Англии и английских владениях или же в нейтральных странах Это обращение, видимо, осталось безрезультатным, так как в марте 1916 г через министра финансов английскому правительству была представлена специальная нота по вопросу о железнодорожных заказах В ноте, написанной товарищем министра путей сообщения Н Щукиным 21 марта 1916 г, говорилось «Россия не имеет никакой возможности собственными средствами изготовить требуемое количество рельсов, вагонов, паровозов и автомобилей, а также и некоторых других предметов, необходимых для нужд министерства путей сообщения, в этом отношении ее производительность *доведена до максимума*, которого, при всем желании, перейти нельзя Поэтому ей приходится обратиться за границу, чтобы обеспечить правильность перевозки войска и снабжения армии снарядами»²²⁶ Министерство просило английское правительство ускорить рассмотрение заявки и не связывать разрешение на заказ с вопросом о тоннаже К ноте была приложена ведомость заказов общей стоимостью 136 340 950 долларов и 422 тыс фунтов стерлингов Основные предметы заказа были следующие 77 млн пудов рельсов со скреплениями, 1300 паровозов типа декапот, около 35 тыс двухосных товарных вагонов, предметы оборудования для владивостокских и харбинских мастерских и для Мурманской железной дороги, пароходы, катеры, барки и оборудование для мастерских фронта и тыла От аккуратного выполнения этого заказа зависело развитие военных операций, между тем английское правительство не торопилось рассмотреть и утвердить заявку русского правительства

Кредиты, предусмотренные сентябрьским соглашением 1915 г, были израсходованы, а о новых Барк делал только предварительную разведку, которая показала, что выгоднее получить деньги у спекулянтов США, чем у «союзного» английского правительства

²²⁵ Там же Секретное письмо управляющего министерством путей сообщения к Барку от 22 декабря 1915 г

²²⁶ Там же Нота была вручена английскому правительству 10 апреля 1916 г

Из сентябрьского кредита для нужд министерства путей сообщения попало немного средств. Как следует из письма Трепова Барку, после 1 октября 1915 г. Россия уплатила по заграничным заказам министерства из других источников, не связанных с английским кредитом, свыше 24 млн долларов. Трепов пытался при содействии Барка получить согласие английского правительства возместить эти средства с тем, чтобы обратить их на новые заказы, но из этих попыток ничего не вышло.

Пока шли переговоры об условиях нового финансового займа, более четко выявлялись потребности России. Только для фронтовых дорог начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеев настаивал перед Треповым обеспечить заказ на 500 мощных паровозов, 25 тыс вагонов и 5 тыс верст рельсов.²²⁷ Эта заявка Алексеева явилась частью большой программы, выработанной министерством путей сообщения по усилению железных дорог подвижным составом. Она была рассмотрена Советом министров 7 июня 1916 г. и получила «высочайшее» утверждение 25 июня того же года. Министерству путей сообщения было разрешено купить за границей 1300 мощных паровозов, 36 тыс вагонов и 20 млн пудов рельсов со скреплениями на общую сумму 288 млн руб. Фактически это была заявка, изложенная в ноте, которую написал Щукин в марте 1915 г., лишь по рельсам было предусмотрено почти тройное увеличение. Независимо от вышеизложенной заявки было разрешено заказать 6,5 млн пудов рельсов и 8 тыс вагонов, оставшихся нереализованными из предыдущих заказов. Вокруг размещения всего большого заказа русского правительства произошла серьезная борьба между министрами путей сообщения и финансов. Не имея валюты, Барк просил Трепова подождать конца финансовой конференции, которая была перенесена из Парижа в Лондон.

Между тем переговоры Барка с английским правительством о новом соглашении затягивались, время уходило, нужда в рельсах и вагонах обострялась, цены на товары на американском рынке ежедневно росли. Телеграммы Барка из Лондона не давали уверенности в благополучном окончании переговоров. Тогда Трепов решил действовать самостоятельно, независимо от исхода финансовых переговоров. Ввиду крайней остроты положения с рельсами Трепов считал «необходимым прибегнуть даже к такой крайней мере, как снятие их (рельсов — А. С.) из части некоторых, имеющих более или менее второстепенное значение железнодорожных линий». Так как промедление с заказами грозило срывом будущей военной кампании, громадными переплатами и необходимостью отправлять транспортные средства с тыла на фронтовые дороги, Трепов, заручившись согласием Николая II, передал в США, не дожидаясь разрешения вопроса о валюте, заказ сперва на 10,8 млн пудов рельсов, а к 1 июля 1915 г. увеличил его до 26,5 млн пудов, т. е. до общего количества намеченной покупки. Стоимость этого заказа достигала 25 млн долларов. Извещая Барка о передаче заказа, Трепов следующим образом мотивировал необходимость принятых мер: «Предоставляя своему течению вопрос о заказе паровозов и вагонов, тем более, что в настоящее время ведутся переговоры о получении нами паровозов от французского и бельгийского правительств, я, в отношении собственно заказа рельс, уведомил вас телеграммой от 25 июня, что я нахожусь в условиях безусловной необходимости выдать эти заказы немедленно, так как иначе совершенно невозможно сколько-нибудь правильное обслуживание армии и наступление ее должно остановиться,

²²⁷ Там же. Письмо нач. штаба верховного главнокомандующего Алексеева министру путей сообщения Трепову от 22 мая 1916 г., № 222888/8490.

что, конечно, недопустимо»²²⁸ Заручившись предварительно одобрением Николая II, Трепов просил Барка сделать срочное распоряжение о переводе необходимых средств для оплаты произведенного заказа

Барк приехал из Лондона без кредитов Финансовое соглашение не было подписано, и только в октябре 1916 г была оформлена сделка об условиях кредитования России в Англии Соглашение было достигнуто лишь после согласия России на дальнейшую высылку золота Пока шла торговля о русском золоте, англичане не отпускали средств своей союзнице, отказались оплатить сделанный Треповым заказ и тем поставили министра финансов в безвыходное положение

9 августа 1916 г английское правительство прислало ноту, в которой категорически отказывалось от оплаты заказа и от предоставления фрахта В первой части ноты английский посол отмечал проступок русского правительства, выразившийся в излишней самостоятельности поступков министра путей сообщения, в наказание за что английское правительство отказывает в предоставлении кредита для оплаты сделанного заказа «Лорд Грей уполномочивает посла 1) разъяснить, что великобританское правительство не сможет принять на себя по отношению к этим заказам никакой ответственности как в отношении фрахтов, так и их оплаты, и 2) обратить особое внимание на то, что заказы эти совершенно противоречат настоящему соглашению, при том, конечно, условии, что русское правительство не собирается платить за них из других источников, помимо английских кредитов»²²⁹ Так союзники «помогали» России укреплять разрушенный войной транспорт Надо, однако, принять во внимание, что если бы весь июньский заказ и был размещен, он мог быть выполнен не ранее, чем в 1917 г и, таким образом, не ослабил бы транспортного кризиса, который особенно обострился с осени 1916 г

На следующий день после получения ноты английского правительства Барк поставил в известность Трепова, что он примет все меры для изыскания необходимых средств по размещенному в США заказу, но за успех этих мер не ручается Только достигнутое в октябре 1916 г соглашение обеспечило необходимые средства для оплаты заказа

В августе 1916 г министерство путей сообщения купило 80 старых паровозов у бельгийского правительства В сентябре 1916 г был дан заказ Японии на 27 новых паровозов и 26 старых Вместо больших заказов пришлось разминиваться на мелочи Но министерство финансов высказалось даже против этих мелочей, так как отсутствие валюты грозило поставить «русское правительство в положение несправимого плательщика по своим обязательствам»²³⁰

До ноября 1916 г Трепов выпрашивает по мелочам кредиты у Барка, который становится строг и придирчив В конце октября он отказывается в оплате 131 тыс ф ст по выданному министерством путей сообщения заказу без согласия министерства финансов и одновременно еще раз предлагает не делать заграничных заказов без предварительного их обеспечения валютой

В конце ноября министерству путей сообщения необходима была валюта для американских заказов на огромную сумму 320 млн руб, превосходившую все остатки средств по английскому кредиту Получить такие большие средства можно было лишь за счет будущего

²²⁸ Там же Письмо министра путей сообщения Трепова министру финансов Барку от 27 июля 1916 г., № 979

²²⁹ Архив Мин финансов СССР, ф Особен канц Иностран отдел, д. 62. Нота английского правительства от 9 августа (н ст) 1916 г., № 364.

²³⁰ Там же Письмо Барка Штюмеру от 26 октября 1916 г

займа, хотя срок старого соглашения кончался только 1 апреля 1917 г. Следовательно, нельзя было считать сколько-нибудь реальным получение новых средств. Наученное горьким опытом, министерство путей сообщения заблаговременно обратилось за получением валюты в комиссию по распределению иностранной валюты при Особом совещании. Комиссия, разумеется, не могла отпустить таких огромных средств и рекомендовала обратиться к английскому правительству с просьбой об отпуске специального кредита. Сообщая об этом, председатель валютной комиссии сам жалуется на длительную волокиту с рассмотрением в Англии требований на оплату за станки и многочисленные отказы в кредитах. Из-за того, что англичане на четыре месяца затянули разрешение на вывоз станков, получение их в России задержалось на целый год.²³¹

Военное министерство стало проявлять такие строгости, что валютная комиссия отказалась выдать министерству путей сообщения на 38 млн ф ст валюты, согласие на получение которой английское правительство дало. Это вызвало вмешательство Барка, ставшего на защиту министра путей сообщения. В письме к Шуваеву от 21 ноября 1916 г. он настаивал перед военным министром на том, что потребность министерства путей сообщения «должна быть отнесена к числу наиболее важных военных надобностей», и предлагал немедленно отпустить просимую министерством валюту в размере 38 млн ф ст. Одновременно министр финансов информировал военного министра о том, что в его распоряжении осталось свободного кредита в количестве 282 млн ф ст, а не 112 млн фунтов, как считало военное министерство.

Министерство путей сообщения до 12 февраля 1917 г. получило английской валюты на 3623 млн руб., из которых было произведено оплат на 112 млн руб. Большинство крупных железнодорожных заказов в США было размещено уже после Февральской революции.

Во Франции было получено для нужд русского железнодорожного транспорта всего только 226 млн руб. валюты.

Подводя итог, мы должны отметить отсутствие сколько-нибудь серьезной помощи русскому транспорту со стороны союзников. Англия совершенно не проявляла желания предоставить на эту цель значительные средства, наоборот, по всем документам видно, что она дралась за каждую копейку, которая расходовалась на транспорт. Между тем своими собственными силами Россия была не в состоянии не только увеличить количество подвижного состава, но и возмещать текущую убыль, которая в 1916 г. достигла значительных размеров. Недостающее количество паровозов, вагонов и рельсов правительство пыталось закупить в США, но переговоры о получении валюты тянулись бесконечно долго, так что размещение заказов запоздало, по крайней мере, на год. Поступление довольно большого количества паровозов и вагонов началось только в 1917 г., когда кризис железнодорожного транспорта принял уже катастрофический, непоправимый характер.

* * *

Подведем некоторые общие итоги.

Царская Россия вступила в первую мировую войну имея слабо развитую сеть железных дорог и крайне недостаточное количество подвижного состава. Экономическая отсталость страны, крайняя скудость финансовых ассигнований на нужды транспорта после русско-японской

²³¹ Там же. Письмо председателя валютной комиссии от 21 ноября 1916 г.

войны и жесткий «режим экономии» на железных дорогах привели к сокращению строительства новых дорог и заказов паровозостроительным и вагоностроительным заводам на изготовление подвижного состава. Правительство превратило транспорт в источник пополнения дефицита в государственном бюджете. Правительство и буржуазия не могли поднять развитие железных дорог на уровень экономических и военных задач страны. Такая задача оказалась по плечу только Советской власти, которая в короткий срок сделала транспорт передовой отраслью народного хозяйства. Среднесуточная погрузка на железных дорогах империи достигала в 1913 г. 27,4 тыс. вагонов, в то время, как советские железные дороги, например, ежедневно грузили в 1940 г. 97,9 тыс. вагонов.²³²

В царской России железные дороги оказались наиболее слабой отраслью народного хозяйства. Не будучи в состоянии справиться с задачами военной экономики России, царизм еще меньше был в состоянии удовлетворить военно-оперативные потребности командования. Между тем, если провести сравнение в работе железных дорог в первую мировую войну с обстановкой работы транспорта во время войны с гитлеровской Германией, то объективные условия в первом случае были более выгодны, чем во втором. В первую мировую войну потери сети и подвижного состава были совершенно незначительны, в то время как во время войны с гитлеровской Германией враг захватил в 1943 г. 40% железнодорожной сети, паровозный парк уменьшился на 15% и парк товарных вагонов — на 20%.²³³ Несмотря на огромный ущерб, причиненный захватчиками транспорту, железные дороги в 1943 г. увеличили погрузку на 3 тыс. вагонов в день. В том же 1943 г., когда немцы еще были на правом берегу Днепра, железнодорожный транспорт СССР перевез грузов в 2,8 раза больше, чем в 1915 г. Дороги царской империи почти одинаковой протяженности. В этом сказались технико-экономическое превосходство социалистического способа производства. В царской России железные дороги с 1915 г. начинают работать все хуже и хуже, обостряя экономический кризис в стране, в Советском Союзе с 1943 г. железные дороги начинают улучшать свои показатели в работе. В царской России правительство не могло расширить узкие места в работе железных дорог, Советское правительство сумело значительно усилить выходы из Западной Сибири на Урал, с Урала — в районы Центра и Поволжья, из Средней Азии — в Европейскую часть СССР и т. д. Советское правительство смогло приспособить транспорт к обслуживанию огромной промышленности, перебазированной на восток, в царской России не смогли справиться даже с задачей снабжения топливом Петрограда и Прибалтийского промышленного района. Советское правительство в годы войны построило 10 тыс. км новых железных дорог, в том числе Печорскую дорогу, давшую выход печорским углям к промышленности Европейской части СССР, царское правительство не смогло обеспечить вывозку донецкого топлива и расширить узкие места выходов из Донбасса на север.

Реконструированный железнодорожный транспорт Советского Союза являлся прочной основой военного хозяйства, железные дороги царской России — источником слабости военной экономики, которую нельзя было преодолеть никакими бюрократическими комиссиями и ухищрениями. Советское правительство опиралось на героизм железно-

²³² Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, Гиз, 1947, стр. 100.

²³³ Там же.

дорожников, который помог в течение двух-трех месяцев 1943 г ввести в строй и восстановить 6 600 км железнодорожного полотна, царское правительство надеялось на бюрократическое творчество чиновников и на помощь американских капиталистов. Эта помощь не могла быть безграничной и бескорыстной.

Советское правительство в труднейших условиях смогло организовать ремонт паровозов и вагонов, царское правительство и буржуазия не смогли использовать промышленность страны для технического усиления железных дорог и текущего ремонта. Еще до окончательного своего краха царизм проявил полнейшую неспособность организовать работу железных дорог, их пополнение и целесообразное использование для нужд войны.

Кризис железных дорог в царской России являлся предвестником общего краха капиталистического хозяйства, а не только дискредитацией методов управления государственной машины помещичьего правительства.

И. П. КОЗЛИТИН

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920)

(1918—1920)

В ходе победоносной Великой Октябрьской социалистической революции пролетариат России, под руководством большевистской партии, разрушил старый, буржуазно-бюрократический аппарат Взамен старой, чуждой пролетариату государственной машины был создан новый, невиданный еще в истории человечества советский государственный аппарат. Эта гигантская задача не могла быть разрешена единовременным актом революционной власти. Ее осуществление потребовало больших усилий нашей партии в течение длительного периода. Строительство советских органов государственного управления сопряжено было с огромными трудностями. Рабочий класс, пришедший в результате Октябрьской революции к власти, не имел опыта по управлению государством. Привлеченные же к работе старые чиновники в подавляющем большинстве не хотели сотрудничать с пролетариатом, больше того, они объявили борьбу Советской власти и всячески саботировали проводимые партией и правительством мероприятия.

Но партия Ленина — Сталина сумела успешно разрешить эту труднейшую задачу. Глубоко веря в организаторские и творческие способности трудящихся масс, партия призывала их смелее браться за дело управления страной. В массах трудящихся Ленин и Сталин видели единственную силу, способную организовать и укрепить Советское государство.

«Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс,— говорил Владимир Ильич,— и вы увидите во всех областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем объединении и порыве против корниловщины»¹

«Только вовлечение широких масс рабочих и крестьян в дело управления страной и широкого контроля над органами управления,— писали Ленин и Сталин в декрете о Государственном контроле,— устранит недостатки механизма, очистит советские учреждения от бюрократической скверны и решительно двинет вперед дело социалистического строительства»². История возникновения, развития и деятельности советского государственного контроля, характеризующаяся огромной творческой инициативой и активностью масс, является ярким подтверждением выводов Ленина и Сталина.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XXI, стр. 145.

² Собр. Узак., 1919, № 12, ст. 122.

I

Свергнув власть буржуазии и помещиков, пролетариат России стал господствующим классом. Однако основные средства производства продолжали еще некоторое время оставаться в руках буржуазии. Задача пролетариата в этот период состояла в том, чтобы не только упрочить свое политическое господство, но и овладеть экономикой страны. До проведения национализации промышленности нужно было подчинить деятельность предприятий, находившихся в руках буржуазии, интересам пролетариата.

С этой целью Съезд Советов на второй же день после Великой Октябрьской социалистической революции декларировал установление рабочего контроля над производством,³ а 14(27) ноября 1917 г. ВЦИК утвердил Положение о рабочем контроле.⁴ Необходимость организации рабочего контроля над производством была выдвинута Лениным еще в апрельских тезисах как важнейшая очередная задача партии и пролетариата.⁵ Рабочий контроль являлся составной частью экономической программы, принятой VI съездом партии. Огромное значение рабочему контролю придавал товарищ Сталин, который 15 августа 1917 г. в передовой статье большевистской газеты «Пролетарий» подчеркивал, что установление диктатуры пролетариата позволит, «двинув дальше революцию, передать землю крестьянам, поставить рабочий контроль в промышленности и привести в порядок разваливающееся народное хозяйство за счет барышей капиталистов и помещиков».⁶

В условиях надвигающейся пролетарской революции, роста политической активности масс, обострившейся хозяйственной разрухи, разгула саботажа и спекуляции со стороны капиталистов рабочий контроль имел огромное значение. Он содействовал развитию политической активности масс, помогал им осознать необходимость свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата. Органы рабочего контроля разоблачали махинации буржуазии, которая развила бешеную спекуляцию продуктами и товарами, безмерно ухудшая и без того тяжелое положение трудящихся. Рабочий контроль противодействовал деятельности заклятых врагов народа типа Рябушинского, пытавшимся «костлявой рукой голода» задушить революцию, и содействовал оздоровлению хозяйственной жизни страны.

Противодействуя алчным и контрреволюционным стремлениям капиталистов, революционные массы самостоятельно устанавливали контроль за деятельностью их предприятий. Без разрешения органов рабочего контроля воспрещалась остановка предприятий или сокращение объема производства. По документам и книгам предприятий они следили за ходом работы, контролировали запасы сырья, продуктов и других материалов. Они создавали вооруженные дружины для охраны предприятий от вредительских действий буржуазии.

Исключительно большую роль как в политическом, так и в экономическом отношении рабочий контроль сыграл после Октябрьской революции. Он дал возможность пролетариату реально почувствовать себя свободным хозяином Советской страны, он был одной из важнейших форм социалистического строительства на первом этапе революции и первой школой, где рабочие обучались искусству управления.

³ В. И. Ленин Соч., т. XXII, стр. 11.

⁴ Собр. Узак., 1917, № 3, ст. 35.

⁵ В. И. Ленин Соч., т. XX, стр. 89.

⁶ И. В. Сталин Соч., т. III, стр. 211.

С другой стороны, осуществляя рабочий контроль, пролетариат России смог сохранить основные средства производства, явившиеся базой нашего социалистического строительства.

Итак, своеобразие политико-экономических условий в первый период революции требовало организации, укрепления и дальнейшего развития рабочего контроля как основной формы пролетарского контроля на этом этапе.

Однако рабочего контроля, сосредотачивавшего свое основное внимание на деятельности капиталистических предприятий, было недостаточно. Образование молодого советского государственного аппарата, а также быстрый рост государственной промышленности требовали установления контроля также и за их деятельностью. Эти требования жизни нашли свое яркое отражение в декрете СНК «Об образовании Центральной контрольной коллегии»,⁷ изданном за подписью В. И. Ленина 18 января 1918 г.

Первые шаги в деле создания Народного комиссариата государственного контроля (НКГК) были предприняты еще в начале Октябрьской революции. С конца октября 1917 г. для осуществления государственного контроля была создана коллегия из лиц, избранных ЦИК.⁸ 5 декабря 1917 г. Коллегия Государственного контроля была утверждена Советом Народных Комиссаров.⁹ В этот же день Совнаркомом был издан декрет о правах народного комиссара Государственного контроля в Совнаркоме.¹⁰

Однако указанные мероприятия не дали необходимых результатов. Коллегия Государственного контроля в своей деятельности натолкнулась на упорное сопротивление старых чиновников. Начавшийся с первых дней Октябрьской революции саботаж чиновников петроградских и некоторых провинциальных учреждений дореволюционного Государственного контроля продолжался до середины февраля 1918 г.¹¹

Организация Народного комиссариата государственного контроля фактически начинается с издания, за подписью В. И. Ленина, декрета Совета Народных Комиссаров об образовании Центральной контрольной коллегии.¹² «Государственный Контроль,— указывалось в отчете НКРКИ за 1920 г.,— начинает с этого момента (т. е. с 18 января 1918 г.— И. К.) медленно сходить с мертвой точки и постепенно втягиваться в организационную работу по строительству государственного и народного хозяйства, принимая, вместе с тем, все меры к выяснению положения государственных доходов и расходов, а также наличия и сохранности народного имущества».¹³

Центральная контрольная коллегия была образована для общего направления и руководства всеми контрольными органами в стране, а также для предварительного рассмотрения сметных предположений по государственному бюджету и составления контрольного заключения по его исполнению. Для установления единообразия в действиях и инструктирования местных контролирующих органов, обобщения результатов их деятельности, ревизии учреждений по отчетам и балансам, а также для производства фактического контроля путем внезапных и текущих ревизи-

⁷ Собр. Узак., 1918, № 18, ст. 264.

⁸ Краткий обзор деятельности НКГК за 1917—1919 гг., стр. 5.

⁹ Собр. Узак., 1917, № 6, ст. 91.

¹⁰ Там же, ст. 92.

¹¹ ЦГАОР, ф. 4390, оп. 5, д. 4, л. 4.

¹² Собр. Узак., 1918, № 18, ст. 264.

¹³ Отчет НКРКИ за 1920 г., стр. 15.

зий были созданы губернские и районные учетно-контрольные коллегии¹⁴

Перед контрольными коллегиями стояла также задача по искоренению «бюрократической волокиты и созданию более жизненных и рациональных форм контроля, не губящих инициативы и ведущих к быстрому обнаружению и предотвращению условий, мешающих ведению правильного государственного хозяйства»¹⁵

Помимо местных учетно-контрольных коллегий, — гласил пункт 3 декрета, — «в местах расходования народных сумм, как органы государственного контроля, могут учреждаться контрольные комиссии, выбранные служащими и рабочими учреждений или предприятий, подлежащих контролю, из лиц, не являющихся распорядителями. Эти комиссии подчиняются указаниям учетно-контрольных коллегий»¹⁶

Рассмотренным декретом Совета Народных Комиссаров определены были лишь общие задачи и формы ревизионной работы органов государственного контроля. Положения, точно определяющего его компетенцию и структуру, а также правил производства ими ревизий, издано не было. Органам Государственного контроля приходилось руководствоваться общим законодательством Советской власти, решениями партии, а также революционным правосознанием. Кроме того, в первый период овоей деятельности органы Государственного контроля, особенно в ревизионно-технической части, руководствовались отдельными положениями дореволюционного законодательства, если они не противоречили декретам Советской власти.

8 марта 1918 г. Центральная коллегия Государственного контроля ввела в действие Временное Положение о Государственном контроле¹⁷. В Положении не только не развивалась идея социалистического контроля, а, наоборот, были допущены весьма существенные отступления от декрета Советского правительства. Так, например, в нем не нашло отражения основное положение декрета о том, что Государственный контроль создан для искоренения бюрократической волокиты и создания жизненных и рациональных форм контроля, «не губящих инициативы и ведущих к быстрому обнаружению и предотвращению условий, мешающих ведению правильного государственного хозяйства». Ничего не было сказано также и о привлечении в органы Государственного контроля широких трудящихся масс.

Явление это не случайно и объясняется тем, что в Государственном контроле сильны еще были традиции старого бюрократического контроля, носители которого, бывшие чиновники, перешли на работу в советские учреждения.

Уже первые месяцы деятельности Центральной контрольной коллегии показали, что она не в состоянии обеспечить в новых условиях выполнения огромных задач по организации фактического предварительного и последующего контроля, призванного всемерно содействовать быстрому и целесообразному осуществлению декретов и постановлений Советского правительства во всех областях народного хозяйства и государственного управления.

Заклучив Брестский мирный договор и получив передышку, Советская власть приступила к социалистическому строительству. Первый период существования Советской власти «с ноября 1917 года по февраль

¹⁴ Собр. Узак, 1918, № 18, ст. 264.

¹⁵ «Известия ВЦИК» от 21 января 1918 г.

¹⁶ Собр. Узак, 1918, № 18, ст. 264.

¹⁷ «Известия Государственного контроля», 1918, № 1—2, Официальный отдел, стр. 2—6.

1918 года Ленин назвал периодом «красногвардейской атаки на капитал» Советской власти удалось в течение первой половины 1918 г. сломать хозяйственную мощь буржуазии, сосредоточить в своих руках командные высоты народного хозяйства (фабрики, заводы, банки, железные дороги, внешнюю торговлю, торговый флот и т. п.), сломать буржуазный аппарат государственной власти и победоносно ликвидировать первые попытки контрреволюции свергнуть Советскую власть.

Но всего этого было далеко еще недостаточно. Чтобы двинуться вперед, нужно было от разрушения старого перейти к строительству нового. Весной 1918 г. начался переход к новому этапу социалистического строительства — «от экспроприации экспроприаторов» к организационному закреплению одержанных побед, к строительству советского народного хозяйства»¹⁸

«Главными задачами на этом этапе Ленин считал задачи учета того, что производится в народном хозяйстве, и контроля над расходованием всей производимой продукции»¹⁹

Задача состояла в том, чтобы взять на учет все ресурсы страны, выяснить возможности, которыми располагала Советская власть и организовать наиболее эффективное использование их для строительства нового государства. Нужно было установить строгий контроль за использованием этих ресурсов, за осуществлением программы нового строительства.

Нужно было организовать повседневный контроль не только за буржуазией, но и за деятельностью молодых советских учреждений, организаций и предприятий, где пристроилось немало враждебных Советской власти чиновников, бывших капиталистов и помещиков. Нужна была неустанная борьба с развращенными старыми порядками и чиновниками-казнокрадами, которым экономическая разруха создавала условия для хищений и всяческих злоупотреблений. С другой стороны, нужно было повысить ответственность и оказать необходимую помощь молодым пролетарским кадрам.

В свете этих задач социалистического строительства, изложенных в знаменитом докладе Ленина на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.,²⁰ становится понятным решение ВЦИК от 9 мая²¹ и СНК от 11 мая 1918 г.²² об образовании Народного комиссариата Государственного контроля. Государственный контроль должен был сыграть исключительно важную роль в деле социалистического строительства.

В течение первых двух месяцев существования Центральной контрольной коллегии ее аппарат — Центральный контроль — находился в стадии организации и лишь с середины марта 1918 г. начал свою контрольно-ревизионную деятельность.²³

Производившаяся до марта 1918 г. в департаментах старого Государственного контроля последующая документальная ревизия дореволюционной отчетности ничего общего с деятельностью Народного комиссариата Государственного контроля не имела. Лишь в марте 1918 г., когда Временным положением была определена структура и подобраны

¹⁸ История ВКП(б) Краткий курс, стр. 210.

¹⁹ Там же, стр. 211.

²⁰ В. И. Ленин Соч., т. XXII, стр. 471—498.

²¹ «Известия ВЦИК» от 18 мая 1918 г.

²² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 385. Старый состав Коллегии не был сразу отстранен от своих обязанностей, а продолжал работать наряду с Коллегией НКГК до 11 июля 1918 г., когда состоялось специальное постановление СНК об упразднении Центральной контрольной коллегии (ЦГАОР, ф. 4390, оп. 4, д. 5, л. 8).

²³ Краткий отчет НКГК за 1917—1918 гг., стр. 16.

необходимые кадры, Народный комиссариат Государственного контроля стал входить в соприкосновение с «внешним миром», т е с теми учреждениями, организациями и предприятиями, которые он был призван контролировать

Контрольно-ревизионная работа НКГК развевывалась крайне медленно, и до мая 1918 г он смог осуществить ее лишь в незначительных размерах ²⁴ С марта по май 1918 г НКГК занимался главным образом своей внутренней организацией и установлением связи с подконтрольными органами, изучением внутренней организации и условий их деятельности

Большая часть сотрудников Государственного контроля в это время и позднее занималась обревизованием дореволюционной отчетности Тяга старого чиновничества к дореволюционной отчетности, являвшейся для него своеобразной формой саботажа, была настолько сильна, что руководству НКГК пришлось долгое время вести упорную борьбу с этим злом

В приказе от 11 июля 1918 г Народный комиссар Государственного контроля констатировал, что «в распоряжении Государственного контроля имеется большой штат служащих, теперь делающих зачастую ненужную, во всяком случае не отвечающую запросам времени работу, — составляющих отчеты не существующих уже предприятий за прежние годы и т п, на это мертвое дело отвлечено много силы, а живое дело из-за этого не делается» ²⁵ Еще в марте 1919 г НКГК приходилось предписывать управляющим местными контрольными отделениями немедленно прекратить «все работы по последующему контролю за время до 1 ноября 1917 г» ²⁶

Было бы неправильным считать ненужной всю работу по ревизии дореволюционной отчетности Оставление без ревизии крупных поставок, построек и других хозяйственных операций дало бы возможность многим казнокрадам, особенно в условиях спешной, а иногда и стихийной демобилизации армии, незаконно присвоить себе народные деньги или имущество. Однако значительная часть сотрудников, ревизовавших дореволюционную отчетность, занята была бесполезной работой

Саботаж верхушки служащих Государственного контроля не прекращался в течение всего 1918 г Во главе саботажнической части служащих стоял центральный комитет Всероссийского союза служащих Государственного контроля, который вел контрреволюционную политику Наглость центрального комитета союза дошла до того, что он разослал своим местным организациям циркуляр с предложением составить списки служащих, желающих получить перевод на Украину, где, опираясь на немецких оккупантов, господствовало буржуазное националистическое правительство Коллегия НКГК 16 ноября 1918 г признала эти «действия центрального комитета нелояльными по отношению к Советской власти и дальнейшее его существование нетерпимым» ²⁷

Отсутствие достаточно опытных и преданных Советской власти контрольных кадров долго не позволяло наладить работу не только местных органов Народного комиссариата Государственного контроля, но и его центрального аппарата, призванного организовывать и направлять всю контрольную работу в стране.

В первый период своего существования НКГК испытывал большие организационные трудности, так как отсутствовало законодательство.

²⁴ Там же

²⁵ ЦГАОР, ф 374, оп 432, д 4, л 44

²⁶ ЦГАОР, ф 1235, оп 63, д 29/II, л 137

²⁷ ЦГАОР, ф 374, оп 432, д 4, л 42.

«определяющее методы и порядок контрольно-ревизионной деятельности НКГК Такой акт был издан 25 ноября 1918 г в виде утвержденных Совнаркомом «Правил о предварительной и фактической ревизии хозяйственно-финансовой, промышленной деятельности советских и общественных учреждений и предприятий»²⁸

«Правилами» было установлено, что Народный комиссариат Государственного контроля осуществляет предварительную, фактическую и последующую ревизию Правила действовали в течение всего периода существования НКГК Этими же правилами, с небольшими изменениями,²⁹ руководствовались и органы НКРКИ в 1920—1923 гг

II

Несмотря на огромные организационные трудности, недостаток преданных пролетариату квалифицированных кадров и саботаж старых чиновников, НКГК уже в первый год своей деятельности сыграл большую роль в организационном укреплении молодого советского государственного аппарата

Однако деятельность его, сводившаяся к формальной проверке денежных документов, не удовлетворяла партию и Советское правительство Совету Народных Комиссаров и лично Ленину приходилось неоднократно заниматься вопросами организационного укрепления НКГК В своем постановлении от 20 июля 1918 г Совнарком указывал, что Государственный контроль должен стать «боевым органом по раскрытию преступлений, борьбы с ними и изысканию практических мер борьбы с безотчетностью и бесхозяйственностью».³⁰

Организационные недостатки, а также саботажные действия старых чиновников иногда нарушали нормальную работу подконтрольных учреждений и предприятий Так, В И Ленину приходилось требовать от Государственного контроля «не стеснять формальностями в отпуске денег при заготовках и закупках» «Если нужен особый контроль,— писал Владимир Ильич,— изыщите формы, не задерживающие заготовок и закупок»³¹

Аппарат НКГК, как и ряда других советских учреждений, был громоздким и малоподвижным Бюрократизм, канцелярская волокита и недисциплинированность служебного персонала процветали и в его учреждениях Дореволюционные бюрократы и здесь свили себе прочное гнездо, всячески тормозя осуществление больших задач Наркомата Поставленная декретом СНК от 18 января 1918 г задача — привлечение трудящихся масс в органы Государственного контроля — не была осуществлена³²

Наряду с НКГК существовали рабочий контроль и контрольные органы различных ведомств, в том числе Высшая военная инспекция, Инспекция Наркомпрода, НКВД, ВСНХ и др Все они страдали не менее существенными недостатками, чем Государственный контроль Вместе с тем, они распыляли в своих учреждениях значительную часть контрольных кадров и нерационально использовали их Деятельность этих контрольных органов не была объединена. Они действовали разрозненно и мало эффективно. В первые дни революции, когда Народного комиссариата Государственного контроля еще не было, образование

²⁸ Собр Узак, 1918, № 86, ст. 898

²⁹ Собр Узак, 1919, № 13, ст. 134

³⁰ ЦГАОР, ф 374, оп 432, д 4, л 109

³¹ Ленинский сборник, т XXXIV, стр 266

³² Отчет НКРКИ за 1920 г, стр 15

этих контрольных органов было насущной потребностью. Рабочий же контроль был единственно реальной контролирующей силой, способной предотвратить мошенничества и саботаж капиталистов. Когда же советский государственный аппарат был создан, а промышленность — национализирована, этими контрольными органами удовлетвориться уже нельзя было, нужно было создать крепкий, в государственном масштабе авторитетный, контрольный орган.

Потребность в таком органе настоятельно диктовалась тяжелым внутренним и международным положением Советской России в конце 1918 г., когда партия большевиков и Советское правительство готовились к длительной гражданской войне с внешними интервентами и внутренними врагами революции.

В это время вопросы строительства государственного и партийного аппарата приобретают исключительно важное значение в работе нашей партии. От правильного и своевременного их разрешения зависела судьба Советской власти, ее дальнейшее существование и развитие. Организационные вопросы в значительной степени решали дело прочности советского строя и союза рабочего класса и крестьянства. Организационные вопросы стояли в центре внимания состоявшегося в марте 1919 г. восьмого съезда партии. В числе важнейших вопросов советского строительства восьмой съезд партии обсудил и вопросы организации социалистического контроля. Съезд подчеркнул, что «дело контроля в Советской республике должно быть радикально реорганизовано» и потребовал «создать подлинный фактический контроль социалистического характера»³³.

Для разработки проекта положения о Высшей контрольной инспекции Президиумом ВЦИК 20 декабря 1918 г. была образована специальная комиссия под председательством Я. М. Свердлова, в которую вошли представители ВЦИК, НКГК, железнодорожных и продовольственных контрольных органов. Вопрос об организации Высшей контрольной инспекции решено было поставить в порядок дня очередного пленума ВЦИК³⁴.

24 декабря 1918 г. под председательством Я. М. Свердлова состоялось первое заседание комиссии. Открывая заседание, Я. М. Свердлов указал, что задачи комиссии сводятся к тому, чтобы выяснить возможность объединения в едином органе всех существующих контрольных и инспекционных органов³⁵. Однако в первый период своей работы комиссия не пришла к каким-либо результатам.

В это время с Восточного фронта вернулся товарищ Сталин, где он провел огромную работу по ликвидации катастрофы под Пермью. Как известно, недостатки в работе советских учреждений явились серьезной причиной наших неудач на Восточном фронте. Необходимость укрепления советского государственного аппарата приобретала исключительно важное значение. Товарищ Сталин взялся за дело организации государственного контроля и возглавил работу упомянутой комиссии ВЦИК.

С приходом товарища Сталина комиссия занялась обсуждением составленного им проекта декрета о реорганизации Народного комиссариата Государственного контроля. Мысль об организации нового боевого социалистического контроля, в обязанности которого входило бы не только контролировать работу Советских органов, но и быть органом накопления опыта социалистического строительства, а также школой

³³ ВКП(б) в резолюциях и решениях, ч. I, изд. 1932 г., стр. 356.

³⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 63, д. 24/III, л. 9 и д. 24/II, л. 224.

³⁵ Там же, д. 24/II, л. 200.

- 3) Выдвинуть на первый план тотчас же, как ближайшие задачи
  - (α) летучие ревизии по жалобам граждан
  - (β) борьба с волокитой
  - (γ) революционные меры борьбы с злоупотребл[ениями] и волокитой
  - (δ) особ[ое] внимание повышению производительности труда и
  - (ε) увеличению количества продуктов

и т п »⁴⁰

На этой записке, возвращенной Ленину, товарищ Сталин написал «Это — вопросы политики реорганизованного гос контроля Ничего не имею по существу против таких пунктов, наоборот, они необходимы Сталин»⁴¹

Дополненный в соответствии с указаниями Ленина проект декрета о реорганизации Государственного контроля был принят Совнаркомом 3 апреля 1919 г 9 апреля 1919 г по докладу товарища Сталина декрет был утвержден ВЦИК, а 12 апреля 1919 г опубликован в «Известиях ВЦИК» за подписью Ленина, Сталина и Калинина⁴²

Доклад товарища Сталина на заседании ВЦИК 9 апреля 1919 г о реорганизации Государственного контроля является важнейшим руководящим источником для изучения истории строительства советского государственного аппарата Охарактеризовав состояние молодых советских учреждений, товарищ Сталин определил природу нашей республики, ее отличие от буржуазного государства, а также указал пути и методы усовершенствования советского аппарата Товарищ Сталин указывал, что устранить недостатки нашего государственного аппарата — громоздкость, малоподвижность и бюрократизм может только рабочий класс, который должен взять дело управления страной в свои руки В соответствии с этими задачами советского государственного строительства намечалась и реорганизация Народного комиссариата Государственного контроля⁴³

«Государственный контроль,— говорил на заседании ВЦИК товарищ Сталин,— это единственное ведомство, которое до сих пор не подверглось той чистке и ломке, которые претерпели все другие учреждения Для того, чтобы добиться настоящего, фактического, а не бумажного контроля, нужно . реорганизовать существующий аппарат Государственного Контроля путем пополнения его новыми, свежими силами Необходимо существующие органы рабочего контроля объединить в одно целое, и все силы, которые занимаются контролем, влить в общий Государственный Контроль Основной идеей реорганизации Государственного Контроля, таким образом, является его демократизация и сближение с массами рабочих и крестьян»⁴⁴

«Усилиями рабочих и крестьян, ставших у власти в октябре 1917 г,— говорится в Сталинском декрете,— сломан старый буржуазно-бюрократический аппарат. Взамен заживо прогнившего старого аппарата создан новый, рабоче-крестьянский, советский аппарат Строительство социалистического общества, несмотря на неблагоприятные условия работы в обстановке гражданской войны, неуклонно идет вперед»⁴⁵ Дальше декрет отмечает, что старый бюрократизм разбит, но бюрократы остались Войдя в советские учреждения, они внесли туда дух косности и канцелярской волокиты, бесхозяйственности и распухченности.

⁴⁰ Ленинский сборник, т VIII, стр 18

⁴¹ Там же

⁴² «Известия ВЦИК» от 12 апреля 1919 г

⁴³ ЦГАОР, ф 1235, оп 22, д 12, л 17

⁴⁴ И В Сталин Соч, т IV, стр 251

⁴⁵ Собр Узак, 1919, № 12, стр 122

Советская власть,— говорится в декрете,— заявляет, что она не потерпит бюрократизма, в каких бы формах он ни проявлялся. Путем вовлечения широких рабоче-крестьянских масс в дело управления страной Советская власть изгонит бюрократизм из советских учреждений, устранит недостатки механизма, очистит советские учреждения от бюрократической скверны и решительно двинет вперед дело социалистического строительства.

«Органом, контролирующим деятельность советских учреждений,— говорится далее в декрете,— является Государственный контроль, деятельность которого протекала, однако, до сих пор в слишком тесных рамках формального надзора, благодаря преобладанию старых, чуждых социалистическому духу сил. Необходимо поэтому прежде всего обновить и преобразовать этот орган, влить в него свежие силы рабочих контрольно-ревизионных организаций, дать ему новые задачи действительного, фактического контроля, вовлечь в его работу широкие слои рабочих и крестьян для того, чтобы Государственный контроль из органа формального контроля превратить в орган народного социалистического контроля, накопления опыта социалистического строительства и постоянного совершенствования всего механизма советской власти»⁴⁶

Декретом на Народный комиссариат Государственного контроля были возложены «функции непосредственного фактического контроля, обеспечивающего быстрое, неуклонное и целесообразное осуществление декретов и постановлений центральной власти» во всех областях хозяйства и государственного управления. Государственному контролю предоставлялось право «ближайшего наблюдения за деятельностью всех народных комиссариатов и их отделов на местах и всех вообще органов советской власти» и проверка этой деятельности «с точки зрения достигнутых на деле результатов». С этой целью Государственному контролю вменялось в обязанность привлекать к судебной ответственности «должностных лиц за упущения и преступления и представлении соответственной власти об их устранении».

Государственный контроль, согласно декрету, обязан был «представлять на рассмотрение центральной власти и конкретные предложения, выработанные на основании наблюдений и обследований, об упрощении аппаратов Советской власти, упразднении параллелизма в работе, бесхозяйственности, канцелярской волокиты, а также преобразовании самой системы управления в тех или иных областях государственной жизни».

Рассмотренный декрет означал решительный разрыв со старым представлением о государственном контроле. Государственный контроль в обычном буржуазном значении этого слова был погребен. Это, конечно, отнюдь не означало, что контроль за расходованием финансовых и материальных государственных средств отвергался. Нет, все виды его — предварительный, фактический и последующий — были оставлены, но лишь как часть огромной работы Народного комиссариата Государственного контроля.

Народный комиссариат Государственного контроля превращался не только в аппарат, контролирующий правильность, целесообразность расходования государственных средств, но и в аппарат политического контроля за всей деятельностью учреждений, организаций и предприятий страны. Он становился органом по накоплению «опыта социалистического строительства и постоянного совершенствования всего механизма советской власти», а также практической школой, где рабочие и

⁴⁶ Там же

крестьяне обучались искусству управления государственным аппаратом.

В целях успешного осуществления Народным комиссариатом Государственного контроля возложенных на него больших задач было признано необходимым усилить его пролетарскими кадрами. В этом смысле огромное значение имело указание ВЦИК и Совнаркома о привлечении к постоянному участию в государственном контроле в центре и на местах рабочих и крестьянских организаций. К делу контроля привлекались также широкие слои трудящихся путем введения системы понятых из наиболее широких слоев трудящегося населения. С этой же целью при Народном комиссариате Государственного контроля учреждалось особое бюро по приему и рассмотрению жалоб и заявлений на неправильные действия, злоупотребления и правонарушения должностных лиц. Под наблюдением НКГК бюро жалоб и заявлений создавались также во всех народных комиссариатах.

Система понятых позволяла широко использовать трудящихся в контрольной работе. Присутствуя во всех ревизиях, активно участвуя в выполнении лежащих на контрольных органах задач, непосредственно наблюдая течение ревизионной операции, понятые популяризировали идею контроля, привлекали к ней внимание широких народных масс и пробуждали в них сознание ответственности за порученное дело.

В свете вставших перед партией в начале 1919 г. задач по организации государственного аппарата становится понятным решение Президиума ВЦИК о назначении товарища Сталина Народным комиссаром Государственного контроля, принятое по предложению В. И. Ленина 25 марта 1919 г.⁴⁷ НКГК превращался в один из основных центров советского строительства. Из аппарата, контролирующего только правильность и целесообразность расходования государственных средств, НКГК превращался в аппарат политического контроля за всей деятельностью учреждений, организаций и предприятий страны, в орган по накоплению опыта советского строительства, рационализации государственного аппарата и обучения трудящихся масс искусству управления.

Понятно также, почему Ленин не видел другого человека, которому можно было бы поручить руководство столь важным ведомством.

Ответ на вопрос, почему именно товарищ Сталин, несмотря на гигантскую загруженность работой в ЦК партии и Народном комиссариате по делам национальностей, был назначен наркомом Государственного контроля, дал сам Ленин в заключительном слове по отчету ЦК на XI съезде партии. Отвечая на упрек, брошенный одним из ораторов, что товарищ Сталин работает в двух комиссариатах, Владимир Ильич сказал: «А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и проч. вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать?» И Владимир Ильич отвечает, что и сам оратор «не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме тов. Сталина». «То же относительно Рабкрина, — продолжает Ленин — Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обра-

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 1234, оп. 9, д. 24, л. 2. 30 марта 1919 г. это решение было утверждено пленумом ВЦИК (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 22, д. 11, л. 54).

шаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах»⁴⁸

Имеющиеся документальные материалы свидетельствуют о неустанной заботе и внимании, которое уделял товарищ Сталин Народному комиссариату Государственного контроля. Даже в период длительного пребывания на фронтах гражданской войны товарищ Сталин не переставал руководить работой НКГК. Так, 23 февраля 1920 г с Южного фронта товарищ Сталин телеграфно потребовал у заместителя Наркома Государственного контроля Аванесова присылать ему каждую неделю краткое сообщение — отчет о делах Государственного контроля и информировать о ходе реорганизации.⁴⁹

На посту народного комиссара Государственного контроля товарищ Сталин пробыл до мая 1922 г и ушел с этого поста в связи с избранием его генеральным секретарем ЦК РКП(б).

В соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 9 апреля 1919 г в НКГК под руководством товарища Сталина развернулась огромная работа по реорганизации центрального и местного аппарата НКГК.

Прежде чем приступить к реорганизации, товарищ Сталин тщательно изучил работу старого аппарата НКГК и его кадров. С этой же целью 31 марта и 1 апреля 1919 г было проведено расширенное заседание Временного совета Государственного контроля,⁵⁰ на котором были детально обсуждены вопросы состояния и деятельности всех отделов центрального аппарата НКГК, состояние кадров и вопросы предстоящей реорганизации Наркомата. Старый аппарат НКГК ввиду своей громоздкости и бюрократичности не мог отвечать новым задачам. Нужно было не только изменить аппарат, приспособив его к новым задачам государственного контроля, но и сделать его гибким и оперативным. Реорганизация была проведена таким образом, что его деятельность охватывала все отрасли хозяйства, управления и культуры.⁵¹

III

Сталинский декрет от 9 апреля 1919 г произвел коренной перелом в развитии советского государственного контроля. Из обычного контрольного органа он превращался в аппарат накопления опыта социалистического строительства, совершенствования механизма Советской власти и обучения трудящихся масс искусству управления. Сталинский декрет имел огромное значение в развитии советского государственного контроля. Он заложил прочные основы нового социалистического контроля, не имевшего себе подобного во всей истории государств. Создано было новое, чисто советское ведомство, привлекавшее к делу государственного контроля широкие слои трудящихся.

Однако усилившийся натиск внутренней и внешней контрреволюции не позволил в 1919 г полностью претворить в жизнь эти исторические планы строительства нового социалистического контроля. Основное внимание НКГК попрежнему сосредоточивалось на контроле за расходованием государственных средств. Особый интерес представляли лишь летучие ревизии, которые были новой и наиболее важной областью деятельности Народного комиссариата Государственного контроля, в них наиболее ярко и полно воплотилась в жизнь идея апрельского декрета.

⁴⁸ В. И. Ленин Соч., т. XXVII, стр. 263—264.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 4390, оп. 7, д. 13, л. 258.

⁵⁰ «Известия Государственного контроля» 1919, № 10, стр. 11.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 133, оп. 18, д. 1, лл. 58—60.

Летучие ревизии представляли собою одну из разновидностей фактического контроля. Главное в летучих ревизиях — это быстрое раскрытие недостатков в работе учреждения, фактов проявления бюрократизма, бесхозяйственности и злоупотреблений и немедленное принятие мер к организации правильной постановки работы учреждений и устранению обнаруженных недостатков, устранение и предание суду лиц, допускаящих преступления по должности.

Наступившая после разгрома Колчака и Деникина непродолжительная передышка позволила нашей партии приступить к укреплению и дальнейшему строительству советского государственного аппарата. В частности были приняты меры к реализации ранее принятых директивных положений и дальнейшему улучшению органов советского государственного контроля, изменению их организационной формы, расширению рабочей базы и т. д.

Далеко не сразу была найдена и организационная форма советского государственного контроля — Рабоче-крестьянская инспекция. Органы Рабочей инспекции, вопреки декрету ВЦИК и СНК от 9 апреля 1919 г., продолжали обособленно существовать в отдельных промышленных областях и крупных городах. За предшествующий период своей деятельности они сыграли огромную роль как в области политической, так и в экономической. Однако их существование изолированно друг от друга и от органов Народного комиссариата Государственного контроля, в условиях, когда основные средства производства находились в руках государства, противоречило духу советского строя. Распыляя при такой организации и без того малочисленные пролетарские кадры, они не могли справиться с новыми усложнившимися задачами контрольных органов. Кроме того, органы рабочего контроля иногда сбились на путь защиты узко профессиональных интересов или интересов отдельных предприятий в ущерб интересам общегосударственным.

Вопрос о слиянии органов рабочего контроля и рабочей инспекции с Народным комиссариатом Государственного контроля разрешался очень медленно. Ко времени созыва VII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1919 г.) между НКГК и руководством рабочего контроля было уже достигнуто принципиальное согласие на объединение их работы, на отдельных фабриках и железных дорогах объединение проводилось в жизнь.⁵² Однако в связи с принятием VII Всероссийским съездом Советов решения о необходимости всемерного развития рабочей инспекции⁵³ руководящие работники инспекций, в частности московской, толковали это постановление в том смысле, что Съезд Советов якобы настаивал на самостоятельном существовании Рабочей инспекции. В действительности, вопрос этот на съезде не обсуждался, и принятая резолюция гласила лишь о принципиальном одобрении существования и организации Рабочей инспекции. Переговоры НКГК с рабочими инспекциями об объединении их работы были прерваны. Вопрос был передан на рассмотрение Президиума ВЦИК, который для его разрешения 12 декабря 1919 г. образовал специальную комиссию из представителей ВЦСПС, НКГК и одного члена Президиума ВЦИК. Комиссия имела два заседания, на которые были приглашены также представители Московской и Железнодорожной инспекций. В комиссию было внесено три проекта положения о Рабочей инспекции. Один из них был представлен членом Президиума ВЦИК совместно с представителями ВЦСПС и Железнодорожной инспекции, другой — Московской рабочей

⁵² «Известия Государственного контроля», 1920, № 1, стр. 2.

⁵³ Собр. Узак., 1919, № 64, стр. 578.

инспекцией и третий — представителем Народного комиссариата Государственного контроля ⁵⁴

Работа комиссии ВЦИК оказалась безрезультатной. Вопрос был перенесен на обсуждение в Политбюро ЦК партии, которое в своем постановлении от 23 января 1920 г. дало следующую, предложенную В. И. Лениным, директиву

«Поручить Президиуму ВЦИК и Госкону принять к руководству директиву ЦК РКП

1 Не создавать новых учреждений ни в одной области управления государством, а улучшать существующие Наркоматы

2 Рабочую и крестьянскую инспекцию всячески развивать, усиливать, расширять, направляя всю работу к полному «орабочению» (и «окрестьяниванию») Госкона

3 На рабочую инспекцию не брать квалифицированных рабочих, а только неквалифицированных и, главным образом, женщин

4 Немедленно при участии т. Аванесова составить новый проект Раб и Крест Инспекции при Госконе и внести в Политбюро не позже 28 I 20 г» ⁵⁵

На следующий день, 24 января 1920 г., В. И. Ленин написал товарищу Сталину письмо, в котором дал свои указания по этому вопросу «На основании директивы, данной Ц[ентральным] К[омитетом], следует, по моему, — писал Владимир Ильич, — переработать все 3 проекта в один

Добавить по моему

1) «Отдел» Р[абоче]-Кр[естьянской] Инсп[екции] при Гос-Коне д[олжен] б[ыть] временный с задачей внедрить Р[абоче]-Кр[естьянскую] И[нспекцию] во все отделы Гос Кона и т[ог]да, к[а]к особый отдел, исчезнуть

2) Цель всю трудящуюся массу, и мужчин и женщин особенно, провести через участие в Р[абоче]-Кр[естьянской] Инсп[екции]

3) Для сего на местах составлять списки (по конст[иту]ции), исключать служащих и т. д.,

— остальных по очереди всех проводить чрез участие в Р[абоче]-Кр[естьянской] Инсп[екции].

4) Участие это сделать различным, смотря по степени развития участников начиная с роли «послуха» или свидетеля или понятого или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян, — кончая всеми правами (или почти всеми) для грамотных, развитых, испытанных так или иначе» ⁵⁶

В целях избежания путаницы при привлечении масс в Рабоче-крестьянскую инспекцию Владимир Ильич предлагал «тщательно обдумать» вопрос и выработать «детальную инструкцию», определяющую порядок и конкретные формы участия К каждому обследованию Ленин предлагал привлекать «по 2—3, редко и в особых случаях больше участников» из числа рабочих и крестьян с тем, чтобы они зря не отвлекали служащих от работы

«Чиновники ГосКона, — писал Ленин, — д[олжны] б[ыть] обязаны (по особой инструкции) вс-л-х, привлекать ко всем своим операциям

⁵⁴ «Известия Государственного контроля», 1920, № 1, стр. 2. Проект Московской рабочей инспекции был опубликован в «Правде» от 6 января 1920 г., проект членов ВЦИК и ВЦСПС — в «Известиях» от 22 января 1920 г. и проект НКГК — в журнале «Известия Государственного контроля», 1920, № 1

⁵⁵ Ленинский сборник, т. VIII, стр. 24

⁵⁶ Там же, стр. 25—26

предст[авите]лей (или группы) Р[абоче]-Кр[естьянской] И[нспекции], а во-2-х, читать лекции *беспартийным* конференциям рабочих и крестьян (лекции по особо утвержденной программе, популярные, об основах ГосКона и приемах его м[ожет] б[ыть], заменить лекции прочтением брошюры, кою мы издадим (т е ГосКон, Сталин и Аванесов, издаст при особом участии партии) и комментарием к этой брошюре»

«*Постепенно*, — писал дальше Ленин, — вызывать крестьян с мест (обязательно беспартийных крестьян) для участия в ГосКоне в центре начаты хотя бы (если нельзя больше) с 1—2 от губернии, а потом, в зависимости от транспорта и др[угих] условий *расширять*. То же для беспарт[ийных] рабочих»⁵⁷

В этом письме Ленин указывал на основные вопросы, которые должны стоять в центре внимания деятельности Рабоче-крестьянских инспекций «Особое внимание, — писал он, — обратить (и сугубо точными правилами обставить) — равно *иначе* ввести надо контроль Р[абоче]-Кр[естьянской] И[нспекции] за учетом продуктов, *товаров*, складов, орудий, материалов, топлива и т д и т п. (столовых и проч особенно)»

В заключение Ленин требовал установления контроля «со стороны трудящихся через партию и через профсоюзы» за тем, «участвуют-ли все (в Рабоче-крестьянской инспекции — *И. К*) и каковы результаты участия с точки зрения обучения участников делу государственного управления»⁵⁸

28 января 1920 г вопрос о Рабоче-крестьянской инспекции рассматривался в Политбюро ЦК партии вторично, а 31 января 1920 г — на Пленуме ЦК партии, который утвердил приведенное выше постановление Политбюро от 23 января 1920 г Окончательное редактирование проекта постановления Пленум ЦК партии поручил упомянутой уже комиссии Президиума ВЦИК, пополненной новыми членами

На основании указаний ЦК партии и В. И. Ленина Народным комиссариатом Государственного контроля был выработан проект Положения о Рабоче-крестьянской инспекции,⁵⁹ который был внесен сначала в упомянутую комиссию ВЦИК, а затем на сессию ВЦИК

Проект НКГК, согласно указаниям Владимира Ильича, предусматривал Рабоче-крестьянскую инспекцию как отдел при НКГК Однако во время обсуждения этого вопроса в комиссии ВЦИК, на заседании фракции сессии ВЦИК 4 февраля 1920 г и на сессии ВЦИК 7 февраля 1920 г⁶⁰ было решено реорганизовать Народный комиссариат Государственного контроля в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции

Рабоче-крестьянской инспекции были присвоены все права и обязанности Народного комиссариата, действующего на основании декрета ВЦИК и СНК от 9 апреля 1919 г о Государственном контроле Дополнительно ко всем правам, обязанностям и заданиям, возложенным Советской властью на бывший Государственный контроль, Народному комиссариату Рабоче-крестьянской инспекции предлагалось немедленно приступить к реорганизации всех органов бывшего Государственного контроля на основе привлечения широких трудящихся масс к осуществлению ими контроля за всеми органами государственного управления, хозяйства и общественными организациями

Было предложено, далее, усилить борьбу с бюрократизмом и волю-

⁵⁷ Там же, стр. 26

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Известия РКИ», 1920, № 1, стр. 5—7

⁶⁰ Ленинский сборник, т VIII, стр. 24

китой во всех органах Советской власти путем организации фактического контроля, летучих ревизий и обследований, усилить наблюдение за проведением в жизнь всех декретов и постановлений Советской власти, как в центре, так и на местах, за целесообразным их применением в условиях переживаемого времени. Проверка деятельности всех органов Советской власти должна была осуществляться с точки зрения достигнутых на деле результатов.

Рабоче-крестьянская инспекция должна была наблюдать за точным исполнением декрета VI Всероссийского съезда Советов о законности, наблюдать за организацией во всех учреждениях приема всякого рода жалоб и заявлений и за правильным их движением, а также организовывать в центре и при своих отделах на местах особое бюро для приема заявлений о неправильных действиях, злоупотреблениях и правонарушениях должностных лиц.

На Рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность представлять на рассмотрение центральной и местной властей конкретные предложения, выработанные на основе наблюдения и обследования, об упрощении аппарата Советской власти, упразднении параллелизма в работе, бесхозяйственности, канцелярской волокиты, а также и о преобразованиях всей системы управления в тех или иных областях государственного строительства.

В соответствии с ранее предоставленными Государственному контролю правами Рабоче-крестьянская инспекция, в ревизионных и осведомительных целях, имела право участвовать с совещательным голосом во всех совещаниях и заседаниях органов Советской власти и общественных организаций, а также право командировать членов РКИ для принятия участия в качестве практикантов в повседневной работе во всех советских учреждениях, не исключая приемов народных комиссаров.

Поставленные перед РКИ задачи нельзя было осуществить старым аппаратом Государственного контроля, основную массу которого составляли старые чиновники. Эти задачи, подчеркивалось в постановлении ВЦИК, были выполнимы лишь при условии привлечения в аппарат РКИ широких трудящихся масс. Без этого условия декрет о Рабоче-крестьянской инспекции остался бы пустой бумажкой. К этому времени многочисленные кадры пролетариата, участвовавшие в органах рабочего контроля и в работе НКГК, накопили уже большой опыт контрольной работы.

Декретом было установлено, что «членом Рабоче-крестьянской инспекции мог быть всякий трудящийся, пользующийся избирательным правом по Конституции РСФСР, за исключением лиц, занимающих ответственные должности по управлению предприятиями или занимающих высшие административные должности»⁶¹. Особое внимание обращалось на привлечение к работе РКИ женщин. Количество членов РКИ не ограничивалось, и состав их должен был быть «текущим с целью вовлечения всех рабочих и работниц предприятий и всех крестьян в работы инспекции», однако, с условием, чтобы интересы производства на предприятиях были соблюдены полностью, причем ответственность за это возлагалась на фабрично-заводские комитеты. Выборы в члены РКИ производились на фабриках, заводах и других предприятиях, а в волостях и поселках — на сельских и волостных собраниях избирателей, а также на беспартийных рабоче-крестьянских конференциях. В члены РКИ могли быть избраны и рабочие, не

⁶¹ Собр. Узак., 1920, № 16, стр. 94.

работавшие на данном предприятии. На фабриках, заводах, в мастерских и в селах образовывались ячейки содействия РКИ. Делегированные для работы в РКИ члены обязаны были не реже одного раза в месяц представлять отчеты в устной или письменной форме о своих работах делегировавшему их собранию избирателей. Профсоюзы имели право входить в РКИ с мотивированным заявлением об отзывании делегированных кандидатов или о замене их другими лицами. За всеми временно делегированными в РКИ представителями сохранялись должности, средний заработок и льготы учреждения или предприятия, из которых они посылались.

Огромное значение в строительстве Рабоче-крестьянской инспекции сыграла речь товарища Сталина на Всероссийском совещании ответственных работников РКИ 15 октября 1920 г.

В этой речи товарищ Сталин с предельной четкостью вскрыл недочеты советского государственного аппарата, обстоятельство, послужившие почвой для этих недочетов, а также определил основные методы работы и задачи Рабоче-крестьянской инспекции.

Недочеты, говорил товарищ Сталин, объясняются тем, что у рабочих и крестьян отсутствовал опыт по управлению государством, им к тому же пришлось заново создавать не только государственный, но и хозяйственный аппарат.⁶² Кроме того, товарищ Сталин указал, что «по ликвидации старых аппаратов государственного управления, бюрократизм был сломлен, но бюрократы остались. Они, перекрасившись в советских работников, вошли в наши государственные аппараты и, пользуясь недостаточной опытностью ставших только что у власти рабочих и крестьян, развели старые махинации по расхищению государственного добра, внесли старые буржуазные нравы».⁶³

«И именно поэтому,— говорил товарищ Сталин,— пока эти условия остаются, пока эти недочеты имеются, нужен специальный государственный аппарат, который бы изучал эти недочеты, который бы исправлял их и который бы помогал нашим государственным органам идти вперед по пути усовершенствования».⁶⁴

В этой же речи товарищ Сталин четко определил роль, значение и характер деятельности советского государственного контроля.

«Основных задач (Рабоче-крестьянской инспекции — И. К.),— говорил товарищ Сталин,— две

Первое это то, чтобы в результате или ходе своей ревизионной работы работники инспекции помогали нашим товарищам, стоящим у власти, как в центре, так и на местах, установить наиболее целесообразные формы учета государственного имущества, помогали бы установить целесообразные формы отчетности, помогали бы налаживать аппараты снабжения, аппараты мирного и военного времени, аппараты хозяйства».⁶⁵

«Вторая основная задача состоит в том, чтобы РКИ в ходе своей работы подготавливала из рабочих и крестьян инструкторов, могущих овладеть всем государственным аппаратом».⁶⁶

Этими основными задачами определялись и методы работы Рабоче-крестьянской инспекции.

«В старое, дореволюционное время,— говорил товарищ Сталин,— контроль стоял вне государственных учреждений, это была внешняя

⁶² И. В. Сталин Соч., т. IV, стр. 364—365.

⁶³ Там же, стр. 365.

⁶⁴ Там же, стр. 366.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

сила, которая, производя ревизии учреждений, старалась ловить виновников, ловить преступников и этим ограничивалась. Этот метод есть метод, я бы сказал, полицейский, метод вылавливания преступников, метод сенсационных разоблачений для того, чтобы вся печать кричала об этом»⁶⁷

Рабоче-крестьянская инспекция не может,— говорил товарищ Сталин,— руководствоваться этим методом «Этот метод должен быть отброшен в сторону. Это — не метод рабоче-крестьянской инспекции. Наша инспекция должна смотреть на учреждения, которые она ревизует, не как на чуждые, а как на свои родные учреждения, которые надо учить, которые надо совершенствовать. Главное не в том, чтобы ловить отдельных преступников, а прежде всего в том, чтобы изучать ревизуемые учреждения, изучать вдумчиво, изучать серьезно, изучать недостатки и достоинства, и двигать дальше дело совершенствования этих учреждений. Самое плохое, самое нежелательное это то, если инспекция увлечется в сторону полицейских методов, если она начнет придирается к учреждению, которое ревизует, если она станет кусать пятки, если она будет скользить по поверхности явлений, оставляя в стороне основные изъяны

Методы работы РКИ должны состоять в том, чтобы вскрывать основные изъяны. Я знаю, что этот путь РКИ очень труден, что он вызывает часто недовольство со стороны некоторых работников ревизуемых учреждений, я знаю, что часто честнейших работников РКИ преследует ненависть со стороны некоторых зарвавшихся чиновников, а также некоторых коммунистов, которые голосу этих чиновников поддаются. Но этого рабоче-крестьянская инспекция не должна бояться. Она должна иметь перед собой основную заповедь: не щадить отдельных лиц, какое бы они положение ни занимали, щадить только дело, только интересы дела.

Задача эта очень трудная и деликатная, она требует большой выдержки и большой чистоты, безукоризненной чистоты со стороны работников. К прискорбию, я должен сказать, что в ходе нескольких фактических ревизий некоторых учреждений, здесь у нас в Москве, сами агенты контроля оказались не на высоте призвания. Я должен заявить, что против таких агентов комиссариат будет неумолим. Комиссариат будет требовать применения к ним строжайшей меры наказания, ибо они пачкают честь работников рабоче-крестьянской инспекции. Если на долю рабоче-крестьянской инспекции выпала высокая задача исправлять недочеты наших учреждений, помогать работникам этих учреждений идти вперед — совершенствоваться, если рабоче-крестьянской инспекции поставлена задача не щадить никого, а щадить только интересы дела, очевидно, что сами работники РКИ должны быть чисты, безукоризненны и беспощадны в своей правде. Это абсолютно необходимо для того, чтобы они могли иметь не только формальное, но и моральное право ревизовать других, учить других»⁶⁸

Деятельность НК РКИ в рассматриваемый период имела огромное оборонное, народнохозяйственное и политическое значение. В порядке осуществления своих контрольно-инспекционных функций он наблюдал за тем, чтобы деятельность всех распорядительных органов на местах и в центре не выходила из рамок, определенных советскими законами, и была направлена на укрепление и развитие советского социалистического строя, следил за законностью и целесообразностью расходования

⁶⁷ Там же, стр. 367.

⁶⁸ Там же, стр. 367—369.

скудных в то время государственных средств, за правильной постановкой счетоводства и отчетности

Ревизионно-инспекционные обследования РКИ в рассматриваемый период получили широкий размах и дали исключительно ценные результаты. Только за 1920 г. и первую половину 1921 г. одними центральными инспекциями НК РКИ было произведено 4436 обследований и более 10 тыс. проверок. Число обследований и проверок, произведенных в это время местными инспекциями, достигает нескольких десятков тысяч. Широкое развитие получили также фактические летучие ревизии, массовые обследования и предварительная ревизия.

В своей работе РКИ не ограничивалась констатированием обнаруженных недостатков. В процессе обследований и ревизий сотрудники РКИ оказывали помощь подконтрольным органам в правильной постановке счетоводства и отчетности, в разрешении различных финансовых и хозяйственных вопросов и вообще в улучшении организации работы обследуемого аппарата. Контролеры сплошь и рядом выступали в роли инструкторов по налаживанию делопроизводства.

Контрольные органы вели жестокую борьбу со старыми пережитками в государственном аппарате, изгоняли бюрократизм и волокиту, добивались упорядочения работы ревизуемых учреждений, сокращения их штатов, замены несоответствующих своему назначению работников способными и инициативными товарищами и т. д. Дела об обнаруженных преступлениях немедленно передавались в суд для привлечения виновных к ответственности.

Обобщая опыт своей контрольно-инспекционной деятельности, НК РКИ проявлял широкую инициативу в области законодательства. По инициативе НК РКИ, Совнаркомом и ВЦИК был издан ряд законодательных актов. Кроме того, все законодательные предположения СНК и ВЦИК, как правило, передавались на предварительное заключение в НК РКИ или решались в специальных комиссиях с участием его представителей. Принятию важных решений высшими органами государственной власти, как правило, предшествовали специальные обследования РКИ, а представляемые ими материалы и выводы очень часто клались в основу государственных актов.

По представлению НК РКИ в различных ведомствах было издано большое количество инструкций, правил, приказов и циркуляров, направленных к улучшению работы учреждений, организаций и предприятий этих ведомств, к повышению производительности и интенсивности труда и усовершенствованию хозяйственного и административного аппарата.

IV

Огромную роль в работе РКИ играли представители трудящихся масс.

Вопрос о привлечении трудящихся масс к осуществлению контроля за деятельностью советских учреждений, организаций, предприятий и отдельных должностных лиц был поставлен Лениным еще до Октябрьской революции.

«Пролетариат, — писал Владимир Ильич в октябре 1917 г. в своей знаменитой работе «Удержат ли большевики государственную власть?» — сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. под контролем рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономи-

стам, статистикам, техникам хорошие деньги, но но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно *в интересах трудящихся*»⁶⁹

Всякое сопротивление высших служащих,— говорил Ленин,— должно быть сломлено⁷⁰ «Это мы сделать можем,— писал Владимир Ильич,— ибо речь идет о сламывании сопротивления ничтожного меньшинства населения, буквально горстки людей, за каждым из которых союзы служащих, профессиональные союзы, потребительные общества и Советы учредят такой *надзор*, что всякий Тит Титыч будет *окружен*, как француз под Седаном. Этих Тит Титычей мы зчаем поименно: достаточно взять списки директоров, членов правления, крупных акционеров и т. п. Их несколько сот, самое большее — несколько тысяч на *всю* Россию, к каждому из них пролетарское государство, с аппаратом Советов, союзов служащих и т. д., может приставить и по десятку и по сотне контролеров, так что даже вместо «сламывания сопротивления» удастся, пожалуй, посредством *рабочего контроля* (за капиталистами) сделать какое бы то ни было сопротивление *невозможным*»⁷¹

Говоря об организации надзора за «Тит Титычами», Владимир Ильич имел в виду все органы диктатуры пролетариата авангард рабочего класса — коммунистическую партию, Советы, профессиональные союзы, потребительские общества, союзы молодежи и т. п., причем этот контроль трудящихся Ленин всегда рассматривал как составную часть управления ими Советским государством.

Указание о привлечении трудящихся масс к работе Государственного контроля было дано еще декретом СНК от 18 января 1918 г. об образовании Центральной контрольной коллегии. Но эта директива Советского правительства не была осуществлена в первый год работы Государственного контроля: иностранная военная интервенция и выступление внутренней контрреволюции заставили нашу партию бросить все силы на защиту завоеваний революции.

Декретом ВЦИК и СНК от 9 апреля 1919 г. на Народный комиссариат Государственного контроля среди других больших и важных задач было возложено обучение трудящихся масс искусству управления государственным аппаратом. Советская власть уже не ограничивалась созданием низовой сети государственного контроля — контрольных комиссий на предприятиях и в учреждениях из выборных рабочих и служащих. Как мы уже указывали, декрет от 9 апреля 1919 г. предлагал привлекать к постоянному участию в государственном контроле в центре и на местах рабочие и крестьянские организации и сверх того систематически привлекать к участию в отдельных операциях государственного контроля понятых из наиболее широких слоев трудящегося населения. Кроме того, предусмотренные декретом Бюро жалоб и заявлений являлись важным средством сближения контроля с массами трудящихся. Государственный контроль получил возможность изучать нужды трудящихся, недостатки государственного аппарата и усилить свое влияние на него.

Этому новому учреждению товарищ Сталин придавал огромное значение. При государственном контроле, говорил он на сессии ВЦИК 9 апреля 1919 г., организуется Бюро жалоб и заявлений, для того чтобы каждый гражданин, подавши заявление, мог надеяться, что этому заявлению будет дан ход. До сих пор наши учреждения запол-

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 269—270.

⁷⁰ Там же, стр. 261.

⁷¹ Там же.

нялись жалобами и заявлениями, часто остававшимися без ответа. Дальше, указывал товарищ Сталин, этого терпеть нельзя. Необходимо, чтобы каждое заявление, каждая жалоба на недочеты, замеченные гражданами, попадали в надлежащее место и быстро разрешались. Внимание к жалобам и заявлениям должно быть привлечено еще и потому, что они могут поставить наводящие вопросы в области улучшения наших советских аппаратов и инспекции.⁷²

В соответствии с декретом и приказом товарища Сталина, 30 апреля 1919 г. при Народном комиссариате Государственного контроля на правах самостоятельного отдела было образовано Центральное бюро жалоб и заявлений.⁷³ Бюро жалоб были организованы также при всех местных органах НКГК и под его руководством во всех Народных комиссариатах, исполкомах и других органах Советской власти. Во все Наркоматы были назначены представители Центрального бюро жалоб НКГК.⁷⁴

8 мая 1919 г. было опубликовано подписанное товарищем Сталиным обращение ко всем гражданам Советской республики. В обращении, помимо извещения об образовании Бюро, сообщался порядок составления и подачи жалоб и всякого рода заявлений.⁷⁵ В обращении гарантировалась полная безопасность для заявителей, а при желании и соблюдение тайны их имени. Все услуги гражданам оказывались Бюро бесплатно.

В тех случаях, когда Бюро при рассмотрении жалоб убеждалось, что осуществление обжалованных неправильных действий может повлечь за собой ущерб для жалобщика или государства, оно имело право через народного комиссара Государственного контроля приостанавливать осуществление обжалованных распоряжений до окончательного расследования.⁷⁶ На местах бюро жалоб могли входить «в сношения с учреждениями и лицами, на действия которых принесена жалоба, о приостановлении или отсрочке приведения в исполнение обжалованного действия».⁷⁷ К расследованиям жалоб и заявлений привлекались «понятые из рядов трудящихся масс».⁷⁸

Утвержденная товарищем Сталиным тогда же Инструкция для Бюро жалоб и заявлений⁷⁹ определяла порядок рассмотрения и разрешения жалоб, а также обобщение и изучение содержащихся в них данных. В этом последнем случае жалобы и заявления систематизировались по районам и отдельным отраслям управления, к которым относились нарушения. Выводы, полученные в результате систематического изучения жалоб, должны были периодически сообщаться народному комиссару Государственного контроля в целях содействия выработке законодательных предположений об усовершенствовании аппарата управления.

В последующее время Центральное бюро жалоб вело неустанную работу по расширению сети своих местных органов, приближая тем самым свою работу к широким трудящимся массам. В частности, с этой целью к работе Бюро в 1920 г. были привлечены избыточные Наркомпроса как наиболее распространенные и близко стоящие к массам учреждения, и ячейки содействия РКИ. Роль избыточных и яче-

⁷² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 22, д. 12, л. 17.

⁷³ «Известия Государственного контроля», 1919, № 10, стр. 2.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, стр. 30.

⁷⁷ Там же, стр. 33.

⁷⁸ Отчет НКРКИ за 1920 г., стр. 421.

⁷⁹ «Известия Государственного контроля», 1919, № 10, стр. 30—31.

ек содействия сводилась главным образом к приему жалоб от населения, и лишь в отдельных случаях ячейки содействия РКИ привлекались к производству расследований по этим жалобам⁸⁰

Вскоре же после своего возникновения Бюро жалоб и заявлений завоевали огромный авторитет среди широких слоев трудящихся и на протяжении всего периода своей деятельности играли важную роль в борьбе с бюрократизмом в советском аппарате. В Бюро жалоб десятки тысяч граждан всегда находили необходимую помощь и защиту от произвола, чинимого над ними бюрократическими элементами.

Роль широких трудящихся масс в работе Государственного контроля еще более усилилась после последовавшей в начале 1920 г. реорганизации Народного комиссариата Государственного контроля в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции.

Декрет ВЦИК от 7 февраля 1920 г. был горячо встречен общественными организациями и широкими массами трудящихся нашей страны. Приветствуя декрет ВЦИК об образовании Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, III Всероссийский съезд профессиональных союзов предложил всем профессиональным организациям «принять самое энергичное и деятельное участие в работах и конструировании органов РКИ». При всех профессиональных союзах должны были быть организованы комиссии содействия РКИ. Кроме того, профсоюзы обязывались созывать конференции и собрания рабочих предприятий для выборов членов РКИ, а также выдвигать через местные исполкомы своих кандидатов на руководящие должности в Рабоче-крестьянской инспекции⁸¹.

Широкие слои трудящихся живо откликнулись на призыв Советской власти и своим участием в работе подтвердили величайшую ценность самой идеи Рабоче-крестьянской инспекции. Характерный случай произошел на одной из беспартийных конференций Западных железных дорог, на которой сами трудящиеся потребовали вопрос о выборах членов РКИ поставить не последним на повестке, как это сделал Учпрофсоюз, а на место столь животрепещущего для всех участников вопроса о продовольствии. Конференция горячо приветствовала образование Рабоче-крестьянской инспекции «как школу советского строительства и как орудие борьбы с злостными и преступными элементами, подрывающими своими действиями авторитет советской власти». Выборные представители от конференции в Инспекцию получили наказ «честно, энергично и неуклонно проводить всецело линию центральной Советской власти»⁸².

Порядок и формы привлечения трудящихся в Рабоче-крестьянскую инспекцию были конкретизированы в подписанной 11 мая 1920 г. товарищем Сталиным Инструкции о порядке выборов и об участии рабочих и крестьян в Рабоче-крестьянской инспекции⁸³. В инструкции указывалось, что в отличие от буржуазных государств, где массы участвуют лишь в голосовании за депутатов, а управление страной предоставлено ставленникам буржуазии, укрепление власти рабочих и крестьян невозможно без широкого и непосредственного участия их самих в управлении страной. Но для осуществления этой задачи трудящиеся, прежде всего, должны знать органы управления Советской власти, тщательно изучить их, а изучив, научиться пользоваться

⁸⁰ Отчет НКРКИ за первое полугодие 1921 г., стр. 144.

⁸¹ «Правда», 1920, № 79.

⁸² Газ «Беднота», № 754 от 15 октября 1920 г. и ЦГАОР ф 374, оп 47, д 12.

⁸³ «Известия РКИ», 1920, № 4, стр. 25—27, «Известия ВЦИК» от 20 мая 1920 г.

ими для строительства новой коммунистической жизни Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции, указывалось в инструкции, является той предварительной школой, где массы рабочих и крестьян могут изучить органы управления и их работу, изучить их достоинства и недостатки, набраться опыта по управлению государством.

Дальше в инструкции определялись формы и порядок выборов членов РКИ и ячеек содействия, а также методы их работы. В этой же инструкции были кратко определены порядок и формы организации ячеек содействия РКИ. Специальная же инструкция для работы ячеек содействия РКИ была утверждена 2 декабря 1920 г. 25 января 1921 г. были объявлены инструкции по привлечению рабочих, крестьянок и членов РКСМ к работам РКИ.⁸⁴

Привлечение трудящихся масс к работам РКИ в центре и на местах началось сразу же после издания декрета ВЦИК от 7 февраля 1920 г. 14 февраля 1920 г. в Народном комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции состоялось заседание членов РКИ и представителей различных рабочих инспекций, на котором были рассмотрены вопросы, «связанные с практическим осуществлением реорганизации бывшего Государственного контроля в Рабоче-крестьянскую инспекцию». Совещание решило немедленно командировать тысячу московских рабочих для работ в Центральном аппарате НКРКИ.⁸⁵

Однако планомерная работа по привлечению трудящихся масс началась с момента опубликования подписанной товарищем Сталиным Инструкции о порядке выборов и об участии рабочих и крестьян в РКИ.

Выборы в члены Рабоче-крестьянской инспекции сопровождалась широкой устной и печатной агитацией. Органы НКРКИ, как в центре, так и на местах, совместно с партийными, советскими и профессиональными организациями созывали митинги и собрания, организовывали публичные лекции, доклады, беседы и т. д. Столичные и местные газеты посвящали выборам специальные статьи.

Участие трудящихся масс в работе Рабоче-крестьянской инспекции проходило в форме привлечения их для постоянной и временной работы непосредственно в аппарате РКИ (делегированные члены), в качестве членов ячеек содействия РКИ, а также для участия в массовых обследованиях и работе Бюро жалоб.

Делегированными членами РКИ назывались рабочие и крестьяне, избранные трудящимися для постоянной или временной (до 4 месяцев) работы в местных и центральных органах Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции. Делегированные члены подразделялись на постоянных сотрудников, фактических контролеров и практикантов.

В число постоянных сотрудников РКИ зачислялись делегированные трудящимися рабочие и крестьяне, «прошедшие известный стаж» работы в РКИ и «обнаружившие способности в инспекторской работе».⁸⁶

Фактические контролеры назначались из наиболее подготовленных и обладавших большим практическим опытом членов РКИ, но не имевших еще знаний и навыков контрольной работы.⁸⁷ «Именно из числа этих фактических контролеров, большую часть рядовых рабочих и работниц,— отмечал НКРКИ в своем отчете за 1920 г.,— в результате упорной, напряженной подготовительной работы, постепен-

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 374, приказы НКРКИ № 41 от 25 января 1921 г.

⁸⁵ «Известия РКИ», 1920, № 3, стр. 5.

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 374, приказы НКРКИ № 41 от 25 января 1921 г.

⁸⁷ Отчет НКРКИ за 1920 г., стр. 48.

но выделяются более живые, более способные рабочие и работницы, усвоившие элементарные понятия о задачах РКИ и, главное, полюбившие дело пролетарского контроля. Уже теперь фактические контролеры стали в Рабоче-крестьянской инспекции неотъемлемым звеном ее деятельности, и ни одна крупная ревизия теперь немыслима без более или менее значительного участия этих рядовых «середнячков» рабочих и работниц, которые незаметно, скромно несут подчас в очень тяжелых условиях на своих плечах работу в самых разнообразных отраслях инспекционной деятельности»⁸⁸

Придя в Рабоче-крестьянскую инспекцию, делегированные члены РКИ предварительно знакомились с задачами и методами ее работы, с законоположениями и структурой Советской власти и ее органов путем собеседования, устройства для них цикла лекций или организации курсов.⁸⁹ С неграмотными и малограмотными проводились занятия по ликвидации их безграмотности.

После предварительного ознакомления делегированные постепенно приучались к работе под руководством более опытных лиц. От простейших заданий, например от участия в комиссиях по приемке или учету наличия товаров, они переходили к более сложным ревизионным заданиям. Как правило, это обучение производилось в одной определенной отрасли хозяйства или государственного управления, в зависимости от специальности делегированного члена и его жизненного опыта. Так, женщины чаще всего использовались при обследовании общественных столовых, бань, прачечных, хлебопекарен и т. д. Представители РКСМ лучше всего справлялись со своими обязанностями при обследовании школ, приютов, библиотек и т. п.⁹⁰

Третьей категорией делегированных членов РКИ были «практиканты, обзоревающие и наблюдающие за ходом работ в советских учреждениях». В отличие от фактических контролеров, практикантами назначались менее подготовленные члены РКИ, которым нужна была известная практика, для того чтобы они могли самостоятельно выполнять инспекционные поручения.

Основной областью использования делегированных членов РКИ являлись фактические ревизии. Именно эта область работы Рабоче-крестьянской инспекции больше, чем какая-либо другая, давала возможность рабочим и крестьянам непосредственно знакомиться с работой всего аппарата Советской власти. В свою очередь, в области фактических ревизий делегированные оказались подчас незаменимыми специалистами.

По неполным данным, за первое полугодие 1921 г. общее число временных членов, делегированных в РКИ, составило не менее 15—16 тыс. рабочих и крестьян.⁹¹

В целом же за полтора года деятельности РКИ, т. е. за 1920 и первую половину 1921 г., через органы РКИ прошло несколько десятков тысяч делегированных членов. Основную массу временных членов, делегированных в РКИ, составляли рабочие. Так, по данным, полученным, НКРКИ от 16 местных и 11 центральных инспекций за первое полугодие 1921 г., рабочие составляли около 73%, представители от волостей — 7,6%, от воинских частей — 3,9% и от других организаций — 15,5%.⁹²

⁸⁸ Там же

⁸⁹ Отчет НКРКИ за первое полугодие 1921 г., стр. 29

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 374, оп. 44, д. 15, лл. 81—82

⁹¹ Отчет НКРКИ за первое полугодие 1921 г., стр. 27

⁹² Там же

«Выборные временные члены,— отмечал НКРКИ в своем отчете за первое полугодие 1921 г,— сделались необходимым составным элементом аппарата РКИ, и в настоящее время вряд ли есть хоть один местный орган инспекции, в составе которого не было бы временных представителей от фабрик и заводов, профессиональных и партийных организаций, волостей и сельских поселений. На большинстве производственных предприятий, при красноармейских частях и во многих сельских местностях организованы ячейки содействия РКИ, и, кроме того, ни одна более или менее значительная работа РКИ в области фактической ревизии не проходит без участия специально привлекаемых для этой работы представителей рабочих и крестьян»⁹³

Другой формой привлечения трудящихся масс к работе Рабоче-крестьянской инспекции, установленной декретом ВЦИК от 7 февраля 1920 г., являлись ячейки содействия РКИ.

Согласно утвержденной НКРКИ 2 декабря 1920 г инструкции, ячейки содействия⁹⁴ создавались на всех фабриках, заводах, мастерских и в учреждениях, насчитывавших не менее 20 рабочих и служащих, а в сельских местностях — при исполкомах и в совхозах. Ячейки содействия создавались также на транспорте, в частях Красной Армии действовали группы содействия РКИ. Количество членов ячеек не ограничивалось. Заседания ячейки созывались не реже одного раза в неделю. В свою очередь местные отделения РКИ обязывались созывать не менее одного раза в месяц конференции представителей ячеек содействия, на которых должны были обсуждаться вопросы их организации и текущей деятельности.

Ячейки содействия наблюдали за деятельностью административных и хозяйственных органов, за правильной постановкой работы соответствующего предприятия, учреждения или организации, за состоянием производительности труда, за законностью и целесообразностью распоряжений, даваемых администрацией, за правильным хранением, распределением и потреблением материалов, продуктов и пр., за санитарным состоянием в зданиях предприятия, учреждения или организации, а также выполняли специальные поручения местных органов РКИ.

В деревнях, селах, волостях и совхозах ячейки содействия наблюдали за деятельностью сельских и волостных исполнительных комитетов и администрацией совхозов, в частности за учетом, хранением и использованием находившегося в их ведении имущества и средств, за деятельностью кустарных артелей и других коллективов, за правильной разверсткой и ссыпкой хлеба и других продуктов, за своевременной и правильной выдачей пособий семьям красноармейцев. Ячейки содействия должны были также следить за своевременной обработкой полей и огородов и правильным использованием живого и мертвого инвентаря.

Группы содействия РКИ в Красной Армии обязаны были присутствовать при всех хозяйственных операциях полка, в том числе при приеме и выдаче продуктов, материалов, вещей, оружия; при месячных, годовых и внезапных проверках денежных сумм, вещей и материалов; при заключении договоров и контрактов, а также наблюдать за работой полковых мастерских и за различными заготовками. Группы содействия РКИ принимали жалобы и заявления военнослужащих и препровождали их со своими заключениями в высшую инстанцию РКИ.

К 15 октября 1920 г организация ячеек содействия происходила в

⁹³ Там же, стр. 26

⁹⁴ ЦГАОР, ф. 374, оп. приказов, приказ № 20 от 2 декабря 1920 г.

56 губерниях (из 58) К этому времени 14 инспекций уже имели организованных от 6 до 20 ячеек в каждой и в 42 губерниях — от 50 до 100 ячеек

В Москве и Московской губ к 1 ноября 1920 г существовало 913 ячеек содействия, с общим количеством 3244 человек, в Казанской губ — 200 ячеек, с общим числом членов 1675 человек, в Донской — 265 ячеек, с 575 членами и т д ⁹⁵

Подводя первые итоги по организации ячеек содействия, НКРКИ в своем отчете за 1920 г писал «К сожалению, в распоряжении наркома нет достаточных сведений, чтобы судить об общем числе ячеек содействия и о количестве членов РКИ, объединенных в эти ячейки содействия. Также нет сведений и о том, как протекает повседневная деятельность этих ячеек. Но высоко оценен самый факт объединения сотен и тысяч рабочих и работниц в эти маленькие гнезда, десятками, сотнями и тысячами рассыпанные по городам и весям советской России, где они осуществляют право рабочих и крестьян контролировать и вырабатывать меры к улучшению жизни советской республики» ⁹⁶

В дальнейшем организация ячеек содействия РКИ проходила с нарастающим успехом

К 1 июня 1921 г только по 31 инспекции, от которых были получены сведения, числилось 8692 ячейки содействия. Всего же по всей стране их было не менее 12 тыс, с общим количеством членов в 35—36 тыс. человек. Число рабочих и крестьян, принимавших участие в работе ячеек содействия, фактически был выше (не менее 45 тыс человек), так как за первое полугодие 1921 г «во всех ячейках сменилось не менее четверти всех их членов» ⁹⁷

Деятельность ячеек содействия РКИ имела огромное воспитательное и практическое значение. Сохранившиеся в делопроизводстве НК РКИ документы рисуют яркую картину кропотливой и плодотворной работы ячеек содействия. Перед нами «Месячная отчетная ведомость» о деятельности ячейки при Мурманской суконной фабрике (Рязанская губ) за время с 25 апреля по 25 мая 1921 г.

По распоряжению Главтекстиля, Мурманская фабрика с 26 апреля по 10 мая 1921 г не работала. В это время ячейка содействия осуществляла контроль за состоянием сторожевой и противопожарной охраны фабрики, а также за ходом ремонта фабричных машин. С 10 по 25 мая ячейка содействия РКИ наблюдала за ходом работ на фабрике и торфоразработках, за поступлением и отправкой разного рода материалов. В связи с кражей материалов со складов ячейка установила контроль за производством розыска и за проведением следствия. Совместно с фабкомом ячейка содействия РКИ вела борьбу с нарушителями трудовой дисциплины.

На фабриках и на торфоразработках были поставлены ящики для приема жалоб. Члены ячейки еженедельно вскрывали ящики и немедленно реагировали на жалобы. Так, в ящик для жалоб были опущены записки, в которых указывалось, что некоторые нерадивые присучальщицы умышленно рвут ровницу пряжи; самопрядильные машины от этого подолгу не могли быть пущены в ход. Пользуясь этим, присучальщицы ранее положенного времени уходили с работы домой. Благодаря вмешательству ячейки содействия РКИ эта ненормальность была устранена, а виновные присучальщицы, по приказу фабкома, были отстранены от работы.

⁹⁵ Отчет НКРКИ за 1920 г, стр 49

⁹⁶ Там же

⁹⁷ Отчет НКРКИ за первое полугодие 1921 г

Ячейка осуществляла контроль также и за фабричным обществом потребителей, за поступлением и распределением продовольствия и товаров для рабочих и служащих фабрики

Кроме того, в течение месяца ячейкой был осуществлен ряд других серьезных мероприятий, в частности по ее настоянию на фабрике была организована пожарная дружина и установлено постоянное дежурство пожарников, проведен ряд мероприятий по технике безопасности, санитарному благоустройству и т. д.⁹⁸

Такова работа одной только ячейки а ведь по всей стране их было организовано много тысяч, и каждая из них являлась школой, где рабочие на практике обучались искусству управления государством

Из 8692 ячеек, о которых имелись сведения в НКРКИ, 2260, или 26 2 %, находились в волостях или селах. Наибольшее число волостных ячеек приходится на губернии Кувскую (835), Тульскую (580), Московскую (526) и Петроградскую (270). Крестьяне, неохотно шедшие на работу в РКИ в качестве делегированных членов из-за необходимости отрываться при этом от своего хозяйства, с большим интересом отнеслись к работе в волостных ячейках содействия РКИ, которые по кругу затрагиваемых вопросов были тесно связаны с интересами их повседневной жизни.⁹⁹

Третьей формой участия трудящихся в Рабоче-крестьянской инспекции были массовые обследования и летучие ревизии, производившиеся преимущественно делегированными членами РКИ. Являясь одной из форм фактического контроля, массовые обследования имели много общего с летучими ревизиями. Летучие ревизии производились обычно ограниченным числом участников и в большинстве своем касались отдельных вопросов деятельности подотчетных органов. Массовые же обследования проводились более или менее крупной группой и охватывали всю работу и состояние данной отрасли хозяйства, управления или отдельного учреждения. Этот вид фактического контроля, как и летучие ревизии, давал возможность широко и эффективно использовать делегированных в РКИ рабочих и крестьян. В массовых обследованиях принимали участие как постоянные сотрудники РКИ, фактические контролеры, практиканты, так и члены ячеек содействия. К ним периодически привлекались также и представители различных организаций. Штатные контролеры (инспектора), техники и другие специалисты РКИ, осуществляя руководство представителями рабочих и крестьян, передавали им опыт и специальные контрольные знания.

Крупным массовым обследованием было всероссийское обследование детских учреждений, произведенное Рабоче-крестьянской инспекцией в первом полугодии 1921 г.¹⁰⁰

Участники обследования должны были проверить условия жизни детей, оборудование помещений, питание, постановку учебно-воспитательной работы и т. д.; выяснить, насколько соответствуют своим задачам все местные органы, занятые вопросами содержания и воспитания детей. Кроме того, обследование должно было выяснить, насколько назрели те или иные реформы в общей постановке дела воспитания и содержания детей.¹⁰¹

Обследованием было охвачено огромное число учреждений, в том числе трудовые школы, детские дома, площадки, клубы и т. д.

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 374, оп. 44, д. 167, лл. 9—10.

⁹⁹ Отчет НКРКИ за первое полугодие 1921 г., стр. 31—32.

¹⁰⁰ Всероссийское обследование детских учреждений. Доклад НКРКИ и комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК М., 1921, стр. 3.

¹⁰¹ Отчет НКРКИ за первое полугодие 1921 г., стр. 33.

Только в Московской губ при участии 5425 рабочих и крестьян было обследовано 3447 детских учреждений ¹⁰² Помимо вскрытия и устранения ряда серьезных недостатков в работе детских учреждений, обследование «дало возможность большому числу представителей рабочих и крестьян ознакомиться с постановкой дела воспитания детей в республике» ¹⁰³

Народным комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции был проведен также ряд других массовых обследований во всероссийском масштабе, в том числе обследование земельных органов, ¹⁰⁴ местных комиссий по отсрочкам призыва в армию, ветеринарных учреждений Красной Армии, казарменных госпитальных помещений, противопожарной охраны военных складов и заводов, ¹⁰⁵ учреждений печати ¹⁰⁶ и др

Массовые обследования широко практиковались и инспекциями на местах, где они были основной формой использования представителей трудящихся Так, Симбирское губернское отделение РКИ только за первое полугодие 1921 г силами рабочих и крестьян обследовало почти все учреждения Симбирска ¹⁰⁷ Широко практиковались массовые обследования другими местными инспекциями

Общее число рабочих и крестьян, принимавших участие в массовых обследованиях, составило несколько десятков тысяч человек В одной только Московской губ за первое полугодие 1921 г в массовых обследованиях приняло участие более 8 тыс рабочих и крестьян ¹⁰⁸

Если в местных инспекциях массовые обследования были основной формой практического ознакомления делегированных членов РКИ с постановкой работы подконтрольных учреждений, то центральные инспекции для этой цели применяли летучие ревизии

Только отделом летучих ревизий НКРКИ за время с 1 января по 10 октября 1920 г было произведено 170 летучих ревизий, которыми были охвачены важнейшие учреждения всех ведомств ¹⁰⁹ Во время этих летучих ревизий было выявлено много нарушений и злоупотреблений, обнаружены жулики и расхитители народного добра, понесшие наказание

Большую роль в привлечении трудящихся к работам инспекции сыграла «Всероссийская неделя РКИ», проведенная в начале 1921 г одновременно по всей стране Основной задачей «недели» являлась широкая устная и письменная агитация и пропаганда идеи РКИ среди рабочих и крестьянских масс для возбуждения в них живого, действенного интереса к работе РКИ и привлечения их к участию в этой работе ¹¹⁰

Помимо этого, в задачи «недели РКИ» входили организация массовых обследований, оживление деятельности ячеек содействия и организации новых.

«Всероссийская неделя РКИ» превратилась в большую общественно-политическую демонстрацию, в которой центральное место заняли мас-

¹⁰² Там же

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, стр 34

¹⁰⁵ Там же, стр 114

¹⁰⁶ Там же, стр 139

¹⁰⁷ Там же, стр 33

¹⁰⁸ Там же, стр. 34

¹⁰⁹ Отчет НКРКИ за 1920 г, стр 392—393

¹¹⁰ ЦГАОР, ф 374, оп 44, д 94, лл 11—12.

совые обследования продовольственных и земельных органов ¹¹¹ Так, на юго-востоке России в центре внимания участников обследований, организованных во время «недели РКИ», стояла проверка готовности органов Советской власти к проведению весенней посевной кампании. Для участников обследований было издано специальное руководство. Из Ростова на места было командировано 132 сотрудника. Всего же в обследованиях в «неделю РКИ» приняло участие 1500 человек ¹¹²

• • •

Участие сотен тысяч рабочих и крестьян в РКИ имело огромное значение в деле укрепления Советского государства. Благодаря участию трудящихся, Рабоче-крестьянская инспекция имела возможность наиболее полно проверять работу подконтрольных органов и наблюдать за общим их состоянием. В то же время рабочие и крестьяне получили возможность знакомиться с характером и состоянием советских учреждений, организаций и предприятий. Трудящиеся массы на конкретных примерах работы учреждений знакомились с проводимой Советской властью политикой. Много тысяч рабочих и крестьян, принимавших активное участие в Рабоче-крестьянской инспекции, благодаря приобретенному опыту были привлечены к ответственной советской административной и хозяйственной работе.

Большая положительная работа советского государственного контроля, наряду с творческой инициативой масс, стала возможной потому, что над вопросами контроля неустанно работал создатель нашего государства великий Ленин, а также потому, что во главе этого ведомства стоял величайший мыслитель и организатор товарищ Сталин. Товарищ Сталин непосредственно направлял всю работу НКГК и НКРКИ, под руководством товарища Сталина были выработаны все законодательные акты о советском государственном контроле, а также основные инструкции и положения. Наркомата Сталинские декреты заложили прочные основы нового социалистического контроля, не имевшего себе подобного во всей истории государств. Под руководством товарища Сталина была успешно проведена борьба с враждебными Советской власти элементами, саботировавшими организацию и проведение строжайшего государственного контроля.

Изучение деятельности НКГК и НКРКИ показывает одну из сторон многогранной деятельности товарища Сталина в годы гражданской войны, мало освещенную, к сожалению, нашими историками.

Партия посылала товарища Сталина не только на решающие участки гражданской войны, но и на ответственные посты советского строительства, где надо было решительной рукой наводить порядок, оздоравливать обстановку, обеспечить перелом. Возглавляя государственный контроль, товарищ Сталин закреплял великие завоевания Октября, строил советское государство и обеспечивал Красной Армии прочный и надежный тыл.

¹¹¹ Там же, л. 12

¹¹² Там же, оп. 1, д. 91, лл. 7—8

А. И. ДРОБИНСКИЙ

РУСЬ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ВО ФРАНЦУЗСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ЭПОСЕ

При обращении к эпосу как вспомогательно-историческому источнику необходимо считаться с его спецификой, учитывать тяготеющую над ним традицию, беспорядочное наслоение исторических переживаний, смещение ситуаций, мест и времен, стран и персонажей. К этому присоединяется обилие эпических «общих мест» и традиционных повествовательных приемов. С этими оговорками эпос может сослужить свою службу истории. Предлагаемая работа имеет задачей привлечение огромного французского средневекового эпоса к изучению представлений современного ему Запада о Руси и Восточной Европе¹.

Французский национальный эпос в той форме, в какой он дошел до нас, обнимает время от конца XI до начала XV в., в основном — до начала XIII в. (включительно). Сложившись на широкой народной основе, он имел «длительное развитие, в котором участвовали различные общественные слои», что имело своим результатом «осложнение сюжетов, смешение либо подстановку эпических образов, затемнение исторической основы» путем примеси к историческому преданию легендарного вымысла. «Еще важнее — развитие и дифференциация идейного содержания французского эпоса, в котором наряду с широкой народной основой мы обнаруживаем напластование довольно многочисленных клерикальных и феодально-рыцарских элементов». Французский эпос своими преданиями в основном восходит к временам Карла Великого, но его формирование происходило уже «в пору наибольшего

---

¹ На близкую к предмету данной статьи тему напечатал около 20 лет назад работу Г. Лозинский (Grégoire Lozinski). *La Russie dans la littérature française du Moyen Age*, — «Revue des Etudes Slaves», t IX, f 1—2, Paris, 1929, pp 71—89, 253—269. Эта работа привлекает не только французский национальный эпос, но и рыцарский роман. Последний, однако, по свидетельству самого автора, содержит очень немного упоминаний о Руси, приписываемая же им рыцарскому роману «большая реальность» является довольно спорной, ибо если над эпосом тяготеет традиция, то от нее не свободен и рыцарский роман, и, кроме того, последний страдает еще большей условностью времени и места. Работа Г. Лозинского, с другой стороны, посвящена одной Руси, между тем представления французского эпоса о Руси тесно связаны с его представлениями о славянстве вообще и о других странах Восточной Европы. Известным плюсом указываемой работы является привлечение общего космо-географического материала западного средневековья, касающегося Руси. Но она упоминает лишь вскользь о политических соприкосновениях между европейским Западом и Русью, которые, несомненно, сказались на интересе французского эпоса к Руси и нашли преломление в отдельных его местах. Конечно, обе работы, в совпадающей части их тематики, в значительной мере использовали общину для них «русский материал» французского эпоса, из отдельных конкретных мест которого напрашиваются определенные частные заключения. Но общий охват той и другой работы различен, равно как и их более общие выводы.

ослабления королевской власти и роста феодальной раздробленности в IX—XI вв.»²

Французский эпос включает до 85 *chansons de geste* — «песней деяний». Эти народные в своей творческой основе поэмы являются по своим «деяниям» главным образом рыцарскими. Позднейшие из них сливаются с рыцарскими романами. Господствующий класс феодального общества — рыцарство, *chevalerie* — естественно, выступает в них не только с рыцарской практикой своих «деяний», но и с неотделимой от нее рыцарской идеологией. Однако сквозь гущу феодально-рыцарских образов явственно проступает идеология народных масс, с одной стороны, разделяющих вместе с рыцарством общие представления того времени, а с другой — поднимающих протест против феодально-рыцарского гнета и усобиц, ориентируясь в условиях того времени на объединительную королевскую власть.

Разделяя религиозную идеологию своего времени, французский эпос проникнут враждой к «неверным». Не только мавры и турки, но и все мало-мальски отдаленные народы с их чуждой внешностью, неизвестным бытом, непонятным языком, не говоря уже о религиозных различиях, представляются французскому эпосу «язычниками», составляют в нем огромный языческий мир (*païenné*), окружающий сравнительно небольшой остров правоверного христианства (*chrestienpneté*) с Францией во главе. Французский эпос крепко запомнил времена, когда сарадины составляли еще непосредственную угрозу для Франции, и первые века Реконкисты, в которой немалое участие принимало и французское рыцарство. В то же время этот эпос явственно отразил более поздние настроения — настроения эпохи крестовых походов. Очень большое место в нем занимают также феодальные счеты и смуты, тесно переплетающиеся с внешней борьбой, как то и было в действительности.

Вся эта эпика в основном вырастает из каролингских преданий и в то же время как бы окунается в них. При всем различии социально-политической структуры и идеологии ранней и классической поры феодализма и при всей разнице в их международно-политической обстановке этот эпос созвучен борьбе Карла Великого с «непокорными» и «неверными» за образование великой и единой империи и ищет в ней примера и наидания. В частности, это одна из центральных идей Песни о Роланде.³

Довольно заметное место в рыцарстве французского эпоса занимает разноплеменное странствующее рыцарство, с ним соприкасаются скитающиеся из страны в страну военные наемники — рыцари и простолюдины, которые уже с XI в., с развитием денежных отношений, стали играть весьма заметную политическую роль во всей Европе.⁴

Французский эпос содержит множество упоминаний о чужих странах и народах.⁵ Тут упоминаются и смешиваются народы реально исторические и легендарные. Весьма большая часть этих упоминаний при-

² История французской литературы, изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1946, стр. 30.

³ L. Gautier *L'idée politique dans les chansons de geste* («Revue des questions historiques», t. VII, 1869), G. Paris. *Histoire poétique de Charlemagne* Paris, 1905, III. Пти-Дютайи. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. М., 1938, стр. 23—24.

⁴ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. III, М., 1938, стр. 224—231.

⁵ J. Malsch. *Die Charakteristik der Völker im altfranzösischen nationalen Epos* Heidelberg, 1912, W. Schober. *Die Geographie der altfranzösischen chansons de geste*, Marburg, 1902, C. Th. Müller. *Zur Geographie der älteren chansons de geste* Göttingen, 1885.

ходится, правда, на «общие места» и традиционные приемы эпического стиля Эти этногеографические упоминания в большинстве случаев безразлично заменяют друг друга (например шлем датский, испанский, гасконский, карфагенский и т. д.)⁶ Но при всем том во французском средневековом эпосе можно явственно обнаружить определенные исторические представления, не отделимые от общих представлений того времени, хотя и осложненные эпическими традициями, с одной стороны, и поэтическим вымыслом — с другой. А космогеографические представления той эпохи, в которую складывался французский эпос, были на крайне низком уровне, о чем свидетельствуют средневековые энциклопедии, космографии и карты — *imagines mundi*, *mappe mundi* и т. д.⁷ Многие страны, весьма далекие друг от друга, смешивались по одному лишь сходству названий не только в эпосе, но и в хрониках, в которых, например, Арморика, древняя Бретань, иногда называется Арменией. Космогеографические представления эпоса, вместе с общими представлениями его эпохи, испытали влияние Библии, апокрифики, патристики и гомилетики, благочестивых легенд, классических реминисценций и разного рода поверий и предрассудков.

Особое положение занимает во французском эпосе знаменитая «Песнь о Роланде», корнями своими глубоко уходящая в народное творчество и имевшая громадное влияние на развитие французского эпоса. Для нашей темы «Роланд» представляет тем больший интерес, что он содержит пространный этнонимический перечень «языческих» народов, выступающих в трех десятках «эшел» (*escheles*), рать за ратью, против Карла. В другом месте поэмы перед взором умирающего Роланда проносятся ряд завоеванных им для Карла земель, в том числе на Востоке. Оба фантастических перечня следует в их исторической этногеографии расположить на почти трехвековой ленте времени, от Карла Великого до появления поэмы. Вся эта пестрая и полулегендарная этно- и топонимика поэмы в свою очередь породила ряд вариантов и параллелей как в ее французских версиях, так и чужеземных.

Ввиду такого значения «Роланда» в развитии представлений французского эпоса о различных странах и народах важны его хронологические координаты. Его древнейший и важнейший Оксфордский манускрипт большинство ученых относит к середине XII в., сама поэма, повидимому, появилась значительно раньше этого манускрипта. Рауль Мортье, новейший издатель серии всех вариантов «Роланда» (1939—1940 гг.)⁸ склонен отнести появление поэмы ко времени идеологической подготовки крестовых походов — к тем двум десятилетиям, на которые падает время от отвоевания сельджуками Иерусалима у веротерпимых Фатимидов до Клермонского собора 1095 г. Папа Урбан II выходец из французского рыцарства, на многочисленном и пестром соборе воскрешал *gestes des ancêtres*, «деяния предков», намекая, повидимому, не на какие-либо малодоступные латинские жития Карла Великого и хроники, но на такую свежую, яркую и получившую популярность в народе *chanson de geste*, какой только и могла явиться «Песнь о Роланде».

Предания о Роланде оживлялись реконкистой Альфонса VI Кастиль-

⁶ O. HUSSE. Die schmückende Beiwörter und Beisätze in der altfranzösische chansons de geste. Halle 1887.

⁷ Ch. V. Langlois. La connaissance de la nature et du monde au Moyen Age. Paris, 1911.

⁸ Textes de la Chanson de Roland ed. par R. Mortier. Paris, 1940. Et aussi La Chanson de Roland. Essai d'interprétation du problème d'origine. Paris 1939 pp. 118—119.

ского, совершавшейся при деятельном участии французского рыцарства. Поэтому особый интерес для датировки «Роланда» приобретает замечание Маркса в «Хронологических выписках», что поход Альфонса VI Кастильского был прославлен каталонскими и провансальскими поэтами и что он в то же время был прелюдией к первому крестовому походу.⁹ Таким образом, «Песнь о Роланде» пришлось как раз кстати она была как бы песней крестоносного реванша за Ронсеваль, превращенный преданиями в национальную катастрофу, виновниками которой якобы были сарацины. Другим косвенным подтверждением этой даты появления «Роланда» служит, как мне кажется, довольно явственное отношение поэмы к положению в Восточной Европе, в частности, опасливое упоминание о печенегах, против которых, как доказал в свое время акад. В. Г. Васильевский в работе «Печенеги и Византия»,¹⁰ и подготавливался вначале первый крестовый поход. И это обстоятельство имеет для нашего исследования особое значение.

Еще Гастон Парис в своей работе «Названия языческих народов в Песни о Роланде»¹¹ остановился на этнонимике этой поэмы. Он отметил, что «сарацины» понимаются в этой поэме вообще как «неверные» и что под оба эти понятия подводятся мусульмане, еретики и схизматики, неопиты, и, наконец, христианские вассалы «неверных» — все это — *païens*, языческий мир, в отличие от *chrestieneté*. Вот почему в число «язычников» и «сарацин» в «Роланде» попали и некоторые восточнохристианские народы. Весь этот «языческий» мир поэмы Г. Парис разделяет на три основных группы — мавров, турков и славян. Такую же картину можно наблюдать и в более поздних поэмах. В то же время, как показал Буассоннад в своей работе «Исторический генезис и географический кадр Песни о Роланде»,¹² ее этногеография, при всех ее вымыслах и несуразностях, имеет по большей части историческую основу.¹³

II

Страны и народы Восточной Европы весьма часто упоминаются во французском эпосе, что указывает на весьма значительный интерес к ней во Франции того времени.

Начнем с Византии. Константинополь (обычно *Costentinoble*, в народном осмыслении — «знатный Константинов град») и греки (*greys*, *grigois*, *grizois*, иногда *griz*, собственно «серые») встречаются множество раз. Для отношения французского эпоса к Византии особенно характерна поэма *Pèlerinage de Charlemagne à Jerusalem et Costentinoble*¹⁴ (конца XI — начала XII в.) — «Паломничество Карла Великого», в основу которой легло предание, исторически связанное с присылкой иерусалимским патриархом Карлу Великому ключей от «гроба господня», выставившихся впоследствии для поклонения в Сен-Дени во время ежегодного индикта (*lendit*) — торжественной мес-

⁹ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 93.

¹⁰ В. Г. Васильевский Труды, т. I, СПб, 1908.

¹¹ Gaston Paris Noms des peuples païens dans la Chanson de Roland (Romania), t. II, 1873.

¹² P. Boissonnade La genèse historique, le cadre géographique de la Chanson de Roland, Paris, 1923.

¹³ Большим подспорьем к ономастике и этнопонимике французского эпоса может служить именной указатель к нему, составленный Э. Ланглуа. (E. Langlois Table de noms propres dans les chansons de geste Paris 1904).

¹⁴ «Karl des Grossen Reise», ein altfranzösisches Heldengedicht, hrsg. von Ed. Koschwitz, 3 Aufl. Leipzig, 1895, SS. 16—35, 45, 48 etc.

сы и ярмарки Константинополь вызывал удивление и зависть «франкских» паломников и рыцарей своим богатством и культурой:

Et dist l'uns a l'autre «Veez com grant beltet!» (v 448)
(И говорил один другому «Глядите, что за красота!»)

В то же время Византия, отбивавшаяся от многочисленных врагов с севера и с востока и искавшая помощи у Запада, вызывает в поэме (vv 446—617) похвалу (gabs) со стороны франкских рыцарей, считающих, что Византия потворствуют сами «силы небесные». Хотя простонародная поэма явно трунит над нравами французского рыцарства (и над самим Карлом), но император Гугон Константинопольский, в образе которого, быть может, следует видеть современника поэмы — императора Алексея Комнина, ставится в двусмысленное, смешное и, в конце концов, подчиненное положение. Гугон во всем своем царственном великолепии признает себя вассалом Карла, и когда они вместе идут в церковь, все убеждаются, что Карл на голову выше Гугона. В «Роланде» ее герой также заставляет византийского императора признать себя вассалом Карла.

Costentinoble, dunt il out la fiance (v 2329)
(Константинополь, чью он получил присягу)

Концепция латинского господства над Востоком воскресла в период подготовки крестовых походов, первый из которых предпринимался в помощь Византии, и отразилась в представлениях французского эпоса о том, что Карл Великий и его верный паладин Роланд якобы подчинили себе Византию.

Славяне (esclavons) известны французскому эпосу как под этим их основным старофранцузским названием, так и в его эпических изменениях. Это — разные производные прозвища и клички (вообще характерные для отношения средневекового эпоса к далеким и чуждым народам), приспособляемые зачастую к рифме (ассонансу) или размеру — esclavoz, esclavers, esclès, sclers, sclavers, clavers и, наконец, устрашающие esclafors, esclamors. Славяне встречаются в 60 поэмах в многочисленных местах. Они упоминаются в значении славян вообще, славян балканских и, быть может, славян ильменских (новгородских) и вообще Руси (во французских хрониках, например, Ярослав называется Георгием Славянином).

Славяне в общем считались «неверными» и в переносном смысле означали в эпосе иногда даже «неверных» вообще — главным образом вследствие имевшего большой резонанс на всем Западе ожесточенного сопротивления полабских славян их покорению и насильственному крещению. Так, в *Aiol*¹⁵ (конец XII в.) испанские мавры называются славянами.

Quant vinrent en Espagne, en la terre as Esclers (v 10601)
(Когда пришли в Испанию, землю славян.)

Esclavonie обычно означает славянские земли на Балканах, поскольку латиняне входили во враждебные соприкосновения с южными славянами на дунайских и балканских путях. Нередко славяне смешиваются во французском эпосе с турками. В «Антиохии» (конец XII—

¹⁵ «Aiol», chanson de geste, publ. par J. Normand et G. Raynaud Paris, 1877, p. 316

начало XIII в.) упоминаются некие *turcs d'Esclavonie*¹⁶ Славяне упоминаются, в частности, дважды в эшелах «неверных» в «Роланде» (vv 3225, 3245)

Из отдельных славянских народов и стран встречаются полабские славяне, Чехия, Польша, болгары и вообще южные славяне и всего чаще — Русь

Во французском эпосе мы находим смутные представления о древнеславянских верованиях, которые еще в начале XII в. господствовали среди славян полабских и поморских В Ogier¹⁷ (конец XII — начало XIII в.) говорится (v 11751) что славяне почитают Юпитера Повидимому, на язык своих представлений французский эпос переводил здесь Перуна, со своей стороны полабские славяне «перуновым днем» (как и немцы — *Donnerstag*) называли четверг, день Юпитера, *dies Jovis* — по-французски *jeudi*¹⁸

В средневековом французском языке, главным образом эпический, и в рыцарскую геральдику перешло для обозначения особенно ценившегося соболя, обитателя Восточной Европы, слово *sable* наряду со словом *zibeline* (более распространенным), также славянского происхождения В «Антиохии»¹⁹ (конец XII — начало XIII в.) упоминаются «русские соболя» — *sables de Roussie*, а в «Роланде» (v 408) — *mantel sabelin* — собольи плащ

В средневековых языках — латинском, старонемецком, старофранцузском (и его англо-нормандском диалекте), староанглийском, сложилось слово (*sclavonica*), *esclavie*, *esclavine*, *slavin* (средневековое немецкое *slavenie*) для обозначения «славянского плаща», повидимому очень широкого плаща, грубого или парадного, иногда опушенного или подбитого мехом, или косматой шерстью В поэмах эскавина встречается нередко, означая главным образом дорожный, «паломнический» плащ Так, в англо-нормандской версии *Boeve de Haumtone*²⁰ (конца XII — начала XIII в.) Бова-королевич после долгой разлуки является неузнанный в своем паломническом плаще (*esclaveyne*) к своей возлюбленной Жозиана говорит ему

Si Deu moi eyde, sir palmer,—
Si cel esclaveyne ne vus veys aver,
Je dirrai ke vus fussez Boves le fer (vv 1426—1428)

(Да поможет мне бог, сударь паломник!
Если бы я не видела вас в этой эскавине,
Я сказала бы, что вы не кто иной, как гордый Бова)

В так называемой «континентальной» версии того же «Бовы»²¹ (тоже конец XII — начало XIII в.) в первой ее «редакции» (vv 3310, 3554, 3559) рассказывается, как стремяной «напялил» (обмотал) на беглянку Жозиану эскавину (*l'esclavine afubla*), затем с нее снял (*l'esclavine osta*) по миновании надобности Это слово известно и старо-

¹⁶ La chanson d'Antioche, par Richard le Pèlerin, pbl par Paulin Paris, Paris, 1848, La chanson d'Antioche, traduite par la marquise de Sainte-Aulaire Paris, 1862, p 290

¹⁷ «Ogier de Danemark», par Rambert de Paris, poème du XII s, pbl avec préface de J Bardois Paris, 1842, p II, v. 11751

¹⁸ Е Г Кагаров Религия древних славян, М., 1918, стр 28

¹⁹ Antioche, t I, p 238

²⁰ Der anglonormannische «Boeve de Haumtone», hsg von A Stimming Halle, 1899 S 57

²¹ Der festländische «Bueve de Hantore», Fassung I, hsg, von A Stimming Dresden, 1911, SS 100, 108

итальянскому (*schiaivina*) и даже староиспанскому и старопортугальскому языкам (*esclavina*)

Нидерле²² в своих «Славянских древностях» считает «эсклави́ну» общеславянской верхней одеждой, видом плаща, называвшегося на славянских языках, в том числе на древнерусском — *корзно*. Нидерле указывает, что полабы платили немецким феодалам дань в корзнах, составлявших, по его мнению, парадную разновидность употреблявшегося у славян широкого плаща. Корзно в средневековых латинских памятниках называется *сгусина*, *сгуспа*, позднее *slavina*, *slavonica*. Его охотно носили в Германии под именем *Kursen*, позднее — также *Slave-nie* *Kursch*, как мех, вошел в немецкую рыцарскую геральдику. В более западных странах славянское название этого плаща не было известно, и он просто назывался «славянским плащом», эсклавиной. Как видно, в частности, из французского эпоса, наряду с парадной эсклавиной и много чаще ее была в ходу дорожная «паломническая» эсклавина. Мы встретимся, однако, далее во французском эпосе с «русскими плащами» — по видимому, теми же корзнами, эсклави́нами, но парадными.

Во французском эпосе среди сарацин встречается ряд «славянских» персонажей, например, *Tiebaut l'Esclavon* в «*Foulque de Candie*»²³ (2-я половина XII в.), превращающийся из врага в союзника франков.

Обращаемся к отдельным славянским народам во французском эпосе.

С *болгарами* (*bolgres*, *bougres*, *bugres*) ассоциировалось представление о надвинувшейся на Францию еретической заразе (богомилстве), породившей альбигойство и другие ереси. С болгарами сталкивались западные паломники и впоследствии крестоносцы. Во французском языке впоследствии имя болгар, *bougres*, очерненных католической церковью, не только стало означать закоренелых еретиков, но сделалось сугубо бранным.

В «Роланде» болгары упоминаются среди народов, якобы покоренных Роландом для Карла Великого и после гибели Роланда восставших против Карла. Последний, оплакивая Роланда, говорит:

Encuntre moi revelerunt li Seisne

E Hungre e Burge e tante gent averse (vv. 2921—2922)

(Против меня восстали саксы и венгры и болгары и столько вражьих народов)

В «Роланде» (v. 3244) среди «неверных» упоминается и какое-то Самуилово племя, *gent Samuel*. Одни считают его искажением *Ismael*, «измаильтянами», т. е. арабами, и в более широком смысле — мусульманами, другие — древнелитовским племенем *samli*, давшим имя полуострову Земланд (с юго-запада Калининграда, на Балтийском море), область которого — *Samblandia* — упоминается, в частности, в послании папы Гонория III о легате в Ливонии (1224)²⁴. Возможно, однако, что это болгары, поднявшие героическое восстание во главе с царем Самуилом (997—1014) против Византии,²⁵ оно вызывало тревогу и на Западе.

²² L. Niederle *Manuel de l'antiquité slave* t. II La Civilisation Paris, 1920, p. 75.

²³ «*Foulque de Candie*», von Herbert le Duc de Dammartin, hsg. O. Schultz-Gora Bd I—II, Dresden, 1909, 1915.

²⁴ А. И. Тургенев *Акты исторические, относящиеся к России из иностранных архивов*, т. I, СПб., 1841, стр. 16.

²⁵ М. С. Дринов *Началото на Самуиловата държава* Соч. т. I, София, 1909, стр. 317—364, Н. С. Державин *История Болгарии*, т. II, М.—Л., 1946, стр. 14—15.

Но кажется еще более вероятным, что при несомненном смешении с «измайлътянами» — мусульманами и вообще «неверными», а может быть, и не без влияния прогремевшего имени мятежного болгарского царя, в «Песню о Роланде» перешла из древней хроники Фредегара (VII в) и исторических преданий о войнах «доброго короля» Дагоберта реминисценция о князе богемского племенного союза западных славян Само (623—658), разбившем большое франкское войско короля Дагоберта. Если это так, то *gent Samuel* имеет в виду племенной союз князя Само. Этим отчасти подкрепляются доказательства, приведенные покойным профессором Н. П. Грацианским, что Само не был франком, как он изображается у Фредегара, а был язычником и славянином, и что его имя — сокращенное славянское Самослав²⁶. Французы не могли понять этого имени ни в полной ни в сокращенной форме и могли превратить его в своем эпосе в «Самуила», а древний западнославянский племенной союз — в «Самуиловы племена».

Среди стран и земель, покоренных им, умирающими Роланд вспоминает Болгарию, в вариантах — Богемию (Чехию) и Польшу — *Bugie et Puillanie* (v 2328). Карл Великий, действительно, подчинил чехов, зависимость которых от его империи прекратилась, однако, после его смерти, лишь при Генрихе I Птицелове, в 929 г. они попали в зависимость от немецкого королевства (со времени Оттона I — от Священной Римской империи). До Польши и до Болгарии Карл Великий не добирался. С принятием христианства (966) Польша — весьма ненадолго — стала в церковно-политическую зависимость от Священной Римской империи. Здесь французский эпос, как всегда, гиперболизирует успехи Карла Великого. В то же время в сетовании Карла на далекие откляки Ронсевала — общее восстание покоренных Роландом народов, в том числе болгар и поляков — *rouillanes* («Роланд», v 2923) отразилось сознание европейских феодальных кругов, что любая неудача на Западе влечет для них осложнения на Востоке и наоборот. Так, после поражения Оттона II в Италии в 982 г. последовало восстание полабов в 983 г.

Особый интерес представляет целый ряд упоминаний во французских средневековых поэмах *полабских славян*.

Так, вторую эшелу «неверных», непосредственно следующую за племенем Бутентрот, проклятыми богом «сородичами Иуды Искарота», составляют в «Роланде» (vv 3223—3224) *мильчане* (*micenes, michèpes*), которым приписывается сходство с «дикими вепрями». В этом эпическом представлении отразилось ожесточенное сопротивление полабов их покорению и насильственному крещению и их многократное отпадение от навязанной им новой веры.

Сорбы (в состав которых мильчане входили), *sorbres*, составляют пятую эшелу «неверных» (v 3226).

Et la quinte est de sorbres et de sorz

в которой, быть может, последние — не простое дублирование первых, но одноименные *сербы*.

Лютити (*lutis leutis*), оказывавшие особо упорное сопротивление Карлу Великому, а затем немецкому рыцарству, составляют в «Роланде» (vv 3205, 3216, 3360) один из надежнейших отрядов вавилонского эмира. За последним повсюду следует в борьбе с французами король лютитский, по имени Дапамор — *Dapamort*, пока его не убивает один

²⁶ Н. П. Грацианский. Славянское государство Само (Исторический журнал, № 5—6, 1943).

из паладинов Карла, *que mort l'abat ki qu'en plurt o ki'n riet* («который разит его насмерть, будет ли кто о том плакать или смеяться») В Дапаморе, повидимому, следует видеть, в его исторической основе, князя лютичей Драговита, в союзе с саксами боровшегося с Карлом Великим Как известно, разбив саксов, Карл обрушился на лютичей, натравив на них бодричей и опустошив их землю, после чего Драговит был вынужден изъявить покорность ²⁷

Но откуда же в таком случае взялось во французском эпосе имя Дапамор? На этот вопрос ответить нетрудно В имени Дараморт слышится сфранцузженная западнославянская фонема «добо» (т е добро), очень распространенный корень или составная часть западнославянских имен и названий Так, например, ободритский князь, восставший в 862 г против Людовика Немецкого, о неудаче которого в походе против ободритов упоминают составленные во Франции Бертинские анналы, назывался Добомысл, крепость, построенная и впоследствии сожженная в 1160 г Никлотом ободритским в неравной борьбе с Генрихом Львом и датчанам, называлась Добин ²⁸ «Добо» — в модифицированной форме дара, с частым во французском эпосе устрашающим окончанием «mort» (смерть), могло стать во французском эпосе обобщенным именем славянского князя, ожесточенно борющегося с западным рыцарством

Лютичи выступают в союзе с саксами против Карла в Saisnes ²⁹ «Песни о саксах» (XII в) Жана Боделя Повидимому, в образе великана Фьерабраса Русского (Fierabras de Roussie), помогающего королю саксов Гитеклену — историческому Видукинду, следует, в его исторической основе, также признать Драговита Интересно, что Видукинд (Guteclin de Sessogne — Гитеклен Саксонский) в одном месте поэмы сам называется Гитекленом Славянином (Guteclin l'Esclavon), что имеет свою эпическую логику, ибо саксы в дальнейшем стали одним из важнейших элементов немецкого государства и Германской империи и активно участвовали в ее натиске на полабских славян, а последние продолжали свою героическую борьбу

Лютичи упоминаются и в ряде других поэм Bueve de Commar-chis ³⁰ (XII в), Enfances Ogier ³¹ (конец XII в) и др В «Антиохии» ³² они даже борются вместе с сельджуками — *turcs et leutis* против крестоносцев в Святой земле

Несомненно, что столь частые упоминания о полабских славянах, особенно лютичах, не только восходят к реминисценциям их борьбы с Карлом Великим но отражают то впечатление, которое производила на Запад вся их дальнейшая упорная борьба Еще Эингард называл лютичей *gens bellicosa* Алкуин поздравлял Карла Великого с победой над лютичами Позднее лютичи в качестве союзников Генриха II шли за Рейн (начало XI в) умирять епископа Мецкого и пфальцграфа Генриха ³³ Как справедливо полагает Буассоннад, ³⁴ в соответствующих

²⁷ М К Любавский История западных славян М, 1917, стр 27—28, 34, 65

²⁸ Н П Грацианский Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века М, 1943, стр 8, 36—39

²⁹ «Saisnes» la chanson des Saxons par Jean Bodel, pbl par Fr Michel Paris, 1839, I, 86, II, 85

³⁰ «Bueve de Commarchis», par Adenès li Roi pbl par A Scheler Bruxelles, 1874, v 1823

³¹ «Enfances Ogier», chanson de geste pbl par A Scheler Bruxelles, 1874, v 760

³² Antioche, p 314

³³ Н П Грацианский Борьба славян, стр 16

³⁴ P Boissonnade Op cit, pp 170, 173

местах «Роланда» и в других поэмах можно найти отголосок великого восстания бодричей в 1066 г., к этому присоединялись и воспоминания о восстании полабов в 983 г. В связи с этим Буассоннад не без основания склонен видеть в *soltras*, упоминаемых в «Роланде» (v 3242) и заменяемых в более поздних вариантах *solteins* («султанами»), *стодорян* — лютицкое племя, сжегшее в восстании 983 г. Бранденбург. Быть может, *стодорян* следует видеть и в *sortres*, упоминаемых в Парижском и Лионском манускриптах «Роланда» (v 2055-h).

Лютичи (вильцы, велеты) прсникли благодаря своей героической борьбе и в скандинавские саги, и в русские предания, где они превратились в исполинов — *вологов*. Возможно, что и в несохранившемся звене французского предания они уже приняли исполинский образ, превратившийся в дальнейшем в великана Фьерабраса Русского в «Песне о Саксах».

III

Переходим к *Руси*. Согласно именному указателю к «жестам» Э. Ланглуа,³⁵ Русь упоминается в 28 поэмах, всего около 70 раз, что само по себе свидетельствует о том интересе, который эта далекая страна вызывала во Франции. Русь упоминается во французском эпосе и как народ и как страна, притом в двух основных формах на «о» и на «и». Народ — *Ros* — встречается в *Роланде* (v 3225 Венецианского 4-го манускрипта начала XIV в.,³⁶ но гораздо чаще в форме *Rous* — например, *Saisnes* (конец XII в.) и *Foulque de Candie* (2-я половина XII в.) — в ряде мест. В *Foulque de Candie* они переосмысляются местами как *гоух*, «рыжие», *гоух et gris* — «рыжие и серые», русские и греки. Встречается страна — *Ros(s)ie* (с var *Rossile*) и *Roussie*, причем все варианты ее названия встречаются, в частности, в более поздних вариантах «Роланда». Так, *Roussie* встречается в Венецианском 7-м манускрипте конца XIII в., в манускрипте *Шатору*, начала XIV в. и других; *Rosie* — в Лионском манускрипте начала XIV в., *Roussie* — в Парижском и Венецианском 7-м манускрипте, оба — конца XIII в.³⁷ В древнейшем, Оксфордском манускрипте «Роланда» (XII в.) «Русь» ни как народ, ни как страна не встречается, но в других поэмах почти той же древности, что и «Роланд», Русь упоминается чаще как страна. Русь как народ обычно обозначается описательной формой — *seux de R* — «эти, те люди, Руси». Вошедшая позднее в общее употребление нынешняя форма названия страны — *Russie* очень редко встречается во французских памятниках XII в. В эпосе она встречается — и то в начертании *Russye* — в одной только *Destruction de Rome*³⁸ (2-я половина XII — начало XIII в., v 357), но ее единственный манускрипт относится к XIV в. и не характерен для самой Франции, так как его копиист — англичанин, а англо-нормандский диалект зачастую менял *ou* на *u*.

В Венецианском 7-м манускрипте «Роланда» (v 3528) в сече Карла с эмиром упоминаются русские — *seux de Roussie*, более двух тысяч их бросилось на стан Карла, но осталось на месте, чем «Мекка в Магомерии была ошеломлена».

В указанном выше месте Венецианского 7-го манускрипта «Роланда» (v 3225) в одной из эшел «неверных» мы встречаем наряду со

³⁵ E. Langlois Op cit, pp 576—577

³⁶ Das altfranzösische Rolandslied Text u Variantenapparat, von E Stengel. Leipzig 1900, v 3225

³⁷ Ibid, Index

³⁸ Destruction de Rome, pbl par G Groeber (Romania, t II, 1873, p 15)

славянами русских Ros et Esclavoz, возможно, что здесь наряду с Русью вообще или наряду с Киевской Русью упоминаются ильменские, новгородские славяне, называвшиеся, как известно из летописи, просто славянами В Парижском и Лионском манускриптах «Роланда» (v 2055a) упоминаются, наряду с sortres, быть может, стодорянами, — gadres,³⁹ быть может, новгородцы и вообще русские, если вспомнить, что скандинавские саги называли Русь *гардами* и что «Роланд» литературно сложился в нормандской среде, хотя и офранцузенной, но все же сохранявшей еще кое-какие древнормандские реликты в своей эпической топонимике

Киев и Новгород прямо во французском эпосе не упоминаются, в отличие от скандинавских саг, в которых Новгород называется Holmgard, а Киев — Knugard, как например, в Orvaroddsaga⁴⁰ (XIII в), или немецкого эпоса, где в «Песне о Нибелунгах» (XIII в) вместе с народом Riuzen (русы) упоминается Киевская земля — Lant zu Kiewen⁴¹ Но во французской поэме Elie⁴² (конец XII в) упоминается (v 888) некий «град Руси» — chité de Roussie — в фантастическом итинерарии обратного пути сарацин из их похода на Бретань, оставляющих налево «Романию и Фемению», а направо — «град Руси» Романия — империя ромеев, Византия, называемая так и в византийских памятниках, Фемения — легендарная «женская страна», край воинственных амазонок где-то на границах Скифии В этом легендарном итинерарии, где к тому же перепутаны правая и левая сторона, «град Руси», повидимому, означает Киев

В одном из вариантов «Роланда» встречается выражение og de Galice⁴³ «Золото» с названием страны является одним из «общих мест» эпоса для обозначения богатств, приурочиваемых к какой-либо стране, обычно — действительно богатой Galice, как общее правило, означает во французском эпосе Галисию, один из оплотов испанской реконкисты Но очень часто, по созвучию, более знакомое и близкое название переносится в эпосе на менее знакомую страну или город Так, русская летопись называет жителей Уэльса (ср по-французски pays de Gales) знакомым именем «галичан»⁴⁴ В указанном месте «Роланда» Galice может означать лишь сходную по имени с Галисией Галицию, так как в других вариантах того же места она заменяется Русью, а в одном — соседней с Галицией Венгрией Галицкая земля — Галичина была известна латинским и другим средневековым памятникам Западной Европы Так, послание 1232 г папы Григория IX из Авиньона относительно Галицкой архиепископии говорит о городе Галиче, civitas Haliacensis⁴⁵ Но памятники далеких западных стран смешивают ее иногда по созвучию с евангельской Галазией Так, в «Проприетарии», пользовавшейся большим распространением средневековой энциклопедии первой половины XIII в, в статье о «свойствах вещей» Варфоломея Английского (Bartholomaeus Anglicus), преподававшего в Париже (и затем в Магдебурге), упоминается страна Галация, иначе именуемая Русью, но смешиваемая

³⁹ Das altfranzösische Rolandslied, hrsg von Stengel, S 220

⁴⁰ Antiquités russes d'après les monuments historiques des islandais et anciens scandinaves, red par C Raïn Copenhague, 1850, t I, p 91

⁴¹ «Nibelungenôt», mit Lesarten, hsg v K Bartsch, B I, 2 Aufl Leipzig, 1926, S 220

⁴² «Elie de Saint Guile», chanson de geste, publ par G Raynaud Paris, 1879, v 888

⁴³ Das altfranzösische Rolandslied, Variantenapparat von E Stengel, S 174

⁴⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб, 1872, стр 4

⁴⁵ Акты исторические, относящиеся к России, т I, стр 34

тут же с Галатией ⁴⁶ В Уигорнских анналах (Англия) ⁴⁷ под 1222 г. отмечается, что от английского короля Генриха III посылались безрезультатно брачные послы к австрийскому герцогу и королю Галации (ad regem Galacie) Хотя брачное посольство посылалось действительно к чешскому королю, но анналы явно имели в виду Галицкую землю В связи с этим интересно также отметить одно место в «Роланде» (v. 2973), где упоминается *palie galazin* Здесь, повидимому, речь идет не о галацком, а о «галицком плаще» (ср. ниже с «русскими плащами» во французском эпосе) В «Роланде» Венецианского 4-го манускрипта (v. 2040) среди «завоеваний» Роланда — следовательно, среди земель, которым придается известное значение, вместо Карфагена. Auvergne (Оверни) и неведомой Garmalie перечисляются Cartaine, Alvergne et Galice, означающие собственно Картахену, Овернь и Галисию (в Испании); однако в Лионском манускрипте (тоже начало XIV в., как и Венецианский 4-й) мы находим на этом месте Венгрию и Aumagne (= Almagie), в первоначальном смысле означающую Альмерию (в Испании), но здесь, быть может, по созвучию названий, — какую-то страну, действительно соседнюю с Венгрией Возможно, что Aumagne (= Almagie), означает здесь Ладимерию (Ladimeria, Laudemeria латинских памятников), т. е. Владимирскую землю Владимир Волынский славился своим богатством, о чем свидетельствовал венгерский король Андрей I (XI в.) В Anseis de Carthage ⁴⁸ (XIII в.) Aumagne встречается вместе с упоминанием некоего Maurpin de Russie и земель Esclandie et Sorbie — славянских земель

В одной из ратей «неверных» в «Роланде» (v. 3243) упоминаются eugles Уже М. Мюллер отождествлял их с *угличами* Как указывает Нидерле, ⁴⁹ еще около 873 г. у баварского географа из монастыря Санкт-Эммеран наряду с русскими (guzzi) и хозарами упомянуты unlizi (угличы) и busani (бужане).

В Оксфордском и некоторых других манускриптах «Роланда» (v. 3225) на месте *gos* стоят загадочные *brups*, по народной этимологии «темные, смуглые» Не исключено, что это *бродники*, упоминаемые в летописи с 1147 г., ⁵⁰ знакомые своими набегами дунайским паломникам, франко-норманским наемникам Византии и крестоносцам Папа Григорий IX в 1227 г. посылал, как известно, миссионеров проповедывать in Sumania et Brodник, terra vicina

Так, во французском эпосе нашли, быть может, смутное отражение не только Русь в общем, но Киев и Новгородская земля, Галицкая и Владимиро-волынская земли, примыкавшее к Черному морю русское племя угличей и, возможно, даже русская вольница

Как место действия Русь упоминается в Bueve de Nantone (конец XII — начало XIII в.) — в первой и третьей версии ее «континентального варианта» Юного Бову увозят на корабле из Антоны (Гемптона — Соутгемптона) на Русь, где его покупают египетские или армянские купцы (версия I, стихи 733 и сл., версия III, стихи 1441 и сл. и 1471 и сл.); в версии II (стихи 1564 и сл.) купцы его привозят в Венгрию, где продают русским купцам, в свою очередь перепродающим его; в англо-норманском варианте (vv. 358—364) Бову непосредственно с его ро-

⁴⁶ Ch. V Langlois Op cit, pp 156—157.

⁴⁷ Ex annalibus Wigorniensibus, M. G. H., t. XXVII Hannover, 1885, p. 467

⁴⁸ Anseis von Karthago, ein altfranzösisches Gedicht, hsg. von J. Alton Tübinger, 1892, v. 2549

⁴⁹ L. Niederle, Op cit, p. 211

⁵⁰ Летопись по Ипатьевскому списку СПб., 1871 стр. 242

дины увозят на корабле в Египет сарадины ⁵¹ Соответствующие места в «континентальном» варианте *Bueve de Hantone* являются смутной реминисценцией о варяжской, хазарской и арабской работорговле (преимущественно пленниками), шедшей через Русь ⁵²

Чаще всего Русь, однако, встречается в разного рода эпических выражениях или в виде территориальных прозваний того или иного персонажа, либо территориального эпитета к тому или иному излюбленному предмету рыцарского обихода А Н Веселовский в своей «Исторической поэтике», указывая на общераспространенность таких эпических «общих мест», подчеркивает безотносительное, в общем, упоминание в них названий различных стран и их свободную взаимозаменяемость (например, арабский, гасконский и т п конь) ⁵³ Эпические «общие места» все же не представляют одинакового обезличения в них чаще упоминаются те страны, которые славились соответствующими предметами Сама частота упоминания Руси в «общих местах» французского эпоса весьма показательна

Во французском эпосе упоминаются предметы феодального обихода и роскоши «из Руси» Одни из них могли приходить из самой Руси, другие — из восточных стран, через Русь Так, восточного происхождения были «сандалы» — *cendales de Roussie* в *Foulque de Candie* (2-я половина XII в) ⁵⁴ — шелковые ткани, упоминаемые и Марко Поло ⁵⁵ В поэмах встречаются и русские плащи — *railes de Roussie*, в «*Auberli*», ⁵⁶ «*Jerusalem*» (2-я половина XII — начало XIII в) ⁵⁷ и др Вероятно, это древнерусские парадные корзны (ср «Святополкъ нача лаяти овѣмъ корзны, а другимъ кнѣми» ⁵⁸ Как указывает Н Я Аристов, ⁵⁹ древнерусское корзно представляло теплую княжескую мантию с застежками, накидывавшуюся поверх одежды По рисунку в «Изборнике Святослава» 1073 г, корзно на вел кн Святославе Ярославовиче было синего цвета, с золотой канной ⁶⁰ Валеная шерсть, из которой, повидимому, делались корзны, называлась корзовиной (Аристов полагает, что корзовина — это косматая шерсть) А В Арциховский указывает, что корзно было плащом из дорогого материала, довольно больших размеров, и приводит ряд летописных указаний, а также описывает ряд изображений корзны в древнерусских рукописях и фресках ⁶¹

В *Foulque de Candie* (v. 7568) тяжело раненого Тибо Славянина кладут на корзовину (*feutre*, по древнефранцузски — не только «волок», но и вообще меховая полсть, ср скандин *feldr*) разостланного русского плаща

⁵¹ Der festländische «Bueve de Hantone», hrsg v A Stimming, Fassung I Dresden, 1911, S 23, Fassung II Dresden, 1912, S 67, Fassung III Dresden, 1920, Der Anglonormannische «Bueve de Hantone», hsg von A Stimming Halle, 1899 S 15

⁵² П. Лященко История народного хозяйства СССР, ч 1, 1947, стр 91, 97 и сл

⁵³ А Н Веселовский Историческая поэтика М, 1940, стр 81

⁵⁴ *Folque de Candie*, SS 103, 139

⁵⁵ Марко Поло Путешествие Л, 1940, стр 121

⁵⁶ A Tobler Aus der Chanson de geste «Auberli» Leipzig, 1870, S 102

⁵⁷ La conquete de Jerusalem, pbl par C Hippau Paris, 1868, v 5

⁵⁸ Летопись по Лаврентьевскому списку, под 1015 г, стр 137

⁵⁹ Н Аристов Промышленность древней Руси СПб, 1866, стр 140

⁶⁰ В А Прохоров Материалы по истории русской одежды СПб, 1881, цветной рис при стр 66

⁶¹ А В Арциховский Русская одежда X—XIII вв («Доклады и сообщения» Историч ф-та Моск Гос ун-та, вып 3, М 1945, стр 3—9)

Desor un feutre d'un paile de Roussie
 Tot nu Je couchent
 (на потсь [корзовину] русского плаща совершенно нагим его кладут)

В той же поэме (v 7779) герольды Гильома Оранского, явившиеся к осажденному им сарацинскому вождю,

Deramè truevent entre sa baronie
 Desor un feutre de paile de Roussie —
 застают Дерамэ среди его баронов
 на полсти (корзовине) русского
 плаща⁶²

В «Роланде» (v 2973), по приказу Карла Великого, тела Роланда, Оливье и Тюрпена

bien sunt cuvert d'un paile galazin
 были хорошо покрыты галацким (по-
 видимому, галицким — А Д) плащом,

широким и парадным корзном из Галицкой Руси Paile galasien упоминается также в Ogier и Renaut de Montauban,⁶³ оба конца XII — начала XIII в

С указанным местом в «Роланде» интересно сопоставить место в русской летописи под 1147 г, где Владимир Мстиславович, брат Изяслава II, прикрывает корзном Игоря Ольговича, пытаясь спасти его от нападающей на него толпы⁶⁴ Еще более поразительную параллель с этим местом в «Роланде» составляет указание в Ипатьевской летописи, что убитого князя Андрея Боголюбского прикрыли корзном «и тако положив и в притворе у божниці, прикрывъ и корзьномъ»⁶⁵

Большим вниманием пользуются во французском эпосе шкуры и меха из Руси — reaux de R, pelices de R («Роланд»), Парижский манускрипт конца XIII в, Elie, конец XII в, стих 469 В «Антиохии», как мы уже отмечали, упоминаются русские соболя (sables de R, ср с safala договора Эймунда с Ярославом в Эймундовой саге, XIV в и в Исландской саге о Торде, XIII в, где перечисляются различные меха с Восточного пути)⁶⁶ Русские меха привозились и в Регенсбург, где их покупали западные купцы В латинском житии св Мариана рассказывается, что некий монах Мауриций из монастыря св Иакова и Гертруды в Регенсбурге отправлялся (в конце XI в) к киевскому князю за даяниями на монастырь, князь и его бояре щедро одарили монастырь ценными мехами, на выручку от которых монастырь был достроен⁶⁷

Среди коней из различных стран мы нередко встречаем русских боевых коней — destriers de R (в Doon de Mayence⁶⁸ конец XII в, стих 918, и в других поэмах) Хотя кони с эпитетом названия тех или иных стран — одно из излюбленных «общих мест» во французском

⁶² Folque de Candie, pp 338, 348

⁶³ Renaut de Montauban, altfranzösisches Gedicht, hsg von H Michelant, Stuttgart, 1862, SS 129, 166

⁶⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр 301, летопись по Ипатьевскому списку, стр 248

⁶⁵ Летопись по Ипатьевскому списку, стр 401

⁶⁶ Antiquités russes, t II, pp 182, 315—316

⁶⁷ М. Э Шайтан Германия и Киев в XI в Летопись Зап Археогр КСМ, вып 34, стр 22

⁶⁸ «Doon de Mayence», chanson de geste, publ E Pey Paris, 1859, v 918

эпосе, но русские кони были действительно хорошо известны. Особенно славилась Южная Русь превосходными степными пастбищами. У князей были огромные табуны одичавших лошадей, и они охотно меняли лошадей на разные предметы роскоши. Русские вели торговлю лошадьми с другими странами, и немецкие купцы, в частности, вывозили лошадей из Смоленской земли.⁶⁹

Русские доспехи мы находим в Renaut de Montauban⁷⁰ —

Von hauberc qui fait en Roussie
(Добрая кольчуга, которая сделана на Руси)

Доспехи переходили из страны в страну как военным (трофейным), так и мирным путем (дарение, мена, купля-продажа). Мы знаем, что на Руси в XII в. было немало искусных кузнецов, ковавших, в частности, военные доспехи, с другой стороны, на Русь приходили и западные доспехи.

Во второй континентальной версии Bueve de Hantone⁷¹ (начало XIII в.), где описывается оживленная морская торговля английского Соутхемптона (v. 11455 sq.), упоминаются и грузы из Руси:

Marcheant viennent de Puille et de Roussie
Qui la arivent lor grant marcheandie
Et les viandes don la vile est garnie —
купцы прибывают из Апулии и Руси,
привозящие их великий товар
и мясо, которым снабжен город

В поэмах упоминается русское серебро (argent de R), в частности в «Антиохии», и золото (or de R), а в Gaydon⁷² (XII в., ст. 8559 и сл.) — даже d'or fin, d'or meillor de Roussie — «тонкое, лучшее русское золото». Это — эпические «общие места» приурочивавшиеся преимущественно к странам, действительно славившимся богатством. Следует вспомнить, что золотых и серебряных дел мастерство было значительно развито на Руси. Владимир Святой привез золотых дел мастеров из Корсуни в Киев, мастерские были в Новгороде, Владимире, Чернигове, и особенно славился ими в XII—XIII вв. Суздаль. По Эймундовой саге в договоре с Эймундовой дружиной Ярослав обязался давать ей «золото, серебро и добрые одежды». Новгородцы привозили серебро из Закамья. Святослав Ярославич в 1075 г. хвастался своей золотой и серебряной казной перед послами императора Генриха IV.⁷³

В соответствии с западноевропейской феодальной титулатурой во французских поэмах упоминаются некий король Руси, roy de R (Flovent, XII в., стр. 52),⁷⁴ графы — cuenz de R (Ogier, v. 5036, Renaut de Montauban, XIII в., стр. 22) и русские сеньеры — seignurs de R (Saisnes, конец XII в., ч. II, стр. 132).

Чтобы оценить эти и другие упоминания о Руси, необходимо напомнить о связях Руси с далеким Западом. Русская летопись знает англичан (англичан, агличан), галичан (быть может, жителей Валлиса или Уэльса).

⁶⁹ Н. Аристов. Указ соч., стр. 41—46, 205.

⁷⁰ Renaut de Montauban, p. 41.

⁷¹ Bueve de Hantone, festlând II, S. 448.

⁷² «Gaydon», chanson de geste, publ. par F. Guessard et S. Luce. Paris, 1862, p. 258.

⁷³ Н. Аристов. Указ соч., стр. 123—125.

⁷⁴ «Flovent», chanson de geste, publ. par F. Guessard et H. Michelant. Paris, 1869, p. 52.

волхву (волохов — романские народы вообще), корлязей или, как предполагали еще старые исследователи — Францию (поскольку в ней Каролинги удержались всего дольше), венецианцев, фрягов (франков в более позднем и широком смысле), Сикилию (Сицилию)⁷⁵ В былинах упоминаются земля веденецкая (Венеция), «большая дорога латинская» и т. д.⁷⁶ По мнению Халанского, в былинном Леденце следует видеть далекую Исландию⁷⁷ Еще в X в русские купцы шли на Запад через Краков и Прагу В XI в в Регенсбурге на Дунае существовала гильдия купцов-русариев, торговавших с Русью⁷⁸ В Регенсбурге русарии и купцы из Руси встречались с приходившими туда западными купцами (Регенсбург упоминается, под названием *Raينهوبог*, и во французском эпосе) Между Русью и далеким Западом протягивались торговые связи, нашедшие косвенное отражение в описании торговли Антоны (Соутхемптона) в англо-норманской версии «Бовы» В Новгороде они поддерживались ганзейской торговлей Здесь очень ценились валансьенские полотна и «ипские сукна» (т. е. ипрские сукна)⁷⁹ Иноземные купцы, ремесленники, военные наемники, бродячая голытьба, как и владетельные князья, царственные женихи и невесты, изгои и изгнанники, попы и миссионеры приходили на Русь, и русские люди ходили на Запад

Весьма важное значение имели в ту феодальную эпоху и династические связи, в частности — Ярослава Мудрого, его семьи и рода, с западными дворами Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа Шетконунга — Ингигерде (на Руси — Анне, или Ирине) Ярослав довольно популярен в скандинавских сагах (*Jarizleiv*) и во французских летописях, в которых он зовется королем руссов Георгием Славянином (*Georgius Sclavus*, *George le Sclavon*, с вариантами)⁸⁰ Одна из его дочерей, Анна (*Anna Russa*, также *Anna Rufa* — Анна Рыжая) была, как известно, замужем за французским королем Генрихом I, другая — Елизавета, в скандинавских сагах *Ellisif*, или *Silkisif* («Шелковинка») — за норвежским Гаральдом Суровым, выдающимся воином и скальдом, вначале отвергнутым ею и воспевавшим в своих буйных скитаниях «гардскую (т. е. русскую) деву»⁸¹ По мнению А. И. Лященко, былина о Соловье Будимировиче отразила этот романтический брак, который мог найти отражение даже в англо-норманских поэтических произведениях о Горне и о Гереварде — Гаральде⁸² Дочь Ярослава Анастасия вышла за Андрея I Венгерского и звалась в Венгрии Агмундой Владимир Мономах был женат на Гите, дочери последнего англосакского короля Гарольда Сестра Владимира Мономаха Евпраксия, в Германии — Адельгейда, вдова графа Нормарк-Штадского (в Саксонии) стала в 1088 г. женой императора Генриха IV, Адельгейда стала героиней

⁷⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 4

⁷⁶ Песни, собр. Рыбниковым, т. II, стр. 223, 312 и др.

⁷⁷ М. Халанский. О некоторых географических названиях в русском и южнославянском героическом эпосе («Русск. фил. вест.», № 1 и 2, 1901)

⁷⁸ В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом ЖМНП, 1888, июль

⁷⁹ М. Бережков. О торговле Руси с Ганзой СПб., 1879, стр. 159—161

⁸⁰ *Ex chronico Hugonis de Sancta Mona «Recueil des historiens Gaules et de la France», t. XI, Paris, 1876, p. 159, Ex chronico Andreae Monachi, ibid., p. 365, Chroniques de Saint Denis, ibid., p. 410, Ex chronico S. Petri Senonensis, ibid., p. 197, Ex Willelmi Calculi (Guillaume de Jumièges). Historia Normannorum ibid., p. 48, Abrégé de l'Histoire des Rois de France, ibid., p. 386, Ex abbreviatione gestorum Francorum regni, ibid., p. 215.*

⁸¹ *Saga Haralds Konungs Hardrada «Antiquités russes», t. II, pp. 56—57*

⁸² А. И. Лященко. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде, в сб. *Sertum bibliologicum в честь А. И. Малеина* Пг., 1922, стр. 94—136

Анна Русская (*Anne de Russie*) прибыла во Францию в 1051 г. При бракосочетании она возложила на алтарь Реймского собора богато украшенный «Евангелистериум» (книгу евангелий) на старославянском языке, за несколько лет до появления Остромирова евангелия, и, быть может, даже список с одного текста, на нем последующие французские короли приносили клятву. С Анной Русской, по обычаю того времени, прибыла значительная свита из родни, духовных лиц (это было за три года до разделения церквей), многочисленной дружины, челяди, ремесленников, толмачей, скоморохов, по более поздним источникам — весьма разноплеменная Королевской чете в это беспокойное время приходилось ездить по замкам вассалов и монастырям, ища у них поддержки, и эти замки и монастыри, рыцари, клирики, народ, равно как и пытливые жонглеры, знакомились с чуждым для них окружением королевы, внимали рассказам о далекой Руси и ее историческим преданиям. У Генриха и Анны в 1052 г. родился сын, будущий французский король Филипп I. Генриху I пришлось продолжать тяжелую борьбу с Вильгельмом Нормандским до самой своей смерти в 1060 г. По его завещанию, опека над малолетним Филиппом I и регентство были возложены на могущественного графа Фландрии Балдуина V Лилльского, умершего в 1067 г., после чего Филипп I был признан совершеннолетним. Анна, со смертью Генриха I удалившись с малолетними сыновьями в Санлис, искала опоры в духовенстве, основала аббатство Сен-Венсан, и в послании к ней папы Николая II в 1061 г., как и в ряде хроник, называется «верной дочерью церкви». Анна вскоре примирилась с феодалами и в 1063 г. вступила в брак с их главой, графом Раулем Перон де Крепи-Валуа, после того как он прогнал свою супругу Аделаиду-Алисору, уличенную им в измене, не успев еще добиться развода с нею. По жалобе Алисоры в Риме брак графа Рауля с Анной был признан недействительным, и граф подвергся отлучению от церкви. Конечно, это должно было явиться для Анны настоящей моральной и политической катастрофой. Лишь после смерти графа де Крепи-Валуа она возвращается ко двору своего сына. Если до брачной связи с графом Раулем она именовалась в хартиях *regina* — королевой, то дальнейшие хартии, за исключением одной дарственной, о ней молчат, а после возвращения ко двору она именуется в них лишь *mater regis* — матерью короля. Последние годы жизни она пробыла в уединении и, возможно, умерла в аббатстве Виллье, близ Этампа.⁸⁷

Морально-политическая катастрофа Анны Русской не могла не повлечь за собой известную реакцию против ее окружения, в котором были и выходцы из Руси, обосновавшиеся во Франции и, естественно, вовлеченные в ее феодальные неурядицы.

Между тем, осложненная двоеженством самого Филиппа I феодальная смута во Франции в дальнейшем еще более усилилась. Во Фландрии вскоре после смерти Балдуина Лилльского также началась усобица, приведшая в 1071 г. к захвату графской власти Робертом Фризским. В этой усобице приняли участие все соседние государи и многие иноземные рыцари. Кое-кто из бывшего русского окружения Анны мог также быть в нее вовлечен.

Французские рыцарские поэмы содержат много аллюзий на смуты перед крестовыми походами во Франции, при Генрихе I и Филиппе I. В свете этих аллюзий некоторые из упоминаемых в поэмах «русских»,

⁸⁷ Al Labanoff de Rostoff *Recueil des pièces historiques sur la reine Anne, ou Agnes* Paris, 1825, De Carx de Saint-Aymour *Anne de Russie, reine de France* Paris, 1896, M. Prou *Recueil des actes de Philippe I, roi de France* Paris, 1908.

может быть, имеют какое-то отношение к окружению Анны Русской, хотя и не могут быть, за молчанием прямых исторических свидетельств, отождествлены с определенными историческими личностями

Обратимся теперь к самим персонажам французского эпоса, связываемым в нем с Русью

Лишь в Renaut de Montauban (конец XII — начало XIII в.)⁸⁸ мы встречаем некоего «русского графа» среди приближенных Карла Великого, и здесь, может быть, отразилась служба выходцев из Руси при дворе Генриха I и Анны Русской

Ряд русских или имеющих отношение к Руси персонажей французский эпос помещает во вражеском лагере В Foulque de Candie⁸⁹ дочь «альмасура» Ганита Прекрасная (Ganite la Bele), получившая в удел «власть над Русью и аморавиями» (amogavi, amogaives), сдает в отсутствие отца осажденный город франкам и принимает крещение Однако Русь и альморавиды (в варианте — Севилья) — просто эпически противоположные концы Европы, а крещение сарацинской княжны — частый эпический эпизод.

В поэме Fierabras⁹⁰ (2-я половина XII — начало XIII в.) богатырь Фьерабрас, сын эмира Балана, царь Александрии и Вавилона, правитель Кельна и Руси, вторгается в Рим, убивает папу, берет Иерусалим и похищает мощи христовы, но взят в плен и становится верным паладином Карла Великого Самое сочетание Александрии, Вавилона, Рима, Иерусалима и Кельна с Русью свидетельствует здесь о том значении, какое придавалось Руси во французском средневековом эпосе

В Saisnes (конец XII в., vv 5839 sq.)⁹¹ упоминается русский великан Фьерабрас, выступающий на стороне короля саксов Гитеклена, т е Видукинда, против Карла Великого (и в дальнейшем смешиваемый с сыном Гитеклена — Фьерамором) Исполин-волот стал здесь русским исполином В поэме подробно описывается его наружность

Fierabras de Roussie en est levez em piez,
Don lnage au jaunt bien ot XIII piez,
Les crins ot biaux et blons, menu recercelez,
La barbe un poi rousette, le vis camoisiez

(Фьерабрас русский поднялся на ноги,
во весь свой исполинский рост в четырнадцать футов, с прекрасной гривой русых и курчавых волос, рыжеватой бородой и рубцеватым лицом)

Хотя великаны — довольно частый эпический образ, но все же можно полагать, что Фьерабрас Русский — не просто эпический образ. Даже в отношении его наружности (если отбросить эпические аксессуары) мы имеем в общем типичный древнеславянский, в частности древнерусский образ Возможно, что в русском великане французского эпоса нашел известное отражение обобщенный образ былинного киевского богатырства, уже начинавший складываться в это время и занесенный в далекую Францию Во всяком случае, этот образ «русского великана», независимо от его происхождения, весьма показателен для представлений западного общества о могуществе Руси Возможно, что

⁸⁸ Renant de Montauban, p 22

⁸⁹ Foulque de Candie, II, pp 114, 118

⁹⁰ «Fierabras», chanson de geste, publ par A Kroeber et G Servois, Paris 1860, p 2

⁹¹ Saisnes, II, p 96

довольно частым французским рыцарским и эпическим прозвищем Fierabras (собственно — Железная рука) здесь передано славянское и, в частности, древнерусское «хоробр»

В Floovent (XII в, v 1670)⁹² попавшие в плен 12 пэров Карла Великого избивают охмелевших на пиру сарацинских вождей и в их числе убивают одного безыменного «русского короля» В Anseis de Carthage (XIII в, v 2549) упоминается в рядах сарацин Mauprin de R и Josegrand de R, в Maugis (XIII в)⁹³ — Corfarin de R, в Foulque de Candie (XII в)⁹⁴ — Gaumard de R и т. д. Некоторые из этих имен — шаблонные имена французского эпоса, встречающиеся в сочетании и с другими странами. Но все же эти «русские» персонажи представляют, возможно, какие-то аллюзии на неизвестные нам факты.

В очень поздней поэме Baudouin de Sebourg (начало XIV в)⁹⁵ выступает родственник некоего нимвегенского узурпатора Гофруа Фризского Anthiame de Roussie, убиваемый героем поэмы В хаотическом смешении имен, событий и времен этот эпизод косвенно реминисцирует полосу крупных и мелких узурпаций во Фландрии — уособицу, в которую могли быть вовлечены, как мы указывали, среди иноземных рыцарей и некоторые соотечественники Анны Русской⁹⁶

Интересны русские персонажи в Ogier le Danois (XII в — начало XIII в, vv. 5031—5046, 5466) Ожье Датчанин, обиженный Карлом Великим, возглавляет войско короля Дезье Павийского (т. е. Дезидерия Лангобардского), обороняющее Павию от Карла Великого, и ведет его авангард. Вторую рать за ним ведет «русский граф» Hergaut — Эрно (в варианте Bernalt — Бернальт) де Кастелер. Одну из прочих ратей ведет граф Роселерский (Roceler, ср. с Rossile — Rossie, Rusie), остальные — западные и восточные сеньеры, среди них некий Пьеррон Евфратский. Павийские войска разбиты Эрно смертельно ранен. Остатки войск собираются с последними силами, но наталкиваются на самого Карла. И тут в поэме следует восклицание

Mix lor venist, c'allaissent en Roussie
(Лучше было бы им итти в русскую землю).

Правда, такое же восклицание имеется и в Aubri (XIII в) и свидетельствует о том, что «итти на Русь» издревле вошло во французскую поговорку, означавшую вообще гибельный поход, — любопытная параллель к новгородскому «Магнушеву рукописанию», в котором Магнуш, король Свейский, закликает своих потомков никогда не наступать на Русь⁹⁷. Но здесь, в «Ожье», выступают двое русских персонажей, и это восклицание приобретает несколько иной смысл.

Чтобы понять присутствие и роль русских «графов» в этом лангобардском эпизоде и действительный смысл этого восклицания, следует перенестись, как мне кажется, из Лангобардии времен Дезидерия и Карла Великого в так называемую Византийскую Лангобардию, т. е.

⁹² Floovent, p. 52

⁹³ «Maugis d'Agremont», chanson de geste, publ. par M. F. Castets (Revue des langues romanes, t. XXXVI, 1892).

⁹⁴ Foulque de Candie, p. 105

⁹⁵ «Baudouin de Sebourg», chanson de geste publ. par Восса Valenciennes, 1841, t. I, p. 89

⁹⁶ В упомянутой работе Г. Лозинского, среди его указаний о русских во французских рыцарских романах, между прочим, цитируется место из рыцарского романа Yromedon (конец XII в), где «фландрский граф» приводит на турнир «всех русских рыцарей» (tous les chevaliers de Russie).

⁹⁷ ПСРЛ, т. V, стр. 227

Лангобардскую фему второй половины X в — первой половины XI в — Апулию — фему, которая называлась так по сохранившимся в ней осколкам докатившегося до нее некогда лангобардского завоевания Византийское господство в ней, как указывает акад В Г Васильевский в уже упомянутой нами работе о руссо-варягах в Византии, держалось на наемных гарнизонах варангов, состоявших в основном из руссов. Из этих русских варангов комплектовались в Византии дворцовая гвардия, отдаленные гарнизоны и отборные экспедиционные войска В Г Васильевский подробно останавливается на их роли во внутренних судьбах Византии, на их пребывании в Грузии, в Армении и на Евфрате, на их роли в сицилийской экспедиции Византии 1038—1040 гг. (в которой с ними участвовал, как он полагает, и Гаральд Норвежский) и продолжительной борьбе их, на службе в византийской Лангобардии, с норманнами С данами (скандинавскими варягами), руссами и аланами (*danis, russis et gualanis*), по свидетельству хроникера Льва Остийского, византийцы к 80-годам X в, — еще до того, как сложился в Византии корпус варангов — отобрали у Священной Римской империи Южную Италию При помощи варангов (по-французски *guagains*, по-итальянски — *guagang[h]i*) византийцы боролись с местными лангобардскими феодалами, опиравшимися на Священную Римскую империю и на папу, который сплавил этим феодалам полчища норманнов, угрожавших Риму Норманны из наемников превращались в завоевателей, жестоко опустошавших те земли, которые им поручали «освобождать» от византийского господства Во время барийского восстания Мелс норманны, как сообщает французский хронист Адемар,⁹⁸ были в 1018 г после трех удачных для них боев «побеждены и повержены народом руссов» (*a gente russozum victi et prostati sunt*) на месте Ганнибаловых Канн В 1041—1042 гг происходила новая борьба руссо-варангов на службе Византии — *guagains* в хронике Амата «*Istoyre de li Normant*», *russi et obsequiani* — руссов и, должно быть, абхазов, по барийским анналам, — с норманнами Местные анналы сообщают о «гварангах» также под 1046—1048 и 1066 гг Варанги частью оседали в Южной Италии, и один из их потомков Гримальдо ди Гваранья, как указывает В Г Васильевский, фигурирует в городских смутах Бари в XII в Бари пользовался далекой славой и на Руси, — в Киеве праздновалось перенесение мощей Николая Мирликийского в Бар-град (Бари, 1087) Но уже к 1068 г вся Южная Италия была завоевана норманнами Роберта Гюискара, а в конце XI в руссы уступают место в варангских войсках Византии англосакским воннам, массами покидавшим свою родину после нормандского завоевания, и норманнам. Некоторое время в варангских войсках соприкасались руссы, англосаксы и франко-норманны

Возможно, что эпизод с русскими графами в «Ожье Датчанине» является эпическим смещением двух Лангобардий и притом различных столетий — VIII и XI вв В традиционные предания Карлова цикла была отброшена, — естественно, претерпев при этом полное историческое искажение, — позднейшая вековая борьба на территории Южной Италии норманнов, сначала военных наемников, затем завоевателей, с руссо-варангами, византийскими наемными, сторожевыми войсками в Южной Италии Восточные схизматики — византийский наместник и русские военные наемники — спутаны здесь с еретиками лангобардами VIII в, а Бари — с Павией

⁹⁸ Ex chronico Ademari Cabanensis Recueil des historiens des Gaules et de la France. t. X, Paris, 1874, p. 176

В пользу такой догадки говорит и то, что в приведенном эпизоде среди чужеземных графов на службе короля-еретика упоминается некий Пьеррон Евфратский, а мы из исследования В Г Васильевского знаем, что руссо-варанги были переброшены в Апулию и Сицилию с Евфрата и под начальством евфратского катапана Георгия Маниака, вошедшего под именем Гиргиса, гаральдова друга, и в скандинавскую сагу о Гаральде ⁹⁹

Руссо-варанги на византийской службе долго мешали норманнам утвердиться в Южной Италии Отсюда и смысл восклицания «Лучше бы им было убираться во-свояси, на Русь!» — восклицания, вправленного в отмеченную выше эпическую формулу «Лучше бы им итти в Русскую землю» Во-первых, оно подтверждает общий русский характер сторожевых византийских войск в Лангобардской феме, с которыми пришлось сталкиваться норманнам Во-вторых, оно подчеркивает, что руссы сражались на чужой земле и за чужое дело, причем французская поэма умалчивает о том, что и франки, а позднее норманны тоже действовали как завоеватели на чужой земле В-третьих, в нем слышится далекий отголосок самой борьбы франко-норманнов с варяго-руссами, так упорно мешавшими завоеванию ими Южной Италии

Во французском эпосе встречаются фигуральные выражения с упоминанием тех или других стран *jusqu'en* (вплоть до) для указания на особо далекое расстояние или пространство, *pour l'or de* (даже за золото такой-то страны) и *pour l'honneur de* (даже за честь феодального обладания такой-то страной), в смысле «ни за что на свете» *Jusqu'en Roussie* как выражение особой дальности встречается в *Destruction de Rome* (XIII в., v 357) и в других поэмах *Pour l'or de* и *pour l'honneur de* применяется по большей части к наиболее богатым и могущественным странам или к городам, как, например, к Аравии, т. е. халифату, Парижу как столице Франции и т. д. *Pour l'or de R*, *pour l'honneur de R*, встречаются в «Роланде» (vv 1637, 1931), в *Amis* (конец XII в.), ¹⁰⁰ в ряде других поэм, явно указывая на представления о богатстве и могуществе Руси В *Fierabras* (v 2857 sq) говорится, что Люцифер Багдадский не согласился бы взойти на башню в горницу сарацинской княжны Флорипас, руки которой он добивался, даже *pour l'honneur de Roussie*, если бы он мог предвидеть, что его там ожидает (она укрывала христианских рыцарей) Так, *l'honneur de Roussie* — обладание Русью — было как бы мерилом несбыточности для самых дерзновенных рыцарей (чему нисколько не противоречит царствование в некоторых поэмах тех или иных «сарацинских» государей одновременно над рядом стран «неверных», в том числе и Руси).

В указанном выше месте первой версии континентального «Бовы» Русь названа *Roussie la grant* — Русью Великой, а эпитет «великая» прилагался во французском эпосе к таким странам, как Франция, Рим и т. п.

Как указывает Маркс, «беспрерывное возрастание империи Рюриковичей с IX по XI в отмечалось с тревогой» ¹⁰¹ Эта тревога передана и французскому эпосу. Русь изображается во французском эпосе страной языческой, какой она и была в эпоху Карла Великого Дальность расстояния, глубокие различия во внешнем облике, быте, языке,

⁹⁹ Saga Haralds Konungs Hadráda Antiquités russes, t II, p 22

¹⁰⁰ «Amis et Amiles», zwei altfranzösische Heldengedichte, hsg von K Hoffmann Erlangen, 1892, v 2874

¹⁰¹ К Marx Secret diplomacy. London, 1899, p 76

а в дальнейшем так называемая «греческая схизма» способствовали сохранению этого представления. Но в то же время Русь вызвала во французском эпосе удивление своими просторами (*R la large*), богатством и могуществом.

Французский эпос отражает экономические и политические связи с далекой Русью. Он вводит князей и «сеньеров» в круг западноевропейских феодально-политических отношений. Косвенно французский эпос упоминает о дружинах и ратях русских князей и выходцев из Руси, в частности, быть может, отражает в соответствующих местах соприкосновения руссо-варягов с франко-норманнами, встречи западных палочников, купцов, миссионеров, крестоносцев с русскими вольницами. Не исключено, наконец, что французский эпос содержит некоторые аллюзии на русское окружение Анны Русской и вовлечение его в феодальные смуты Франции и Фландрии.

IV

Летто-литовская группа народов представлена во французских поэмах прежде всего *пруссам* (*bruiſes*, ср. лат. *borussi*). Страна их называется *Bruiſe* («Роланд», v. 3245, ср. лат. *Borussia*). В немецком *Ruolandesliet* (1132 г., v. 8079) пфаффа Конрада они так и называются *Prussen*.¹⁰² Как известно, после долгой героической борьбы они были к концу XIII в. покорены немецкими рыцарями, «частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву».¹⁰³ В «Роланде» они составляют одну рать неверных со славянами. Повидимому, *samues* («Роланд», v. 3244), стихом выше, означает другое героическое племя — самогитов, т. е. *жмудь Литовцев* в узком смысле и смешиваемых с ними по названию *леттов, латышей*, можно видеть в *leis* («Роланд», 4-й Венецианский манускрипт, начало XIV в., v. 3360, *Girard de Roussillon*, конец XII в.)¹⁰⁴

В *leus* («Роланд», v. 3258), также среди эшел неверных, можем признать *ливов*, ведших упорную борьбу с немецкими рыцарями и давших свое имя Ливонии. Мы не знаем, кто такие составляющие с ними одну рать «астримоны» (*astrimoneis*). Возможно, что это *эсты* (*aistir*)¹⁰⁵ скандинавов, но не исключено также, что это *austurvegmonn*¹⁰⁶ скандинавских саг — «люди на восточном пути», т. е. русские и другие народы Восточной Европы, встречавшиеся на путях норманнов на Восток и сохранившие скандинавское обозначение в этнонимике франко-нормандского «Роланда». К этому небезынтересно прибавить, что в скандинавской *Karolus Magnus saga*¹⁰⁷ (начало XIII в., v. 2322) умирающий Роланд хвалится, между прочим, завоеванием для Карла Великого Ливонии.

Кавказ как страна в топонимике французского эпоса не упоминается, но в *Ehe* (конец XII в., v. 3117) один сарацинский эмир носит имя Кавказ (*Caucase*).

Армяне выходят за историко-географические рамки нашего исследования. Мы можем только заметить, что *ermīnes*, как армяне обычно

¹⁰² Das altfranzösische Rolandslied, hg. von Stengel, Variantenapparat, S. 322.

¹⁰³ К Маркс Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 344.

¹⁰⁴ «Girard de Roussillon», chanson de geste, traduite par P. Meyer, Paris, 1884, p. 163.

¹⁰⁵ Antiquités russes, introduction par C. C. Riffn, t. I, p. 9.

¹⁰⁶ Heimskringla, 3, 28. Antiquités russes, t. II, p. 130.

¹⁰⁷ Altfranzösisches Rolandslied, Variantenapparat von Stengel, S. 246.

назывались и в других французских памятниках того времени, встречаются во французском эпосе в ряде мест (с вариантом *hermines*), Армения называется *Ermenie* (*Hermenie*). В «Роланде» (v. 3227) они составляют одну эшелу неверных с самими маврами (*mors*). Французские эпические представления об армянах, особенно в крестоносной «Антиохии» (конец XII — начало XIII в.) в значительной мере отразили двойственные и весьма сложные отношения крестоносцев с армянами. Для истории культурных связей франков с армянами интересно место в *Aiol* (конец XII в., v. 5420),¹⁰⁸ где ее героиня Мирабель, знающая «четырнадцать латыней» (*quatorze latins*) свободно изъясняется «по-гречески и по-армянски» (*la savoit parler et grigois et hermines*).

В 4-м Венецианском манускрипте «Роланда» мы находим вместо *ermines* загадочных «клерибанов» — *cleribaneis*.¹⁰⁹ Не является ли это название измененным именем династии Рубенянк — Рубенидов?

Двумя стихами выше («Роланд», v. 3229) мы встречаем в тех же ратях неверных неведомый народ, именуемый *gros* — «гросы», по французскому народному осмыслению — «крупные». Они составляют самостоятельную эшелу Буассоннад, склонен видеть в них курдов (полатыни *curti*),¹¹⁰ игравших немалую роль в борьбе сарацин с крестоносцами. Однако имя *kurti*, как указывает Н. Я. Марр, принадлежит не одним курдам, это также одна из древнейших форм национально-племенного названия грузин, иначе *quariva*, картвелы, от него у арабов и турок — гурджи, у русских, с переставкой, грузины,¹¹¹ форма, которая могла параллельно проникнуть и в незасвидетельствованное письменными памятниками народное французское наименование грузин наряду с книжным *georgiens* (попадает в памятниках и *Gorgue* — Грузия). Грузины были и на византийской службе — в наемных войсках императора Романа IV Диогена, и франко-норманны в Византии имели возможность с ними познакомиться. Итальянские купцы-мореходы посещали берега древней Колхиды. Грузия, как известно, в XI в. попала под владычество сельджуков, от которых была освобождена Давидом Строителем в начале XII в. Вассальная зависимость от неверных была достаточна (как и вероисповедные различия), чтобы попасть во французском эпосе в ряды «неверных».

Отождествление «гросов» с *грузинами*, предлагаемое мною лишь в виде догадки, приводит и к другой догадке. В вариантах «Роланда» *gros* заменяются названиями *gloz*, *mours*, поз.¹¹² Мы не беремся объяснить поз, *gloz* — явная деформация *gros*, что касается *mours*, то они могут обозначать в данном варианте не только мавров (*mours*), а также грузин. Одно из древних племенных названий грузин (отмечаемое также Марром) — мер («племя, народ»), сохранившееся в названии имеретин. Грузины издревле делились в основном на амеров (картвелов или карталинцев), т. е. а-мер — «это (здесь) племя» (по сю сторону Сурамского хребта) — и имеров (имеретин), и-мер — «то (там) племя» (по ту сторону Сурамского хребта). До сих пор в грузинском народе, как и в его фольклоре,¹¹³ географически противопоставляются Имеретия и Амеретия (Карталиния). Если бы эта догадка о *mours*, как означающих грузин, оказалась правильной, тогда *ermines et mors*, составляющие единую рать в указанном выше месте «Ролан-

¹⁰⁸ *Aiol*, p. 158

¹⁰⁹ *Das altfranzösische Rolandslied, Variantenapparat von Stengel*, S. 321

¹¹⁰ P. Boissonnade *Op. cit.*, p. 231

¹¹¹ Н. Я. Марр *Этно- и глоттогония Восточной Европы* М.—Л., 1936, стр. 206

¹¹² *Das altfranzösische Rolandslied, Variantenapparat von Stengel*, S. 321

¹¹³ Грузинские сказки, М., 1937, стр. 229—231 и 273

да» (v 3227) и понимаемые обычно, как «армяне и мавры», могут иметь здесь совсем другой смысл, а именно — «армяне и грузины», два соседних и исторически связанных друг с другом народа

V

Большой интерес представляют многочисленные упоминания во французском средневековом эпосе тюркских степняков Причерноморья — *печенегов*, *узов* (у русских — торки) и *половцев* (куманов), часто смешиваемых, как и в хрониках, друг с другом. Степняки не только нападали на Русь и на Византию, они сильно тревожили дунайские пути, западных странствующих купцов, паломников и крестоносцев.

«*Fugitus Uzos*» — писали домой франкские паломники, попавшие в полосу большого переселения узов в 1055 г и еле добравшиеся до Святой земли. Мы находим узов в одном из вариантов «*Роланда*» (v 3243), в ратях неверных, — под именем *eugiez*.

Печенеги сами себя называли «головными» (*bačene*) — в общем движении тюркских степняков на Запад. Арабы звали их — *баджнак*, византийцы — *пацинак*[ит]ами, реже — *писсангами*, поляки — *писцинги*, мадьяры — совсем близко к их самоназванию — *beseny*. В латинских памятниках они назывались обычно *ripsepati*, в венгерских и некоторых германских латинских грамотах и хрониках — *bysseni*, *wyssemi*, *bessi*, в письме епископа Бруно Кверфуртского к императору Генриху II — *rezenii*, у Дитмара Мерзебургского — *rezenegi* (почти как по-русски), *reschenei*, *retenei*. В «Песни о Нибелунгах»¹¹⁴ упоминаются *die wilde Pesepeage*. Во французском эпосе печенеги называются *ripsepeis*, что в народном осмыслении, возможно, означало «щипоносы», «носохваты» — гротеск, смешанный со страхом. Их имя нередко распространялось как в эпосе, так и в грамотах, на сарацин одна анжуйская хартия 1096 г отправления в первый крестовый поход, датируется так: «В год, когда великое множество людей пошло избавлять Иерусалим от ненавистных печенегов». В «*Роланде*» (v 3241) они составляют одну рать с фанатиками-персами. Во французских поэмах упоминается и их страна *Ripsemie*, *Ripsepee* или *Val de Ripsemie*, Печенежское поле — в *Fierabras*¹¹⁵ (2-я половина XII — начало XIII в., v. 5617) *Val* в старофранцузском смысле — не только долина, но и низменность, равнина, поле. В одном варианте «*Роланда*» (v 3241) и в *Aubri* они называются *ripsepatis*, печенежищами. В *Saisnes*¹¹⁶ упоминается *Ripsepart*, т. е. Печенежище, царь Канелин, страны загадочных *caneliu*.

Реже во французском эпосе упоминаются *куманы* (*comains* и вариантами) — *половцы*, по самозванию — *кипчаки*. В «*Роланде*» мы совсем не встречаем этого названия. Однако в его вариантах (v 3243), как и в других поэмах, мы находим неких «орвалов» (*orvalois*),¹¹⁷ а в одном его варианте (v 3284) — просто «валов» (*valois*). *Or* (злато) — по видимому эпическая приставка, встречающаяся и при некоторых других именах или в их вариантах (например, *Bandeile* и *Orbandeile*, *Claire* и *Orclaire*). Наряду с орвалами *валами* и вместо них встречаются *местами* и некие «орканы», или «каны», если мы здесь сами разрешим себе по аналогии отбросить эту приставку. Орканы — каны и канлю, по видимому, варианты одного и того же названия «Валы» явно соответ-

¹¹⁴ Nibelungenot, B I, S 220, B II, SS 163—164

¹¹⁵ Fierabras, p 170

¹¹⁶ Saisnes, II, p 53

¹¹⁷ Altfranzosisches Rolandslied Variantenapparat von Stengel, S 379

ствуют немецкому *valwen* (половцы), в частности, в Нибелунгах¹¹⁸ В латинской форме — *valvi* встречаются нередко — в частности в «Ливонской хронике» Генриха Латвийского¹¹⁹ Рубрук¹²⁰ говорит «в этой пустыне обычно кочевали куманы, называемые капшатами (т е кипчаками), немцы же их называют валанами — *valani* (одна из латинских форм их наименования) Еще чаще в латинских памятниках они называются *falones* (например, у Отто Фрейзингенского), близко к народно-мадьярскому *palos* — палаш (наряду с «куны»), а это венгерское их обозначение, равно как и польское *plawci*, стоит близко к русскому «половцы»

В ряде французских поэм упоминается страна Оркания (*Orcanie*, *Orcanie*, *Ourchéne* и Орканское море — *mer d'Orcanie* Правда, Орканское море в некоторых поэмах означает скорее Оркнейское море (подобно тому, как в некоторых памятниках «Армения» по созвучию означает Арморик, т е Бретань), но все же оно чаще ассоциируется с Гирканским (т е Каспийским) морем «Скакуны из Оркании» (например, в *Enfance Vivien* начало XIII в, v 2035)¹²¹ во всяком случае не могут принадлежать Оркнейским островам, а относятся к степной стране В ряде мест французского эпоса упоминаются как «куманские», так и «орканские» кони, в некоторых вариантах заменяющие друг друга.

В *Prise de Cordre* (XII в, v 461)¹²² упоминается царь Оркании Бальдюз, а это имя встречалось в форме Бельдюз как у сельджуков, так и у половцев так, в походе русских князей 1103 г. Владимиром Мономахом был убит половецкий хан Бельдюз¹²³

«Орканы» в ряде вариантов «Роланда» (v 3239) — выходцы из некоей далекой страны *Valfuit*, Вальфюит, собственно «Беглого поля»

. *Orcaneis les laiz de Valfuit sunt venit entravers —*
(безобразные орканы пришли из самого Вальфюита)

Но в Оксфордском манускрипте выходцами из Вальфюита названы канлю В дальнейшем мы постараемся отыскать это «Беглое поле»

Канелю или канлю (*caneliu*) явно внушают страх Они наделяются в эпосе безобразной наружностью «Неистовые канлю» — (*caneliu les engrés — «Роланд», v 3241*) считались самыми лютыми и свирепыми врагами христианства Судя по эпосу, они мерещились повсюду

В *Mainet*¹²⁴ франки *trepassent Ceneioigne et Raincesvaus la pesme — «минуют Канелию и сквернейший Ронсеваль»* Г Парис считает это невежественной интерполяцией Но дело тут не в невежестве просто у страха были глаза велики, тем более в эпической гиперболе Эпос не жалел в отношении канлю бранных эпитетов и метафор они «лают и брешут» — *glaitir et abaihier* в «Jerusalem» (XII—XIII вв, v 7431)¹²⁵ Само название их стало бранной кличкой. Так, в *Girard de Roussillon* (конец XII в, v 3929)¹²⁶ герой поэмы обзывает обидевшего его коро-

¹¹⁸ Nibelungenôt, строфа 1339

¹¹⁹ Генрих Латвийский Хроника Ливонии М—Л, 1938, стр 222

¹²⁰ Планс Карпини и Рубрук, пер Малеева, СПб, 1911, стр 86

¹²¹ «Enfances Vivien», *chanson de geste*, pbl par C W anlund et H v Feilitzen Upsala—Paris, 1896, v 461

¹²² «Prise de Cordre», *chanson de geste*, pbl par C Densunianu, Paris, 1896, v 461

¹²³ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр 269

¹²⁴ «Mainet», *fragment d'une chanson de geste*, pbl par P Paris (Romania, t IV, 1875, pp 305 sq)

¹²⁵ Conquête de Jerusalem, pbl C Hippaen Paris, 1868, v 7431

¹²⁶ Girard de Roussillon, p 46, note 2, p 333, note I

ля «канлью», а один из врагов героя бросает ему самому этот бранный вызов «Dom chepeleu — господин канлью»

Иногда, однако, проступают их реальные черты. В «Роланде» (v 3269) они изображены конниками — *dis Caneliu chevalchent enuigun* — «десять канлью гарцуют вокруг», провоцируя христиан (в варианте вместо коней — верблюды). Канлью — явные степняки. Шкуры, кожи — отличительные приметы их одежды (*Doon de Maupence*, XIII в., v 7788 и др.)

На загадочных канлью остановился еще в 70-х годах XIX в. известный французский филолог-медиевист Поль Мейер,¹²⁷ в небольшой, но привлечшей внимание работе, посвященной разъяснению трех загадочных и в свое время действовавших на народное воображение этногеографических названий во французском эпосе. В отличие от двух названий, которым он нашел вполне исторические параллели в крестовых походах, Мейер возводит *caneliu* к библейской апокрифике. Он усматривает в них хананеев (лат. *chananaei*) и ставит себе в заслугу, как он выражается, *une petite decouverte*, это «маленькое открытие». Последнее прочно вошло во французскую науку, как легко снимавшее одно из наиболее стойких и досадных «белых пятен» с этногеографии французского эпоса.

Ключ к тождеству *caneliu* — *chananaei* П. Мейер находит в двух близких друг другу провансальских словах *canipeu* и *canipeu* — по его мнению равнозначных У трубадура Пейре Видаля он находит восклицание *Quel Sarazi, deleial Canipeu*, по его мнению означающее сарацин и канлью, а в провансальском изложении Священного писания он наткнулся на «божий завет» *far a fuger los canapeus et los amorieus* — «обратить в бегство хананеев и амореев». Мейер ставит канлью в связь с апокрифическими чертами библейских хананеев — гигантизмом и кинокефализмом, откуда в латинской апокрифике смещение *chananaei* — хананей, с *canipeu* (от *canis*), «канинеями», т. е. кинокефалами, псоглавцами, чертами, которыми, видимо, наделяются и канлью. Однако непосредственную передачу библейских *chananaei* на французский язык через *caneliu* П. Мейеру все же нигде не удалось найти, в чем он сам признается, и он принужден прибегнуть в конце концов к чисто лингвистическому аргументу о диссимилиации двух *n* в *n + l* *canipeu* — *caneliu*. «Без Библии, — писал впоследствии Ж. Бедье,¹²⁸ опираясь на «открытие» П. Мейера, — это имя необоснованно крестовые битвы в этих древних долинах должны были воскрешать библейские имена». А Буассоннад¹²⁹ идет еще дальше и предлагает вместо *Valfruit* (страна, откуда пришли канлью) читать *Valfruit* — «Плодоносная долина», т. е. Обетованная земля, Ханаан, совершая тем самым интерполяцию, которую он же хотел устранить.

Изыскания П. Мейера послужили также отчасти поводом к более поздней работе А. Н. Веселовского «Хананей — кинокефалы».¹³⁰ Но А. Н. Веселовского здесь интересовали не *caneliu* как таковые, а история образа псоглавцев с точки зрения исторической поэтики. Веселовский со своих основных позиций теории заимствований и господства поэтических традиций не критически принимает «открытие» П. Мейера.

¹²⁷ P. Meyer Butentrot — Achoparts — Canelius («Romania», t. VII, 1878, pp. 435—444).

¹²⁸ J. Bedier Chanson de Roland, commentaire Paris, 1927, pp. 50—51.

¹²⁹ P. Boissonnade Op. cit., p. 211.

¹³⁰ А. Н. Веселовский Хананей — кинокефалы и иконографическое изображение Св. Христофора (ЖМНП, 1885, июль). Его же Из истории повести и романа СПб., 1886, стр. 453—476.

о канлюю хананеях Между тем, именно Веселовский, в двух местах своего труда «Из истории повести и романа» (куда вошла и указанная работа), указывает, что в сербской «Александрии» вместо древних скифов под влиянием реальных исторических переживаний появляются куманы ¹³¹ Но если древние скифы могли быть заменены куманами, современниками сербской «Александрии», то почему бы апокрифические хананеи заменили собой какой-либо реально-исторический народ того времени?

В рассматриваемом вопросе П Мейер не обнаруживает реально-исторического подхода к памятникам Удивительно, что сам П Мейер приводит одно место во французском эпосе, где полчищам «печенежищ» (ripseparts) предшествуют полчища канлюю, и не замечает здесь напрашивающейся связи между ними

Мне думается, что канлюю — вполне исторический народ, притом современный французскому средневековому эпосу, народ, на который фантазия и некоторые библейско-апокрифические влияния перенесли кое-какие легендарные черты, без сомнения, сильно преувеличиваемые комментаторами французского эпоса и в сущности являющиеся «общими местами» в эпическом описании внушавших особые опасения враждебных народностей Я разрешаю себе высказать догадку, что caneliu — кан(е)люю — не кто иные, как канглы, чье имя сохранено во французской эпической передаче в редкой неприкосновенности

Канглы сыграли громадную роль в этногенезе многих тюркских народов Как указывает Н А Аристов, более двух третей нынешних тюркских народностей происходят от канглов и кипчаков ¹³² У Абулгази они считаются одним из пяти первоначальных тюркских племен ¹³³ Есть основания полагать, что канглские роды первоначально составляли военную знать, которая вела за собой различные кочевые тюркские племена Так, по Махмуду Кашгарскому (2-я половина XI в.) канглы означают «великих людей» у кипчаков Согласно Константину Порфирогениту (X в.), «кангары» означали благородных у пацинаков (печенегов) ¹³⁴ Чрезвычайно знаменательно древне-тюркское предание у Рашид-Эддина о канглах, по которому они, ветвь древних огузов, произошли от изобретателя канка, телеги ¹³⁵ А изобретение колеса или применение его к передвижению — это целая техническая революция в истории передвижения, транспорта, особенно в кочевом хозяйстве Изобретение колеса и применение его к передвижению у различных групп племен восходит еще к первобытному обществу — к средней ступени варварства Но, очевидно, канглы издавна являлись среди тюрков носителями передовой технической культуры, если им приписывается преданиями такое изобретение. Как передовая группа среди тюрков, они сыграли значительную роль и в истории оседлой культуры Средней Азии.

Ранние византийские источники уже знают канглов под именем холиатов Менандр Проскенаст (2-я половина VI в.) рассказывает о византийском посольстве в Среднюю Азию, проезжавшему через их земли ¹³⁶ Более поздние византийские источники называют их кангара-

¹³¹ А Н Веселовский Из истории повести и романа, стр 445

¹³² Н А Аристов Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей «Живая Старина», 1896, вып III—IV, стр 445 (есть и отдельный оттиск, СПб, 1897)

¹³³ Абулгази Родословная тюркских племен, пер Саблукова, Казань, 1856, стр 36

¹³⁴ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье М, 1934, стр 17

¹³⁵ Рашид-Эддин История монголов, пер Березина, СПб, 1858, стр 3—4, 7—8, 30

¹³⁶ Византийские историки в пер Сп Дестуниса СПб, 1861, стр 379

ми, но так, по свидетельству Порфиrogenита называли вначале и печенегов П Голубовский, один из первых исследователей истории тюркских степняков Причерноморья, полагает, что печенеги в основе были племенами канглов¹³⁷ Западные путешественники находили канглов и далеко на Востоке — за половцами Плано Карпини в 1246 г, следуя на восток из Кумании, пришел в страну канглов, или кантигиталов — очевидно, обширную область их промежуточных поселений, оставшихся в их общем движении на запад, а Рубрук в 1253 г, на 12-й день пути от Волги на восток, пришел к другим канглам, которых он считает родственными куманам¹³⁸ Канглы в составе и во главе различных тюркских народов и на тронах образованных последними государств, канглы, разбросанные обширными островами поселений на необозримых пространствах Восточной Европы и Средней Азии, канглы на военном служе у египетских повелителей и венецианских дождей — должны были казаться европейскому Западу положительно вездесущими Если они наделялись устрашающими легендарными чертами, то это лишь показывает, какую тревогу канглы и печенеги, основное ядро которых канглы составляли, внушали даже далекому европейскому Западу

Канглов и канов (ср og-saneis) мы до сих пор находим среди различных племенных делений отдельных тюркских народов В наиболее значительной группе канглы до сих пор составляют один из крупных улусов Большого жуза казахского народа Как племенные деления они встречаются также у узбеков, киргизов, каракалпаков, туркмен Кости (колена) «канов» имеются среди телеутов, сагайцев и некоторых других тюркских народностей Советского Востока Н А Аристов по родовым тамгам устанавливает генеалогическую связь между современным казахским племенем канглов и кипчаками, важнейшим племенем казахов¹³⁹

Saneis — канлю (и ogsaneis) означали во французском средневековом эпосе как самих канглов, так и печенегов, а с ними и узов и половцев

Мы не будем излагать здесь отношений Византии к печенегам и другим степнякам, разобранных в классической работе В Г Васильевского «Печенеги и Византия» Напомним лишь, что франко-норманские наемники сталкивались с ними под Скутари (Эрве, в 1049 г), под Хариуполем (в 1050 г), под Преславой (1053 г — в тот же год, когда они преградили дунайский путь западным пилигримам) и под Филиппополем (1086 г, огречившийся норманн Гумбертопуло), когда печенеги были призваны повстанцами еретиками — богочинами и павликианами После того, как в 1088 г Алексей Комнин был разбит печенегами при Силистрии и они рассыпались по всей Фракии, а Константинополь оказался между печенегами и сельджуками, византийский император стал звать западное рыцарство на помощь Роберт Фризский, возвращавшийся в 1089 г из паломничества на Восток через Константинополь, прислал по его просьбе в следующем году фландрскую рыцарскую конницу Гиберт Ножанский приводит в латинской передаче послание Алексея Комнина к Роберту Фризскому, в котором говорится, что «священная империя восточных христиан утесняется печенегами и турками» и выражается униженная просьба латинскому рыцарству спасти Византию «Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и пече-

¹³⁷ П Голубовский Печенеги, торки и половцы Киев, 1884, стр 56

¹³⁸ Плано Карпини и Рубрук, стр 35 и 50, 95 и 101—102

¹³⁹ Н А Аристов Указ соч, стр 346, 351

негам» И если даже это послание и не является подлинным, то все же оно сочинено Гиббертом на основании действительных посланий византийского императора и их аргументации, равно как и тех настроений, которые им соответствовали на Западе Без устранения фланговой печенежской угрозы нельзя было и думать о сокрушении сельджуков Первоначальный план первого крестового похода, как подчеркивает В. Г. Васильевский, был обращен прежде всего против печенегов Эти настроения и нашли отражение как в соответственных местах «Роланда», так и складывавшихся в то время других французских поэмах

Алексей Комнин предлагал еще в 1088 г. папе Урбану II созвать в Константинополе примирительный церковный собор, который скрепил бы воссоединением церквей общую крестоносную борьбу с сельджуками и печенегами К собору привлекалась и русская церковь Утвердившийся в это время в Риме антипапа Климент III вступил в переговоры как с Константинополем, так и с Киевом — при содействии поддерживавшего антипапу Генриха IV, только что женившегося на овдовевшей сестре Мономаха, Евпраксии-Адельгейде, но папство раздиралось борьбой двух пап, и примирительный собор не состоялся,¹⁴⁰ не говоря уже о более глубоких религиозно-политических причинах, препятствовавших воссоединению церквей

Алексей Комнин напоследок решился обойтись в борьбе с печенегами без латинян, мечтавших самим захватить Константинополь Призвав половцев и с помощью русских он разгромил печенегов Как указывает В. Г. Васильевский, Византии не удалось бы это сделать, если бы еще до этого силы печенегов не были в основном сокрушены Русью, ведшей с ними упорную борьбу Таким образом, как доказал Васильевский, печенежская опасность, нависшая над Византией и внушавшая страх также Западной Европе, была устранена Византией с помощью Руси¹⁴¹

Акад. Б. Д. Греков справедливо указывает, что выводы В. Г. Васильевского дают общеевропейский масштаб, с которым следует подходить к отношениям Руси с печенегами и вообще тюркскими степняками Причерноморья¹⁴² Представления французского средневекового эпоса, видевшего в печенегах и вообще в канглах серьезную опасность, тем самым дают общеевропейское историко-идеологическое мерило для оценки значения отношений Руси с этими беспокойными степными народами.

Этому отнюдь не противоречит то, что франкам и в дальнейшем приходилось сталкиваться с печенегами и их преемниками на Балканах — половцами Те и другие на Балканах были использованы уже самой Византией в скрытой и открытой борьбе с западными крестоносцами и норманнами, грабившими византийские земли Как передает Раймунд де Ажилль, крестоносцы наткнулись в Диррахии (Дуррес в южной Албании) на узов, куманов и фанакров (печенегов) — византийских наемников Альберт Аахенский указывает, что «венгры, болгары, куманы с весьма многочисленными печенегами» нападали на сухопутное крестоносное ополчение Петра Пустынника Норманны Боэмунда и Танкреда натолкнулись на печенегов при переходе через Вардар Естественно, что традиционный страх перед печенегами нелегко рассеивался во французском эпосе

Византия направляла своё войско против латинян и половцев Как

¹⁴⁰ В. Leib Op cit, p 23

¹⁴¹ В. Г. Васильевский Труды, т. I, стр. 76 и сл.

¹⁴² Б. Д. Греков История древних славян в работах В. Г. Васильевского Вестник древней истории, 1939, т. I (VI)

сообщает Вильгардуэн,¹⁴³ много раз упоминающий о куманах, половецкие наемники Иоанницы, царя болгар и владов, разгромили конницу латинского императора Балдуина, способствовали его пленению и довели до Константинополя Половцы, по свидетельству Марко Поло, считались на Западе легендарными племенами Гога и Магога¹⁴⁴ (как впоследствии татары). Так рождались в Западной Европе легенды о куманах, проникавшие и во французский эпос.

После отождествления загадочных сапелли французского эпоса со степными кочевниками становится ясным и истинный смысл упоминаемого в «Роланде» «Беглого поля» — Valfuit, родины сапелли — канглов. Название Вальфюит соответствует названию Дала-Кипчак, кипчакских степей, в широком смысле простиравшихся от Средней Азии до Дуная. Часть ее носила в русской летописи название Половецкого поля.¹⁴⁵

По преданию, приведенному у Рашид-Эддина¹⁴⁶ и Абулгази,¹⁴⁷ «кипчак» означает «дупло», в дупле родился их эпоним Кипчак. Это предание, повидимому, связано с древним культом деревьев, весьма распространенным в тюркских степях. Но «кипчак» в более широком значении, как указывает Маркварт,¹⁴⁸ означает вообще полое, также пустопорожнее место, до степного приволья включительно. В бескрайних степях издревле образовывались тюркские вольницы, называвшиеся «казах», т. е. беглые и в то же время вольные люди. Животное, отбившееся от стада, люди, роды и племена, уходившие от какой-либо государственности, особенно — оседлой (будь то Китай, Иран или среднеазиатские, в том числе тюркские государства) назывались, как указывает Л. Казн,¹⁴⁹ — «казах». Дала-кипчак было и «дала-казах» в этом широком смысле — «беглым» и в то же время «вольным полем». Это подлинный степной образ. В казахской легенде об Асане Кайгы батырь передвигает горы и доли в поисках райской страны и, найдя таковую, увозит ее на спине своего богатырского коня. В тюркских легендах степи сами передвигаются вместе с кочевьями или, наоборот, уходят из-под них. Так степной образ Дала-кипчак, полный социально-исторического значения, в смысле степной вольницы, неожиданно находит отражение в далеком и чуждом ему французском эпосе «Роланда», в образе Valfuit — Беглого поля.

Нам остается сказать о *татарах* во французском средневековом эпосе. На Руси татарское иго не только запечатлелось в былинном эпосе, но благодаря своей длительности превратилось в народной памяти в татар более древних ее врагов — печенегов и половцев.¹⁵⁰ Русь приняла на себя главный удар монголо-татарского нашествия — оно докатилось до средней части Европы, опустошило и ее, но его натиск уже выдохся. Оно произвело на Запад чрезвычайно сильное, но переходящее впечатление. О татарском нашествии упоминают даже далекие исландские анналы и скандинавские саги.¹⁵¹ Английский хронист, связанный с Францией, Матвей Парижский в своей «Chronica Maior»

¹⁴³ Villehardouin Conquête de Constantinople, publ par N de Wailly, Paris, 1882, pp 212, 218.

¹⁴⁴ Марко Поло Указ соч, стр 19 и 265.

¹⁴⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр 410 480.

¹⁴⁶ Рашид-Эддин Указ соч, стр 24.

¹⁴⁷ Абул-Гази Указ соч, стр 18—19.

¹⁴⁸ J Marquart Ueber das Volkstum der Kumanen Berlin, 1914, SS 159—161.

¹⁴⁹ L Cahun Introduction a l'histoire de l'Asie Paris, 1896, p 49.

¹⁵⁰ Б. Д. Греков Золотая орда и Русь, в кн. Б. Греков и А. Якубовский Золотая орда Л 1937, стр 201.

¹⁵¹ Saga Håkonar Konungs Anåquites russes, t II, p 83.

под 1238, 1240, 1248 гг сообщает о той панике, которая парализовала даже торговлю сельдями между Британскими островами и континентом, и о тех сложных международно-политических отношениях, которые вызвало появление татаро-монголов в Европе ¹⁵² «История французского королевства» под 1236 г говорит о страхе, вызванном во Франции известиями о татарах и повлекшем полный застой в торговле. В этой же хронике приводится обращение к Людовику Святому магистра тамплиеров Понса де Обен, указывающего, что если татары не будут сокрушены, ничто их не остановит на их пути до Франции ¹⁵³ Филипп Муске пишет в своей рифмованной хронике, доведенной до 1242 г, о вторжении татар в Русскую землю

S'adresierent parmi Roussie,
Si l'on prae et defroisie (v 30210)
(вторглись в русскую землю, опустошили и разорили ее),

и об их нашествии на Венгрию и Австрию, указывая на народную молву во Франции, о предательской политике Фридриха II Гогенштауфена ¹⁵⁴ Бергонские анналы (Англия) сообщают о прибытии русского архиепископа Петра в 1245 г на Лионский собор, созванный Иннокентием IV, и передают его подробный рассказ о нравах татар ¹⁵⁵

Несколько иные мотивы мы встречаем у знаменитого провансальского трубадура Пейре Карденаля, ¹⁵⁶ который, под впечатлением жестокой антиальбигийской политики папства и французской королевской власти, очевидно, считал татар «бичом Божиим» против них

Dig vuelh aver de Sarraz,
E fe e ley de Christia,
E subtileza de Paia,
E ardimen de Tartari

(я хотел бы иметь речь [красноречие] сарацина
[арабов], веру и закон христианина, тонкость
язычника [древних] и пыл [отвагу] татарина)

Если мы теперь от громадного впечатления, произведенного татарским нашествием и образованием монгольской державы на европейский Запад, в частности — на Францию, и нашедшего столь многочисленные отражения в летописях, проповедях, грамотах, посланиях «плачах» и т. д., обратимся к французскому эпосу, мы будем с первого взгляда поражены скудостью упоминаний о татарах.

Во французских поэмах встречаются лишь два-три беглых упоминания о татарах. В *Galien* (XIII в.) упоминается «сарацинский царь» по имени Тартарий (*Tartaire*) ¹⁵⁷ В *Otinel* (XIII в.), подобно одному латинскому «плачу» и проповедям, татары осмысливаются по своему имени, как выходцы из Тартара, преисподней. ¹⁵⁸ Еще одно упоминание мы встречаем собственно уже не в эпосе, а в поздней (XV в.) прозаической переделке поэмы XIII в. *Enfances Vivien*, в этой повести фигурирующий

¹⁵² Mathaei Paris Chronica Maior Mon Germ hist scrp, t XXVIII, pp 205, 301—302

¹⁵³ Historia Regni Franciae ibid, t XXVI, pp 604—605

¹⁵⁴ Philippe Mousquès Chronique rimée, ibid, t XXVI, pp. 815—819.

¹⁵⁵ Ex Annalibus Burtonensibus, ibid, t XXVII, pp 474—475

¹⁵⁶ F Raynouard Choix des poésies originales des troubadours Paris, 1816—21, v IV, p 361

¹⁵⁷ Galien, hsg von E Stengel, Marburg, 1890, S 18

¹⁵⁸ Otinel, p 49

в поэме «сарацинский царь» Аарофль, нападающий на Лангедок, превращен в «татарского царя» Эсрофля¹⁵⁹

Скудость упоминаний французского эпоса о татарах можно объяснить тем, что эпос вообще медленнее воспринимает исторические впечатления, а французский национальный эпос в это время уже был лишен творческой восприимчивости и растворял новые исторические впечатления в традиционных эпических образах. К тому же монголо-татарское нашествие до Франции не докатилось. Во французском эпосе татары могли раствориться в печенегах, куманах и канлю — процесс, обратный тому, что произошло при иных исторических судьбах в русском фольклоре.

Подводя итоги нашему исследованию, мы видим, что французский средневековый эпос во многих местах говорит о Восточной Европе — Византии, славянах, Руси, летто-литовских племенах и тюркских степняках. Восточная Европа в основном представляется ему «неверной».

Французский средневековый эпос в соответствующих местах отражает отношение латинян к Византии.

Французский средневековый эпос помнит, но по-своему преломляет борьбу полабских славян против Карла Великого и затем борьбу их, как и летто-литовских народов, против немецко-католического рыцарства, борьбу, нашедшую отклик и на далеком европейском Западе.

О Руси французский национальный эпос упоминает в очень многих местах как о богатой и могущественной стране. Во французском рыцарском эпосе отразились экономические, политические и культурные связи Руси с далеким Западом. В нем, возможно, приоткрывается завеса над участием выходцев из Руси при Агнессе Русской и ее сыне Филиппе I в феодальной политической жизни Франции и соседней Фландрии и, быть может, отражены боевые соприкосновения руссо-варягов на службе Византии с франко-норманнами в Южной Италии.

Многokrатно и с явным страхом говорит французский эпос о степняках европейского юго-востока — печенегах и половцах, а также о канглах, являющихся отнюдь не апокрифическими хананеями, которыми принято считать во французской науке со времени «маленького открытия» Поля Мейера в 70-х годах XIX в. эпических канлю (сапелю), но реально-исторической племенной и, по своему происхождению, социально-этнической группой, явившейся важнейшим этногенетическим элементом в среде печенегов и других степных тюркских народностей. Их Valfuit, Вальфюит — беглое поле — не библейский Ханаан, как склонны думать некоторые французские ученые, но исторический Дала-Кипчак.

Так французский национальный эпос своими многочисленными упоминаниями о Руси и Восточной Европе, хотя и не дает какой-либо отчетливой исторической конкретики, все же может служить ценным материалом для определения того общеевропейского исторического масштаба, с которым следует подходить к значению Руси в Восточной Европе и к ее отношениям с европейским Западом.

¹⁵⁹ *Enfances Vivien*, pp. 251, 279.

И. Л. ПЕРЕЛЬМАН

НОВГОРОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ В XV—XVI вв

Предлагаемая работа посвящена изучению истории новгородской деревни на очень небольшой территории. Это четыре погоста Обонежской пятины: Никольский в Шунге, Покровский на р. Вытегре, Никольский на р. Оште и Ильинский в Веницах на р. Ояти, описание которых встречается последовательно в писцовых книгах Обонежской пятины (Заонежской половины) 1496, 1563 и 1583 гг. Сохранившиеся отрывки писцовых книг Юрия Сабурова (1496) и Андрея Лихачева (1563) напечатаны (издание АН СССР, 1930). Писцовая же книга 1583 г. хранится в ЦГАДА (№ 963).¹

По причине территориальной ограниченности наблюдений, обусловленной характером источников, нельзя было сделать больших общих выводов по истории землевладения хотя бы и для одной Обонежской пятины. За отсутствием материала не пришлось также касаться многих интереснейших вопросов истории новгородской деревни — истории поместного землевладения, хозяйства великокняжеских дворцовых волостей, волостей владычных, вопросов о своеземцах, захребетниках и многих других. Наблюдения пришлось сосредоточить на жизни черных оброчных и, в очень незначительной степени, монастырских волостей. С другой стороны, возможность проследить историю одних и тех же волостей в течение более чем столетия (писцовая книга 1496 г. дает богатый материал для суждения о порядках, существовавших здесь и до «московского взятия») дает право сделать некоторые выводы, характеризующие жизнь и развитие обычной средней русской деревни на Севере в течение второй половины XV и почти всего XVI в.

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Основным материалом для наблюдений, как уже было указано, служат писцовые книги Обонежской пятины. Здесь нет надобности останавливаться на вопросе о достоверности и ценности писцовых книг как исторического источника. Вопрос этот, долгое время дебатировавшийся в науке, уже давно решен в положительном смысле.²

При работе над писцовыми книгами необходимо учитывать все их особенности — и недостатки и достоинства, не пропускать того, что они дают, и не ждать от них того, чего они по самому характеру своему дать не могут. К сожалению, до нас дошли далеко не все

---

¹ При цитировании используется копия XVII в. (№ 8550, в четвертку 1307 листов, скоропись XVII в.), которая по содержанию вполне совпадает с подлинником).

² См. А. И. Никитский. Заметка об издании новгородских писцовых книг ЖМНП, 1880, декабрь; Н. А. Рожков. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Труды Археогр. ком. Моск. археол. о-ва, т. I, М. 1898.

писцовые книги Если мы посмотрим, хотя бы на примере Обонежской пятины, сколько раз она описывалась, то увидим, что в нашем распоряжении находится много меньше половины всех писцовых книг Вот список известных нам описаний Обонежья

1 Первая опись, произведенная вскоре после присоединения Новгорода к Москве и конфискации земель многих Новгородских бояр (в писцовой книге 1496 г она носит название «старого письма») ³	Не сохранилась
2 Писц книга 7004 (1495—1496) письма Юрия Константиновича Сабурова	Сохранилась в отрывке
3 Писц книга 1545 г «письма и дозору Гаврила Муратова да подьячего Ивана Алексеева» ⁴	Не сохранилась
4 Писц книга до 1556 г письма Григория Бухарина ⁵	Не сохранилась
5 Писц книга 1563—1566 гг «письма и дозору Андрея Лихачева да подьячего Ляпуна Добрынина»	Из 81 погоста сохранилось 19
6 Писц книга 1577 г Михаила Вольова и Федора Фатьянова ⁶	Не сохранилась
7 Писц книга 1582/83 г «письма и дозору Андрея Плещеева да подьячего Семейки Кузмина»	Сохранилась полностью (ЦГАДА № 963, копии № 8550 и № 726) Не напечатана
8 Писц книга 1584/85 г Леонтия Аьсакова «с товарищи» ⁷	Не сохранилась
9 Писц книга 1585/86 г Афанасия Жеребятичева ⁸	Не сохранилась
10 Писц книга 1588/89 г кн Василия Волынского «с товарищи» ⁹	Не сохранилась
11 1601 г. Дозорная книга поместных владений письма и дозору подьячих Василия Заденского и Полнинки Аникеева (для Обонежской и 13 пог Бежецк Пятины) ¹⁰	Не сохранилась для Обонежской

Этот список не полон, так как о многих описях мы не знаем даже, кем и когда они производились. Хорошо известно, например, что в 90-х годах XVI в производилась перепись многих пятин. ¹¹ Трудно предположить, чтобы Обонежская пятина была в данном случае исключением. Кроме того, в писцовой книге 1563 г, в итогах по Шунгскому погосту, встречаем следующую запись «А угодья у всего у Шунгского погоста крестьян, по Григорьеву писму Волосатого да подьячево Федора Нестерова, а в Юрьеве писме Костянтиновича Сабурова те угодья не писаны» ¹² Сказать что-либо определенное о том, когда Григорий Волосатый и Федор Нестеров описали Обонежскую пятину (во всяком случае, Заонежскую половину), мы не можем.

Итак, из 11 описаний пятины в нашем распоряжении находятся

³ К. А. Неволин относит старое письмо к 1490—1491 гг. См. его «О пятинах и погостах» новгородских в XVI в.—Записки РГО, кн VIII, СПб., 1853, стр. II.

⁴ К. А. Неволин. Об успехах государственного межевания в России. Полн. собр. соч., т. VI, СПб., 1859, стр. 174, АЭ, I, стр. 185.

⁵ ДАН, I № 51/XVII, стр. 82.

⁶ К. Н. Неволин. Об успехах государственного межевания, стр. 175, АИ, т. I, стр. 301.

⁷ К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских, стр. 17.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ См. Описание документов и бумаг, хранящихся в Моск. архиве Министерства Юстиции, т. I, стр. 175.

¹¹ См. там же, стр. 173—174, №№ 1756—1770.

¹² Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг., изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 155.

9 Исторические записки, т. XXVI.

только отрывки писцовых книг 1496 и 1563—1566 гг и полная, но, к сожалению, не напечатанная книга 1582/83 г. Благодаря счастливой случайности описание четырех из восьми сохранившихся в отрывке книги 1496 г погостов находится и среди 19 дошедших до нас описаний погостов по писцовой книге 1563 г. В писцовых книгах Заонежской половины 1583 г мы также видим все наши погосты. Картина поэтому не лишена известной последовательности.

Очень жаль только, что она кончается 1583 г, который, как известно, отражает один из самых тяжелых периодов истории сельского хозяйства на Руси. Писцовые книги 1583 г фиксируют состояние деревни сразу после кризиса 70—80-х годов XVI в. Интересно поэтому было бы продолжить наблюдения до самого конца века, чтобы иметь возможность судить о том, продолжалась ли хозяйственная разруха до самой, так называемой «Смуты», была ли она явлением органическим, вытекавшим из всего строя сельского хозяйства Московской Руси, или же кризис был временным, вызванным определенными причинами и с устранением этих причин окончившимся? Начало ли восстанавливаться хозяйство к концу XVI в? Казалось, для разрешения этих невольно напрашивающихся вопросов можно было бы привлечь один источник. В описании документов и бумаг, хранящихся в архиве Министерства юстиции, указана подлинная дозорная книга поместных земель 7109 г «писма и дозору подьячих Василия Заденского и Полнинки Аникеева»,¹³ содержащая среди погостов Обонежской пятины три из четырех интересующих нас (нет Никольского в Шунге). Однако, при ближайшем рассмотрении обнаружилось совершенно неожиданное недоразумение, тем более досадное, что в указанной описи архива оно никак не отразилось. Рукопись дозорной книги 1601 г (в четвертку 462 листа, скорописью XVII в) состоит как оказалось, как бы из трех частей: 1) лл 1—153 — погосты Обонежской пятины, 1619 г, 2) лл 154—288—13 погостов Бежецкой пятины, 1601 г и 3) лл 289—462 — Обонежская пятина, 1619 г. (как раз наши погосты). Хронологические даты определяются не только по бумаге и почерку, но и по прямым указаниям в тексте книги.¹⁴ Вследствие этого пришлось окончить работу материалами писцовой книги 1583 г. На листе первом рукописи писцовой книги № 8550 почерком XVIII в небрежно написано «Новгород Список с писцовых книг, а какой пятины и писца невидно, 7093 года». Последняя дата, очевидно, ввела в заблуждение работников архива, пометивших на корешке книги 7091 года — 7093 год. Что касается более поздней (XVIII в) второй копии, № 726, то она по содержанию точно совпадает с подлинником и с первой копией.

2 ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЧЕТЫРЕХ ПОГОСТАХ ОБОНЕЖСКОЙ ПЯТИНЫ ДО «МОСКОВСКОГО ВЗЯТИЯ»

Имеющиеся в нашем распоряжении писцовые книги 1496 г не дают, да и не могут дать полной картины новгородского землевладения, как оно сложилось ко второй половине XV в. И тем не менее, в наших руках оказывается очень интересный материал, на основании которого с косвенной помощью других источников можно сделать некоторые выводы о феодальном землевладении в Великом Новгороде XV в. В частности, мы можем выяснить приблизительные размеры вотчин

¹³ Описание документов и бумаг, хранящихся в Моск архиве Министерства Юстиции, т I, стр 175, № 978

¹⁴ ЦГАДА, № 978, лл 290 об, 296 об, 297, 307 об

новгородских бояр, имена владельцев, характер эксплуатации крестьян, эти вотчины населявших

Известно мнение А. М. Гневушева о том, что писцовые книги второй московской описи не дают права сделать вывод о размерах дохода, шедшего с волостей старосведенных бояр, так как «число дворов, людей и обож указано в старом письме для 90-х годов XV века, доход указан для 70-х, а то и 60-х годов»¹⁵. Отсюда А. М. Гневушев заключает «из всех этих соображений вытекает вывод, что этих данных исследователь сравнивать совершенно не может, кроме, разумеется, хозяйства новосведенных бояр»¹⁶.

Не думаю, чтобы положение было действительно таково. Прежде всего, еще никем точно не доказано, когда производилась первая опись, последовала ли она за второй большой конфискацией новгородских земель 1489 г. или, наоборот, предшествовала ей. И даже это не является особенно важным. Если первая опись и состоялась в 1490—1492 гг., как думает большинство исследователей, то все равно разница между количеством дворов, людей и обож в 1480—1484—1489 гг. и количеством дворов, людей и обож в 1490—1492 гг., принимая во внимание устойчивость крестьянского двора, не могла быть настолько велика, чтобы при пользовании цифрами «старого письма» и «старого дохода» действительное положение, существовавшее в волостях, было искажено сколько-нибудь значительно¹⁷. Поэтому вывод А. М. Гневушева не кажется в данном случае приемлемым.

Что же могут рассказать нам писцовые книги о порядках, существовавших до присоединения Новгородской республики к Москве? Необходимо помнить, что все четыре изучаемых нами погоста находятся в наиболее отдаленной от Новгорода и отсталой по уровню развития хозяйства Обонежской пятины, да еще вдобавок в Заонежской ее половине, для сельского хозяйства весьма неудобной — и по географическому положению и по климатическим условиям. От Великого Новгорода Никольский погост в Шунге отстоял на 700 верст, Никольский-Оштинский и Покровский на Вытегре — на 500 верст, а самый ближний из погостов — Ильинский в Веницах на Ояти — на 300 верст¹⁸. Местность, где лежат наши погосты, изобилует озерами, болотами, лесами и реками, земля — каменистая, малопродуктивная, климат — суров. Следовало бы ожидать, что в XV в. никого не могли привлекать эти места, что до присоединения к Москве наши погосты представляли собою несколько поземельных соседских общин свободных крестьян, по терминологии новгородских грамот — смердов. Но ничуть не бывало. Ни одного не захваченного боярином-феодалом клочка земли, ни одной деревни, свободной от феодальной эксплуатации, ни одного независимого от землевладельца жителя мы здесь не найдем. Во второй половине XV в. боярин уже повсеместно торжествовал над некогда свободным крестьянином Обонежских погостов.

¹⁵ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915, стр. 44.

¹⁶ Там же, стр. 45.

¹⁷ Для примера см. итоги писцов по волости старосведенного боярина Фед. Ост. Глухова. Показанное по этой волости число обож старого письма — 103 полностью совпадает с суммой приводимого здесь же числа обож, с которых высчитывался «старый доход» в пользу боярина: с 83 обож $1\frac{1}{2}$ урожая, с одной — $1\frac{1}{4}$, с 10 обож — 405 без оброком при 9 обож «льготных» ($83 + 1 + 10 + 9 = 103$). П. к. Об. п. стр. 5.

¹⁸ См. К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских приращение XIV, стр. 388.

На изучаемой территории находятся 23 волости — боярские и монастырские. В пределах этих волостей размеры земельных владений распределяются следующим образом

Таблица 1

Всего в 4 погостах			Свыше 100 обож			От 20 обож и более			Меньше 20 обож		
воло- стей	обож	людей	воло- стей	обож	людей	воло- стей	обож	людей	воло- стей	обож	людей
23	870	1 353	3	485	796	9	271	385	11	114	172

Из приведенных цифр видно, что крупное землевладение господствует и в наших отдаленных погостах 56% всех земельных владений падает на крупнейшие три волости, каждая из которых содержит более 100 обож 31% падает на 9 средних волостей и только 13% — на мелкие, менее 20 обож, владения. Таким образом, крупные и средние волости составляют 87% всех обож в погостах. Эта картина будет еще более яркой, если мы учтем, что процесс развития феодального землевладения был у нас, как и на Западе, сложен и продолжителен, что один и тот же боярин (или боярская фамилия) не переставал осваивать новые земли в разных местах, отчего его владения принимали лоскутный характер. Эта характерная, особенно для Новгорода, «дробность землевладения» ввела в заблуждение А. М. Гневушева, который сделал вывод, что «крупная новгородская вотчина не выделялась из массы мелких владений».¹⁹

Этот вывод на основании материала всех пятин был опровергнут С. А. Таракановой.²⁰

Если вышеприведенную таблицу, отражающую распределение населения и обож по волостям, привести в несколько иной вид, показывающий то же по владениям, то получим:

Таблица 2

Всего в погостах			Свыше 100 обож			От 20 обож и более			Меньше 20 обож		
владельцев	обож	людей	владельцев	обож	людей	владельцев	обож	людей	владельцев	обож	людей
18	870	1 353	2	499	829	8	291	421	8	80	103

Оказывается, что количество обож у 10 крупных и средних владельцев возрастает до 790, т. е. до 90,8%.

Рассматривая эти таблицы, не следует, однако, забывать, что они имеют значение для характеристики распределения владений и сравнительных их размеров, но не отражают конкретно количества освоенной феодалами земли, так как подсчет ведется в обжах, т. е. единицах обложения.²¹ Правда, поскольку население здесь земледельче-

¹⁹ А. М. Гневушев. Указ соч., стр. 231.

²⁰ С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятinah в домосковское время, М., 1939, стр. 43—46.

²¹ Б. Д. Греков. Что такое обож? Изв. АН СССР, 1926, № 9, стр. 1017—1040, № 12—14, стр. 1229—1252.

ское, мощность хозяйства определялась главным образом землею. Более точных цифр дать нельзя, ибо данные «старого письма» не содержат количества коробей высеваемой крестьянами ржи. И все-таки при пользовании даже этими данными сразу бросается в глаза огромный удельный вес крупных волостей в погостах. Например, почти весь Оштинский погост принадлежал Марфе Борецкой — 278 обож из 304. Во всем погосте насчитывается 522 крестьянина, из которых в ее волости живет 482 (90 2%). В Никольском Шунгском погосте всего 157 обож, и живет там 251 человек, причем на волость Федора Остафьевича Глухова приходится 103 обжи и 168 человек.

В круг наших наблюдений входят только чегыре погоста Обонежской пятины. Невольно возникает вопрос, применимы ли наши выводы к другим пятинам, характерно ли крупное землевладение вообще для новгородских земель.

«Из 1632 так называемых частных владений с общим количеством 36 658 обож,— суммирует свои вычисления С. А. Тараканова,— на долю 22 боярских фамилий приходилось 12 508½ обож, т. е. немного менее трети всех частновладельческих земель. Из 137 новгородских монастырей три монастыря — Хутынский, Юрьев и Аркажский владели 40% всех монастырских земель. Не говоря уже о колоссальных владениях Софийского Дома, владения отдельных феодалов поражают своей величиной»²².

Кто же владел землями шунгских, вытегорских, оштинских и венских смердов? Попробуем ответить на этот вопрос. Таблица 3 представляет собой список бояр, владеющих землями в наших четырех погостах в том порядке (по погостам и волостям), какого придерживались писцы. С помощью подсчетов А. М. Гневушева, помещенных в его книге о сельском населении (приложение III по светским и IV — по монастырским вотчинам), сделанных по всем напечатанным писцовым книгам,²³ можно примерно представить себе распространение и среднюю величину боярских владений в других пятинах. Из этой таблицы видно, что 7 из 14 названных бояр принадлежали к числу крупнейших землевладельцев. Многие из них, в частности посадники, тысяцкий Михаил Берденев, знаменитая Марфа Борецкая, стояли у власти в Великом Новгороде. Иван Захарьевич Овинов,²⁴ сын известного посадника Захария Овингова, например, был одним из самых богатых людей даже в богатом Великом Новгороде. В борьбе за присоединение Новгорода к Московскому государству Иван III все время имел дело и с Марфой Борецкой, и с Иваном Офонасьевым, и с Лукой Федоровым, и с Михаилом Берденевым, и с Иваном Захарьевичем, упоминаемыми в таблице. Все эти люди, управлявшие в то время Новгородской боярской республикой, часто упоминаются в летописях. В 1471 г. среди приехавших для заключения мирного договора новгородцев назван посадник Лука Федоров.²⁵ В 1476 г. почти все упомянутые лица встречают Ивана Васильевича на пути к Новгороду, каждый по приезде великого князя устраивает у себя пир, подносит ему дары. Они же выступают перед Иваном III ходатаями за винов-

²² С. А. Тараканова. Указ соч., стр. 43. Подсчеты заимствованы ею у А. М. Гневушева. Указ соч., стр. 295.

²³ Есть подсчеты С. А. Таракановой для более позднего времени, но они сделаны только в отношении 55 бояр и 19 монастырей.

²⁴ Почему-то С. А. Тараканова называет Ивана Овинова тоже посадником, хотя ни один источник об этом не говорит (см. С. А. Тараканова. Указ соч., стр. 56, 96 и др.).

²⁵ См. СГГ и Д., т. I, стр. 26.

Таблица 3

№	Имя	Колич обож в 4 по- гостах Обонской пятины	В других пятинах всего обож по А. М. Гневушеву	Источник (по А. М. Гневушеву)	Упоминания бояр в летописях
1	Федор Остафьевич Глухов	117	²⁶ 128 ^{1/2}	НПК, т III, стр 603—604, т V, стр 131, Временник ОИДР, т XI, стр 25—27, Писц кн Обон. пят (ПКОП), стр 1—6, 47—48, 126, 155—158, 138, 162, 246, 247, 251, 252	В летописях нет АЮ, № 409/II, стр, 431
2	Михаил Берденев, тысяцкий	48	²⁷ 153 ^{1/2}	НПК, т III, стр 719—720, 846—847, т IV, стр 6—7, 144—145, т V, стр 103, 18, 50, т VI, стр 162—163, Д. Я Самоковасов Арх матер, т I, М, 1905, стр 101, ПКОП, стр 67, 39—40, 132, 153, 240—242	ПСРЛ, т III стр 142, т VI, стр 200, 219, т VIII, стр 197—198, т XII, стр 159, 187, 213
3	Лука Федоров, посадник	11	127 ^{1/2}	НПК, т III, стр 486—487, 702—703, т IV, стр 1, 40—49, 102—106, т V, стр 16, 32, 50, 53, Арх мат, т I, стр 214—215	ПСРЛ, т III, стр 142, т VI, стр 16, 200, 203, 204, 209—210, 211, 212, 213, 219, т VIII, стр 169, 187—188, 189—190, 191, 198, т XII, стр 142, 159, 163—165, 167, 175, 176, 179, 180, 187, 213
4	Александр Тимофеев	9	164	НПК, т III, стр 483—484, 808—810, т V, стр 12, 14, 60, Арх мат, т I, стр 231, 234	Нет. Очевидно, упоминается отец. ПСРЛ, т IV, стр 100, т V, стр 245
5	Наталья ж. Мос. Бабкина	14	²⁸ (276 ^{1/2})	Нет	Нет
6	Марфа Исакова ж Борецкая	382	799	НПК, т I, стр 291—296, 635—636, 639—651, т IV, стр 179, 190, 191; т V, стр 47, 66; т VI, стр 23—28, 29—32, «Врем», т XI, стр. 101—102	ПСРЛ, т IV, стр 130, 259, 261, т V, стр 38, т VI, стр 5—6, 19, 33, 220, т VIII, стр 159, 198—199, т XII, стр 126, 129, 188

²⁶ По С. А. Таракашовой. Указ соч, стр. 92²⁷ Там же, У. А. М. Гневушева — 176 (Указ, соч, приложение III Б)²⁸ Фамилия Бабиных у А. М. Гневушева в приложениях

Таблица 3 (окончание)

№	Имя	Колич. обож в 4 по- гостах Оболенской пятины	В других пятинах всего обож по А. М. Гневушеву	Источник (по А. М. Гневушеву)	Упоминания бояр в летописях
7	Захарий Морозов	18	61	«Временник», т. XI, стр. 3	ПСРЛ, г. VI, стр. 201 (?)
8	Иван Офонасьев Патрекеев посадник	22	17	НПК, т. V, стр. 266—267, 271	ПСРЛ, т. IV, стр. 228, 130, 251, т. VI, стр. 18, 33, 201, 203, 204, 205, т. VIII, стр. 182
9	Федор Морозов	20	50	НПК, т. II, стр. 537—538, т. V, стр. 54, ПКОВ, стр. 9—11	О нем нет, фамилия упоминается ПСРЛ, т. III, стр. 105, 135, 235, т. IV, стр. 114, 251
10	Григорий Ногаткин	19	42	НПК, т. V, стр. 34, 46, 227	Нет
11	Борис Дмитр Зубарев	5	10	НПК, т. IV, стр. 56, 34	Нет
12	Иван Широкий Яжыщинский	28	102	Арх. мат., т. I, стр. 203, 206, 210, 218	Нет
13	Иван Захарын Овинов, сын посадника	21	1303 ²⁹	НПК, т. I, стр. 78—83, т. II, стр. 452—453, т. III, стр. 19—20, 375—379, 423—424, 445—447, 489, 620—623, 658—659, 740—741, 796, 874, 914—917, 943—944, т. IV, стр. 152—153, 154—155, 157, т. V, стр. 151—152, 28, «Врем», т. XI, стр. 290—296, 361—370, 378—389, 394—405, 448; Арх. матер., т. I, стр. 225, 226, 227, 231, 235	ПСРЛ, г. III, стр. 142, т. VI, стр. 16, 200, 204, 219, т. VIII, стр. 197, 198, т. XII, стр. 159, 165, 187
14	Иван Онаньин Берденев	34	39	НПК, т. III, стр. 815—817	ПСРЛ, т. XII, стр. 160

²⁹ У С. А. Таракановой — 714 (Указ соч., приложение I, стр. 96)

ных бояр.³⁰ В 1478 г., когда посадники и тысяцкие приезжали к великому князю в Сытино с архиепископом, «Лука посадник Федоров тако рек, чтобы государь князь великий пожаловал отчину свою, ездил бы на четвертый год в Великий Новгород, а имел бы тысящу рублев, а велел бы суд судити наместнику да посаднику в городе, а чего не возмогут управити наместник да посадник, ино бы тому господарь князь великий сам управу учинил приехав на четвертый год, да пожаловал бы государь великий князь позвы отложил, чтобы позвов на Москву не было»³¹ Нет необходимости перегружать работу излишними подробностями. Во всяком случае совершенно очевидно, что во времена тяжелых для Новгорода потрясений именно эти крупные землевладельцы находились у власти.

Надо принять во внимание, что и приведенные итоги писцовых книг не дают нам полной картины земельных владений перечисленных бояр. Ведь многие писцовые книги совсем не дошли до нас, другие дошли в очень незначительных отрывках. Кроме того, пятины далеко не исчерпывали всех земель, принадлежавших Великому Новгороду. Для иллюстрации можно привести духовную грамоту Федора Остафьевича, в которой он завещает жене Офимье и сыновьям Степану и Василию «живот свой и села свои». Далее следует перечисление деревень, сел и угодий, принадлежащих этому боярину, среди которых, между прочим, читаем «а тех сел едмища и ловища и пожни и лес и полешной лес, на Поце и на Шенги по отцу моего грамотам и по владенью отца моего и по моему, а то сыну моему Степану», и далее «а в Хавденицах села мои до Плоской Лужи, а тех сел пожни и лесы и полешной лес и страдные земли и ловища и едмища, а то Василию»³² Мы знаем волость Федора Остафьевича Глухова в Шунгском погосте; она расположена как раз по Шунге и в Кевтеничах. Подлинник грамоты писан на пергаменте, уставом, даты нет. Можно попытаться приблизительно определить, к какому времени она относится. В конце грамоты упоминаются следующие имена посадники Федор Олексеевич, Иван Максимович, Иван Офонасьевич; тысяцкий Яков Игнатьевич, боярин Киприян Григорьевич, игумен св. Николы Макарий. Имена посадников Ивана Максимовича и Федора Остафьевича упомянуты в одной новгородской грамоте 1436 г.³³ и под тем же годом — в Никоновской летописи.³⁴ Гораздо важнее для нас посадник Иван Офонасьевич.³⁵ Это хорошо известный по новгородским событиям конца XV в. человек. Имя его в качестве посадника впервые упомянуто в 1464 г., когда он едет к Ивану III жаловаться на псковичей.³⁶ В 1476 г. он встречается Ивана III в Рыдыне, и в этом же году великий князь приказывает схватить Ивана Офонасьевича вместе с другими боярами и отправить на Москву за то, что «мыслили Новгороду датися за короля».³⁷ В этом же 1476 г. в Рыдыне среди встречавших великого князя бояр и новгородец Киприян Григорьевич «с двема сыны».³⁸ Очевидно, судя по личным именам и географическим названиям владений, грамота относится как раз к тому времени, которое нас интере-

³⁰ ПСРЛ, т. XII, стр. 164

³¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 176

³² АЮ, № 409/II, стр. 431

³³ См. К. Ф. Калайдович. Опыт о посадниках новгородских 1821, стр. 242—243

³⁴ ПСРЛ, т. XII, стр. 22

³⁵ Кроме него никакого другого посадника в Новгороде так не звали

³⁶ ПСРЛ, т. IV, стр. 228

³⁷ ПСРЛ, т. VI, стр. 18, 200—204; т. XII, стр. 167

³⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 201, 12, 160

сует, и не может быть писана позже 8 февраля 1476 г., когда посадник Иван Офонасьевич был арестован и отослан в Колсмену

Теперь, определив приблизительно время написания грамоты, можем сделать выводы 1) Федор Остафьевич Глухов, владелец Шунгской вотчины³⁹ и Федор Остафьевич, упомянутый в грамоте — одно и то же лицо Это очень богатый и знатный человек, родственник посадника, сам в прошлом, может быть, тоже посадник⁴⁰ 2) Имущество Федора Остафьевича состоит главным образом из недвижимости — земли Владения его просируются далеко за пределы пятины, на территорию современной Архангельской области (р Кокшеньга) 3) Земельные владения Федора Остафьевича сложились уже давно, еще при отце его и деде⁴¹ Земли приобретались не сразу, а постепенно, до самого последнего времени при помощи целой системы купчих, меновых и прочих грамот⁴² Итак, мы могли убедиться, что крупное феодалное землевладение в наших погостах в XV в было господствующим

Что представляли собой эти боярские волости и находившиеся в них люди? На этот вопрос дает ответ следующая таблица

Таблица 4

Погосты	Волости	Деревни	Дворы	Люди	Обжи	Дворов и дворян в среднем	Людей в среднем	Обж. на человека
Шунгской	Федора Остафьевича Глухова	91	93	168	103	1 02	1 8	1 6
	Михаила Берденева	16	16	29	16	1	1 8	1 8
	Луки Федорова	11	11	15	11	1	1 36	1 4
	Александра Тимофеева	5	11	14	9	2 2	2 8	1 5
	Натали Бабьиной	13	14	18	14	1 08	1 4	1 3
	Палеостровского монастыря	1	1	1	1	1	1	1
	Ник церк дер	3	3	6	3	1	2	2
Вытегорский	Марфы Борецкой	59	79	146	104	1 32	2 5	1 4
	Захара Морозова	8	11	23	18	1 4	2 9	1 3
	Ивана Офонасьева	14	17	25	22	1 3	1 8	1 1
	Федора Морозова	9	12	24	20	1 33	2 7	1 2
	Григория Ногаткина	9	12	20	19	1 33	2 2	1 05
	Бориса Зубарева	4	4	6	5	1	1 5	1 2
	Хутынского монастыря	12	13	23	21	1 07	1 91	1 1
Оштинский	Марфы Борецкой	214	247	482	278	1 15	2 25	1 7
	Хутынского монастыря	17	19	33	22	1 12	2	1 5
	Антониева монастыря	4	4	7	4	1	1 75	1 75
Ильинский	Ивана Захарьина Овинова	21	22	30	21	1	1 3	1 4
	Михаила Берденева	33	33	49	32	1	1 5	1 5
	Ивана Онаньина Берденева	36	38	54	34	1	1 5	1 6
	Ивана Яжыщинского	27	29	42	28	1	1 5	1 5
	Антониева монастыря	72	74	105	71	1	1 5	1 47
	Федора Ост Глухова	16	18	33	14	1	2	2 35

³⁹ Писц. кн. Обон. пят, стр. 1—5

⁴⁰ К. Ф. Калайдович. Указ. соч., стр. 242

⁴¹ «А у св. Спаса на погосте отчина моя и дедина, а то детям моим Степану и Василью по половинам до Медвежи реке. А что в Бежницах земля моя отчина на Ловщацах, а то детям моим по половинам» АЮ, № 409/II, стр. 431

⁴² Там же

Из этой таблицы видно, что волость представляла собой группу деревень, очень небольших по величине, почти всегда состоящих из одного двора, редко двух. Что же касается людей, живших в деревнях, то, к сожалению, «старое письмо» почти ничего не говорит о них, писцовые книги переименовывают только тех крестьян (и то не всех), которые находились в деревнях в 1496 г. Детей и женщин, если последние не вдовы и не ведут поэтому самостоятельного хозяйства, в перепись не включали.

Центром вотчины новгородского боярина был так называемый «большой двор», т. е. владельческое селение с постройками, где находился административно-хозяйственный центр управления волостью и часто жил сам боярин. Однако изучаемые нами волости были расположены далеко от Новгорода в холодных, неприветливых и небогатых местах. Мы видели уже, что многие из владельцев этих волостей были крупнейшими феодалами, что почти все они имели владения в других, более благоприятных местностях (исключение в этом отношении составляет одна Наталья Бабкина). Поэтому естественно предположить, что такие люди, как Марфа Борецкая, Иван Овинов, Михаил Берденев и другие в Заонежских волостях не жила. Источник подтверждает такое предположение. Из 23 волостей, которые мы наблюдали, «большие дворы» имеются или разумеются только в семи.

Описания больших дворов в писцовой книге 1496 г. мало говорят о боярском хозяйстве — очевидно потому, что боярское хозяйство в этих волостях было ничтожно. Так, в волости Федора Остафьевича Глухова и Шунгском погосте размер боярской запашки равен приблизительно 12 десятинам во всех трех полях (1¼ коробей высевалась на одну десятину⁴³). В остальных дворах проследить величину боярской запашки нельзя, а в некоторых случаях можно сказать, что ее и не было совсем (там жили ключники). Совсем другая картина наблюдается в волостях наших бояр, расположенных близко в Великому Новгороду или являвшихся центром резиденции феодала. Насколько, например, непохож на «большие дворы» в заонежских волостях двор Марфы Борецкой в волости Березовец у озера Селигер на самом Городище находилась «церковь да двор большой». Вокруг Городища вырос огромный по тому времени посад, только одних тяглых людей на посад насчитывалось 45 дворов. К Городищу, как к центру волости-вотчины, тянули крестьянские деревни⁴⁴.

А. И. Никитский отмечает, что «двор боярина Ивана Захарына Овина имел при себе запашки до 37½ десятин»⁴⁵. В Деревской пятине у Ивана Овинова был сад в 200 яблонь⁴⁶.

Управление боярскими и монастырскими волостями и сбор шедших с них доходов были возложены на ключников и посельских. Ключник жил, очевидно, сам в волости, большей частью в ее административно-хозяйственном центре — «большом дворе». Были, однако, исключения. В бывшей волости Антониева монастыря большого двора совсем не было, монастырского — тоже, а ключника мы находим просто в деревне «дер на Ояти ж, во дв. Куземка ключник, сеют ржы 3 коробы,

⁴³ Ср. В. Ф. Загорский, История землевладения Шелонской пятины в конце XV—XVI вв., ЖМЮ, 1909, № 8, стр. 268.

⁴⁴ С. А. Тараканова, Указ соч., стр. 53, НПК, т. I, стр. 639—650.

⁴⁵ А. И. Никитский, История экономического быта Великого Новгорода, М., 1883, стр. 52, НПК, т. I, стр. 83. А. И. Никитский считает, однако, что запашка бояр в пятinah новгородских ничтожна.

⁴⁶ С. А. Тараканова, Указ соч., стр. 56, НПК, т. II, стр. 452—453, т. V, стр. 288, 291.

сена косят 25 коп 2 обжи, а доходу гривну дает ключник»⁴⁷ Население обязано было в пользу ключника платить так называемые «ключничьи пошлины», или «доход ключнику» Ключник как должностное лицо находился, надо думать, в непосредственном подчинении у посельского, ведавшего сбором платежей с крестьян и административным управлением в целом ряде волостей своего боярина или монастыря (в данной местности) Во всяком случае, ни в одной деревне наших погостов посельские не жили Крестьяне платили пошлины и ключнику и посельскому, иногда обоим вместе, иногда тому или другому порознь «Дер на Верхнем озере, во дв. Васко, сеет ржи пол-2 коробы сена 5 коп обжа, доходу из хлеба полowie до 6 белок, а посельнику четвертка ржи да белка Дер в Губе ж во дв Ивашко да ево дети Исачко да Якушка сеют ржи 3 кор, сена косят 16 коп пол-2 обжи, а доходу из хлеба полowie да боран да 6 белок, а посельнику белка, а ключнику белка»,⁴⁸ «Дер. Стогово во дв Ивашко Керкин да его дети Микитка да Якушко, сеют ржи 2 кор сена косят 5 коп, обжа, а доходу из хлеба полowie да 4 белки, а ключнику 2 белки»⁴⁹

Вот и все довольно скудные сведения об управлении и жизни далеких заонежских волостей Переходим теперь к вопросу об эксплуатации феодалами-землевладельцами крестьян, населявших присвоенные ими земли

Ко второй половине XV в во всех изученных нами волостях господствует рента продуктами, часто смешанный вид ренты продуктами и денежной ренты (иногда просто денежной) Следов ренты отработочной уже нет нигде С 16 боярских и 4 монастырских волостей, в которых показан старый доход, доход распределяется так

Таблица 5

Владения	Всего волостей	Только натурой	Деньгами, хлебом и другими продуктами	Деньгами и хлебом	Деньгами
Боярские	16	7	8	—	1
Монастырские	4	1	1	1	1

Эта таблица наглядно показывает господство второго вида ренты — ренты продуктами. Данная Марксом характеристика натурального хозяйства, господствующего в период преобладания ренты продуктами,⁵⁰ полностью подтверждается нашим источником. Правда, в связи с особенностями местности, о которых мы уже говорили, ассортимент продуктов, уплачиваемых крестьянами своему господину, гораздо однообразнее, чем в других пятинах,⁵¹ но и он дает полное представление именно о натуральном характере феодального хозяйства и в Обонежье Возьмем для примера перечень доходов, шедших с волости

⁴⁷ Писц. кн. Обон. пят, стр. 44

⁴⁸ Писц. кн. Обон. пят, стр. 1

⁴⁹ Там же, стр. 2

⁵⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 8-е, 1938, стр. 699—701

⁵¹ С. А. Тараканова. Указ. соч., стр. 63

Вытегорского погоста, принадлежавшей Захарии Морозову «И по старому писму деревень 8, а дворов и вопчих 11, а людей в них 23 человека, а обож 18, а сох 6 А старово дохода гривна и 10 денег да 121 белка, да 6 коробей ржи с четверткою да пол — 8 кор овса да полтора борана, да полторы полти мяса да 15 сыров да 3 ставцы масла А посельничьи пошлины деньга да пол — 4 белки да полторы четвертки ржи да 3 четвертки овса» ⁵²

Количество доходов продуктами, хлебом, деньгами, шедших с обжи, весьма различно для каждой волости и колеблется даже внутри одной и той же волости Вот примеры таких колебаний 1 «Деревня на Низу, во дв Галашко Якушов сеет ржи пол — 2 коробки, сена косит 20 коп, обжа, а старово доходу 7 бел 2 сыры» ⁵³ 2 «Дер въпче Парфиевская Захарье с Григорьем с Нагаткиным на Захарьевской половине во дв Микифорко Нифонтов, во дв Михейко Гридин, сеют ржи пол-вторы кор, сена косят 15 коп, обжа, а старово доходу 18 бел, 3 сыры, пол-борана, пол-полти мяса, 3 чет ржи, 2 кор овса, а ключнику пол-чет ржи, пол-четвертки овса, «белка» ⁵⁴ Погост Шунгской, волость Федора Остафьевича Глухова 1. «Дер Куздосово во дв Ивашко Чернцов, сеют ржи 2 кор, сена косят 10 коп, обжа, доходу, 2 белки, ключнику овчина» 2 «Дер. Лембитово во дв Никифорко да Левонко, сеют ржи 2 кор, сена косят 10 коп, обжа, а доходу ис хлеба полове да 3 белки, а посельскому овчина да белка» ⁵⁵

Таким образом, никакого общего правила для количества взимаемых с обжи платежей заметить здесь нельзя

Во многих волостях уже появляются платежи деньгами В доходах 9 из 16 боярских и 3 из 4 монастырских волостей деньги играют существенную роль Второй (исторически) вид ренты сочетается с третьим — денежной рентой, предполагающей уже значительное развитие товарно-денежных отношений в недрах натурального хозяйства Любопытно, что в самом отдаленном из четырех погостов — Шунгском господствует рента продуктами без примеси денежной Более того, здесь мы видим гораздо более архаические черты ренты — долевого дохода, в частности, полове (половину) и треть урожая, который крестьяне должны отдавать феодалу Этот вид феодальной ренты из четырех погостов сохранился только в Шунгском, и по данным писцовых книг можно наблюдать здесь следующую картину

Таблица 6

Всего обож в Шунгском погосте	Шел доход долей урожая с обож	И з н и х		
		1/2 урожая	1/3 урожая	1/4 урожая
157	129	110	5	14

Мы видим, таким образом, что подавляющее большинство обычных крестьянских хозяйств Шунгского погоста должно было уплачивать своему господину половину урожая, не считая других мелких платежей (продуктами сельского хозяйства) Здесь мы имеем дело с одним из наиболее тяжелых видов феодаль-

⁵² Писц. кн. Обон пят, стр. 11.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 2

ной зависимости, в которую попали некогда свободные «шунгские смерды». Разумеется, речь здесь идет именно об основном населении погоста — крестьянах-смердах, а не об арендаторах и не о половниках С. А. Тараканова, считая половников новгородских пятин смердами, полемизирует со всей ученой литературой не по существу.⁵⁶ Половники, привлекаемые на трудных для них условиях, работники⁵⁷ или арендаторы, которых имеют в виду другие ученые, оспариваемые С. А. Таракановой, и крестьяне, искони сидящие на своей земле и платящие феодалу половину урожая, — это далеко не одно и то же, конечно, но с этим никто и спорить не собирался. Нигде в писцовых книгах шунгские крестьяне, платящие «половые из хлеба», половниками не названы. К сожалению, документов о половниках, «потерявших возможность вести самостоятельное хозяйство»,⁵⁸ в отношении наших погостов нет, а потому и говорить о них мы не можем.

Что же касается Вытегорского погоста, то он находился несколько ближе к Новгороду, а главное — на торговом пути,⁵⁹ и в нем уже со всех волостей «старый доход» шел не только продуктами, но и деньгами. То же мы наблюдаем и в Оштинском погосте. Роль денег в платежах волостей Ильинского (самого близкого к Новгороду) погоста особенно возрастает. Именно здесь находится «волость вел. кн., что была Ивана Онаньина сына Берденева», все доходы с которой шли только деньгами.

Крестьянское население в изображении писцовых книг очень однородно. Здесь не называются ни захребетники, ни другие виды населения, не платящего податей. Очень часто встречаются «суседи», о них речь идет ниже.

Разнообразие натуральных платежей, отмечаемых писцами, позволяет нам сделать некоторые выводы относительно техники сельского хозяйства и развития крестьянского хозяйства вообще, как ни скудны в этом отношении наши сведения. Прежде всего, во всех изученных погостах безусловно господствуют земледелие и трехпольная система. Прямых указаний на это нет, так как явление было обычным, но наличие в платежах, кроме ржи, еще овса и ячменя, при учете в посевах отдельного двора только озимого хлеба — ржи, ясно свидетельствует об этом. Развито было и скотоводство — рогатый скот и овцы. Скот разводился и на мясо и для производства молочных продуктов — масла и сыра.

Сена косили крестьяне немного, очевидно, не больше, чем нужно было, чтобы прокормить домашнюю скотину. Вот приблизительно и все, что дают писцовые книги 1496 г. о жизни наших четырех погостов до «московского взятня».

Подведем итоги.

1. Ко второй половине XV в. даже очень удаленные от Великого Новгорода земли оказываются полностью освоенными феодалами-боярами, а населяющие их крестьяне находятся в феодальной зависимости от землевладельцев.

⁵⁶ А. С. Тараканова. Указ. соч., стр. 73—76.

⁵⁷ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, М.—Л., стр. 694.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Писц. кн. Обон. пят., стр. 17. «Да в Вытегорском же погосте вел. кн. Волок Гостин неметцкой, а взят крестьяне вытегрены из всех боярщин да и монастырские из всего погоста на том володе соль и иной товар, а опричь вытегрены на том володе не вести никому».

2 На территории четырех погостов расположены волости крупнейших боярских фамилий Берденева, Овинова, Марфы Борецкой, Луки Федорова и монастырей — Хутынского, Антониева

3 Данные, которыми мы располагаем, без сомнения говорят о том, что основанием и опорой политической власти новгородских бояр были их огромные земельные владения

4 Во всех четырех погостах господствуют земледелие и трехполье. Населяют их крестьяне-земледельцы

5 Владельцы волостей — бояре новгородские не жили сами в столь отдаленных вотчинах. Управление поручалось ключникам и посельским, которым шли специальные платежи

Нам остается в заключение сделать попытку определить более точно время, когда вотчины новгородских бояр были «отписаны на великого князя», т. е. когда окончился в новгородских землях только что описанный нами период истории землевладения. Мы располагаем данными далеко не обо всех боярах. Прежде всего, хорошо известно, что в феврале 1478 г. была взята под стражу и увезена в Москву Марфа-посадница. Имения ее Иван III приказал «отписать на себя».⁶⁰ Имения Ивана Офонасьева были отняты еще раньше, в 1476 г.⁶¹ В Никоновской летописи под 1481 г. читаем «того же лета поймал князь великий новгородских бояр Василья Казимира да брата его Якова Короба, да Михаила Берденева, да Луку Федорова».⁶² Когда конфискованы были земли других бояр — сказать трудно. Однако для 9 из 16 вотчин в итоге, кроме «старого дохода», мы имеем и оброк великого князя. Первое письмо, что позволяет заключить о сравнительной давности сведения бояр Федора Остафьевича Глухова, Захара Морозова, Ивана Захарьевича Овинова, Ивана Яжыщинского

О времени конфискации остальных волостей можно лишь строить предположения. Мы знаем две большие конфискации 1484 и 1489 гг.⁶³ Надо думать, что в эти годы были сведены и остальные бояре — владельцы земель в наших погостах. В то время, когда производилась первая опись, только одна волость в Ильинском погосте принадлежала старому владельцу — боярину Ивану Онаньевичу Берденеву. Как отразилось на крестьянах и их хозяйстве это событие, сыграли ли московские порядки в жизни новгородской деревни такую большую роль, как склонен об этом думать А. И. Никитский, — на эти вопросы попытаемся ответить в следующей главе.

3 ОБОНЕЖСКИЕ ПОГОСТЫ В КОНЦЕ XV ВЕКА

(писцовая книга 1496 г.)

Ко времени второй московской описи конфискация была в основном закончена. Писцовая книга Юрия Константиновича Сабурова не оставляет в этом сомнения. Ни одна из боярских волостей не находится уже в руках прежнего владельца. Картина распределения землевладения резко меняется (см. таблицу 7 на след. стр.)

Большая часть волостей, составляющая $589\frac{1}{3}$ обож из $641\frac{1}{3}$, т. е. 92% с населением в 1422 человека (из 1550 человек), т. е. 92%, перешла в число великокняжеских черных оброчных волостей. В руках

⁶⁰ ПСРЛ, т. XII, стр. 188.

⁶¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 18 под 6984 (1476) г. «И пошел кн. вел. на Москву из Новгорода февраля в 8-й день, а прежде того велел кн. вел. поимати в Новгороде посадников новгородских Ивана Офонасьева да сына его Олферия».

⁶² ПСРЛ, т. XII, стр. 213.

⁶³ ПСРЛ, т. IV, стр. 37, т. V, стр. 36, т. VIII, стр. 215—218.

Таблица 7

Пого- сты	Волости по именам их прежних владельцев	Обек	Людей	Кому принадлежит волость теперь
Шунгский	Федора Остафьева Глухова	117 $\frac{1}{6}$	220	Вел князя оброчная
	Михаила Берденева	21 $\frac{1}{6}$	42	„ „ „
	Луки Федорова	10	21	„ „ „
	Александра Тимофеева	7 $\frac{2}{3}$	14	„ „ „
	Наталии Бабкиной	11 $\frac{2}{3}$	25	„ „ „
	Палеостровского монастыря	1	1	Палеостровск монастыря
	Никольск церк дер	2 $\frac{1}{6}$	8	Никольск церк дер
Вытегорский	Марфы Борецкой	51 $\frac{1}{2}$	171	Вел князя оброчная
	Захара Морозова	15 $\frac{1}{3}$	22	„ „ „
	Ивана Офонасьева Патрекеева	17 $\frac{1}{3}$	31	„ „ „
	Федора Морозова	13 $\frac{5}{6}$	25	„ „ „
	Григория Ногаткина	13 $\frac{1}{2}$	26	„ „ „
	Бориса Дмитриева Зубарева	3 $\frac{2}{3}$	6	„ „ „
	Хутынского монастыря	16 $\frac{1}{3}$	24	Хутынского монастыря
Оштин- ский	Марфы Борецкой	185 $\frac{1}{6}$	488	Вел князя оброчная
	Хутынского монастыря	17	43	Хутынского монастыря
	Антониева монастыря	3 $\frac{5}{6}$	10	Антониева монастыря
Ильинский	Ивана Захарьина Овинова	14	42	Вел князя оброчная
	Михаила Берденева	19 $\frac{2}{3}$	59	„ „ „
	Ивана Онаньина Берденева	22 $\frac{1}{6}$	66	„ „ „
	Ивана Яжыщинского	20	54	„ „ „
	Антониева монастыря	45 $\frac{1}{2}$	110	„ „ „
	Федора Остафьева Глухова	11 $\frac{2}{3}$	42	Котловского монастыря

монастырей на территории четырех погостов осталось 6 небольших волосток, всего с 52 обжами и населением в 128 человек У бояр и Антониева монастыря была конфискована 601 обжа Только одна волость, принадлежавшая прежде Федору Остафьевичу в Ильинском —

Таблица 8

Погосты	Деревень	Дворов	Людей	Дворов в де- ревне	Людей в де- ревне	Дворов в де- ревне в сред- нем
Никольский в Шунге	147	168	322	3—1	7—1	1.1
Покровский на Вытегре	133	183	281	4—1	4—1	1.4
Никольский на Оште	243	310	488	5—1	11—1	1.3
Ильинский на Ояти	219	232	331	2—1	5—1	1

В монастырских примерно то же

Никольский в Шунге	5	7	9	3—1	2—1	1.8
Покровский на Вытегре	13	15	24	2—1	3—1	1.15
Никольский на Оште	33	38	53	2—1	3—1	1.14
Ильинский на Ояти	17	21	42	3—1	5—1	1.2

Веничком погосте, была отдана Колмовскому монастырю,⁶⁴ все же остальные «отписаны на великого князя»

Как могла отразиться такая перемена на жизни населения? Сохраняет ли новгородская деревня свой прежний облик? Рассматривая материалы «старого письма», мы пришли к выводу, что величина деревни была очень незначительна на 1 деревню приходился в среднем 1 двор, редко больше (12—15). Теперь, проследив максимальное и минимальное число дворов в деревне, мы получим по погостам в великокняжеских оброчных волостях следующую картину (см таблицу 8 на стр. 143)

Из этих таблиц видно, что размер деревни по количеству дворов почти не изменился сравнительно со временем «старого письма»

Если изобразить в таблице величину деревень по количеству находящихся в них дворов, то получим

Таблица 9

Кому принадлежит волость	Волости (по именам прежних владельцев)	Деревень					
		Деревень	1 двор в деревне	2 двора	3 двора	4 двора	5 дворов
вк	Федора Остафьевича Глухова .	101	90	10	1	—	—
вк	Михаила Берденева	18	16	2	—	—	—
вк	Луки Федорова	11	10	1	—	—	—
вк	Александра Тимофеева	6	4	2	—	—	—
вк	Натали Бабкиной	11	9	2	—	—	—
мон	Палеостровского монастыря .	1	1	—	—	—	—
церк	Никольской церк. дер	4	3	—	1	—	—
вк	Марфы Борецкой	67	45	18	3	1	—
вк	Захара Морозова	14	12	2	—	—	—
вк	Ивана Офонасьева	20	19	1	—	—	—
вк	Федора Морозова	12	9	3	—	—	—
вк	Григория Ногаткина	16	14	2	—	—	—
вк	Бориса Дмитриева Зубарева . .	4	4	—	—	—	—
мон	Хутынского монастыря	13	11	2	—	—	—
вк	Марфы Борецкой	238	180	46	7	3	2
мон	Хутынского монастыря	26	22	4	—	—	—
мон	Антониева монастыря	7	6	1	—	—	—
вк	Ивана Зах Овинова	23	19	4	—	—	—
вк	Ивана Ананьевича Берденева .	43	40	3	—	—	—
вк	Михаила Берденева	41	40	—	1	—	—
вк	Антониева монастыря	80	78	2	—	—	—
вк	Ивана Яжыщинского	32	26	6	—	—	—
мон	Колмовского монастыря	17	14	2	1	—	—
В с е г о		805	672	113	14	4	2

Таким образом, чаще всего в погостах мы встречаем деревню с одним — двумя дворами (97.5% от общего количества деревень). Для 1496 г. наш источник не знает ни одной деревни, имеющей больше 5 дворов. Надо думать, что в таком положении нет ничего удивительного, особенно принимая во внимание наибольшую, сравнительно с другими, отсталость Обонежской пятины. Конечно, такая деревня не могла составить общины — мира «В деревне мира не наберешь» — гласит севернорусская пословица «Общину в древности, — говорит по этому поводу А. И. Никитский, — могло составить не отдельное селение, как ныне, а только целая волость. Отдельное селение не могло составлять

⁶⁴ Писц. кн. Обон. пят., стр. 47

общину не только потому, что оно было чрезвычайно мало, но и потому, что не заключало в себе никаких элементов прочности сегодня оно существовало, а завтра его и след простыл»⁶⁵ Отбрасывая полностью ни на чем не основанное утверждение о неустойчивости деревни, не можем не согласиться, что невозможность наличия крестьянской общины в однодворной деревне безусловно ясна. Конечно, гипотетичной, но все же не лишенной основания была бы такая мысль: соседская поземельная община занимала довольно большую территорию (волость) и состояла из отдельных деревень, в которых жили семьи крестьян — членов общины. К деревне, населенной такой крестьянской семьей, принадлежал участок поля и сенокос. Как раз на этом этапе развития деревни и застался феодал-боярин. После освоения феодалами общин свободных смердов деревня остается центром индивидуального хозяйства, но уже не свободного общинника, а крестьянина, находящегося в зависимости от землевладельца и обязанного ему целым рядом повинностей. Прежние границы общины могут сохраняться, но чаще нарушаются в порядке захвата земель отдельными участками (один из примеров — маленькие боярские волости в 2—10 деревень, другой — «вопчие» владения бояр и монастырей). С конфискацией земель светских и отчасти духовных феодалов, многие волости переходят в состав черных оброчных волостей. Крестьянская община, правда в значительно видоизмененной форме, снова начинает играть большую роль.

Таблица прибыли и убыли населения, дворов и деревень в великокняжеских оброчных волостях позволяет судить о том, как продолжала жить деревня после присоединения Новгорода к Москве.

Таблица 10

Погосты	Деревень		Дворов		Людей	
	прибыло	убыло	прибыло	убыло	прибыло	убыло
Никольский в Шунге	13	2	27	4	78	—
Вытегорский-Покровский	20	—	48	—	38	1
Никольский на Оште	29	—	63	—	6	—
Ильинский на Ояти	23	—	29	—	39	—

Всего в великокняжеских волостях прибыло 95 деревень, т. е. 115% от количества деревень, 167 дворов, т. е. 180%, и 161 человек, т. е. 113%.

Сравнивая данные 1496 г со «старым письмом», мы получим по монастырским волостям следующие цифры прироста в Никольском в Шунге погосте — 1 деревня, 3 двора и 2 ч., в Вытегорском-Покровском погосте — 1 деревня, 2 двора и 1 человек, в Никольском на Оште погосте — 9 деревень, 11 дворов и 10 человек и в Ильинском на Ояти погосте — 1 деревня, 3 двора и 9 человек. Такой прирост довольно естествен при нормальном развитии жизни в погостах. Примерно, к таким же результатам приходит В. Ф. Загорский в подсчетах прироста дворов и людей по Шелонской пятине⁶⁶.

Новые, т. е. поставленные после предыдущей описи, деревни называются обычно «починками», «новинками» или просто после названия деревни следует приписка «Поставлена после письма». В. Ф. За-

⁶⁵ А. И. Никитский. Указ соч., стр. 42.

⁶⁶ В. Ф. Загорский. Указ ЖМЮ, 1909, № 8, стр. 300.

горский считает новыми еще деревни, повторяющие названия старых деревень ⁶⁷ Однако, с этим нельзя согласиться В наших четырех погостах тоже очень много деревень с одинаковыми названиями

Таблица 11

Погосты	Всего деревень	Количество названий
Никольский в Шунге . .	152	105
Вытегорский-Покровский . .	146	88
Никольский на Оште . . .	271	119
Ильинский на Ояти . .	236	73
Итого	805	385

Если допустить, что деревни, не имеющие особого названия, новые, то окажется, что 52% всех деревень четырех погостов поставлены вновь (420 из 805) Абсурдность этого очевидна с первого взгляда на данных предыдущей таблицы (10) мы уже убедились, что число деревень, сравнительно со старым письмом, возросло к 1496 г только на 11% К тому же деревни с одними и теми же названиями платили «старый доход», т е существовали уже не только во время производства первой описи, но и при новгородских боярах Наличие очень большого количества деревень с одинаковыми названиями можно предположительно объяснить тем, что новгородская деревня была частью, из суммы которых складывалась сельская община Вследствие этого, в конце XV в большинство деревень не имеет еще собственных названий, а только географические, по месту, где находилась данная, составляющая соседскую общину, группа деревень Так, например, в Оштинском погосте в бывшей волости Марфы Борецкой одна за другой следуют описания 28 деревень «в Ладве», особых названий они не имеют совсем ⁶⁸

Надо думать, что мы имеем здесь дело с освоенной феодалом территориальной соседской общиной Действительно, по более позднему материалу, мы убеждаемся, что в Оштинском погосте была особая от оштинцев община в Ладве ⁶⁹ Таким образом, деревни с одинаковыми названиями — явление не новое, как полагает В Ф Загорский, а как раз очень старое, и следует ожидать, что в дальнейшем, с уничтожением феодальной зависимости крестьян от владельца и переходом волостей в оброчные, количество названий деревень будет значительно больше. Данные писцовых книг 1563 и 1583 гг подтверждают такое наше предположение Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, попробуем составить аналогичную таблицу для названий деревень в 1563 г (см табл 12)

Мы видим, что в 1563 г уже 74 85% всех деревень имеют особые названия, эти названия, главным образом, личные (по имени отца или деда крестьянина, живущего в данной деревне)

Выше мы уже говорили, что обычная деревня состояла из 1—3 крестьянских дворов, причем в большинстве деревни были однодворными. Последнее позволяет поставить вопрос: не одно ли и то же

⁶⁷ Там же, стр 304

⁶⁸ Писц кн Обон пят, стр 35—36

⁶⁹ ДАИ, т I, № 51/XVII

Т а б л и ц а 12

Погосты	Всего деревень	Количество названий
Никольский в Шунге .	153	126
Вытегорский-Покровский	147	143
Никольский Оштинский	425	351
Ильинский на Ояти .	249	110
Итого . .	974	730

двор и однодворная деревня? Обратимся к источнику «И при старом писме убыло 8 деревень 2 деревни писаны были двояды, да 6 дворов писаны были деревнями», ⁷⁰ читаем мы в книге 1496 г Такие замечания встречаются у писцов довольно часто ⁷¹ Это свидетельствует, что двор и деревня не одно и то же, но, несмотря на это, разница между двором и однодворной деревней была так незначительна, что это приводило писцов к частым ошибкам Может быть, двор представлял собою одну избу с хозяйственными постройками, а деревня состояла из нескольких изб? Источники не подтверждают такого предположения Вот один из примеров однодворной деревни «Дер в Каргиницах, во дворе Гридка Сенкин, да брат его Ивашко, сеют ржи полторы коробьи, сена косят 15 коп, обжа , а писана была та деревня в старом писме двумя деревнями» ⁷² Если однодворная деревня могла быть писана двумя деревнями, то ясно, что тут было два двора или, по крайней мере, две избы, что и послужило поводом посчитать их за две деревни Если же взять чаще всего встречающуюся в писцовых книгах деревню, например «Дер на Пязь озере, во дв Олексейко Мелехов, сеют ржи коробью, сена косят 5 коп, две трети обжи», ⁷³ то нег никаких оснований думать, что в такой деревне больше одной избы, здесь, несомненно, живет одна крестьянская семья

Очевидно, новгородские деревни XV в были очень близко расположены одна от другой

Итак, на основании нашего источника можно только сказать, что 1) двор обычно состоит из одной крестьянской избы с хозяйственными постройками, но часто встречаются и дворы с двумя или даже с большим числом изб, 2) деревня состоит из одного или нескольких дворов, 3) в обжи положены деревни, а не дворы, с деревень же соответственно исчисляется оброк (раньше «старый доход»), 4) пашенная земля принадлежит не всей деревне, а поделена между дворами, находящимися в этой деревне Доказать последнее положение можно на примере «вопчего» владения бояр и монастырей Одна и та же деревня принадлежит сразу двум или нескольким землевладельцам, но не вместе одному принадлежит один двор с пашней и сенокосом, другому — другой «Дер въпче на низу у погоста Захарыинская Морозова с Григорьем с Ногаткиным, на Захарыинской половине во дв Окинфко Ивашков да сын его Фомка, сеют ржи пол-3 кор, сена косят 30 коп, 1½ обжи, а старого дохода 27 бет, 3 кор ржи, пол коробьи овса» ⁷⁴

⁷⁰ Писц кн Обон пят, стр 36

⁷¹ Там же, стр 14, 17, 38, 42 и др

⁷² Там же, стр 38

⁷³ Там же

⁷⁴ Там же, стр 11

Вторая часть этой же деревни описана в волости Григория Ногаткина «Да в вопчей же деревни в Захарьинской Морозова на низу у погоста на Григорьевской половине Ногаткина во дв Панфилко Трофимов да Федко, сеют ржи пол-3 кор, сена косят 30 коп, полторы обжи А старого доходу 20 бел, пол-3 кор овса, пол кор ржи, полоть мяса, а ключнику денга» ⁷⁵

Примерно в половине дворов (51 5⁰/о) жило по одной семье (писцы включали в опись только главу семьи) О величине дворов по числу живущих в них крестьянских семей можно получить представление из следующей таблицы

Таблица 13

Погосты	Дворов всего	1 человек	2 челове- ка	3 челове- ка	4 челове- ка	Более 4 че- овек
Никольский в Шунге	175	62	67	36	8	2
Вытегорский Покровский	198	106	75	15	2	—
Никольский Оштинский	348	185	136	23	4	—
Ильинский на Ояти	253	149	94	8	1	1
Итого	974	502	372	82	15	3

Соответственно этому, деревни, в которых жила одна семья, составляют значительно меньший процент, чем деревни однодворные. Для примера возьмем деревни по волостям Оштинского и Вытегорского погостов

Таблица 14

Пого- сты	Волости	Деревень (без по- чинков)	1 семья	2 семьи	3 семьи	4 семьи	5 семей	Более 5 семей
Ош- тин- ский	Марфы Исаковой	221	62	105	35	11	4	4
	Хутынского монастыря	26	12	10	4	—	—	—
	Антониева монастыря	6	3	3	—	—	—	—
Вытегорский	Марфы Борецкой	42	7	19	6	4	4	2
	Захара Морозова	14	7	6	1	—	—	—
	Ивана Офонасьева	20	11	7	2	—	—	—
	Федора Морозова	12	3	6	2	1	—	—
	Григория Ногаткина	16	7	8	1	—	—	—
	Бор Дм Зубарева	4	2	2	—	—	—	—
	Хутынского монастыря	13	4	7	2	—	—	—
	Итого	374	118	173	53	16	8	6

Из этой таблицы видно, что только около 32% деревень состояло из одной семьи, остальные 68% деревень населяли две, три и более семей

⁷⁵ Там же, стр 15

верными складниками «по очень немногим намекам писцовых книг все же очевидно, что это те самые товарищеские союзы, которые в XVI веке, особенно в северных Устюжских и Холмогорских областях, известны под именем «складников», и дальше «иногда у товарищей были разные избы, но двор, крестьянское хозяйство был один»⁸¹

С. А. Тараканова считает, что «суседи» не товарищи, не складники-сябры, а «люди зависимые»⁸² Вывод ее о «суседях» таков «То обстоятельство, что суседи не имеют своих самостоятельных дворов и в то же время они не являются равноправными совладельцами общих дворов, дает нам право сделать вывод, что «суседи» — это бывшие совладельцы (сябры) этих дворов, постепенно утратившие свои равные права и попавшие в зависимое положение к одному из сочленов двора. В этом разница между захребетником, бывшим владельцем самостоятельного двора, и «суседом», бывшим равноправным совладельцем какого-либо двора. Те и другие, в условиях развивавшихся тесно-денежных отношений, потеряв свою хозяйственную самостоятельность, попали в зависимость от других»⁸³ Может быть, С. А. Тараканова и права, но натянутость доказательства сразу бросается в глаза. Сведения, сообщаемые писцовыми книгами о «суседях», слишком недостаточны, чтобы делать такие выводы. Прежде всего, очень трудно доказать, были ли «суседи» прежде товарищами-складниками во дворе, или нет. Ведь «то обстоятельство, что суседи не имеют самостоятельных дворов», неверно⁸⁴ и на огромном материале писцовых книг нельзя не видеть, что очень многие крестьяне тоже не имеют самостоятельных дворов и при этом не называются суседями. Мы знаем, что двор мог состоять из нескольких изб. Вот типичный двор с «суседом» «Дер на Кевтене губе, во дв. Максимко да сусед его Мосейко, сеют ржи 5 четверток, сена косят 10 коп, пол обжи, а доходу ис хлеба полове да 5 белок, а посельскому белка»⁸⁵ Иногда в одном дворе можно видеть несколько суседей «А се в Хойме губе Дер на Хоймове губе, во дв. Михайко да сын его Левонко да Харитонко с суседи, сеют ржи 3 коробы, а сена косят 13 коп, пол-2 обжи, а доходу ис хлеба полове, 3 белки, а поселнику белка»⁸⁶ Всего в наших четырех погостах «суседей» 48 человек в Никольском Шунгском погосте — 7 человек, в Покровском на р. Вытегре — 14, в Никольском на р. Оште — 9 и в Ильинском на Ояти — 18 человек. Это составляет 3% всего населения погостов (точно — 3,1%).

Трудно на основании одних писцовых книг сказать о «суседях» многое, а в особенности точно определить их происхождение. Надо все же думать, что они были беднее остальных крестьян и в силу этого, быть может, находились в положении зависимом, хотя, правда, самое слово «сусед» такой зависимости не предполагает. Решить с достоверностью вопрос о степени зажиточности тех крестьян, во дворах у которых живут суседи, на материалах писцовых книг также трудно. Запашка их, во всяком случае, обычно несколько не больше средней запашки других крестьянских хозяйств.

⁸¹ В. Ф. Загорский Указ соч., ЖМЮ, 1909, № 8, стр. 315

⁸² С. А. Тараканова Указ соч., стр. 70

⁸³ Там же, стр. 71

⁸⁴ «Дер на Салмас жо озере во дв. Родивонко Васков, во дв. сусед его Фофанко» (Писц. кн. Обон. пят, стр. 11), «Дер Пустынка, во дв. Климка Гридин да сын его Максимко, во дв. сусед их Михалко» (там же, стр. 16), «Дер на Волосове горе, во дв. Потапко Терехов да сусед его Бориско, во дв. Ивашко, сусед жо их» Там же, стр. 29

⁸⁵ Там же, стр. 1

⁸⁶ Там же

Других групп зависимого населения, известных в новгородской деревне, наблюдать в наших погостах нет возможности. Здесь перед нами однородная масса крестьян, различающаяся только большим или меньшим размером запашки (которую можно определить по количеству коробей высеваемой ржи) да количеством копен сена. В одном только месте, в бывшей волости Натальи Мосеевой Бабкиной Шунгского погоста, читаем «деревня у Большого двора на Подоле, во дв Якуш Федотов, во дв Ивашко Ондреев, да у них же Ивашко дворянин, сеют ржи 4 с половиной кор, а сена косят 20 копен, 2 обжа с третью. А доход из хлеба полове да 8 бел, а ключнику 4 белки»⁸⁷. Ивашко-дворянин находится в зависимости от двух зажиточных (сравнительно с другими крестьянами) хозяев.

Основным занятием населения в наших погостах является земледелие. Все описанные в книгах дворы, за исключением семи, — пашенные. Люди, живущие в непашенных дворах, тоже занимаются земледелием, но за бедностью они не положены в тягло. Их число настолько ничтожно, что общей картины оно никак не меняет.

При внимательном рассмотрении новгородских писцовых книг бросается в глаза факт чрезвычайной устойчивости деревни и ее жителей. В самом деле, писец 1496 г Юрий Константинович Сабуров, списывая деревни, руководствовался писцовыми книгами первой описи (не ранее 1487 г.)⁸⁸ и всегда находил на прежних местах описанные там первым писцом деревни. Первые же московские писцы опирались на данные старых доходов, шедших с тех же деревень феодалам — боярам и монастырям еще в новгородское время. В 1496 г мы видим те же деревни, что и в 70—80-х годах XV века. Можно ли думать, что при такой устойчивости деревни основное население новгородских волостей было бродячим? Ясно, что нельзя. Жаль, что книг первого письма нет в наших руках и что поэтому мы не можем сравнить наличный состав крестьян в одних и тех же деревнях по первому и второму письму. Все же, наиболее логичным будет заключение, что устойчивость новгородской деревни и дворов есть следствие того, что крестьяне живут в них постоянно. В последней главе, располагая достаточным материалом, мы подробнее остановимся на этом вопросе, а пока для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров из писцовой книги 1496 г. «Дер в той же губе Онежане, во дворе Ивашко, да Федко, да Паршук, да Савко Ивашковы дети, да Мосейко да Васко Фетковы дети»⁸⁹. «Дер на Пал жо озере, во дв Марко Ивашков, да сын его Фалелейко, да внук его Васюк»⁹⁰. Таких примеров можно было бы привести много. В случае, если деревня была оставлена прежними жителями и в ней поселялись другие крестьяне, писцовые книги употребляют такое выражение: деревня такая-то, такого-то след, во дворе такой-то, например «Дер Сокольник след, во дв Давыдко, да его дети Сысойко да Селиванко да Никифорко»⁹¹.

Наши наблюдения над хозяйством деревни для новгородского еще времени по необходимости были очень поверхностны и ограничивались главным образом данными писцов о старых доходах. Теперь мы оказываемся в значительно лучшем положении. В 1496 г писец представлял около каждой деревни число коробей высеваемой крестьянами

⁸⁸ В 1487 г великий князь установил обязательную дань с новгородцев и старое

⁸⁹ Там же, стр. 8

письмо учитывает ее

⁹⁰ Писец кн. Обон пят, стр. 1—2

⁹¹ Там же, стр. 12

⁹² Там же, стр. 2

на одно поле ржи и копен скашиваемого сена После подсчета этих данных мы получим по погостам следующие итоги

Таблица 16

Погосты	Кому принадлежат	Волости (по именам прежних владельцев)	Дворов па- шенных	Посев в ко- робьях	Сено в коп- нах	Коробей на 1 двор	Сена на 1 двор
Шунгский	вк	Федора Остафьева Глухова	115	236 15	1 361	2 05	11.8
	вк	Михаила Берденева	20	41 5	218	2 07	10 9
	вк	Луки Федорова	12	20	142	1 7	11 8
	вк	Александра Тимофеева	8	15 5	110	1 94	13 75
	вк	Нatalьи Бабиной	13	22 5	141	1 73	10 9
	мон	Палеостровского монастыря	1	2	15	2	15
	црк	Никольск церк дер	3	4 5	28	1 5	9 3
Вытегорский	вк	Марфы Борецкой	68	85	821	1 25	12
	вк	Захара Морозова	16	23 75	205	1 5	12
	вк	Федора Морозова	15	21 88	230	1 5	15
	вк	Григория Ногаткина	18	21 25	194	1 2	11
	вк	Бориса Дм Зубарева	4	6	65	1 5	16
	мон	Хутынского монастыря	15	25 25	170	1 7	11
	вк	Ивана Офонасьева	21	27 125	216	1 3	10
Ош- тин- ский	вк	Марфы Борецкой	310	278 13	3 396	0 9	11
	мон	Хутынского монастыря	30	27 5	163	0 9	5 5
	мон	Антониева монастыря	8	5 75	82	0 72	10
Ильинский	вк	Ивана Зах Овинова	7	6 5	60	0 93	8 6
	вк	Михаила Берденева	41	29 25	322	0 71	8
	вк	Ивана Онан Берденева	45	34 75	309	0 77	7
	вк	Ивана Яжыщинского	38	29 75	336	0 78	9
	вк	Антониева монастыря	81	69 25	586	0 86	7
	мон	Колмовского монастыря, б Фед					
		Ост Глухова	21	17	135	0 81	6 5

На основании количества коробей высеваемой ржи можно составить представление о размере средней крестьянской запашки Загорский в своем исследовании о Шелонской пятине доказал, что на одну десятину в XV—XVI вв. высевалась 1 коробья с четвертою ржи⁹². Средняя величина крестьянских наделов в наших погостах очень низка. В Шунгском погосте она приблизительно равна 4 8 десятины во всех трех полях, в Вытегорском — 3 десятинам с небольшим (3 2), в Оштинском — 2 десятинам, а в Ильинском она еще ниже, составляя несколько менее 2 десятины в трех полях. Но средние цифры очень мало говорят о действительном положении дел. Следующая таблица покажет нам наглядно, как колебались размеры запашки в различных крестьянских хозяйствах.

⁹² К. Ф. Загорский Указ соч., ЖМЮ, 1909, № 8, стр. 268. В дворцовом селе у Троицы в Паозерье у вел. кн. в 1501 г. было десятинной пашни 24 десятины, «и на десятину сеют по коробье с четвертою ржи» (НПК, т. V, стр. 316). Для 1551 г. повторено «на десятину сеяли по кор с четв. ржи, а в двух полях по тому ж».

Таблица 17

Погосты	Всего описанных деревень	Меньше 1 корьбы	1 корьбы	От 1 до 2 корей	От 2 до 3 корей	От 3 до 4 корей	Более 4 корей
Никольский в Шунге	150	13	13	68	29	16	11
Покровский на Вытегре	120	25	12	48	25	10	—
Никольский на Оште	266	120	39	84	20	3	—
Ильинский на Ояти	210	125	33	46	6	—	—
Итого	746	283	97	246	80	29	11

Мы видим, таким образом, что в Заонежских погостах расслоение крестьянских хозяйств на более зажиточные и бедные — несомненный факт. Рядом с хозяйствами, запашка которых превышает 14 десятин в трех полях,⁹³ мы видим много крошечных хозяйств с запашкой менее 1 десятины,⁹⁴ подавляющее большинство хозяйств ограничивается 2—3 десятинами пахотной земли.

Нет сомнения, что кроме земледелия население занималось промыслами. Это, в первую очередь, охота (в старых доходах видим очень большое количество белок, зайцев, лисиц) и рыболовство.⁹⁵ Ремесло еще не развилось настолько, чтобы отделиться от земледелия. В наших погостах можно видеть четырех кузнецов, шильника, овчинника, шестника, сырника, все они сидят на пашне.⁹⁶

О торговле в этих краях в конце XV в. мы знаем очень мало. Однако в названиях некоторых деревень есть глухие намеки на ее существование, например «дер. на Купетском Наволоке Илютино»,⁹⁷ «дер. на Ояти у погоста на Торженце».⁹⁸ Очевидно, на погостах были небольшие честные рынки — торжки. Только в одном Покровском погосте на Вытегре, где проходил торговый путь, торговля и извоз играли довольно значительную роль. В конце описания этого погоста прибавлено «Да в Вытегорском же погосте великого князя волок Гостин неметской, а возят крестьяне вытегрене из всех боярщин, да и монастырские из всего погоста на том волоке соль и иной товар, а опричь вытегрин на том волоке не вести никому. А положено на них великого князя оброку за тот волок 2 рубля».⁹⁹

Все эти дополнительные источники средств существования имели, конечно, значение. Главным всегда оставалось сельское хозяйство. Поэтому и при положении крестьянских хозяйств в обжи решающим для писцов было количество высеваемого на полях хлеба. Вот этот-то принцип и ввел в заблуждение В. Ф. Загорского, который пришел благодаря ему к выводу, что «кроме своего искусственного фискального значения, — как единица обложения — обжа несомненно в представлении лю-

⁹³ «Дер. Оринская, во дв. Гридко Шилник, сеет ржи 6 кор., сена пот-30 коп. (Писц. кн. Обон. пят., стр. 4).

⁹⁴ «Дер. у Порошка, во дворе Павлия Фалелеников сын, сеет ржи чегку, а сена косит 5 копен». Там же.

⁹⁵ См., например, Писц. кн. Обон. пят., стр. 36.

⁹⁶ Кроме того, на пашне сидят еще 2 скомороха.

⁹⁷ Писц. кн. Обон. пят., стр. 3.

⁹⁸ Там же, стр. 47.

⁹⁹ Там же, стр. 17.

дей того времени имела и пространственную определенность»¹⁰⁰ Исследователь склонен думать что «на одну обжу высевалось (1) в среднем 2 коробки ржи»¹⁰¹ Вопрос о том, что обжа не единица площади, а только единица обложения, уже решен, и нет надобности к нему возвращаться¹⁰² Однако, происхождение ошибки В. Ф. Загорского станет очевидным, как только мы просмотрим внимательно следующую таблицу

Таблица 18

Погосты	Деревень	Обж	Посев в ксрбьях	Ксрбей на 1 обжу	Обжал на 1 деревню	Количество точных совпадений для Шунгского погоста 2 кр на 1 обжу, для других погостов 1 1/2 ксрбей
Никольский в Шунге	151	170 ⁵ / ₆	342 ¹ / ₄	2	1 19	78=52 ⁰ / ₁₀₀
Покровский на Вытегре	158	131 ¹ / ₃	210	1 6	1 2	108=69 ⁰ / ₁₀₀
Никольский на Оште	348	206	311 ⁸ / ₈	1 5	0 6	283=81 ⁰ / ₁₀₀
Ильинский на Ояти	236	123	180 ¹ / ₂	1 5	0 5	146=70 ⁰ / ₁₀₀

Приведенные цифры показывают, что при положении в обжи крестьянских хозяйств в наших погостах действительно решающим принципом был размер посевов. Так, для Шунгского погоста, где площади посевов были выше, а урожай, возможно, несколько ниже, чем в других погостах, в одну обжу было положено хозяйство средним посевом в 2 коробки ржи, в остальных же, более южных трех погостах — в полторы коробки ржи. Но, конечно, никакой единицей площади обжа не могла быть, ибо иначе получилось бы, что в Шунгском погосте она больше, чем в других, кроме того, будь обжа равна какой угодно доле поверхности земли, она должна была бы везде быть равна самой себе. Мы же видим, что такие точные совпадения были только в 615 случаях из 893, т. е. мы наблюдаем всего 69% случаев, когда на одну обжу падает ровно 1 1/2 коробки и для Шунгского 2 коробки высеваемой ржи. Таким образом, писцы рассчитывали, во-первых, приблизительно, а во-вторых, учитывали еще и другие статьи доходов крестьян, к сожалению, в книгах не отраженные. Из вышеприведенной таблицы мы видим далее, что в среднем на одну деревню падала в первых двух погостах обжа с небольшим, а в Оштинском и Ильинском, где посевы были очень невелики, — около половины обжи.

Мы уже могли убедиться, что в 70—80-х годах XV в. в доходах, шедших феодалам с боярщин и монастырщин, все большую роль начинают играть деньги. Процесс замены разнообразных натуральных платежей однообразным хлебным и денежным доходом, процесс постепенного роста денежной ренты и вытеснения ею ренты продуктами, начавшийся еще при новгородских боярах, теперь завершается в черных оброчных великого князя волостях. Старые доходы во всех прежних волостях бояр и монастырей отменены, и вместо них установлен оброк деньгами и хлебом,¹⁰³ с заменой последнего деньгами же, по расчетам,

¹⁰⁰ В. Ф. Загорский. Указ соч., ЖМЮ, № 8, стр. 265.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Б. Д. Греков. Что такое обжа? Изв. АН СССР, 1926, № 9 и 12—14.

¹⁰³ Хлебные оброки рожью и овсом (также и деньгами) установлены были только для вотчины Шунгского и Ильинского погостов. При замене хлеба деньгами одна кор. ржи оценивалась в 10 ден., а 1 кор. овса — в 5 ден. новгородских.

произведенным писцами для каждой волости В 9 волостях старосведенных бояр такие оброки были установлены еще при старом письме Вот основные подсчеты по данным писцовых книг об оброках, существовавших после первой описи в этих 9 волостях (см табл 19)

Оброки, установленные первой описью, даны писцами только в денежном выражении, причем учитывают и «обежную дань» В последних трех графах таблицы, для сравнения с оброком старого письма, приведены суммы оброков, падающие на 1 двор, 1 человека, 1 обжв уже в 1496 г

В 1496 г переоброчке подверглись все великокняжеские волости Ниже приведены таблицы оброка, установленного в этом году по всем волостям Что же касается монастырских волостей, оставшихся в руках прежних владельцев, то порядок взимания с них доходов остался неизменным В бывшей волостке Федора Остафьевича в Ильинском погосте, перешедшей к Колмовскому монастырю, крестьянские платежи также не претерпели никаких изменений

Кроме оброка с великокняжеских волостей поступал и так называемый «волостелин корм» 1 корм исчислялся с 25 обж и был равен, по подсчетам В Ф Загорского, 108 деньгам,¹⁰⁴ для наших же погостов он несколько выше — 115 денег, т е с 1 обжи с очень редкими колебаниями взимается за волостелин корм $4\frac{2}{3}$ деньга новгородских

Как уже было сказано выше, в Шунгском и Ильинском погостах платили оброк не обязательно деньгами, но или деньгами или хлебом и деньгами (см табл 20—21)

С одной обжи, таким образом, взимается почти всегда оброк, равный 1 кор ржи, 2 кор овса, и 1—3 деньгами В том случае, если хлебный оброк с одной обжи платили в размере 1 кор ржи и 1 кор овса, то денег на 1 обжу падает больше ровно на стоимость 1 кор овса, т е на 5 денег В оброк 1496 г не входят ни обежная дань, ни платежи за угоды, которые взимаются отдельно Оброк же, существовавший до этого времени, включал обежную дань (известно, что она была равна полугривне с сохи, т е 7 деньгам новгородским с 3 обж, что составляет $2\frac{1}{3}$ с обжи), об этом нужно помнить при сравнении оброков 1496 г и старого письма, рассматривая таблицу 20 Из таблицы видно, что равномерной для всех волостей суммы оброков с обжи не было Оброки следует рассматривать в каждом отдельном случае, но все же внутри каждого отдельного погоста они были более или менее равномерны, так как условия жизни крестьян там были приблизительно одинаковы, а писцы не могли не учитывать этого Интересно, что в 1496 г по всем волостям можно насчитать только $641\frac{1}{3}$ обжу, в то время как для старого письма их было 870 Мы уже знаем, что никакого запустения или упадка в сельском хозяйстве в эти годы не было, наоборот, дворов и деревень стало больше и население тоже увеличилось Но в итогах почти по каждой волости можно прочесть примерно следующее «А обеж убыло 93 без полутрети обжы А при было после писма деревень 12 да 10 починков, а дворов 63, а людей 7 человек»¹⁰⁵ Вероятно, в 1496 г вместе с переоброчкой была изменена величина обжи как окладной единицы Как и почему это произошло — сказать трудно

Перемены в землевладении отразились и на управлении волостями Ведает управон и судом волостеть «с тивны и доводчичь» В каждой волости ведает раскладон и поступлением оброка староста Сильно ис-

¹⁰⁴ В Ф Загорский Указ соч, ЖМЮ 1901 № 8 стр 214

¹⁰⁵ Писц кн Обож пят, стр 36

Таблица 19

В о л о с т и	Дворы	Людей	Обж	Оброк	Волост корм	Всего	На 1 двор	На 1 че- лвека	146	
									на 1 двор	на 1 чел- века
Фед. Ост Глухова, Шунгский погост	93	168	94	13 ¹ / ₂ р 15 д	2 ¹ / ₂ р 3 ³ / ₄ д	16 р 15 ³ / ₄ д	2 гр 9 л	1 гр 6 ¹ / ₂ д	2 гр 9 л	1 гр 12 ² / ₃ д
Лукинская Фед., Шунгский погост	11	15	11	1 р 3 гр 9 д	4 гр 1 ³ / ₄ д	1 р 7 гр 10 ³ / ₄ д	2 гр 1 ¹ / ₂ д	1 гр 7 ¹ / ₂ д	2 гр 1 ¹ / ₂ д	1 гр 12 л
Марфы Борецкой, Вытегорский погост	79	146	104	9 р	—	9 р	1 гр 10 ¹ / ₂ л	1 гр 13 ¹ / ₃ л	1 гр 4 ² / ₃ д	1 гр 12 л
Захарыинск Морозова, Вытегорский погост	11	23	13	1 р без 5 д	—	1 р без 5 д	1 гр 5 ¹ / ₅ д	9 ¹ / ₅ д	11 ² / ₃ л	1 гр 10 л
Ив. Оф. Патрекеева, Вытегорский погост	17	25	22	1 р 6 гр 5 д	7 ¹ / ₂ гр 5 ¹ / ₄ д	1 ¹ / ₂ р 5 гр 9 ¹ / ₄ д	1 гр 9 ³ / ₄ д	1 гр 2 д	1 гр 4 ¹ / ₃ д	1 гр 7 ² / ₃ д
Марф. Исаковой, Општинский погост	247	482	278	23 р	—	23 р	1 гр 6 ¹ / ₂ л	10 ¹ / ₃ д	1 гр 4 ¹ / ₃ д	1 гр 2 ¹ / ₂ л
Ив. Зах. Овинова, Ил. Оят	22	30	20	2 р без 2 ¹ / ₂ гр	—	2 р без 2 ¹ / ₂ гр	1 гр 4 д	13 ¹ / ₄ д	1 гр 6 л	1 гр 1 ¹ / ₂ л
Мих. Берденева, » »	33	49	32	3 р	—	3 р	1 гр 5 ¹ / ₄ д	13 ¹ / ₄ д	1 гр 5 ¹ / ₂ д	1 гр 13 л
Ив. Шир. Яжыинского, Ил. Оят	29	42	26	2 ¹ / ₂ р	—	2 ¹ / ₂ р	1 гр 4 ¹ / ₂ д	13 д	1 гр 6 ³ / ₄ д	1 гр 12 ² / ₃ л
Всего . .	542	980	605	56 ¹ / ₂ р 2 д	—	59 ¹ / ₂ р 4 гр	1 гр 9 ¹ / ₂ л	13 д	1 гр 7 ¹ / ₃ л	1 гр 13 д

Таблица 20

1 В Никольском в Шунге погосте

Волости ветленинжеские	Оброк в целом	Оброк на 1 обжугу в день-нах	Оброк на 1 человека в день-нах	Корм волостенно с тиуном и с доводчиками		Общая сумма платежей		
				всего	на 1 обжугу	на 1 четенека	всего	на 1 обжугу
Федора Осафьевича Глухова . .	11 ¹ / ₂ р.	21	11	2 р 7 гр 3 ¹ / ₄ д	4 ¹ / ₂ д	2 ¹ / ₃ д	13 р 14 гр 13 ¹ / ₄ д	1 р 11 ¹ / ₂ д
Михайловская Берднешева .	2 р	20	10 ² / ₅	56 гр 12 д 10 ⁶	37 8 д 10 ⁶	19 д 10 ⁶	5 ¹ / ₂ р. 2 гр 12 д	4 гр 2 д
Лукинская Федорова . . .	1 р	21 ² / ₅	10 ¹ / ₃	3 гр 4 ¹ / ₄ д	4 ¹ / ₅ д	2 ¹ / ₅ д	1 р 3 гр 4 ¹ / ₂ д	1 р 12 д
Алеськидровская Гимофеева . .	13 гр. 6 д	24	13 ³ / ₅	2 гр 7 ¹ / ₂ д	4 ¹ / ₂ д	2 ¹ / ₂ д	1 р 7 ¹ / ₂ д	2 гр 1 ¹ / ₂ д
Патальи Мосеевой Бабкиной	1 р 3 гр	22	10 ¹ / ₃	4 гр 2 ¹ / ₄ д	4 ³ / ₁ д	2 ¹ / ₃ д	1 р 7 гр 2 ¹ / ₄ д	1 гр 12 ³ / ₄ д
Всего	16 р 8 гр 10 д	21 ² / ₅	11	6 р 12 гр 4 д	4 ¹ / ₂ д	2 ¹ / ₃ д	23 р 5 гр 9 ¹ / ₄ д	1 гр 12 д
								13 ¹ / ₃ д

* Явно ошибочные цифры

Таблица 20а

2. В Покровском на Вытегре

Волости великокняжеские	Дворов	Людей	Обож	Оброк в новгородских деньгах	На 1 двор	На 1 че- ловека	Корм волостелям				Общая сумма платежей		
							всего	на 1 двор	на 1 чело- века	на 1 обж	всего	на 1 двор	на 1 че- ловека
Марфы Борецкой	109	171	84 ² / ₃	81 ¹ / ₂ р	1 гр 3 ³ / ₄ д	10 ³ / ₄ д	1 гр 7 ¹ / ₂ д	3 ³ / ₅ д	21 ¹ / ₄ д	4 ³ / ₅ д	10 р 4 гр 12 ¹ / ₄ д	1 гр 7 ¹ / ₃ д	1 гр 12 д
Захарыинская Мо- розова	16	22	15 ¹ / ₃	1 р 6 гр	1 гр 4 ¹ / ₄ д	13 ³ / ₅ д	1 гр 5 ¹ / ₂ д	4 ¹ / ₂ д	31 ¹ / ₄ д	4 ¹ / ₅ д	1 ¹ / ₂ р 3 гр 5 ¹ / ₂ д	1 гр 9 ¹ / ₄ д	1 гр 10 д
Ив Оф Патреке- ева	21	31	17 ¹ / ₃	1 ¹ / ₂ р 3 гр	1 гр 3 ³ / ₄ д	11 ⁴ / ₅ д	1 гр 7 д	4 д	21 ¹ / ₂ д	4 ³ / ₅ д	2 р 1 гр	1 гр 7 ² / ₃ д	1 гр 11 ¹ / ₂ д
Фед Морозова	15	25	13 ³ / ₆	1 р 5 гр	1 гр 5 д	11 ² / ₅ д	1 гр 6 ¹ / ₂ д	4 ³ / ₅ д	24 ¹ / ₅ д	5 д	1 ¹ / ₂ р 2 гр 3 ¹ / ₄ д	1 гр 9 ¹ / ₅ д	1 гр 11 ¹ / ₂ д
Григория Ногат- кина	18	26	13 ¹ / ₂	1 р 6 гр	1 гр 2 ¹ / ₄ д	11 ¹ / ₂ д	1 гр 8 д	3 ³ / ₅ д	2 ² / ₅ д	4 ¹ / ₅ д	1 ¹ / ₂ р 2 гр 10 ¹ / ₂ д	1 гр 1 гр 6 д	1 гр 11 ¹ / ₂ д
Бор Дм Зубарева	4	6	3 ² / ₃	6 гр	1 гр 7 д	1 гр	1 гр 9 д	4 ¹ / ₄ д	2 ⁵ / ₆ д	4 ¹ / ₅ д	7 гр 3 ¹ / ₄ д	1 гр 11 ¹ / ₄ д	1 гр 13 ¹ / ₅ д
Всего	183	281	148 ¹ / ₃	14 ¹ / ₂ р 2 гр 12 д	1 гр 2 ¹ / ₂ д	10 ¹ / ₅ д	1 гр 6 ² / ₅ д	3 ³ / ₅ д 2 ¹ / ₄ д	21 ¹ / ₂ д	4 ³ / ₅ д	17 ¹ / ₂ р 6 гр 1 д	1 гр 6 ¹ / ₃ д	1 гр 11 д

97 Везде «опричь обожные данн

Таблица 20б

3. В Никольском погосте на Оште

Волости В К оброчные	Людей	Дворов	Обож	Оброк в нов- городских деньгах	Болотелин корм	На 1 чело- века	На 1 двор	На 1 обж
В. К, волость, что была Марфы Борецкой	483	310	185 ¹ / ₆	20 р	3 ¹ / ₂ р 7 гр 2 ¹ / ₂ д	10 ¹ / ₂ л	1 гр 2 ¹ / ₂ д	2 гр

Таблица 20в

4. В Ильинском погосте на Ояти

Вологити вельпокияжские	Оброк	Оброк в денежном выражении	Оброк на 1 обж	Оброк на 1 человека	Корм волостлю (с тну-ном и с до-водчичи)	На 1 обж	На 1 человека	Общая сумма платежей	На 1 обж	На 1 человека
Ивана Захарьевича Овинова	14	1 1/2 р	23 д	7 2/3 д	4 гр 9 д	2 2/3 д	0 9 д	1 1/2 р 4 гр 9 д	25 2/3 д	8 1/2 д
Михайловская Берденева	19 1/2	2 р	23 д	7 1/2 д	6 гр 7 1/2 д	4 д	1 1/2 д	2 р 6 гр 7 1/2 д	27 д	11 1/2 д
Чиксурье Нв. Он Берденева	22 1/6	2 р 1 гр 7 д	23 д	7 д	7 гр 5 д	5 д	1 1/2 д	2 р 8 гр 12 д	28 д	8 1/2 д
Ивана Широкого Яжичин-ского	20	2 р	22 д	8 д	6 гр 9 д	4 2/3 д	1 3/4 д	2 р 6 гр 9 д	26 2/3 д	9 1/4 д
Идо быта Антошева монастыря	43 1/6	5 р 3 гр 12 д	26 д	10 1/3 д	14 гр 4 1/4 д	4 1/2 д	1 3/4 д	6 р 1 гр 10 д	30 2/3 д	12 д
Всего	119	12 1/2 р 51 р 5 д	23 д	8 д	2 1/2 р 12 3/4 д	4 2/3 д	1 2/3 д	15 р 6 гр 3 д	27 2/3 д	9 2/3 д

1000 - оброк по 1000 с тех оброк не идет

Таблица 21

Пого-сти	В ости вельпокияжские	Людей	Оброк 1000	О б р о к			Хлебный оброк в деньгах	Всего оброк	На 1 человека	На 1 обж
				денегами	ржи в кор	овса в кор				
Шелестин	Фелора Остафьевича Глухова	23 2/10	115 1/6	2 р 9 гр 12 д	115	115	8 1/2 р 5 гр 8 д	11 1/2 р	11 д	21 д
	Михайловская Берденева	42	20 1/6	2 гр 4 д	20	40	1 1/2 р 5 гр 6 д	2 р	10 2/5 д	21 д
	Лукиская Федорова	21	10	1 гр 2 д	10	20	1/2 р 6 гр 8 д	1 р	10 1/3 д	21 3/5 д
	Александровская Тимофеева	14	7 2/3	4 гр 6 д	8	8	8 гр 8 д	13 гр 6 д	13 2/5 д	24 д
	Паталы Мосеевой Бабиной	25	11 2/3	7 гр. 10 д	10	10	10 гр 10 д	1 р 3 гр	10 1/3 д	22 д
Ильинский	Ивана Захарьевича Овинова	42	14	3 гр 2 д	14	28	1 р 4 гр 8 д	1 1/2 р	7 2/3 д	23 д
	Михайловская Берденева	58	19 2/3	3 гр 10 д	19	38	1 р 11 гр 10 д	2 р	7 1/3 д	23 д
	Ивана Онаньевича Берденева	66	20 1/6	3 гр 11 д	20	40	1 р 13 гр 2 д	2 р 1 гр 7 д	7 д	23 д
	Ивана Широкого Яжичинского	54	20	2 гр 4 д	20	40	1 р 13 гр 2 д	2 р	8 д	22 д
	Б. Антониева монастыря	110	43 1/6	1 р 4 гр 2 д	43	86	4 р без 4 д	5 р 3 гр 12 д	10 1/3 д	26 д

1000 Находящиеся во льготе не включены
110 232 по итогам писцов Итого по волости 220 на стр 1, правда, упомянуты «суседи», но сколько чистом, не видно

калеченная феодальными порядками община, став теперь самостоятельной, начинает играть значительную роль в жизни деревни. Надо думать, староста был первым лицом в своей общине, человеком доверенным. Обычно это состоятельный человек, размер запашки у которого выше, чем у большинства крестьян. «Дер. Большой двор Федоровской Остафьева, а в нем во дворе Васко Матфеев, староста да его дети Давыдко да Игнатко сеют ржи 5 коробей (12 десятин во всех 3 полях), сена косят 30 коп»¹¹¹. Однако далеко не всегда нужно искать старост в большом дворе, чаще мы видим их в простых деревнях. «Деревня в часовни, во дв. Минкя Оверкеев староста, да сын его Минкя ж, сеют ржи 3 кор, сена косят 15 коп»¹¹². Он же наездом пашет еще деревню в Озерах, где сеет пол-коробьи ржи, сена косит 5 копен¹¹³.

Вот примерно и все, что говорит наш источник о положении в новгородской деревне в конце XV в., вскоре после окончательного «торжества московского порядка», как выражается А. И. Никитский. Этот новый порядок особенно резко отразился именно на судьбе волостей, перешедших из-под власти светских и духовных феодалов в число оброчных волостей великого князя. Уничтожение натуральных платежей, особенности тяжелой платы половиной и третью урожая, не могло не отразиться благотворно на хозяйстве и жизни новгородских крестьян. Но, как известно, всякая медаль имеет обратную сторону. Надо думать, что товарно-денежные отношения были развиты в наших погостах недостаточно и не всем были под силу новые оброки, чаще всего взимавшиеся деньгами. Наименее состоятельные хозяйства могли не выдержать новых требований времени. С присоединением Новгорода к Московскому государству изменился социальный состав землевладельцев, ускорилось развитие товарно-денежных отношений. Но это последнее явление началось еще до «торжества московского порядка». Исторический процесс шел последовательно в течение веков, и «Московское взятие» не повлияло решающим образом на ход развития новгородской деревни.

4. НОВГОРОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ В СЕРЕДИНЕ XVI В.

(данные писцовой книги 1563—1566 гг.)

Досадный разрыв во времени, к которому относятся наши источники, не дает возможности проследить последовательно жизнь новгородской деревни в течение всей первой половины XVI в. Между 1496 г., когда Юрий Константинович Сабуров производил дошедшую до нас в отрывке перепись Обонежской пятины, и 1563—1566 гг., к которым относится следующая находящаяся в наших руках писцовая книга Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина, прошло 67 лет. За это время многое изменилось в жизни Русского государства, и эти изменения не могли, разумеется, не отразиться так или иначе на истории новгородской деревни. Царствование Ивана Грозного известно многими тяжелыми войнами, требовавшими напряжения всех сил страны. В 1545 г. в Новгород направляются «Разрядный и разметный списки о сборе с Новагорода и новгородских пятин ратных людей и пороха по случаю похода Казанского»¹¹⁴. «Тяжелая Ливонская война, крупней-

¹¹¹ Там же, стр. 6

¹¹² Там же, стр. 46

¹¹³ Там же

¹¹⁴ ААЭ, т. I, № 205

Таблица 22

1. В Никольском в Шунге погосте

Кому принадлежат	Волости (по именам прежних владельцев)	Ст писмо				1496				1563			
		деревень		дворов		деревень		дворов		деревень		дворов	
		деревень	дворов	чюден	людей	всего	из них жив	всего	из них жив	всего	из них жив	всего	из них жив
вк	Федора Остафьева Глухова	91	93	169	220	102	96	178	170	256			
вк	Михаила Берденева	16	16	29	42	18	16	34	32	42			
пом	Луки Федорова	11	11	15	21	11	11	12	12	22			
вк	Александра Тимофеева	5	11	14	14	6	5	10	9	16			
вк	Наталия Бабиной	13	14	18	25	12	11	21	20	25			
мон.	Палеостровского монастыря	—	—	—	1	4	2	4	2	2			
	Всего	136	143	244	327	253	141	159	245	363			

Таблица 22а

2 В погосте Покровском на Вытегре

Кому принадлежат	Волости (по именам прежних владельцев)	Деревень				Дворов				Людей			
		1496		1563		1496		1563		1496		1563	
		ст писмо	дворов	всего	из них жив	ст писмо	дворов	всего	из них жив	ст писмо	дворов	всего	из них жив
вк	Марфы Борейской	59	67	102	74	79	109	155	126	146	171	170	129
вк	Захара Морозова	8	14	15	13	11	16	18	16	23	22	22	17
вк	Ивана Офонасьева Патрекеева	14	20	19	15	17	21	25	22	25	31	34	30
вк	Федота Морозова	9	12	14	13	12	15	18	17	24	25	28	28
вк	Григ Ногатина	9	16	18	15	12	18	25	22	20	26	26	22
вк	Бор Дмитр Зубарева	4	4	5	4	4	4	6	5	6	6	6	5
мон.	Хутынского монастыря	12	13	13	13	13	15	20	20	23	24	21	21
	Всего	115	146	191	147	148	198	267	228	267	305	307	252

Г а б и ц а 22б

3. В Никольском погосте на Оште

Кому принад- лежит	Деревень										Дворов				Людей								
	Волости (по именам прежних владельцев)										15б3				15б3								
	ст п	149б	всего		из них жив	ст п	149б	всего		из них жив	ст п	149б	всего		из них жив								
вк мон. мон.	214 17 4	243 26 7	392 26 7	338 25 5	247 19 4	310 30 8	511 45 13	482 33 7	488 43 10	570 46 13	493 45 11	225	276	425	368	270	348	569	510	522	541	629	549
Всего																							

Г а б и ц а 22в

4. В погосте Ильинском Веничком на Ояти

Кому принад- лежит	Деревень										Дворов						Людей					
	Волости (по именам прежних владельцев)										15б3						15б3					
	ст п		149б	всего		из них жив		ст		149б	всего		из них жив		ст		149б	всего		из них жив		
вк	Ивана Зах Овинова	21	23	24	20	22	27	28	24	40	42	40	30	40	42	40	30	40	42	40	30	
вк	Михаила Берденева	33	41	48	40	33	41	48	40	49	58	69	64	49	58	69	64	49	58	69	64	
вк	Чикосурье, Ив Онаньина Берденева	26	43	46	39	38	45	50	43	54	66	79	72	54	66	79	72	54	66	79	72	
вк	Ивана Яжыцзинского . . .	27	32	32	26	29	38	32	24	42	54	47	37	42	54	47	37	42	54	47	37	
вк	Антониева монастыря	72	80	82	49	74	81	82	49	105	110	97	65	105	110	97	65	105	110	97	65	
мон.	Всего в великокняжеских волостях	189	219	232	174	196	232	240	180	280	330	332	274	280	330	332	274	280	330	332	274	
	Колмовского монастыря, б Фед Глухова	16	17	17	17	18	21	24	24	33	42	50	50	33	42	50	50	33	42	50	50	
Всего по погосту		205	236	249	191	214	253	264	204	313	372	382	324	313	372	382	324	313	372	382	324	

шая из всех войн, какие Россия вела в XVI в»,¹¹⁵ не только отрывала людей на фронт, но и требовала огромных денежных средств для ее ведения и колоссальных запасов хлеба для содержания армии. Основным источником того и другого была деревня. Действительно, писцовые книги этого времени отмечают сильное повышение платежей крестьян в оброчных великого князя волостях. Одной из причин хозяйственного кризиса, разразившегося в Московском государстве в 70—80-х годах XVI в., и было как раз это невероятное усиление тяжести оброка.

Что касается Заонежских погостов, то 60-е годы XVI в. застают здесь в основном сохранившимся прежний порядок землевладения: те же четыре небольшие монастырские волости и огромное преобладание черных оброчных волостей. Только одна небольшая в 10 обож волость в Шунгском погосте (бывшая Луки Федорова) отдана в поместье Ивану Горюшкину.¹¹⁶ Порядок описания всех волостей остается неизменным.¹¹⁷ Мы можем видеть в книге 1563 г. все деревни, описанные в 1496 г., проследить их судьбу, наблюдать рост новых деревень и починок. Как же отразились прошедшие со времени известной нам описи 67 лет на заонежских деревнях и на их населении? Подсчеты по книге 1563 г. дают следующие результаты по всем волостям в четырех погостах (см. табл. 22, 22а, 22б, 22в).

Для сравнения данные о количестве деревень, дворов и людей даются по трем периодам по старому письму, 1496 и 1563 гг.

Рост деревень в волостях очень незначителен. Зато увеличивается число дворов, а это значит, что увеличивается по числу дворов большая часть деревень. О величине деревни по погостам (в великокняжеских волостях) можно судить на основании следующей таблицы.

Таблица 23

Погосты	Деревень в вк волостях	С 1 двором	С 2 дво- рами	С 3 дво- рами	С 4 дво- рами	С 5 дво- рами	Больше 5 дворов
Никольский в Шунге	127	45	71	11	—	—	—
Покровский на Вытегре	134	73	50	7	3	1	—
Никольский на Оште	338	230	77	18	7	4	2
Ильинский в Веницах на Ояти	172	166	4	2	—	—	—
Итого	771	514	202	38	10	5	2

Мы видим, что однодворных деревень сравнительно с 1496 г. стало меньше. В конце XV в. они составляли 83,5% всех деревень, а в 1563 г. — только 67,8%, в двух же погостах — Шунгском и Вытегорском этот процент еще значительно ниже. В монастырских волостях картина примерно та же.

При сравнении данных писцовых книг 1496 и 1563 гг. о посевах и сенокосах в великокняжеских волостях можно заметить, что за это время размер запашки (количество высеваемых на 1 поле кор ржи) увеличился в Оштинском и очень незначительно сократился в других погостах, так же как и число копен скашиваемого сена. Но почти во

¹¹⁵ Б. Д. Греков. Хозяйственный кризис в Московском государстве в 70—80-х годах XVI века. «Вопросы истории», 1945, № 1.

¹¹⁶ Писц. кн. Обон. пят, стр. 153.

¹¹⁷ Внутри каждого погоста описываются по порядку волости, называемые по именам прежних владельцев-новгородцев.

Таблица 24

Кому принадлежит	Волости (по именам прежних владельцев)	1496						1563			
		дворов	посев в коровьях	с.но в конях	коробей на 1 двор	сена копен на 1 двор	дворов	посев в коровьях	с.но в конях	коробей на 1 двор	сена копен на 1 двор
вк	Федора Ост Глухова	115	236.25	1361	2.05	11 8	170	227 75	1 357.5	1.34	8
вк	Михаила Берденева	20	41.5	218	2 07	10 9	32	39 75	218	1 24	6 8
лом	Луки Федорова	12	20	142	1.7	11.8	12	20	152	1.7	12 7
вк	Александра Тимофеева	8	15.5	110	1.94	13 75	9	15.5	110	1.7	11.1
вк	Наталья Бабиной	13	22 5	141	1 73	10 9	20	24	150	1.2	7 5
мон.	Палестр монастыря	1	2	15	2	15	4	3	31	0 75	7 75
црк	Ник церк дер	6	4 5	28	1 5	9.3	—	—	—	—	—
	Всего	175	342.25	2015	2	12	247	330	2018 5	1 4	8 2

Таблица 24а

2. В погосте Покровском на Вытегре

Кому принадлежит	Волости (по именам прежних владельцев)	1496						П К 1563					
		дворов	посев в коровьях	сено в конях	коробей на 1 двор	сена копен на 1 двор	дворов	посев в коровьях	сено в конях	коробей на 1 двор	сена копен на 1 двор	дворов	посев в коровьях
вк	Марфы Исаковы жены	68	85	821	1.25	12	155	141 ³ / ₈	1 277	0 9	8	126	115 ⁵ / ₈
вк	Захара Морозова	16	23 ³ / ₄	205	1 5	12	18	22 ³ / ₄	215	1.3	12	16	20 ¹ / ₂
вк	Ив Оф Парексева	21	27 ¹ / ₈	216	1.3	10	25	26 ¹ / ₈	212	1	8 5	22	23 ³ / ₈
вк	Фед Морозова	15	21 ³ / ₈	230	1 5	15	18	25 ¹ / ₈	233	1 4	13	17	25 ¹ / ₈
вк	Григ Ногатина	18	21 ¹ / ₄	194	1 2	11	25	23 ¹ / ₈	201	0 9	8	22	21 ³ / ₈
вк	Бор Дм. Зубарева	4	6	65	1.5	16	6	6 ¹ / ₂	79	1	13	5	5
мон	Хутынского монастыря	15	25 ¹ / ₄	170	1 7	11	20	25 ¹ / ₄	180	1.3	9	20	25 ¹ / ₄
	Всего	157	210	1 901	1 33	12	267	270 ¹ / ₄	2 397	1	9	228	236 ¹ / ₄

Таблица 246

3 В Никольском погосте на Оште

Кому принадлежит	В о г о с т и	1 8 9 6						1 5 6 3								
		Дворов всего			в с е г о			ж и в у щ и х			в с е г о					
		дворов	посев в ко- робьях	сено в ко- пнах	коробей на 1 двор	сена копен на 1 двор	дворов	посев в коробьях	сено в копнах	коробей на 1 двор	сена ко- пен на 1 двор	дворов	посев в коробьях	сено в копнах	коробей на 1 двор	сена ко- пен на 1 двор
вк мон. мон.	Марфы Борейкон Хутынского монастыря Антониева монастыря	310	278 ^{1/8}	3396	0 9	11	511	440 ^{1/2}	4118	0 86	8	455	406 ^{5/8}	3815	0 9	8 5
		20	27 ^{1/2}	163	0 9	5.5	45	29	163	0 65	1	44	28 ^{1/2}	158	0 65	3 6
		8	5 ^{3/4}	82	0 72	10	13	6	83	0 46	6	11	4 ^{1/3}	53	0.4	5
	Всего	348	311 ^{3/8}	3641	0 9	10 5	569	475 ^{1/2}	4364	0 84	7 7	510	439 ^{11/24}	4026	0 9	8

Таблица 24в

4. В погосте Ильинском Веничком на Ояти

Кому при- надлежит	В о л о с т и	1496					1563									
		дворов	посев в ко- робьях	сено в коп- нах	коробей на 1 двор	сена копен на 1 двор	в с е г о					ж и в у щ и х				
							дворов	посев в коробьях	сено в копнах	коробей на 1 двор	сена ко- пен на 1 двор	дворов	посев в коробьях	сено в копнах	коробей на 1 двор	сена ко- пен на 1 двор
вк	Ив Захар Овинова	27(7)	+6 5	+60	0 03	8 6	28	22 5	230	0 8	8	24	19 4	210	0 8	9
вк	Михаила Берденева	41	29.25	322	0 71	8	48	33.25	344	0 7	7	40	31	329	0 8	8
вк	Чикосурье, Ив Он Берденева	45	34.75	309	0 77	7	50	31 75	310	0 64	6	43	29 5	300	0.7	7
вк	Ив Яжыинского	38	29.75	336	0.78	9	32	30	328	0 94	10	24	25 25	270	1 04	11
вк	Антониева монастыря	81	69.25	586	0 86	7	82	70	591	0 86	7	49	51	407	1 04	8
мон.	Всего в великокняже- ских волостях	232	169 5	1613	0 75	7	240	187 5	1803	0.8	7.5	180	156.15	1516	0 9	8 5
	Котмовского монастыря .	21	17	135	0 81	6 5	24	17	145	0 71	6	24	17	145	0 71	6
	Всего по погосту	253	186 5	1748	0 75	7	264	204 5	1948	0 8	7.5	204	173.15	1661	0.85	8

всех волостях, как мы видели, выросло количество дворов и населения, этим и объясняется сокращение средней нормы высеваемой ржи на 1 двор и 1 человека и уменьшение количества копен сена Привожу результаты подсчетов по всем волостям в погостах (См табл 24, 24а, 24б, 24в)

Таблица колебания посевов в великокняжеских волостях показывает, что 40% крестьянских хозяйств высевали в поле меньше 1 кор ржи (т. е. запашка их в среднем не превышала одной десятины в трех полях), 14% хозяйств располагали несколькими большими участками — около двух десятин (высевали 1 кор ржи), у 30% крестьян было по 3—3,5 десятины. Только 1% крестьян высевал 5—6 кор ржи в поле,

Таблица 25

В волостях оброчным по погостам	Всего деревень	Меньше 1 ко-робья	1 ко-робья	1—2 ко-робья	2—3 ко-робья	3—4 ко-робья	4—6 ко-робья
Никольскому в Шунге	147	17	11	65	28	15	8
Вытегорскому Покровскому на Вытегре	133	36	19	46	24	8	—
Никольскому на Оште	304	163	44	75	20	2	—
Ильинскому Веницкому на Ояти	169	93	31	40	5	—	—
Итого	753	309	105	226	77	25	8

т. е. обрабатывал участки в 12—15 десятин. Так же как и в конце XV в., в одну обжу положено хозяйство, высевующее в среднем 2 кор ржи для Шунгского погоста и 1½ кор для Вытегорского и Ильинского, но для Оштинского погоста в волости оброчной уже не 1½, а 2 кор

Таблица 26

Погосты	Обж. дворов	Обж.	Посев в коробьях	Кор на 1 обжу	Обж. на 1 оклад	Количество указанных совпадений
Никольский погост в Шунге	148	166¼	330	2	1 1	80=54%
Никольский погост на Оште	510	216⅓	439⅔	2	0.4	315=61%
Покровский на Вытегре	227	141½	236¼	1 67	1 5	138=61%
Ильинский в Веницах на Ояти	204	108¾	173¼	1.58	0.54	132=72%

Исключение составляют новоприбылые починки и деревни, например, в Оштинском погосте в оброчной волости: «Дер Фетковская под Горотком, во дв. Сергийко Яковлев, во дв. Игнатко Васильев, во дв. Сенко Олексеев, сеют в поле пол-кор. ржи, сена косят 5 коп. Дер Фоминская, во дворе Гаврилко Оникеев, во дворе Гришка Олексеев, во дв. Васка да Конаш Олексеевы, сеют в поле ржи пол-коробья, сена косят 9 коп. Дер. Олексеевская, во дв. Кирьянко да брат его Тимоха Климовы, во дв. Кирша Тимофеев да сосед его Гриша Исаков, сеют в поле ржи пол-кор., сена косят 10 коп., в 3 деревнях треть обжи»¹¹⁹

¹¹⁹ Писц. кн. Обон. пят., стр. 235

Все три деревни вместе, как видим, сеют полторы коробки ржи, а считается с них только одна треть обжи, очевидно, писцы принимали во внимание и качество земли, и недостаточную, сравнительно с другими, мощностъ молодых хозяйств

Таков краткий перечень данных писцовой книги 1563 г. Нужно сказать, что, рассматривая почти все приведенные выше таблицы, мы видим, что во всех погостах появляется, правда, небольшое количество пустых деревень и дворов, лежащей в пусте пашни. Действительно, число всех деревень, дворов и людей в 1563 г. больше, чем число живущих. То же самое можно сказать о посевах в погостах. Такого факта в книге 1496 г. мы не наблюдали. В 1563 г. всего пустоет в Шунгском погосте 11 деревень из 153 и 13 дворов из 247, в Вытегорском — 44 деревни из 191, Оштинском — 57 из 425, в Ильинском — 58 из 191. Таким образом, в четырех погостах из 960 деревень — 170 пустых. Это составляет 18% всех деревень, описанных в 1563 г.

Невольно приходит в голову мысль, что перед нами первые признаки надвигающегося кризиса. Однако при более внимательном знакомстве с источником приходится от этой мысли отказаться, и вот почему. Писцы 1563 г., описывая запустевшие деревни и починки, почти всегда называют по имени крестьянина — последнего жителя пустой деревни. При сравнении же книг 1496 и 1563 гг. мы убеждаемся, что все деревни, оказавшиеся пустыми в 1563 г., запустели уже давно, при крестьянах, записанных в 1496 г. живущими в этих деревнях. Возьмем для иллюстрации несколько примеров. 1) Погост Никольский на р. Оште. Волость великого князя, быв. Марфы Борецкой, 1563 г. «Дер на Палсе озере Онтонков след Михиева да Тимошки Иванова да Орефы кузнеца, 3 обжи с третью, пуста, поля и пожни лесом заросли, засеvu было в поле ржи 5 кор, заосу 30 коп»¹¹⁹. Вот описание этой же деревни в 1496 г. «Дер на Палсе озере, во дв. Онтонко Михиев пасынок во дв. Тимошко Ивашков, во дв. Орефа кузнец, сеют ржи 5 кор, сена косят 30 коп, 3 обжи с третью»¹²⁰. 2) В Ильинском погосте в Веницах на Ояти в бывшей волости Ивана Широкого Яжыщинского, 1563 г. «Дер на Корбо озере Минкин след Тимошкина, пол обжи, пуста, поля и пожни лесом поросли, засеvu было в поле ржи 3 четвертки, заосу 10 копен».¹²¹ Эта же деревня в 1496 г. «Дер на Корбо озере поставлена после письма, во дв. Минка Тимошкин, сеет ржи 3 четвертки, сена косит 10 коп, пол обжи»¹²².

Таких примеров можно привести ровно столько, сколько имен прежних жителей названо в пустых деревнях книги 1563 г. Таким образом, мы неизбежно приходим к выводу, что запустение этих деревень произошло не в 50—60-х годах XVI в., а, вероятно, в начале XVI в. Тогда делается понятным и другой факт, который нельзя объяснить, если считать, что сельскохозяйственный кризис начался в 60-х годах, а именно наличие большого количества починков и новых деревень в описи 1563 г. Это явление особенно ярко видно в крупных великокняжеских волостях. Так, например, в бывшей волости Марфы Борецкой в Оштинском погосте из 338 деревень насчитывается 56 починков, в одной из волостей Вытегорского погоста на 74 деревни приходится 21 починок. Такой рост новых деревень предполагает, конечно, не упадок, а развитие жизни в данной местности.

Какие же причины могли привести к запустению 18% деревень

¹¹⁹ Там же, стр. 221

¹²⁰ Там же, стр. 29

¹²¹ Там же, стр. 242

¹²² Там же, стр. 42

в четырех Обонежских погостах? Очень трудно правильно ответить на этот вопрос, но все же поставить его и сделать попытку так или иначе его решить мы обязаны, тем более, что в наших руках находится интересный документ, проливающий некоторый свет на затронутый вопрос — это решение правительства по поводу жалобы крестьян Оштинской волости на одного новгородского помещика, относящееся к 1556 г. Дело состоит в следующем «крестьянин Оштинские волости от Ильи Пророка из Вениц Иванко Ершов» бил челом великому князю «и в товарищов своих место на ноугородцкого помещика на Казатула Иванова сына Скобелына да на его детей Шевряка да Павлика», на его людей и на крестьян его (следует ряд имен), и что тот Казатул со своими детьми и с теми своими людьми и со крестьяны, которые в сей грамоте писаны, пашут их волостную землю наездом перелезши за межу сильно, на Ояти реке Кузринской остров, и на том деи острове запустошили они деревню Печятаевскую, а оне с тою пустоши всякое тягло и в волостные всякие потуги платили» И далее «да на том же деи острове на Кузрюнском на Печятаевской деревне жил их (оштинцев — *И П*) волостной крестьянин Кондратко Федоров с детьми, а на неча деи тот крестьянин живет за тем же Казатулом, да иные деи их волостные крестьяне того погоста живут за иными помещики и от того деи их волостные деревни пустеют»¹²³

Перед нами, таким образом, явление не случайное, не редкое, уже достаточно типичное в жизни великокняжеской оброчной волости. Интересно, что помещик ведет себя весьма дерзко,¹²⁴ и для того что бы найти на него управу, понадобилось обращаться с челобитием в Москву к государю.

Как объяснить, что крестьяне великокняжеской волости оказались за помещиком? Надо думать, что для этого были очень серьезные причины. Не любовь к странствованию, — огромное большинство крестьянских семей продолжает жить на прежних местах, — а нужда заставляла уходить с насиженного места, покидать родную деревню. На материалах, приведенных выше, мы уже видели, что феодальное хозяйство в волостях новгородских бояр и монастырей было натуральным, что в большинстве волостей преобладала рента продуктами, часто в смешанной форме с денежной. Такая рента соответствовала той ступени развития товарно-денежных отношений, на которой стояла тогда новгородская деревня. Конфискация, произведенная в 80-х годах XV в. Иваном III, повлекла за собой в волостях, ставших оброчными, почти повсеместную замену ренты продуктами — денежной рентой. Рассматривая хозяйство Обонежских погостов в конце XV в., мы пришли к выводу, что такая замена могла отразиться плачевно на более бедных хозяйствах. Вынужденная связь с рынком могла привести некоторых крестьян к разорению. «Сначала спорадическое, потом все более и более приближающееся к национальному масштабу превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного

¹²³ ДАИ, т. I, № 51, т. XV, стр. 81.

¹²⁴ Оштинцы обратились с жалобой на Казатула в Новгород, к наместнику Дм Фед Палецкому и дьякам — Федору Сыркову и Казарину Дубровскому. На место был послан судья Нечай Кряталов, но помещик и его люди «перед Нечаем в их иску не отвечали, поруки ему по себе не дали». Тогда судья осмотрел и переписал «на той земле хлеб в копнах и ярь на нивах и рожь, в земле сеяную», но результатом этого было только, что «тот, деи Казатул тот хлеб описной свез в свое поместье», и после отъезда судьи продолжал вести себя попрежнему (Там же).

обращения», — говорит Маркс о денежной ренте¹²⁵ Очевидно, что Обонежская пятина, наиболее отсталая среди всех остальных, не всегда могла удовлетворять таким требованиям, в особенности, если речь идет, как у нас, о Заонежских погостах Что же касается поместных и монастырских земель (в Обонежской пятине, по крайней мере), то здесь в конце XV и в первой половине XVI в сохранился смешанный вид денежной ренты и ренты продуктами, с преобладанием последней Любопытно, что мы не видим пустых деревень, например, в волостях Колмовского¹²⁶ и Хутынского¹²⁷ монастырей, где до 60-х годов XVI в доходы оставались неизменными Поэтому невольно думается, что одной из основных причин запустения 18% деревень в наших погостах было разорение некоторой части крестьянства в связи с заменой ренты продуктами денежной рентой, а также, что не менее важно, расширение помещичьего хозяйства за счет крестьянской земли Обедневших крестьян помещику нетрудно было привлечь к себе, сообразя их льготой

Итак, для 60-х годов XVI в о начале кризиса сельского хозяйства еще не приходится говорить Наоборот, растут новые деревни и починок, увеличивается число дворов в деревнях, расширяется хозяйство помещиков С запустением успешно борются как сами крестьяне, так и правительство Очень часто в запустевшей деревне пашня не лежит в пуге, а распахиывается наездом Пашут наездом или отдельные крестьяне (например, «деревня в Заречье ж пашет еи наездом Сергийко Омелянов из Малафеевские деревни»)¹²⁸ или всюю волостью сообща «Дер у погоста Ивашковской след Крюкова, пол-обжи, пашут наездом волостью, пуга, засева было в поле ржи пол-5 четки, заосу 5 коп»¹²⁹ Пашня наездом всей волостью имеет довольно широкое распространение Так, в Шунгском погосте, несмотря на то, что 11 деревень запустели, земель лежащих в пуге нет, вся пашня обрабатывается «наездом волостью»¹³⁰ Это еще одно доказательство наличия общины

Само правительство для заселения пустых деревень привлекало в такие деревни новых крестьян на льготных условиях, с освобождением их на известный срок от уплаты оброка и других платежей Так, в 1563 г, описывая Заонежские погосты, писцы давали новым жильцам в опустевших прежде деревнях льготы сроком на 3—10 лет Записей таких своеобразных крестьянских порядков в трех погостах (мы видели, что в Шунгском погосте всю пустую землю крестьяне распахиывали волостью) насчитывается 16 Вот один из примеров «Починок на Челяксе ж Левашков след Окулова, был пуг, треть обжи, и на тот

¹²⁵ К Маркс Капитал, т. III, изд 8-е, 1938, стр 702

¹²⁶ Писц. кн Обон пят, стр 246.

¹²⁷ Там же, стр 236, все-таки одна пустая деревня есть

¹²⁸ Там же, стр. 205

¹²⁹ Там же

¹³⁰ Известно мнение Н А Рожкова о том, что «пахать землю наездом значило эксплуатировать ее нерасчетливо, хищнически, без правильного севооборота, истощая почву Что такое понимание этого выражения правильно, это всего лучше доказывается отношением правительства к наезжей пашне Она вся причисляется в писц. книгах к лежащей в пуге и не подлежащей обложению налогами, стоит открыть любую писцовую книгу, чтобы убедиться в этом» (Н А Рожков Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в М, 1899, стр 64) Такое толкование источника неверно В действительности, стоит открыть любую писцовую книгу, чтобы убедиться в обратном Например «в Ник погосте в Шунге царя и вел. кн волостка Федоровская Остафьева сына Глухова Дер на Верхнем озере, 3 дворя пуги, пашут наездом волостью, сеют в поле ржи пол-3 кор, сена косят 6 коп, пол-2 обжи» (писц. кн Обон пят, стр 147). Во-первых, в пуге считается не пашня, а деревня и дворя, во-вторых, земля, распахиываемая наездом, обложению подлежит, так как в обжи положена, в-третьих, ниоткуда не видно, что нарушен правильный севооборот.

починок дали льготы заонежские писцы князь Федор Иванович Пожарской да Иван Иванович Щекин с товарищи Федку Панфилову да Якимку Нефедьеву на 5 лет от лета 7071, а выйдет из льготы лета 7076, сеют в поле ржи 3 четвертки, сена косят 10 копен»¹³¹

Замена ренты продуктами денежной рентой «предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли»¹³² Действительно книга 1563 г. дает любопытный материал, свидетельствующий о том, что развитие торговли в наших погостах, сравнительно с концом XV в., серьезно шагнуло вперед. Еще из писцовой книги Юрия Сабурова мы видели, что на территории Вытегорского погоста находился «волоок Гостин неметцкой», т. е. что там проходил торговый путь, очевидно к морю, служивший посредствующим звеном в торговле со шведами. В 1563 г. мы видим в погосте уже довольно развитую торговлю. Здесь можно наблюдать и местную торговлю (на погосте находятся лавки) и, возможно, транзитную (амбары, в которые сыплют хлеб и соль). Она сосредоточена, главным образом, около погоста. После описания погостских церквей и церковного причта читаем: «Да прибыло на погосте же лавок, а в них торгуют того же погоста крестьяне всяким мякким товаром»,¹³³ затем: «на погосте же прибыло амбаров, от погоста 3 версты вниз Вытегры на Селюгине поле, а в них сыплют соль и хлеб торговые люди»¹³⁴. После каждого из этих двух заглавий следует перечисление 6 лавок и 13 амбаров и имена владельцев их — крестьян, занимающихся торговлей. Список этих людей настолько интересен, что приводим его целиком в виде следующей таблицы (см. табл. 27).

Среди торгующих в лавках мы видим священника погостской церкви Федора Михайлова, отца его — прежнего священника этой же церкви «попа Михайла Старого» и другого его сына, Крючка Михайлова. Остальные амбары и лавки принадлежат крестьянам. Любопытно, что эти торговцы, «царя и вел. князя средние люди», одновременно крестьянствуют. Каждого из наших крестьян-купцов мы находим в одной из волостей живущим в обычной деревне. Хозяйство его самое обыкновенное, ничем от прочих крестьянских хозяйств не отличающееся. Можно привести несколько примеров. 1) В бывшей волости Федора Морозова «Дер. на Вытегре, Кондратовская словес на погосте на берегу, во дв. Селиванко Васильев да его братья Фомко да Иванко, пол-2 обжи, сеют в поле ржи 2 кор с четкою, сена косят 15 коп»¹³⁵. Селиванко Васильев — «средний человек», у него и его братьев три соляных амбара на Вытегре. 2) В бывшей волости Марфы Борецкой «Дер. Кипровская, во дв. Чудинко Русанов, во дв. Иванко Григорьев, пол обжи, сеют в поле ржи три четвертки, сена косят 50 копен»¹³⁶. У Чудина Русанова, тоже «среднего человека», — лавка и амбар на Вытегре. 3) В бывшей волости Марфы Борецкой «Дер. на Тагажме словес Исаковская: во дв. Мартышко Федоров Зеленик, во дв. Первыша Иванов Зеленик, 2 обжи с третью, сеют в поле ржи пол-4 кор, сена косят 50 коп.»¹³⁷. Мартышко Федоров — владелец лавки и амбара. Об этом безразличии писцов к занятиям сидевших на описываемой ими земле крестьян следует всегда помнить, иначе наше представление

¹³¹ Писц. кн. Обон. пят, стр. 232.

¹³² К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 8-е, 1938, стр. 702.

¹³³ Писц. кн. Обон. пят, стр. 202.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Писц. кн. Обон. пят, стр. 204.

¹³⁶ Там же, стр. 208.

¹³⁷ Там же, стр. 209.

Таблица 27

Имя владельца	Принадлежность	Состояние	На чьей земле находится владение	Размер чапки в сажнях	Размер амбара	Источник, где находится описание деревни, в которой живет владелец
Мартышко Зелейник Федоров	Ц и вк кр-нин	средний чел	Ц и вк	$2\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{3}$	$2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{3}$	209
Сенка Федоров	» »	средний чел	»	2×1	$3 \times 2\frac{1}{3}$	203
» »	—	молодой чел	Сп Хут 2 амб	—	$1\frac{2}{3} \times 1\frac{2}{3}$	»
Крючок Михайлов с Попов	—	—	Ц и вк	1×1	—	1 402 об, стр 202
Поп Михаил Старой	—	средний чел	»	$3 \times 1\frac{1}{3}$	—	»
Поп Федор Михайлов	—	средний чел	»	$2 \times 1\frac{1}{3}$	—	»
Чудин Русанов	Ц и вк кр-нин	средний чел	—	$1\frac{1}{4} \times 1\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{3} \times 3\frac{1}{4}$	208
Селиванко Васильев	»	средний чел	»	—	$2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{3}$	204
» »	»	средний чел	»	—	$2\frac{1}{3} \times 2$	»
» »	»	»	»	—	$2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$	»
Невзорко Васильев „котел-ник“	»	средний чел	»	—	$2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{2}$	208
Бурак Васильев	»	средний чел	»	—	2×2	206
Мишук Онаньин да Ортюшко	Хутийского монастыря	средние люди	Хут мон	—	$2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{3}$	211
Семенов	»	»	»	—	$2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$	»
Нечайко Моталов	Белозерц	средний чел	»	—	$2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{3}$	»
Третьячок Левонтьев	Ц и вк кр-нин	средний чел	»	—	$2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$	203

о населении погоста будет ложно, так как и богатые и бедные сольются в одну ровную серую массу

Неверно было бы думать, что только в одном Вытегорском погосте в силу его выгодного расположения на торговом пути развивалась торговля. Конечно, это расположение играло очень большую роль в развитии Вытегорского погоста, но денежная рента господствовала в огромном большинстве изучаемых нами волостей, и в них тоже, хотя, быть может, менее ярко, должен был происходить только что отмеченный нами процесс. Действительно, в Егорьевском погосте в Толвуде, который в описи 1496 г до нас не дошел, в 1563 г в волости Вяжицкого монастыря перечисляются «анбары соляные и салницы торговых людей лутчих, середних и молодых», ¹³⁸ не вошедшие в писцовую книгу Юрия Сабурова ¹³⁹ После длинного перечня владельцев соляных амбаров (здесь встречаются люди из разных Обонежских погостов и новгородцы) читаем «а се анбары за речкою за Габрецою же стоят на царя великого князя земли Шунгского погоста» ¹⁴⁰ Здесь мы опять видим шунгских крестьян 1) Ушака Перхина, «молодого человека» (амб $2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{3}$ саж), 2) Иванка Мартемьянова, «среднего человека» (амб 2×2 саж), 3) Лашука Чечюлина, «молодого человека» (амб. 2×2 саж), 4) Сенку Горлова, «среднего человека» (амб $2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{3}$ саж), 5) Микифора Деригузова, «молодого человека» (амб $1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ саж), 6) Якимаврамова, «молодого человека» (амб $1\frac{1}{3} \times 1\frac{1}{3}$ саж)

Принимая во внимание крайнюю скупость нашего источника, поскольку дело касается торговли, можно думать, что очень многие стороны жизни крестьян остались в писцовой книге не отмеченными. Мы видели, что торговля (солью, хлебом, «мягким товаром») уже пустила прочные корни в жизни новгородской деревни в XVI в. Более того, наш источник прямо указывает на существование соляных амбаров в волости Вяжицкого монастыря еще в конце XV в. (см прим 139). Интересно при этом, как уже отмечено было раньше, что крестьянин-торговец в XVI в. одновременно и земледелец.

Что же касается ремесленников, то тут и подавно отделения ремесла от сельского хозяйства мы еще не наблюдаем. Надо полагать, что крестьянин сам производил в своем хозяйстве все необходимое, лишь в редких случаях прибегая к труду ремесленника-специалиста. При всем этом мы замечаем в писцовой книге 1563 г. некоторое разнообразие в специальностях деревенских ремесленников сравнительно с 1496 г. Во всех погостах имеются 5 кузнецов, скорняк, двое кожевников, двое портных (один назван просто «швец», другой — «портной-мастер»).

Писцовая книга 1563 г. позволяет осветить одну из очень важных сторон жизни деревни в XVI в. — эксплуатацию крестьянства. Мы уже указывали, что во время составления описания Обонежья Андреем Лихачевым и Ляпуном Добрыниным в 1563 г. Ливонская война (1558—1583) была в самом разгаре. Война, как и другие возросшие нужды государства, требовала очень больших средств. Понятно поэтому, что сумма оброка, установленного с человека и с обжи в оброчных волостях в 1563 г., много выше взимавшейся прежде. В это время распределение оброков в черных великокняжеских волостях представляется в следующем виде

¹³⁸ Там же, стр. 145

¹³⁹ «А в писцовых книгах Юрия Костянтиновича Сабурова были неписменные и оброк царю и великому князю был не положен, а имали оброк игумен с братьею Вяжицкого монастыря с анбару и с салницы по алтыну» (Там же).

¹⁴⁰ Там же, стр. 147

Таблица 28

1. Никольский погост на Шунге

Волости великокняжеские оброчные	Люди	Обса	Оброк всего			На 1 оброч			На 1 человека оброк		
			деньгами	ржи в ч	овса в ч	деньгами	ржи в ч	овса в ч	деньгами	ржи в ч	овса в ч
Федора Ост Глухова . . Михайла Берденева . . Александра Тимофеева . . Иван Бабкин . .	256	113 ³ / ₄	102 р 5 ал	207	207	50 ал	1 8	1 8	13 ал 2 д	0 8	0 8
	42	21 ¹ / ₆	18 р	42 ⁷ / ₁₂	85 ¹ / ₆	28 ал 2 д	1 9	4	14 ал 2 д	1	2
	16	7 ² / ₃	6 р 30 ал	8 ¹ / ₃	8 ¹ / ₃	30 ал	1	1	14 ал 2 д	0 5	0 5
	25	12 ¹ / ₄	3 р 30 ал	37	37	10 ал 4 д	3	3	5 ал 1 д	1 4	1 4
Всего	339	154 ² / ₆	130 р 31 ал 4 ч	294 ¹¹ / ₁₂	337 ¹ / ₂	28 ал 1 д	1 9	2	12 ал 5 д	0 9	1

Таблица 28а

2. Покровский погост на Вытегре

Волости великокняжеские оброчные	Дворов	Людей	Обель	Оброк	На 1 двор	На 1 человека	На 1 оброч.
Марфа Борецкая . .	125	130	69	75 р 12 ал 6 ¹ / ₂ д 5 м	20 ал	19 ал 2 д	1 р 3 ал
Иван Морозова	16	17	12 ¹ / ₂	12 р 6 ал 1 д 7 м	25 ал 2 д	23 ал 5 ¹ / ₂ д	32 ал 3 ¹ / ₅ д
Иван Оф Патрекеева . .	22	30	14	11 р 25 ал 5 д	20 ал 5 д	15 ал 2 д	32 ал 5 д
Федора Морозова . .	17	28	14 ¹ / ₆	11 р 8 ал 3 ¹ / ₂ д	22 ал 1 ¹ / ₂ д	13 ал 2 ² / ₃ д	20 ал 3 д
Григорий Ногаткина . .	22	22	12 ¹ / ₄	10 р 30 ал 5 д	16 ал 3 ¹ / ₅ д	16 ал 3 ¹ / ₅ д	28 ал 3 ¹ / ₅ д
Борис Зубарева	5	5	2 ³ / ₄	3 р 3 д	20 ал 3 ¹ / ₅ д	20 ал 3 ¹ / ₅ д	1 р 3 ал 1 ¹ / ₃ д
Всего	207	232	125 ¹ / ₆	126 ¹ / ₂ р 2 ал 4 д	23 ал 1 д	18 ал 1 ¹ / ₅ д	1 р 2 ¹ / ₅ д

3 Никольский на Оште

Таблица 286

В к волесть Марфы Борейкой	Людей	Дворов	Обеж	Оброк в московских деньгах	На 1 человека	На двор	На 1 обжу
Деревни, что были Марфы Борейкой	350	342	166	147 р 2 ал 5 ¹ / ₂ д	14 ал	14 ал 2 д	29 ал 3 д
Прибыло	91	85	28 ¹ / ₃	23 р 27 ал 5 д	8 ал 4 ¹ / ₆ д	9 ал 2 д	27 ал 2 д
Прибыло в Низовской сохе	52	46	2	2 р 5 ал 3 д	1 ал 2 ¹ / ₃ д	1 ал 3 ² / ₅ д	1 р. 2 ал 4 ¹ / ₂ д
Всего	493	473	196 ¹ / ₃	173 р 2 ал 5 д	11 ал 4 д	12 ал 4 д	29 ал 2 ¹ / ₂ д

4. Ильинский на Ояти

Таблица 28в

Волости великокняжеские оброчные	Дворов	Людей	Обеж	Оброк			На 1 двор оброк			На одного человека			На 1 обжу		
				деньгами московскими	ржи в ч	овса в ч	деньгами московскими	ржи в ч	овса в ч	деньгами московскими	ржи в ч	овса в ч	деньгами московскими	ржи в ч	овса в ч
Ив. Зах Овинова	24	36	11	11 р 4 ал 1 д	18 ² / ₃	37 ¹ / ₃	12 ал 2 ¹ / ₃ д	0 8	1 6	10 ал 2 д	0 5	1	1 р 2 ¹ / ₂ д	1 7	3 4
Мих. Бердеева . .	40	64	18	15 р 27 ал 4 д	26 ⁸ / ₉	53 ¹ / ₆	13 ал 1 д	0 7	1 3	8 ал 1 ¹ / ₂ д	0 4	0 8	29 ал 3 д	1 5	3
Чик, Ив. Он. Бердеева	43	72	20 ¹ / ₂	17 р 29 ал 1 ¹ / ₂ д	30	59 ² / ₃	13 ал 5 д	0 7	1 4	8 ал 1 ² / ₃ д	0 4	0 8	29 ал 4 ³ / ₁ д	1 36	3
Ив. Шнр. Яжычинского	24	37	15	15 р 29 ал 4 д	26 ² / ₃	53 ¹ / ₃	22 ал	1	2 2	12 ал 4 д	0 7	1 4	1 р 2 ал	1 8	3 6
Антониса монастыря	49	65	31 ³ / ₄	34 р 32 ал	58 ⁷ / ₈	117 ⁶ / ₈	7 р 4 ал 4 ¹ / ₄ д	1 2	2 4	17 ал 5 ¹ / ₇ д	0 9	1 8	1 р 3 ал	1 9	3 8
Всего	180	274	96 ¹ / ₁₂	95 ¹ / ₂ р 16 ал. 1 ¹ / ₄ д	161 1	321 2	17 ал 5 ³ / ₆ д	0 9	1 78	12 ал 2 ² / ₃ д	0 6	1 2	1 р 1 д	1 7	3 35

Мы видим, что расчет оброков делается уже на основании московского денежного счета. Хлеб в казну поступает тоже уже не в коробьях, а в московских четвертях¹⁴¹ (1 новг коробья = 2 четвертям московским)¹⁴². Количество же хлеба, ржи и овса, которое платили с одной обжи, существенно не изменилось с большинства обож в Шунгском погосте: шло по 2 четверти (1 кор) ржи и столько же овса, а в Ильинском — около полутора четвертей ржи, а овса — вдвое больше.

Денежная сумма оброка во всех волостях возросла колоссально. Достаточно просмотреть для этого приведенные выше таблицы. Единобразия в обложении заметить нельзя, но все-таки большая часть волостей платила от 6 до 8 с небольшим новгородских гривен с обжи. По-прежнему с Вытегорского и Оштинского погостов оброки взимались только деньгами. В расчетах платежей по волостям 1563 г совершенно не отмечен «наместнич корм». Возможно, это объясняется тем, что в 1563 г уставная Онежская грамота внесла некоторые изменения в порядок поступления этой повинности. Корм наместнику, установленный прежде с 25 обож (на три праздника — на Рождество, Пасху и Петров день), теперь взимается с десяти сох, т. е. с 30 обож (натурой или деньгами, по желанию наместника) одинаково со всех волостей — и оброчных и частновладельческих¹⁴³.

Что касается «доходов», которые платили крестьяне в монастырских волостях, то они были несравненно ниже оброков, шедших с волостей черных, и взимались новгородскими деньгами,¹⁴⁴ а хлеб — коробьями.

Таблица 29

Волости монастырей	Двор	Людей	Обож	Доход
Хутынского в Вытегорском погосте	18	21	13	6 $\frac{1}{2}$ кор ржи 13 гривен ключн. 3 $\frac{1}{4}$ ржи, 3 $\frac{1}{4}$ ч. овса, 6 $\frac{1}{2}$ гр
Хутынского в Оштинском погосте	45	45	15 $\frac{1}{2}$	11 кор р 15 гр. и 5 д.
Антониева в Оштинском погосте	11	11	3 $\frac{5}{6}$	14 гр. 1 деньга (и за хлеб).
Колмовского в Ильинском погосте	24	50	11 $\frac{2}{3}$	4 р.

Окончание табл. 29

Волости монастырей	На 1 двор	На 1 человека	На 1 обжу
Хутынского в Вытегорском погосте	0 36 кор. ржи 11 $\frac{1}{9}$ д.	0 25 кор ржи 10 д.	1 $\frac{1}{2}$ кор ржи 1 гр.
Хутынского в Оштинском погосте . . .	0 40 кор. ржи 4 $\frac{2}{3}$ д.	0 40 кор ржи 4 $\frac{2}{3}$ д.	0 25 кор. ржи 0 25 кор. овса 7 д.
Антониева в Оштинском погосте	5 $\frac{1}{3}$ д.	5 $\frac{1}{3}$ д.	1 гр.
Колмовского в Ильинском погосте	2 гр. 8 д.	1 гр 3 $\frac{1}{4}$ д.	5 гр. 2 д.

¹⁴¹ До сих пор мы видели в писцовых книгах только новгородскую четку = $\frac{1}{4}$ коробья.

¹⁴² Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 43—44. Писц. кн. Обон. пят., стр. 267.

¹⁴³ ААЭ, т. I, № 181, стр. 152.

¹⁴⁴ Везде в итогах писцы оговариваются «в новгородское число».

Мы видим, таким образом, что в монастырских волостях крестьяне платили меньше, чем в государевых оброчных, и что в 60-х годах положение крестьян в черных волостях стало очень тяжелым. Очевидно, весьма существенной причиной хозяйственного кризиса 70—80-х годов было чрезмерное повышение оброков. Оброк назначался писцами на всю волость, бывшую боярщину или монастырщину.

Крестьянская община, во главе которой стоял староста, очевидно, отвечала за своевременный сбор оброков и раскладывала их на отдельные хозяйства. Что такое распределение оброка далеко не всегда было справедливым и сплошь и рядом сопровождалось борьбой крестьян внутри общины,— об этом свидетельствует одна грамота, напечатанная в I т. Дополнений к Актам Историческим, она очень правдиво отражает эту сторону жизни крестьянской общины в Никольском Оштинском погосте и значительно восполняет сухие сведения писцовых книг. Ввиду особенного интереса, который вызывает грамота, привожу ее целиком: «От царя и вел. князя Ивана Васильевича всеа Руси в нашу отчину в Великий Новгород дьяком нашим Федору Сыркову да Казарину Дубровскому Бил нам челом из Оштинские волости с Шимоозера староста Юшко Григорьев¹⁴⁵ и во всех товарищев своих Шимоозерцов и Лядвян место, на Оштинские волости крестьян на Якуша на Мартынова¹⁴⁶ да на старосту Куземку на Федорова¹⁴⁷ да на Федка на Булгакова да на Онтон на Биричева¹⁴⁸ да на Павлика на Тиханова да на Юрку на Исакова, да на Нестерка на Захарына¹⁴⁹ да на Сидорка на Ондреева, да на Климка на Кондратова¹⁵⁰ да на Якуша на Максимова¹⁵¹ да на Карпика на Наумова и на всех крестьян Оштинские волости что деи у них в Шимоозере и в Лядвинах по Григорьеву, писму Бухарина¹⁵² три обжи без осмины и те деи Оштинцы Якуш Мартынов с товарищи с тех трех обеж емлют на них наши всякие подати за одиннадцать обеж силно, а не с трех обеж, а за восемь обеж емлют на них наши всякие подати лишька силно от лета 7058, и те деи Шимоозерцы вам, дьяком нашим, о том били челом и вы деи им выпись из книг дали и сее деи весны теж Оштинцы Якуш Мартынов с товарищи вымучили на них дани за восм обеж лишька пол-четвертацать гривен ноугородцкую. Да и те ж деи Оштинцы Якуш Мартынов да Карпик пашут их волости в Шимоозерской их волостную деревню наездом силно, и пашучи деи тое их деревню, животину их бьют и обида деи им от них великая и вперед деи им с ними прожити немочно; да Оштинцы же между себя тянутца в землях и в дворах и во всяких сплетках и приставов деи приводят меж себя из

¹⁴⁵ Ср. писц. кн. Обон. пят., стр. 229—230. «Дер. в Ладве ж. словет Тимошкинская Козицына во дв. Якуш Григорьев, во дв. брат его Юшко»

¹⁴⁶ Ср. там же, стр. 227. «Дер. на Шусть же ручью словет Кипровская, во дв. Якуш Мартынов, во дв. Власко Селеванов, во дв. брат его Ивашко, во дв. Вешняк Онкиев, пол. обжи, сеют в поле ржи 3 четв., сена косят 11 коп»

¹⁴⁷ Ср. там же, стр. 223. «Дер. на Пяз Озере словет Яковлевская, во дв. Куземка Федоров, во дворе Фомка Иванов, обжа с третью, сеют в поле ржи 2 кор, сена косят 12 коп»

¹⁴⁸ Ср. там же, стр. 225. «Дер. Кузнецовская словет в Нагорье, во дв. Оптушко Ондреев Биричев, во дв. Беляйко Булгаков, сеют в поле ржи 2 кор с четкою, сена косят пол-30 коп»

¹⁴⁹ Ср. там же, стр. 226. «Дер. Никоновская, во дв. Нестерко Захаров, во дв. Гордейко Остафьев, во дв. Зуй Онцыфоров, 2 обжи»

¹⁵⁰ Ср. там же, стр. 227. «Дер. на Усть Свери, словет Кондратовское, во дв. Климко Кондратов, 2/3 обжи, сеют в поле ржи 1 кор, сена 9 коп»

¹⁵¹ Ср. там же, стр. 223. «Дер. на Шим оз. Сенкинская, во дв. Якуш Максимов да сосед его Иванко Титов, сеют ржи 2 кор, сена косят 15 коп»

¹⁵² Описание Обонежья Григорием Бухариным у К. А. Невольина не отмечено

Новгорода, а что деи в тех их тяжах и в приставах учинитца им убытка и Оштинцы деи те убытки розводят на них погосты и им деи в гом от них чинятца убытки великие И будет так, как нам они били челом, и вы б им на Оштян на Якуша Мартынова с товарищи дали пристава и велели б естя их поставить перед собою с очей на очи, да в тех бы есте их обидах судили и управу меж их учинили безволокитно, чтоб им продаж никаких не было, *а в тех податех велели им меж собою поровнятися по книгам и посмотря по паиням и по животом и по промыслом* писан в Моксве лета 7064 (1556) ноября дня — а подпись на грамоте дияка Ондreja Васильева»¹⁵³

Из грамоты можно сделать несколько невольнo напрашивающихся выводов. Во-первых, она подтверждает известный нам из писцовых книг порядок взимания оброков — писцы рассчитывают его в пределах прежних боярщин или монастырщин. Из этого В. И. Сергеевич заключил, что «каждое конфискованное имение, или, как тогда говорили, каждая волость и волостка составляли особую общину»¹⁵⁴. И далее «не величина оброка важна, а иной способ его исчисления оброк назначается огульно на целое имение. Этим создается у нас впервые крестьянская волостная община»¹⁵⁵. Действительно в Оштинском погосте мы знаем всего одну большую оброчную великокняжескую волость — бывшую Марфы Борецкой. В нашей грамоте староста этой волости Куземка Федоров вместе с другими членами Оштинской общины ведает раскладкой оброков и собирает их с крестьян. С другой стороны, внутри этой волости оказывается не одна община, а две, так как мы видим здесь еще обиженных оштинцами «шимоозерцев» и «лядвян» со своим старостой Юшкой Григорьевым. Ясно поэтому, что не имение составляло общину и не была она создана порядком наложения оброка на целую волость, а существовала значительно раньше появления этого порядка, представляя собой как раз соседскую территориальную общину. Община оштинцев, как видно из писцовых книг, была расположена вокруг погоста и по величине значительно превосходила общину в Лядве и Шимоозере, находившуюся несколько в стороне. Группа деревень в Лядве, особо озаглавленная в писцовой книге 1496 г. и 1563 г. уже раньше заставила нас предположить, что здесь могла быть самостоятельная крестьянская община. Это предположение теперь вполне подтвердилось. Отрицая существование общины и общинной собственности на землю в древней Руси до создания Московского государства, В. И. Сергеевич исходил главным образом из молчания писцовых книг «Отсутствие указания в новгородских писцовых книгах, — писал он, — на землевладение крестьянских общин имеет решающее значение по вопросу о земельной собственности крестьянских общин. Если ни в одном из 172 (напечатанных) погостов, подробно описанных в древнейших книгах, не было ни одного клочка, принадлежащего крестьянским общинам, если в книгах конца XVI века сохранились еще указания на конфискацию частной земельной собственности и ни одного на принадлежность земли крестьянским общинам, то потому, надо думать, что таких собственников в Новгороде и не было»¹⁵⁶. На эти замечания В. И. Сергеевича можно ответить. 1) крестьянские общины существовали на территории новгородских погостов задолго до составления писцовых книг; 2) назначение оброка «огульно на целое имение» не имеет никакого отношения к возникнове-

¹⁵³ ДАИ, т. I, № 51 I XVII

¹⁵⁴ В. И. Сергеевич Древности русского права, т. III, стр. 123

¹⁵⁵ Там же

¹⁵⁶ Там же, стр. 30—31

нию этих общин, 3) наличие частной земельной собственности несколько не отрицает существования крестьянской общины

Мы знаем, что крестьянская община в XV—XVI вв. переживала далеко не первый этап своей истории (как склонен был думать В. И. Сергеевич). Наша грамота рисует картину весьма острой борьбы между крестьянами двух общин Оштинский староста, опираясь на сильных членов общины, сумел в течение долгого времени брать с лядвян с 3 обож «всякие подати за 11 обож», пока этот вопрос не дошел до Москвы и не был разрешен. Внутри самой Оштинской общины тоже идет борьба «Оштинцы между себя тяжутца в землях и в дворах и во всяких сплетках и приставов деи приводят меж себя из Новагорода» Убытки, понесенные в результате этих тяжб, оштинцы налагали на лядвян и шимоозерцев. Не вся, конечно, община оштинцев угнетает другую, более слабую общину той же волости Марфы Борецкой, а только сильные, очевидно, зажиточные крестьяне со старостой, в руках которых находится власть. Любопытно, что в писцовой книге 1563 г. мы находим лядвинского старосту Юшку Григорьева в деревне в Лядве, и большая часть крестьян «Оштинские волости», на которых приносится жалоба, тоже, оказывается, живет, как и надо было ожидать, в деревнях по Оште.¹⁵⁷

Наш обзор жизни и развития Обонежских погостов в XVI в. подходит к концу. Он позволил наблюдать дальнейшую историю новгородской деревни и хотя бы отчасти показать ее развитие.

5. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС 70—80-х ГОДОВ XVI в. в ОБОНЕЖСКИХ ПОГОСТАХ

(писцовая книга 1583 г.)

Жестокое потрясение хозяйства, охватившее значительную часть территории Московского государства в 70—80-х годах XVI в., пришлось пережить и нашим далеким погостам. Обонежская пятина в силу своей сравнительной удаленности от центра пострадала от кризиса меньше, чем другие пятины Великого Новгорода.¹⁵⁸ Однако и здесь бедствие было ужасным. Писцовые книги Обонежья, составленные в 1583 г., ярко рисуют нам запустение более чем половины пашенных земель, многие деревни оказались пусты, дворы покинуты своими хозяевами. Результаты подсчетов живущего и пустого лучше всего характеризуют размеры несчастья, постигшего изучаемые нами земли. Так, в государевых оброчных волостях из общего числа деревень и дворов насчитываем (см. табл. 30—32).¹⁵⁹

Всего, таким образом, в черных оброчных волостях запустело около 40% деревень и 41% всех дворов. Меньше других пострадали Шунгский и Ильинский погосты (30% пустого), больше всех — Вытегорский: здесь пустует около 60% деревень и 63,6% дворов. Еще более печальные результаты дают итоги подсчетов «живущей» и лежащей в пашне. Надо сказать, что писцы 1583 г. уже не указыва-

¹⁵⁷ См. приложения к грамоте.

¹⁵⁸ См. об этом у Н. Яницкого. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915, стр. 131—235.

¹⁵⁹ Писцы в 1583 г. великокняжеские оброчные волости описывают уже целиком по пустошам, а не по волостям вогнинам бывших владельцев, как в 1406 и 1563 гг.

В государевых оброчных волостях

Таблица 30

Погосты	Деревень			Дворов		
	живущих	пустых	% п. стого	живущих	пустых	% пустого
Никольский в Шунге	97	41	30	250	141	38 5
Покровский на Вытегре	79	95	59 2	121	212	63 6
Никольский на Оште	233	178	43 3	380	294	45
Ильинский на Ояти	162	69	30	306	91	23
Итого.	571	383	40 15%	1057	738	41 1%

В монастырских волостях.

Таблица 31

Волости	Деревень			Дворов		
	живущих	пустых	% пустого	живущих	пустых	% пустого
Палеостровского монастыря в Шунге .	3	1	25	4	2	33 6
Хутынского в Вытегорском погосте .	8	5	29	18	24	60
Хутынского в Оштинском погосте	18	8	30 75	33	44	57
Антониева монастыря	7	4	36 3	11	8	42
Котловского монастыря	4	13	76	4	9	70

Во всех четырех погостах

Таблица 32

Погосты	Деревень			Дворов		
	живущих	пустых	% пустого	живущих	пустых	% пустого
Никольский в Шунге	100	42	34	254	143	38 5
Покровский на Вытегре	87	100	58	139	236	63 6
Никольский на Оште .	258	190	43 3	424	346	45
Ильинский на Ояти . .	166	82	33	310	100	24
Итого . . .	611	414	40 4%	1127	825	42 25%

юг количества «коробей ржи, высеваемой крестьянским хозяйством в одном поле, а дают для каждой деревни величину пашни в одном поле в четвертях «Дер Федосеевская за озером, во дв Тренка Федосов, во дв Федко Ондреев, пашни паханные 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сена 20 коп, обжа»¹⁶⁰ При этом во всех случаях в одну обжа кладется хозяйство, имеющее 10 четвертей пашенной земли в каждом поле Эти перемены в приемах писцового дела вызваны,

нию этих общин, 3) наличие частной земельной собственности несколько не отрицает существования крестьянской общины

Мы знаем, что крестьянская община в XV—XVI вв. переживала далеко не первый этап своей истории (как склонен был думать В. И. Сергеевич). Наша грамота рисует картину весьма острой борьбы между крестьянами двух общин. Оштинский староста, опираясь на сильных членов общины, сумел в течение долгого времени брать с лядвян с 3 обож «всякие подати за 11 обож», пока этот вопрос не дошел до Москвы и не был разрешен. Внутри самой Оштинской общины тоже идет борьба. «Оштинцы между себя тяжутца в землях и в дворах и во всяких сплетках и приставов деи приводят меж себя из Новгорода». Убытки, понесенные в результате этих тяжб, оштинцы налагали на лядвян и шимоозерцев. Не вся, конечно, община оштинцев угнетает другую, более слабую общину той же волости Марфы Борецкой, а только сильные, очевидно, зажиточные крестьяне со старостой, в руках которых находится власть. Любопытно, что в писцовой книге 1563 г. мы находим лядвинского старосту Юшку Григорьева в деревне в Лядве, и большая часть крестьян «Оштинские волости», на которых приносится жалоба, тоже, оказывается, живет, как и надо было ожидать, в деревнях по Оште.¹⁵⁷

Наш обзор жизни и развития Обонежских погостов в XVI в. приводит к концу. Он позволил наблюдать дальнейшую историю новгородской деревни и хотя бы отчасти показать ее развитие.

5. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС 70—80-х ГОДОВ XVI в. в ОБОНЕЖСКИХ ПОГОСТАХ

(писцовая книга 1583 г.)

Жестокое потрясение хозяйства, охватившее значительную часть территории Московского государства в 70—80-х годах XVI в., пришлось пережить и нашим далеким погостам. Обонежская пятина в силу своей сравнительной удаленности от центра пострадала от кризиса меньше, чем другие пятинны Великого Новгорода.¹⁵⁸ Однако и здесь бедствие было ужасным. Писцовые книги Обонежья, составленные в 1583 г., ярко рисуют нам запустение более чем половины пашенных земель; многие деревни оказались пусты, дворы покинуты своими хозяевами. Результаты подсчетов живущего и пустого лучше всего характеризуют размеры несчастья, постигшего изучаемые нами земли. Так, в государевых оброчных волостях из общего числа деревень и дворов насчитываем (см. табл. 30—32).¹⁵⁹

Всего, таким образом, в черных оброчных волостях запустело около 40% деревень и 41% всех дворов. Меньше других пострадали Шунгский и Ильинский погосты (30% пустого), больше всех — Вытегорский: здесь пустует около 60% деревень и 63 6/10% дворов. Еще более печальные результаты дают итоги подсчетов «живущей» и лежащей в пашне. Надо сказать, что писцы 1583 г. уже не указыва-

¹⁵⁷ См. примечания к грамоте.

¹⁵⁸ См. об этом у Н. Яницкого. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915, стр. 131—235.

¹⁵⁹ Писцы в 1583 г. ветлужские оброчные волости описывают уже целиком пустыми, а не по волостям вотчинам бывших владельцев, как в 1466 и 1563 гг.

В государевых оброчных волостях*

Таблица 30

Погосты	Деревень			Дворов		
	живущих	пустых	% пустого	живущих	пустых	% пустого
Никольский в Шунге	97	41	30	250	141	38 5
Покровский на Вытегре	79	95	59 2	121	212	63 6
Никольский на Оште	233	178	43 3	380	294	45
Ильинский на Ояти	162	69	30	306	91	23
Итого	571	383	40 15%	1057	738	41 10%

В монастырских волостях

Таблица 31

Волости	Деревень			Дворов		
	живущих	пустых	% пустого	живущих	пустых	% пустого
Палеостровского монастыря в Шунге	3	1	25	4	2	33 6
Хутынского в Вытегорском погосте	8	5	29	18	24	60
Хутынского в Оштинском погосте	18	8	30 75	33	44	57
Антониева монастыря	7	4	36 3	11	8	42
Колмовского монастыря	4	13	76	4	9	70

Во всех четырех погостах*

Таблица 32

Погосты	Деревень			Дворов		
	живущих	пустых	% пустого	живущих	пустых	% пустого
Никольский в Шунге	100	42	34	254	143	38 5
Покровский на Вытегре	87	100	58	139	236	63 6
Никольский на Оште	258	190	43 3	424	346	45
Ильинский на Ояти	166	82	33	310	100	24
Итого	611	414	40.4%	1127	825	42 25%

от количества коробей ржи, высеваемой крестьянским хозяйством в одном поле, а дают для каждой деревни величину пашни в одном поле в четвертях «Дер Федосеевская за озером, во дв Тренка Федосов, во дв Федко Ондреев, пашни паханные 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сена 20 коп, обжа»¹⁶⁰ При этом во всех случаях в одну обжа кладется хозяйство, имеющее 10 четвертей пашенной земли в каждом поле Эти перемены в приемах писцового дела вызваны,

* ШГАДА, № 805С, л 1225.

очевидно, серьезными причинами, которые надлежит еще изучить Техника сельского хозяйства сравнительно с данными книг 1496 и 1563 гг изменений не претерпела Везде в живущих хозяйствах господствует трехполье, причем оно теперь всегда отмечается специально; пустая пашня фиксируется, как лежащая перелогом¹⁶¹ или поросшая лесом¹⁶²

В следующей таблице приводятся результаты подсчетов пашенной и запустевшей земли в оброчных великокняжеских волостях по погостам

Т а б л и ц а 33

Погосты	Пашни в четвертях (в одном поле)					Сено в копнах	
	всего	паханой (в жив)	пусто			в жи- вуш	в пусте
			перелогом	лесом по- росшая	% пусто- того		
Никольский в Шунге	1557 ² / ₃	565 ⁵ / ₁₂	555 ⁷ / ₁₂	436 ² / ₃	63 8	2242	451
Покровский на Вытегре	1592 ¹ / ₆	295 ¹ / ₂	839 ² / ₃	456 ¹¹ / ₁₂	81	2039	1293
Никольский на Оште	2196	1218 ¹³ / ₂₄	768 ²³ / ₂₄	208 ² / ₃	44	5175	2007
Ильинский на Ояти	1200 ⁵ / ₁₂	624 ¹ / ₆	325 ⁵ / ₆	250 ⁵ / ₁₂	48	3342	959
Во всех погостах	6446 ¹ / ₄	2604 ¹ / ₂₄	2490 ¹ / ₂₄	1352 ⁷ / ₁₂	59 6	12 798	4710

Большая часть пустых земель во всех погостах «лежит перелогом», меньше «лесом поросло» Это объясняется, вероятно, тем, что многие деревни запустели сравнительно недавно, может быть в середине 70-х годов. Так или иначе, около 60% земли, обрабатывавшейся в погостах до кризиса, в 1583 г лежало в пусте (в Покровском Вытегорском погосте — 81%).

О хозяйственном положении «живущих» деревень в 80-х годах XVI в можно судить на основании следующих данных

Оброчные великого князя волости

Т а б л и ц а 34

Погосты	Деревень	Дворов	Людей	Обек	Г ащи в пашн в четв	Сена в копнах	На 1 де- ревню		На 1 двор		На 1 обж	
							пашни	сена	пашни	сена	пашни	сена
Никольский в Шунге	97	250	255	56 ¹ / ₂	565 ¹ / ₂	2 242	5.8	23 12	2 26	9	10	40
Покровский на Вытегре	79	121	124	29 ¹ / ₂	295 ¹ / ₂	2 039	2.5	25 8	1.6	17	10	70 3
Никольский на Оште	233	380	390	121 ³ / ₄	1 218 ¹ / ₂	5 175	5 23	22 2	3.2	13 6	10	42.4
Ильинский на Ояти	162	306	314	62 ² / ₅	624 ¹ / ₆	3 427	3 8	21 5	2	11 2	10	55

¹⁶¹ Там же, см., напр., л 1262

¹⁶² Там же, см., напр., л 1200 об

Волости монастырские

Таблица 35

Волости монастырские	Деревень	Дворов	Людей	Обж	Пашни в поле в четв	Сена в копнах	На 1 де- ревню		На 1 двор		На 1 обжу	
							пашни	сена	пашни	сена	пашни	сена
Палеостровского мона- стыря	3	4	4	2	20	53	6 66	17 7	5	10 6	10	26 5
Хутынского в Вытегор- ском погосте	8	18	18	1 ¹ / ₂	12 ¹ / ₈	228	1 5	28 5	0 66	12 6	10	200
Хутынского мон в Ош- гинском погосте	18	33	33	4 ¹ / ₁₂	44 ¹ / ₆	405	2 4	22 5	1 33	12 5	10	101
Ангониева монастыря	7	11	12	1	10	127	1 4	18 4	0 9	10 7	10	127
Котмовского монастыря	4	4	4	³ / ₄	7 ¹ / ₂	85	1 9	21 25	1 9	21.25	10	90

Колебания размера запашки во всех погостах попрежнему очень велики. Рядом с хозяйствами, обрабатывающими 1—2 четверти в каждом поле, можно видеть небольшое число хозяйств, в распоряжении которых находится 20—30 четвертей пахотной земли.

Интересны изменения в размере деревень (по количеству дворов в деревне), отмечаемые в писцовой книге 1583 г. Рассматривая этот вопрос по данным 1563 г., мы пришли к выводу, что однодворных деревень сравнительно с концом XV в стало меньше 83% в 1496 г., 67% в 1563 г. По числу дворов размеры деревень великокняжеских оброчных волостей, описанных в книге 1583 г., таковы:

Таблица 36

Погосты	Д е р е в н я								
	1 двор	2 двора	3 двора	4 двора	5 дворов	6 дворов	7 дворов	8 дворов	9 дворов
Никольский в Шунге	24	29	26	7	6	4	—	1	—
Покровский на Вытегре	42	30	5	2	—	—	—	—	—
Никольский на Оште	109	71	29	6	1	1	—	—	1
Нильский на Ояти	54	65	22	7	1	1	1	—	—
Всего	229	195	82	22	8	6	1	1	1

Из таблицы видно, что за 20 лет во всех погостах значительно уменьшилось число однодворных деревень, составлявших к 1583 г. лишь 42%. Чаще всего встречаются деревни в 2—3 двора (56%). Эти данные, на первый взгляд, вызывают удивление, так как нельзя ведь думать, что в годы кризиса, когда запустела почти половина деревень и дворов, рост деревни был так значителен.

Логически необходимым является вывод, что после 1563 г и до начала хозяйственной разрухи происходил известный расцвет хозяйства в волостях, в результате которого и можно наблюдать указанное увеличение числа дворов в деревне. Конечно, подобный вывод не может быть признан, пока он не будет обоснован в достаточной степени.

В писцовой книге 1583 г нет новых починков и деревень, что, конечно, естественно. Зато при описании каждой деревни писец указывал не только живущие дворы и имена их хозяев, но и число дворов, запустевших во время кризиса. Эта особенность писцовой книги дает нам возможность рассмотреть сравнительное количество всех крестьянских дворов в погостах по писцовым книгам за 1563 г и за время до наступления кризиса.

Таблица 37

Погосты	Дворов всего	
	1563 г	1583 г
Никольский в Шунге	245	397
Покровский на Вытегре	228	375
Никольский на Оште	569	770
Ильинский на Ояти	264	410
Итого	1306	1952

Из приведенной таблицы видно, что после 1563 г и до 70—80-х годов, когда наступил кризис, происходит значительный рост числа дворов в Обонежской деревне. Мы имеем далее возможность определить величину деревень по числу дворов в них до начала запустения.

Таблица 38

Погосты	1 двор	2 двора	3 двора	4 двора	5 дворов	6 дворов	7 дворов	8 дворов	9 дворов	10 дворов	Более 10 дворов
Никольский в Шунге .	7	18	28	16	17	9	2	1	1	2	1
Покровский на Вытегре . . .	11	13	16	19	7	9	3	1	1	—	3
Никольский на Оште . . .	67	80	47	27	11	11	5	2	2	1	—
Ильинский на Ояти . . .	44	85	30	16	4	1	2	1	—	—	—
Итого	129	196	111	78	39	30	12	5	4	3	4

От всего числа просмотренных деревень (611) однодворные составляют 21%, деревни, состоящие из двух дворов — 32%, из 3—6 дворов — 42,2%. Около 5% деревень включают 7 и больше дворов (до 13 в Вытегорском погосте). Все это показывает, что до наступления кризиса деревня была значительно крупнее, чем мы это видели в описании 1563 г.

Кроме роста деревень можно наблюдать также увеличение покосов.

Таблица 39

Погосты	Сено в копах		Погосты	Сено в копах	
	1563	1583		1563	1583
Никольский в Шунге	2015	2746	Никольский на Оште	3641	7182
Покровский на Вытегре	1901	3696	Ильинский на Ояги	1748	4491

Наконец, если считать, что 2 четверти пахотной земли равны десятине, а одна коровья ржи высевалась на $\frac{1}{5}$ десятины, то можно наблюдать расширение запашки, которая также относится к 60-м годам XVI в.

Если перевести в десятины запашку 1563 г и 1583 г (вместе с запустевшей к этому времени), то картина получится такая

Таблица 40

Погосты	Пашня в десятинах в одном поле	
	1563	1583
Никольский в Шунге	274	556 $\frac{1}{2}$
Покровский на Вытегре	168	568
Никольский на Оште	249 $\frac{2}{3}$	943 $\frac{1}{2}$
Ильинский на Ояги	144 $\frac{2}{3}$	523
Итого	836 $\frac{1}{15}$	2596

Это наблюдение, конечно, гипотетично, и настаивать на точности его не приходится, так как таблица может вызвать сомнения и в метрологическом и в фактическом отношении.

Мне кажется, что рассмотренный нами здесь материал дает право думать, что начало хозяйственного кризиса в Обонежских погостах относится не к началу 60-х, а к 70-м годам XVI в.¹⁶³ Данные писцовой книги 1583 г о положении, существовавшем здесь до запустения, свидетельствуют о более высоком хозяйственном уровне развития деревни, чем это имело место в 1563 г. Книга 1563 г не отражает, как мы видели, ничего угрожающего благосостоянию Обонежья. Позднее, в 60-х годах, наступает значительное оживление в изучаемых погостах: увеличивается число дворов в деревне, растет запашка, очевидно, развивается и скотоводство. Только после этого наступает кризис сельского хозяйства, в результате которого пустеет больше половины пахотных земель, крестьяне покидают родные деревни, хоромы гниют и разваливаются, оставшееся население переживает все ужасы нищеты. Торговля тоже замирает. Из 6 лавок в Вытегорском погосте остается только одна: «Да на погосте ж лавка живущая тутошних людей, а торгуют всяким товаром да пять лавок пусты, а оброку давали государю царю и великому князю 6 алтын на год с лавки по алтыну, да с оброка пошлин 2 денги»,¹⁶⁴ из 18 амбаров 7 пустуют.¹⁶⁵ Впервые в это

¹⁶³ Н. Яницкий (указ соч., стр. 35) считает хронологической границей кризиса 1551 год. Правда, в его руках были далеко не все писцовые книги, известные теперь.

¹⁶⁴ ЦГАДА, № 8050 — по Нозг., л. 1073 об.

¹⁶⁵ Там же, лл. 1073 об.—1074. «В Покровском же погосте на Вытегре амбары стоят на ц и в к земле на реке на Вытегре на Сетюгине поле, тутошних ц и в к

время среди крестьянских дворов встречаем дворы бобылей¹⁶⁶ Всего их насчитывается 23 3 в Шунгском погосте, 3 в Вытегорском, 13 в Оштинском и 4 в Ильинском Бобыли в наших погостах похожи на обычных крестьян, только они беднее других Основное их занятие — земледелие Например «Дер Мавуринская, а в ней во дворе бобыль Микифорко Семенов да двор пуст, пашни паханные 2 чети без третника да перелогом 2 же чети без третника в поле, а в дву по тому ж, сена 10 копен, пол трети обжи»¹⁶⁷ В редких случаях можно видеть бобылей-ремесленников «Дер. Борисовская да Меншика Григорьева, во дв Офонка бобыль портной мастер, во дв Сенка Иванов, да двор пуст, да два места дворовых пусты, пашни 3 чети с третником да перелог 12 четей без третника в поле, а в дву по тому ж, сена 30 коп, в живущем треть обжи, а в пусте обжа с полутретью»¹⁶⁸ Из всех бобыльских дворов только один беспашенный «Дер на Тагожме словет Петрова гора, во дв Михалко Трофимов, во дв бобылиха вдова Огафица Микулинская жена беспашенная да 3 дв пусты»¹⁶⁹

Сведения, сообщаемые в книге 1583 г об эксплуатации сельского населения, гораздо скуднее, чем в предыдущих писцовых книгах Ни слова нет о порядке обложения в монастырских волостях наших погостов Что же касается оброка, установленного в великокняжеских черных волостях, то в 1583 г он продолжает быть очень высоким, несколько снижаясь, правда, по сравнению с 1563 г

Таблица 41

Погосты	1583						
	дворов	людей	обж	оброк	на 1 двор	на 1 человека	на 1 обжу
Никольский в Шунге	250	255	56 ² / ₃	46 р 24 ал, ржи 95 ⁵ / ₆ ч овса 122 ¹ / ₂ ч	6 ал 1 ¹ / ₃ д 1 ¹ / ₃ ч ржи, 1 ¹ / ₂ ч овса	6 ал 2 ² / ₃ д ок 1 ¹ / ₃ ч. ржи, 1 ¹ / ₂ ч. овса	27 ал 3 ¹ / ₃ д 1 ¹ / ₂ ч. ржи 2 15 ч овса
Покровский на Вытегре	121	124	29 ⁷ / ₁₂	23 р 28 ал. 2 д.	6 ал 3 ² / ₃ д	6 ал 3 д	26 ал 3 д
Никольский на Оште	380	390	121 ¹ / ₂₄	96 р 7 ал 2 д	8 ал 2 ³ / ₅ д	8 ал 2 д	26 ал 3 д
Ильинский на Ояти	306	314	62 ⁵ / ₁₂	48 р 22 ал 1 ¹ / ₂ д ржи 82 ¹ / ₆ ч овса 164 ¹ / ₂ ч	5 ал 1 ¹ / ₃ д	5 ал 1 д.	26 ал 1 ¹ / ₃ ч ржи, 2 ² / ₃ ч овса

крестьян, а в них сыплют хлеб и соль и всякий товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди анб Селиванка Васильева, анб Чудиновский, а нынеча анб Истомою за Овинниковым, анб Буняка Мартынова, анб Гостиши Ондерева да 3 анбары пусты да на монастырской Хутинской земле анб Василия Семенова, анб Микифора Сидорова да 4 анб пусты».

¹⁶⁶ В писц. кн Обон пят (стр 221) упоминаются бобыльские дворы на погосте.

¹⁶⁷ ЦГДА, № 8050, л 1234 об.

¹⁶⁸ Там же, л 1097.

¹⁶⁹ Там же, л 1077 об

населения вызвало голод, а за ним с последовательной неизбежностью пошли моровое поветрие и смерть»¹⁷²

Разрушающая рука войны коснулась и наших Обонежских погостов. Здесь побывали враги — «немецкие люди», и результаты их пребывания отмечают писцы в печальной книге 1583 г. В описании Оштинского погоста, например, читаем: «Церковь Вознесение Господа Спаса нашего Иисуса Христа, да место церковное, что была церковь теплая Благовещение святых Богородицы, да придел церковной Никола чудотворец, а церковь сожгли немецкие люди, да на монастыре 20 мест келейных, а кельи пожгли немецкие ж люди»¹⁷³

Но «право считаться великим имеет не тот народ, который не знает в своей истории несчастий, а тот, который находит в себе творческие силы для преодоления самых тяжелых ударов»¹⁷⁴. И действительно в 1583 г., едва успела закончиться война, как крестьянин уже возвращается на родину, не успевшую еще оправиться от постигших ее жестоких потрясений, на месте сожженной врагом деревни он ставит новую, строит новые хоромы. Любопытные сообщения об этом мы находим в писцовой книге «Деревня Сидоровская на Геро селге, ставят двор после войны немецких людей, а в ней во дворе Еремейко Васильев, да место дворовое хоромы пожгли немецкие люди»¹⁷⁵. «Деревня Яковлевская на Свери, а в ней крестьян во дворе Митка Родивонов, хоромы ставят после войны немецких людей, пашни паханые 10 четей в поле, а в дву по тому ж, сена 15 коп, обжа»¹⁷⁶

Источников, которые дали бы нам сведения о жизни четырех погостов в самом конце XVI в., мы, к сожалению, не имеем, а потому и должны ограничиться сказанным.

6 К ВОПРОСУ О МНИМОМ БРОДЯЖНИЧЕСТВЕ ТЯГЛОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вопрос о том, жило ли русское крестьянство на своих местах более или менее прочно или отличалось от земледельцев других стран Европы подвижностью, вызванной просторами родины и своеобразной «склонностью к перемене мест», имеет большую литературу. «Теория бродяжничества» в русской науке ведет свое начало от С. М. Соловьева. Бродяжничество русского крестьянина поистине одна из основ его исторической концепции «Обширность страны и редкость населения, — пишет С. М. Соловьев, — вместе с украинностью страны обуславливают характеристические явления русской истории, русской народной жизни во все ее продолжение. Они обуславливают продолжительность периода движения, период волнующегося жидкого состояния, когда ничего твердого, прочного не могло образоваться, когда дешевая и пустая земля не могла привязать к себе человека могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношений, когда все было похоже на перекачи-поле»¹⁷⁷. Всеобщее брожение населения на Руси — также основной тезис в теоретических взглядах Б. Н. Чичерина. Вообще многие ученые следуют за Соловьевым, признают и развивают далее так называемую «теорию бродяжничества». В О. Ключевский главной причиной сельскохозяйственного кризиса

¹⁷² Там же, стр. 13.

¹⁷³ ЦГАДА, № 8050, лл 1217 об.—1218.

¹⁷⁴ Б. Д. Греков, Указ статья «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 15.

¹⁷⁵ ЦГАДА, № 8050, л 1203—1203 об.

¹⁷⁶ Там же, лл 1175 об.—1176, см также № 1176 и др.

¹⁷⁷ С. М. Соловьев Начала Русской земли, Собр. соч., СПб., 1900, стр. 789.

второй половины XVI в. считает разброд населения «Везде народ разбегался и пустыни не только деревни, но и города»¹⁷⁸ Того же мнения придерживался и А. П. Шапов.¹⁷⁹ П. Н. Милюков видит главное различие в путях исторического развития России и Запада именно в подвижности нашего народа. Обосновывая свою «теорию контраста», он говорит, что крестьянство продолжает бродить и садиться на землю «большей частью на положении временных поселенцев на условиях частного найма»¹⁸⁰ Мнение Н. А. Рожкова, в сущности, ничем не отличается от приведенных выше высказываний историков. Он пишет: «Коренное различие между Западом и Востоком Европы объясняется наличием на Востоке такого условия, какое отсутствует на Западе: необъятные размеры русской равнины, открывавшие для населения возможность «разбредиться розно» от невзгод и притеснений»¹⁸¹.

Мы видим, таким образом, что представление о русском крестьянстве, как о «полукочевом», «бродячем», «разгульном», имеет довольно широкое распространение в литературе, хотя и вызывает глубокое недоумение у всякого историка, без предубеждения изучавшего летописи и другие источники по истории своего народа. В самом деле, почему крестьяне-земледельцы, предки современных нам крестьян-земледельцев, живущих из поколения в поколение в родной деревне, должны были бродить по белу свету? Разве в источниках есть какие-нибудь доказательства этому? На такой вопрос приходится ответить отрицательно. Неудивительно поэтому, что вскоре после своего появления «теория бродяжничества» встречает возражения И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич, П. А. Соколовский, Н. П. Павлов-Сильванский и другие ученые резко высказывались против нее. В последнее время на основании большого документального материала против «теории бродяжничества» выступил Б. Д. Греков.

На чем же все-таки базируется мнение С. М. Соловьева, А. П. Шапова, Н. А. Рожкова и многих других о подвижности населения? Единственное объяснение, которое можно найти у С. М. Соловьева и его сторонников, — это различие географических условий в России и Западной Европе. На Западе — горы, камень, оседлость. «В камне свили свои гнезда западные мужи и оттуда владели мужиками»¹⁸². У нас — равнина, позволяющая брести куда угодно, «обширность страны и редкость населения», а отсюда «нет прочных жилищ, с которыми бы тяжело было расставаться, в которых бы обжились целыми поколениями, города состоят из кучи деревянных изб, первая искра — и вместо них куча пепла... Построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала: отсюда с такой легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село, уходил от татарина, от Литвы, уходил от тяжелой подати, от дурного воеводы или подьячего, брести розно было ни почем».¹⁸³ Далее С. М. Соловьев говорит о «могуществе географического влияния» на развитие человеческого общества, считает его «главным условием, при котором началась и продолжалась русская история», и т. д.

Думаю, что именно в этом единственном доказательстве С. М. Соловьева и его сторонников заключается очень серьезная ошибка.

¹⁷⁸ В. О. Ключевский «Боярская Дума древней Руси», Пг., 1919, стр. 307.

¹⁷⁹ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 233.

¹⁸⁰ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. I, изд. 5-е, стр. 141.

¹⁸¹ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 472.

¹⁸² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 3, т. XIII, гл. I, стб. 664.

¹⁸³ Там же.

Совершенно ясно, что географическая среда не может оказывать решающего влияния на развитие общества «Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества, и она, конечно, влияет на развитие общества,— она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является определяющим влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды»¹⁸⁴ Исторический материализм считает решающей силой в развитии общества «способ производства материальных благ»¹⁸⁵ Он-то и определяет историю человеческого общества. Основным способом производства в древней Руси было земледелие, а земледелие предполагает оседлый, постоянный образ жизни производителей материальных благ — крестьян. Поэтому мнение о склонности русского крестьянина к бродяжничеству методологически неприемлемо. Обратимся к источникам.

В наших руках находятся описания Шунгского, Вытегорского, Оштинского и Ильинского-Веницкого погостов Обонежской пятины, произведенные в 1496, 1563 и 1583 гг. Сравнивая население, зафиксированное в каждой из этих писцовых книг, мы можем сделать некоторые выводы о составе крестьянского населения наших погостов в течение не менее 100 лет.

Сравнение по книгам Юрия Сабурова (1496) и Андрея Лихачева (1563) очень затруднено. Фамилий у новгородских крестьян, как известно, не было, писцы же в лучшем случае отмечают отчество крестьянина, часто называют его просто по имени и, крайне редко, приводят фамилию-прозвище или имя деда. Между тем, в течение 7 десятков лет, протекших с 1496 по 1563—1566 гг., могло смениться два поколения крестьян, а это значит, что для выяснения того, жил ли в 1563 г. родственник крестьянину, названному в той же деревне в 1496 г., или посторонний человек,—одним именем и отчеством не обойтись. И все-таки сравнение населения, произведенное в одних и тех же деревнях по писцовым книгам 1496 и 1563 гг., показывает, что в 94 деревнях из 810 просмотренных, в 60-х годах XVI в. жили люди, отцы и деды которых названы в писцовой книге 1496 г.

Вот список этих деревень и их жителей (см табл. 42).

Если при таких неблагоприятных условиях мы могли наблюдать достаточно яркую картину, то надо думать, что основная масса крестьянского населения жила постоянно на своих местах «Нет прочных жилищ, с которыми бы тяжело было расставаться, в которых бы обжились целыми поколениями»,—говорит С. М. Соловьев¹⁸⁶ Мы видим сейчас, до какой степени безосновательно это утверждение. Все деревни, описанные писцами в конце XV в., совершенно в том же порядке и на тех же местах описаны в 1563 г.

Сравнение книг Андрея Лихачева (1563) и Андрея Плещеева (1583) еще более убеждает нас в том, что никакой склонности к бродяжничеству крестьяне древней Руси не имели. Как известно, писцы 1583 г. производили описание Обонежья в годы кризиса, в результате которого опустели многие крестьянские дворы и около половины деревень. Сторонники «теории бродяжничества» видели главную причину хозяйственного кризиса в разброде и бегстве населения. На самом же

¹⁸⁴ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы диалектизма», изд. 11-е, стр. 548.

¹⁸⁵ Там же, стр. 550.

¹⁸⁶ С. М. Соловьев. История России, кн. 3, т. XIII, гл. I, стр. 664.

Таблица 42

№ п/п	1496		1553	
	№ по пор в описании писц книги	Стр источника (писц или Об пят)	№ по пор в описании писц книг	Стр источника
1	4	1	4	147
2	6	1	6	147
3	10	1	10	148
4	19	2	19	148
5	20	2	20	148
6	34	2	34	148
7	38	3	38	149
8	42	3	42	149
9	45	3	45	149
10	49	3	49	149
11	88	5	88	150
12	98	5	96	151
13	3	6	3	151

Таблица 42 (продолжение)

М п	1496			1563		
	№ по пор в описании писец книги	Стр источника (писец кн Об пят)		№ по пор в описании писец кн	Стр источника	
14	11	6	На Хаш озерке, во дв Труфаних, зять Лучка	11	152	На Хаш озерке во дв Олекса Лукин
15	1	7	Дер на Холопье стороне в конце наволока, во дв Еремейко Офонасов, во дв Еремейко Би идин	1	153	Дер Билдинская на Холопье стороне, в конце наволока, во дв Кононко да Стешко Юрьевы дети Еремеева
16	11	12	Деревня Подъелье, во дв Конаних Савельев	11	203	Пюнеево в Подъелье, во дв Васюк Конанов
17	5	14	Выше погоста, во дв Филиппо, во дв Павлик, Микигины дети	5	205	Кошечевская выше погоста, во дв Якуш Павлов, племя Тимошка
18	8	14	Деревня Данилково, во дв Левка Харитонов, брат Демка	8	205	Деревня Данилково, во дв Исачко Левонтьев
19	5	12	Деревня Сидоровская, во дв Данилко Якимов	5	204	Сидоровская словес Даниловская, во дв Михалко Данилов, брат Третьячко
20	3	15	Деревня у Мостку, во дв Ивашко Голосов	4	205	Голосовская у мостку, во дв Микитка Иванов Голосов
21	37	10	Деревня на Вытегре Олексеевская, во дв Фетко, Ивашко да Лутьянко Ивашковы дети	37	208	Олексеевская на Вытегре, во дв Кубаско Лутьянов
22	44	10	На Дмитрове горе, во дв Ульянко, дети Семка, Сидорик, Самсонко	44	208	На Дмитрове горе, во дв Якуш Семенов
23	47	10	Дер на Вытегре Никоновская, во дв Парфенко Онаньев, во дв сын Куземка	47	209	Дер Никоновская на Вытегре, во дв. Матфейко Парфеев
24	48	10	Дер на Тагажме, во дв Минка Исаков, во дв. Фетко	48	209	Исаковская на Тагажме, во дв Мартышко Федоров Зеленик, во дв Первышья Иванов Зеленик
25	66	11	Дер на Салмас озере, во дв Логиник Минин, сын Андрейка	66	209	Логиновская на Салме озере, во дв Васка Андреев, брат его Михалко
26	1	16	Дер на Низу, во дв Онанько Литов	1	211	Дер. Дьяковская на Низу, во дв. Мишук Онаньин
27	2	16	Дер у погоста на Низу, во дв Сидорик Васильев Зарубежанин, сын Тимошка	2	211	Дер Гиндряковская у погоста на Низу, во дв Пангелейко Сидоров

Таблица 42 (продолжение)

№ п/п	№ по пор. в описании писц. книг	Стр. источника (писц. кн. Об. пят.)	1496	№ по пор. в описании писц. кн.	Стр. источника	1563
28	17	29	На Шим-озере, во дв. Илеика кузнец, брат его Нестерик	17	222	На Шим-озере, Кузнецовская, во дв. Тимошка Нестеров, во дв. Карпик Нестеров
29	19	29	На берегу, во дв. Данилка Терехов	19	222	На берегу Тероевская, во дв. Васюк Терехов
30	33	30	На Пот-озере, во дв. Гридка Микитин, сын Окушко	33	222	На Пот-озере словец Григорьевская, во дв. Третьячко Микигин
31	35	30	Дер. на Сат-озере, во дв. Парфеика Фетков сын Логвинко да Костя, во дв. Ивашко да Левка Гавриловы	34	222	На Сат-озере словец Парфиевская, Гавриловская, во дв. Степанко Иванов
32	49	30	На Пяз-озере, во дв. Клим Якушов, Мыхайло Карпов Ивашко	49	223	На Пяз-озере Клементьевская, во дв. Матфейко Мыхантов
33	67	31	Дер. на Водотици, во дв. Харитонко Дмитров, во дв. братанич его Олферко	66	224	Дер. на Водотици Олферская, во дв. Федотко Олферьев
34	69	31	Дер. В Заречье от Ошты на Водотицы, во дв. Фетко Зенов, да Куземко	68	224	На Водотици в Заречье Зиновьевская, во дв. Артемко Кузмин
35	83	31	На Водотици в Ошгинской стороне, во дв. Першка Ивашков да Филиппко, во дв. Степанко, сын Бориско	82	224	На Водотици Першинская на Ошгинской стороне, во дв. Гришка Борисов
36	87	31	Дер. Коппонское у погоста, во дв. Пятка Кузмин	86	224	Коппонская у погоста Коппонская, во дв. Гришка Павлов
37	91	31	Дер. на Чельксе Фоминская, во дв. Якушко да Давыдко Гочюевы	90	224	Деревня на Чельксе Фоминская, во дв. Микитко Давыдов
38	94	32	Дер. на Чельксе Мишковская, во дв. Максимко Кузмин, дети Якушко, Микитка, Самойлик, во дв. Якушко да Степанко Мишкови	93	224	Дер. на Чельксе Мишковская, во дв. Лева Самойлов, во дв. Данилко Мыханов
39	95	32	Дер. Кузнецовская, во дв. Ивашко Ивашков, дети Климентко, Одренко, брат Федко	94	225	Кузнецовская словец на горе, во дв. Онушко Одреев Биричев
40	97	32	Дер. Аншинская, во дв. Аншайко	96	225	Аншинская, во дв. Исачко Иванов, во дв. Карпик Микигин

Таблица 42 (продолжение)

№ пп	1496			1533		
	№ по пор в описании писец книги	Стр источника (писец кн Об път)		№ по пор в описании писец кн	Стр источника	
41	102	32	Дер Якушевское, во дв. Конашко Якушов, сын Федко	101	225	Дер Якушевское на Курзее горе, во дв. Игнашко Федоров
42	103	32	Дер Мартыновское, во дв. Максимко Мартянов, сын Офремко	102	225	Дер Мартыновское словес Максимовская, во дв. Митюк Ефремов
43	110	32	Дер Городище, во дв. Итейка Дмитров	109	225	Городище словес Ильинское, во дв. Ошей Ильин
44	111	32	Дер на Карпове горе, во дв. Ивашко Окулов, Сенка Гридкин, во дв. Васко Палкин	110	225	Дер на Карпове горе Окуловская, во дв. Поздеико Григорьев, во дв. Парфейко Иванов, во два Степанко Павлов
45	119	32	Дер Тимофеевская, во дв. Максимко да Захарко Кириловы, во дв. Федко	118	225	Дер Тимофеевская, словес Кириловская, во дв. Родивонко Федоров Шиляк
46	125	33	Дер Бачюринское, во дв. Микитко да Федко Якушovy	124	226	Бачюринская, словес Трутневская, во дв. Тимоха Федоров
47	126	33	Дер. Ивашковское, во дв. Федко да Онцыфорко Климовы	125	226	Ивашковское сл. Клишинская, во дв. Селиванко Онцыфоров
48	127	33	Дер. Никоновская, во дв. Фомка Олексин, Захарко сусед Яковик, во дв. Ларивонко Никонов	126	226	Дер Никоновская, во дв. Нестерко Захаров
49	136	33	Дер. Климовское, во дв. Омско да Ивашко Карповы	135	226	Дер Климовское, сл. Омсовское, во дв. Гриша Омсов, во дв. Иванко Леонов
50	137	33	Дер. на берегу во дв. Васко Федотов, братанич его Фефило	136	226	Дер на берегу сл. Федотовская, во дв. Иванко да Савко Фефиловы
51	140	33	Дер. на Оште, во дв. Максимко да Ивашка Фомкины	139	226	Дер. на Оште Максимовская, во дв. Софонко Иванов
52	157	34	Дер. на Шусть ручью, во дв. Ивашко Курилов, Патка	156	227	На Шусть ручью, во дв. Истомка Иванов
53	176	34	Дер на Свери, во дв. Пахомко Васков	176	227	Дер. на Свери ж. Пахомовская, во дв. Лаверко Патомов
54	178	34	Дер на Свери ж, во дв. Мартьяшко Михалков	178	228	Дер на Свери ж. сл. Осиновская, во дв. Филка Мартянов

Таблица 42 (продолжение)

№ п/п	№ по пор. в описании писем, книги	Стр. источник (лист кн Об пят)	1496	№ по пор. в описании писем, кн	Стр. источник	1563
55	180	34	Дер на Щеленце, во дв Ларивонко Окулов, сын Ортемко	180	228	Дер на Щелейце ст Ортемовская, во дв Пахомко, брат Исачко Ортемовы
56	197	35	На Кузре речке во дв Васко Окатов, сын Палка, Мичако, Ондрейко	196	228	На Кузре речке ст Михайловская у часовни, во дв Ондриша Мичаков
57	198	35	На Кузре речке, во дв Омелянко да Петрок	197	228	На Кузре речке ст Петровская, во дв Спирко Петров, во дв Пенгешко Петров
58	212	35	Дер в Ладве, во дв Онисимко Гридкин	211	229	Дер в Ладве ж Онисимовская, во дв Евсейко Онисимов
59	222	35	На Ояти в Ладве, во дв Палка Кореленин, сын Тимошка	221	229	В Ладве ж на Ояти Тимофеевская Карева, во дв Исачко Тимофеев Карев
60	233	36	Дер в Ладве ж, во дв Мануйтих Максимов	232	229	В Ладве Мануйловская, во дв Максимко Мануйлов
61	234	36	Дер на Ладве ж, во дв Мартышко Гридин	233	229	Дер в Ладве Мартыановская, во дв Микитка Мартыанов
62	1	36	Дер на Хем-реке, во дв Мануйлих Еремин, сын Клишко	1	237	Дер на Хем-реке Мануйловская, во дв Сидорко Иванов, во дв Гаврилко Клементьев, во дв Фомка Сидоров
63	7	36	Дер Новинка, во дв Стефанко, во дв Офонаско Филимонов	7	237	На Хем-реке Новинка Степановская да Офонасовская Филимоновы, во дв Иванко Степанов
64	4	37	Дер на Касть ручью, во дв Фофанко Самойлов, Олексейко	5	236	Дер на Касть ручью Фофановская, во дв Исачко Фофанов
65	11	37	Дер на Рыбежне, во дв Олешко да Сергейко, да Олександрко	12	236	Дер на Рыбежне Павловская, во дв Иванко Сергиев
66	12	37	Дер на Рыбежне, во дв Мичако да Игнатко	13	236	На Рыбежне Онтоновская, во дв Прошко Михайлов, во дв брат его Васюк, во дв Клишко Михайлов
67	16	37	Дер на Рыбежне, во дв староста Федорко, Онушко, сын Микифорко	17	236	Дер на Рыбежне Фетла Старостина, во дв Захарко Федков, во дв Васюк Федоров

Таблица 42 (продолжение)

№ п/п	№ по пор в описании писец книги	Стр источника (писец кн Об пят)	1496	№ по пор в описании писец кн	Стр источника	1563
68	17	37	Дер на Рыбежне Большой двор, во дв Филка Степанов, во дв Степанко Степанов	18	236	Дер Большой двор монастырской, во дв Петрок Степанов
69	23	38	Дер на Ропо-ручью, во дв Онанко Яковлев	24	237	На Ропо-ручью, во дв Дениско Онаньин
70	25	38	Дер на Рыбежне, во дв Гридка Сидков	25	237	Дер на Рыбежне, на Житничном ручью Григорьевская, во дв Малафейко Григорьев
71	4	44	Дер на усть Туксы, во дв Ортемко Ивашков	4	238	Дер на усть Туксы, во дв Фефичко Ортемов
72	9	44	Дер в Наволоке, во дв Минка Ивашков	9	238	Дер в Наволоке, во дв Онтипо Минин
73	25	45	На Шат-озере поставл после писма, во дв Ондрейко	25	238	На Шат-озере, во дв Фешко Андреев
74	35	45	Дер в Ним жо оз на Ояти, во дв Олексейко Огафонов	37	239	Дер в озерах на Ояти, во дв Тимош Олексеев
75	51	46	Дер в Озерех, во дв Оуко Микулин	50	239	Дер в Озерах, во дв Юшко Окулов
76	70	46	Дер. у Часовни на погосте, во дв Минка Оверкеев староста, сын Минка ж	69	240	Дер у погоста, во дв Истомка Михайлов староста, брат Степанко
77	8	39	На Орендже, во дв Карпик Олфув, сын Ивашко	8	240	Дер на Орендже, во дв Куземко Иванов, сосед Потапко Дмитров
78	17	39	Дер в Гонговичах над оз, во дв. Ивашко Гарасов да Васко	17	241	В Гонговичах над оз, во дв Сенка, брат Елизарко Ивановы
79	30	40	Дер на Шокшо-озере, во дв Ивашко Мокрушов	30	241	На Шокше-оз Мокрушинская, во дв Тимошко, брат Фетко Мокрушины
80	39	40	На Кемь озере, Палка да Ерасимко	39	241	На Кемь озере, во дв. Микулко Ерасимов
81	2	42	Дер на Корбо-оз после писма, во дв Панфилко Назарков	2	242	Дер. на Корбо-озере, во дв Манулко Панфилов
82	3	42	Дер на Сарго-озере, во дв Сысилько Филипов, Парфенко Филипов до	3	242	Дер на Сарго-озере, во дв. Давыдко Парфеев, брат Матфейко
83	4	42	Дер на Сарго-озере, во дв Михалко Онийсев	4	242	Дер на Сарго-озере, во дв Киричко Михайлов

Таблица 42 (окончание)

№ п/п	№ по пор в описании писц книги	Стр источника (писц, кн Об пят)	1496	№ по пор в описании писц кн	Стр источника	1563
84	6	40	В Чик-озере, во дв Селифан- тик Ивашков	5	243	В Чик-озере, во дв Иванко Селифонтов
85	14	41	Дер в Чик-озере, во дв Он- тушко Кречетов	13	244	В Чик-озере Кречатовское, во дв Куземко Онтуфьев
86	17	41	В Чик-озере, во дв Савка да Якушко, Михалевы дети	16	244	В Чико-озере, во дв Ершь Иванов, Ондрейко Яков- тев
87	21	41	Дер в Чик-озере, во дв Лог- винко Захаров	20	244	Дер в Чиг-озере, во дв Офоновско Логинов
88	36	42	Дер у погоста, во дв старо- ста Тимошка, Сергейко Мерьянин, Ивашко Старо- стин	35	244	Дер у погоста, во дв Иван Сумороков Староста, брат Ондрейко
89	38	42	Дер у погоста, во дв Катин- ка Селиванов	38	244	Дер у погоста, во дв Ми- хитка Калинин
90	39	42	Дер у погоста, во дв Омель- яшко Конанов, сосед Фомка	39	244	Дер у погоста, во дв Иг- натко Фомин
91	1	47	У погоста на Ояти, во дв Еремейко Митрофанов, су- сед Васко, сын Онфалко, зять Ивашко	1	246	У погоста на Ояти Ереме- евская, во дв Сенка Иванов, сын Васка, во дв Мишук Иванов, сын Федко, во дв Куземка Иванов, сын Ивашко
92	5	48	Дер на Ояти А, во дв Доро- фейко Володин, брат его Павлик	5	246	У погоста Дорофеевская, во дв Онтишко Дорофеев
93	15	48	Дер на Ояти, во дв Якушко староста, брат Михалка	15	246	Дер на Ояти Якушевская, во дв Осипко Иванов, сын Лешовка, во дв Гриш- ка Михиев
94	16	48	Дер на Ояти, во дв вдова Орина, сын Федко	16	246	Дер. на Ояти Федковская, во дв Федко Ортемов, сын Поздячко

деле, несмотря на разорение, на непомерное усиление оброков, крестьяне наших погостов продолжают жить в родных деревнях, где жили до них отцы, деды, прадеды. Оказывается, что в «живущих» деревнях, описание которых находится в книге 1583 г., почти всегда живут дети крестьян, которых в книге 1563 г. мы видели в этих же деревнях, или даже те же люди. Явление это носит такой массовый характер, что если бы мы хотели привести список населения деревень подобный предыдущему, то для этого пришлось бы переписать почти всю книгу 1583 г. Конечно в таком управлении нет необходимости, а потому ограничимся несколькими примерами

Т а б л и ц а 43

Стр источ- ника	1563	Лист источ- ника (ЦГАДА № 8050)	1583
147	Дер на Хоймове Губе Кярзино, во дв Митя Родивонов, Микитка Левонтьев, во дв Кипр Иванов Кярзин, Фетко Федоров	859 об	Дер на Хоимове Губе Кярзино, во дв Кипр Иванов, во дв Фетко Миткин, во дв Федко Микитин, во дв Степанко Кярзин
147	Дер в Хоймове Губе Овдокимова, во дв Манулко да Иванко Патракеевы, во дв Иванко Овдокимов, сосед Кондрат Федоров	859	В той же Тоймове Губе Овдокимовская во дв Ивашко Патракеев, во дв Васко Кондратов, во дв. Сергейко Иванов
147	Дер Исаевское, сл Федорова, во дв Ондрейко Федоров, во дв Еремко и Юшко Яковлевы	859 об	Дер Исаевское, сл Федорова, во дв Гришка Ондреев, во дв Еремейко Яковлев, во дв Юшко Яковлев, во дв Офонаско Яковлев, во дв Офонаско Третьяков да Микитка Яковлев
148	Дер Куддуево, во дв Стафей да Иванко Терентьевы	861	Дер Куддуево, во дв Гришка Терентьев, во дв Фетка Стахеев
148	Дер на Кресной горе, во дв Макарко Окулов, во дв Оксенко Яковлев Воля	861 об	Дер Крестьяная гора, во дв Гриша Макарьев, во дв Тимошко Яковлев, во дв Оксенко Яковлев
147	Дер в Пайницах на берегу, во дв Олферко Лаврентьев, во дв Лунко да Тихонко Онаньин, во дв Иванко Никонов да Панфилко Дорофеев	856	Дер в Паиницах на берегу Лаврентьева, во дв Иванко Никонов, во дв Огафонко Тихонов
148	Дер Целополе, во дв Савко Тимофеев Кузнец, брат его Трофимко	861 об — 862	Дер Целополе Савки Тимофеева Кузнеца, во дв Манша Савин

Таким образом, даже кризис 70—80-х годов XVI в не нарушил существовавшего на территории наших Обонежских погостов оседлого образа жизни крестьян. Мы также видели, что при первой возможности даже ушедшие со старых мест во время кризиса крестьяне спешат вернуться в свои деревни. Нет никаких оснований думать, что в других местах Московского государства положение было иным. Приведенный материал писцовых книг дает нам право не колеблясь сделать вывод о совершенной несостоятельности мнения о склонности русского крестьянства к полукочевой, бродячей жизни.

* * *

Подведем кратко итоги изложенному материалу всех изученных писцовых книг.

1 В результате конфискации боярских волостей, основная масса которых была отписана на великого князя еще в 1476—1481 гг. (т. е.

до общего сведения, отмеченного в летописях под 1484 и 1489 гг.), и частичной конфискации монастырских почти все волости (92% обел и населения) перешли в число государевых оброчных

2 Натуральная рента, господствовавшая в боярщинах (вместе с денежной) в государевых волостях заменяется денежной В погостах Шунгском и Ильинском оброк взимается либо хлебом и деньгами, либо, как и в остальных погостах, только деньгами

3 Замена натуральной ренты — рентой денежной, требующая уже довольно развитого уровня товарно-денежных отношений, влечет за собой, с одной стороны, разорение (в самом конце XV—начале XVI в) некоторых крестьянских хозяйств, с другой — развитие торговли, которое особенно заметно в Вытегорском и Шунгском погостах

4 В 60-х годах XVI в происходит повышение крестьянских платежей в 4—6 раз Это усиление податного тягла вызвано войнами, которые вел Иван IV, в особенности Ливонской войной 1558—1583 гг

5 Материалы писцовых книг позволяют сделать вывод, что развитие деревни и ее хозяйства продолжалось нормально с конца XV в до конца 60-х — начала 70-х годов XVI в После этого наступает кризис сельского хозяйства, явившийся следствием войны и ненормального повышения оброков

6 Хозяйственный кризис в Обонежских погостах наступает не ранее середины 70-х годов XVI в

7 Кризису предшествует значительное оживление хозяйства (увеличение покосов и запашки) и рост деревни

8 Техника сельского хозяйства (трехпольный севооборот) остается неизменной даже в годы кризиса

9 Писцовая книга 1583 г, которая была составлена тотчас же после окончания Ливонской войны, уже говорит нам о начавшемся возвращении крестьян на родные места, в сожженные врагом деревни, которые они восстанавливают заново

10 Существование территориальных крестьянских общин-миров в Обонежских погостах не вызывает никакого сомнения

11 Основная масса крестьян постоянно, из поколения в поколение, живет в родных деревнях Право говорить об этом дает сравнение населения одних и тех же деревень, произведенное по писцовым книгам 1496, 1563—1566 и 1583 гг

12 Несмотря на отдаленность Обонежских погостов от центра, они переживают ту же судьбу и подчиняются тем же законам развития, что и вся территория Московского государства в XV—XVI вв

А. А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ДОНСКОЙ ТОРГОВЛИ В XVII ВЕКЕ

Занятие течения Дона казачьими городками, к концу XVI в почти вплотную придвинувшимися к Азову,¹ появление на Дону достаточно многочисленного населения, нуждавшегося в продуктах питания и других товарах, почти непрерывная война на суше и на море, доставлявшая добычу, развитие на Дону рыболовства и охоты — все это вызвало товарообмен Дона с внутренними областями государства. Торговое движение по Дону не может, конечно, по своим размерам идти в сравнение ни с северной, ни с волжской русской торговлей, имевшей огромное значение для всего хозяйства Русского государства, — донская торговля имела гораздо более узкое значение. Однако сфера ее влияния распространялась на обширную область бассейна Дона и его притоков, ее воздействию подвергалась хозяйственная жизнь многих южнорусских городов и уездов. Вследствие этого связи, образовавшиеся на почве донской торговли, нельзя не учитывать при исследовании процесса слияния (примерно с XVII в.) обособленных до того областей и территорий Русского государства в один всероссийский рынок.²

Отсутствие сколько-нибудь цельного и полного источника было, по-видимому, основной причиной того, что до сих пор не было сделано попыток конкретного исследования донской торговли. Сведения о ней рассеяны среди документов Разряда и отчасти Посольского приказа. Для XVI в мы почти не имеем других сведений о торговле по Дону, кроме сообщений о проезде турецких и других купцов с товарами вместе с русскими посольствами. Более ясно и отчетливо мы можем представить себе донскую торговлю по данным XVII в.

Предлагаемый очерк отнюдь не претендует на полноту и представляет собой лишь попытку сгруппировать те разбросанные по различным фондам сведения о донской торговле, которые нам удалось собрать в целях выяснения форм, характера и размеров торгового движения по Дону XVII в.

I

Известно, что Борис Годунов пытался изолировать Донскую область от внутренних областей государства. «казакам от царя Бориса, — говорит «Новый летописец», — было гонение велие, не пушал их ни на которой город, куда они не приидут, и их везде имаше и по темницам

¹ ЦГАДА, Турецк кн., № 2, лл 304 об — 305, кн № 3, лл 230 об — 231, 239. В 1593 г впервые, кажется, упоминается Черкасский казачий городок и в 1594 г Монастырский остров, где расположилось казачье войско и откуда отпускали в Турцию русских послов.

² В. И. Ленин Соч., изд 3-е, т I, стр 74.

сажаху»³ Грамотой от сентября 1615 г. по челобитью войска Донского, правительство царя Михаила Федоровича разрешило казакам свободный проезд в украинные города с товарами и без товаров, разрешило казакам вольный и беспошлинный торг, запретило воеводам и приказным чинить над ними насилия⁴ В 1628 г. торговые люди различных южных городов при их допросе показали, что они начали ходить на Дон после «московского разорения», а до этого выход на Дон запрещался, и о том в украинных городах была «крепкая заповедь».⁵ В грамоте от 22 октября 1625 г., укоряя казаков за нарушение мира с Турцией и с Крымом, следствием чего были набеги татар на московскую Украину, правительство напоминало им о той «неволе», которая тяготела над ними при прежних государях и особенно при царе Борисе им было запрещено тогда приезжать не только в Москву, но и к родственникам в украинные города, везде им было «заказано купить и продать», везде казаков захватывали и нередко заключали в тюрьму, а многих вешали и «в воду сажали» В противоположность таким порядкам, теперь казаки пользуются правом вольной и беспошлинной торговли, и торговые люди из городов Московского государства свободно ездят на Дон «со всякими торги и запасы» Грамота угрожает в случае нового нарушения мира и непослушания правительственным указам отменой всех этих вольностей⁶

Вольная и беспошлинная торговля донского казачества проходила вне контроля правительственных органов, поэтому мы имеем о ней лишь отрывочные и очень неполные сведения, более полные сведения мы имеем о торговых сношениях с Донской областью московских торговых людей, поскольку эти сношения строго контролировались в целях предупреждения побегов на Дон крестьян и холопов, а также в интересах фиска Торговые люди, уезжавшие на Дон в казачьи городки с товарами и запасами, подавали воеводам челобитные с указанием цели и места поездки, срока пребывания на Дону, количества едущих с ними людей, представляли поручительства за себя, приказчиков, кормщиков, гребцов и «работных людей» в соблюдении срока и лояльности поведения Получив отпуск от воеводы, торговые люди являли свои товары в таможне и уплачивали пошлины Наконец, уже в пути торговые люди и их суда подвергались осмотру на «заставах», устроенных в определенных местах для задержания беглых холопов и крестьян, а также всякого состояния людей, бежавших на Дон, и для конфискации «заповедных товаров»

До последней четверти XVII в. известно существование двух «застав». Первая была на Дону, ниже впадения р. Тихой Сосны, в нескольких верстах от г. Коротояка Здесь осматривали всех едущих на Дон Вторая застава — Острогжская, близ устья р. Тихой Сосны, где производился осмотр судов, спускавшихся по этой реке. В 1681 г., по челобитью населявших Острогжск черкас, была устроена третья застава на р. Тихой Сосне специально для надзора за проездом острогжских черкас, ходивших в «донской и вотчинный отпуск» С самого начала поселения здесь в 1652 г. черкасы получили право промысла на Дону и Черной Калитве и право свободного проезда в эти свои вотчины Эти привилегии были предметом зависти московских торговых людей

³ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 61

⁴ Материалы для истории войска Донского Грамоты Новочеркасск, 1864, стр. 23—24

⁵ ЦГАДА, Приказный ст., № 31, лл. 65—66

⁶ Материалы для истории войска Донского Грамоты, Новочеркасск, 1864, стр. 39—45

Московские воеводы, отражая эту конкуренцию, обвиняли острогожского черкасского полковника в злоупотреблениях и пропуске на Дон беглых. Под влиянием их настояний правительство упразднило в 1686 г. заставу острогожскую (черкасскую), сосредоточив осмотр всех судов на одной коротоякской заставе. Черкасы стали жаловаться на незаконные поборы со стороны воевод и таможенных голов, на неудобства явки на коротоякскую заставу, для чего приходилось, выйдя из устья Тихой Сосны, подниматься вверх по Дону, на затруднения при поездках в свои вотчины на промыслы.⁷ Результатом этих жалоб и ходатайств были правительственные указы 1688, 1692 и 1693 гг. о восстановлении особой черкасской заставы под ведением острогожского полковника.⁸ Надо думать, что подобный же осмотр торговых судов производился и на Северном Донце, но прямых указаний на то, каким образом был организован здесь контроль торгового движения, мы не имеем.

Низовое войско донское было чрезвычайно заинтересовано в постоянных торговых связях с внутренними областями Русского государства и в предоставленных ему торговых льготах. Поэтому, регулируя торговое движение на Дону, разрешая или запрещая его, московское правительство имело в своих руках сильнейшее средство воздействия на донское казачество.

К началу 30-х годов XVII в. между русским правительством и донским казачеством возник острый конфликт. Правительство готовилось к войне с Польшей и рассчитывало при этом на союз с Турцией и с Крымом. Донское казачество, производя постоянные нападения на побережье Турции и Крыма, нарушало расчеты правительства. Русское правительство обращалось к войску с грамотами, в которых разъясняло ему свои планы и требовало прекращения морских экспедиций. В 1630 г. правительство предписало донским казакам идти на помощь турецким пашам, стоявшим с войском на Узе (на Днепре, под Очаковом). Казаки ответили решительным отказом и продолжали свои походы. Правительство ответило на эти действия казаков репрессивными мерами: казаки станицы атамана Васильева, приехавшие в Москву с войсковыми отписками, были разосланы по городам, на Дон была отправлена грамота с опалой от государя «без милости и без пощады», а от патриарха Филарета — «с вечным запрещением и отлучением» за нарушение мира с Турцией и Крымом. Послам в Турцию А. Совину и М. Алфимову был дан наказ требовать от казаков «жестоким обычаем» соблюдения мира с Турцией и Крымом. Эти правительственные меры вызвали среди казачьей массы сильное возбуждение, выразившееся в убийстве на Дону воеводы Ив. Карамышева. Самой важной и сильной правительственной мерой, направленной против казачьего своеволия, было стеснение торгового движения на Дону и отмена льгот и преимуществ, которыми казаки начали пользоваться при царе Михаиле Федоровиче. Повидимому, они были лишены права свободного торгового движения в украинских городах. Казаки жалуются на лишние с них поборы по украинным городам, на случаи заключения их в тюрьму воеводами. Словом, положение казачества возвращалось ко временам царя Бориса.

Меры правительства достигли цели — своеволие казаков было сломлено. В последующие годы донское войско следует указаниям из

⁷ ЦГАДА, Приказный ст., № 1438, лл. 125—130, 146, 157—160, 175—178, 210, 216, 240—241.

⁸ ЦГАДА, Острогожской полковой канцелярии столбцы, № 8, лл. 1—5; № 6, лл. 3 и сл., 16 и сл.

Москвы и ведет важные военные операции против татар в соответствии с правительственными предписаниями. Прежний порядок торговли на Дону был восстановлен лишь постепенно.⁹

В 50-х годах, в связи со слухами о моровом поветрии на Дону, было приостановлено торговое движение по Дону. В 1655 г. войско просило о разрешении торговли.¹⁰

В 1659 г. отряд казачьей вольницы построил на одном из островков на Дону ниже впадения р. Иловли городок, назвав его Ригую, и в течение всего лета не пропускал на Дон торговых людей с запасами и товарами. Зимой казаки верховых и низовых городков объединенными силами взяли городок Ригу, главарей бунтовского отряда после допроса «в круг» повесили и открыли свободный проезд по Дону.¹¹

В 1668 г. атаман Ф. Минаев заявлял в Москве, что в ряде городов (Ельце, Воронеже, Урыве, Коротояке) с торговых людей берут большие пошлины, отчего торговые люди не едут на Дон с товарами и запасами. Такие же поборы производятся и на таможнях по Северному Донцу, вопреки давнему обычаю облагаются пошлинами и казаки. Правительство подтвердило право казаков на беспошлинную торговлю. Но войско этим не удовлетворилось и в следующем году возобновило свое ходатайство о прекращении повышенных незаконных поборов со всех торговых людей, приезжавших на Дон из Руси, потому что это ведет к вздорожанию хлебных запасов на Дону.¹²

В 1669 г. Степан Разин, укрепившись в Кагальнике, запер движение по Дону. В связи с началом восстания на Дону правительство категорически запретило пропуск торговых людей на Дон. В 1671 г. в мае, по докладу атамана Яковлева о захвате Степана Разина в Кагальнике, было разрешено частично плавание по Дону, и лишь после вторичного челобитья (1 июня 1671 г.), с заверением о полном успокоении, было открыто беспрепятственное торговое движение.¹³

II

Плавание по Дону совершалось в бударах и дошанниках, известных также под более общим названием стругов. В 1641 г. промышлявшие торговлю на Дону воронежские торговые люди, вызванные воеводой для опроса в качестве специалистов по судоходному делу, показали, что сами они с Воронежа на Дон и в Азов (во время захвата последнего казаками в 1637—1641 гг.) ходят для своих промыслов «в малых стругах в одnodеревных», длиной в 8—10 саж., в каждом из них по 5—7 гребцов, кроме кормщика. До Азова они платят кормщику рублей по 7—10, а гребцам — по 5—6 рублей на своем хлебе. Наибольший размер струга, который они считали допустимым для плавания по Дону, — 11½ саж. в длину и 2 саж. без локтя в поперечнике, грузоподъемностью в 150—200 четвертей хлеба. Хлебные запасы обычно сплавлялись полый водой, которая приходит из Руси в Азов к Троицыну дню или, самое позднее, в Петров пост. После спада воды плавание по Дону затрудняется «мелями и колодами многими». По мнению торговых людей, было нецелесообразно строить струги грузо-

⁹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1630 г., № 2 (наказ Алфимову), № 5, лл. 69, 96 и др. Донские дела, т. I, стр. 339, 535—537.

¹⁰ ЦГАДА, Донские дела, 1655 г., № 4, лл. 1—15.

¹¹ Название городка Ригую — отзыв поход русских войск под Ригу. ЦГАДА, Донские дела, 1659 г., № 11, л. 11, 1660, лл. 2—3.

¹² ЦГАДА, Белгородский ст., № 608, лл. 88—89, 99—101.

¹³ ЦГАДА, Приказный ст., № 401, л. 1 и сл., Белгородский ст., № 671, л. 10 и сл., № 715, лл. 515—518.

подъемностью в 400—500 четвертей, как предполагали в Москве, так как в полую воду при быстром течении с ними будет невозможно управиться «место луковато (извилисто) и перебоины (отмели) через луки многие» Кроме того, в полую воду, когда вода широко разливается, легче уберечься от нападения воинских людей с берега и от стрельбы из луков, так как с ногайской стороны (левой) к реке во многих местах подходят леса и открытые степи Когда же Дон войдет в берега, остается рассчитывать только на естественную ширину реки ¹⁴

Возможно, что кроме плавания по Дону и его притокам — Тихой Сосне и Северному Донцу движение стругов происходило и по Хопру и Битюгу Бассейны этих последних рек представляли собой несколько обособленные районы Здесь преобладающее значение имели не военные экспедиции, а рыбные и лесные промыслы Теснее здесь чувствовалась связь с соседними уездами Московского государства Сюда с разрешения местных воевод приходили для промысла жители уездов Тамбова, Козлова, Доброго и др., организовавшись в артели и «станции» для рыбной и звериной ловли На Хопер из тех же уездов привозили хлебные запасы Таким образом, здесь сложился свой рынок, обособленный от области низового войска Если по этим рекам и происходило торговое движение, то как протекавшее вне контроля московской власти оно не нашло своего отражения в документах Редки также указания на плавание по Северному Донцу

Собирая рассеянные в документах данные о торговом движении по речным путям (причем в эти данные не входит вольная казачья торговля), мы получаем следующее о нем представление В 1626 г., по указанию разных торговых людей, на Дон ходило 60 будар белгородских торговых людей и 20 будар курских ¹⁵ В 1631 г. стрельцы, посланные из Царицына на Дон «для вестей», сообщили, что в мае «в казачье нижнее войско» приезжала группа торговых людей из Воронежа со всякими запасами Ожидали прибытия 20 будар из Белгорода и 70 человек с товарами из Валуйки Когда стрельцы были на Дону, туда приезжали с хлебными запасами два монаха Савинской пустыни ¹⁶

В августе 1646 г., когда был организован поход московских войск под Азов на татарские улусы, правительство обратилось с призывом к торговым людям украинских городов о поездке на Дон «со всякими товарами и с промыслами» Для организации этого каравана судов был назначен воронежец В. Струков 20 сентября 1646 г. караван вышел из Воронежа в составе 34 дощанников и однодеревных судов Ниже к нему присоединилось еще 20 таких же судов из государевых откупных вотчин и 10 стругов из вотчин бояр Н. И. Романова и кн. А. Н. Трубецкого (Лебедянского уезда) Видимо, позднее приезд на Дон торговых людей продолжался Вследствие этого, как сообщал в Москву В. Струков, «на Дону в войску и по всей реке хлебных запасов, меду, вина, свинцу и зелья у торговых людей [было] много, мех муки ржаной осминной купят в пол-полтины, пшеница мех — в 20 алтын, меду пуд по 20 по 5 алтын, фунт пороку — в 10 денег, а иные товары дешевы, купить некому и нечем» ¹⁷

В 1671 г. в течение приблизительно трех месяцев (июль—сентябрь), когда по окончании восстания Степана Разина, было разрешено плавание по Дону, в Коротояке было зарегистрировано прошедших вниз по

¹⁴ ЦГАДА, Белгородский ст., № 141, лл. 9—10, 20—21, 48—49, 352—354, 442—445

¹⁵ ЦГАДА, Приказный ст., № 31, лл. 151, 156—158, 313—314.

¹⁶ Там же, № 37, лл. 637—640

¹⁷ ЦГАДА, Белгородский ст., № 235, лл. 189—190

Дону 42 дощанника, 11 будар и некоторое количество лодок и каюков. На всех этих судах находилось 350 человек, владельцев и их работных людей. Среди судов было несколько рыболовных, например, воронежца Ф. Стрюкова с товарищами (20 человек), крестьян с Мокрого Буерака (Лебедянского уезда), вотчины кн. И. А. Воротынского 7 будар, а на них 47 человек.¹⁸ В таможенной книге Коротояка с сентября 1672 г. по август 1673 г. было зарегистрировано 38 случаев отправления торговых людей с хлебными запасами, медом, суслом и всякими другими товарами «в Донской ход» в сентябре 1672 г. — 4, в октябре — 6, в феврале 1673 г. — 1, в апреле — 2, в июне — 16, в июле — 6, в августе — 3.¹⁹ В 1674 г. за сентябрь — октябрь (по отрывку документа) насчитывается до 20 будар, прошедших через коротоякскую таможенную регистрацию вниз по Дону с разнообразными товарами.²⁰ В 1682 г. с марта по сентябрь было отпущено на Дон из Острогожска по Тихой Сосне 70 будар, 10 лодок и 1 дощанник в марте — 32, в апреле — 10, в мае — 6, в июне — 11, в июле — 10, в августе — 10, в сентябре — 2. На всех этих судах было более 560 человек.²¹ В 1691 г. с марта по сентябрь из казачьих городков прошло обратно к Острогожску по Тихой Сосне 112 судов.²² В 1692 г. с марта по октябрь в том же направлении прошло 96 будар.²³

Помимо речных торговых путей существовали и сухопутные дороги. Такowymi были пути вниз по течению Дона, которым обычно пользовались зимой, и степная дорога от Валуйки через Северный Донец. Отрывочные сведения о пользовании этой последней дорогой мы встречаем в переписке Посольского приказа «о размене» послов между Москвой и Крымом, происходившем недалеко от Валуйки на р. Ураевой. Татары, приезжавшие на «размену», нередко встречались здесь с торговыми людьми, возвращавшимися из казачьих городков с товарами и конями. В 1620 г. татары, сопровождавшие крымских послов, захватили казаков, которые шли на Валуйку, «а гонят лошадей, везут ковры и сафьяны турецкие и иные товары», татары по пятнам узнали своих лошадей.²⁴ В 1627 г. 90 человек торговых людей были осаждены в степи татарами, приехавшими на «размену» послов. Окольничий Далматов-Карпов, посланный на «размену» из Москвы, освободил торговых людей из осады. Среди них оказались жители Воронежа, Ельца, Курска, Ряжска, Белева и других городов. При них было 122 крымские и ногайские лошади, часть которых Далматов-Карпов возвратил татарам, а на Дону торговые люди были «с продажным запасом, и вином, и с товары». Кроме коней с Дона торговые люди не вывели с собой ничего, так как, по их объяснению, «товары вывозят те, которые выходят стругами».²⁵ В 1629 г. весной через Оскол прошли на Москву значительным отрядом казаки с крымским полоном и конями.²⁶ В 1638 г. у р. Ураевой татары, бывшие на «размене», захватили казаков, гнавших с Дона лошадей, а спустя некоторое время захватили служилых людей украинских городов и казаков, ехавших из Азова с товарами.²⁷ Такой же

¹⁸ Там же, № 715, лл. 310—325.

¹⁹ ЦГАДА, Денежный ст., кн. № 346.

²⁰ ЦГАДА, Белгородский ст., № 901, л. 1 и сл.

²¹ ЦГАДА, Острогожский ст., № 1.

²² Там же, № 3.

²³ Там же, № 4.

²⁴ ЦГАДА, Крымские дела, 1629 г., № 3, л. 34.

²⁵ ЦГАДА, Приказный ст., № 31, лл. 1—5, 65—66.

²⁶ ЦГАДА, Крымские дела, 1629 г., № 9, л. 4.

²⁷ Там же, 1636 г., № 11, лл. 423—425, 435, 469.

эпизод имел место в 1659 г.²⁸ Все эти факты дают основание полагать, что степная дорога из нижних казачьих городков на Валуйку, несмотря на ее опасность, служила для связи с низовьем Дона.

Специальное назначение имел путь суши между Волгой и Доном, в месте их наибольшего сближения. Этот путь использовался главным образом для вывоза соли и стал играть заметную роль со второй половины XVII в., когда стала производиться добыча соли в озере Эльтон.

Отрывочность данных не дает возможности сделать какое-либо точное заключение о темпах развития торговли по Дону, но несомненно, что со второй половины XVII в. торговля выросла по сравнению с первой половиной столетия. Вообще говоря, торговля шла неравномерно. На усиление ее влияли успешность военных экспедиций, совершавшихся казаками, приток на Нижний Дон людей, участвовавших в этих экспедициях, иногда по прямому указу из Москвы, как, например, это было в 1646 г. Захват Азова казаками в 1637 г. повлек скопление на низовьях Дона более 10 тыс. человек.²⁹ В то время в Азов съехались торговые люди — русские, персы, армяне, торговые люди из Кафы, привлеченные огромной добычей и возможностью непосредственных сношений с Московским государством.³⁰ Пребывание на Дону московских войск (1648—1650, 1661—1662, 1672—1675, 1682 гг.) резко усиливало потребность в подвозе туда продовольственных запасов.

III

Донская торговля охватывала своим влиянием города и уезды бассейна Дона. Донские казаки говорили, что к ним приезжали для торгового промысла жители всех городов, «из-под которых реки впади в Дон», но в перечнях торгующих по Дону городов упоминается ряд городов, выходящих далеко за намеченные границы: Острогожск, Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж, Елец, Талецкой, Землянский, Орлов, Романов, Усмань, Белоколодск, Сокольск, Лебедянь, Козлов, Тамбов, Ряжск, Зарайск, Михайлов, Скопин, по Северному Донцу с притоками Белгород, Валуйки, Старый Оскол, Новый Оскол, Чугуев. В числе торгующих по Дону упоминаются жители Путивля, Рыльска, Курска, Калуги, Тулы, Белева.³¹ В торговый оборот по Дону были втянуты представители торгового мира Москвы. Участием в донской торговле не пренебрегали и представители высших разрядов купечества. Эпизодически появлялись на Дону торговые люди из литовско-польских городов. Так, в 1646 г. в Воронеж прибыло 20 человек литвы и черкас с вином, табаком и другими товарами. Ссылаясь на договор Польши с Москвой, они добивались пропуска их на Дон и после переписки с Москвой получили его.³²

Донская торговля имела свои центры, где ее влияние сказывалось особенно сильно и где торговля достигла наиболее крупных размеров. Такими центрами были, прежде всего Воронеж, Коротояк и Острогожск, а также, повидимому, Белгород и Елец. Первые три города были важны и как транзитные пункты и как центры самостоятельных торговых операций. Достаточно хорошо известно, что в Воронеже был самый

²⁸ ЦГАДА, Донские дела, 1659 г., № 7, л. 3.

²⁹ Н. Янчевский. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства XVI—XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930, стр. 135, 169.

³⁰ ЦГАДА, Крымские дела, 1620 г., лл. 27—28.

³¹ ЦГАДА, Белгородский ст., № 608, л. 90, № 236, лл. 154—156; № 715, лл. 244—247, № 673, лл. 354—355.

³² ЦГАДА, Приказный ст., № 162, лл. 551—555.

крупный посад из всех городов Белгородской черты³³ В росте этого посада, несомненно, сказалось влияние донской торговли С августа по октябрь 1674 г через Коротояк прошли на Дон 32 торговых человека с товарами на своих стругах По приблизительному подсчету, ими было провезено товаров на 4300 руб Более половины всех торговых людей были воронежцы, посадские и торговые люди, с товарами на сумму 2500 руб Ниже стоят торговые люди Ельца и Романова, которые провезли товаров на сумму по 700 руб приблизительно³⁴ Из 38 случаев отправок стругов вниз по Дону, зарегистрированных в коротоянской таможенной книге с сентября 1672 г по август 1673 г, 11 относятся к воронежцам, 8 — коротоячанам, 4 — ельчанам³⁵ По активности участия в донской торговле вслед за Воронежем, кажется, надо поставить Остроужск В этом городе возникла острая конкуренция русской и черкасской торговли Черкасы полка Дзинковского получили рыбные и бобровые промыслы по р Черной Калитве и право торговли по Дону, в казачьи городки сбывали они хлебные запасы в обмен на рыбу и соль «ходят они из Остроужска рекою Сосною на Дон в казачьи городки бударами с хлебными запасы и лотками для торговых промыслов», «а с Дону идут в Остроужской с солью и с рыбою»³⁶ Русские посадские люди, опираясь на воевод и действуя через них, добивались отмены привилегий остроужских черкас Последние живо чувствовали опасность русской конкуренции В одной своей челобитной они говорили о том, что пришлые русские люди теснят их в самом городе, занимают своими лавками торговую площадь и нарушают их привилегии³⁷ Русские посадские люди, жалуясь на льготность положения черкас, находили, однако, достаточно простора и выгод в донском торге В списках торговых людей, приезжавших на Дон через Остроужскую заставу, встречается немало русских посадских людей Из числа 81 струга, отпущенного на Дон с марта по сентябрь 1682 г, 46 принадлежало жителям Остроужска, приблизительно поровну — остроужским черкасам и русским посадским людям Через Остроужск вели торговлю люди высших разрядов, гостиной сотни и кадашевцы В 1682 г упоминаются кадашевцы Елистрат Пискарев, Ефрем и Иван Кожевниковы³⁸ В 1691 г Е Пискарев и Е Кожевников уже значатся в составе гостиной сотни Кроме того в гостиной же сотне находим в эти же годы Пискарева Михаила, Кожевниковых Никиту и Гаврила³⁹ Все они жители Остроужска Очевидно, донской торговый промысел обогащал торговых людей настолько, что они поднимались в высшие разряды московских торговых людей

Остроужск был центром крупных торговых сделок Как выясняется из дела, возникшего по жалобе остроужского полковника Ф И Куколи в 1698 г. на незаконное взимание с приезжих торговых людей по 6 денег с дуги, сюда приезжали на подводах торговые люди из Белгорода, Курска, Ельца, Воронежа, Севска, Оскола, Коротояка, Урыва, Землянска,

³³ Д И Багалей Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т I, М., 1887, стр 216

³⁴ ЦГАДА, Белгородский ст., № 901, лл. 1 и сл

³⁵ ЦГАДА, Денежный ст., кн № 346

³⁶ Л В Черепнин Классовая борьба в 1682 г на юге Московского государства «Исторические записки», т IV, стр 70—71

³⁷ Л Веннберг и А Полторацкая Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, 1887, стр 138—139, П Головинский Слободские казачьи потки, СПб., 1865, стр 63, 113—117, ЦГАДА Остроужский ст., № 8, лл 8—9.

³⁸ ЦГАДА Остроужский ст., № 1

³⁹ Там же, № 3

Ливен, Костенска и других городов и уездов с хлебом и всякими другими товарами для продажи и для закупки хлеба, соли и пр. Незаконные поборы убивали торговлю. В этом году, приехав на 20, 30, 50, 100 и более подводах, торговые люди отказались от закупок и разъехались по другим городам.⁴⁰ Острогожск был одним из излюбленных мест закупок хлеба, производившихся донскими казаками. Острогожск был также не менее оживленным рынком труда. Отсюда производился наем множества гребцов на струги и будары из числа вольных русских людей и черкас.

В торговое движение по Дону были втянуты все слои украинного населения сверху донизу. Главный по численности контингент лиц, имевших сношения с низовым казачьим войском, составляли служилые люди всех наименований: дети боярские, солдаты, драгуны, стрельцы, казаки, пушкары и т. д. Выгодность торговых операций увлекала местных воевод и приказных людей, дьяков и подьячих, что обнаруживается из дел об этих операциях, достигавших иногда крупных размеров. Активную роль в торговле играли монастыри: Борщев монастырь, Савинская пустынь, Чудов монастырь вели регулярный торг по Дону. Из тяглых слоев населения выделяются по своей видной роли в торговле жители монастырских оброчных слобод. В 1628 г. был составлен список 59 воронежских жителей, ездивших на Дон без надлежащего разрешения. В подавляющем большинстве (51 человек) они оказались жителями таких слобод.⁴¹ Участвовали в торговле также крестьяне монастырей и частных владельцев, примеры чего приведены ниже. Удельный вес в торговом обороте каждой из категорий населения до известной степени выясняется из дальнейшего анализа форм и характера донской торговли.

IV

Как видно из документов, представление о торговом человеке в то время было довольно широким. Значительное число служилых людей «приборных чинов», а также лиц из тяглых слоев и вольных людей отправлялось на Дон, не захватывая с собой никаких товаров. Часто они были гребцами и работными людьми на стругах и затем работали на Дону по найму. На заработанные деньги они чаще всего приобретали там коней, которых, возвратившись на Русь, перепродавали. Документы и этих людей называют торговыми людьми. Таковыми же считались они, когда, получив долю добычи, захваченной во время казачьих экспедиций, они везли ее продавать на Русь или же реализовали на Дону на месте.

Наемный труд довольно широко применялся на Дону. В одной из войсковых грамот 1673 г. содержится прямое указание на то, что казаки многих пришедших с Руси людей держат у себя в городах для всякой работы.⁴² Так, в 20-х годах гулящий человек из Курска жил на Дону 10 недель, нанимаясь косить сено у казаков, заработав 3 рубля, он купил двух лошадей.⁴³ Казаки нанимали плотников для постройки укреплений в своих городках.⁴⁴ Работа на торговых судах в качестве кормщиков и гребцов, очевидно, являлась промыслом для значительного круга украинских людей. За март — сентябрь 1682 г. на 80 прошедших через Острогожск судах было до 560 человек гребцов и кормщиков. В 1691 г. на

⁴⁰ Там же, № 6, л. 29.

⁴¹ ЦГАДА, Приказный ст., № 31, л. 374. О роли Борщева монастыря см. Н. Янчевский, Указ соч., стр. 121, 140, 161.

⁴² ЦГАДА, Донские дела, 1673 г., № 13, л. 23.

⁴³ ЦГАДА, Приказные дела, № 31, л. 153.

⁴⁴ ЦГАДА, Донские дела, 1655 г., № 4, лл. 11, 38.

112 судах, прошедших через Острогожскую заставу вверх по Дону, считая на каждом по 7 человек, следует предполагать общую цифру гребцов и рабочих до 800 человек ⁴⁵ В 1688 г в Острогожске были запрещены поездки на промыслы и наем казаков в гребцы, чтобы ввиду военных приготовлений «не обезлюдеть города» ⁴⁶

На Дону находили применение своего труда ремесленники самых разнообразных категорий Чаще всего в документах упоминаются портные и сапожные мастера Так, в 1626 г курский монастырский бобыль с двумя товарищами ходил на Дон «кормиться сапожным мастерством» С собой они повезли (на струге) две юфти яловочных кож красных да 100 подошв На том же судне было еще 10 ремесленных людей, специальность которых не указана в документе Первые три названные выше ремесленники выручили на Дону 15 руб Монастырский бобыль купил за 4 руб. двух лошадей, одну из которых он продал на Валуйке сыну боярскому за 4½ руб Другой сапожный мастер из того же Курска, в том же году, отправляясь на Дон, имел с собой 3 руб денег, в течение 10 недель он заработал на Дону еще 3 руб, на всю сумму имевшихся у него денег он купил двух лошадей Портной мастер, приезжавший на Дон в том же году, заработав там 5 руб, купил также двух лошадей, из которых одна погибла во время возвращения на Русь, но зато другую он продал за 7½ руб Из ремесленников других специальностей упоминаются в документах мастера серебряного дела и пекари ⁴⁷

Еще более многочисленна была категория лиц, торговые операции которых на Дону по своей незначительности вполне заслуживают названия «мешечничества» В большинстве своем это были все те же служилые люди украинских городов Главной целью их поездок на Дон была покупка лошадей с целью перепродажи их на Руси Многих соблазняли выгода и легкость такой операции Эти лица брали с собой небольшое количество хлебных запасов, обычно 1—3 четверти, и этого было вполне достаточно для приобретения на полученные от продажи хлеба деньги 1—3 лошадей Из документов можно было бы привести десятки подобных примеров Так, в 20-х годах один из жителей Воронежа возил на Дон 2 четверти хлеба, продал его там и купил на вырученные деньги пять лошадей Другой отвез на Дон и продал 3 четверти хлеба и купил трех лошадей ⁴⁸ Обычно купленные на Дону лошади продавались на Русь по двойной цене.

Но еще более широким явлением было то, что съезжавшиеся на Дон с Руси люди не имели с собой никаких запасов на продажу или средств на покупку товаров Весь их расчет строился на участии в казачьих походах и той добыче, которую могли принести эти предприятия Эти пришлые люди были необходимым элементом казачьих походов. Без такого постоянного подкрепления со стороны вольных и охочих людей активность донского казачьего войска никогда не приобретала бы значительного размаха В 1623 г в захвате и ограблении турецких кораблей принимали участие «торговые люди» украинских городов Белгорода, Курска, Оскола, Путивля, Ливен, Ельца и даже московские торговые люди ⁴⁹ Известно, что во взятии Азова в 1637 г принимало участие значительное число таких пришлых с Руси людей, получивших затем свою долю в добыче ⁵⁰ Но они не были равноправными членами казачьего

⁴⁵ ЦГАДА Острогожский ст., № 1 и № 3

⁴⁶ Там же, № 8, лл 6—7

⁴⁷ ЦГАДА, Приказный ст., № 31, лл 146—152, 154—157, 202, 318

⁴⁸ Там же, лл 132, 134, 164, 166 и др.

⁴⁹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1622 г., № 2, лл. 7—8, 15—16

⁵⁰ Там же, 1637 г., № 1, л. 363

войска В 1642 г татары взяли в плен несколько человек из числа казаков, совершавших нападения на побережье Крыма. Эти пленные показали, что на Дону они жили всего лишь две недели, в казачий круг, они допущены не были и о планах войска ничего не знали.⁵¹ В 1643 г в Раздорах отсиживалось от турок вместе с казаками до 500 таких русских людей из украинских городов. Утомленные длительной борьбой и осадой, жители украинских городов желали бы вернуться на родину, о чем они били челом войску «в кругу». Но войско, нуждаясь в людях, их не отпустило.⁵²

Если одни из украинских людей непосредственно участвовали в казачьих предприятиях, то другие, обладавшие средствами, выступали в качестве кредиторов и скупщиков добычи тут же на месте. В 1627 г вместе с казаками, производившими разбой на Волге, «зимовали и торговали с ними» русские торговые люди, у казаков они покупали ясырь, а им продавали порох и свинец.⁵³ Вместе с «домовитыми» казаками, обладавшими средствами, торговые люди субсидировали неимущих участников походов. Ходившие с Разиным в персидский поход казаки пользовались ссудой со стороны торговых людей и домовитых казаков.⁵⁴ От 1685 г имеется в общей форме прямое указание на то, что приезжающие из украинских городов с товарами и запасами на Дон «купеческие люди» вместе с казаками ходят в походы, дают казакам в ссуду ружья, свинец, порох с условием выдачи им половины или третьей части добычи.⁵⁵ Таким образом, украинные люди, приходившие в казачье войско для участия в его походах, превращались затем в «торговых людей», а торговые и промышленные люди, имевшие средства и товары, — в участников и организаторов этих походов. Такое слияние военной деятельности и торговли далеко не исчерпывало всего содержания донской торговли, но представляло собой одну из характерных ее черт. История знает много подобных же примеров соединения войны, пиратства и торговли.

Военные походы донского казачества были предприятиями, требовавшими постоянного подкрепления живыми человеческими силами, материальными и денежными средствами. Вполне естественно, что вокруг этого дела создавались значительные капиталы и оживленный торговый оборот. Наиболее крупные из торговых людей, участвовавшие в донском торге, грузили товарами целые струги и за судоходный сезон успевали не один раз сплавлять их на Дон и возвращать обратно. В 1691 г острогожский полковой казак Кирилл Воскобойников провел из казачьих городков три раза по одной бударе. В 1692 г он же провел две будары. В 1691 г гостиной сотни острогожский торговый человек Никита Кожевников отправил на Дон две будары, Михаил Пискарев три будары. В 1692 г через Острогожскую заставу прошли в разное время 2 будары Успенского монастыря, 4 будары острогожского полкового казака Якова Аггева, 5 будар торгового человека гостиной сотни Ефрема Семизорова.⁵⁶ Торговый промысел на Дону был постоянным занятием широкого круга лиц.

Товары, вывозившиеся на Дон, отличались большим разнообразием и не исчерпывались продуктами питания. В 1631 г царицынские стрельцы видели в казачьих городках посадских людей, приехавших туда в буда-

⁵¹ ЦГАДА, Крымские дела, 1640 г., № 19, лл. 300—301.

⁵² ЦГАДА, Белгородские дела, № 177, лл. 137—139.

⁵³ ЦГАДА, Ногайские дела, 1627 г., № 1, лл. 237—238.

⁵⁴ Н. Янчевский. Указ соч., стр. 167, ЦГАДА, Донские дела, 1674 г., № 23.

⁵⁵ Историческое описание войска Донского, т. II, стр. 579.

⁵⁶ ЦГАДА, Острогожский ст., № 3, 4.

рах со всякими хлебными запасами, медом, вином, свинцом, сукнами и казачьими зипунами ⁵⁷ В 1668 г казачий атаман Фрол Минаев при расспросе его в Москве показал, что торговые люди возят к ним на Дон «хлебные запасы всякие, вино, мед и товары сукна сермяжные, холсты, юфти красные, сапоги телятинные и иные москательные товары» ⁵⁸ На основании списков товаров у отдельных торговых людей можно составить следующий общий перечень товаров, вывозившихся из Руси на Дон 1) продукты питания мука ржаная, пшеничная, гречневая, овсяная и ячневая, крупы — пшено и гречневая, кроме того, овес, торох, семя конопляное, хмель, сухари, мед, вино, пиво, сало, масло коровье, жир, огурцы, чеснок, клюква, орехи, 2) одежда и материи зипуны, шубки, чулки, лапти, вареги, холст, крашенина, сукно белое, серое и синее, кисея и т п; 3) кожаные товары кожа разных сортов и изделия из нее, 4) галантерея нитки, шелк, наперстки, клубки пряжи и т п, 5) предметы домашнего обихода посуда — котлы, блюда, кружки, рюмки, братины, ендовы, сковороды, решета, светильни, свечи восковые и сальные, иконы, поминанья, карты и пр, 6) оружие, орудия промыслов, сбруя порох, свинец, топоры, сети, крючки, дорожки, поводья, капканы, сани, колеса, хомуты, седельные подушки, подковы, деготь

В соответствии с приемами торговли той поры («система коробейничества») состав товаров, у каждого торговца, особенно крупного, отличался большим разнообразием ⁵⁹ Крупные торговые люди возили на Дон за один прием почти полный набор перечисленных выше товаров В 1674 г посадский человек Воронежа Василий Сухарев вез на Дон в одной бударе следующие товары пшена — 150 кулей, ржаной муки — 100 кулей, гречневой муки — 60 кулей, пшеничной муки — 50 кулей, сапог — 10 пар, свечей восковых — 2½ пуда, сальных — 2 пуда, овса — 26 кулей, сухарей — 40 кулей, свинцу — 2 пуда, лаптей — 300 пар, меду — 15 пудов, решет — 10, ендов — 13, братин — 2, порошу — 1 пуд, холста — 2 тыс арш, крашенины — 500 арш, крашенинных шубок — 5, карт — 5 дюжин, поминаний — 1½ дюжины, блюд — 10, дорожек и крючков — 100, сукон белых — 60 арш, кружек — 22, рюмок — 25, сковородок — 20, нитки, котлы, чулки, иконы, наперстки, тележные колеса, 3 саней, смолы — 6 пудов, вина — 8 бочек (150 ведер) Общая стоимость товаров по таможенной оценке составляла 350 руб ⁶⁰ Приведенный пример не представляет собой ничего исключительного; различные варианты подобного перечня товаров встречаем у многих торговых людей Чем выше таможенная оценка товаров, тем они были разнообразнее.

В том же году воронежские — торговые люди вывезли товаров П Носков на 200 руб., В Тихонов — на 320 руб., Г Горденин — на 250 руб., И Хрипунов — на 213 руб., К Хрипунов — на 200 руб., Б Цыков — на 220 руб., посадский человек города Романова С Болховитин — на 357 руб., ельчане — посадские люди С Автомонов — на 157 руб., Я Деденцов — на 300 руб.; гор Белоколодска сын боярский К Боцаров — на 130 руб., Борщева монастыря крестьянин Л Епифанов — на 30 руб и т п ⁶¹ Торговые люди, грузившие своими товарами целые струги и вывозившие товары на сотни рублей, занимают самую верхнюю торговую мира, сложившегося на почве донской торговли. Рядовые торго-

⁵⁷ ЦГАДА, Приказный ст., № 37, лл 637—640

⁵⁸ ЦГАДА, Белгородский ст., № 608, лл 90—91

⁵⁹ С В Бахрушин Торги гостя Никитина Труды Ин-та истории РАНИОН, т I, стр 381

⁶⁰ ЦГАДА, Белгородский ст., № 901, лл 1—2

⁶¹ Там же, лл 6—7, 23.

вые люди везли товаров меньше, обычно по несколько человек в одном строге. Например, в октябре 1677 г через коротояжскую таможенную пошлину прошли на Дон в дощанниках города Коротояка посадский человек С Деревягин с ржаной и пшеничной мукой, пивом и железом на 20 руб., сын боярский А Ансупов с товарами — на 12 руб., полковой казак П Родионов — на 7 руб., стрелец С Лещев — на 10½ руб., и т. п.⁶² Иногда торговали «сложась вместе», а вырученные деньги делили по жребьям.⁶³ Хлебные запасы обычно скупались на местном рынке, но другие товары часто вывозились из Москвы, где и оплачивались пошлинами.⁶⁴ Из числа московских торговых людей, кроме названных выше, упоминаются в 1671 г тяглец Садовой слободы У Патокин, Барашской слободы тяглецы В Авдеев и Е Степанов.⁶⁵

Собранные нами факты характеризуют различные категории торговых людей, участвовавших в донской торговле, размеры средств, вкладывавшихся в нее, дают общее представление о составе поступавших на Дон из Руси товаров. Отрывочность всех этих сведений не дает возможности подвести какие-либо общие итоги всего торгового оборота и показать его развитие на протяжении XVII в. Большим пробелом в общей совокупности наших сведений о донской торговле, как уже указывалось выше, является то, что казачья торговля проходила вне контроля.

V

Хлебные запасы, а также вино составляли основной товар, вывозившийся из Руси на Дон. Чтобы судить о количестве вывозившихся хлебных продуктов, приведем один пример. За сентябрь и октябрь 1674 г только через одну коротояжскую таможенную пошлину 30 торговых людей провезли ржаной муки 1432 куля, пшеничной муки 704 куля, гречневой муки 442 куля, овсяной муки 16 кулей, ячневой муки 28 кулей, пшена 1363 куля, гречневых круп 78 кулей, овса 557 кулей, гороху 18 кулей, семени конопляного 27 кулей, сухарей 254 куля; всего 4969 кулей.⁶⁶

Торговля вином вызывала развитие винокурения. Правительство видело в этом ущерб для казны, так как не всегда было в состоянии уследить за самовольным винокурением, не оплаченным пошлинами. Воеводы, побуждаемые кабацкими откупщиками и головами, обращали на это внимание правительства. В апреле — мае 1675 г воевода Коротояка произвел подсчет вина, провезенного торговыми людьми разных городов на Дон через Коротояк. Получились следующие цифры:

Из Воронежа	19 человек провезли	901 ведро вина
» Ельца	6 »	938 ведер »
» Романова	4 »	100 « »
» Усмани	1 »	337 » »
» Лебедяни	2 »	51 ведро »
» Чернавска	1 »	20 ведер »
Итого	33 человека провезли	2347 ведер вина

Все эти люди показали, что они курили вино сами. На это последовал «заказ крепкой» под угрозой денежного штрафа и ссылки в Сибирь,

⁶² ЦГАДА, Денежный ст., кн. 371, лл. 9 об — 10.

⁶³ ЦГАДА, Севский ст., № 154, л. 893.

⁶⁴ В 1687 г Е Глинкин явил в таможену в Коротояке выписку из московской таможенной на товары суммою в 70 руб. (ЦГАДА, Денежный ст., кн. 371, л. 30 об.).

⁶⁶ По указанию одного документа (Приказный ст., № 1028) 1679 г куль, или кошель, ржаной муки равнялся ½ четверти, овса — 1 четверти, пшена и гречневых круп — ½ четверти или немного меньше, семени конопляного — ½ четверти.

чтобы никто на продажу вина не курил и им не торговал 21 февраля 1676 г торговля вином по Дону вообще была запрещена. Вызванное стремлением уничтожить самовольное винокурение, это запрещение сильно ударило по доходам кружечных дворов, которые стали нести большие убытки. 1 марта 1677 г было снова разрешено свободно торговать вином, купленным на кружечных дворах.⁶⁷

В некоторых местностях винокурение особенно развилось. Так, винокурение было занятием жителей с Мокрых Буерак (Лебедянского уезда) кн Ив А Воротынского, где вино закупали кружечные двory. Население Усманского и Добренского уездов усиленно производило вино и, как есть на то указания, отправляло его зимой на подводах на Дон. Развито было винокурение на Воронеже.⁶⁸ Как известно, правом беспошлинной торговли вином пользовались острогожские черкасы. Торговали хлебом и вином монастыри. Патриаршая Яблоновская пустынь (Лебедянского уезда) пользовалась правом беспошлинной торговли хлебом и вином по Дону.⁶⁹ Из других монастырей встречаются указания на торговлю вином Савинской пустыни (на Северном Донце) и Борщева монастыря.⁷⁰

Татары в Крыму неоднократно попрекали московских послов тем, что воеводы украинских городов корыстуются от донской торговли хлебом и вином.⁷¹ Несомненно, что так это и было в действительности, хотя факты такого рода и редко выходили наружу. Вот один из наиболее ярких примеров участия представителей приказных людей в донской торговле. В 1691 г возникло дело по обвинению подьячего гор. Доброго Викулы Михайлова служилыми людьми этого города в насилиях и незаконных поборах. Этот «разоритель, сборщик и составщик», богатый и сильный своим влиянием и «озорничеством» человек, подавлял даже воевод. В Михайлов, вместе с другим подьячим Г Хариним, при сборе казенного хлеба со служилых людей для отправки на Дон собирали, конечно, совершенно незаконно, такое же количество хлеба в свою пользу. Собранный таким образом хлеб они отправляли на Дон в стругах, а оттуда вывозили рыбу и соль, которые беспошлинно распродавали. Постройка стругов производилась силами тех же служилых людей, которые в порядке государственной повинности строили и казенные струги. В с Богородицком у В Михайлова была мельница, а на дворе была винокурня «сидят вино кубов с 10 и больше, а сидят вино служилые люди и караульщики поневоле, и отвозят то вино ведер тысячи по 3 и больше мимо Добренских крепостей на Хопер, согласясь с добренцы с небольшими людьми с такими же винопродавцы — с Иевкой да с Аврамкой, да с Федькою Котельниковыми да с Максимом Кривцовым и детьми его, и то вино продает». В общей сложности челобитые насчитало 20 стругов, отпущенных Викулой Михайловым на Дон.⁷² Подобный факт эксплоатации приказными людьми местного служилого населения привычными им приемами крепостников, а также союз их с наиболее сильными экономически людьми местного общества является типичным для украинских уездов Московского государства.

Закупки хлеба на Руси производились и самими казаками. Чаше

⁶⁷ ЦГАДА, Приказный ст., № 839, лл 3—4, 6—7, 10, 22—26, 85, 98.

⁶⁸ ЦГАДА, Приказный ст., № 1860, л 195 Александров-Дольный и Второв. Древние грамоты и памятники Воронежской губ., т II, стр 38—39.

⁶⁹ ЦГАДА, Белгородский ст., № 1336, лл 605—620.

⁷⁰ ЦГАДА, Приказный ст., № 37, лл 637—640.

⁷¹ ЦГАДА, Крымские дела 1620 г., № 3, лл 27—28.

⁷² ЦГАДА, Приказный ст., № 1411, лл 59, 60, 127 и др.

всего их можно было встретить в Острогожске. Иногда они проезжали, не имея стругов, и строили струги здесь. Так, в 1697 г. казак Ив Родионов с товарищами, приехавшие в гор. Добрый, просили разрешения построить здесь будары для погрузки купленного ими хлеба. Они так мотивировали свою просьбу: живут они между Черкасским и Паншиным городками, хлебных пашен у них нет, торговые люди из Руси с пшеничной и ржаной мукой и всякими другими запасами проезжают мимо их домов до Черкасска, не останавливаясь.⁷³

Несомненно, население Дона питалось привозным хлебом, но весь ли привозной из Руси хлеб потреблялся в пределах Дона и не проникала ли часть его в Азов и Крым — остается под вопросом. В 1686 г. войсковой атаман Фрол Минаев просил о разрешении закупить хлеб для нужд войска в украинских уездах. В челобитной, обращенной к кн. В. В. Голицыну, Ф. Минаев пишет, что из малороссийских и русских украинских городов «хлебные всякие запасы идут в Крым беспрестанно большими обозами, и оттого в Крыму хлебом наполнилось, а в государевых городах стало голодно и запасами скудно, потому что весь запас из Руси пошел в Крым, приходит и к Азову». Если бы в предшествующем году не было подвоза хлеба и калмыки не пригоняли бы скота, многие жители Азова покинули бы его с голода.⁷⁴ Чрезвычайно интересное сообщение Ф. Минаева о значительном движении хлеба в Крым и Азов нуждается в проверке; нам не удалось найти в документах подтверждений этого сообщения. В Москве сообщение Ф. Минаева произвело столь сильное впечатление, что оттуда в июле же 1686 г. была разослана грамота во все украинные города с дословным повторением сообщения Ф. Минаева и с запрещением под страхом смертной казни подобной торговли.⁷⁵ Нельзя отрицать возможности проникновения хлеба, привозившегося на Дон, в Азов, так как, несмотря на частые военные столкновения казаков с Азовом, мирные сношения с ними существовали, выработался своеобразный *modus vivendi*, благодаря которому возможен был мирный торг с Азовом. Более того — военная добыча казаков сама же служила предметом торгового обмена с Азовом. Что касается потребности в хлебе, то Азов и кочевавшие близ него ногайские орды всегда нуждались в привозимом из Турции хлебе, и, следовательно, допустимо, что хлеб из Руси уже в XVII в. мог быть предметом торговли с Азовом и малыми ногаями.

VI

На основании показаний документов можно составить достаточно ясное представление о товарах, вывозившихся с Дона. Среди них следует различать продукты местных промыслов и военную добычу. В 1668 г. казаки при расспросе в Москве говорили, что торговые люди вывозят с Дона соль, рыбу свежую, соленую и вяленую, кожи лосиные, зубревые, козлиные, бобры, выдры и выгоняют на Русь коней.⁷⁶ Рыбными промыслами занимались как казаки, так и промышленники с Руси. Рыбу вывозили в большом количестве. В 1641 г. два крестьянина с Соколя и с Ярлукова вотчины кн. А. Н. Трубецкого в Лебедянском уезде вывезли в двух бударах и каюке 100 белуг, 300 осетров и 100 пудов икры.⁷⁷ В 1645 г. воронежец Савка Хомицкой повез на Дон

⁷³ ЦГАДА, Белгородский ст., № 1588, лл. 940—947.

⁷⁴ ЦГАДА, Донские дела, 1689 г., № 13, лл. 1—2.

⁷⁵ М. Де-Пуле. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, кн. 1, Воронеж, 1861, стр. 394—395.

⁷⁶ ЦГАДА, Белгородский ст., № 608, л. 91.

⁷⁷ ЦГАДА, Приказный ст., № 260, л. 88.

хлеб для покупки лошадей, но счел более выгодным обменять часть его на рыбу. Он купил 30 белуг, 50 осетров, 50 пудов икры. Обошлась ему белуга в 1½ рубля, осетр — по 10 алт, икры пуд — в 20 алт.⁷⁸ Почти у каждого торгового человека, возвращавшегося с Дона, была в составе товаров рыба. Даже правительство иногда отправляло на Дон хлебные запасы для обмена на рыбу.

Соль добывалась или путем специальных экспедиций на море,⁷⁹ или путем закупки в Царицыне. Поездки торговых людей в Царицын за солью практиковались очень широко. В 1682 г из 81 струга через Острогжск 13 прошли с хлебом в казачьи городки и до Царицына за солью. В 1692 г из числившихся в списке 19 будар — 17 имели целью покупку соли в Царицыне, в 1694 г из 20 будар — 18 шли за солью.⁸⁰ В Царицын за солью ездили и казаки.⁸¹ Кроме того, казаки занимались вывозом при закупке соли торговыми людьми в Царицыне. В 1684 г воевода Царицына П. П. Языков сообщал в Москву, что на Дон приезжают торговые люди разных городов «в больших бударах» и, избегая платить пошлыны, нанимают с подводами до Царицына казаков. Казаки покупают для тех промышленников соль подвод по 100, 150 и больше и увозят ту соль беспошлинно «против прежнего своего извычая».⁸² Вот еще один пример. В 1673 г воронежец посадский человек Савва Семенищев торговал на Дону на деньги воронежского сына боярского Мина Прибыткова. Он отвез на Дон хлебных запасов и других товаров на 250 руб., а оттуда привез 1 400 пудов соли — бузуна. Прибыль от поездки Семенищев определял в 128 руб., т. е. несколько более 50% на затраченный капитал.⁸³

В 1628 г москвитин, торговый человек гостиной сотни А. Михайлов провез через Воронеж на Дон разнообразные товары, среди которых были: 5 юфтей сафьяновых, 500 деревянных ковшен, 2 стопы бумаги, мыло костромское и коробья с москательными товарами. Распродав этот товар, он закупил на Дону товар, оцененный в 503 руб. Среди этих товаров находим лисиц 120 (64 руб.), бобров 27 и 1 выдру (65 руб.), ломаного серебра 16 фунтов (80 руб.), меди 21 пуд (84 руб.), восточные материи и одежду и 6 человек ясырей (120 руб.). Ясырь состоял из 1 татарченка, 1 турченка, 2 «девок», 1 женщины турчанки и 1 «девки ногойки».⁸⁴ Меха, добытые мирным промыслом, совмещаются в этом списке с военной добычей. Медь, очень ценившаяся в Московском государстве, также была добычей. Но собирали не только медный лом. От 1631 г сохранилось одно любопытное замечание о походе казаков к Керчи — к «цареве (т. е. крымского хана — А. Н.) казне, где родится медь».⁸⁵ Возможно, что целью похода было ограбление медных рудников.

Указания на торговлю полноном в документах не редки. Значительный по численности полон доставляли казакам их походы против малых ногаев, особенно в 30-е годы, когда были захвачены многие сотни «молодого ясыря».⁸⁶ Правда, не весь ясырь уходил на Русь, часть его отдавалась на «окуп», правда, что сухопутные походы бывали не так

⁷⁸ ЦГАДА, Приказный ст., № 267, лл. 5—7.

⁷⁹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1628 г., № 2, лл. 234—235.

⁸⁰ ЦГАДА, Острогжский ст., № 1 и № 4.

⁸¹ Александров, Доляник и Второв. Указ. соч., т. I, стр. 52, т. II, стр. 67—68.

⁸² ЦГАДА, Донские дела, 1684 г., № 1.

⁸³ ЦГАДА, Приказный ст., № 1028.

⁸⁴ Там же, № 31, лл. 390—406, 429.

⁸⁵ ЦГАДА, Турецкие дела, 1630 г., № 4, л. 18.

⁸⁶ Там же, 1633 г., № 4, л. 24; № 5, л. 252 и др.

часты, как морские набеги, а последние были не так удобны для захвата ясыря. При всем том Дон в XVII в. был главным рынком, откуда на Русь проникал полон. Ясырь покупали торговые люди. В 1632 г. покупали полон на Дону московские послы, возвращавшиеся из Турции, толмачи, подьячие и другие лица, сопровождавшие послов.⁸⁷ В 1651 г. казаки, вернувшись из похода, распродают ясырь торговым людям из Астрахани, Царицына и иных городов, платили за полоняника по 20, 30 и 40 руб.⁸⁸ Ясырь приобретали приезжавшие на Дон с различными поручениями московские служилые люди. Летом 1674 г. в полк кн. П. Хованского, передвигавшийся в то время от Тамбова к Хоперской пристани, приезжали казаки и привозили с собой для продажи полоняников «турской породы», «ребят и девок малого возраста», лет по 7 и 8.⁸⁹ В то время нередко можно было встретить в составе крепостной дворни московских вотчинников восточных ясырей. Но особенно легко полон проникал в ближайшие к Дону местности. В 1646 г. воевода А. Бутурлин доносил в Москву, что гор. Воронеж и уезд переполнены татарским полоном: у посадских людей, у служилых людей по деревням и у казаков по дворам живут по 3, 4 и 5 полоняников. По мнению воеводы, это переполнение Воронежа полоном создавало опасность в случае татарского нападения: пленные могли зажечь город, указать татарам слабые пункты, сообщить сведения о числе ратных людей и пр.⁹⁰

VII

В связи с расширением Русского государства к югу, подчинением ему Поволжья, в связи с занятием течения Дона казачьими городками торговое значение Азова для Турции все более падало, и круг его торговых связей все более суживался. Еще в 1593 г. «лучший» азовский человек Усейн Челибей говорил московскому посланнику Гр. Нащокину: «азовским людям от донских казаков чинится теснота великая и торг порушился, и казна, которая шла с Азова, ныне перевелась, а прежнего с Азова государю нашему (султану — А. Н.) была казна великая до 80 тысяч золотых».⁹¹ Картину упадка Азова рисует азовский бей в письме от 1630 г., перехваченном московскими послами: Азов и прилегающая к нему территория была сильна и крепка ногайскими людьми, но теперь ногайцы (100 тыс. больших ногаев — А. Н.) находятся в подчинении Москве, и потому здесь бедно и плохо. Прекратился их приезд в Азов с товарами — тулупами, маслом и пр. Степи запустели. Казаки отрезают морской путь и беспрестанно громят керченские села и деревни. В Азове стало прожить нечем, «промыслов ничего нет». Торговый оборот измельчал. Творятся «дурные дела», характерные для того времени, которое бей назвал «шингиреевым» временем, по имени известного авантюриста, крымского царевича Шагин-Гирея Азовца: «живут своим обычаем», не слушают ни кадия, ни бея, в мирное время знают с неверными, товары, которые казаки добывают на Черном море, азовцы покупают у казаков дешевою ценою. Если турецкое правительство не примет необходимых мер, Азов будет скоро потерян для турок.⁹² Как известно, вскоре после этого предсказание бея оправдалось.

⁸⁷ ЦГАДА. Приказный ст., № 54, лл. 233, 239—240.

⁸⁸ Историческое описание войска Донского, т. II, стр. 578.

⁸⁹ ЦГАДА. Донские дела, 1674 г., № 18, л. 2.

⁹⁰ ЦГАДА. Приказный ст., № 162, лл. 444—446.

⁹¹ Н. Янчевский. Указ соч., стр. 126.

⁹² ЦГАДА. Турецкие дела, 1630 г., № 4, лл. 47, 50—52.

Московское правительство зорко следило за состоянием Азова и в 1637 г. добыло подробное описание Азова. Последний представлял собой в то время довольно слабую крепость со стенами из «самородного камня», облепленными вплотную гатарскими домами, из которых некоторые были выше стен. Против города, за Доном, были расположены сады. Верстах в 5—10 вверх по реке имелись посевы яровых хлебов: ячменя, пшеницы, проса. В реке водилось много всякой рыбы, как и под Астраханью, соль добывалась близко от Азова, а лес по реке.⁹³ В 1661 г. в Азове было 4 тыс. жилацких и служилых людей.⁹⁴ Основной торг, который вел Азов, был торг полоном. Численно слабые азовские татары были организаторами набегов на московские украинные уезды. Турецкие чиновники во главе с самим азовским беєм имели долю во всяком полоне, захваченном и без их участия. Словом, торговля Азова по своему характеру походила на казачью торговлю. С точки зрения московского правительства, Азов, «прежде знатный торговый город», сделался «прямым похитительным местом, гнездом и пещерою разбойников».⁹⁵

Состояние «размирья» между казаками и Азовом во время военных действий, во время прорывов казаков в Черное море, по поводу столкновения из-за отгона скота, захвата сена, захвата рыболовных угодий⁹⁶ не исключало временами возможности мирных отношений. К тому же азовцы, не страдая непосредственно от казачьих походов на море, имевших своей целью грабеж крымских и турецких берегов, извлекали свою выгоду при реализации добычи. В документах встречаются указания на мирную торговлю с Азовом. От 1614 г. имеется указание на приезд азовцев на Дон, в Черкасский городок с товарами,⁹⁷ такое же известие имеется от 1628 г. и 1629 г. «съезжаются и меж себя торгуют».⁹⁸ Зимой 1670 г. «беспреданно азовские жители на Дон в Черкасской к казакам со всякими товары ездят, а также и они, казаки, в Азов к ним ездят же».⁹⁹ Подобные же сведения имеются от 80-х и 90-х годов. Выработался обычай обеспечивавший мирные сношения, несмотря на частые столкновения. Истари существовали пункты, где производился обмен. Кроме Черкасского городка, упоминается в документах «Окупной Яр», куда съезжались для перемирия, «не опасаясь ничего» и где производился выкуп пленных. Упоминаемый в конце XVI в. Гостин остров, впоследствии названный Монастырским, был старинным пунктом, где производился торг.¹⁰⁰ Следовательно, возможно допустить, что какая-то часть товаров, привозившихся на Дон из Руси, попадала в Азов.

Собранные нами из различных источников сведения далеки от полноты, но все же дают основание поставить и отчасти разрешить ряд вопросов о формах и характере донской торговли и ее значении в слиянии Донской области с Московским государством в единый хозяйственный и политический организм. Вследствие частого нарушения

⁹³ Там же, 1637 г., № 1, лл. 352, 358—359.

⁹⁴ Там же, 1661 г., № 1.

⁹⁵ Там же, 1695—1696 г., лл. 1 об—2.

⁹⁶ Там же, 1615 г., № 4, лл. 25, 30—33, 1628 г., № 3, л. 42 и др.

⁹⁷ Там же, 1614 г., без номера, л. 120.

⁹⁸ ЦГАДА, Ногайские дела, 1629 г., № 1, л. 5, Турецкие дела, 1628 г., № 2, лл. 122—123.

⁹⁹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1670 г., № 1.

¹⁰⁰ Н. Яничевский. Указ соч., стр. 162—163.

мира на южных границах и известной автономности войска донского торговые сношения между областью Дона и внутренними областями Московского государства не имели вполне спокойного и регулярного характера, но все же они отличались довольно значительной интенсивностью и на протяжении XVII в. несомненно усиливались. Важнейшим выводом из всего изложенного выше является наблюдение, что между областью Войска Донского и внутренними областями Московского государства существовала возможность совершенно легального и широкого общения. На почве донской торговли слагались значительные капиталы, росли посады украинских городов. Широкие слои южнорусского населения были заинтересованы в донской торговле. Не менее важна была связь с внутренними областями государства и для низового войска — прежде всего, выгодами, которые приносила ему торговля, а также тем притоком живых сил, который постоянно шел на Дон из украинских городов и без которого войско не могло существовать и развивать своей боевой деятельности.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Ш. М. ЛЕВИН

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Вопрос об особенностях русского утопического социализма не является новым. В известном смысле можно, напротив, сказать, что вопрос почти так же стар, как и самый этот социализм, так как над ним время от времени задумывались сами носители идеи утопического социализма в России (которые, разумеется, не считали свой социализм утопическим). Появление самого названия «русский социализм» со времен Герцена свидетельствовало о стремлении уяснить те или иные особые черты, выделяющие учения социализма в России. Позднее вопрос об отличительных свойствах русского утопизма и об особенностях его исторического развития неизбежно затрагивался и в текущей публицистической и в научной или полунанучной литературе по вопросам истории общественной мысли.

Большое внимание проблема особенностей русского утопического социализма привлекает в последние годы, хотя она не подвергается отдельному, специальному рассмотрению, а освещается попутно, в связи с рассмотрением более широкой темы — об особых чертах русской культуры и общественной мысли вообще, или же в связи с характеристикой отдельных деятелей русской общественности, русской науки и классической философии. Все эти довольно многочисленные, но обычно краткие экскурсы помогли выяснить и уточнить различные стороны вопроса. Однако в них встречаются и более или менее существенные недочеты, помимо даже того, что они обычно не носят сколько-нибудь систематического характера.

Замечания об особенностях русского утопизма часто недостаточно конкретны; они не считаются в должной степени со сложностью самого явления, требующего дифференцированного подхода, учета своеобразия отдельных мыслителей и различных этапов. Слишком огульным является, большей частью, и подход к западному утопическому социализму у пишущих об особенностях русского утопизма сравнительно с западным. Забывают нередко о том, что западноевропейский социализм выступал в весьма разнообразных формах, что он пережил длительную и сложную эволюцию.

При определении исторического своеобразия русского утопического социализма все, или почти все, внимание сосредотачивается на некоторых только сторонах проблемы, другие остаются слишком в тени. Так, особенностям, непосредственно вытекающим из крестьянского характера старого русского социализма, в общем, не отводится должного места.

Само понятие русского утопического социализма чрезмерно суживается, в результате чего из него фактически совсем выпадает крупный

и исторически важный этап, связанный с господством разных оттенков народнического утопического социализма

Выдвигая почти исключительно наиболее сильные стороны русского утопизма и подчас даже переоценивая их, отдельные авторы, в конце концов, до такой степени превозносят положительные особенности русского домарковского социализма, что начинают уже стираться грани, разделяющие утопический социализм и социализм научный

Мы не рассчитываем мало-мальски исчерпывающе осветить весь круг вопросов, связанных с темой об особенностях развития утопического социализма в России. Мы коснемся лишь некоторых, наиболее общих для русского утопизма в целом, своеобразных черт его, насколько это возможно в рамках одной статьи

Из трех периодов, на которые мы полагаем возможным грубо разделить историю русского утопического социализма XIX в (подготовительный — 30-е и, частью, 40-е годы, период утопического социализма великих русских просветителей, период народнического утопического социализма), мы уделяем преимущественное внимание среднему — преимущественное, но не исключительное внимание, потому что игнорирование остальных этапов в оценке особенностей русского утопизма в целом привело бы к искажению общей исторической перспективы

I

Социалистические идеи возникли на Западе раньше, нежели в России. Это естественно вытекало из того факта, что в своем экономическом развитии Западная Европа опередила царскую Россию

Оставляя в стороне предтеч и самых ранних выразителей идей европейского утопического социализма и имея в виду, в первую очередь, классический период последнего — время деятельности великих утопистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, — нужно отметить следующие моменты, относящиеся к историческим обстоятельствам возникновения классических систем европейского утопизма

Они появляются и развиваются уже после буржуазной революции (во Франции, собственно после первого тура ее буржуазных революций, именно после буржуазной революции конца XVIII в), появляются после падения феодально-крепостнических порядков в передовых государствах Западной Европы. Появление учений Сен-Симона и других классиков утопического социализма находилось даже в определенной связи с разочарованием в результатах буржуазной революции. В статье «Три источника и три составных части марксизма» Ленин писал: «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него»¹

Классические системы европейского утопического социализма возникают в обстановке роста и упрочения экономического и политического господства буржуазии. Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» говорят о том, что «социалистическая и коммунистическая литература Франции» возникла «под гнетом господствующей буржуазии». ² Само это буржуазное господство выросло на почве крупных успехов капиталистического развития. Англия шла в этом

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 352

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1940, стр. 44

отношении впереди Франции, но и Франция к началу XIX в. успела многое сделать в утверждении капиталистического хозяйства и капиталистических отношений

Эпоха зарождения важнейших систем европейского утопического социализма характеризовалась, в соответствии с отмеченными признаками, формированием пролетарских кадров, выделением пролетариата «из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса»³ Проблема пролетариата все более привлекала внимание общества и литературы, становилась актуальной в их глазах. Актуальной оказывалась, вместе с тем, проблема разорения, пролетаризации широких слоев самостоятельных мелких производителей, крестьянства и мелкой буржуазии городов. Энгельс писал о Сен-Симоне, Фурье и Оуэне: «Общим для всех троих является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс в первую очередь»⁴ Но было бы неосмотрительно делать из этого замечания вывод, будто учения великих утопистов не имели никакого отношения к настроениям, ожиданиям и упованиям молодого рабочего класса. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» основоположники научного социализма, имея в виду утопические планы своих предшественников, указывали: «Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»⁵ Впоследствии Ленин в статье «Две утопии» указывал, что утопический социализм являлся «симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную потопить конец капитализму и неуклонно идущую к этому»⁶

Рядом с вопросом о положении пролетариата и в неразрывной связи с ним вставал вопрос о положении тех широких слоев мелких собственников, которые, в свою очередь, оказывались на грани экспроприации, выталкивались в ряды пролетариата или были близки к тому. Тревога о судьбах этой массы и стремление спасти ее, несомненно, находили свое отражение в построениях социалистов-утопистов, например, Фурье (не говорим уже об учении Сисмонди, прямого и непосредственного представителя «мелкобуржуазного социализма», или о таких позднейших деятелях мелкобуржуазного утопизма, как Прудон). Но у великих утопистов мелкобуржуазные черты своеобразно переплетались с предвосхищением пролетарского социалистического идеала. Можно вполне согласиться с мнением, высказанным в свое время В. П. Волгиным по поводу теории Фурье, что она, пусть частично и в «фантастической» форме, выражала какой-то «этап в росте пролетариата к классовому самосознанию» (и это — несмотря на основной мелкобуржуазный характер учения Фурье, на котором одновременно настаивает В. П. Волгин)⁷

³ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Госполитиздат, 1947, стр. 42.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 59.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 165.

⁷ В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. II, вып. 1, М — Л, 1931, стр. 67.

Остается добавить, что в среде рабочих постепенно пробуждался и усиливался интерес к учениям утопического социализма. Если основатели первых систем утопического социализма XIX в. стояли очень далеко от рабочей среды и оставались ей неизвестны (к Оуэну, позднейшей поры его деятельности, это уже не относится), то социалисты второй трети XIX в., социалисты «второго призыва», подчас пользовались немалой популярностью среди пролетариата. Достаточно напомнить об успехе, который у читателей-рабочих имели в 40-х годах XIX в. работа Луи Блана «Организация труда» или утопия Кабэ «Путешествие в Икарию».

Таким образом, связь, более прямая или более косвенная, с развитием пролетариата, с рабочим вопросом, стремление к разрешению проблем, поставленных капитализмом и его развитием, характерна для утопического социализма, несмотря на то, что он не мог стать выражением подлинной классовой точки зрения пролетариата.

По сравнению с Западом во многом отлична историческая почва, на которой зародился и развивался утопический социализм в России. Начало русского утопического социализма датируется 30-ми годами XIX в., но как заметный общественно-литературный фактор он дает о себе знать лишь с 40-х годов. Таким образом, утопический социализм возникает в России в период крепостного строя, хотя и переживавшего уже кризис. Подъем русской утопически-социалистической мысли в 50-х и начале 60-х годов совпадает с подготовкой и проведением отмены крепостного права. Но и после этой отмены, в силу условий, на которых она была осуществлена, вопрос об уничтожении крепостнических пережитков (весьма значительных, окрашивающих всю социально-политическую жизнь) остается важнейшей очередной задачей общественных элементов, отстаивавших прогрессивное развитие России, права и интересы трудящихся. Капиталистические отношения росли уже в недрах феодально-крепостнического общества, а крестьянская реформа, несмотря на свою половинчатость и незавершенность, дала дальнейшему их росту решающий толчок. При всем этом Россия и после реформы продолжала оставаться экономически отсталой. В первые пореформенные десятилетия общественно-экономические противоречия, свойственные развитому капитализму, не выступали еще с достаточной отчетливостью, вследствие чего широким распространением могла пользоваться иллюзорная идея о совершенно особом укладе экономической жизни и общественных отношений России. Не только до, но и долгое время после реформы связанные с крестьянским бытом и нуждами вопросы стояли в центре внимания общественных кругов, передовой литературы и общественной науки. Нарождение и развитие фабрично-заводского пролетариата продолжительное время протекало не слишком заметным для общественного мнения образом. Рабочие сами, в очень большой своей части, сохраняли тесную связь с деревней, почему легко сложился взгляд на них как на составную часть общей крестьянской массы.

В такой исторической обстановке идея социализма, воспринятая в 30—40-х годах рядом передовых деятелей, неизбежно получила и надолго удержала характер «крестьянского социализма» *«Русский, крестьянский социализм»*, «старый русский крестьянский социализм»⁸ — такие определения для русского утопического социализма мы постоянно встречаем у В. И. Ленина. Ленин относит эту характеристику и к учениям Герцена или Чернышевского, и к «старому русскому соци-

⁸ В. И. Ленин Соч., т. I, стр. 95, 139, 165

ально-революционному народничеству», как он называет идеологию революционеров 70-х годов

Систематическое обоснование русского утопического социализма, как социализма крестьянского, общинного (община, как известно, играла центральную роль в построениях «русского социализма»), впервые было дано Герценом на рубеже 40-х и 50-х годов. Но уже и до первых литературных выступлений Герцена в защиту идеи русского общинного «социализма» зародыши последнего встречаются у петрашевцев.

Сам Петрашевский в одной из записок во время следствия поместил такое обращение: «Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей нерадивости недошедшего до нищеты, ищите причину — вы найдете, что передел полей — общее пользование землею — и есть этому причина»⁹. Во время же следствия об общине заговорил также обвиняемый В. Головинский: «В России, — указывал он, — существуют два рода собственности — личная и *общинная* — деревенская (т. е. крестьянская), земля принадлежит не какому-либо отдельному лицу, а целому миру — общине, которая распределяет ее между мирянами». Он видел в общине надежное средство против пауперизма¹⁰.

И о петрашевце А. Ханыкове можно сказать, что он придавал общине важное значение. 20-летнему Чернышевскому он указывал на общинное устройство, как на один из «элементов возмущения», на которых он основывал веру в возможность революции¹¹. Об общине Ханыков говорил в речи на обеде петрашевцев в память Фурье: «Отечество мое, где твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, где ты — народная вольница, великий государь — Новгород» и т. д.¹². Герцен поставил общину в центр всей пропаганды так называемого (по его же именно почину называемого так) «русского социализма». В общине, в связанном, как он думал, с общиной «антимещанском», антибуржуазном духе крестьянства он усматривает залог особого, некапиталистического пути развития России.

Известно, что Герцен сформулировал свое учение «русского социализма» после поражения революции 1848 г., под влиянием того разочарования в Западе, которое явилось у него результатом этого поражения. Известно и то, что предпосылки для разочарования складывались уже у Герцена перед революцией. Герцен после 1848 г. усомнился в перспективах социализма на Западе, усомнился и с точки зрения реальности этих перспектив и с точки зрения той цены, которую на Западе социализм мог бы быть завоеван. Он обращает свой взгляд к тем элементам русского крестьянского быта, над значением которых уже задумывался, частью под влиянием славянофилов, до эмиграции. Напомним некоторые записи герценовского дневника. В 1848 г. он писал: «Наши славянофилы толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей, все это — хорошие зародыши. Но они забывают, с другой стороны, отсутствие всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений». В 1844 г. «Но имели ли мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своем

⁹ Дело петрашевцев, т. I, М.—Л., 1937, стр. 95.

¹⁰ В. И. Семевский. Следствие и суд по делу петрашевцев — «Русские записки», 1916, № 10, стр. 33.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 г. Полн. собр. сочинений в 15 томах, т. I, М., 1939, стр. 196.

¹² Петрашевцы. Сборник материалов, т. II, М.—Л., 1927, стр. 153. Ср. также о сочувствии Достоевского (в пору его принадлежности к кружкам петрашевцев) «общине, артели и круговой поруке» в воспоминаниях о нем А. Милукова («Литературные встречи и знакомства», СПб., 1890, стр. 181).

поставит общину братство органическое распределение труда,— не принадлежит Европе? Славяне ли, оплодотворясь Европой, одесствотворят идеал ее и приобщат к своей жизни дряхлую Европу, или она нас приобщит к поюневшей жизни своей? *Есть указания, но далеко нет полного решения*»¹³ С конца 40-х годов Герцен склоняется в пользу первого члена этой альтернативы

Уже в 1849 г в статье «Россия», написанной в форме обращения к Гервегу, Герцен заявляет «Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются другие страны» «Наш образ жизни,— продолжает Герцен,— естественный, полудикий, больше соответствует идеалу, о котором мечтает Европа, чем уклад цивилизованного германо-романского мира то, что является для Европы только надеждой, к которой направлены ее усилия, составляет факт, с которым мы выступаем» Этим фактом автор считает, понятно, общину «Говорят, что все дикие народы также начали с подобной общины», но всую она «должна была исчезнуть при развитии цивилизации Отсюда заключают, что та же участь ждет русскую общину, но я не вижу основания, чтобы Россия должна была непременно пройти через все фазы европейского развития»¹⁴ В письме к Мишле, через два года, Герцен заявляет «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации Общинная организация устояла против вмешательств власти, она благополучно дожила до развития социализма в Европе Это обстоятельство бесконечно важно для России»¹⁵ (во французском издании последняя фраза звучала даже энергичнее «Для России это провиденциальный факт»). Это любимая идея Герцена, идея о синтезе русского инстинктивного крестьянского «коммунизма» (источник которого лежит в общинной организации) с социалистической мыслью Западной Европы

В отрывках из «Былого и дум», опубликованных в 1855 г, Герцен подчеркивает, критикуя славянофилов «Непосредственных основ быта недостаточно В Индии до сих пор и спокон века существует сельская община, однако индийцы с ней недалеко ушли Одна мощная мысль Запада в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в патриархальном быту славянском Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой, все это краеугольные камни, на которых созидается храмина нашего будущего свободно-общинного быта Но эти краеугольные камни — все же камни и без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте»¹⁶ Эту главу Герцен кончал словами «Что бы ни случилось одна вещь сделана и искоренить ее невозможно это сознание, более и более приобретаемое юным поколением в России, что социализм — *смугный и неопределенный идеал русского народа, разумное и свободное развитие его быта*»¹⁷ Позднейшая редакция заключительных строк была еще выразительнее «*разумное и свободное развитие русского народного быта совпадает с стремлениями западного социализма*».¹⁸

Из этих оценок Герцена вытекла знаменитая его формула, в высшей степени характерная для русского утопического социализма как со-

¹³ А. И. Герцен, Полн собр сочинений и писем, под ред М. К. Лемке, т III, стр 117, 311 Курсив мой — Ш. Л

¹⁴ Там же, т V, стр 333, 346

¹⁵ Там же, т VI, стр 447

¹⁶ «Полярная Звезда» на 1855 г, издаваемая Искандером, книжка первая, изд 2-е, Лондон, 1858, стр 168—169

¹⁷ Там же, стр 172

¹⁸ А. И. Герцен Полн собр соч, т XIII, стр 137—138

очень сочувственный отзыв о фурьеризме, который «всех глубже раскрыл вопрос о социализме», но и здесь звучит критическая нотка — фурьеризм «дал такие основания, такие начала, на которых можно построить более фаланги и фаланстера»²⁶ В 1844 г Герцен признает «Без всякого сомнения, у сен-симонистов и у фурьеристов высказанные величайшие пророчества будущего, но *чего-то* недостает»²⁷ В частности, о фурьеристах Герцен в другой записи того же года бросает замечание «В широком, светлом фаланстере их тесновато, это — устройство одной стороны жизни, другим неловко»²⁸ В конце 40-х годов произошло сближение Герцена с Прудоном Взгляды Прудона оказали серьезное влияние на Герцена Он пишет в «Былом и думах», что «многим обязан Прудону», а в некрологе Прудона, помещенном в «Колоколе», он называет его учителем.²⁹ Но и Прудон не вполне удовлетворял его Герцен писал, что Прудон «не разрешил великих вопросов, не снял страшных сомнений»³⁰ Понятно утверждение, содержащееся в письме Герцена к Печерину (1853), что «все доселе явившиеся учения и школы социалистов, от С[ен]-Симона до Прудона» — это только еще «первый лепет», «чтение по складам»³¹

Критические соображения Герцена шли по разным направлениям Его беспокоила судьба человеческой личности в обществе, устроенном по планам утопистов «Не думайте, что я обмолвился, назвав фаланстер казармой», писал он Печерину «Убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности», хотя и «поставленные на колоссальном основании», отталкивали его у Фурье³² Он соглашался, очевидно, с критиками социализма в признании «нелепыми» подробностей, высказанных «первыми социалистами»³³ Но независимо от признания «слишком детскими» прежних форм социализма с этой стороны, перед Герценом вставал уже и другой вопрос о связи социалистических стремлений с действительностью, о гарантиях осуществимости социалистического идеала В свое время Плеханов обратил внимание на вопрос, поставленный Герценом в статье «Перед грозой» (первой из составивших книгу «С того берега») «Где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?»³⁴ Почти одновременно с этой статьей Герцен писал четвертое из серии заграничных писем, вошедших в «Письма из Франции и Италии» В этом письме, напечатанном в конце 1847 г в «Современнике», находим мысли, прямо относящиеся к критике утопизма Попытки новой экономической науки, одна за другой выходившие в свет, разбивались, по словам Герцена, о чугунную крепость привычек и преданий Они «держались во всеобщностях, представляли больше стремление, нежели достигнутый результат»³⁵ Чувство неудовлетворенности слишком отвлеченным от жизни характером утопических систем получает у Герцена через несколько лет еще

²⁶ Там же, т III, стр 97 (запись от 18 февраля 1843 г)

²⁷ Там же, стр 319

²⁸ Там же, стр 334

²⁹ Там же, т XIII, стр 447, т XVIII, стр 35

³⁰ Там же, т XVIII, стр 35

³¹ Там же, т XIV, стр 461 Ср с тем, что Герцен писал еще в 1848 г «Ни одно отдельное учение не объяснило всего вопроса социального, ни одно само по себе не было сильно, от уступчивых теорий Консидерана до злейшего коммунизма, от логики Прудона до мечтания Каба» (там же, т VI, стр 622—623)

³² Там же, т III, стр 319 (запись в дневнике от 24 марта 1844 г)

³³ Пятое письмо из серии «Писем из Франции и Италии» (от 1 июня 1849 г), по изданию 1850 г — там же, т VI, стр 558

³⁴ Там же, т V, стр 399 Курсив мой — Ш Л

³⁵ Там же, стр 165

более точное выражение при переиздании писем «Попытки нового хозяйственного устройства,—поправляет Герцен свой текст,—одна за другой выходили на свет и разбивались об чугунную крепость привычек, предрассудков, фактических стародавностей, фантастических преданий. Они были сами по себе полны желанием общего блага, полны любви и веры, полны нравственности и преданности, но не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение»³⁶

Что же требуется для того, чтобы навести эти мосты, дойти до реального приложения социалистических стремлений? Ответом Герцена можно считать следующую его формулу (выраженную, впрочем, уже в более поздние годы) «Без предрасположенного народного быта общественная наука теряется в социальном бреде» Быт русского крестьянства является таким *предрасположенным* к социализму бытом «Никто,—писал он,—не хочет у нас ломать ничего народного. Хотят дать волю народному складу и мысли, искусившейся опытом других. Все это — вовсе не утопия, элементы, основания у нас даны *народный русский быт и наука Запада*, в их сочетании наша сила, наша будущность, наше преимущество»³⁷

Всего за три года до смерти Герцен в следующей достаточно четкой формуле резюмирует свой взгляд «Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»³⁸

Утопическое открытие «русского социализма» было своеобразным ответом Герцена на сам по себе отнюдь не утопический теоретический запрос, ответом на искание Герценом объективной почвы для социализ-

³⁶ Письма из Франции и Италии Искандера (1847—1852), изд. 2-е, Лондон 1858, стр. 71 (курсив мой — Ш. Л.) Герцен не был вполне одинок, ставя прямо уже в конце 40-х годов подобные проблемы. Можно, например, указать на Владимира Милютину, талантливого экономиста и публициста, который задавался теми же проблемами в одно время с Герценом. В пространном разборе курса политической экономии Бутковского, изданного в 1847 г. (разбор напечатан в конце того же года), Милютин выясняет свой взгляд на утопический социализм, к которому относится очень сочувственно, но в некоторых пунктах и критически. Он находит, что «необходимо освободить утопию от ее мистического, мечтательного характера», необходимо «изучить и понять действительность, раскрыть ее стремления и силы и соответственно с этим видоизменить самую мечту, сблизив ее с жизнью». «Но как скоро,—продолжает Милютин,—при построении наших теорий мы перестаем довольствоваться воображением и начинаем изучать самую действительность, утопия уже начинает терять характер утопии и принимает мало-помалу характер чисто научный». Переходя в науку, утопия делается способной к «переходу из сферы отвлечения в сферу действительности» (В. А. Милютин Избранные произведения, Госполитиздат, 1946, стр. 349—350). Нельзя, впрочем, не видеть существенного различия в отношении к социализму Герцена и Милютину. Милютин выступал не как революционер — в его критике довольно резко выражены черты либерального (или полулиберального) постепенства и реформизма. В этом смысле особо осторожной оценки требуют и такие критические замечания по адресу западного утопизма, какие встречаются, скажем, у молодого Достоевского в его объяснениях на допросах (Достоевский тогда заявлял «Социализм — это наука в брожении, это хаос, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии, хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что-нибудь стройное, благоразумное и благодетельное для общественной пользы, точно так же как из алхимии выработалась химия, а из астрологии — астрономия», см. Н. Ф. Бельчиков Достоевский в процессе петрашевцев М — Л, 1936, стр. 142).

³⁷ А. И. Герцен Статья «1864» — Полн. собр. соч., т. XVII, стр. 4

³⁸ А. И. Герцен Порядок торжествует! — там же, т. XIX, стр. 127—128

ма Парадоксальная по внешности мысль, когда-то высказанная Плехановым, что обращение русских социалистов к поземельной общине, как к ручательству за торжество социалистического идеала в России, было с их стороны своего рода «апелляцией от «сознания» к «бытию»,³⁹ должна быть отнесена в первую очередь именно к Герцену, который раньше всех пытался систематически обосновать учение об особенностях русского народного быта как объективной исторической базе для осуществления социализма Плеханов и по поводу Герцена действительно замечает однажды, что его «самобытная теория», выросшая из стремления «доказать» социализм, была «уступкой материализму, но в пределах идеализма»⁴⁰

Следует отметить, что Герцен не оспаривал преимуществ буржуазно-капиталистического общества в сравнении с предшествующим феодальным. В статье об Оуэне Герцен категорически заявляет, что с его точки зрения «мещанское устройство представляет огромный успех в сравнении с олигархически-военным»⁴¹. Однако, — добавляет он, — «для Европы, и в особенности для англо-германской» мещанское устройство «представляет не только огромный успех, но и успех достаточный». Другое дело — русские и еще некоторые народы они «имеют в себе очень мало мещанских элементов, общественное устройство, в котором им было бы привольно, выше того, которое может им дать мещанство»⁴². Герцен сопровождал тогда это утверждение крайне любопытной оговоркой. Из сказанного им, подчеркивал он тут же, «никак не следует», что поименованные им народы действительно достигнут высшего состояния, не свернут на буржуазную дорогу «Одно стремление, — писал Герцен, — ничего не обеспечивает, на разницу возможного и неминуемого мы ужасно напираем»

В схеме Герцена *теоретически*, таким образом, оставалось некоторое место для «буржуазной дороги» России. Сомнение Герцена по этому поводу выразилось снова в «Концах и началах». В последней статье этой серии, датированной 15 января 1863 г. и в том же году напечатанной в «Колоколе», Герцен писал: «Я не считаю мещанства окончательной формой русского устройства, к которому Россия стремится и, достигая которого, она, может, *пройдет* мещанской полосой». Может, народы европейские сами перейдут к другой жизни, может, Россия вовсе не фазовьется, но именно потому, что это *может быть, может быть и другое*»⁴³. Надо напомнить дальнейшую историю этого текста. В 1866 г. «Концы и начала» были перепечатаны в сборнике статей Герцена «Еще раз» (цитированное место здесь — на стр. 93). В посмертном издании сочинений Герцена, в X томе, статья явилась с изменениями, сделанными Герценом в тексте сборника 1866 г. Там находим уже такую редакцию: «она (Россия — Ш Л) вероятно *пройдет* и мещанской полосой»⁴⁴. Плеханов, изучая Герцена в связи со своими работами о нем начала 1910-х годов, был явно озадачен этими словами «Россия, вероятно, пройдет и мещанской полосой. Это уж совсем странно», — записал он⁴⁵.

³⁹ Г. В. Плеханов. Еще о Чернышевском — Соч., т. VI, стр. 360.

⁴⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сборник VI, М., 1938, стр. 84.

⁴¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 508—509.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, т. XV, стр. 304.

⁴⁴ А. И. Герцен. Соч., т. X. Женева, 1879, стр. 278 (О происхождении новой редакции — на стр. 195). Ср. издание под ред. М. К. Лемке т. XV, стр. 611. На это изменение в свое время указал Иванов-Разумник (История русской общественной мысли т. I, СПб., 1907, стр. 323), но приписал ошибочно измененную редакцию уже самому изданию 1866 г.

⁴⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сборник VI, стр. 73.

Плеханов истолковал дело так, что, по мнению Герцена, «русский народный дух мог *сократить* прохождение России через фазу «мещанства», но не был достаточно силен для того, чтобы позволить ей миновать ее»⁴⁶ Возможно, что такое толкование правильно, и что у Герцена в самом деле уже возникала мысль о «прохождении» России, непременно ускоренным порядком, «мещанской полосой» (это было бы отчасти похоже на известное заявление Добролюбова в рецензии на книгу Бабста)⁴⁷

Не забудем, однако, что поправка Герцена появляется в самые последние годы его жизни, не забудем и того, что перемена в герценовской фразе возможности на вероятность не вызвала более общей перемены во всем построении статьи аргументация которой направлена попрежнему на защиту тезиса об особом пути развития России

В какой мере отмеченные черты крестьянского социализма Герцена можно считать типичными для русского утопического социализма в целом? Несомненно, что ими определяются далеко не личные только особенности Герцена Ведь именно некоторые из этих черт и сделали из Герцена родоначальника русского народничества, которым, между тем, окрашен ход левой общественной мысли в России на протяжении ряда десятилетий Этим мы вовсе не хотим сказать, что развитие, как современное Герцену, так и последующее общественной мысли — хотя бы только в ее отношении к общим вопросам социализма — шло сколько-нибудь точно по намеченной им колее, и исключительно по ней

Уже в 50-х годах рядом с Герценом выступает как социалистический писатель Чернышевский И вот если мы обратимся к тому, как сам Герцен оценивал деятельность Чернышевского-социалиста, мы встретимся с определенным признанием с его стороны различия между ними Охарактеризовав содержание своего «русского социализма», Герцен замечает «Название это тем необходимее, что рядом с нашим учением развивались, с огромным талантом и пониманием, теории чисто западного социализма и именно в Петербурге» «Это раздвоение,— добавляет Герцен,— совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма Мы служили взаимным дополнением друг друга» И дальше Герцен прямо указывает на Чернышевского⁴⁸

Но прав ли был Герцен в столь резком противопоставлении, пусть смягчаемом указанием, что Чернышевский и он, Герцен, взаимно дополняли друг друга? Нужно признать, напротив, что и Чернышевский на самом деле был представителем «русского» социализма, понимаемого в смысле социализма *крестьянского*, хотя и существовали серьезные различия между обоими мыслителями

Моложе Герцена на много лет, Чернышевский начал интересоваться общественными вопросами в то время, когда Герцен уже выступал как общественный деятель и выдающийся писатель Многому он учился по Герцену (конечно, и по Белинскому) Вместе с тем Чернышевский непосредственно обратился и к тем идейным источникам, из которых черпал свое знакомство с западными идеями сам Герцен Последнее, в частности относится к изучению европейского социализма Как и Герцен,

⁴⁶ Г. В. Плеханов Соч., т. XXIII, стр. 429

⁴⁷ «Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы,— писал Добролюбов в этой рецензии,— мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше Что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно и даже несколько не прискорбно для нас Но все-таки наш путь облегчен, все таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе» (Н. А. Добролюбов Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 402)

⁴⁸ А. И. Герцен Порядок торжествует! — Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 128

Чернышевский, при общей очень высокой оценке вклада западных утопистов, с самого начала стал проявлять критическое отношение к различным сторонам их учений. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский, по поводу характеристики русских 30-х годов, писал: «В то время во Франции возникали, как противоречие бездушному и убийственному учению экономистов, новые теории национального благосостояния. Идеи, одушевлявшие новую науку, высказывались еще в фантастических формах, и предубежденным или руководившимся своекорыстными побуждениями противникам легко было, оставляя без внимания здравые и высокие основные идеи новых теоретиков и выставляя в утрированном виде мечтательные увлечения, которых вначале не избегает ни одна новая наука, осмеивать системы, им ненавистные. Но под видимыми странностями и под фантастическими увлечениями скрывались в этих системах истины и глубокие, и благодетельные».⁴⁹ Обратившись к юношеским дневникам Чернышевского, можно убедиться, что «фантастические» и «мечтательные» элементы он начинал распознавать в отдельных системах утопического социализма уже при первом знакомстве с ними. Вспомним, как в 1848 г. Чернышевский первые впечатления от чтения Фурье выразил словами: «Как будто бы читаешь какую-нибудь мистическую книгу средних веков или наших раскольников».⁵⁰ Позднее, во второй половине 50-х годов, скоро после «Очерков гоголевского периода», Чернышевский писал в статье о книге Гакстгаузена (в связи с рассуждениями немецкого автора о сен-симонизме): «Гакстгаузен воображает, будто бы в 1847 году, когда была издана его книга, вопрос о сен-симонизме и тому подобных мечтах все еще оставался современным вопросом. Добряк не замечал, что времена этой системы, действительно мечтательной и неосуществимой, прошли задолго до 1847 года».⁵¹

Ясное дело, что Чернышевский, как до него и одновременно с ним Герцен, не удовлетворялся системами Сен-Симона и его учеников, или даже Фурье, с идеями которого собственные воззрения Чернышевского имели относительно гораздо большую связь. Нетрудно было бы показать, что критика Чернышевского не останавливалась, тем более, ни перед теориями Прудона, хотя отношение к нему Чернышевского с течением времени и изменялось, ни перед учением Луи Блана, только в самые ранние годы сознательной жизни Чернышевского, казавшегося ему образцом революционера и социалиста, а позднее ценимого им очень умеренно в качестве теоретика и порицаемого в качестве неудачливого политического вождя.

Но нельзя все-таки упускать одного критикую в том или другом западных утопистов, сам Чернышевский *не переставал* быть утопическим социалистом на свой лад. Попытки, неоднократно делавшиеся в исторической литературе авторами-народниками, а иногда и такими, которые считали себя марксистами, доказать, что Чернышевский вовсе не был (или почти не был) утопическим социалистом, неизбежно оказывались всегда несостоятельными.⁵² Ленин справедливо определял Чер-

⁴⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. сочинений в 15 томах, т. III, М., 1947, стр. 216.

⁵⁰ Там же, т. I, М., 1939, стр. 188.

⁵¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. сочинений в 10 томах, т. III, СПб., 1906, стр. 293.

⁵² Л. Э. Шишко писал в 1902 г., что примечания Чернышевского к Миллю, его статьи об общественном землевладении или о июльской монархии «создали, можно сказать, особую русскую школу научного социализма» (Собрание сочинений Л. Э. Шишко, т. IV, П.-М., 1918, стр. 96). Иванов-Разумник (История русской

нышевского, как социалиста-утописта, как *русского великого утописта* ⁵³

Выражением утопического характера воззрений Чернышевского (отнюдь не единственным, но весьма существенным и специфическим для него, как представителя *русского* утопического социализма) является его отношение к крестьянской общине, ставящее его в ряд вождей того «старого русского крестьянского социализма», о котором говорит Ленин В статье «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» Ленин указывает, что «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полufeодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма» ⁵⁴

Нельзя признать правомерными те стремления свести к минимуму, более или менее ничтожному, место общины во взглядах Чернышевского, которое сказывается у Плеханова и Стеклова, двух авторов, вообще представлявших в освещении Чернышевского во многом противоположные точки зрения, но в данном вопросе — об общине — с различных сторон старавшихся подорвать сложившееся традиционное мнение Неверна мысль Плеханова, основанная на одностороннем толковании первых страниц статьи «Критика философских предубеждений против общинного владения», будто Чернышевский ко времени ее написания стал считать общину «вредной для народного благосостояния» и «стыдился того, что он выступил на ее защиту» ⁵⁵ Глубоко ошибочна полемика Стеклова против тезиса Ленина о Чернышевском, как утописте, мечтавшем о переходе к социализму через общину, попытка доказать, что Чернышевский признавал предварительным условием для развития общины в социалистическом направлении победоносную пролетарскую революцию на Западе ⁵⁶ Заметим, кстати, что до Стеклова аналогичную точку зрения отстаивал уже народник Иванов-Разумный, писавший, будто Чернышевский «считал возможным, что раньше пролетаризации русского крестьянства Западная Европа дойдет до социалистической стадии развития, и тогда (т е только в зависимости от победы, *после* победы социализма на Западе — *Ш Л*) русская община послужит центром кристаллизации социалистического строя в России» ⁵⁷

Чернышевский, действительно, учил, что «у отставшего народа развитие известного общественного явления, благодаря влиянию передового народа, прямо с низшей степени перескакивает на высшую, минуя средние степени», ⁵⁸ но, прилагая это положение к общине и считая

общественной мысли, т II, СПб, 1907, стр 8) утверждает, что «утопическим социалистом Чернышевский не был никогда» Орган социал-демократов «экономистов» — «Рабочая мысль» в «Отдельном приложении» 1899 г бессмысленно надерганными, по словам Ленина, цитатами из Чернышевского стремился показать, «будто Чернышевский не был утопистом» (см статью Ленина «Попытки направления в русской социальной демократии», Соч, т II, стр 545) Особую главу в истории ошибочных попыток обосновать ту же мысль (хотя и не в столь грубой и резкой форме) составляют статьи и книги о Чернышевском, в разное время опубликованные Ю М Стекловым

⁵³ В И Ленин Перлы народнического прожектерства — Соч, т II, стр 295

⁵⁴ В И Ленин Соч, т XV, стр 144

⁵⁵ Г В Плеханов Идеология мещанина нашего времени — Соч, т XIV, стр 318

⁵⁶ Ю М Стеклов Н Г Чернышевский, его жизнь и деятельность, т I, М — Л, 1928, стр 580, 582—583, т II, М — Л, 1928, стр 108—109

⁵⁷ Иванов-Разумный История русской общественной мысли, т II, стр 23 Курсив мой — *Ш Л*

⁵⁸ Н Г Чернышевский Критика философских предубеждений против общинного владения — Полн собр сочинений в 10 томах, т IV, СПб, 1906, стр 330

возможным скачок от общины к социализму минуя капитализм, он едва ли предполагал что-либо большее, чем влияние складывавшейся на Западе «новой науки», идей «новых теоретиков», о которых он писал еще в «Очерках гоголевского периода». Он имел в виду, другими словами, то самое сочетание «народного русского быта» и «науки Запада», то самое «оплодотворение» «непосредственных основ» крестьянского быта социалистической мыслью, о котором мечтал и Герцен «То, что является для Европы только надеждой составляет факт, с которым мы выступаем», — писал Герцен Чернышевский же писал в «Современнике» «То, что представляется⁵⁹ утопиею в одной стране, существует в другой как факт. Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта». Каковы бы ни были предстоящие России в будущем перемены в экономическом быте (Чернышевский предвидел приближение в этом отношении России к Европе — Ш Л), не следует касаться *священного, спасительного обычая*, оставленного прошедшею жизнью, нельзя посягать на общинное пользование землями⁶⁰

Под влиянием хода крестьянского дела Чернышевский, как известно, утратил уверенность, что общине удастся сыграть свою спасительную роль (по крайней мере, без близкой помощи крестьянского восстания и демократического переворота), и в «Критике философских предубеждений» он казнил себя за чрезмерно оптимистический тон, в каком он начинал кампанию защиты общинного землевладения, но он оттого не перестал вовсе быть горячим принципиальным сторонником общины, как средства (при благоприятных условиях⁶¹) ограждения населения от «язвы пролетариата» и как основы, предрасположенной облегчить переход к социализму.

В свою очередь, и Герцен, разумеется, осуждал крепостнический характер реформы. Но он не оставлял уже никогда раз принятого приподнятого, восторженного тона в отношении общины. Цитированные раньше слова «Разве освобождение крестьян с землею — не *социальный переворот*? Разве общинное владение и право на землю — не *социализм*?» — были написаны Герценом через ряд лет *после* обманувшей народные ожидания реформы. Для западных читателей Герцен писал «Широкое зрелище открывается рядом с тем миром, который произвел без всякой пользы все возможные опыты, от фаланстера и Икарии вплоть до уравнительных ассоциаций. Сельская община и сельская личность сделали в России гигантские шаги с 1861 [года]»⁶¹

Тут, в оценке существующего положения, в оценке роли общины при наличных условиях, была между Герценом и Чернышевским (особенно Чернышевским после 1858 г.) существенная разница. Существенная разница была между ними и в оценке положения и перспектив Запада — в вопросе, с которым у Герцена как раз тесно и увязывалась его апология общины.

Мы знаем, что с разочарованием Герцена в Западе не случайно совпадает начало пропаганды им «русского социализма». «Европа очень стара, — писал Герцен в 1849 г., — у нее нехватает сил, чтобы подняться на высоту собственной мысли... Ее прошлое богато, а что касается

⁵⁹ Слово, несомненно, употреблено не в значении «является», а в значении «кажется»

⁶⁰ Н. Г. Чернышевский Полн. собр. сочинений в 10 томах, т. III, СПб, 1906, стр. 184—186

⁶¹ А. И. Герцен Полн. собр. соч., т. XX, стр. 83

будущего, то ее наследниками могут быть или Америка, с одной стороны, или, с другой — славянский мир»⁶² В 1856—1857 гг., в статье «Еще вариация на старую тему», Герцен стремился объяснить, почему «середь мрачного, раздирающего душу реквиема, середь темной ночи, которая падает на усталый, больной Запад», он отворачивается «от предсмертного стога великого бойца, *«которому помочь нельзя»*»⁶³

Он, впрочем, оговаривался: вопрос о будущем Европы он не считает еще *«окончательно решенным»*. «Но,— заявлял он,— добросовестно, с покорностью перед истиной и скорее с предвзвешенными в пользу Запада, чем против него, изучая его десятилетия, я должен сказать, что ни близкого, ни хорошего выхода не вижу»⁶⁴

Почти до конца дней Герцен оставался во власти этих настроений. Иные ноты более или менее отчетливо звучат в буквально предсмертных статьях «Даниил-Тьер» и, особенно, «Письма к старому товарищу», впервые увидевших свет только в «Сборнике посмертных статей» Герцена. Новые настроения были порождены успехами европейского рабочего движения, деятельностью Интернационала. Но, повторяем, это было уже накануне смерти писателя.

Скептик относительно Запада, Герцен был большим оптимистом по отношению к общинно-крестьянской России. Он временами склонялся к мысли, что общинная Россия призвана обновить, спасти самый Запад. Правда, когда Чернышевский в 1861 г. резко восстал против герценовского воззрения на Запад, Герцен выступил со своеобразным опровержением. Он утверждал, что никогда не говорил о новом элементе, который Россией вносится «в жизнь устарелого Запада» и должен «пересоздать его»⁶⁵. Но Герцен в этом утверждении ошибался. Подобная нота мессианизма вовсе не была ему чужда. Бакунин далеко не без основания писал Герцену и Огареву, что от великорусской общины они «с мистическою верою и теоретическою страстью» ждут спасения «не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира»⁶⁶.

Чернышевский не разделял этой стороны воззрений Герцена и в достаточно решительных выражениях высказывался против похоронного характера герценовских отзывов о Западе, а заодно он отмежевывался и от того тона, в каком Герцен противопоставлял Западу самую общину.

Косвенно попадали в Герцена уже некоторые из стрел, которые в 1856 г. Чернышевский направил против славянофилов в «Очерках гоголевского периода». Чернышевский писал: «Запад — не человек преклонных лет. Нет, Запад — юноша, и юноша еще очень молодой и свежий, который (устаи своих «передовых мыслителей») говорит: «Моя карьера только что еще начинается, силы у меня довольно, и, пожалуйста, не отчаивайтесь за мою будущность»»⁶⁷. Позднее Чернышевский не раз говорил прямо (по необходимости без упоминания имени) против Герцена: «Кроме общинного землевладения,— писал он в статье «О причинах падения Рима»,— невозможно было самым усердным мечтателям открыть в нашем общественном и частном быте ни одного учреждения или хотя бы зародыша учреждения для предсказываемого

⁶² Там же, т. VI, стр. 563.

⁶³ Там же, т. VIII, стр. 492. Курсив мой — Ш. Л.

⁶⁴ Там же, стр. 488.

⁶⁵ Там же, т. XI, стр. 232.

⁶⁶ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, СПб., 1907, стр. 283.

⁶⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. сочинений в 15 томах, т. III, М., 1947, стр. 82.

ими обновления ветхой Европы нашею свежеею помощью. А этому обычаю Европе поздно научиться от нас, да и не нужно учиться, потому что сама она гораздо лучше нас понимает, какие новые порядки ей нужны, как их устроить и какими способами вводить». Разъясняя свою позицию, Чернышевский указывал, что западные народы еще только готовятся выступить на историческое поприще «только еще авангард народа, среднее сословие, уже действует на исторической арене, да и то почти лишь только начинает действовать, а главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности»⁶⁸ В этих словах Чернышевский выразил свою горячую веру в творческие силы народных масс Западной Европы и в их способность самостоятельно — независимо от какого-либо воздействия русских общинных начал — найти путь к обновлению жизни на социалистических основах.

Таким образом, оба главных представителя русского утопического социализма середины прошлого века имели в своих взглядах на общину некоторую *общую почву* и в то же время *не во всем сходились*. Герцен и Чернышевский выступали как сторонники и защитники общины, рассматривая ее как плотину против пролетаризации и базу для движения к социализму. Оба подчеркнуто связывали социалистическую миссию общины с воздействием возникшей на Западе социалистической мысли. Но взгляду Герцена на общину свойственна была, если говорить словами Чернышевского, гораздо большая «мечтательность». У Чернышевского несравненно сильнее были элементы критики. В способность же русской общины оказать спасительное влияние на судьбу Запада Чернышевский не верил, но зато он уверенно и оптимистически смотрел, в противоположность Герцену, на внутренние силы и возможности трудящихся масс самой Европы.

Чернышевский и Герцен своими взглядами на крестьянство и общину выразили воззрения и настроения целого круга своих современников, как и они — сторонников русского **крестьянского социализма**. Они оказали ими большое влияние и на формирование взглядов ближайших поколений интеллигенции. Взгляды Чернышевского в целом, несомненно, разделял Добролюбов, начало развития которого протекало, кроме того, под сильным влиянием Герцена. Ко взглядам Чернышевского и Герцена примыкали так или иначе Шелгунов, Елисеев и др. Теми чертами своих учений, которые прямо относятся к вопросам русского крестьянского социализма, к вопросам общины, связываемых с общиной особыми путями развития, Чернышевский и Герцен определили в большой степени соответствующее содержание различных народнических построений. В статье «О народничестве» Ленин указывал: «Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского»⁶⁹. Ленин не оспаривает мнения, считающего Герцена и Чернышевского «родоначальниками» народничества. Он отмечал прямо связь Чернышевского и Герцена с народничеством, когда писал в статье «Из прошлого рабочей печати в России», что «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена»⁷⁰. Разумеется, здесь о народничестве говорится в самом широком и общем смысле слова, в смысле, мы бы сказали, сино-

⁶⁸ Н. Г. Чернышевский Полн. собр. сочинений в 10 томах, т. VIII, СПб. 1906, стр. 173—175.

⁶⁹ В. И. Ленин Соч., т. XVI, стр. 283.

⁷⁰ В. И. Ленин Соч., т. XVII, стр. 342.

нима русского крестьянского социализма, — с его верой в особый уклад крестьянского быта, в общину, в возможность для России некапиталистического пути, с его убеждением, что человек будущего в России — мужик. Этот символ веры, с теми или иными оттенками, держался долго, продолжал держаться и тогда, когда действительность все шире стала раскрывать противоречия, свойственные капиталистическому развитию, когда достаточно обнаружились мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства и классовый антагонизм внутри крестьянства. В начале 90-х годов, борясь с выродившимися эпигонами старого крестьянского социализма, Ленин подчеркивал, что они цепляются за иллюзии, в которые в 60-х и 70-х годах (т. е. в период расцвета русского утопического социализма) впадать было позволительно и естественно постольку, поскольку капитализм был еще весьма слабо развит, мало было точных сведений об экономике деревни и разложение деревни не успело еще обнаружиться.⁷¹

II

В статье «Памяти Герцена» Ленин отрицает подлинно социалистический характер (в смысле научного социализма) учения Герцена, как, впрочем, и других форм домарксовского социализма. Это было у Герцена, по словам Ленина, «доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России». Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.⁷²

В другой статье, говоря по поводу 50-летия крестьянской реформы 1861 г. Чернышевском и охарактеризовав его приведенными уже словами как социалиста-утописта, Ленин пишет: «Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».⁷³

Формулировку революционных стремлений крестьянства к уничтожению помещичьего землевладения и помещичьей власти Ленин, таким образом, видит за социализмом Герцена. Идею борьбы крестьянства за свержение всех старых властей (а старые власти — это как раз помещичья власть) он подчеркивает у Чернышевского.

Речь идет о соединении социализма (утопического социализма Герцена и Чернышевского) с демократизмом, с борьбой за осуществление демократических идеалов и стремлений. Еще в работе о «друзьях народа» Ленин указывал, как на характерную черту «эпохи Чернышевского», на то, что тогда «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое».⁷⁴ В цитированной статье о крестьянской реформе Ленин распространяет ту же характеристику на следующий — после Чернышевского — исторический период: он говорит о том, что «силы демократии и социализма» были смешаны воедино «в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народолюбцев и революционных».⁷⁵

⁷¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 158, 272.

⁷² В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 466.

⁷³ Там же, стр. 144.

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 170.

⁷⁵ В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 144.

Эти положения, высказанные Лениным, подводят нас к целому кругу вопросов, тесно связанных с проблемами русского утопического социализма, его своеобразия и особенностей

Русский утопический социализм возник в последние десятилетия крепостного права, он развивался в пору проведения отмены крепостного права, которая отнюдь не сняла вопроса о борьбе с пропитывавшими пореформенную действительность крепостническими началами. Борьба против самодержавия, борьба против крепостного права, а затем против его пережитков, против помещичьего землевладения, закабалявшего крестьян, стояла в центре внимания и практических усилий передовых кругов, воспитавшихся на литературе утопического социализма и объявивших социализм своим собственным знаменем «Наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием», — писал Ленин впоследствии, подводя некоторый итог «истории всего русского социализма»⁷⁶

Борьба против самодержавия, против помещиков, на которых самодержавие в первую голову опиралось и которых, в свою очередь, оно всеми силами поддерживало, объективно не могла не носить *политического* характера

Вопрос об отношении к политике, о политической борьбе и политических требованиях естественно и неизбежно вставал перед русскими социалистами-утопистами.

В каком отношении их *политические* взгляды стояли к западно-европейскому утопическому социализму?

Напомним снова, что западный утопический социализм представлял собой явление крайне многообразное и пережил длительную эволюцию. Это бесспорное положение должно удерживать нас от слишком упрощенных выводов. Но можно, тем не менее, определить какие-то особо типические и преобладающие для той или иной группы идеологических явлений, входящих в сложное понятие западного утопизма, черты; можно, между прочим, и по вопросу о политике. Так, не м^{ст}н^н быть сомнений в преобладающем аполитическом характере теории утопистов первой трети XIX в. и их ближайших последователей. Мы убеждены, что этого вывода не подрывает наблюдение В. П. Волгина, в его исследовании о Сен-Симоне и сен-симонизме, относительно своеобразных политических проектов Сен-Симона. Надо заметить, что и В. П. Волгин говорит о Сен-Симоне, как о человеке, который только «некоторой частью существа» являлся политиком, а в отношении сен-симонистов он отмечает, что политической борьбой они — за редкими и случайными отступлениями — не интересовались⁷⁷. Аполитизм характеризует Фурье и фурьеризм. Роберт Оуэн в согласии со своими общими принципами держался в стороне от политических движений английских трудящихся, от чартизма.

В период Июльской монархии и особенно со времени Февральской революции 1848 г. во Франции происходит *отчасти* процесс изживания политического безразличия в утопическом социализме. Плеханов справедливо отмечает: «Политика оказалась сильнее утопии. Она навязала себя утопическому социализму, некогда провозгласившему ее ошибкой»⁷⁸. Указывается при этом на известный поворот в этом отношении

⁷⁶ Б. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения. Соч., т. IV, стр. 37.

⁷⁷ В. П. Волгин. Очерки по истории социализма, изд. 4-е, М.—Л., 1935, стр. 281. Ср. его вступительную статью в кн. «Изложение учения Сен-Симона», М.—Л., 1947, стр. 23—24.

⁷⁸ Г. В. Плеханов. Французский утопический социализм XIX века. Соч., т. XVIII, стр. 123.

среди фурьеристов, например, у Консидерана, на депутатскую деятельность в период революции 1848 г. Бюше, Пьера Леру, Луи Блана и др. Известно, что утопический социализм Луи Блана, при всем его типично «соглашательском» направлении, носил уже ясно выраженный политический характер «Социализм,— писал он,— может быть оплодотворен лишь дыханием политики» Известно также, что Пьер Леру прямо приписывал себе ту заслугу, что он «ввел республику в социализм» Наконец говоря о политической струе в утопическом социализме XIX в., надо особенно подчеркнуть ту линию, которую представляли в нем необабуизм и бланкизм (сам Бабеф с его окружением уже в конце XVIII в. стоял на почве политической борьбы)

Но нельзя, с другой стороны, забывать того, что аполитическая тенденция в европейском утопизме даже в середине XIX в. нашла себе нового влиятельного выразителя в Прудоне, создавшем целую школу аполитиков-анархистов Уже по одному этому нет оснований считать, чтобы — до и вне марксизма — «неполитический социализм» был совсем вытеснен политическим В составленном им «Протесте российских социал-демократов» (против экономистского Credo, 1899) Ленин указывал «Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое Международное Общество Рабочих, политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий тред-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах)» ⁷⁹

После этой, по необходимости весьма краткой, справки о положении вопроса в западном утопизме мы можем вернуться к русским утопистам Тот же Плеханов, считавший, что, несмотря на ряд исключений, *правилом* для западных утопистов остается все-таки противоположение *политики* деятельности в области *социальных* вопросов, находил также, что «заимствованное с Запада противопоставление политики деятельности на социальной почве» господствовало в русской социалистической литературе «вплоть до победы в ней марксизма» ⁸⁰

Если бы Плеханов сказал только, что до победы в русской социалистической литературе марксизма в ней не раз возникали колебания и противоречия по вопросу о соотношении социализма и политической борьбы, с ним можно было бы согласиться Однако в его формулировке обойден бесспорный факт значительных отклонений в литературе (и тем более, прибавим, в практике) русского утопического социализма от того отношения к политике, которое он признает ведущим правилом для западного утопизма Особенно выделяется наибольшим, относительно, приближением к цельному и последовательному взгляду на политику позиция Чернышевского, представлявшего вершину теоретических достижений всего русского социализма утопического периода Но и вообще — исключая время господства в русском революционном движении чистого народничества и анархо-бакунизма, когда на деле, впрочем, политическая борьба все же не прекращалась ⁸¹ — политический характер и политические стремления были свойственны русскому утопическому социализму в целом и большей частью отодвигали в нем на задний план элемент политического инди-

⁷⁹ В. И. Ленин Соч., т. II, стр. 480

⁸⁰ Г. В. Плеханов Соч., т. XVIII, стр. 97

⁸¹ Первое же активное выступление стоявшего в теории на почве аполитического бунтарства общества «Земля и воля» 70-х годов носило по существу совершенно политический характер (так называемая Казанская демонстрация в Петербурге)

ферентизма, являвшийся еще в виде дани старой утопической традиции или влиянию прудонизма

Уже на примере Белинского можно видеть, как трудно у представителей русской передовой мысли XIX в. отделить политические демократические стремления от социальных, разграничить политический радикализм и утопический социализм Белинский, как известно, одно время сильно был увлечен идеями утопического социализма и может почитаться предшественником русского утопизма как крупного общественного направления. А вместе с тем Белинский, пламенно борясь против крепостного права, желал политических перемен, причем ему приходилось высказываться против самого принципа монархии.⁸²

Петрашевцы, горячие приверженцы утопического социализма, преимущественно системы Фурье, с большим вниманием одновременно обсуждали вопросы, касающиеся политического положения России и желательных в нем перемен. Они были сторонниками освобождения крестьян и внутренних реформ. Привлеченный по делу петрашевцев А. Баласогло, объясняя свой образ мыслей и заявляя себя фурьеристом, между прочим, показывал «Не считая ни во что конституций в их чисто юридической, скелетной и бездушной форме, я, однакож, признаю необходимость, для всякого мало-мальски развившегося народонаселения, в известных ручательствах и обеспечениях между правительством и обществом. Эти ручательства должны бы были состоять в праве каждому в государстве лицу возвышать свой голос, в открытом на весь мир судопроизводстве и в участии в делах правления выборных людей от народа».⁸³ Еще ярче о мыслях, бродивших среди, во всяком случае, части петрашевцев, свидетельствует рукопись Д. Д. Ахшарумова «Три вопроса». Чтобы уничтожить существующее общественное зло, Ахшарумов признает средством фаланстер Фурье. Но препятствием к его осуществлению в России является правительство. «Вопрос, — пишет Ахшарумов, — приводится к тому, каким образом получить правительство, терпящее нововведения. Монархическое неограниченное уместно только тогда, когда будет на престоле человек любознательный, благонамеренный и преданный благу всего человечества. Но с нашими негодными, недоверчивыми, всего опасавшимися царями и многочисленным их семейством, в котором ни один из членов не обещает ничего доброго, с невежеством министров и всего правительства, решительно нет надежды на такое нововведение. Надо изменить правление. Я думаю так, что если народ нельзя вдруг лишить его любимого предмета, которому он вверился и которым дурачен столько веков, то надо оставить царя для названия, но уж взять его в руки. Надо конституцию».⁸⁴ О политической стороне взглядов петрашевцев, среди других источников, позволяют судить статьи Петрашевского в «Словаре иностранных слов», такие, например, как о «Национальном собрании» или «Оппозиции».⁸⁵

Герцен — продолжатель дела декабристов. Он сам писал незадолго до смерти «Мы от декабристов получили в наследство стремление к независимости, ненависть к рабству, уважение к Западу и революции,

⁸² Социализм Белинского. Статьи и письма. Редакция и комментарии П. Н. Сакулина, М., 1925, стр. 17.

⁸³ Дело петрашевцев, т. II, М — Л, 1941, стр. 96.

⁸⁴ Петрашевцы. Сборник материалов, т. II, М — Л, 1927, стр. 202—203.

⁸⁵ Там же стр. 20—23, 44—50.

веру в возможность переворота в России, страстное желание участвовать в нем »⁸⁶

Традиция декабристов — традиция *политической* борьбы. Влияние западных утопистов, старых и новых, отчасти дополняло эту традицию постановкой проблемы социализма, отчасти же способно было увести в другую сторону, к отрицательной оценке политики.

«Политические перевороты без социального сделались невозможны», — записывал Герцен в дневнике за 1843 г.⁸⁷ В 1849 г. в письме к московским друзьям он восклицал «Какие политические перевороты возможны в теперешнее время? Конец политических революций и восхождение нового мирозерцания — вот что мы должны проповедывать»⁸⁸. Тогда же, в другом месте, он выражал удовлетворение по поводу того, что русский народ, сохранив земельную общину, «ближе к социальной революции, чем к какой-либо политической»⁸⁹. Было бы ошибочным не видеть у Герцена в этих и многих подобных заявлениях предрасположения к известной недооценке политики. Не прошло для Герцена бесследно сближение с Прудоном. В характеристике Прудона, вошедшей в «Былое и думы», Герцен с заметным сочувствием касался прудоновского отношения к политическим вопросам «везде ясно видно, что политик, в смысле старого либерализма и конституционной республики, стоит у него на втором плане, как что-то полупрошедшее, уходящее. В политических вопросах он равнодушен, готов делать уступки, потому что не приписывает особой важности формам, которые, по его мнению, не существенны».⁹⁰ С этим поучительно сопоставить заявление Герцена, сделанное им в самые последние годы жизни «Не смешно ли человеку второй половины XIX столетия, вынесшему на своих плечах, стоптавшему своими ногами столько правительственных форм, одних бояться, перед другими идолопоклонствовать? Форма, как ее разумеют на языке военных приказов — «мундир», и он поневоле прилаживается к живому содержанию. Поправляйте живое тело — мундир непременно лопнет, если узок. И будьте уверены, что нет ни очень хороших, ни безусловно скверных мундиров»⁹¹.

Из последней выдержки видно, что Герцен, теоретически по крайней мере, никогда не мог до конца освободиться от свойственного многим европейским утопистам, а одно время почти безраздельно в европейском утопизме царившего пренебрежения к политическим формам.

Но вместе с тем не может подлежать сомнению, что Герцен являлся выдающимся *политическим* борцом. Даже в период наибольших колебаний в отношении Александра II Герцен выступал с определенными, хотя и умеренными, политическими требованиями. Эти требования потом приобрели значительно более широкий характер. Оглядываясь на десятилетнюю работу «Колокола», Герцен писал «Колокол» был и будет прежде всего органом *русского социализма и его развития*. Социальному развитию России для нас подчинено все, но так как оно невозможно без свободного слова и свободного схода, без общего обсуживания и совета, то мы звали и будем звать всеми силами собрание *Земского Собора*»⁹².

⁸⁶ А. И. Герцен. Еще раз Базаров. Полн. собр. соч., т. XXI, стр. 234.

⁸⁷ Там же, т. III, стр. 116.

⁸⁸ Там же, т. V, стр. 287.

⁸⁹ А. И. Герцен. Статья «Россия» (Г. Гервергу). Там же, т. V, стр. 360—361.

⁹⁰ Там же, т. XIII, стр. 450—451.

⁹¹ А. И. Герцен. Порядок торжествует! Там же, т. XIX, стр. 125.

⁹² А. И. Герцен. Статья «1857—1867». Там же, стр. 379.

Известно, что Герцен был одним из вдохновителей крупнейшего тайного общества 60-х годов «Земля и воля», созданного с целью политической борьбы против самодержавия, с целью добиться удовлетворения аграрных требований крестьянства и замены царизма свободными политическими формами

Можно смело сказать, что в 50—60-х годах, исключая Чернышевского и Добролюбова, у русского самодержавия не было более опасного и серьезного врага, чем Герцен,—несмотря на все и всякие его теоретические противоречия и практические колебания.

Отдельные противоречия по вопросу о соотношении политики и социализма, противоречия, впрочем, безусловно менее значительные, чем у Герцена, встречаются в литературно-теоретической деятельности Чернышевского. Особенно известно в этом отношении то место из статьи Чернышевского «Борьба партий во Франции», где он, противопоставляя демократов либералам и понимая при этом под демократами, собственно, социалистов, писал «Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими. Каким путем изменить в этом смысле законы и поддержать новое устройство общества, для них почти все равно. Для демократа — наша Сибирь, в которой простонародье пользуется благосостоянием, гораздо выше Англии, в которой большинство народа терпит сильную нужду»⁹³ На сомнительных и противоречивых формулировках Чернышевского по политическому вопросу в свое время много останавливался Плеханов, начиная уже с «Наших разногласий», где он противопоставлял Чернышевскому не только «коммунистов школы Маркса и Энгельса», но даже поздних фурийеристов⁹⁴ Плеханову случалось говорить, по поводу некоторых суждений Чернышевского, о его своеобразном «экономизме», который он ставил в связь с традиционной ошибкой социалистов-утопистов⁹⁵ Склоняясь к тому, что в теории Чернышевский всегда сохранял верность точке зрения утопического социализма на политические формы, Плеханов подчеркивал, с другой стороны, что в практическо-публицистической работе он «выступал непримиримым врагом нашего старого порядка». «На деле,—если не в теории,—он стал,—пишет Плеханов о Чернышевском,—человеком непримиримой политической борьбы»⁹⁶

Моменты недооценки политической проблемы очень подчеркнуты и в некоторых других работах, посвященных Чернышевскому. Но Плеханов и ряд авторов допускали здесь крупные преувеличения. Чернышевский не столько иногда грешил недооценкой самих политических форм и борьбы из-за них, сколько недооценкой способности трудящихся масс (хотя бы во Франции) интересоваться чисто политическими вопросами и их готовности к непосредственно политическому действию. Он с особой энергией заострял вопрос на необходимости материальных гарантий, обеспечивающих народу возможность использования формальных политических прав. Он вскрывал «теоретическую узкость либеральных понятий о свободе, как простом отсутствии запрещения» Житейское благосостояние масс, как настаивал Чернышевский, одно даст «возможность к реальному осуществлению права»⁹⁷

⁹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. сочинений в 10 томах, т. IV, СПб., 1906, стр. 136.

⁹⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 126.

⁹⁵ Там же, VI стр. 47.

⁹⁶ Там же, стр. 64.

⁹⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, СПб., 1906, стр. 157—158.

Насколько — несмотря на колебания, продиктованные, главным образом, недостаточно правильными выводами из верной в своей сущности концепции о реальных, материальных гарантиях права — Чернышевский умел оценить подлинную историческую роль политических форм и учреждений, показывает хотя бы тот факт, что именно он с необыкновенной глубиной объяснял в 50-х и 60-х годах решающее значение самодержавия («азиатства», по его терминологии, изобретенной для цензуры) как основного тормоза к подъему внутренних сил России и устранению всех многочисленных отдельных пороков русской и государственной и общественной жизни,⁹⁸ а также неразрывную связь царской монархии с классовыми интересами дворян-помещиков и, следовательно, необходимость уничтожения самодержавия как условия удовлетворения крестьянских нужд и требований

Полезно припомнить, что еще в 1850 г. Чернышевский в дневнике записал следующие слова на тему «о демократии и абсолютизме» «Монарх, и тем более абсолютный монарх, — только завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащее к ней. Я говорю погибни, чем скорее, тем лучше, пусть народ не приготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится, пока ты не падешь, он не может приготовиться»⁹⁹

Молодежные круги, учившиеся на произведениях Чернышевского, не всегда отчетливо понимали действительное отношение Чернышевского к политике, в чем некоторую роль играли цензурные условия, мешавшие часто Чернышевскому доводить свои формулировки до полной ясности. Шестидесятник С. Стахевич свидетельствует: «Мы, тогдашние молодые люди, которых политические мнения сложились в значительной степени под влиянием «Современника», исповедывали символ веры приблизительно такой: в жизненном строе народа наибольшую важность представляет материальное благосостояние массы населения, к этому благосостоянию следует стремиться неуклонно, все прочее приложится. Политические формы сами по себе ничто: конституция и республика могут совмещаться не только с благосостоянием масс, но также и с их нищетой, абсолютизм может совмещаться не только с нищетой масс, но также и с их благосостоянием». Поэтому для Стахевича и некоторых других лиц, встретившихся с Чернышевским на каторге, оказалось, как он говорит, совершенной неожиданностью, что «теоретические мнения» последнего «были решительно в пользу политической свободы»¹⁰⁰. Если и не в такой крайней форме, как изложено у Стахевича, такие взгляды были близки, например, членам (по крайней мере, отдельным) кружка ишутинцев. В позднейшем революционном народничестве довольно упорно держалось мнение об опасности, угрожающей «устоям» русского крестьянского быта в случае конституционных реформ, не сопровождающихся немедленным экономическим переворотом, а о необходимости для социалистов избрать исключительной «точкой приложения своих сил» экономические отношения общества, радикальная перестройка которых автоматически повлечет за собой решение всех политических вопросов. При этом те

⁹⁸ См., например, статью «Суеверие и правила логики» в т. IV Полного собрания сочинений (изд. 1906 г.) с теми отрывками, которые были исключены из нее цензурой и воспроизведены в «Литературном наследстве», № 3 (М., 1932).

⁹⁹ Н. Г. Чернышевский Полн. собр. сочинений в 15 томах, т. I, М., 1930, стр. 356.

¹⁰⁰ С. Г. Стахевич Среди политических преступников Николай Гаврилович Чернышевский Сб. «Н. Г. Чернышевский», М., 1928, стр. 77—78.

народники, которые шли за Бакуниным, держали курс на уничтожение всякой политической (государственной) организации общества одновременно с экономическим переворотом.

Чернышевский и те представители социализма 50—60-х годов, которые были верны основному духу его учения, не должны отвечать (или, во всяком случае, лишь весьма частично отвечают) за толкования таких современников, как Стахевич или ишутинцы, мало повинны они, тем более, в своеобразно аполитической концепции народничества, как оно сложилось в 70-х годах.

Если говорить об этом последнем, то надо напомнить, что конец 70-х и начало 80-х годов ознаменованы в революционном народничестве разрывом с аполитизмом, однако «политика», притом узко, заговорщически понимаемая, заняла уже в утопических построениях так называемого народовольчества несоразмерную роль всеопределяющего фактора, так что проблема соотношения социализма и политики опять-таки не могла получить правильного разрешения, хотя бы приблизительно правильного в смысле учения Чернышевского.

Поскольку русские утописты периода после Чернышевского выдвигали политические задачи, заслуги их в этом отношении встречали признание со стороны и самих основоположников научного социализма (еще выше, как известно, ценивших великих просветителей — Чернышевского и Добролюбова), со стороны и их последователей — как западных, так и русских (с момента появления последних).

Стоит отметить, что первые русские марксисты, положительно оценивая борьбу русских утопистов за демократические государственные формы, видели в ней превосходство их над многими утопистами западными.

Н. Е. Федосеев в начале 90-х годов писал Михайловскому¹⁰¹ «Хотя мы и называем вас и подобных вам «утопистами», но это ничуть не мешает нам считать ваше направление самым близким для нас. И это не только в силу важности для нас «критического элемента» ваших произведений, но и потому еще, что те «утописты», которые вместе с Салтыковым убеждены, что «формы правления совсем не безразличны», близки нам по общности ближайших стремлений. И названное убеждение должно быть поставлено на первый план при оценке роли наших утопистов, оно ставит их неизмеримо выше «немецких или истинных социалистов» и французских и английских эпигонов великих утопистов»¹⁰².

Итак, для русских утопистов, несмотря на временные отклонения и отдельные теоретические противоречия, характерно то, что они были политическими борцами. Их деятельность неотделима от происходившей в стране политической борьбы; больше того, именно виднейшие представители русского утопического социализма одновременно являлись вождями русского политического движения XIX в., направленного против самодержавия.

В этом отношении русский утопизм очень заметно отличается от западного утопизма классической поры, имея относительно больше точек соприкосновения с радикальными формами европейского политического социализма.

¹⁰¹ Рассматривая в этом месте Михайловского не как представителя тогда уже падающего, выродившегося народничества, а вообще как одного из выразителей русского утопизма, признающего необходимость политической борьбы.

¹⁰² Письма Н. Е. Федосеева к Н. К. Михайловскому. «Литературное наследство», № 7—8, М., 1933, стр. 200.

III

Политическая пропаганда и политическая деятельность утопических социалистов в России тесно, неразрывно связаны с подготовительными этапами истории русской *революции*

Каково было отношение к революции в западном утопическом социализме? Как и в вопросе об отношении социалистов к политике, здесь невозможен огульный ответ. Серьезная революционная струя существует в развитии европейского утопического социализма даже на ранних этапах. Укажем на автора знаменитого «Завещания» Жана Мелье, этого «социалиста-революционера дореволюционной Франции»¹⁰³. Мысль о революционном перевороте для осуществления социалистических целей лежала в основе заговора Бабефа и бабувистов. Однако классический утопический социализм начала XIX в. характеризуется и аполитизмом, о чем была уже речь, и отрицательным отношением к революции. Фурье и Сен-Симон осуждали революционную «катастрофу» конца XVIII в. и на свои системы смотрели, между прочим, как на средство предотвратить революционные взрывы в будущем. Фурьеристы своему печатному органу дали название «Мирная демократия». Противником революционных методов был Роберт Оуэн. Революционным характером также не отличался — в значительной своей части — политический социализм середины XIX в. Луи Блан, хотя и не разделявший взглядов великих утопистов на революцию XVIII в., сам, говоря словами Чернышевского, «отвращался междоусобий»¹⁰⁴. Мирным утопистом, несмотря на свою боевую репутацию, был, по существу, основоположник новейшего анархизма Прудон. Революционную линию, как и политическую, в утопическом социализме середины XIX в. представляли во Франции сторонники необабувизма и бланкизма. В Германии революционным утопическим социалистом был Вейтлинг.

Когда говорят (а так у нас иногда говорят), что корифеи русского социализма 40—60-х годов первыми среди социалистов-утопистов выдвинули идею революционного преобразования общества,¹⁰⁵ то явно грешат против исторической точности, ибо идея эта имеет такую же примерно давность, как и весь утопический социализм нового времени. Справедливо же (и уже это само по себе очень существенно), что мысль о *революционном* преобразовании общества в русском утопическом социализме имела *преобладающее*, более или менее определяющее для его общей характеристики значение, между тем как западноевропейский утопизм в последовательном ряде очень авторитетных своих представителей и целых школ имел мирный характер.

Для большинства (разумеется, не для всех) течений европейского утопического социализма характерны апелляция к верхам общества, к правителям, господствующим классам, надежда убедить их в справедливости и всеобщей выгодности социалистических идеалов, стремление достигнуть своих целей исключительно средствами мирной пропаганды, рациональной постановкой дела воспитания, опытной организацией образцовых коммун и колоний, сближением, соглашением между классами.

¹⁰³ В. П. Волгин. Очерки по истории социализма М.—Л., 1935, стр. 98.

¹⁰⁴ Н. Г. Чернышевский. Кавеньяк. Полн. собр. соч., 1906, т. IV, стр. 10.

¹⁰⁵ Так пишет, например, о Белинском М. Т. Иовчук (Г. Васецкий. М. Иовчук. Очерки по истории русского материализма XVIII—XIX вв., Госполитиздат, 1942, стр. 108). Ср. вступительную статью И. Блюмина в книге В. А. Милутина, Избранные произведения, М., 1946, стр. 11.

Нельзя сказать, чтобы подобные тенденции вообще отсутствовали в позднее развившемся русском утопическом социализме, но, оценивая весь ход развития его, надо признать, что эти тенденции в меньшей степени, чем противоположные, революционные, придавали ему решающую окраску.

Говоря о мирной тенденции в русском утопическом социализме, проявлениями которой он соприкасается с мирным европейским утопизмом, можно сослаться отчасти на взгляды петрашевцев, затем на известные колебания и противоречия Герцена, при переходе от просветительского к народническому этапу — на таких представителей русской общественной мысли, как Флеровский, потом на оппортунистические, полулиберальные черты в некоторых ответвлениях народничества даже самой боевой его поры и т. д.

Точное восстановление взглядов на революцию, существовавших в среде ранних представителей русского утопизма — петрашевцев, — встречает затруднения в характере источников. Все же можно считать, что среди них были сторонники как революционных действий, так и исключительно мирной пропагандистско-просветительской деятельности. К числу первых принадлежал, во всяком случае, Н. А. Спешнев. На следствии он не отрицал своего предложения товарищам «создать тайное общество, готовящееся на восстание»¹⁰⁶. С другой стороны, например, в кружке Н. С. Кашкина, связанном с общим делом петрашевцев, считалось, по утверждению Д. Ахшарумова, недопустимым говорить о революции и потому, что «бесполезность» ее они признавали доказанной историей, и потому, что «Фурье осуждает все революции». Сам Ахшарумов противопоставлял перевороты, производимые убеждением и силой, и говорил «Надо нам стараться произвести переворот убеждением, и только в такой мере произвести его, сколько нужно для приведения в исполнение нового проекта, тем более, что освобождение народа угнетенного требует большой осторожности, терпевший долго народ и перенесший тысячи обид будет мстить»¹⁰⁷. Некоторый страх перед последствиями открытого народного возмущения характерен и для других петрашевцев. Спешнев показывал, что сам Петрашевский высказывался против бунта «черни». Впрочем, нет оснований полностью отвергать предположение исследователя движения петрашевцев В. И. Семевского, что Петрашевский «видимо, мечтал и о революции в России, но считал ее возможной лишь после обширной пропаганды».

Герцен, несомненно, теоретически в некоторой мере разделял предубеждение мирных социалистов-утопистов против насильственных революционных действий. Впечатления, вынесенные из революционных событий 1848—1849 гг., сыграли для него в этом отношении большую роль. «Июньская кровь взошла у меня в мозг и нервы, я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности», — писал он¹⁰⁸. «Нет никакой роковой необходимости», — писал Герцен в другом месте, — чтобы каждый шаг вперед для народа был отмечен горами трупов. Крещение кровью — великое дело, но мы не разделяем свирепой веры, что всякое освобождение, всякий успех должен непременно пройти через него»¹⁰⁹. На Западе после крушения революции 1848 г. он почти не надеялся на мирный исход (поскольку вообще допускал для него подлинное возрождение). Погибли, — утверждал он в 1849 г., — все надежды на спокойное и мирное прогрессив-

¹⁰⁶ Петрашевцы. Сборник материалов, т. III, М — Л, 1928, стр. 67.

¹⁰⁷ Там же, т. II, М — Л, 1927, стр. 203.

¹⁰⁸ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. X, стр. 223.

¹⁰⁹ А. И. Герцен. Юрьев день! Юрьев день! Там же, т. VII, стр. 252.

ное развитие, разрушены все мосты переходных соглашений¹¹⁰ В 1857 г., заявляя (мы эти слова уже приводили в другой связи), что ни близкого, ни хорошего выхода для Запада он не видит, Герцен пояснял, что не предвидит «без страшной кровавой борьбы» близкого падения мещанства¹¹¹ И именно то вселяло в него особенную веру при тогдашней оценке русских дел, что в России картина ему казалась прямо противоположной «Вопросы наши,— утверждал он,— так поставлены, что они могут быть разрешены общими социально-государственными мерами без насильственных потрясений»¹¹² К тому, чтобы эта мнимая, в сущности, возможность стала реальностью, Герцен прилагал неисчислимы усилия, и его неоднократные обращения к императору (отнюдь не являющиеся чем-либо небывалым в практике утопического социализма) были одним из приложений тактики, рассчитанной на мирное, без потрясений решение русских общественных задач Но сами по себе те оговорки, которые мы встречаем у Герцена даже в приведенных выдержках, свидетельствуют, что он не зарекался от использования революционных средств, раз применение их оказывалось бы на его взгляд и возможным, и, главное, неизбежным Как правильно как-то было замечено, Герцен не был «доктринером мирного развития во что бы то ни стало»¹¹³ В 1862 г., отвечая на упрек прокламации «Молодая Россия» в потере веры в насильственные перевороты, Герцен заявлял «Не веру в них мы потеряли, а *любовь к ним* Насильственные перевороты бывают неизбежны, может, будут у нас, это — отчаянное средство, ultima ratio [последний довод] народов, как и царей, на них надобно быть готовым » Свое расхождение с критиками слева он усматривал в том, что не считает возможным «останавливаться на них с предпочтением», не истощив средств к мирному решению¹¹⁴ Отсюда понятны такие заявления Герцена, как сделанное им еще в 1857 г. «Мы от души предпочитаем путь мирного человеческого развития пути развития кровавого, но с тем вместе так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие застою николаевского statu quo»¹¹⁵ Отсюда понятны и те революционные проекты, которые обдумывались в кружке «Колокола» в годы революционной ситуации и с которыми недавно познакомил читателей М. В. Нечкина на основании материалов архивной коллекции Герцена — Огарева¹¹⁶

Из «Былого и дум» мы знаем, что одно время Герцен «отчасти» (как он выражается) верил «в возможность военно-крестьянского восстания в России»¹¹⁷ Различные источники согласно подтверждают, что Герцен готов был отдать свои силы для поддержки тех революционных элементов на родине, деятельность которых была связана с ожиданием этого восстания Уместно напомнить тут известное указание Ленина «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»¹¹⁸

¹¹⁰ Там же, т. V, стр. 331

¹¹¹ А. И. Герцен Еще вариация на старую тему Там же, т. VIII, стр. 488

¹¹² Там же, стр. 493

¹¹³ Литературное наследие Г. В. Плеханова Сборник VI, стр. 10

¹¹⁴ А. И. Герцен Журналисты и террористы Полн. собр. соч., т. XV, стр. 372.

¹¹⁵ А. И. Герцен Революция в России Там же, т. IX, стр. 2

¹¹⁶ Известия Академии Наук СССР серия истории и философии, 1947, № 2

¹¹⁷ А. И. Герцен Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 436

¹¹⁸ В. И. Ленин Памяти Герцена Соч., т. XV, стр. 468

Высокая оценка Лениным деятельности Герцена не помешала ему сказать, что Чернышевский сделал по сравнению с Герценом «громадный шаг вперед» и был «гораздо более последовательным и боевым демократом»,¹¹⁹ другими словами, более последовательным революционером

Революционный характер русского утопического социализма в деятельности именно Чернышевского выражен с особой силой

Следы влияния мирных тенденций социалистического утопизма, правда, не вполне пропадают даже у Чернышевского В одной из статей 1857 г Чернышевский признает, что обыкновенным путем «к изменению гражданских учреждений» являются «исторические события», т е революции и войны Подобным путем (предполагается — революционным) всегда изменялись гражданские учреждения во Франции, а до конца XVII в — и в Англии «Но, — по словам Чернышевского, — этот способ слишком дорого обходится государству, и счастлива нация, когда прозорливость ее законодателя предупреждает ход событий»¹²⁰ Через несколько лет Чернышевский, касаясь тех же вопросов, отмечает, что «вихрем исторической жизни» общество влечется к столкновениям и катастрофам Он называет их неизбежными, но в то же время видит в них «вредную растрату» общественных средств В этой связи он с большим сочувствием отзывается об усилиях утопистов, направленных к предупреждению «бесплодных катастроф» «Надобно по крайней мере помнить, что есть другой, гораздо способнейший путь к разрешению общественных вопросов, путь ученого исследования, и надобно было бы не бесславить тех немногих людей, которые работают на этом пути за всех нас, увлекающихся пристрастием к внешним событиям и к эффектному драматизму собственно так называемой политической истории»¹²¹

В 50-х же годах, защищая общинное землевладение, Чернышевский отмечал его значение как гарантии против безграничного действия «агломерирующих» принципов, понимая под ними тенденцию к сосредоточению в немногих руках поземельной собственности страны Он доказывал, что «агломерация» приводит к кризисам «Кризисы эти, — писал Чернышевский, — на языке некоторых ученых называемые ликвидациями общества, очень тяжелы и для ликвидирующих, и для ликвидируемых, и нельзя не сказать, что драгоценны те учреждения, которые предотвращают нужду в подобных ликвидациях»¹²²

Выходит так, что, в качестве утопического социалиста, Чернышевский еще иногда может высказывать сожаление о «растрате» общественных средств при социальных «ликвидациях» и мечту о предотвращении революционного пути прозорливым законодательством. Тем не менее, Чернышевский уже вполне сознает, что революционный путь «изменения гражданских учреждений» — «обыкновенный» путь в истории, фактически неизбежный И, поскольку это так, он в отличие от мирных утопистов с готовностью идет навстречу революции, он видит свой общественный долг в подготовке условий, наиболее благоприятствующих ее успеху

Еще в 1850 г Чернышевский записывал в дневнике «Человек, не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего (т е революцион-

¹¹⁹ В И Ленин Из прошлого рабочей печати в России Соч, т XVII, стр. 342

¹²⁰ Н Г Чернышевский Полн собр соч, т III, стр. 526

¹²¹ Н Г Чернышевский Июльская монархия Там же, т VI, стр. 125—126

¹²² Н Г Чернышевский О поземельной собственности Там же, т III, стр. 495

ные эпохи — Ш Л), несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может утешиться этого, он знает, что мирное тихое развитие невозможно. Пусть будут со мною конвульсии, — я знаю, что без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории»¹²³

«Девять десятых того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы», — писал Чернышевский впоследствии,¹²⁴ понимая под «периодами усиленной работы» опять-таки революционные периоды. Он доказывал, что, подобно тому как в важных спорах между различными государствами дело не ограничивается применением дипломатических средств и решается, в конце концов, военными действиями, так в серьезной внутренней борьбе стороны от «средств гражданского влияния» должны перейти к войне.¹²⁵ При этом не следует упускать подходящего момента «Великие люди едва ли не потому только и бывают великими людьми, что спешат ковать железо, пока оно горячо. Только энергия может вести к успеху, а энергия состоит в том, чтобы не колеблясь принимать такие меры, какие нужны для успеха»¹²⁶ За бесхарактерность и нерешительность, за неумение использовать обстоятельства и стремление держаться во что бы то ни стало почвы «порядка и законности» Чернышевский сурово критиковал таких деятелей 1848 г., как Луи Блан.¹²⁷

Преодоление на деле свойственного большинству утопистов недоверия и нерасположения к революции, признание революции могущественным двигателем прогресса дали возможность нашему великому писателю стать наиболее центральной, ведущей фигурой русского освободительного движения его времени.

Плеханов был прав, когда в одной из своих ранних работ о Чернышевском (статья 1890 г. для польского социалистического органа «Побудка») писал: «Если бы мне нужно было одним словом характеризовать миросозерцание Чернышевского, то я назвал бы его *революционным* миросозерцанием. Он был революционером не только по своим симпатиям и антипатиям, по своей ненависти к политическим угнетателям народов и по резкому отрицательному отношению к социальному строю современных цивилизованных государств. Все его взгляды на ход внутреннего развития общества проникнуты революционным духом. Можно с уверенностью сказать, что такой человек не отступил бы в случае надобности перед революционным способом действий и не сложил бы рук на полпути, раз выступив на революционную дорогу»¹²⁸

Ленин в работе «Что такое «друзья народа» подчеркивает, что Чернышевский в период крестьянской реформы, превосходно понимая ее крепостнический характер, желал краха, «который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»¹²⁹ «От его сочинений, — писал Ленин, — веет духом классовой борьбы»¹³⁰ Называя Чернышевского великим русским революционером,¹³¹ Ленин указывал, что он умел и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*,¹³²

¹²³ Н. Г. Чернышевский Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 497

¹²⁴ Н. Г. Чернышевский Полн. собр. соч., 1906, т. V, стр. 491

¹²⁵ Там же, т. IX, стр. 241

¹²⁶ Там же, т. V, стр. 407

¹²⁷ Там же, т. IV, стр. 15

¹²⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сборник I, М., 1934, стр. 120

¹²⁹ В. И. Ленин Соч., т. I, стр. 180

¹³⁰ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России Соч., т. XVII, стр. 342.

¹³¹ В. И. Ленин Письмо к американским рабочим Соч., т. XXIII, стр. 183

¹³² В. И. Ленин Гонимые земства и Аннибалы либерализма Соч., т. IV, стр. 126

что он «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе»¹³³

Вопрос о революции естественно связан с отношением к массовым движениям. Если цель общественных деятелей совпадает с целью народных стремлений, она должна, по Чернышевскому, достигаться энтузиазмом массы. «Кто не хочет волновать народ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанные с возбуждением народных страстей, тот не должен и брать на себя ведение дела, поддержкою которого может служить только одушевление массы»¹³⁴

Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии» о системах великих утопистов «Изобретатели этих систем, правда, видят противоположность классов. Но они не видят на стороне пролетариата никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения» «Они постоянно апеллируют ко всему обществу без различия и даже преимущественно — к господствующему классу» «Они отвергают всякое политическое, и в особенности всякое революционное, действие, они хотят достигнуть своей цели мирным путем и пытаются посредством мелких и, конечно, не удающихся опытов, силой примера проложить дорогу новому общественному евангелию»¹³⁵

Сходную оценку старых социалистических систем находим у Ленина и Сталина. «...было,— писал Ленин в статье «Фридрих Энгельс»,— много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы»¹³⁶ И В Сталин, останавливаясь на типических чертах утопического социализма, указывает, что он «вital над жизнью», что утописты «ждали осуществления социализма от сильных мира сего»,— что они «хотели создать счастье на земле законодательством декларациями», на рабочее же движение «они не обращали особого внимания и часто даже отрицали его значение»¹³⁷

Сравнивая Чернышевского с крупнейшими западными утопистами, мы видим, что он не отказывался от использования частных опытов, силы примера, настойчиво пропагандируя производительную ассоциацию, он апеллировал отчасти если не прямо к господствующему классу,¹³⁸ то к такой категории, как «просвещенные люди всех сословий». Однако, будучи революционером-социалистом, он главным образом ориентировался на пробуждение исторической самостоятельности масс, притом революционной и политической самостоятельности,— в отличие, например, от Оуэна, который в свой последний период, как указывает Энгельс, «обратился прямо к рабочему классу»,¹³⁹ но все-таки, как известно, не стал на путь революционного социализма. Масса, от самостоятельности которой Чернышевский в первую очередь ждал осуще-

¹³³ В. И Ленин «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция Соч., т. XV, стр. 144

¹³⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., 1906, т. V, стр. 408

¹³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс Манифест Коммунистической партии Политиздат, 1940, стр. 49—50

¹³⁶ В. И Ленин Соч., т. I, стр. 410

¹³⁷ И. В Сталин Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи Соч., т. I, стр. 12

¹³⁸ В деле крестьянской реформы Чернышевский вначале не отказывался от попыток воздействия на помещиков — но основанных на угрозе крестьянской революции и подкрепляемых именно этой угрозой

¹³⁹ Ф. Энгельс Развитие социализма от утопии к науке Госполитиздат, 1947, стр. 50

ствления одушевлявших его идеалов, была, конечно, не массой пролетариата, а вообще «низовых классов», «простолудинов», в России же — массой крестьянства Чернышевский работал над подготовкой *крестьянской революции* в России

В отсутствии массовой самодеятельности Чернышевский как раз видел одну из слабых сторон старого социализма. Свою критику сен-симонизма Чернышевский заключал многозначительными словами «Когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь»¹⁴⁰

Следует заметить, что еще за полтора десятилетия до этой статьи Чернышевского и примерно за десяток лет вообще до начала его литературной деятельности на роль, которую предстоит самим народным массам выполнить в деле своего освобождения, указывал Белинский «Искры добра еще не погасли во Франции, — писал Белинский в 1844 г., — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя Народ — дитя, но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума Он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения» Белинский указывал, что в народе быстро развивается образование, что у народа есть истинные друзья, которые «слили с его судьбою свои обеты и надежды» Из всего контекста ясно, что этими друзьями Белинский считал социалистов¹⁴¹ Из других высказываний Белинского видно, что он не рассчитывал на постепенное осуществление социализма мирным путем В 1841 г., сообщая Боткину, что он теперь «в новой крайности» — страстно увлечен идеей социализма, Белинский писал «Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови.»¹⁴²

В период Чернышевского, одновременно и в согласии с ним, мысли о неосуществимости мирного преобразования общества и о народной революционной самодеятельности, как условия реализации демократических и социалистических идеалов, убежденно отстаивал Добролюбов.

Признавая «настоящие общественные отношения» ненормальными, болезненными, уродливыми, он призывал «громко и прямо» говорить об этом, «проповедывать необходимость радикального лечения, серьезной операции»¹⁴³ Требование «радикального лечения» было, конечно, общим для утопического социализма, но лечение «операцией» тут означало уже необходимость революционного вмешательства

Касаясь положения на капиталистическом Западе, Добролюбов указывал на обострение борьбы между трудящимися и эксплуататорами «в рабочих классах кипит новое неудовольствие, глухо готовится новая борьба, в которой могут повториться все явления прежней», т. е. борьба эта примет революционный характер «Если капиталисты и лорды и сделают уступку работникам и фермерам, так или такую, которая им самим ничего не стоит или такую, которая им даже выгодна Но как скоро от прав работника и фермера страдают выгоды этих почтенных господ, — все права ставятся ни во что, и будут ставиться до тех пор,

¹⁴⁰ Н. Г. Чернышевский *Июльская монархия* Полн. собр. соч., 1906, т. VI, стр. 150 (ср. Н. Г. Чернышевский *Избранные произведения*, т. I, М — Л, 1928, стр. 453)

¹⁴¹ В. Г. Белинский *Статья о «Парижских тайнах» Сю* Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1907, стр. 472

¹⁴² В. Г. Белинский *Письма*, т. III, СПб., 1914, стр. 269

¹⁴³ Н. А. Добролюбов *Новый кодекс русской практической мудрости* Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 103

пока сила и власть общественная будет в их руках» Но пролетарий, по мнению Добролюбова, «понимает свое положение гораздо лучше, нежели многие прекраснородные ученые, надеющиеся на великодушные старших братьев в отношении к меньшим Пройдет еще несколько времени, и меньшие братья поймут его еще лучше» Исторический опыт, отмечал Добролюбов, показывает, что существенные улучшения народного быта никогда не происходят «просто вследствие убеждения умных людей», они вынуждаются «требованиями народа» ¹⁴⁴

Эти соображения Добролюбова, непосредственно направленные против пропаганды ученых и публицистов либерально-реформаторского толка, косвенно вскрывали и иллюзии мирного утопического социализма, также делавшего ставку на «великодушные старших братьев в отношении к меньшим» и не желавшего «новой борьбы», могущей повторить, в смысле насильственности форм, прежние революции Большая статья о Роберте Оуэне, написанная с огромной любовью и уважением к великому представителю утопизма и, вопреки мнению ряда советских исследователей, не ставившая себе, на наш взгляд, целью прямую критику воззрений и деятельности Оуэна, своим содержанием полсказывала читателям вывод о непримиримо враждебном отношении буржуазии к попыткам серьезных социальных преобразований ¹⁴⁵

В России Добролюбов страстно ждал, как справедливо отмечает Ленин, «народного восстания» против самодержавного правительства ¹⁴⁶ Добролюбов мечтал именно о *народном* восстании Ряд своих статей («Народное дело», «Черты для характеристики русского простонародья» и т. д.) он посвятил обоснованию той мысли, что русское крестьянство не обречено на «вечную апатию», что опыт «жизненных фактов» ведет народ «к нравственному развитию» и «к самостоятельным улучшениям материального быта» (т. е. к борьбе за них), что народные массы способны «к противодействию незаконным притеснениям» и не остановятся ни перед какими жертвами, «если того потребует доброе дело» ¹⁴⁷ Еще в студенческие годы Добролюбов высказывался за то, чтобы «действовать» на народ, «раскрывать ему глаза на настоящее положение дел, возбуждать в нем спящие от века богатырским сном силы души» ¹⁴⁸ В статьях «Современника» он продолжал ту же линию, требовал «более доверия к народу, больше охоты сблизиться с ним», в полной надежде, что народ поймет, «в чем заключается его благо» «С таким доверием к силам народа и с надеждою на его добрые расположения, — можно, — настаивал Добролюбов, — действовать на него прямо и непосредственно» ¹⁴⁹

Утопический социализм Добролюбова был связан с убеждением в необходимости революции, с верой в нее, со стремлением вызвать в народе (в России практически — в крестьянстве) самостоятельность, помочь возможно скорейшему пробуждению революционной активности

Позиция Чернышевского и Добролюбова очень важна для общей оценки отношения русского утопического социализма к проблемам революции Эта важность определяется тем, что Чернышевский и Добролюбов являлись исключительно авторитетными представителями, идейными вождями русского социализма середины прошлого столетия. Мы видели,

¹⁴⁴ Н. А. Добролюбов От Москвы до Лейпцига Там же, стр. 392—393, 395

¹⁴⁵ Н. А. Добролюбов Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ Там же, стр. 3—39

¹⁴⁶ В. И. Ленин Начало демонстраций Соч., т. IV, стр. 346

¹⁴⁷ Н. А. Добролюбов Полн. собр. соч., т. IV, стр. 108—109, 127, 138—139.

¹⁴⁸ Там же, стр. 434

¹⁴⁹ Там же, т. II, М., 1935, стр. 301

что уже до Чернышевского и Добролюбова и Белинский высказывался в духе, близком к выражавшимся потом ими воззрениям. Наконец, Герцен, частью их предшественник, как Белинский, а частью их современник, приближаясь некоторыми сторонами своих теоретических взглядов к мирному утопизму, одновременно признавал идеи социализма революционного, действительно помогал революционной борьбе и сам ее в сильной степени вдохновлял.

Но мирные иллюзии имели свою долю влияния в русском утопическом социализме и сверх тех отдельных колебаний и противоречий, которых пришлось уже коснуться выше. Мы уже раньше, в виде примера, упоминали о Флеровском. Флеровский был связан с революционным подпольем. Для долгушинского кружка он написал листовку «Как должно жить по закону природы и правды», где призывал народ не бояться оружия, а твердой рукой брать его и сражаться с угнетателями.¹⁵⁰ Его книга «Положение рабочего класса в России», раскрывшая ужасающие факты нищеты и разорения народных масс, сыграла крупную революционизирующую роль. Однако и сама эта книга и другие работы Флеровского показывают его, как ярко выраженного утописта-мечтателя, скорбящего о «разладе общественных классов», как «искусственном произведении» цивилизации, и хлопчущего о том, чтобы «высшие и низшие слои общества направились к одной цели».¹⁵¹ Главную задачу своего «Положения рабочего класса» Флеровский видел в том, «чтобы, действуя на общественное мнение, составить во всех слоях общества такое воззрение на свое счастье, которое сделало бы интересы всех солидарными».¹⁵²

Писарев, которого нельзя исключить из истории утопического социализма, хотя у него никогда не было определенной системы социалистических взглядов, колебался в вопросе о неизбежности революционного разрешения общественных противоречий. В известный период его сложного идейного развития иллюзии мирного, постепенного преобразования, основываемого на внедрении науки в жизнь и руководимого «мыслящим», образованным слоем, в том числе просвещенными капиталистами, взяли явный перевес над революционными взглядами, к которым он склонялся раньше и стал возвращаться (отчасти даже в углубленной форме) потом, в предсмертные годы.

Связанный и с кругом Чернышевского, и с Писаревым, находившийся одновременно под герценовским влиянием Шелгунов также обнаруживал по интересующим нас вопросам значительные колебания. В начале 70-х годов автор знаменитой революционной прокламации «К молодому поколению» писал о том, что «революции делаются только для того, чтобы не удаваться», и высказывал мнение, что «революция мирным путем» не есть фраза, что «кровь и насилие не есть необходимый элемент революции — он признак ее бессилия».¹⁵³

С мирными иллюзиями, не чуждыми некоторым представителям утопического социализма в России, были связаны у них и неправильные воззрения на историческую роль народных масс. Достаточно напомнить о серьезных колебаниях, которые испытывал Писарев по вопросу о месте и значении самостоятельности масс в освободительном движении, — колебаниях, не одному ему присущих, а связанных во многом с характер-

¹⁵⁰ А. Кункль Долгушинцы М, 1932, стр. 212

¹⁵¹ Н. Флеровский Положение рабочего класса в России СПб, 1869, стр. 473

¹⁵² Н. Флеровский Литературные либералы «Литературное наследство», № 2, М., 1932, стр. 67.

¹⁵³ Н. Шелгунов Недоразумения 1848 года «Дело», 1871, № 6, стр. 69, 70

ными особенностями общественной позиции литературной группы «Русского слова»

Та форма русского утопизма, которая сменила социализм русских просветителей середины века и известна под широким именем «народничества», имела свой ясно выраженный революционный этап Народничество начало с программы, которая, по словам Ленина, была рассчитана на то, «чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*»¹⁵⁴ Поэтому Ленин народничество 70-х годов называл «боевым, революционным» или «социально-революционным» народничеством¹⁵⁵ Ошибочные взгляды народничества вообще, революционных народников 70-х и начала 80-х годов, в частности, слишком хорошо известны, и на них нет здесь необходимости специально останавливаться Для нашей темы важно отметить, что опыт *революционного* народничества не меняет по существу положения относительно преимущественно революционного, при всех отмеченных и им подобных отклонениях, характера главных проявлений русского утопического социализма

Идеологи революционного народничества решительно критиковали мирных социалистов-утопистов Запада Бакунин одну из основных ошибок старых утопистов, например фурийеристов, видел в их вере, что силой убеждения и мирной пропаганды они сумеют тронуть сердца богатых, и те, в конце концов, «сами придут сложить у порога фаланстера излишек своих богатств»¹⁵⁶ Огромное влияние Прудона на Бакунина не может подлежать сомнению анархизм Прудона унаследован был от него Бакуниным Но Бакунин стал «реформатором прудонизма», причем «реформа» состояла, в первую очередь, именно в том, что он сообщил прудонизму боевой, бунтарский характер

Лаврова иногда называют представителем мирного течения в народничестве Это верно только в таком смысле, что Лавров выступал противником бунтарской тактики, противопоставляя ей свой пропагандизм Но целью лавровской пропаганды являлась подготовка «социальной революции», которую и Бакунин и Лавров в России мыслили, как крестьянскую социальную революцию Правда, Лавров не сразу стал на такую позицию, в «Исторических письмах» он еще писал, в духе старых утопистов, что «критика мысли» разрушает собственно то, что само «грозит разрушением цивилизации», «революцию она стремится предупредить, а не вызвать»¹⁵⁷ Однако это было еще до полного превращения Лаврова в революционера В 70-х годах Лавров критикует «мечтателей, убежденных, что социальный переворот совершится мирно и быстро, только бы обратили внимание на их социальную систему» Он считает, что лишь «самое незначительное меньшинство» среди людей господствующих классов может развиваться «до сознания возмутительности существующего строя», что же касается остальных, то «никакие проповеди, книги, модельные опыты социализма их не убедят». «Если,— пишет Лавров,— путь реформы совсем закрыт или весьма невероятен, то остается путь *революций*, насильственных переворотов». Он убежден, что «страждущие классы», что все «умы, возмущенные несправедливостью существующего общественного строя», выясят, наконец, себе мысль «*социальный переворот может быть совершен только путем*

¹⁵⁴ В. И. Ленин Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов Соч., т. I, стр. 165

¹⁵⁵ Там же, стр. 110, 157, 187

¹⁵⁶ М. Бакунин Избранные сочинения, т. III, П—М, 1920, стр. 138

¹⁵⁷ П. Л. Миртов Исторические письма СПб., 1870, стр. 149

социальной революции»¹⁵⁸ Надо заметить, что аргументация Лаврова (как и ряда других представителей революционного народничества)¹⁵⁹ складывалась уже под прямым воздействием учения Маркса, хотя и эти народники не в состоянии оказались ни правильно понять его, ни приложить его к русским условиям, оставшись фактически на позициях утопического социализма, в некоторых важных отношениях и значительно более утопического, — а к тому же все менее уже оправдываемого обстановкой, — нежели социализм великих русских утопистов предшествующего им периода¹⁵⁹

Характеризуя отношение к проблеме революции деятелей боевого революционного этапа народнического движения, нельзя вместе с тем упускать из виду, что легалистские, культурнические, антиреволюционные тенденции существовали в народничестве уже и тогда Впоследствии, к 90-м годам, так называемое легальное народничество, находившееся еще в 70-х годах на втором плане, выдвинулось вперед, стало задавать тон в народничестве, отодвинув остатки революционно-народнических элементов Такой видный представитель народнической мысли, как Михайловский, колебался между революцией и мирным утопизмом, легализмом, возглавив, в конце концов, известную группу «Русского богатства» Двойственную природу взглядов этого влиятельного народнического идеолога ясно определил Ленин в статье (1914), посвященной десятилетию со дня смерти Михайловского «Мы чествуем Михайловского, — писал Ленин, — за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, «бюрократией» (извините за неточное слово)¹⁶⁰ и т. д., за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму, не за его группу «социал-кадетов» «Русского Богатства»¹⁶¹ А Михайловский среди народников, продолжавших действовать в 80—90-х годах, был еще одним из лучших

Нужно подчеркнуть еще одно обстоятельство Утописты-народники 70-х годов, являвшиеся сторонниками революционных действий, не были в состоянии связать свою революционную борьбу с движением масс, хотя и прилагали к тому (главным образом до идейного кризиса конца 70-х годов) те или иные усилия Больше того: они и теоретически совсем не могли справиться с проблемой роли масс, соотношения между массами и интеллигенцией и т. д. Теории, развивавшиеся ими на этот счет (например, Лавровым и Михайловским, Ткачевым и, позднее, народолюбцами и т. д.), являлись шагом назад по сравнению со взглядами Чернышевского и Добролюбова Между прочим, тут имело место и повторение ошибок западных социалистов-утопистов типа Бланки

И. В. Сталин писал в уже цитированной выше работе о социалистах-народниках «И в России социалистам долго пришлось блуждать вслепую. И здесь были социалисты, было и рабочее движение, но они шли

¹⁵⁸ П. Л. Лавров Из истории социальных учений «Вперед!», т. III, Лондон, 1874, стр. 59—60

¹⁵⁹ В этом смысле, т. е. учета марксистских доводов, наряду с цитируемой здесь статьей Лаврова, любопытна его брошюра «Русской социально-революционной молодежи» (1874) Лавров сочувственно ссылаясь на мысль Маркса, которую он перевел словами «насилие помогает родам всякого старого времени, беременного новым» Он с удовлетворением приводил и слова Либкнехта «социализм давно уже перестал быть вопросом теории и сделался вопросом силы, который может быть разрешен только на улице, на площади, на поле битвы» (П. Л. Лавров Избранные сочинения на социально-политические темы, т. III, М., 1934, стр. 348)

¹⁶⁰ Ленин употребляет слово «бюрократия» вместо невозможного по цензурным условиям слова «самодержавие»

¹⁶¹ В. И. Ленин Народники о Н. К. Михайловском Соч., т. XVII, стр. 225

независимо друг от друга, сами по себе социалисты — к утопической мечте («Земля и воля», «Народная воля»), а рабочее движение — к стихийным бунтам. Социалисты не имели гочвы среди трудящегося населения, ввиду чего их действия были отвлеченными, беспочвенными» ¹⁶²

IV

В лице таких своих представителей, как Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов, русский утопический социализм совпадает с русским революционным *просветительством* К 40-м годам XIX в можно отнести подготовительную стадию той духовной, идейной революции в России, которая широко развернулась в 50—60-х годах. Перед русскими просветителями, вождями идейной революции середины XIX в, стояли задачи, во многом сходные с европейским просветительством, особенно французским XVIII в. Но одна из важных особенностей русского революционного просветительства заключается в том, что оно *совпадает* с развитием и расцветом идей утопического социализма на русской почве. Не случайно Энгельс назвал Чернышевского и Добролюбова «социалистическими Лессингами», подчеркнув этим соединение в их лице социализма с просветительством ¹⁶³

В своем «Развитии социализма от утопии к науке» Энгельс пишет о Сен-Симоне, Фурье, Оуэне, что они, подобно просветителям XVIII в, «хотят установить царство разума и вечной справедливости», но «их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей». Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, в глазах социалистов-утопистов оказывался несправедливым и неразумным, как и феодализм и вообще прежние общественные порядки ¹⁶⁴. Русские революционные просветители XIX в, как просветители-социалисты, выступили в качестве критиков не только крепостнических, но и буржуазных общественных порядков.

В большей или меньшей степени великие европейские утописты были связаны идейной преемственностью, как на это не раз указывали Маркс и Энгельс, с *материалистической философией* просветителей XVIII в. Энгельс указывает, например, что Оуэн разработал проекты устранения классовых различий «в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму» ¹⁶⁵. На связь Фурье с французской просветительной философией XVIII в указано в «Святом семействе».

Надо, однако, заметить, с другой стороны, что философские построения представителей западного утопизма характеризуются крупнейшими идеалистическими и подчас прямо мистическими наслоениями, и лишь в отдельных случаях мы здесь встречаемся с более или менее беспримесным философским материализмом, как у Дезами. О русских утопистах-просветителях можно смело сказать, что они от подобных наслоений были свободны (мы не говорим об идеалистическом периоде Белинского, который ведь и предшествует его социалистическому периоду). В России социалисты-утописты — Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов были материалистами без идеалистических примесей и наслоений; их материализм был уже притом более зрелым по сравнению с материализмом французских просветителей XVIII в и знаменовал

¹⁶² И. В. Сталин Соч., т. I, стр. 13.

¹⁶³ Ф. Энгельс Эмигрантская литература К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XV, стр. 235.

¹⁶⁴ Ф. Энгельс Развитие социализма от утопии к науке Госполитиздат, 1947, стр. 39.

¹⁶⁵ Там же.

шаг вперед даже по отношению к материализму Фейербаха. Особо надо подчеркнуть, что великие русские утописты были воинствующими противниками религии и церкви и отрицательно относились ко всяким стремлениям, столь распространенным в европейском утопическом социализме, придать социализму религиозную форму или санкцию (опять-таки не в счет кое-какие колебания в этом отношении у раннего, еще не сложившегося Герцена¹⁶⁶). Религиозные «искания» притом чужды русскому утопическому социализму не только на его просветительском, но (за малозначимыми исключениями) и на народническом этапе, несмотря на то, что утописты-народники отошли от философского материализма и либо приняли философские доктрины позитивизма, либо пытались как-то «соединить» материализм и позитивизм. История русской общественной мысли знает громкую попытку создать учение своеобразного религиозного социализма, попытку Льва Толстого и его последователей, но она находится вне основных, ведущих линии развития русского утопизма.

Материалистическая философия в руках русских просветителей-социалистов служила могучим средством освободительной, революционной пропаганды. Герцен прямо указывает на философию, как на естественного союзника социализма: «Союз современной философии с социализмом не трудно понять, — писал он — Социализм нам казался естественным силлогизмом философии, применением логики к государству»¹⁶⁷. Характерным образом в философских работах Чернышевского, как его «Антропологический принцип в философии», чисто философские проблемы рассматривались в органической связи с актуальными вопросами истории, социологии и политики, и работы эти, как и вся его теоретическая и публицистическая деятельность, направлены были к обоснованию и защите его социалистического и демократического мировоззрения.

Хорошо известно, что русские просветители-социалисты были не только материалистами, но и диалектиками, что они стремились связать диалектику и материализм, хотя и не могли подняться до диалектического материализма, как последовательного и целостного учения. Диалектическая струя, оплодотворявшая их творческую деятельность, значительно способствовала освободительно-революционному воздействию последней. Диалектический подход к явлениям действительности, поскольку он выдерживался более или менее твердо, служил залогом уверенности и исторического оптимизма. Когда Чернышевский провозглашал «пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник», он основанием для этого утверждения признавал «великий», «повсеместный» закон вечной смены форм, вечного утверждения формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания¹⁶⁸.

Материалистические и диалектические взгляды русских социалистов-просветителей очень серьезно облегчили им частичное преодоление отвлеченности и рационализма, свойственных чистым формам утопизма на Западе. Эти взгляды диктовали пристальное внимание к *действительности*, ее условиям и требованиям, и должны были помочь выработке скептического отношения к наиболее «фантастическим», «мечтательным» чертам утопических учений.

¹⁶⁶ Дневник Герцена за 1844 г. Полн. собр. соч., т. III, стр. 319.

¹⁶⁷ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Там же, т. VI, стр. 398.

¹⁶⁸ Н. Г. Чернышевский. Критика философских предубеждений против общинного владения. Полн. собр. соч., 1906, т. IV, стр. 332—333.

Ни Белинский, ни Герцен, ни Чернышевский и Добролюбов не могли дойти до сколько-нибудь последовательного распространения материалистических взглядов на историю человеческого общества. Влияние идеализма в их исторических воззрениях остается чрезвычайно сильным. Но известно, вместе с тем, что объяснения более или менее материалистического характера у них, у Чернышевского в особенности, встречаются весьма нередко, что во многих случаях им уже удавалось подниматься над социологическим, историческим идеализмом.

В рамках настоящей статьи нег. никакой возможности говорить об этом с какими-либо подробностями и иллюстрациями, да едва ли есть в этом и необходимость. Нет необходимости говорить подробно и о том, что яркие материалистические догадки свойственны были и великим западным утопистам, что в особенности Сен-Симон, как мыслитель-историк, может считаться в числе предшественников исторической теории Маркса. Здесь следует только сказать, что в русском утопическом социализме элементы материалистического взгляда на историю, сами по себе часто гораздо отчетливее уже выраженные, в большей мере, чем у старых его европейских учителей и предшественников, гармонировали с общими основами их материалистического миропонимания.

V

Громадная теоретическая и публицистическая работа, выполненная русскими социалистами-просветителями, сыграла исключительную роль в развитии передовой общественной мысли, революционного движения. Они оказали мощное влияние на формирование общественных (в большой мере и философских) взглядов нескольких поколений интеллигенции, а при ее посредстве (иногда в известной мере и непосредственно) — на взгляды первых маленьких отрядов передовиков-рабочих 70—80-х годов. Значительная часть разночинной интеллигенции середины и второй половины XIX в. вместе с примыкавшими к ней элементами левой интеллигенции дворянского происхождения («кающиеся дворяне») важнейшим источником своего мировоззрения имела труды и мысли Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, к которым после 60-х годов присоединились, конечно, и новые «властители дум» — идеологи народнического утопического социализма.

Идеи утопического социализма, в его своеобразном, оригинальном русском варианте, явились тем знаменем, под которым развивалось долго революционное движение в России. Объективные, определявшие действительными общественно-экономическими отношениями пореформенного периода, цели революционного движения имели буржуазно-демократический характер. Но то было время «нераздельности демократизма и социализма» (Ленин). Вся активная передовая демократия субъективно считала себя социалистической. За чертой утопически-социалистического движения, в рамках антиправительственной общественной среды, стояли уже либералы между последователями утопического социализма и либералами заметных промежуточных сил, демократических без всякой примеси утопического социализма, — долгое время не существовало.

В этом опять-таки особенность общественного движения в России, вытекавшая из культурной и политической слабости буржуазии, из первенствующего значения в общественном сознании крестьянской проблемы, неизбежно приводившей в условиях пореформенной России большинство тяготеющей к народу интеллигенции на путь крестьянского утопического социализма, наконец — из громадного влияния передовой

литературы, возглавляемой корифеями русского утопического социализма Положение окончательно изменилось лишь к 90-м годам, когда на почве раскола самой деревни «раскололся», говоря словами Ленина, «старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм»¹⁶⁹

Эти соображения подсказывают, как кажется, решение вопроса, который в последнее время у нас затрагивался (на философской дискуссии) — вопроса об «одиночестве» русских социалистов-утопистов. Несомненно, что они были изолированы от больших масс, от толщи народа. Вокруг них, особенно на первых порах, не было даже сколько-нибудь сплоченной «партии» единомышленников из интеллигенции. Но круг их идейного влияния был почти с самого начала широк. Их взгляды, в чистом ли, в более или менее измененном ли виде, служили, повторяем, знаменем для целого общественного движения, революционно-демократического в своем объективном значении.

Утопический социализм, как идейное облачение, как теоретическое знамя (на протяжении десятков лет, почти полувека) революционного движения, направленного против самодержавной власти, против помещичьего землевладения, на завоевание свободных государственных форм и последовательно-демократическое разрешение аграрного вопроса, — это исторически своеобразная общественная роль утопического социализма, не знакомая в таком виде западноевропейской социально-политической истории (положение и значение так называемого «аграрного социализма» на Западе были существенно отличны).

Ряд особенностей, охарактеризованных на предыдущих страницах, особенностей и содержания учений русского социализма, и объективной исторической его роли, в своей совокупности дает картину значительно-го своеобразия, оригинальности.

Эти особенности зависели, в первую очередь, от условий окружающей действительности, условий места и времени. Нельзя не учесть также, что русские социалисты-утописты имели позади заверченный труд ряда своих предшественников.

Могучая и бесстрашная критическая мысль творцов и вождей русского утопического социализма позволяла им делать смелые революционные выводы из исторического опыта и своей страны, и народов Запада.

Напомним знаменитые слова Ленина «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹⁷⁰

¹⁶⁹ В. И. Ленин Соч., т. I, стр. 165

¹⁷⁰ В. И. Ленин Детская болезнь «левизны» в коммунизме Соч., т. XXV, стр. 175

В этой оценке Ленина дана, можно сказать, целая философия истории передовой общественной мысли России в период зарождения, расцвета и упадка русского утопического социализма

Жадные поиски правильной революционной теории поднимали отдельных русских мыслителей на исключительную высоту Общественные учения, ими создававшиеся, знаменовали уже в некоторых важных отношениях преодоление чистого утопизма и серьезные шаги по направлению к научной социалистической теории

О полном преодолении (или хотя бы близком к тому) утопизма не приходится говорить даже по отношению к Чернышевскому. Понятно, когда об этом говорили некоторые авторы-народники, которые и в народничестве не видели утопизма, или Туган-Барановский, по принципу отвергавший альтернативу «или утопический социалист, или марксист»¹⁷¹ Хуже, когда на ту же дорогу сбивались авторы, желавшие судить о явлениях с позиций марксизма

Неверно также считать Белинского или Герцена, Чернышевского и Добролюбова, или всех их вместе, реальным звеном соединения между домарксовской философией и общественной наукой, с одной стороны, и учением Маркса — с другой, — звеном, объясняющим, как это говорил недавно т. В. Н. Сарабьянов относительно философии, прыжок (иначе будто бы необъяснимый по крутости и резкости) от фейербахианства к марксизму¹⁷² Мы не можем согласиться и с аналогичным, по существу, мнением другого автора (т. Т. Алексанян), находящего, что «если принимать во внимание не хронологию, а логическое содержание их взглядов», то надо признать, что Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов были «непосредственными предшественниками марксизма»¹⁷³

Против хронологии не впервые восстают исследователи, которые стремятся во что бы то ни стало сделать из русских просветителей (особенно из Чернышевского) прямых предшественников Маркса¹⁷⁴ Но в том-то и дело, что хронология служит показателем действительного исторического хода вещей, и «не принимать» ее во внимание — значит пренебрегать реальной последовательностью исторического развития общественных и философских идей

Нам кажется справедливым другое мнение Герцен или — еще больше — Чернышевский принадлежат, как это давно сказано было относительно первого из них, к самым выдающимся представителям переходной эпохи, когда социализм стремился превратиться из утопии в науку. Это была именно целая эпоха, хронологические грани которой в разных странах, конечно, не совпадают. Ленин определяет ее в статье «Памяти Герцена», как ту всемирно-историческую эпоху, «когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹⁷⁵ Великие русские мыслители прошлого века стали переживать эту эпоху чуть ли не с первых своих шагов, почти одновременно с социалистами экономически

¹⁷¹ М. И. Туган-Барановский. Общественно-экономические воззрения Н. Г. Чернышевского «Памяти Николая Гавриловича Чернышевского Доклады и речи» СПб., 1910, стр. 9

¹⁷² «Вопросы философии», 1947, № 1, стр. 136

¹⁷³ Там же, стр. 302

¹⁷⁴ В 1924—1926 гг. против «увлечения» хронологией возражал, например, один из авторов саратовского сборника. «Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания», 1926, стр. 56. Ср. у Стеклова Н. Г. Чернышевский, т. I, 1928, стр. 618

¹⁷⁵ В. И. Ленин Соч., т. XV, стр. 465

опередивших Россию стран, и продвинулись вперед гораздо дальше и успешнее многих западных собратьев

Маркс и Энгельс шли, однако, вполне независимо от них и совершали величайшую революцию в науке, в социализме тогда, когда русский социалистический утопизм едва начинал свой исторический путь, когда он нисколько, следовательно, не мог еще и быть известен основоположникам научного коммунизма

Создав глубоко оригинальный вариант (или, вернее, варианты) социалистического утопизма, преодолев ряд слабых сторон старого утопизма и продвинувшись на разных теоретических и практических участках в сторону научного социализма, великие русские социалисты-просветители (мы имеем сейчас в виду именно их) не могли, в силу отсталости общественно-экономических отношений России, пройти весь путь «от утопии к науке» Этот исторический подвиг утверждения в России научного социализма могли совершить, уже в другой период, их преемники по революционной борьбе — русские ученики, последователи и продолжатели Маркса и Энгельса

И С. БАК

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОЛИЦЫН

(Философские, общественно-политические и экономические воззрения)

I

Ученый и писатель, автор ряда книг и статей по естествознанию (об электричестве, по минералогии, физической географии и пр.), философии и политической экономии, князь Дмитрий Алексеевич Голицын (1734—1803) провел в качестве дипломата всю свою сознательную жизнь за границей¹

20-летним юношей он попадает в российское посольство во Франции. Голицын был русским послом в Париже (1762—1768), откуда, к своему крайнему огорчению, он отзывается² и получает назначение в Нидерланды, в Гаагу,³ где представлял Российскую империю на протяжении 30 лет

Голицын выполнял не только обычные функции посла. Почетный член Петербургской Академии Наук, а также академий Брюсселя, Стокгольма, Берлина,⁴ член Вольного экономического общества в Петербурге, друг Вольтера, Дидро, Мерсье де ла-Ривьера, посетитель парижских салонов, участник собраний физиократов у Мирабо — Голицын с первых же лет царствования Екатерины II был связующим звеном между нею и «князьями философии»

Его письма (на французском языке) к А. М. Голицыну, посылавшиеся 2—3 раза в неделю на протяжении четверти века (1760—1784) и ныне хранящиеся в Центральном Государственном архиве древних актов,⁵ представляют собою не обычные донесения посла вице-канцлеру. В этих письмах разворачивается яркая картина общественно-политического строя Франции и Нидерландов того времени, освещаются все

¹ См. Н. Н. Голицын. Родословная роспись потомства Гедичина, СПб., 1889, стр. 44

² Отозвание Д. А. Голицына из Парижа, судя по замечаниям на его письмах к вице-канцлеру А. М. Голицыну, сделанным Екатериной II (см. дальше прим. 6), и ее переписке с Фальконэ (Сборник Русского исторического общества, т. 17, стр. 21—23 и 26—30), было, повидимому, вызвано недовольством мнением и предложениями Д. А. Голицына по крестьянскому вопросу, его ролью в приглашении в Петербург физиократа Мерсье де ла-Ривьера, не оправдавшего надежд императрицы (см. также В. А. Бильбасов. Исторические монографии, т. IV, СПб., 1901, стр. 1—85), и, наконец, намерением Голицына совершать «ученые путешествия» за счет казны

³ См. Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2-е, ч. XVII, стр. 241—242

⁴ См. титульный лист его книги *De l'esprit des economistes*, Brunswick, 1796

⁵ ЦГАДА, фонд Голицыных, дела 1111—1125

мало-мальски крупные события интеллектуальной жизни Западной Европы

Наряду с философскими проблемами Голицын много внимания уделяет вопросам экономической политики и теории, объявляя себя сторонником господствовавшей тогда во Франции школы экономистов-физиократов. Он дает различные советы по вопросам русской экономической политики вице-канцлеру и императрице, читавшей его письма и делавшей на полях свои замечания.⁶

В одном письме Голицын сообщает о приобретении им у неизвестного лица рукописи недавно скончавшегося французского философа-материалиста Гельвеция «*De l'homme*» («О человеке»), приводит выдержки, прилагает копию оглавления и даже просит императрицу содействовать напечатанию рукописи. На письме от 6 марта 1772 г., просмотренном Екатериной II, имеется ее пометка «Ожидаю заказанной мною копии, запрещаю посвящение, и мне нет дела ни до печатания, ни до подлинной рукописи».⁷ В 1773 г. Голицын издал книгу Гельвеция. Можно полагать, что Екатерина II содействовала публикации и в дальнейшем согласилась на посвящение, ибо Голицын во втором и третьем изданиях,⁸ вышедших в том же году, что и первое, посвятил ей книгу.

Благодаря Голицыну были также впервые изданы в Амстердаме сочинения Фальконэ,⁹ с которыми Голицын вел переговоры о сооружении памятника Петру I и вообще находился в дружеских отношениях.

Голицын издал также в 1773 г. написанную Кералио «Историю войны между Россией и Турцией и в частности кампании 1769 года».¹⁰

Из числа оригинальных работ по естествознанию, принадлежащих перу Голицына, следует назвать его письмо Петербургской Академии наук о некоторых свойствах электричества.¹¹ Далее необходимо выделить его «Трактат или сокращенное методическое описание минералов», одобренный Академией наук и литературы в Брюсселе и выдержавший два издания при жизни и два по смерти автора.¹²

Большой интерес среди естественно-научных работ Голицына вызывает его изданное Академией наук в Петербурге «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам

⁶ А. Рачинский, публикуя в сборнике Московского Главного архива министерства иностранных дел (вып. II, М., 1881, стр. 104) пять писем Д. А. Голицына, высказал мнение, что заметки на полях его писем делались не только Екатериной II, но также князем А. М. Голицыным и гр. Н. И. Паниным. Напротив В. И. Семевский полагает, что все заметки на полях писем Д. А. Голицына принадлежат Екатерине II (В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России, т. I, СПб., 1888, стр. 23). Мною проведено сличение почерка заметок с автографами указанных лиц, показавшее, что все заметки писаны рукой Екатерины II.

⁷ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1121, письмо от 6 марта 1772 г. См. также А. Рачинский. Русские ценители Гельвеция в XVIII веке. «Русский Вестник», 1876, май, стр. 285—302.

⁸ *De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation, ouvrage posthume de M. Helvétius*, tt I—II, 1773, второе издание — в Гааге, третье — в Лондоне.

⁹ См. предисловие к третьему изданию сочинений Фальконэ по вопросам искусства (*Oeuvres d'Etienne Falconet Statuaire, contenant plusieurs écrits relatifs aux beaux-arts*), вышедшему в Париже в 1808 г.

¹⁰ *Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie, et particulièrement de la campagne de 1769, avec 9 cartes*, A. St. Petersburg, 1773.

¹¹ *Lettre sur quelques objets d'électricité, adressée à l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg par S. E. Mr le prince Dimitri de Gallitzin*, St. Pétersbourg, 1778. В том же году издано также в Гааге.

¹² *Traité ou description abrégée et méthodique des minéraux*, par le prince D. de Gallitzin A. Maestricht, 1792. Последующие издания — 1802 г. в Дрездене и посмертные в Маниче в 1808 г. и Лейпциге в 1815 г.

природы»¹³ В этом сочинении Голицын показывает, «какие выгоды и преимущества новоприобретенная страна сия по разным общежительным отношениям в себе заключает»¹⁴

В 1793 г появилась работа Голицына «Защита г Бюффона от несправедливых и недостойных нападок гг Делюка и Сажа»¹⁵ Бюффон — французский материалист, написавший при участии других авторов многотомную «Естественную историю», в которой отвергается мнение о постоянстве видов и проводится идея всеобщего единства и связи явлений природы Он рассматривает землю как часть, отколовшуюся от солнца

Голицын считает, что «нет ничего неправдоподобного в гипотезе г Бюффона, содержащей идею об отсечении нашей планеты от субстанции солнца, посредством толчка, испытанного последним при столкновении с какой-либо кометой»¹⁶ Голицын говорит далее, что эта гипотеза основывается и непосредственно вытекает из философии природы Бюффона «В природе ничто не исчезает, нет в ней состояния неизменного покоя, все действия всегда приводят к соединению, разложению и новому сочетанию, в результате возникает лишь новый порядок вещей, т е порядок, отличный от существовавшего в момент, когда равновесие между элементами было нарушено,— одним словом, те комбинации, которые представил г де Бюффон в своих «Эпохах природы»¹⁷ Принятие общего учения Бюффона требует, по мнению Голицына, также принятия его положения о происхождении земли «Если, говорю я, великий естествоиспытатель основывал на этом принципе мысль о раскаленном состоянии земного шара, то я не понимаю, почему его теория возникновения земли менее вероятна, чем всех его предшественников в изучении природы»¹⁸

В объяснении природы Голицын выступал в качестве последовательного материалиста механического толка, т е стоял на наиболее передовых для того времени естественно-научных и философских позициях

Незадолго до смерти Голицын, потрясенный французской буржуазной революцией 1789—1794 гг, выпускает в 1796 г большую книгу, адресованную государям Европы. Длинное название сочинения хорошо отражает его задачи «О духе экономистов или экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу Французской революции»¹⁹

Голицын призывает государей Европы бороться против «беспорядка и анархии», охвативших Францию, где «глупый народ в опьянении и ярости» усвоил «наиболее отвратительный и варварский кодекс» Уни-

¹³ Без указания автора Эта работа не упомянута в заметке о Д А Голицыне митрополита Евгения в его «Словаре русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России», М, 1845 Митрополиту Евгению осталось неизвестным, что авторство Д А Голицына на эту работу было установлено по ее французскому переводу *Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois regnes de la Nature*, A la Haye, 1788, французским библиографом Кераром (Quérard *France littéraire, ou dictionnaire bibliographique*, t III, Paris, 1829, p 242)

¹⁴ Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы СПб., 1785, стр 198.

¹⁵ *Défence de Mr de Buffon contre les attaques injustes et indécentes de M. Deluc et Sage*, à la Haye, 1793

¹⁶ *Ibid*, p. 57

¹⁷ *Ibid*, pp 57—58.

¹⁸ *Ibid*, p 58

¹⁹ *De l'esprit des économistes ou les économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la Révolution Française*, par le prince D. de G., Brunsvik, 1796 В 1798 г в Дуйсбурге на Рейне был издан немецкий перевод под названием *Von Geiste der Oekonomisten*

написанная русским»²⁸ Ссылается на эту книгу В И Семевский, а из авторов, писавших в советские годы,— В В Святловский Гиггс, перечисляя главных учеников физиократов в различных странах, считает таковым в России Д А Голицына,²⁹ совершенно не останавливаясь на анализе его воззрений Святловский не пошел дальше Гиггса, сведя характеристику Голицына к утверждению, что он является единственным «отечественным теоретиком» физиократизма³⁰ Таким образом, в литературе нет анализа экономических взглядов Д А Голицына

В центре экономических интересов Голицына стоял вопрос о крепостянстве, о крепостном праве

Рассматривая положение крестьянства в России, Д А Голицын подчеркивает две основные стороны крепостного права, оказывающие резко отрицательное влияние на развитие экономики и культуры страны принудительность труда и отсутствие у крестьян права собственности

Сравнительно со свободным, указывает Д А Голицын, принудительный труд гораздо менее производителен «Так как крестьянин принужден отдавать большую часть времени господам жестоким, несправедливым и всегда неблагодарным, то леность, небрежность и даже обман делаются естественными спутниками такого труда»³¹

Отсутствие же права собственности ослабляет у крестьян стимулы к труду «Для чего крестьянину работать, если плоды труда достанутся другому? Если он разбогатеет, его будут только более мучить»³²

В России, вследствие господства крепостного строя, с присущими ему принудительностью труда и отсутствием права собственности, земледелие дает низкие урожаи Последние не обеспечивают крестьянину необходимых средств существования, уплату ими податей и образование остатков зерна для продажи «в России хлеба, собираемого с полей, едва хватает для пропитания крестьян в продолжение целого года и для уплаты их повинностей»³³ Условия, при которых у крестьян хлеб «редко остается для продажи», резко тормозят, по мнению Голицына, развитие внутренней торговли и денежного обращения, особенно при «недостатке больших дорог и водяных сообщений и воспрещении вывоза хлеба за границу»³⁴ Рассматривая земледелие и внутреннюю торговлю как основу развития искусств (под которыми понимались тогда обрабатывающие производства) и науки, Д А Голицын подчеркивает, что «пока земледелие и внутренняя торговля находятся в России в таком положении, как теперь, нельзя льстить себя надеждою видеть в ней процветание искусств и наук»³⁵

²⁸ А Онкен История политической экономии до Адама Смита СПб, 1908, стр 428.

²⁹ Г Гиггс Физиократы, французские экономисты XVIII века СПб, 1899, стр 72—73

³⁰ В В Святловский История экономических идей в России, т. I, П, 1923, стр 94—95

³¹ ЦГАДА, ф Голицыных, д 1114, письмо от 16 марта 1766 г Здесь и далее цитаты из этого письма привожу в переводе В И Семевского, сверенном мною в архиве с французским подлинником

³² ЦГАДА, ф. Голицыных, д 1119, письмо от 19 июля 1771 г Здесь и далее цитаты из этого письма привожу в переводе В И Семевского, сверенном мною в архиве с французским подлинником

³³ ЦГАДА ф Голицыных, д 1114, письмо от 16 марта 1766 г Подчеркнув последние слова Голицына, Екатерина на полях замечает «Это неправда, так как они, или, лучше сказать, ит господа, гонят водку, снабжают все магазины, они будут вывозить и хлеб, когда вывоз будет дозволен, а это должно сделаться постепенно а не вдруг Мы никогда не купили за границю ни одного четверика нет страны, кроме Китая, где было бы столько водных сообщений, как в России»

³⁴ Там же

³⁵ Там же

Развитие «наук и художеств» в России встречает, по мнению Д. А. Голицына, препятствие и в отсутствии среднего сословия. Образование же среднего сословия затрудняется тем, что высшее дворянство, которое он рассматривает как главного потребителя промышленных изделий, удовлетворяет свои потребности путем натурального производства, посредством принудительного труда крепостных мастеров. «Такой обычай служит правилом и основой нашему хозяйству», и Голицын вопрошает: «Исключив из общего числа жителей Москвы и даже Петербурга высшее дворянство, скажите, велико ли останется население, для которого придется работать свободным ремесленникам?»³⁶

На пути к образованию среднего сословия стоят также препятствия в его пополнении снизу, из крестьянской среды. Эти препятствия также связаны с крепостным строем. Они обусловлены тем, что «продолжительное рабство, в котором коснеют наши крестьяне, образовало их истинный характер, и в настоящее время очень немногие из них сознательно стремятся к тому роду труда или промышленности, который может их обогатить»³⁷.

Д. А. Голицын подчеркивает, что он требует отмены крепостного права в интересах своего класса — дворянства и его государства. «Каждый из нас, в частности, очень выиграет от этого изменения, и напротив, пока существует крепостное право, русская империя и наше дворянство, предназначенные к тому, чтобы быть богатейшими в Европе, останутся бедными. К тому же, как мы иначе образуем третье сословие, без которого нельзя льстить себя надеждою создать искусства, науку, торговлю и пр.»³⁸

Усматривая в крепостном праве главное препятствие для развития экономики и культуры России, Д. А. Голицын, с точки зрения интересов своего класса, видит разрешение этого вопроса в предоставлении крестьянам права «собственности и соответственно свободы». Приводя примеры из истории Франции, Англии, Голландии, он говорит о вытекающем отсюда историческом уроке: «История дает примеры, а опыт подтверждает, что искусства, ремесла развивались и нравы улучшались лишь в стране, где крестьяне пользовались правом собственности и свободы». При этом он имеет в виду прежде всего и главным образом право собственности на землю, на которое «должно смотреть как на истинное основание, как на прочный фундамент благополучия государства, без него никогда не будут процветать искусства и науки»³⁹.

Однако, получив ответное письмо вице-канцлера А. М. Голицына, Д. А. Голицын в письме от 30 октября того же года⁴⁰ соглашается с его замечаниями, сводившимися к тому, что «общее и повсеместное введение подобного устройства в государстве столь обширном, как Россия, могло бы встретить неудобства и что постепенная перемена была бы, может быть, приличнее». Эту постепенную перемену, — добавляет Д. А. Голицын, — для того, чтобы она прочно укоренилась, надо ввести не путем приказания, а так, чтобы ее принял «сам народ». Из дальнейшего явствует, что под «самим народом» Д. А. Голицын понимает

³⁶ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114. Письмо от 26 мая 1766 г. См. также «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел», вып. II, стр. 113.

³⁷ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114. Письмо от 12 января 1766 г.

³⁸ Там же, д. 1118, письмо от 13 ноября 1770 г. Здесь и далее цитаты из этого письма даны в переводе В. И. Сечевского сверенном мною в архиве с французским подлинником.

³⁹ Там же, д. 1113, письмо от 6 сентября 1765 г. Цитаты из этого письма привожу в моем переводе.

⁴⁰ Там же. Русский перевод цитат из письма от 30 октября 1765 г. дан по «Сб. Моск. гл. арх. Мин. ин. дел», вып. II, стр. 104—107.

лишь свой класс — дворян-помещиков, в зависимости от согласия которых он ставит перемены в положении крестьян

Отсюда его предложение, чтобы государыня сама подала первый пример такой перемены в отношении дворцовых крестьян,⁴¹ а помещики тогда ему последуют одни, исходя из своих правильно ими понятых выгод, другие из желания угодить государыне, третьи — подражая остальным⁴²

Д А Голицын предлагает далее, основываясь на положении крестьян в деревнях, находящихся на денежном оброке, заменить продуктовую ренту (и, само собой разумеется, барщину) денежным оброком

Д А Голицын отдает себе ясный отчет в том, что «при отсутствии власти, которая защищала бы крестьянина от тирании русского помещика, собственность первого оставалась бы призрачною,⁴³ и невозможно было бы осуществление малейшей меры относительно земледелия, искусств, ремесел, денежного обращения или внутренней торговли» Отсюда его предложения учредить должности «объездных судей» по дворцовым деревням, по двое судей (в каждой провинции) и «в каждом из областных городов присутствие» В обязанности этих институтов должен был, по мысли Голицына, входить отвод земли, размежевание и обложение участков, решение всех споров, возникающих на почве землевладения и земледелия

В дальнейшем Д А Голицын еще более твердо говорит о необходимости постепенной отмены крепостного состояния, так как «в деле управления нет ничего опаснее и даже гибельнее, как перейти от одной крайности в другую» Да и рабы, внезапно получив свободу, «не воспользуются ею для упрочения своего благосостояния, и большая часть из них предастся праздности» И Д А Голицын вновь выставляет как «наиболее верное средство» постепенность вывода крестьян из крепостного состояния⁴⁴

Вместе с подчеркиванием постепенности вывода крестьян из крепостного состояния и необходимости согласия на то помещиков, Д А Голицын предлагает дать крестьянам право собственности лишь на движимое имущество. Крестьяне должны, по мнению Д А Голицына, наряду с отменой личной зависимости, получить в собственность лишь движимое имущество, которым они владели «Итак, право собственности на движимое имущество — вот что необходимо в настоящее время», а в дальнейшем императрица сама «хорошо поймет, когда настанет время для дарования им полной собственности»⁴⁵

Да и эта мера должна была пока относиться «только к крестьянам в доменах императрицы»⁴⁶

Прав В И Семеvский, говоря, что дворцовые крестьяне, у которых уже тогда барщина повсеместно сменилась оброком в том же размере, как и у государственных крестьян, при значительных земельных наделах и свободе отчуждения и наследования движимого имущества, не нуждались в предложенной Д А Голицыным реформе в ее новом, урезанном варианте⁴⁷

⁴¹ По поводу этого предложения Екатерина II замечает «Еще сомнительно, чтобы пример вразумил наших соотечественников и увлек их за собою, это даже мало вероятно К тому же подобное распоряжение может нарушить безопасность помещиков и пр.» (Сб. Моск. гл. арх. мин. ин. дел, вып II, стр 104)

⁴² Екатерина отметила, что «мало найдется охотников большими выгодами жертвовать прекрасным чувствованиям патриотического сердца» (там же, стр 103).

⁴³ «Это несомненно» — замечает Екатерина (там же, стр 106)

⁴⁴ ЦГАДА, ф Голицыных, д 1114, письмо от 12 января 1766 г

⁴⁵ Там же, письмо от 16 марта 1766 г

⁴⁶ Там же, письмо от 12 января 1766 г См также письмо от 16 марта 1766 г.

⁴⁷ В Семеvский Указ соч, т I, стр 28

Голицын был убежден, что помещики не замедлят последовать примеру государыни, а «остальное устроится само собой под влиянием тех выгод и хороших результатов, которые каждый ощутит»⁴⁸

Таким образом, Голицын пришел к выводу, что для решения крестьянского вопроса в России достаточно отменить крепостную зависимость и установить право собственности крестьянина лишь на движимое имущество, причем все это должно делаться с согласия помещиков и постепенно

В дальнейшем, особенно после того, как вице-канцлер А. М. Голицын предложил ему произвести уничтожение крепостного права в своей вотчине, Д. А. Голицын подчеркивал, что он никогда не желал уступки крестьянам «тех земель, которые они теперь обрабатывают». Он заявляет, что ему «никогда не приходила в голову подобная нелепость», что «земли принадлежат нам» и что было бы «вопиющей несправедливостью» отнять земли у помещиков. И далее Д. А. Голицын определяет то, что он понимает под дарованием крестьянам собственности: «1) освобождение, т. е. право собственности на свою личность, без которой немислимы все другие виды собственности, 2) право собственности на движимое имущество, т. е. пожитки и пр., 3) дозволение тем, кто имеет средства, покупать земли на свое собственное имя»⁴⁹

Таким образом, Голицын пришел к выводу, которому оставался верен до конца жизни: крестьянам должна быть предоставлена личная свобода и право собственности на движимое имущество, земля же должна остаться в дворянской собственности и предоставляться крестьянам в аренду.

При этом Д. А. Голицын предусматривает наиболее выгодные для помещиков и наиболее тяжелые для крестьянства формы перехода в такое состояние. Присоединяясь к мнению своего дяди князя Гагарина, он предлагает личное освобождение крестьян на условиях высокого выкупа за каждую душу (200 руб. помещику и 50 руб. казне), и вдобавок без рассрочки.

Д. А. Голицын прекрасно сознавал выгодность осуществления своего проекта для дворянства и для дворянского государства: «Теперь крестьяне платят помещикам средним числом по 2 руб. с души, между тем, получив 200 руб. выкупа, господин будет иметь, считая по 5%, — 10 руб. дохода с души, а кроме того у него останется еще земля», такое освобождение «выгодно и для казны, которая будет получать 2½ р. вместо 75 к»⁵⁰

Вместе с тем Голицын предусматривал также мобилизацию крестьянами земельной собственности путем покупки земель у помещиков. Он говорит о дозволении богатым крестьянам покупать земли и «владеть ими так же, как владеют господа, что со временем и составило бы их поземельную собственность»⁵¹

Д. А. Голицын намечает, таким образом, выделение из среды крестьянства, вернее из той части крестьян, которые уже выкупились на волю, как крестьян-арендаторов, так и крестьян — собственников земли. Он понимает, что такие крестьяне, имевшие средства для выкупа на волю, на аренду и, тем более, на покупку земли, будут эксплуатировать своих односельчан. И Голицын ставит вопрос, не ухудшит ли это поло-

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письмо от 16 марта 1766 г.

⁴⁹ Там же, д. 1118, письмо от 30 сентября 1770 г. См. также «Сб. Моск. гл. арх. мин. ин. дел», вып. II, стр. 92—98.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1119, письмо от 19 июля 1771 г.

⁵¹ Там же, д. 1118, письмо от 30 сентября 1770 г., см. также «Сб. Моск. гл. арх. мин. ин. дел», вып. II, стр. 92—98. Та же мысль высказана и в письме от 19 июля 1771 г. (ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1120).

жение эксплуатируемых ими крестьян, т е не будет ли эксплуатация их крестьянской буржуазией тяжелее помещичьей. На этот вопрос он дает отрицательный ответ, ибо эксплуатация богатыми крестьянами основана на вольном найме «своих прежних собратьев», которые «вольны работать или не работать у них, если они дурно обращаются со своими работниками, те могут пойти к другим». ⁵² Д А Голицын отдавал себе отчет в том, что аренда и приобретение земли крестьянами неизбежно вызовут рост эксплуатации наемного труда в деревне, а это означает развитие расслоения крестьянства, рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Мнение и предложения Д А Голицына по крестьянскому вопросу, о формах и путях отмены крепостного права являются выражением дворянского либерализма, который представлял собою реакцию передовой части дворянства на происходившие в условиях усиления крепостного права процессы: рост расслоения крестьянства и крестьянские волнения. Стремясь сохранить свое экономическое и политическое господство и вместе с тем использовать развитие буржуазного уклада в своих интересах, передовая часть дворянства идет в вопросах экономической политики по либеральному пути. Дворянский либерализм был политикой уступок крестьянству в целях сохранения экономического и политического господства дворянства и использования в его интересах растущих буржуазных отношений.

III

Тот же взгляд на значение личной свободы и права собственности, то же мнение о большей, сравнительно с принудительным, производительности свободного труда, те же предложения о безземельном освобождении крестьян, которое должно быть проведено постепенно, о сохранении земли в собственности помещиков, аренде у них земли, как основной форме крестьянского землепользования, и о разрешении крестьянам покупать землю — Д А Голицын повторяет и в своей книге «О духе экономистов».

В главе «О крепостничестве» он пишет, что крепостное право никогда не бывает выгодным для государства, а лишь для некоторых лиц, но в конечном счете крепостное право противоречит и их интересам. Предоставив свободному труду обработку своих земель, отдавая их в аренду богатым крестьянам, собственность которых (на движимое имущество) охранена законом, помещики будут получать доход от земли вчетверо больший, чем при ее обработке трудом рабов. Однако так велика власть привычки, что боятся снять ярмо с крестьян. Угодья плохо обрабатываются или даже остаются невозделанными. Земледелие не обогащает отдельных дворян, крестьянин беднеет, государство ежедневно терпит потери.

Земледельцы составляют наибольшую по численности и значению часть населения в государстве, которое они питают и которому дают жизнь. Если земледельцы во власти суверена, — они бедны. Но как ни тяжело и вредно господство крепостного права, решение об его отмене и сменяющих его формах аграрных отношений должно приниматься, по мнению Д А Голицына, с благоразумием и умеренностью.

Он ополчается против мнения о выгоде мелкой земельной собственности крестьян. Прежде всего, следует учесть, говорит Голицын, имеют ли крестьяне средства на затраты, необходимые для правильного ведения хозяйства. Гораздо выгоднее для общества и для самих крестьян, чтобы господа сохранили за собой право собственности на

⁵² ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1120, письмо от 19 июля 1771 г.

землю Крестьяне же, владея движимым имуществом, увеличивая его путем получения с него дохода, получают средства для аренды земли и превратятся в арендаторов, располагающих достаточными ресурсами для правильного ведения хозяйства Нельзя посылать бедняков, лишенных средств, для колонизации пустыни Крестьянин, получивший свободу, но лишенный средств на необходимые затраты, замечает Д А Голицын, очутится в печальном состоянии, поневоле пренебрежет своей новой собственностью и сделается еще несчастнее, чем прежде, когда он был в рабском состоянии

Высказываясь за отдачу земли в аренду богатым крестьянам, имеющим средства на необходимые затраты, в том числе и на наем работников, Д А Голицын отстаивает, как основной, путь фермерской, т е капиталистической аренды земли

Стоя на позициях безземельного освобождения крестьян, Д А Голицын в этой своей книге, как и в переписке, настаивает на предоставлении крестьянам личной свободы и дозволения покупать землю в собственность

Немедленное предоставление такого права крестьянам «в некоторых государствах, в том числе в России», потребует, по мнению Д А Голицына, длительного срока для его реализации, так как понадобится еще много времени, пока все крестьяне смогут приобрести землю

Д А Голицын высказывает мнение, что «у несчастных не существует патриотизма» Утверждение права собственности среди крестьян определяет их патриотизм, ибо «степень нашего патриотизма определяется размером нашей собственности»

Призывая в своей книге к экономической политике, покровительствующей земледелию, Д А Голицын вместе с тем осуждает законы, запрещающие переход из крестьянского в городские сословия Он считает, что подобные запретительные меры не могут приостановить отлива из деревни населения, находящегося там в печальном положении и ищущего лучшей участи в городе Рост сельского населения может, по его мнению, происходить лишь на основе создания благоприятных условий для земледелия Но если при наличии подобных условий все же имеет место прилив населения в города, то это говорит о появлении в деревне избыточного населения И такая перемена состояния крестьянина явится, по мнению Д А Голицына, положительным фактом

Д А Голицын говорит, что труд — «мать благосостояния», а земля с ее неисчерпаемыми дарами всегда с избытком вознаграждает трудолюбивого человека Уверенность в возможности обмена избытка и создает избыток «Свобода распоряжения избытками, или, иначе, богатством, является действующей причиной плодородия полей, разработки недр, появления изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию цветущей»

Люди, обладающие лишь движимым и личным имуществом, составляющие класс, называемый третьим сословием, могут с величайшей легкостью забросить землю и отправиться туда, куда они пожелают «Они менее граждане государства, чем члены вселенского общества». Землевладельцы же тесно связаны со своим государством, в чьих пределах находится их собственность Они не имеют ни желания, ни возможности уехать, когда это им вздумается Еще важнее то, что они принимают непосредственное участие в счастье и несчастье государства, к которому они принадлежат Одни лишь землевладельцы, продолжает Д А Голицын, составляют по существу то, что называют на-

цней, которая процветает, когда эти собственники находятся в счастливом положении

Их преимущества, заключающиеся в непосредственном участии в управлении государством, не могут ни в малейшей мере нанести ущерб тем, кто не принимает участия в управлении, если последнее основывается на справедливых законах «Напротив того, землевладельцы будут возбуждать в каждом желание приобрести земельную собственность, и большая часть владельцев движимого имущества сможет вложить свое состояние в землю» Таким должно быть, по Д А Голицыну, управление государством, основанное на понимании значения земледелия и желаний его процветания ⁵³

Д А Голицын начинает и кончает превознесением землевладения и защитой интересов дворянско-помещичьего класса Те же мысли, выраженные еще в переписке 60-х и 70-х гг, Д А Голицын в книге «О духе экономистов» хочет связать с физиократизмом, вывести из основных принципов этого учения Д А Голицын принадлежит к числу феодалов, ставших ярыми приверженцами и распространителями физиократизма — системы, в которой мнимое превознесение землевладения превращалось в его экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства

Физиократы рассматривали земельных собственников как класс, «выплачивающий содержание» классу, занятому во всех отраслях хозяйства, кроме земледелия (относя сюда и промышленников, т. е. капиталистов, и рабочих) В системе физиократов на таком экономическом отношении основывалось политическое господство земельных собственников, обосновывалось их положение в качестве «управителей общества» Вместе с тем, исходя из того, что чистый продукт создается лишь в земледелии, они считали единственной формой прибавочной стоимости земельную ренту Однако чистый продукт, превращающийся в земельную ренту, возникает, по их мнению, не во всяком земледельческом хозяйстве, а лишь в крупном Производство чистого продукта и его дальнейшее превращение в земельную ренту имеют место не в мелком крестьянском хозяйстве («малой культуре», по терминологии Кенэ), которое ведется с высокими на единицу продукта издержками и зачастую без прибыли, а в хозяйстве богатого фермера, которое Кенэ называет «большой культурой» Лишь крупное фермерское, т. е. капиталистическое, земледельческое хозяйство обеспечивает земельному собственнику «определенный доход, дающий точное основание для пропорционального обложения» ⁵⁴

Отправляясь от признания того, что чистый продукт создается лишь в земледелии, в условиях «большой культуры», и попадает к земельному собственнику, превращаясь в земельную ренту, физиократы приходили к выводу, что обложение других форм дохода (промышленной прибыли, заработной платы и пр) в конечном счете сводится к обложению того же дохода от земледелия Но это уже не прямое обложение, а косвенное, которое представляет собою, по их мнению, экономически вредный путь, наносящий ущерб производству

Поэтому физиократы предлагали взамен различных налогов ввести единый налог на земельную ренту, взвалить на нее всю тяжесть налогового бремени. Сущность их учения о едином налоге сводилась к перенесению всех налогов на земельную ренту, принадлежащую земельной собственности. «При таком исключительном обложении земельной собственности бремя налогов, а следовательно и всякое го-

⁵³ См. De l'esprit des économistes, chap. XXVII — De la servitude

⁵⁴ F Quesnay Oeuvres économiques et philosophiques Paris, 1888, p 340

сударственное вмешательство, говорит Маркс, было отстранено от промышленности, и таким образом, она совершенно освободилась от этого последнего И это делается как будто в интересах землевладения, а не промышленности» Вследствие перенесения всего налогового бремени на земельную ренту, «земельная собственность отчасти конфискуется»⁵⁵ Тюрго, у которого «мы находим физиократическое учение в самом развитом его виде»,⁵⁶ старался, будучи министром предреволюционной Франции, ввести вместо всех прежних налогов единый налог на земельную ренту Тюрго, говорит Маркс, «пыгался провести те мероприятия, которые впоследствии осуществила французская революция»⁵⁷

Д А Голицына, так же как Мирабо-старшего и многих других феодалов, привлекало мнимое превознесение землевладения физиократами, феодальная внешность системы, бывшей по существу «выражением нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодализма»⁵⁸

Объявив себя сторонником физиократизма, Д А Голицын рассматривал эту систему как защиту устоев феодализма, под которыми он понимает «алтарь, трон, собственность, одним словом, принципы наиболее осмысленные, идеи наиболее справедливые, наилучшие всеми воспринимаемые»⁵⁹ Эти идеи, говорит он, во время революции 1789 г «были опрокинуты и заменены химерами и крайностями, из которых излюбленными были неограниченная свобода, а также совершенное и абсолютное равенство»⁶⁰

Но это случилось, по мнению Д А Голицына, не по вине системы физиократов, в лице ее основоположников Кенэ, Мирабо (отца), Мерсье де ла-Ривьера и Тюрго, возродившего физиократизм, а по вине учеников, которые, «сохранив в действительности лишь название первоначального научного построения»,⁶¹ решили, что принципы революции лежат в основе системы экономистов⁶²

Излагая учение физиократов, Д А Голицын считает, что «первой основой их доктрины было допущение в земледельческом государстве лишь единого налога на *чистый продукт* земледелия». ⁶³ Однако физиократизм требует изъятия части этого чистого продукта, который, в форме земельной ренты, находится в руках земельного собственника, т е частичной конфискации земельной собственности Не понимая того, что изъятие части земельной ренты является частичной конфискацией феодальной земельной собственности, Д А Голицын рассматривал физиократизм как систему, направленную на всемерную и полную охрану всякой собственности, включая земельную собственность феодалов

Писатели и деятели французской буржуазной революции 1789—1794 гг, являвшиеся учениками основоположников физиократизма, и среди них особенно Дюпон де Немур, были физиократами не номинально, как утверждал Д А Голицын Они делали верные практиче-

⁵⁵ К Маркс Теории прибавочной стоимости, т I, 1936, стр 36

⁵⁶ Там же, стр 40

⁵⁷ Там же, стр 45

⁵⁸ Там же, стр 34.

⁵⁹ De l'esprit des économistes, p 20.

⁶⁰ Ibid, p 20—21.

⁶¹ Ibid, p 7

⁶² Говоря об «учениках физиократов», Д А Голицын имеет по всей вероятности в виду, главным образом, Дюпон де Немура, единственного из выдающихся физиократов, дожившего до французской буржуазной революции 1789—1794 гг и игравшего в ней значительную роль в качестве депутата от третьего сословия, президента Конституанты, а позднее, при директории, президента Совета старейшин

⁶³ De l'esprit des économistes, p 4, см также ch XI — De l'impôt

ские выводы из этой системы Это понимали и консервативные современники, в том числе Екатерина II, считавшая физиократов «сектой, вредной государству»,⁶⁴ а после французской революции называвшая их чертями и крикунами⁶⁵

Для Голицына, полномочного министра и посла Екатерины II, всю жизнь объявлявшего себя физиократом, возникла после буржуазной революции во Франции необходимость оправдать физиократизм, а заодно и себя самого, от обвинения в революционности Его задача — доказать консервативную сущность физиократизма Таков был смысл реакции дворянского либерала Голицына на французскую буржуазную революцию и ее экономическую идеологию

IV

Экономические взгляды Д. А. Голицына, представляя собою выражение русского дворянского либерализма второй половины XVIII в., отличались от консервативных и реакционных взглядов дворянских идеологов типа Сумарокова и Щербатова

А. П. Сумароков не только возражал против каких бы то ни было изменений в крепостном хозяйстве, но даже осуждал происходившее в стране развитие мануфактуры, как подрывающее аграрный характер народного хозяйства

М. М. Щербатов стремился использовать рост промышленности и торгового земледелия, развитие рынка исключительно в интересах дворянства путем, с одной стороны, ограничения прав и возможностей купечества и, с другой — путем приспособления помещичьего хозяйства к новой обстановке, к новым условиям Щербатов стремился расширить помещичье землевладение за счет государственных и экономических земель, в особенности — на окраинах Он добивался передачи помещикам экономических крестьян Щербатов требовал не только расширения сферы крепостнических отношений, но и усиления крепостнической эксплуатации путем ведения самими помещиками барщинного хозяйства, работающего на рынок

Голицын же требовал ряда уступок крестьянству Он выдвигал предложения, способствовавшие развитию буржуазного уклада в крепостном хозяйстве

Однако Голицын не исходил при этом из интересов народных масс, крестьянства, как то делали Я. П. Козельский и А. Я. Поленов, который, по меткому замечанию Плеханова, «в значительной степени покинул дворянскую точку зрения» Голицын выступал за уступки крестьянству в интересах своего дворянско-помещичьего класса, для сохранения его политического и экономического господства Поэтому позиция Голицына, при всем радикализме его требований, может и должна быть определена как дворянско-либеральная

Мысли Голицына об отмене крепостного права и предоставлении крестьянам права собственности, высказывавшиеся им в переписке 1760-х гг., сопровождались описанием конкурса швейцарского экономического общества на тему «Каков должен быть дух законодательства, чтобы оно благоприятствовало земледелию?»⁶⁶ Все это, несомненно, оказало влияние на объявленный Екатериной II в 1766 г., через только что учрежденное Вольное экономическое общество в Петербурге, конкурс на тему «Что полезнее для общества, чтоб крестья-

⁶⁴ Письмо Екатерины II от 23 февраля 1776 г. Сборник Русского исторического общества, т. 23, стр. 44

⁶⁵ См. письмо Екатерины II от 11 мая 1796 г. Там же, стр. 674

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письма от 12, 19 и 26 июня 1766 г.

нин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?»⁶⁷

Развивавшаяся Голицыным идея безземельного освобождения крестьян нашла место (остается неизвестным, было ли это его непосредственным влиянием) и в проекте прав благородных, составленном частной комиссией о разборе государственных родов (находившейся при екатерининской Большой законодательной комиссии)

Нельзя, однако, сказать, чтобы взгляды самого Д. А. Голицына отличались большой ясностью и устойчивостью. В. И. Семевский полагал, что в 1796 г. Голицын, «которому в то время было уже 62 года, ничего не забыл из своих прежних идей, но ничему и не научился»⁶⁸. Это неверно. Д. А. Голицын был за сохранение земли в помещичьих руках с предоставлением ее в аренду богатым крестьянам, выкупившимся на волю. При этом он намечал и второй, не главный и длительнейший, по его мнению, путь — мобилизации земельной собственности крестьянами.

Теоретическое обоснование главного, по его мнению, пути развития — аренды земли у помещиков богатыми крестьянами он искал в физиократизме, отстаивавшем развитие крестьянской аренды капиталистического типа.

И в то же время, когда на упомянутый конкурс поступило и получило первую премию сочинение Беарде де Л'Абея,⁶⁹ Д. А. Голицын обнаружил совпадение его взглядов со своими. Между тем Беарде де Л'Абей (1704—1771) — французский экономист и агроном — выступал против идей Кенэ и Тюрго. В противовес развитию фермерского, т. е. капиталистического хозяйства, что отстаивали физиократы, Беарде превозносит выгоды предоставления земледельцам, на основе высокой цены выкупа, воли и «мелкой собственности». Последняя привязывает выкупившегося на волю крестьянина к клочку земли, недостаточному для прокормления крестьянской семьи, и потому неизбежно ставит его в полную экономическую зависимость от помещика. Крестьяне в этих условиях вынуждены были бы арендовать по любым кабальным высоким ценам помещицью землю. «Никогда не вздумают они бежать, — сколь скоро прельщаемы будут хоть малою собственностью, — писал Беарде — Богатые, не утруждая себя всегдашним надзирательством, получают исправно и порядочно свои доходы. Удовольствие видеть следующую за вами собачку может ли сравняемо быть с тягостным трудом водить медведя?»⁷⁰

В такой откровенно циничной форме, весьма импониравшей некоторым русским аристократам — заправилам Вольного экономического общества, пропагандировал Беарде либеральную для того времени идею мелкой крестьянской собственности на землю и кабальной крестьянской аренды, причем и то и другое он мыслил осуществить с величайшей постепенностью, в длинном ряде поколений. И об этом противнике физиократизма Д. А. Голицын, объявлявший себя

⁶⁷ Труды Вольного экономического общества, ч. IV, 1766, стр. 201.

⁶⁸ См. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в литературе екатерининского времени «Великая реформа», т. I, 1911, стр. 240.

⁶⁹ Перевод сочинения, присланного в Вольное экономическое общество в ответ на заданный в 1766 г. вопрос: *«Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?»*, которое в собрании, бывшем 23 апреля 1768 г. удостоено обещанных 100 червонных и золотой медали. Творец сего сочинения Г. Беарде Делабей, доктор прав церковных и гражданских (Труды Вольного экономического общества, ч. VIII, 1768, стр. 1—59).

⁷⁰ Там же, стр. 51—52.

физиократом, писал, что «его идеи совершенно сходны с моими»⁷¹

Д А Голицын, как мы видели, не понимал до конца значения и смысла «единого налога», его роли в частичном изъятии земельной ренты, а потому и в частичной конфискации феодальной земельной собственности. Его стремление интерпретировать физиократизм как опору алтаря, трона, собственности и отрицать связь идей физиократизма с экономической идеологией и политикой буржуазной революции, говорит о непоследовательности и внутренней противоречивости взглядов самого Голицына.

Вместе с тем идеи дворянского либерализма, развивавшиеся Д А Голицыным, и его стремление связать их, пусть даже несколько противоречиво и непоследовательно, с физиократизмом были прогрессивными для своего времени. Непоследовательность и внутренняя противоречивость идеологии Д А Голицына объяснялись тем, что, отражая нарастание в рамках феодально-крепостнического строя тенденции развития капиталистического уклада, он стремился одновременно дать простор этому развитию и направить его в интересах своего, дворянско-помещичьего класса.

---

⁷¹ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1116, письмо от 30 июля 1768 г.

В. Т. ПАШУТО

КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ 1238 ГОДА

А. А. Шахматов полагал, что Воскресенская летопись, содержащая оригинальные известия по истории юго-западной Руси XII в., порой близкие к тем, которые имеются в Ипатьевской летописи, черпала их из митрополичьего свода (Полихрона) начала XIV в. Однако М. Д. Приселков в своем основном труде по истории русского летописания убедительно показал, что предполагавшегося А. А. Шахматовым свода не существовало, а Воскресенская летопись пользовалась непосредственно одним из списков Ипатьевской¹. С выводами М. Д. Приселкова согласился и Д. С. Лихачев².

В настоящей работе мы постараемся показать, что Воскресенская летопись пользовалась (в отношении южных известий первой трети XIII в.) сходным с Ипатьевской летописью списком, в котором читалась Киевская летопись, доводившая свое изложение до 1238 г. и являвшаяся естественным продолжением киевской летописи Рюрика Ростиславовича. Анализ текста этой летописи (как она отразилась в Воскресенской) затрудняется тем, что Воскресенская летопись, как известно, обнаруживает следы сближения с одним из списков, аналогичным ныне имеющимся спискам Ипатьевской летописи, а также с Новгородской владычной летописью³.

Воскресенская летопись хранит в себе Киевскую летопись 1238 г. не в чистом виде, а сближенную, по крайней мере, с ее новгородской и галицко-волинской переработками. Объясняется это следующим.

Установлено, что Новгородская владычная летопись содержит свидетельства пользования южной летописью первой трети XIII в. А. А. Шахматов полагал, что составитель Новгородской синодальной летописи (начала XIV в.) почерпнул свои южнорусские известия XIII в. из того же митрополичьего свода (Полихрона) начала XIV в.⁴ существование которого ныне не признается. С другой стороны, М. Д. Приселков высказал мнение, что последним письменным источником южного

---

¹ М. Д. Приселков История русского летописания XI—XV вв. Л. 1910 стр. 46, 95 и др.

² Д. С. Лихачев Русские летописи М.—Л., 1947, стр. 432.

³ М. Д. Приселков Указ соч., стр. 55, 117, 150, 176 и сл., ср. Д. С. Лихачев Указ соч., стр. 472, ср. А. А. Шахматов Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1938, стр. 257.

⁴ А. А. Шахматов Указ соч., стр. 130—131. В одной из последних своих работ А. А. Шахматов высказал предположение, что «в Новгороде уже в XIV в. находился южнорусский летописный свод, заключавший в начале летопись, сходную с Повестью временных лет, а затем летопись южнорусскую (или специально киевскую, волинскую?) и оканчивающуюся сказанием о Калкской битве». См. А. А. Шахматов Сборник статей и материалов, под ред. С. П. Обнорского, М., 1947, стр. 149, ср. М. Д. Приселков Указ соч., стр. 117.

летописания для летописания новгородского (как это видно из Синодального списка) был какой-то киевский летописец, доводивший свое изложение до 1237 г включительно (последнее известие этого года — прибытие в Киев митрополита Иосифа из Никеи), почему взятие татарами Киева в 1240 г в новгородском летописании XIV в осталось не отмеченным⁵

Мы постараемся доказать, что новгородская владычная летопись черпала южные известия XIII в из Киевской летописи 1238 г

Наконец, А А Шахматов полагал, что северные известия, читающиеся в галицко-волынском своде начала XIV в, попали туда все из того же им предполагаемого Полихрона начала XIV в М Д Приселков показал, что это не так, и высказал предположение, что составитель галицко-волынского свода начала XIV в воспользовался для пополнения своего труда не Полихроном начала XIV в, а сводом первой половины XIII в, который он считал аналогичным Владимирскому своду 1239 г⁶

Мы же постараемся обосновать то положение, что источником, из которого северные известия проникли в галицко-волынский текст XIII в, была также Киевская летопись, доводившая свое изложение до 1238 г.

I

Если выделить все известия южной летописи XIII в, как она отразилась в летописи Воскресенской, то легко заметить, что в центре внимания этой летописи находилась деятельность смоленских князей Ростиславичей, их успехи в борьбе за княжеские столы Киева, Новгорода и Галича.

Летопись эта довольно полно отразила деятельность Мстислава Романовича, князя смоленского, а затем киевского вступление его на смоленский стол — 1198 г,⁷ участие в борьбе за Галич и Киев — 1206—1207 гг,⁸ занятие им Киева — 1212 г,⁹ помощь его Мстиславу Удалому в новгородских делах — 1215 г¹⁰ и в делах галицких — 1220 г,¹¹ правление его сыновей — Святослава, Всеволода — в Новгороде — 1219¹² и 1221 гг¹³ и, наконец, трагическую гибель князя на Калке¹⁴

Следила эта летопись за судьбами и другого Ростиславича — Мстислава Мстиславича Удалого отмечается его близость Мстиславу Романовичу — 1207 г,¹⁵ его участие в занятии Киева Ростиславичами — 1212 г,¹⁶ борьба за новгородский стол, когда Удалой пользовался поддержкой Мстислава Романовича и смоленских сил — 1215¹⁷—1216 гг;¹⁸ участие и недостойное поведение Мстислава Удалого в битве на

⁵ М Д Приселков Указ соч, стр 55, 150 Ср История русской литературы, изд АН СССР, т II, ч I, М., 1941, стр 115 (« вопрос о появлении в Новгородской летописи общерусских известий окончательно еще не разрешен»)

⁶ М Д Приселков Указ соч, стр 93, ср стр 47

⁷ ПСРЛ, т VII, стр 106

⁸ Там же, стр 112—113, 114—115

⁹ Там же, стр 118

¹⁰ Там же, стр 119—120

¹¹ Там же, стр 128

¹² Там же, стр 126

¹³ Там же, стр 128

¹⁴ Там же, стр 129—132

¹⁵ ПСРЛ, т VII, стр 114

¹⁶ Там же, стр 118

¹⁷ Там же, стр 119—120

¹⁸ Там же, стр 120—124

Калке — 1223 г.,¹⁹ специально отражена и галицкая политика Мстислава — 1214,²⁰ 1219,²¹ 1220,²² 1221,²³ наконец, сообщается о его смерти на пути в Киев — 1228 г.²⁴

Внимательна эта летопись и к Владимиру Рюриковичу отмечается его участие в походе на Киев,²⁵ его пребывание в Москве — 1213 г.²⁶ и Переяславле (1213—1215 гг.),²⁷ помощь его Мстиславу в новгородских делах — 1215²⁸ и 1216 гг.²⁹ — и в галицких,³⁰ занятие им киевского стола — 1223 г.³¹ — и потеря его в результате столкновения с Изяславом Мстиславичем Смоленским (сыном Мстислава Романовича)³² Занятие Киева Изяславом Мстиславичем и дальнейшее освещение этой летописью княжеских смен (до 1238 г.) в Киеве едва ли восстановимо.³³

Фиксировала летопись и смерти представителей смоленского княжеского рода Давыда (1198),³⁴ Рюрика Ростиславича (1215),³⁵ Ростислава Рюриковича (1218),³⁶ Константина Давыдовича (1218),³⁷ Давыда Мстиславича Торопецкого (1225),³⁸ Мстислава Удалого (1228),³⁹ Мстислава Давыдовича Смоленского (1230).⁴⁰ Отражались в этой летописи и события внутренней жизни Смоленска, например, мор 1230 г.⁴¹ Кроме того, летопись была в курсе важнейших событий рязанских,⁴² черниговских и, вероятно, суздальских.⁴³ Собственно киевские события сохранились менее всего, так как ни в Новгороде, ни во Владимире, ни в Галиче местные деятели летописания, пользуясь киевской летописью, не проявили интереса к этой стороне ее содержания, хотя сведения о переменах на митрополичьем столе — 1220,⁴⁴ 1224,⁴⁵ 1237 гг.⁴⁶ — были использованы ими.

¹⁹ М. Д. Приселков Указ соч., стр. 129—132.

²⁰ Там же, стр. 119. О занятии Галича Ростиславом Рюриковичем под 1210 г. (там же, стр. 116—117). Это известие опущено в «Летописце князя Даниила» (ПСРЛ, т. II, стр. 719—721).

²¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 126.

²² Там же, стр. 128.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 134.

²⁵ Там же, стр. 118.

²⁶ Там же, стр. 119.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 119—120.

²⁹ Там же, стр. 120—124.

³⁰ Там же, стр. 126.

³¹ Там же, стр. 132.

³² Там же, стр. 138 (ср. Нов. I летопись, СПб., 1888, стр. 215, где синодальная сохранила южный вариант, а комиссия утратила его).

³³ Хотя смоленские Ростиславичи и занимали после этого киевский стол — Владимир Рюрикович (ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 753, 766, 772, 777), Ростислав Мстиславич Смоленский (там же, стр. 782).

³⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 106.

³⁵ Там же, стр. 119.

³⁶ Там же, стр. 125.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 133.

³⁹ Там же, стр. 134.

⁴⁰ Там же, стр. 137.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 124—125.

⁴³ Судя по политическим связям княжества в Киеве Владимира Рюриковича (там же, стр. 137, ср. Тавр — ПСРЛ, т. I, вып. 2 л. 1925, стр. 456—457, которая видимо, пользовалась южным источником, сохранив даже имена киевского тысяцкого и князей — участников сменя).

⁴⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 128.

⁴⁵ Там же, стр. 132—133.

⁴⁶ Там же, стр. 139.

Кроме того, о двух крупнейших событиях политической жизни (Липецкая битва, Калкская битва), в которых деятельное участие принимали Ростиславичи, летопись содержала специальные повести Такова киевская летопись Ростиславичей

Если мы теперь вспомним, что киевским летописанием XII в «была прочно усвоена традиция, созданная печерскими сводами конца XI — начала XII в в деле составления летописцев в связи с переменами на Киевском столе», почему «каждый киевский князь по-своему и своими средствами стремился поддержать эту традицию, озабочиваясь своевременным записыванием текущих дел и событий»,⁴⁷ то нетрудно будет допустить, что занимавшие киевский стол Мстислав Романович (1212—1223) и Владимир Рюрикович (1223—1225, 1238) не нарушили существующей традиции, после же изгнания Владимира Рюриковича киевское летописание еще продолжалось до 1238 г

К сожалению, эта Киевская летопись XIII в до нас не сохранилась. Она, видимо, примыкала к киевской летописи Рюрика Ростиславича, которая дошла до нас с обрубленным (на 1200 г) концом, ибо ее содержание видимо не удовлетворяло интересам галицко-волинского автора, хотя следы пользования ею (до 1238 г) и сохранились (об этом ниже) в галицко-волинском летописании. Понятно, что определить степень полноты содержания Киевской летописи, как она нами обрисована выше, затруднительно

Но есть источник, который позволяет проверить это построение и даже пополнить Киевскую летопись рядом нам доселе неизвестных исторических фактов. Этот источник — *Historia Polonicae* Яна Длугоша (XV в)

Уже К. Н. Бестужев-Рюмин поставил вопрос о необходимости изучения русских известий, заключенных в труде Яна Длугоша, работы же Д. Гиргензона, Г. Цейсберга, А. Семковича и других достаточно выяснили характер труда польского хрониста⁴⁸ и показали, что Я. Длугош, во-первых, достоверен постольку, поскольку достоверны его источники, и, во-вторых, поскольку сообщаемые этими источниками сведения соответствовали взглядам его на польскую историю. Таким образом, Ян Длугош не представлял в отношении достоверности какого-то специального исключения, как пытались утверждать в пылу полемики представители русской дворянской и буржуазной историографии, не изучая отвергавшие его источники

Не имея возможности изложить в настоящей статье результаты изучения *Historia Polonicae*, отметим лишь одно важное для нас обстоятельство, а именно то, что русский летописный источник Яна Длугоша для XIII в обрывался на сообщении о вторжении татар в Смоленскую и Черниговские земли (1238), почему о занятии Киева татарами Длугош не знал, как не знала, впрочем, об этом и Синодальная новгородская летопись

Анализ содержания русских известий, привлеченных Длугошем для изучаемого времени, приводит к убеждению, что Длугош не имел галицко-волинской летописи нынешнего состава, а держал в руках летопись, бывшую естественным продолжением Киевской летописи Рюрика Ростиславича, известно нам лишь до 1200 г

⁴⁷ М. Д. Приселков, Указ соч., стр. 53

⁴⁸ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца 14 в. СПб., 1868, стр. 64. J. Girgensohn. Kritische Untersuchung über das VII Buch der *Historia Polonicae* des Dlugosz. Göttingen, 1872, SS. 8, 13 passim. G. Zeissberg. Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters, Lpz., 1873. A. Semkowicz. Krytyczny rozbiór dziejów Jana Długosza (do roku 1384), Nakładem Akad. Umiejętności Kraków, 1887, str. 11—13.

Просмотрим русские известия Длугоша за изучаемый период ⁴⁹ Они идут в его труде целой полосой под 1198, 1199, 1200, 1202, 1204, 1205, 1206, 1207, 1208, 1209, 1210, 1211, 1212, 1216, 1218, 1220, 1221, 1222, 1225, 1228, 1229 гг., причем хронология Длугоша почти всегда требует существенных поправок

Основная часть известий оказывается связанной с деятельностью смоленских Ростиславичей ⁵⁰ вступление по смерти Святослава на киевский стол Рюрика Ростиславича, ⁵¹ его изгнание, разорение им, совместно с Ольговичами (*habent etiam in suo comitatu filios Olh*) и половцами Киева, ⁵² участие его, ⁵³ а также Ростислава Мстиславича ⁵⁴ в походе на половцев, пострижение Рюрика и пленение его сыновей Ростислава и Владимира князем Романом галицко-волынским, ⁵⁵ успешный поход Ольговичей на Литву, ⁵⁶ изгнание Романом из Киева Святослава Мстиславича (сына Мстислава Романовича Смоленского?) и занятие города Ростиславом Рюриковичем, освобождение Романом из плена князя Владимира Рюриковича, ⁵⁷ победа Владимира (Рюриковича?), Константина (Всеволодовича) и Мстислава (Мстиславича) над Юрием и Ярославом Суздальскими, ⁵⁸ отсутствующее в наших летописях известие ⁵⁹ о походе Владимира Рюриковича с дружинами смоленскими, Романом Борисовичем ⁶⁰ и сыновьями Давыда Смоленского Константином, Мстиславом и Ростиславом ⁶¹ на Литву Далее идет ряд известий о Галичине вторжение Мстислава Удалого с половцами в Галичину, занятие им Галича и бегство Каломана ⁶² Затем следует нечто вроде повести о разгроме венгерско-польских войск Мстиславом Удамым совместно с Владимиром Рюриковичем, Ростиславом Давыдовичем и Ростиславом Мстиславичем (сыном Мстислава Романовича

⁴⁹ *Johannis Dlugossii seu Longini, Canonici Cracoviensis Historiae Polonicae*, ed. Al. Przedziecki, t. II, kb VI, Cracoviae, 1873, в дальнейшем цит. J. Dlugossii

⁵⁰ Если опустить известия о Романе Мстиславиче галицко-волынском под 1199, 1200 и 1205 годами (J. Dlugossii, pp. 154—155, 158, 170—171, 172—176), носившие, видимо, враждебный Роману характер, присутствие же известий, связанных с судьбами Галичины, характерно для киевского летописания, вполне допустимо и на личие в Киевской летописи известия (под 1205 г.) об истреблении князем Глебом рязанским своих братьев (Лавр лет под 1217 г., J. Dlugossii, p. 182)

⁵¹ J. Dlugossii, p. 154 под 1198 г. (Ипат лет под 1194 г.)

⁵² *Ibid.*, pp. 164—165 под 1202 г. (Лавр лет под 1203 г.) Сообщение заканчивается *Captivati et sub eodem tempore fuerunt, Msczislauis Włodimirowicz, item Roscislaus Dux et militia eius per Polowezos* (p. 165) Длугош ошибся при переводе, см. Лавр лет под 1203 г.

⁵³ J. Dlugossii, p. 176 (Лавр лет под 1205 г.)

⁵⁴ Сын Мстислава Романовича, ср. Лавр лет под 1205 г. («Мстиславич»), ср. Новгород I, Комисс. сп. под 1203 г., стр. 179

⁵⁵ J. Dlugossii, pp. 176—177, ср. Лавр лет под 1205 г., Воскр. лет. под 1203 г.

⁵⁶ J. Dlugossii, p. 177, ср. Новгород I, где предыдущий текст разбит вставкой повести о Царьграде (стр. 179), Воскр. лет. под 1203 г.

⁵⁷ J. Dlugossii, p. 177, под 1205 г. (Воскр. лет. под 1203 г.) Роман изгнал Святослава Мстиславича «со срамом» — *cum ingnomina exturbate et depellit* (*ibid.*, p. 177) Далее у Длугоша читалось известие, что князь Лешко Белый приказал повесить кн. Святослава *patrem Agasie, quae postea Conrado Masoviae Duci nupta erat* (*ibid.*, p. 179), кто этот Святослав — не знаем.

⁵⁸ J. Dlugossii, pp. 179—180 под 1206 г. (Воскр. лет. под 1216 г.), отрывок кончается *Caesa feruntur eo praehio Ruthenorum plusquam decem milla* (p. 180)

⁵⁹ J. Dlugossii, p. 181 под 1207 г.

⁶⁰ Брат Всеволода Борисовича Псковского? см. Новгород I, стр. 195

⁶¹ Ростислав Давыдович неизвестен, см. N. de Baumgarten *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle* «*Orientalia Christiana*», vol. IX—I, № 35, Mac, 1927, Roma, p. 39, table IX

⁶² J. Dlugossii, p. 182—184 (под 1208 г.) на стр. 183 — имя половецкого союзника Мстислава *Dux Miczeyewicza* (вар. *Misierwica, Miciewicza*)

киевского?), эта повесть заканчивается сообщением о гшечных попытках венгерского короля Андрея добиться у Мстислава Удалого освобождения королевича Коломана⁶³ После этого описываются отъезд Мстислава в Киев, где он проводит некоторое время в веселье у князя Мстислава Романовича,⁶⁴ переговоры Мстислава с королем Андреем и соглашение между ними⁶⁵

Затем идет известие о битве на Калке, когда Мстислав Романович киевский, Мстислав Галицкий, Владимир Рюрикович (sic!) и иные русские черниговские и смоленские князья понесли поражение от татар,⁶⁶ занятие после поражения на Калке киевского стола Владимиром Рюриковичем;⁶⁷ гибель князя Давыда Торопецкого (брата Мстислава Удалого) в походе на Литву под рукой Ярослава Всеволодовича,⁶⁸ к этому добавлено отсутствующее в русских летописях известие о разгроме князем Мстиславом Давыдовичем со смоленцами литовцев, грабивших окрестности Полоцка⁶⁹ Следует вновь ряд известий о Галицкой земле: уступка Мстиславом Удалим Галича Коломану, уход Удалого в Торческ, смерть его в следующем году и погребение в Киеве,⁷⁰ набег черниговских князей, поддержанных смоленцами и половцами князя Мстислава (Давыдовича?), на Каменец,⁷¹ занятие Галича Даниилом Романовичем;⁷² неудачная попытка венгерского короля Андрея с сыновьями Белой и Коломаном вернуть Галич,⁷³ занятие Коломаном (?) без боя Галича;⁷⁴ смерть его (?) через три года от болезни или вследствие отравления, занятие Галича Даниилом Романовичем,⁷⁵ приход князя Изяслава (Мстиславича, сына Мстислава Романовича), разгром им войск князя Даниила и пленение союзников последнего — Владимира (Рюриковича) и его брата (?), сообщение о том, что позднее галицкое княжество было им передано «Михалке» (Михаилу Всеволодовичу Черниговскому)⁷⁶

Наконец, следуют известия о нашествии татар, разорении земли Рязанской, гибели местных князей, зимой того же года — опустошении

⁶³ Ibid, p 184—188 (под 1209 г), около 1222 г, подробнее о содержании этой повести см ниже

⁶⁴ Ibid, p 188

⁶⁵ Ibid, p 190 (под 1210 г), около 1227 г, далее следует у Длугоша под 1211 г довольно сомнительное в отношении достоверности известие (ibid, p 190) о победе поляков над князьями Святославом Мстиславичем и четырьмя другими (Юрий, Ярослав, Владимир и Константин), пленении последних и освобождении за выкуп. Думаю, что это известие — плод творчества Длугоша для нейтрализации поражения, описанного под 1209 г. Подобные факты встречаются в труде Длугоша

⁶⁶ Ibid, pp 193—195 под 1212 г ПСРЛ, т VII, Воскр лет под 1223 г. Перед тем, возможно, русское известие о комете — ibid, p 192. Известие сходно с Воскр лет, упомянуто о татарском посольстве — p 194, точно переведенные места совпадают текстуально, например Et aliquibus Ducibus at militibus Russiae in equis euntibus, aliquibus in navibus, perveniunt usque ad Protholczę (p 194); ср Воскр с ПСРЛ, т VII, стр 130, «и стаха у реки Хортици на броду на протолчнь»

⁶⁷ Ibid, p 195 (ПСРЛ, т VII, Воскр лет под 1223 г)

⁶⁸ Ibid, p 202 (под 1216 г)

⁶⁹ Ibid, p 202, под 1216 г Dux Mscislaus Davidowicz cum Smolnensium militia celeri cursu in Poloczko adveniēns, Lithuanos incautos offendens, absque numero sternit et occidit (ПСРЛ, т I, вып 2, Лавр лет. под 1225 г)

⁷⁰ Ibid, p 207 под 1218 г (Лавр лет под 1228 г), подробнее см дальше

⁷¹ Ibid, pp 207—208 под 1218 г

⁷² Ibid, p 210 под 1220 г (около 1230 г)

⁷³ Ibid, p 211 под 1221 г (около 1230 г)

⁷⁴ Ibid, p 213 под 1222 г

⁷⁵ Ibid, p 219 под 1225 г (около 1234 г)

⁷⁶ «Propter quod arx et regio Haliczensis in ditionem Michalconis Ducis, favente Iszaslao, concessit» (Ibid, p 219), (ПСРЛ, т VII, Воскр лет под 1235 г) Форма «Михалко», конечно, была в русском оригинале

земли суздальской и гибели князя Юрия с сыновьями и Владимира (Василька?) князя ростовского,⁷⁷ нападении татар на земли Смоленскую и Черниговскую и разорении их⁷⁸

На этом обрывается русский летописный текст, использованный Длугошем

Какое же общее заключение можно вывести из этих отрывков о летописи, использованной Длугошем? В центре внимания этой летописи находилась деятельность все тех же князей Ростиславичей (Рюрика Ростиславича, Мстислава Романовича, Мстислава Мстиславича и Владимира Рюриковича), уделено в ней должное место судьбам галицкого княжества — объекта политических интересов смоленско-киевских князей, кроме того, в этой летописи читались пространные сообщения (повести) о Липецкой битве, Калкской битве и победе Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича над венгерско-польским войском

Таким образом, очевидно, что Киевская летопись 1238 г предполагавшегося нами состава действительно существовала и была использована Яном Длугошем при написании своего труда⁷⁹ При всем том мы не можем, конечно, определить степень использования Яном Длугошем Киевской летописи 1238 г, но добытый результат (в сопоставлении с Воскресенской) оказывается полезным при анализе отражения ее в областном (галицко-волинском и новгородском) летописании

II

Поиски и изучение следов Киевской летописи 1238 г в галицко-волинском летописании серьезно затрудняются тем, что сама история летописания юго-западной Руси разработана крайне недостаточно, это не раз отмечалось исследователями⁸⁰ Кроме общих, порой чрезвычайно ценных указаний, относящихся к истории текстов и составу Ипатьевской летописи, которые мы находим в трудах А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, специально интересующему нас летописанию посвящены лишь две работы одна — Л. В. Черепнина,⁸¹ другая — М. Д. Приселкова⁸²

В конце XII — начале XIII в. сильнейшими политическими объединениями в Русской земле были княжества Владимиро-Суздальское и Галицко-Волинское, которые вели между собой борьбу за политическое верховенство на Руси, стремясь овладеть номинальной столицей Руси — Киевом, продолжавшим оставаться местом пребывания главы русской церкви — митрополита, и сохранять значение основного центра дипломатических связей с половецкой степью Князь Даниил Романович Волинский, едва положив конец существованию вновь возникшего после гибели Романа Мстиславича Галицкого княжества, немедленно выступил с притязаниями на Киев и руководство всей Русью, той же

⁷⁷ Ibid, p. 228 под 1228 г (ПСРЛ, т. I, вып. 2, Лавр лет под 1237 г.)

⁷⁸ Ibid, p. 231 под 1229 г (Лавр лет под 1239 г.) Известие Длугоша под 1233 г об изгнании Владимиром Рюриковичем из Киева латинских проповедников можно отнести к Киевской летописи, но пока нельзя датировать его (ibid, p. 240)

⁷⁹ Доказательство того, что Длугош пользовался не многими русскими летописями, а лишь одной, оставляем до специальной работы, посвященной труду Длугоша

⁸⁰ М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии «Ученые записки» Ленингр. Гос. университета, сер. историч., № 67, 1941, стр. 15, Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 23

⁸¹ Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого «Исторические записки т. XII

⁸² М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии.

политики держались князя северо-восточной Руси Юрий и Ярослав Всеволодовичи

Летописная работа, ведшаяся при дворах этих князей, разумеется, отражала вышеуказанные политические установки. В данном случае нас интересует «Летописец» Даниила Галицкого, изучение которого началось в указанной статье Л. В. Черепнина. «Летописец» был составлен уже в то время, когда князь Даниил Романович объединил в своих руках юго-западную Русь. «Летописец» отличался крупными достоинствами, основываясь на широком охвате летописного материала, автор настойчиво подчеркивал мысль об «отчинном» праве князя Даниила Романовича не только на Волынь и на Галичину, но и на первенство в Киевщине и всей Руси. При этом автор старательно скрывал, что этого единства Волыни и Галичины под властью Даниила Романовича долгое время не существовало.

Указанными особенностями «Летописца», видимо, и объясняется то, что историки забыли о его волынском происхождении, и сообщения его о галицкой истории времен существования самостоятельного Галицкого княжества, особенно под рукой Мстислава Удалого (1219—1228), принимали на веру, без должной критики.

Если мы вспомним, что кратковременное объединение Волыни и Галичины, осуществленное отцом князя Даниила — Романом Мстиславичем (1199—1205), не смогло, невзирая на всю твердость его политики, долго сохраниться и после его смерти сменилось прежним разделением на два крупных княжества, если вспомним, далее, о традиционном стремлении галицких князей утвердиться на Волыни или подавать свою «галицкую помощь» врагам волынских князей, то мы вправе ожидать, что «Летописец» Даниила Галицкого не мог нам оставить беспристрастного описания галицкой истории за время до утверждения на галицком столе Даниила Романовича.

И действительно, внимательно просмотрев текст Ипатьевской летописи, относящейся к 1205—1229 гг., и выбрав материал, характеризующий деятельность Мстислава Удалого, мы без труда убедимся, что имеем дело с автором (сводчиком) враждебным галицкому князю. Рассмотрим этот материал.

1) Самое занятие Мстиславом Мстиславичем Галича, куда он прибыл по приглашению польского князя Лешко Краковского в 1219 г., объяснено тем, что Даниил Романович, якобы не пожелав этот город занимать («Мстислав же поиде на Галич со светом Лестьковым, Галичани же вси и Судислав послашася по Данила. Данил же не утяже ехати, а Бенедикт Лысы бежа во Оугры со Судиславом, а Мстислав седе в Галичи»)⁸³

2) Следующее упоминание Мстислава — лишь повод для последующего перечисления потомства Даниила Романовича («поя у него Данил дщерь Анну»).

3) Князь Даниил Романович ездил в Галич, приглашая Мстислава выступить против Лешко Краковского, захватившего часть «отчины» Даниила, Мстислав отказал ему, заявив «сыну, за первую любовь (т. е. договор. — В. П.) не могу на нь востати, а налези себе други». Казалось бы, верность договору — хорошая черта, но на фоне дальнейших событий она приобретает отрицательный характер.

4) Лешко польский совместно с венгерским королем Андреем II двинулся в наступление на Галичину. Мстислав Удалой, хотя и действовал в союзе «со всеми князьями Рускими и Черниговскими», но почему-то

⁸³ ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 731—732.

«не могу биться со угры» Почему он «просяще зятя своего Данила и Олександра» взять на себя оборону галицкой крепости Александр, князь Белзский, отказался («не смеюсь»), но Даниил Романович заперся с войском в Галиче Он выдержал осаду («много бою бывшую»), отбив наступление венгеро-польских войск Однако, так как захватчики в это время разбили Мстислава и «прогнаша» его «изъ земле», то Мстислав предложил Даниилу Романовичу очистить Галич («поведавшю Данилови «изиди из града»)

Даниил Романович успешно вывел войско из города и провел его на юг, к городу Кучельмину, где встретился с Мстиславом Здесь Мстислав «великую похвалу створи» Даниилу и дал ему великие «дары» и «конь свой сивый» Затем Мстислав отпустил князя Даниила на Волынь («пойди, княже, в Володимерь, а яз пойду в Половци мьстиве сорома своего») ⁸⁴

5) Венгерско-польские войска, заняв Галич, выступили против Волыни Князьям Даниилу и Василько Романовичам пришлось трудно Между тем Мстислав, собрав половцев, осадил и занял Галич, захватив в плен королевича Андрея

Цель дальнейшего изложения — как-то приобщить и князя Даниила к этой победе Сделано это не без уменья Князь Даниил опоздал, он пришел вместе с тысяцким Демьяном «в мале дружине», когда город был уже занят Мстиславом Это обстоятельство летописец благоразумно покрыл радостным сообщением о том, что оба князя остались живы («не бе бо приехал во время, то потом же приеха Данил ко Мьстиславу и бысть радость велика: спас [«бо их» — добавлено из Хлебник и Погод «списков»] бог от иноплемьник») ⁸⁵ Кроме того, здесь же сообщено, что Мстислав неосмотрительно передал в держание город Звенигород боярину-изменнику Судиславу

6) Князь Даниил отправил к князю Лешко своего тысяцкого — посла Демьяна, который добился от польского князя прекращения помощи Александру Белзскому, врагу Даниила Романовича Даниил Романович хотел, было, вернуть Белз, выступив против Александра, но Мстислав прислал посла, сказав «пожалуй брата Олександра», и князь Даниил должен был вернуться во Владимир Как видим, Мстислав Галицкий мешал усилению Даниила Волынского, едва ли нужно добавлять, что Александр Белзский охарактеризован в «Летописце» вполне отрицательно

7) Отрывок, посвященный битве на Калке, как ниже увидим, многое объясняет в составе известий о Мстиславе Удалом Просмотр известий о Калке позволяет обнаружить, что здесь текст «Летописца Даниила Галицкого» неоднороден и содержит ряд вставок и какой-то первоначальный летописный текст В самом деле, встречаем сообщение о том, что у города Олешье соединились половцы и все русские князья и переправились через Днепр («Днепр перешедшим »), а ниже вновь читаем «Переидоша же вся князи реку Днепр и поидоша в поле Половецкое » ⁸⁶

Ниже автор говорит, что Мстислав Удалой «повеле вперед перейти реку Калку Данилови с полки и инем полком с ним, а сам по немь перейде; еха же сам в стороже» Получается несообразность Мстислав, пропустив князя Даниила вперед, все же оказался впереди, «в стороже», т е в дозоре О дальнейших действиях Мстислава на Калке

⁸⁴ ПСРЛ, т II, СПб, 1908, стб 731—732

⁸⁵ Там же, стб 738

⁸⁶ Там же, стб 742

ничего не говорится все посвящено описанию подвигов Даниила Рома новича Только в объяснение того, что князя Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский не приняли участия в битве, сказано «Мстиславу (Киевский) же и другому Мстиславу (Черниговский) сидящему во стану не ведущему Мстислав (Удалой) не поведи има зависти ради, бе бо котора межю има» Таким образом, выходило, что Мстислав Удалой предал своих соратников, не известив их о появлении татар

8) Следующий отрывок, хотя и в завуалированной форме, показывает, что Мстислав Галицкий продолжал традиционную политику галицких князей, стремясь овладеть Волынью Автор пишет, что князь Александр Белзский, узнав («слышав») о нелюбви Мстислава к Даниилу («яко Мстислав не имеет любви к зятю своему Данилову»), склонил («понужаше») его выступить прогив волынского князя с оружием в руках Мстислав Галицкий выступил в союзе с Владимиром Рюриковичем Киевским и Александром Белзским, Даниил, разумеется, нанес им поражение

Князь Лешко, пытавшийся поддержать Мстислава, был остановлен послом князя Даниила тысяцким Демьяном В итоге дело свелось к переговорам в городе Перемиле, где князя «утвердиша мир» При этом Мстислав Галицкий вновь «прия зятя своего с любовью», почтил его и дочь свою Анну «великими дарами» и дал Даниилу «конь свой борзый Актаз, акого же в та лета не бысть»

9) Следующий отрывок любопытен тем, что он вновь свидетельствует об использовании автором «Летописца» Даниила Галицкого какой-то летописи, в которой на этот раз сообщалось о деятельности духовника Мстислава Удалого—Тимофея Отрывок этот сохранился в «Летописце» Даниила только потому, что понадобился автору в качестве одного из фактов, обличающих венгерских захватчиков и поддерживавших их галицких бояр, с которыми князь Даниил непрерывно боролся

Тимофей, как сообщала та летопись, вел идейную борьбу с венгерскими захватчиками, он сравнивал (вероятно, в проповеди) венгерского палатина Бенедикта Бора, занявшего Галич, с антихристом За эти речи он подвергся гонениям со стороны палатина («бегаше бо Тимофей от лица его») В другом месте той же летописи говорилось о помощи, оказанной Тимофеем князю Мстиславу Удалому в борьбе с боярством По распоряжению Мстислава, Тимофей ездил в Перемышль, куда из-за происков боярина Жirosлава, сторонника венгров, бежали крупные галицкие бояре Тимофей успешно справился с делом, и бояре вернулись в Галич Прочитывая этот отрывок из летописи, где читался текст о Тимофее, автор «Летописца» отделил его переходной фразой «мы же на переднее возвратимся»⁸⁷

Вполне естественно предположение, что Тимофей был близок автору летописи, использованной «Летописцем» Наконец, автор «Летописца» считал долгом точнее определить личность Тимофея (как это, видимо, было сделано и в использованной «Летописцем» летописи): «бе бо Тимофей в Галиче премудр книжник, отечество имея во граде Кыеве»⁸⁸ Ниже мы вернемся к этому вопросу в связи с Киевской летописью 1238 г.

10) Мстислав Галицкий в своей политике постоянно наталкивался на сопротивление галицкого боярства, получавшего помощь из Венгрии Недооценивая силу горожан и смердов, но возлагая все надежды на

⁸⁷ ПСРЛ, т II, СПб., 1908, стр. 748, 721

⁸⁸ Там же, стр. 722

половцев, хан которых Котян доводился ему тестем, Мстислав не смог сломить боярского сопротивления. Пытаясь найти выход из положения, Мстислав выдал свою дочь замуж за венгерского королевича Андрея, дав ему в держание город Перемышль. Однако Андрей, пользуясь помощью галицких бояр и военной поддержкой польского князя, решил занять всю Галичину. В ходе нового наступления венгеро-польские войска заняли Перемышль, Теробовль, Тихомль, окружили Кременец. Мстислав Галицкий выступил с полками и в решающей битве разбил врагов так, что король венгерский «смятется умом и поиде из земли борзо».

Эти события были кем-то своевременно записаны в Галиче. Автор «Летописца» Даниила привлек их с целью упомянуть о Данииле Романовиче. Он сообщает, что в ходе этой борьбы Мстислав прислал своего посла боярина Судислава к Даниилу, прося «Не отступай от мене», ⁸⁹ на что князь Даниил велел ответить «Имам правду в сердце своем».

Этот эпизод дипломатических отношений между князьями легко выделяется из основного текста повествования галицкой летописи после слов «и много угор избиша и раниша», ⁹⁰ между прочим, и на этот раз «Летописцу» Даниила было нечем подкрепить ответ князя Даниила (сам по себе вполне возможный, ибо князь волынский не был заинтересован в переходе Галичины под власть Венгрии), так как Даниил вместе с братом Василько пришел в гор. Городок уже после победы. Здесь велись переговоры. Романовичи предложили галицкому князю организовать преследование венгров, но князь Мстислав под влиянием своего советника боярина Судислава отказался. Волынские князья ни с чем ушли во Владимир.

Дальнейшие события также сложились не к выгоде Романовичей. Мстислав Галицкий передал Галич в держание своему зятю, венгерскому королевичу Андрею. По словам «Летописца» Даниила, он поступил так, ибо боярин Судислав говорил ему «оже даси королевичю, когда восхоцещи — можещи взяти подь нимь, даси ли Данилови, в веки не твои будеть Галичь». Тот факт, что Мстислав с этим доводом согласился, оставив за собой Пенизье, конечно, серьезно подрывает убедительность утверждения «Летописца» Даниила, что Мстислав «не хотящю дати королевичю, наипаче хотящю дати Данилови» Галич. ⁹¹

11) Разберем последний отрывок, идущий после слов «Мы же се оставлеше, на переднее возвратимся» ⁹² Этот отрывок, как и большинство предыдущих, также касается дипломатических сношений Даниила с Мстиславом. Даниил Романович направил своего посла тысяцкого Демьяна к Мстиславу, река «не подобает пиняном держати Черторыйска, яко не могу им терпети», т. е. просил разрешения отнять у пинских князей гор. Черторыйск. Мстислав передал князю Даниилу через Демьяна следующий ответ: «Сыну, сгреших не дав тебе Галича, но дав иноплемьнику, Судислава льстыца светом, обольсти бо мя, ажь бог восхочет поиде на ня. Яз сваю Половци, а ты своими. Аще бог дасть его нама, ты возьми Галичь, а яз Понизье, а бог ти поможет, а про Черторыйск прав еси». Таким образом, этот дипломатический отрывок, внесенный в летописный текст от имени Мстислава, освящал права Даниила Романовича на собиране «отчины».

Мы привели ряд отрывков из «Летописца» Даниила Галицкого. Встает естественный вопрос: откуда же почерпнул эти известия автор «Лето-

⁸⁹ ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 749

⁹⁰ Там же

⁹¹ Там же, стр. 750

⁹² Там же, стр. 752

писца»⁹³ Думаем, что последний отрывок более других поможет нам в поисках ответа. Отрывок имеет следующее продолжение: «Демьяну же приехавшу в велику субботу», далее следует «наутре же на велик день прехаста Данил и Василко ко Черторыйску в понедельник на ночь обседоста град; тогда же и конь Данилов застрелен бысть с города, наутре же объехаста град Мирослав, и Демьян рекоста «Яко предал бог враги наша в руку ваю »⁹³ и т. д. Не остается сомнений, что этот текст внесен в летопись со слов очевидца и участника дела, который и приводил время действия с большой точностью («на утре . на велик день», «в понедельник на ночь» и т. д.) Из двух упомянутых здесь лиц мы остановимся на Демьяне по ряду соображений.

Нам думается, что военно-дипломатическое содержание всех приведенных выше отрывков, а также неоднократное упоминание в них тысяцкого — дипломата Демьяна позволяют с большой долей уверенности отнести их запись в «Летописец» Даниила с его слов. Если это так, то делается понятным вполне светский характер отрывков, умение описывать военную обстановку, интерес автора к лошадям (о них упоминается трижды), наконец, предельно отрицательная характеристика боярина Судислава, с которым в ходе неоднократных дипломатических переговоров приходилось сталкиваться Демьяну, причем далеко не всегда к своей выгоде. Даже в тех отрывках, в которых Демьян не назван по имени, присутствие его легко подразумевается (поездка князя Даниила в Галич, с целью брака на дочери Мстислава, поездка Даниила с предложением военного союза против Лешко, свидание у города Кучельмина, свидание в Городке).⁹⁴

Мысль о том, что Мстислав признал права Даниила Романовича на Галичину, «Летописец» подчеркнул еще раз и тоже, возможно, со слов Демьяна «Потомъ же Мъстислав великий удатный князь умре, жаждя бо ему видити сына своего Данила Глеб же Зеремеевич убажен бысть завистью — не пустяше его, оному же хотящу поручити дом свой и дети в руце его; бе бо имея до него любовь велику в сердце своемъ»⁹⁵ Мы видим, что реальных проявлений этой любви в «Летописце» Даниила Галицкого обнаружить не удастся. Запись о смерти Мстислава в «Летописце» страдает некоторой неполнотой. Киевская летопись говорит об этом под 1228 г следующее: «Преставися Мстислав Мстиславич, князь Торопечский, княжив в Галиче, и поиде в Киев, разболе же ся на пути и пострижесе во схиму и тако преставися»,⁹⁶ а еще точнее. *in ecclesia Sanctae crucis in Kyow, quam fabricaverat, sepelitur.*⁹⁷

На основании изложенного можно полагать, что в составе «Летописца» князя Даниила Романовича находился ряд известий о Галицком княжестве, почерпнутых автором из рассказов дипломата — тысяцкого Демьяна, часть же известий восходит к пока точнее неопределимой летописи, в которой имелся текст о битве на Калке, а также сообщалось о деятельности пребывавшего в Галичине киевского книжника Тимофея; других составных частей «Летописца» мы в данной статье не касаемся.

Если теперь мы, учитывая все вышеизложенное, просмотрим еще раз

⁹³ ПСРЛ, т II, 1908, ст 752 Курсив мой — В. П.

⁹⁴ Ср Л. В. Черепнин, Указ соч. «Исторические записки», т XII, стр 253 С именем Демьяна следует связать также текст, идущий от слов «Приде Лестко на Даниила» и т. д. до слов «ехати къ Лестьку» ПСРЛ, т II, стб 737

⁹⁵ ПСРЛ, т II, стб 752

⁹⁶ ПСРЛ, т VII, стб 134, ср Лавр — ПСРЛ, т I, вып 2, стб 450

⁹⁷ J. Dlugossii, p 207

текст Ипатьевской летописи за XIII в., то убедимся, что «Летописец» Даниила хранит в себе значительные следы пользования Киевской летописью 1238 г. К ней мы отнесли вышеотмеченные тексты, связанные с именем Тимофея,⁹⁸ последний, как духовник Мстислава Удалого, присутствовал, конечно, при кончине князя и его погребении в Киеве, и, видимо, ему обязаны мы сведениями, имеющимися в Киевской летописи времен Владимира Рюриковича, о действиях Мстислава в Галичине. Думаем также, что притча Тимофея о Бенедикте, упомянутая «Летописцем» князя Даниила, читалась в Киевской летописи, к перу же Тимофея следует отнести все, что связано с разгромом похода Бенедикта Бора на Галич.

При этом автор «Летописца» использовал Киевскую летопись, где читался текст, сообщенный или записанный Тимофеем, не целиком, а разбил его вставками из местного материала, относящимися к личности князя Даниила. Киевский текст шел от слов «мы же на переднее возвратимся, случившихся в Галиче»⁹⁹ до слов «ворогися в Пересопицу»,¹⁰⁰ здесь автор «Летописца» известил читателя о своем намерении (которого не исполнил) вставить сказание о начале Галича («и по семь скажем о Галичине могиле и о начатъи Галича, откуда ся почал»), далее Киевская летопись идет до слов «Данилови сущи»¹⁰¹. Из этого же источника взят «Летописцем» текст о разгроме Мстиславом Удалым войск венгерского воеводы Фильния. От слов «Выиде Филя древле прегордый» до слов «того не терпящую»¹⁰² следует вставка и вновь идет текст «изыиде же Филя» до слов «загорде бо ся бе»¹⁰³. Далее следует вставка и вновь возвращение к тексту Тимофея, от слов «Филя же строяше ся на брань» до слов «сведены быша со церкви»¹⁰⁴. Обличение боярина Жирослава, читающееся в этом тексте, сходно с обличением его в тексте Тимофея о поездке в Перемышль.¹⁰⁵

Используя Киевскую летопись, автор «Летописца», как мы видим, добавил сюда одно из сообщений тысяцкого Демьяна, долженствовавшее отметить участие князя Даниила в борьбе за галицкую независимость. Поскольку, однако, князь Даниил прибыл с войском уже после окончания битвы, то, естественно, место это в «Летописце» имеет достаточно искусственный вид, во всяком случае в Киевской летописи о князе Даниле в связи с этой битвой не упоминалось.¹⁰⁶ Зато там читалась обширная повесть о боевых делах Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича в Галичине, видимо, эта повесть отличалась большими литературными достоинствами, и Длугош привел из нее довольно обширные выдержки.

В этой повести содержалась и специальная похвала Мстиславу, ибо, конечно, только на ее основе мог Длугош оформить такой текст: *Efferbatur autem tunc Msczislavus Msczislawicz Dux, quod et victoriam retulisset, et caedem in devictos Hungaros et Polonos fieri iussisset, a Ruthenis, qui in laetitiam effussi, magnis vociferabantur clamoribus dicentes «O, magne Dux et victor Msczislave Msczislawicze! O, fortis accipiter ad conterrendum fortes et robustos, armaque illorum, transmissus a Deo*

⁹⁸ Ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 253.

⁹⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 721.

¹⁰⁰ Там же, стб. 722.

¹⁰¹ Там же, стб. 723.

¹⁰² Там же, стб. 736.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, стб. 738.

¹⁰⁵ Там же, стб. 747—748.

¹⁰⁶ J. Dlugossii, pp. 184—188.

Desinent se glorificare, qui te victo, sibi destinabant victoriam, quoniam a te omnes magnifico et glorioso domino nostro, humiliati et conflicti sunt»¹⁰⁷

Что в Киевской летописи читался более полный текст, относящийся к Мстиславу, видим и из следующего в «Летописце» сказано, что венгерский королевич Коломан с рыцарством укрылись в укреплении, созданном на церкви богородицы в Галиче, но что при этом они «изнемогахоу жажоу водною, не бе бо воды в них, и приехавшю же Мьстиславу и вдашася ему и сведени быша со церкви»,¹⁰⁸ об этом у Длугоша сохранена следующая деталь *Siti de inde Colomanum et suos premente vas aquae illis a Mszislao transmissum est, quod pro magno munere acceptum, et in capita per mensuram distributum, vix dumidiae parti satisfacit*¹⁰⁹ — рыцарский жест в духе Удалого, который, если вспомнить, «человав всех» и ушел один, когда новгородцы не пожелали продолжать с ним поход из Смоленска на Киев¹¹⁰

Наконец, в Киевской летописи было отведено должное место будущему киевскому князю Владимиру Рюриковичу, который оказывается, давал дельные военные советы князю Мстиславу перед боем у Галича¹¹¹

Следующий факт использования Киевской летописи «Летописцем» Даниила касается описания битвы на Калке. В Киевской летописи 1238 г. (как она отразилась в Воскресенской) повесть о битве на Калке имеет начало, текст которого в свое время был использован автором владимирского свода Юрия Всеволодовича,¹¹² но далее в своде Юрия следовало лишь краткое сообщение о разгроме князей на Калке, снабженное несдобрительным замечанием относительно решения южных князей затевать поход на татар («здумаша ити на ня, мняше, яко ти поидут к ним»)¹¹³ Последней фразой, общей для свода Юрия и Киевской летописи, является фраза «Котян Половецкий князь со инемы князи и со останком половець прибегоша, идеже зовется вал Половецкий». Ниже мы еще коснемся причин такого отношения Юрия Всеволодовича к калкским событиям, теперь же посмотрим, что сообщалось о них в Киевской летописи 1238 г.

В этой летописи говорилось, что калкское событие произошло «при великом князи Киевськом Мстиславе Романовиче, внуце Ростислава Мстиславича». Говорилось в ней далее, что Котян, который «бысть тесть князю Мстиславу Мстиславичю Галичскому», пришел со всеми князьями половецкими в Галич «и ко всем княземъ Рускым», привезя многие дары («кони и вельбуды, буйволы, девкы»), которыми и «одари вси князи Рускыи». Котян просил помощи против татар, заявляя «аще ли не поможете намъ, то мы нынче иссечены будемъ, а вы наутрен иссечены будете».

¹⁰⁷ Ibid., pp 186—187 («Похвалялся князь Мстислав Мстиславич так как [мол] одержал победу и приказал сделать резню побежденных венгров и поляков русским, которые, полные радости, превозносили [его], громкогласно говоря «О великий вождь и победитель, Мстислав Мстиславич, о, храбрый, посланный богом для устрашения храбрых и мощных и оружия их. Пусть перестанут восхвалять себя предназначавшие себе победу после твоего поражения, ибо все они уничтожены и разбиты тобою, великим и преславным господином нашим»)

¹⁰⁸ ПСРЛ, т II, стб 738

¹⁰⁹ J. Długosz, p 187

¹¹⁰ Новгородская I летопись, под 1214 г., стр 196

¹¹¹ J. Długosz, p 185

¹¹² ПСРЛ, т I, вып 1, стб 445—446, о своде Юрия Всеволодовича, см

М. Д. Присьелков История русского летописания, стр 87 и сл

¹¹³ ПСРЛ, т I, вып 1, стб 446

Выслушав эти речи, Мстислав Удалой «нача молитися братии своей, князем Руским», в результате чего и был созван совет князей в Киеве, этот текст был буквально использован автором «Летописца», включая и обидную для достоинства владимирского князя фразу «Юрья же князя великого (Суждальского не бы в том свете»,¹¹⁴ правда, автор «Летописца» допустил промах, сохранив при имени Юрия титул «великий». Насколько близко следовал автор «Летописца» тексту Киевской летописи, видно и из того, что он переписал фразу «Василка же не бе [в Киеве], бе бо в Володимире млад». В Киевской летописи имелся в виду князь Василько Константинович ростовский, позднее отправленный Юрием Всеволодовичем на Калку, автор же «Летописца» отнес эту фразу к Василько Романовичу, находившемуся во Владимире Волынском.¹¹⁵ С другой стороны, автор «Летописца» существенно сократил и переработал киевский текст.

Для удобства сличения текстов выпишем их, отмечая в Киевской летописи 1238 г курсивом то, что опущено автором «Летописца» Даниила Романовича, а в тексте «Летописца» — курсивом то, что добавлено им к тексту Киевской летописи 1238 г.

Киевская летопись 1238 г

И прииде же ту вся земля Половецкая и вси князи, а из Киева князь Мстислав со всюю силою, а Володимир Рюрикович со Смолены и вси князи Рустии и вси князи Черниговстии, и смоляне и инии страны. Тогда же князь Мстислав Мстиславич перебродися Днепр в тысящи вои на сторожи Татарьския, и победи а, а останок их побеге с воеводою Гомебяком, и ту имъ не бе помощи.¹¹⁶

«Летописец» Даниила Галицкого

и приеха ту к ним вся земля Половецкая и Черниговцемъ приехавшим и Кияном и Смоленном и инемъ странамъ всянам (sic) по суху же Днепр перешедшим, яко же покрыти воде быти от множества людей (лодей?)¹¹⁷ и т. д.

Как видим, автор «Летописца» опустил важный материал, касающийся деятельности князей Ростиславичей — Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича. Результатом сокращения явилось то, что в «Летописце» русские войска дважды переходили Днепр.¹¹⁸ Автор «Летописца» также пополнил текст Киевской летописи обширными вставками о подвигах и доблестях князя Даниила Романовича.¹¹⁹ Насколько

¹¹⁴ ПСРЛ, т. VII, стб. 130, ср. Ипат. лет. — ПСРЛ, т. II, стб. 741. Ср. в своде 1479 г. — Эта фраза опущена — Уваровский сп. № 1366, л. 147 (Гос. Ист. Муз.), ср. др. случайные пропуски (напр., под 1223, 1235, 1239 и др. гг.), выясняемый сличением с Воскр. лет. и Эрмитажн. сп. 416^б (Ленингр. Гос. Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина).

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. Далее после слов «исприявше же почовцы, убиша его» — сходно с «Летописцем» Даниила.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 741. Далее сходно с Киевской летописью 1238 г.

¹¹⁸ Ср. J. Dlugossii, p. 194, где Владимир Рюрикович упомянут.

¹¹⁹ Текст о Данииле Романовиче, внесенный в состав Киевской летописи позднее, из юго-западного источника, легко выделяется см. ПСРЛ, т. VII, на стр. 130 «Приидеши же вести во станы» и т. д. до слов на стр. 131 «не сточте поидем противим» (ср. ПСРЛ, т. II, стб. 741—742), далее на стр. 131 «и ту сретоша сторожские татарьстии и удариша» до слов «по ним переиде» (ср. ПСРЛ, т. II, стб. 743), на стр. 131 «Сшедшим же ся полком в место, Данил же» и т. д. до слов «крепко быющуюся с нами» и от слов «Данил же виде» и т. д. до слов «земли никогда же», ср. ПСРЛ, т. II, стб. 743—744. Отрывок о князе Василько Константиновиче (см. ПСРЛ, т. VII, стр. 132 «Егда же почаша князи совокупляти» и т. д. до слов «слава Бога и святую Богородицу») попал из ростовского источника. См. ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 447, сообщение о том, что русские войска стояли «у реки Хорьтине на броду у Протоцки» (ПСРЛ, т. II, стб. 742) взяты из Киевской — ср. J. Dlugossii, p. 194 («Et aliquibus Ducibus et militibus Russiae in equis cunctibus aliquibus in navibus, perveniunt usque ad Protholze»).

бесцеремонно при этом относился автор «Летописца» к тексту Киевской летописи, видно из следующего примера

Киевская летопись 1238 г

*и зашедше за реку за Калку и послаша во сторожа Яруна съ полки и съ половцы, а сами станом стааху ту, а князь Мстислав еха вборзе после Видевшу же ему полки татарския и приехав вооружитися повеле вборзе, а князем Мстиславу и другому Мстиславу, сидящим во стану и не ведущим того, не поведи бо има Мстислав Мстиславичъ зависти ради, бе бо котора межи има велика*¹²⁰

«Летописец» князя Даниила Романовича

*Мстислав же Мстиславичъ повеле вперед перейти реку Калку Данилови с полкы, и инем полком с ним, а сам по немъ переиде, еха же сам во стороже, видевшу же ему полки татарския и т д*¹²¹

В Киевской летописи было уделено достаточно места как подвигам Мстислава, так и (видимо, смоленского) дружинника Яруна, близкого Мстиславу В «Летописце» на передний план был выдвинут князь Даниил, при этом полностью был сохранен в «Летописце» лишь тот текст, связанный с Мстиславом Удамым, который сообщал о «которе» между ним и киевским и черниговским князьями. Ниже мы найдем объяснение появлению текста о «которе» в самой Киевской летописи.

Отметим еще один пример переделки автором «Летописца» киевского текста

Киевская летопись 1238 г

*тогда же Ярун и инии полци половечьстии съступишася с ними, хотяще битися, паки же воскоря побегоша половцы, и потопташа бежаще станы русских князь, а князи не успеша сплчитися противу их, и смятошася вси полци рустии, и бысть сеча зла и люта, грех ради наших русским полком побежденном бывшим*¹²²

«Летописец» князя Даниила Романовича

*. . . инем полком сразившимся с ними, грех ради наших русским полком побежденным бывшим Даниил же и т д*¹²³

Как видим, опущен текст, связанный с тем же дружинником Яруном, а кроме того — известие об измене половцев¹²⁴. Опущены в «Летописце» сообщения о посольствах татарских к русским князьям,¹²⁵ некоторые детали, связанные с бегством Мстислава Удалого от Калки,¹²⁶ а также обстоятельства гибели киевского и черниговского князей¹²⁷.

К сообщению о битве на Калке сделана позднее приписка о смерти Чингиз-хана;¹²⁸ эта приписка аналогична подобной же вставке о Мстиславе Немом, который «по смерти свою волость дая князю Данилови»¹²⁹.

¹²⁰ ПСРЛ, т VII, стр 131

¹²¹ ПСРЛ, т II, стб 743. Далее сходно с Киевской летописью

¹²² ПСРЛ, т VIII, стр 131

¹²³ ПСРЛ, т II, стб 744

¹²⁴ Ср J Dlugossii, p 194 «Polowczis autem contritis et diffugientibus, etiam acies Ruthenorum turbantur»

¹²⁵ См. ПСРЛ, т VII, стр 130, ср J Dlugossii, p 194

¹²⁶ См. ПСРЛ, т VII, стр 132, ср J Dlugossii, p 194—195

¹²⁷ ПСРЛ, т VII, стр 131—132

¹²⁸ ПСРЛ, т II, стб 745

¹²⁹ Там же, стр 744

Далее в «Летописце» долгое время нет заимствований из Киевской летописи, которая содержала лишь краткие упоминания о переменах, происходивших на галицком столе, тогда как в «Летописце» об этом читаются пространные сообщения, основанные на свидетельствах очевидцев поход Владимира Рюриковича киевского вместе с Михаилом черниговским на Каменец,¹³⁰ занятие Галича князем Даниилом,¹³¹ неудачный поход венгров на Галич¹³² и гибель их войска от эпидемии и народной борьбы, занятие венграми без боя Галича,¹³³ наконец, смерть королевича Андрея в Галиче и переход города к князю Даниилу Романовичу¹³⁴

Появление известий о Галичине в самой Киевской летописи вполне объяснимо князь Владимир Рюрикович киевский в связи с усилением претензий князя Михаила черниговского на Киевщину переменял союз с ним на дружбу с Даниилом волынским. Пользуясь поддержкой князя Даниила, Владимир Рюрикович, в свою очередь, помогал ему в борьбе с венгерскими захватчиками. Князю волынскому был выгоден союз с Владимиром киевским за участие в примирении Владимира с Михаилом черниговским князь Даниил получил в «русской земле» Торческ,¹³⁵ к борьбе против венгров князь Даниил пытался привлечь и князя Изяслава Мстиславича смоленского, однако тот предпочел союз с черниговским князем¹³⁶

Последний факт пользования автором «Летописца» Киевской летописью усматриваем (расходясь в этом с М. Д. Приселковым) в описании Батыева побоища. Именно в Киевской летописи читался более подробный рассказ о гибели рязанских князей и разорении их княжества,¹³⁷ там же читался упрек князю Юрию Всеволодовичу («князь же Юрий и сам не иде, ни послуша князей Рязаньских мольбы, но хоте сам особь сотвори брань»),¹³⁸ аналогичный упреку за неучастие его в битве на Калке. При этом, если Киевская летопись довольно точно передавала текст северного источника, то под пером автора «Летописца» текст приобрел осуждающий, даже иронический по отношению к владимирцам характер.

В «Летописце» отмечено, что князь Юрий Всеволодович был непредусмотрителен («и не имеюще сторожи изъехан бысть беззаконным Бурундама»),¹³⁹ в уста епископа Митрофана вложен текст речи к защитникам Владимира совсем другого содержания, чем читавшийся в Киевской и северной летописях в «Летописце» Митрофан призывает горожан к стойкости, предостерегая их от смирения и покорности татарам. От себя же автор «Летописца» добавил, что все слышавшие эту речь «начаша крепко боротися», однако молодой князь Всеволод Юрьевич «убояся» татар, вышел к ним с дарами, чем погубил и себя и город. Далее следует галицко-волынская обработка повести, читавшейся в Киевской летописи, о падении города Козельска. Автор «Летописца» как бы ставит жителей Козельска в пример владимирцам, он отме-

¹³⁰ Там же, стб 753—754, ср J Dlugossii, p 207—208, черниговского князя здесь поддерживали смоленцы и половцы князя Мстислава (Давыдовича)

¹³¹ Там же, стб 758—759, ср J Dlugossii, p 210

¹³² Там же, стб 760—761, ср J Dlugossii, p 211

¹³³ Там же, стб 765, ср J Dlugossii, p 213

¹³⁴ Там же, стб 771; ср J Dlugossii, p 219 (ошибочно королевич назван Коломаном)

¹³⁵ ПСРЛ, т II, стб 766

¹³⁶ Там же, стб 770

¹³⁷ ПСРЛ, т VII, стр 139 то же в своде 1479 г — Уваровский список, № 1366, лл 156 (об) и 157

¹³⁸ Там же, стб 139

¹³⁹ ПСРЛ, т II, стб 779

часть, что козельцы «ум крепкодушный» имели,¹⁴⁰ переговоры с татарами отвергли и героически сражались до последней возможности («козляне же ножи резахуся с ними») ¹⁴¹

Проявление подобной идеи в «Летописце» станет понятным, если вспомнить, что местный княжеский двор долгое время уклонялся от признания над собою власти татар, используя для этого любые возможности

На этих известиях заканчивалось использование «Летописцем» Киевской летописи ¹⁴² Повесть о разорении Киева — местного происхождения и основана на показании очевидцев (тысяцкий Дмитр)

Итак, можно полагать, что Киевская летопись 1238 г была использована в качестве одного из источников «Летописца» Даниила Галицкого Нет оснований предполагать, что текст повести о Батыевом нашествии был внесен в галицко-волинское повествование непосредственно из северного источника составителем свода начала XIV в Наконец, автор «Летописца» перерабатывал текст Киевской летописи, затушевывая при этом самостоятельный характер княжения Мстислава Удалого в Галиче, изображая его человеком недалековидным, удержавшим свою власть лишь с помощью князя Даниила, права которого на Галичину он якобы и признал в конце своей жизни

III

Нам представляется правильным в основе своей предположение М. Д. Приселкова о том, что последним письменным источником южного летописания для летописания новгородского (как это видно из Синодального списка) был какой-то киевский летописный памятник. Обоснование этого предположения затрудняется сложностью состава Новгородской I летописи старшего извода именно в этот период Мы, разумеется, не можем входить здесь в детальное рассмотрение состава источников Синодального списка, но позволим себе изложить лишь некоторые наблюдения

Просмотрев состав известий XIII в, занесенных в Синодальный список, и сопоставив их с данными, добытыми выше относительно состава Киевской летописи 1238 г, мы можем отметить серию известий, хранящихся в себе в той или иной мере черты, общие с Киевской летописью Это известия под годами 1203, 1204, 1216, 1219, 1224, 1232, 1235, 1237 и 1238 Киевский источник обрывается в Синодальном списке, как и в «Летописце» Даниила Галицкого и в *Historia Polonicae* Яна Длугоша, на 1238 г. сообщением о разорении татарами русских земель.

Правильное понимание этих известий возможно лишь при учете общей политической направленности текста Новгородской летописи этого периода; нетрудно заметить в этой части новгородского памятника преобладание антисуздалской (и уже антимосковской) тенденции, ретроспективно отражавшей политические взгляды новгородских редакторов начала XIV в Особенно ясно это обнаруживается из материала, связанного с личностью одного из Ростиславичей — князя Мстислава Удалого, а также из описания нашествия татар

До появления в Новгороде Мстислав находился на юге Будучи в Треполе, он удачно участвовал в походе на половцев (1193) совместно со своим двоюродным братом Ростиславом Рюриковичем, сыном Рюри-

¹⁴⁰ ПСРЛ, т II, стб 780.

¹⁴¹ Там же, стб. 781

¹⁴² ПСРЛ, т VII, стр 139—143, ср Новгород I лет, стр 247—250 Ср J Dlugossii, pp 228, 231

ка Ростиславича (князя киевского с 1194 г.)¹⁴³ Позднее Мстислав, сидя в Торческе, поддерживал Рюрика в борьбе за Киев против Всеволода Чермного, последний, одержав победу в 1207 г., принудил Мстислава целовать крест на своей воле.¹⁴⁴ В 1209 г. Мстислав отмечен в Торжке,¹⁴⁵ а в 1210 г. прибыл в Новгород.¹⁴⁶

Княжение Мстислава в Новгороде (под 1210—1218 гг.) описано близким ему лицом. При этом интересно отметить, что в Новгородской летописи дважды (под 1219 и 1223 гг.) сообщается о Мстиславе уже после его ухода из Новгорода в Галич. Мстислав пришел в Новгород — свою «отчину», он изгнал суздальского ставленника — владыку Митрофана, заменив его боярином Добрыней Ядрейковичем, который «прежде изгнания» Митрофана прибыл из Царьграда и теперь занял епископскую кафедру в качестве владыки Антония. Мстислав изображен организатором успешного похода новгородцев и князей Ростиславичей на Киев (под 1214 г.), он возглавил борьбу новгородцев и Ростиславичей с суздальцами, закончившуюся блестящей липецкой победой, честь которой приписана ему («одоле Мстислав» — под 1216 г.), наконец, он организатор и одно из главных действующих лиц битвы на Калке, успешному исходу которой помешали трусость половцев и пассивность недружественного Мстиславу киевского князя Мстислава Романовича, отмечены также походы Удалого на чужь (под 1212 и 1214 гг.).

Оставляя он Новгород трижды — в 1215, 1217 и 1218 гг., но всегда «по своей воли», в случае нужды он оказывался в Новгороде, как это произошло, когда Ярослав Всеволодович разорял голодающий Новгород (Мстислав «учюв» «про зло то» и прибыл в Новгород). Словом, Мстислав Удалой изображен идеальным князем вольного Новгорода, умевшим послужить Новгороду, защитить его от врагов — суздальцев и во-время уйти.

Подстать князю и его ставленник владыка Антоний — бывший боярин, которого «волею божиею» «възлюбил» князь Мстислав и вси Новгородьци.¹⁴⁷ Он разделял радость удач своего князя (1216 г.) в борьбе с суздальцами, но зато с уходом Мстислава в Галичину лишился своего места (занятого вновь Митрофаном). Отправившись в Киев, Антоний получил назначение владыкой в Перемышль, где находился до 1225 г., пока там распоряжался тысяцкий Мстислава Удалого — известный Ярун («Ярон» или «Ярук» южной летописи). По переходе Перемышля в руки венгров Антоний возвратился домой «и ради быша Новгородьци своему владыце».¹⁴⁸ Просидев на кафедре три года (1225—1228), он был изгнан новым владыкой Арсением, который за «мзду» приобрел у Ярослава Всеволодовича епископские права; Антоний, якобы «по своей воли», должен был уйти в Хутино. Однако в ходе событий 1228 г. «простая чадь», порвав с Ярославом Всеволодовичем, выгнала «в шию»¹⁴⁹ Арсения, вернула на кафедру владыку Антония, посадив с ним «Якуна Моисеевича [и] Микифора щитника». От всего пережитого владыка Антоний внезапно «онеме» и в 1229 г. был заменен новым владыкой, больной, он удалился в Хутино, где «ничтоже глаголя» прожил до 1232 г.¹⁵⁰

¹⁴³ ПСРЛ, т. II, стб. 681

¹⁴⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 429

¹⁴⁵ Там же, стб. 435

¹⁴⁶ Новгородская I летопись, стр. 192

¹⁴⁷ Новгородская I летопись, стр. 194

¹⁴⁸ Там же, стр. 222

¹⁴⁹ Там же, стр. 228 (добавлено из Комисс. списка)

¹⁵⁰ Там же, стр. 241, ср. так называемую Новгородскую II летопись, СПб., 1879, стр. 19, ср. стр. 133

Эти две биографии — князя Мстислава и владыки Антония, как они вырисовываются в Синодальном списке, довольно точно отражают напряженную политическую жизнь Новгорода. При этом в Синодальном списке яркие события светской жизни обильно смешаны с текущими записями владычной кафедры о переменах в местной иерархии, о построении и освящении церквей, о смертях духовных лиц и т. п. (под 1206, 1207, 1210, 1218, 1224, 1226, 1227, 1229 гг. и др.) При всем том уже из приведенных двух биографий очевиден антисуздалский характер новгородского текста, и в плане светском и в плане духовном. Если мы под этим углом зрения просмотрим те известия Новгородской I летописи старшего извода, о которых сохранились записи Киевской летописи, то сможем сделать несколько любопытных наблюдений.

Рассмотрим содержание этих известий. Под 1203 г. Новгородская летопись не только передает южное сообщение о походе Рюрика с Ольговичами и половцами на Киев, но называет не сохранившиеся в известной нам южной летописи имена половецких князей (Кончак и Данила Бякович)¹⁵¹. Под 1204 г. читается сообщение о походе Ольговичей на Литву,¹⁵² аналогичное тому, что читалось в Киевской летописи.¹⁵³ Между южными известиями о походе Рюрика на Киев и Ольговичей на Литву в Новгородской летописи включено известие о падении Царьграда.

Под 1214 г. следует новгородское сообщение о походе Ростиславичей на Киев. Касаемся этого известия, ибо оно впервые позволяет обнаружить явное пристрастие новгородского автора к Мстиславу Удалому. По просьбе «внуков Ростиславлих» (т. е. Мстислава Романовича Смоленского и Владимира Рюриковича), которых Всеволод Чермный киевский «изгони.. из Руси», князь Мстислав Удалой с новгородцами двинулся через Смоленск на Киев, изгнал Всеволода и, посадив в Киеве Мстислава Романовича, вернулся в Новгород.¹⁵⁴

Однако эта запись в Синодальном списке, при сопоставлении ее с Киевской летописью, оказывается не совсем точной. В Киевской это известие читалось так: «Того же лета Мстислав Романович поиде из Смоленска на Киев (понятно, что летописец считал организатором похода своего князя — В. П.) с братьею с Володимиром Рюриковичем и Костянтином и Мстислав Давыдовичи и Мстислав Мстиславич из Новгорода и Ингвар Ярославич из Лучьска». После победы княжения распределились следующим образом: в Киеве сел Ингвар Ярославич Луцкий, Мстислав Романович получил Вышгород, а в Смоленске обосновался Владимир Рюрикович. Далее, после слов «а Мстислав иде к Новгороду», в Киевской летописи читалось: «потом же управившись, даша Киев Мстиславу Романовичу, а Ингвар опять иде к Лучьску».¹⁵⁵

В связи с этим известием можно отметить следующее. Во-первых, новгородский автор скрыл тот факт, что Мстислав Романович сел в Киеве, видимо, вопреки желанию Удалого, во-вторых, дружественные отношения Мстислава Удалого с Ингваром Ярославичем, сидевшим в центре восточной Волыни, вполне объяснимы. Достаточно сказать, что

¹⁵¹ Новгородская I летопись, стр. 179, имя второго читается и в тексте, заимствованном из Киевской летописи под 1224 г. (стр. 216). Интересно, что и при составлении Комиссионного списка был привлечен южный источник, более полный, чем ныне известный, который знал, что князь Роман послал в Киев постригать Рюрика именно Вячеслава (там же, стр. 179).

¹⁵² Там же, стр. 179.

¹⁵³ J. Dlugossii, p. 177.

¹⁵⁴ Новгородская I летопись, стр. 197.

¹⁵⁵ ПСРЛ, т. VII, стр. 118.

Ингвар не пользовался расположением Романовичей,¹⁵⁶ которые были связаны с изгнанным Всеволодом Чермным¹⁵⁷

Отмстим, наконец, что поход Мстислава на Киев был, вероятно, весьма враждебно принят во Владимире-на-Клязьме, ибо еще в 1211 г. Юрии Всеволодович, будущий князь владимирский, женился на дочери Всеволода Чермного киевского. Это обстоятельство объясняет нам молчание свода Юрия Всеволодовича¹⁵⁸ о походе Мстислава Удалого на Киев, а в дальнейшем — неучастие князя Юрия в совете старейших князей, участников битвы на Калке.

Следующее известие Новгородской летописи, доступное проверке по Киевской, касается событий Липецкой битвы.

Мстислав Удалой, собрав новгородцев, двинулся в поход на суздальских князей, заявив «либо изищу мужи новгородьстии и волости, паки ли головою повалю за Новьград». В этом походе вместе с ним участвовали брат его Владимир Мстиславич псковский, Владимир Рюрикович со смоленцами и Константин Всеволодович ростовский. Мстислав двинулся к Серегеру, освободил от осады город Режицу, где гарнизон возглавлял его дружинник Ярун, и направился к Волге. Тот же Ярун перехватил сторожей Ярослава, облегчив Мстиславу продвижение. Войска пожгли Шешю, Дубну, Коснятин и «все Поволжье» и, наконец, на реке Липеце князь Мстислав разгромил владими́ро-суздальские полки.

Принудив к миру «на своей воле» князя Юрия, Мстислав, «Костянтин и два Володимира» направились к Переяславлю, где скрывался Ярослав Всеволодович. Но Мстислав Удалой почему-то вдруг «не идя к городу, пойма дары, послав, поя дщерь свою жену Ярославлю», а также уцелевших новгородских мужей, захваченных Ярославом, и затем вернулся в Новгород. В Киевской летописи этот поступок Мстислава разъяснен: оказывается, Ярослав сумел найти себе защиту у Константина, ставшего владимирским князем.

В летописи смоленско-киевских Ростиславичей все эти события изложены несколько иначе. Самое вступление Мстислава в Новгород объяснено поддержкой, оказанной ему киевским и смоленским князьями.¹⁵⁹ В описании похода рядом с Мстиславом везде выступает Владимир Рюрикович со смолянами — смоляне участвовали во взятии города Коснятина;¹⁶⁰ в бою Владимир смоленский поставил свои полки против сил Ярослава,¹⁶¹ перед боем дух бойцов укреплял вместе с Мстиславом и Владимир Рюрикович, вслед за новгородцами и смолянами решили биться пешими,¹⁶² отмечены действия дружинника Ибора Михайловича со смолянами,¹⁶³ среди павших отмечен «един смолянин», во время осады города Владимира смоляне, подобно новгородцам, просили пустить их на штурм, «и не пусти их князь Владимир».

Словом, в Киевской летописи это описание похода к Липецу сходно с описанием похода Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича в Галичину, где роль Владимира Рюриковича при Мстиславе достаточно подчеркнута. Несомненно, что это описание вышло из кругов смоленско-киевских Ростиславичей и было призвано отметить кроме мужествен-

¹⁵⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 720, 721, 727.

¹⁵⁷ Там же, стб. 729.

¹⁵⁸ См. о нем М. Д. Присьелков. История русского летописания, стр. 87 и сл.

¹⁵⁹ ПСРЛ, т. VII, стр. 120.

¹⁶⁰ Там же, стр. 121.

¹⁶¹ Там же, стр. 122.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же, стр. 122—123.

ных действий Мстислава Удалого военные доблести будущего киевского князя Владимира Рюриковича.

Этот смоленский рассказ имел вполне светский характер, был полон военно-дипломатических деталей, давал существенные подробности, касавшиеся деятельности князей не только смоленского, но и псковского, и ростовского, и владими́ро-суздальских¹⁶⁴

Иное видим в новгородском тексте, где все внимание сосредоточено на Мстиславе, а сама повесть в значительной степени лишена светского характера. Таким образом, и в этом случае новгородский автор выступает явным сторонником Мстислава. К сожалению, новгородский текст настолько сближен в составе Воскресенской летописи¹⁶⁵ с киевским, что говорить в данном случае о переработке киевского текста в Новгороде затруднительно.

Бесспорно южным является известие под 1219 г., сообщавшее об удачном походе Мстислава и Владимира Рюриковича на Галич: «Поиде князь Мьстислав и Володимир ис Кыева къ Галицю на королевича, и выидоша галициане противу, и чехове, и ляхове, и моравы и угре, и съступишася полкове, и пособи бог Мьстиславу, и въ город Галиць въеха, а королевича руками яша, и с женою, и взя мир с королем, а сын его пусти, а сам седе в Галици, а Володимир Рюриковиць Кieve»¹⁶⁶

Но и это новгородское сообщение (почти дословно совпадающее с южным текстом)¹⁶⁷ верно лишь отчасти, ибо Мстислав далеко не так легко овладел Галичем. В Киевской летописи сохранялись сведения о ходе этой борьбы, мы читаем под тем годом: «Тое же зимы угри выгнаша Мстислава Мстиславича из Галича, а королевич седе в Галиче»¹⁶⁸. Лишь с помощью половцев и князей Ростиславичей Мстислав (обосновавшийся в Торческе), наконец, овладел Галичем¹⁶⁹.

Заметим, наконец, что автор, вносящий в Новгородскую летопись этот южный текст, сделал к нему приписки: он дважды упомянул Киев — «ис Кыева» князья отправились в поход, после похода Владимира Рюриковича сел «Кieve»¹⁷⁰. Между тем в Кieve сидел, как извест-

¹⁶⁴ Сознвая, что в истории летописания пользоваться нужно редакциями и заимствованиями из редакций текстов, а не из летописей вообще, мы здесь не привлекаем сведений, содержащихся в Никоновской летописи, поскольку состав ее для этого периода не изучен. Заметим, однако, что она содержит в данном случае текст весьма близкий к тексту Воскресенской летописи. В описании липецких событий Никоновская летопись содержит такие детали, которые приближают ее текст к памфлету на владимирских князей (например, согласно Никоновской летописи, Всеволодовичи до рати делят между собой будущие княжеские столы, с битвы они бегут «во единой сорочице»). Никоновская летопись содержит похвалы Ростиславичам («яко Ростиславлю племя мудры и храбры» и т. п.). См. ПСРЛ, т. X, СПб., 1862, стр. 72, 74 и др. Лаврентьевская летопись, к сожалению, не содержит материала для суждения о липецких событиях: ростовский летописец князя Константина Всеволодовича избегал подробного описания политических распри. См. М. Д. При-селков История русского летописания, стр. 87 и сл., ср. т. I, вып. 2, стр. 439—440 («Съ оканьный дьявол воздвиже некую котору злу межи князи сыны Всеволожи Костянтином, и Юргемь, и Ярославом и бишася у Юрьеве и одоле Костянтин, но пакы бои и крест четный и молитва отца их и дедня введе я в великую любовь, и седе Костянтин в Володичери на столе, а Юрги Суждали и бысть радость велика в земли Суздальстей, а дьявол един плакаше своея погыбели»).

¹⁶⁵ ПСРЛ, т. VII, стр. 120—124, то же в своде 1479 г. (Уваровский сп. № 1366, лл. 136—141 об.).

¹⁶⁶ Новгородская летопись, стр. 210. Любопытно, что и в Риге следили за действиями Мстислава Удалого. См. Генрих Латвийский Хроника Ливонии, 1938, стр. 185 (под 1217).

¹⁶⁷ ПСРЛ, т. VII, стр. 126.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же, стр. 128.

¹⁷⁰ Новгородская I летопись, стр. 210.

но, Мстислав Романович В Киевской летописи подобных описок, конечно, не было ¹⁷¹

Источником сообщения о битве на Калке для новгородского автора, как и автора «Летописца» Даниила Галицкого, служила летопись, подвергшаяся в Новгороде не менее суровой переделке, чем Холме.

Сравним описание Калкской битвы, данное в Киевской летописи, с тем текстом, который читался в Новгородской синодальной летописи. Для этой цели будем отмечать в тексте Киевской летописи курсивом то, что опущено из нее новгородским автором, а в Новгородской — курсивом то, что им добавлено.

Киевская летопись 1238 г

По грехам по нашим, приидоша языци незнаемые, *при великом князи киевском Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславле Мстиславича. Придоша бо неслышани безбожнии мовитяне, рекоми и татаре*, их же добро ясчо никто не совесть, кто суть и откуда приидоша, и что язык их, и которого племени суть и т д (далее сходно с Новгородской летописью).

Просих же слышахом, яко мнози страны поплениша Ясы, Обезы и Касоги, приидоша же на землю Половецкую, и половцем ставшим, а Юрьи Кончаковичь бе болий всех половець и не може стати противу лицу и, бегающему ему, а половци не возмозше противитися им, псбегоша, и мнози избии быша, и гониша их до реки Днепра, а иних загнаша на Дону и в Лукоморя, и тамо изомроша и убиваемы гневом Божиим ¹⁷²

Как видно, новгородский автор опустил из текста все упоминания о южных князьях, а также подробности о поражениях, понесенных половцами. Иные места подверглись стилистической правке в духе новгородского лаконизма.

Котян «одари все князи руския, глаголаша же к нимъ сие: «нашу землю днесъ одолели татары, а ваша заутра возмут пришед, *то побороите нас, аще ли не поможете нам, то мы ныне иссечени будемъ, а вы наутре иссечени будете* . » и т д ¹⁷³

В других местах опускались весьма существенные данные

и тако думавше много и яшася поссбити Котяню, слушающе моления половецких князей. Бывшу же совету всех князей во граде Киеве, сотвориша сие совет: «лучше бы нам

Новгородская I летопись старшего извода

По грехом нашим, придоша языци незнаемы, их же добре никтоже не весть кто суть и откуда изидоша и что язык их и которого племени суть и т д (далее сходно с Киевской летописью).

.. слышахом бо, яко мнози страны поплениша, Ясы, Обезы, Касоги, и половець, безбожных множество избивша, а инех загнаша и тако изомроша убиваемы гневом Божиим ¹⁷⁴ и т д

.. и одариша князь руських, а речуче тако: «нашу землю днесъ отъяли, а ваша заутра взята будетъ» и т д ¹⁷⁵

и тако думавше много о себе, яшася по пути и начаша вои пристраивати кольцо свою власть, и поидоша съзкупивше землю всю Рускую ¹⁷⁶

¹⁷¹ ПСРЛ, т VII, стр 126, ср свод 1479 г — Уваровский список № 1366, л 143

¹⁷² Новгородская I летопись, стр 215. Далее сходно с Киевской летописью

¹⁷³ ПСРЛ, т VII, стр 129. Далее сходно с Новгородской летописью

¹⁷⁴ ПСРЛ, т VII, стр 129

¹⁷⁵ Новгородская I летопись, стр 215

¹⁷⁶ Там же, стр 216—217. Далее сходно с Киевской летописью

срести их на чюжей земли, нежели на своей», и начаша вои стрити киньдо свою власть Тогда бе в Киеве князь Мстислав, сын Романов Ростиславича, а въ Чрънигове Мстислав Святославичъ Козельский, а в Галиче Мстислав Мстиславич,— ти бо бяху старейшии в Руской земли, князя же великого, Юрья Всеволодовича Суздальского в том совете не было, с ними же князи молодии князь Данило Романович сын Мстиславича, князь Михайло Всеволодичъ Чръниговский, внук Святослава Ольговича, князь Всеволод, сын Мстислава Киевского, а инии князи мнози, тогда же князь великий Половецкий крестися Басты, а Василка же не бе, в Володимери, млад И совокупиша землю Руськую и т д ¹⁷⁷

Редакторская работа новгородского автора иногда в корне меняла смысл текста

Преидоша же вси князи реку Днепр, и поидоша на коних в поле Половецкое, и усретоша татарове полки руския, стрелци же русския победиша их и гнаша в поле балече, секуще их и взяша скоты их, а со стады утекоша, яко всем воем наплънитися скота Оттуду же идоша по них 8 дний до реки Калкы и зашедше за реку за Калку, и послаша во сторожах Яруна с полки и с половци, а сами stanno сташа ту, а князь Мстислав еха вборзе после. Видевшу же ему полки татарския и приехав вооружитися повеле вборзе, а княземъ Мстиславу (Киевскому) и другому Мстиславу (Черниговскому) сидящим во стану и не ведущим того не поведи бо има Мстислав Мстиславичъ зависти ради, бе бо котора межи има велика Видев же се великий князь Киевский бывшее зло и не движеся никамо же с места, стал бе на горе над рекою. ¹⁷⁸

Слышанъше же то князи Русстии, поидоша за Днепр, и поидоша вси въкупе по них же идоша 9 дней и заидоша за Калак реку и послаша въ сторожих Яруна с половьци, а сами станомъ сташа ту Тогда же Ярун съступися с ними хотя битися и побегоша не успевъше ничтоже половци назад и потъпташа бежаще станы русских князь не успеха бо исполчитися противу им, и съмятошася вся и бысть сеця зла и люга. Мстислав же Киевский князь, видя се зло, не движеся с места никамо же ¹⁷⁹ и т д

При помощи произведенного сокращения вина за поражение на Калке была переложена с Мстислава Удалого на Мстислава Романовича Киевского и половцев

Итак, несомненно, что автор новгородского текста использовал Киевскую летопись при описании событий, связанных с битвой на Калке. Он сократил и переработал ее текст, опустив материал, касавшийся половцев и южных князей, включая и упоминание о княжеском совете в Киеве. При этом новгородский автор выдвинул на передний план князя Мстислава Удалого, одновременно сняв с него вину за «которую» с киевским князем, предопределившую печальный исход Калкской битвы. Тождество ряда текстов настолько очевидно, что этого вывода

¹⁷⁷ ПСРЛ, т VII, стр 130 Далее сходно с Новгородской летописью

¹⁷⁸ ПСРЛ, т VII, стр 131 Далее сходно с Новгородской летописью Ср описание событий в Тверской лет. (ПСРЛ, т XV, СПб, 1863, стр 343)

¹⁷⁹ Новгородская I летопись, стр 218 Далее сходно с Киевской летописью

не может поколебать несовпадение даты битвы в анализируемых памятниках¹⁸⁰ При этом Новгородская летопись сохранила нам даже одну деталь киевской, не дошедшую в Воскресенской летописи, но уцелевшую в *Historia Polonicae* Яна Длугоша после битвы на Калке «иных (русских — *В П*) половци побиша и с коня, а иного и с порта»¹⁸¹

Под 1232 г читаем в Синодальной летописи оригинальное известие, идущее от киевского источника сообщение о занятии князем Святославом, сыном Мстислава Романовича, города Смоленска¹⁸²

Бесспорно южным является известие (под 1235 г) о неудачном исходе войны Владимира Рюриковича киевского и Даниила Романовича волынского против Михаила черниговского и Изяслава Мстиславича смоленского Любопытно, что этот текст, внесенный в Синодальный список, сохранил даже южный колорит не знает мены «ч» и «ц» («Рюриковичъ», «Романовичъ», «Всеволодича» и т д), пишет «Данило», «Михайло» и т п В Комиссионном списке этот текст уже «оновгородился» «Рюриковиць» вместо «Рюриковичъ», «галицаны» вместо «галачаны», «Михаил» вместо «Михайло» и т п¹⁸³ Известие 1237 г — о приходе митрополита Иосифа из Никеи в Киев¹⁸⁴ также взято из южного источника Но это не последнее известие, заимствованное из Киевской летописи

Последним является сообщение (под 1238 г) о разорении Рязанской и Суздальской земель Этот текст Киевской летописи, сравнительно нейтрально передававшей чтение северного источника, был передан в Новгороде не менее основательно, чем в «Летописце» Даниила Галицкого

Основная мысль новгородского автора сводится к тому, что «земли же сгрешивши которой любо казнить бог смертью или гладом или наведениемъ поганыхъ»¹⁸⁵ К таким землям автор, без сомнения, относит Суздальскую землю Обращаем внимание на то, что новгородский автор при всех сокращениях текста Киевской летописи сохранил из нее фразу, обидную для Юрия Всеволодовича, который «сам не поиде, не послуша князий Рязаньских молбы, но сам хоте особъ брань створити»¹⁸⁶

Чем это кончилось для Юрия Всеволодовича, новгородский автор показывает, не стесняя себя канонами летописных приличий Когда татары, разорив Рязань, двинулись на Владимир, то князь Юрий «бежа на Ярославль»,¹⁸⁷ но там его татары «обошли около», он было пытался собрать свой полк, но «не успев ничтоже, побеже» Далее следует текст «и бы на реце Сити, и постигоша и, и живот свои скончату», с глухой припиской «бог же вестъ, како скончася много бо глаголють о немъ инии».¹⁸⁸ Если с этим сопоставить владими́ро-суздальский текст, где факт гибели Юрия Всеволодовича освещен тускло, пересы-

¹⁸⁰ ПСРЛ, т VII, стр 132, ср Новгородская I летопись, стр 220

¹⁸¹ Новгородская летопись, стр 219, ср J Dlugossii, p 194

¹⁸² Новгородская I летопись, стр 241 Достойна внимания и запись в Новгородской I лет о иолоде, бывшем повсеместно на Руси «кроме Кыева одного» (см там же, стр 239)

¹⁸³ Там же, стр. 245

¹⁸⁴ Там же, стр 246.

¹⁸⁵ Там же, стр 251

¹⁸⁶ Там же, стр 247

¹⁸⁷ Там же, стр 249

¹⁸⁸ Там же, стр 250, слова «обошли . около» взяты из повествования северного источника, в котором воевода Дорожь сообщает князю Юрию Всеволодовичу «обошли суть нас около Татари» (см. Софийскую I лет ПСРЛ, Л., 1925, в I, стр 211), то же читалось в Киевской летописи (ПСРЛ, т VII, стр 141)

пан молитвами, за которыми следует утверждение «и тако скончася, яко же слышасте», ¹⁸⁹ то нужно признать все это событие достойным внимания историков

Интересно, что новгородский автор не упустил случая сказать кое-что и о москвичах. По его словам, когда татары были у Коломны, то «москвичи же побегоша ничего же не видевше», а татары взяли их город. Примечательно, что рука недовольного московского читателя выскоблила в этом тексте слово «побегоша», придав всей фразе более невинный смысл. ¹⁹⁰

Кончается описание татарского нашествия торжествующим признанием того, что «Новъгород же заступи бог и святая великая и зборная апостольская дерквы святая Софья» ¹⁹¹ и т. п. Все это лишь лишний раз подчеркивает, насколько трудно надеяться найти в Синодальном списке простую передачу южного источника: он почти всегда перерабатывался и приводился в соответствие с запросами местного новгородского общества.

Таким образом, можно полагать, что на протяжении 1200—1238 гг. ряд известий Новгородской первой летописи заимствован из южного источника, притом известий того содержания, которое нами установлено в Киевской летописи. Южный источник Новгородской летописи обрывался на 1238 г., почему завоевание Киева татарами осталось не освещенным в новгородском летописании XIV в. Вопрос о времени включения материала Киевской летописи в состав Новгородской I летописи старшего извода требует специального изучения.

IV

В настоящем разделе мы пытаемся иным путем показать, что в XIII в. в Киеве продолжалась летописная работа, породившая памятник, дальнейшая история которого весьма интересна и свидетельствует о выдающемся значении русского летописания.

Происхождение этого памятника связано с личностью Петра Акеревича, игумена монастыря Спаса на Берестовом в Киеве. Монастырь Спаса в старинном поселении Берестовом упомянут под 1072 г. при игумене Германе ¹⁹² как княжеский монастырь Изяслава, в дальнейшем он находился под покровительством Владимира Мономаха и его рода, здесь был погребен ряд представителей княжеской фамилии. ¹⁹³

Монастырь занимал значительное место в политической жизни, игумены его пользовались доверием княжеской власти. Например, игумен Лука был по настоянию владимирско-суздальского князя Всеволода Юрьевича сделан в 1185 г. епископом ростово-суздальским вопреки воле митрополита Нифонта. ¹⁹⁴

Наконец, в XIII в. при князе Владимире Рюриковиче встречаем еще одного игумена, судьба которого оказалась очень примечательной. Под 1230 г. читаем в своде Юрия Всеволодовича: «Того же лета приходи преосвященный митрополит всея Руси Кирилл к великому князю Гюргю и къ брату его Ярославу и Святославу и къ Константиновичам Василку и Всеволоду и Володимиру от киевского князя от Владимира от Рюри-

¹⁸⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 467.

¹⁹⁰ Новгородская I летопись, стр. 248, ср. стр. 328, см. М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 6.

¹⁹¹ Новгородская I летопись, стр. 251. В своде князя Даниила нечто подобное писалось относительно уцелевшего Холма (ПСРЛ, т. II, стб. 784, 843).

¹⁹² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 181, ср. стб. 232.

¹⁹³ Там же, вып. 2, стб. 348, 363 и др.

¹⁹⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 629—630.

Для нас наибольший интерес представляет именно последний вопрос ¹⁹⁹ Дело в том, что для информирования собора о татарах слово было предоставлено «Петру, архиепископу Руси», который, как стало известно, был изгнан (*exterminatus*) гатарами не только из владычной столицы (*ab archiepiscopatu*), но и из самой земли (*ab ipso regno*), и прибыл из Руси (*de Russia, Ruthenus*) в Лион, чтобы поискать помощи против восточного врага

Архиепископ Петр произвел большое впечатление на соборе В источнике Матвея Парижского он охарактеризован, как «муж честный (*honestus*), умный (*srigitulis*) и веродостойный (*fidelignus*)» Петр не знал ни одного библейского языка (ни греческого, ни латинского, ни еврейского), и это сделало необходимым проверку его личности, но так как он оказался превосходно теологически образованным и *reg-orthum exposuit evangelium* перед самим папой, ²⁰⁰ то все сомнения отпали, и он был допущен произнести свою речь на соборе по-русски, с тем, чтобы толмачи ее перевели О личности этого архиепископа Петра имеется обширная историография, пересмотр ее и в основном правильное фактическое решение вопроса дано С Томашевским Решению вопроса способствовало то, что, с одной стороны, в католической церкви титул «архиепископа» (если только он не *in partibus*) тождествен титулу митрополита и что, с другой стороны, в русской церкви митрополит также считал себя архиепископом ²⁰¹ Допустив, что выступавший в Лионе Петр был митрополитом, исследователь попадает в выгодное положение, ибо имеет географическое определение его местопребывания — город Киев

Изучение известий источников о киевских митрополитах XIII в (Матвей, ²⁰² Кирилл, ²⁰³ Иосиф ²⁰⁴) показывает, что эти известия носят случайный характер ²⁰⁵ Из этих известий, между тем, видно, что в 1233—1237 гг. митрополичья кафедра была вакантна, в 1237 г прибыл грек Иосиф, исчезнувший в бурные дни разорения Киевщины татарами, с 1237 по 1250 г. ²⁰⁶ нет известий о русских митрополитах Таким образом, имеется хронологический обрыв в 14 лет, который нечем восполнить, так как Киевская летопись кончалась 1238 г

Чтобы понять, кто мог в это время быть номинальным митрополитом, нужно проследить судьбу Киева за эти годы С 1200 по 1240 г в Киеве произошло много смен князей, дольше других княжили только

¹⁹⁹ Материал о нем мы имеем лишь в двух английских хрониках Матвея Парижского, монаха сент-албанского монастыря, и в анонимной хронике буртонского монастыря (*Rerum Britannicarum medi aevi scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages Matthaei Parisiensis, monachi S. Albani, Chronica Majora*, ed by H. G. Luard, vol IV (1240—1247) London, 1877, *Annales Burtonenses Annales Monastici* Ed by H. G. Luard, vol I London, 1864 Мы пользуемся другим изданием *Monumenta Germaniae Historica Scriptores, t XXVII, Hannoverae, 1885, pp 474—475*

²⁰⁰ *Annales Burtonenses*, p 474

²⁰¹ Так, например, митрополит Кирилл в 1270 г говорил новгородцам «Мне поручил бог архиепископию в Русьской земли, вам слушати бога и мене» [Новгородская I летопись, стр 294] «Архиепископом» называл киевского митрополита Кирилла и русские боярин Яков-Святослав (XIII в), служивший болгарскому царю Константин-ну (см А Востоков Описание рукописей Румянцевского музея, стр 290—291)

²⁰² ПСРЛ, т I, вып. 2, стб. 435 (1210), 438 (1214), 445 (1220)

²⁰³ Там же, стб 441 (1224), 448 (1226), 449 (1227), 450 (1228), 456 (1231) — нет даты смерти, ПСРЛ, т II, стб 753, Новгород. I лет стр 233 (1230), 242 (1233 — дата смерти)

²⁰⁴ Новгородская I летопись, стр 246 (1237 — дата прибытия в Киев)

²⁰⁵ Е. Е. Голубинский История русской церкви, М., 1880, т I (первая половина тома), стр 279 и др

²⁰⁶ ПСРЛ, т I, вып 2, стб 472

Мстислав Романович (погиб на Калке) и его преемник Владимир Рюрикович Последний держался союза с Мстиславом Удалым, а затем — с Михаилом Черниговским. Однако, когда князь Даниил Романович Галицкий, собрав волынские земли, вступил в борьбу за Галичину, то в 1233 г. Владимир Рюрикович перешел на его сторону, порвав с черниговским князем.

Столкновение волынского и киевского князей с Михаилом Черниговским кончилось блестящей победой Михаила. Он занял Киев, посадив в нем своего союзника Изяслава Мстиславича смоленского, а сам двинулся в Галичину и овладел ее столицей. При этом черниговский князь опирался на помощь враждебного Даниилу галицкого боярства и болоховских князей и имел еще поддержку польского князя Конрада Мазовецкого и венгерского короля Белы IV.

С другой стороны, и галицко-волынские князья предприняли активные действия, ища союзников в Литве, у владими́ро-суздальских князей и враждебного Венгрии Фридриха II австрийского. Однако вмешательство Ярослава суздальского не изменило положения. Правда, он занял Киев, но не смог его удержать, вытесненный Михаилом Черниговским, который сел в Киеве сам (в 1237 г.), а в Галиче посадил своего сына Ростислава.

«Летописец» Даниила Галицкого отметил эти события сдержанно, но вполне ясно. Ярослав «не мога его (Киев — В П) держати, иде паки Суждалю, и взя под ним Михаил, а Ростислава сына своего остави в Галичи, и отъяша от Данила Перемышль, бывшую же межю ими овогда миру, овогда рати»²⁰⁷. Это была вершина успехов князя Михаила Черниговского. Но княжить ему пришлось недолго. Татары уже двигались по земле болгарской (1236), прошли по Рязанщине, Суздальщине (1237—1238), разбили половцев (1238) и повернули на левобережную Украину (1239). Пали Чернигов, Переяславль, не стало союзных половцев, князь Михаил оставил Киев и покинул Русь.

Тогда в Киев двинулся Даниил Романович Галицкий, и ему удалось завладеть стольным городом и посадить в нем своего наместника Дмитра. Однако татары направились к Киеву, с боем заняли и разрушили его и ушли на запад.

Нашествие татар не прекратило феодальных междоусобий. Первое время Киев был вообще без князя, но едва татары скрылись в горных проходах Карпат, как князь Михаил Всеволодович, успев помириться с Даниилом Галицким, вернулся с сыном из Польши в Киев (1241) и поселился на острове на Днепре. Ярослав Всеволодович пока не вмешивался в киевские дела, выжидая, князь Даниил Романович — также. Сколько времени просидел Михаил Черниговский на киевском столе — неизвестно. Но в 1245 г. Киев уже не принадлежал ему, ибо здесь сидел тысяцкий — воевода Ярослава Всеволодовича Дмитр Ейкович, его здесь видели в 1245 г. — и князь Даниил Романович²⁰⁸ и францисканец Иоанн де Плано-Карпини²⁰⁹.

В это время Киев потерял свое значение не только столицы, но и дипломатического и церковного центра — старая система церковно-политического устройства рухнула, новая еще не сложилась. Борьба за право иметь свою митрополию развернулась между северо-восточным и юго-западным княжествами. Как известно, в течение всего существования русской церкви она находилась в тесной связи с Византией, получая

²⁰⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 777.

²⁰⁸ Там же, стб. 805.

²⁰⁹ И де Плано-Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 45.

от последней митрополитов — греков. За все время имели место лишь два исключения при Ярославе Мудром в 1051 г и при Изяславе Мстиславиче — в 1147 г. В 40-х годах XIII в. выдвинулось новое положение, но все же князь, владевший Киевом в 1237—1239—1244 гг и пожелавший обзавестись своим митрополитом, должен был примириться с тем, что власть его митрополита кончалась там же, где власть самого князя. Таким князем киевским был Михаил Черниговский. Он, очевидно, и поставил игумена Петра Акеревича в «митрополиты».

Галицко-волынский князь, естественно, не признавал этого постановления, так как имел своего кандидата в митрополиты — боярина печатника Кирилла, а заняв Галич и Перемышль (1242—1246), изгнал оттуда епископов, сторонников черниговского князя, при этом епископ Артемий Галицкий успел бежать в Венгрию, а перемышльский владыка — не успел, княжеский дворский Андрей «удоси владыку и слуги его разграби гордые», епископ угровский Асаф, объявивший себя митрополитом, был «свержен» князем Даниилом «стола своего», причем епископия в Угровске была закрыта.

О владимирско-суздальском княжестве сведений не имеем, но можно догадаться, что и там Петра вряд ли признали. Ярослав Всеволодович по возвращении татар из европейского похода вступил с ними в соглашение в 1243 г. он отправил сына Константина в Монголию, а затем получил от Батыя назначение «Ярославе, буди ты старей всем князем в русском языке». ²¹⁰ С этим связан, конечно, переход Киева под руку Ярослава Всеволодовича уже в 1245 г. Михаил Черниговский с Ростиславом и митрополитом выехали в Венгрию, где Ростислав женился на дочери короля Белы IV. Констанция. Однако князь Михаил не ужился при венгерском дворе, где король и сын «чести ему не створиста». Он оставил Венгрию и возвратился в Чернигов, а архиепископа Петра направил к папе выяснить возможность получения помощи против татар. Это было вполне естественно для князя, долгое время связанного союзом с Венгрией, кроме того, на это же время падают оживленные переговоры курии с рядом русских князей. Михаил был из них самый неудачливый: он вскоре был убит в ханской ставке; сын его Ростислав, потерпев полный разгром от войск князя Даниила Галицкого, остался в Венгрии в качестве бана, следы же «архиепископа» Петра затерялись в далекой Франции. Но английские хроники сохранили нам изложение речи, произнесенной им на Лионском соборе в 1245 г. ²¹¹ Речь была построена в форме ответов на вопросы, поставленные ему собором.

Всего ему было задано 10 вопросов: 1) о происхождении татар и начале их завоеваний; 2) об их вере; 3) об их образе жизни; 4) об их обрядах и верованиях; 5) об их храбрости и способности воевать; 6) об их численности; 7) об их внешнеполитических замыслах; 8) о верности их в соблюдении международных договоров; 9) об их отношении к иноземным послам; 10) о том, как они переходят моря и реки.

Он ответил примерно следующее:

1) Татары — это остатки медиантов, которые бежали перед Геденом и скрылись в северо-восточных окраинах мира — в великой и страшной пустыне Этреской. Имели они 12 начальников, старший из них — Татар-хан, откуда и произошло их название. От него произошел Чирхан (Чнархан), имевший трех сыновей — Тесирхана, Чурихана (Куртихана) и младшего Бататархана. Хотя жили они между высокими, почти непроходимыми горами в пещерах и в диком состоянии, но

²¹⁰ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 470 (1243).

²¹¹ *Annales Burtonienses* pp. 474—475.

34 года тому назад они вышли из своих обиталищ под руководством Чирхана и его трех сыновей на завоевания Побужденные Курсевою, зятем Салбатина, они обложили и заняли большой город Орнак, принадлежавший Салбагину; самого Салбатина поймали и убили, а за Курсевою гнались через разные земли и опустошали каждую, что принимала его у себя, среди них была опустошена и Русь 26 лет тому назад По смерти отца три брата разделились, увеличив свои силы за счет подчиненных кочевников, и продолжали завоевания Тесирхан пошел на вавилонян, Чурихан — против турок, а Бататархан, оставшись в Орнаке, выслал своих князей против Руси, Польши, Венгрии и других земель Все трое думают далее идти на Сирию и соседние страны

2) Их вера Они верят в единого владыку света, отправляя посольство к русским, они дали такой пароль «Бог и его сын — на небе, а Чирхан — на земле!»

3) Об образе жизни Они едят конское мясо, собачье и все другое нечистое, а в нужде даже и человеческое, но только вареное Пьют кровь, воду и молоко, за злодеяния карают сурово, за некоторые воровство, мужеложство, ложь и человекоубийство — смертной казнью Многоженство дозволено Иноземцев не допускают к своей жизни, деловым соглашениям и тайным планам. Станы свои располагают отдельно от других, а чужого, входящего туда, убивают

4) Их обряды Каждое утро возводят руки к небу в честь творца Если едят, то первый кусок бросают в воздух, если пьют, то часть — льют на землю, в честь творца. Они говорят, что руководителем их является святой Иван В новолуние у них бывает много веселья

5) Они сильнее и проворнее нас и легче переносят невзгоды, так и кони их и скот Женщины ездят на конях и сражаются, как мужчины, и хорошо стреляют из лука Оборонительное оружие сделано из шкур, наложенных одна на другую, и его нельзя проколоть, наступательное оружие — железное Имеют различные осадные машины, которые стреляют точно и сильно Спят под открытым небом, невзирая на погоду

6) О числе. Из всех вер и наций много народа соединилось с ними по воле и поневоле

7) Об их замыслах Говорят, что они по воле неба будут угнетать мир 39 лет, чтобы очистить его мечом так, как когда-то кара божия очистила его потопом Они верят, что будут иметь тяжелую борьбу с католическим миром, но не знают, кто одолеет

8) О договорах Татары соблюдают их по отношению к тем, кто поддался им добровольно они берут у них воинов, которых перед боем посылают вперед, берут и ремесленников Но они беспощадны к тем, кто восстает против них, не признает их власти или даже ожидает их нападения

9) Послов принимают, снаряжают и отсылают ласково

10) Реки переплывают на конях или на специальных мехах; в трех местах они изготовляют морские суда Еще Петр добавил, что один из знатных татар, зять Чирхана Калалидин (Калаладин) живет, как изгнанник на Руси его уличили во лжи и лишь благодаря жене его помиловали от смерти

Таково содержание выступления Петра Акеровича на Лионском соборе Хотя это запись со слов толмача и хотя Петр говорил о многом, чего сам не видел, но в целом его сообщение выдерживает историческую критику, достаточно для этого сопоставления его рассказа с тем, что сообщал доминиканец Юлиан²¹² (1237—1238) или Плано-Карпини

²¹² С. А. Аннинский Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе Исторический архив, т. III.

Для историка летописания наибольший интерес представляет ответ, данный Петром Акеровичем на первый вопрос Нетрудно заметить, что этот ответ дан в полном соответствии с известным «Откровением Мефодия Патарского» Это произведение III—IV вв отчасти комбинировало библию, отчасти предсказывало будущее К выступлению Петра Акеровича непосредственное отношение имеет следующий отрывок, который берем из текста так называемого первого славянского перевода по определению В Истрина ²¹³ В этом отрывке сообщается, что бог сотворил милость израильтянам — «избави е от ных Гедеономъ от работи сыновъ Измаилев, *иже Гедеономъ исече вое их и прогна е в пустыню Египта, отнуду же беху изышли ест же имъ приити единою и пленити землю и прияти землю Египта до Ефиопии и от Ефрат и до Индией и от Тигра до места Мунтова царства сына Ноева и от севера до Рима и до Лурика и Гигита и Солуня и Орование даже и до моря Понтийская и будетъ съгуб ярьмъ не выи всемъ странамъ, и несть языка или царства под небесемъ, иже могутъ противустати имъ до числа летъ седми седмиц и потомъ побеждени будутъ от Грьк »*

Как ни интересно это совпадение отрывка «Откровения» с текстом речи Петра Акеровича, сохраненным английскими хрониками, гораздо любопытнее то, что «Откровение» получило широкое распространение на Руси после Калкской битвы, и отрывок из него читался в тогдашних летописных сводах ²¹⁴

Просмотр этих чтений позволяет предполагать, что вскоре после битвы на Калке в Киеве возникло «Сказание» о татарах, где происхождение их велось от народа, упомянутого в «Откровении», и где, видимо, содержалась историческая генеалогия татарских ханов ²¹⁵ Сравнение летописных текстов обнаруживает, что это «Сказание» более глубокий след оставило в Новгородской летописи. Сравним тексты записи в Буртонской хронике с текстом Новгородской I летописи старшего извода

Том же лете по грехам нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никтоже не весть, кто суть, и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их, а зовуть я татары, а ниии глаголють таурмеки, а друзии печенежи, *инии же глаголють, яко се суть о них же Мефодий Патаромский епископ рече, яко си суть изышли из пустыни Египетския суща межю востокомъ и севером Тако бо Мефодей глаголетъ, яко скончанию временъ явитися тем, яже загна Гедеономъ, и поплени всю землю от восток до Ефранта и от Тигра до Понтийского моря, кроме Ефиопии Бог один весть кто суть и отколе изидоша, премудрии мужи ведятъ я добре, кто кнѣги разумеетъ, мы же их не ведемъ, кто суть, нъ сде въпишемъ о нихъ памяти ради русскихъ князей и беды, яже бысть от нихъ имъ.* ²¹⁶

Primo de ipsorum origine dicit Quod reliquae Madiatarum fugientes a facie Gedeonis usque ad remotas partes orientis receperunt se in quodam deserto quod dicitur Ethreu. Illi autem habebant 12 duces, quorum maior dicebatur Tatarcan, a quo Tartari dicti sunt. Ab illo autem descendit Chyrkan, qui habuit tres filios Homen primogeniti Thessirican, nomen secundi Curthican, nomen tertii Bathatarcan Qui quamvis essent montibus eminentissimis et quasi immeabilibus circumdati, provocati tamen a Curzeusa, nepota Salbatin, domini cuiusdam magne civitatis, que vocatur Ornac, exierunt, pater scilicet et tres eius filii, cum magna multitudine armatorum, et interfecto Salbatin, et Ornac civitate eius occupata, Curzesam, nepotem eius, per multas provincias insecuti sunt Provincias vero ipsum recipientes devastaverunt, inter quas pro magna parte devastata est Russia, iam sunt 26 anni

²¹³ В Истрина Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила Исследования и тексты М., 1897, стр 87—88, стр 104—105

²¹⁴ Ср ПСРЛ, т I, вып 1, стб 234 (под 1096 г).

²¹⁵ Об этом «Сказании» слышал в 1237—1238 гг и венгерский доминиканец Юлиан (С Аннинский. Указ соч., стр. 90)

²¹⁶ Новгородская I летопись, стр 215, ср ПСРЛ, т I, вып 2, стб 445—446

elapsi Mortuo vero parte tres fratre ab invicem sunt divisi Tessirican autem ivit contra Babilonios, Curthican contra Thurocos, Bathatarcan remansit Ornachi et misit principes suos contra Russiam, Poloniam et Hungariam et alia multa regna Qui quidem tres cum suis exercitibus modo circa partes intimas Sirie sunt coniuncti Et iam, ut dixerunt, transierunt circiter 34 anni, ex quo exierunt de deserto Ethreu²¹⁷

Из сравнения этих отрывков видно, что новгородский автор почему-то не считал нужным переписать полностью то «Сказание» о татарах, которое читалось в источнике Новгородской летописи. Но в этой летописи случайно сохранились в полулегендарном тексте имена татарских воевод — Чыгырхан и Тешюхан — имена, происхождение которых не может вызвать сомнений²¹⁸ и которые едва ли отличаются от имен, упомянутых Петром Акеровичем в Лионе Chyrcan и Thersyrcan (Thesycan, Tessirican).

Мы видим, таким образом, что игумен Спаса на Берестовом Петр Акерович, став «митрополитом» и выступая по поручению князя Михаила Черниговского на Лионском соборе в 1245 г., использовал киевское летописное «Сказание». Последнее положение подтверждается сравнением текста английской хроники, содержащей изложение речи Петра Акеровича, с текстом Новгородской летописи, сохранившей отрывок «Сказания» о татарах.

Подведем некоторые итоги

1) Изучением ряда летописных текстов московской, юго-западной и северной редакции, а также русского летописного материала, отраженного в *Historia Polonicae* Яна Длугоша, устанавливается существование Киевской летописи князей Ростиславичей, доводившей свое изложение до 1238 г.

2) Киевская летопись 1238 г. примыкала к своду Рюрика Ростиславича, она вошла в качестве одного из источников в состав как галицко-волынского «Летописца» князя Даниила Романовича, так и Новгородской I летописи старшего извода.

3) Правомерность существования в Киеве этой поры самостоятельной летописной работы и появление подобного летописного памятника подтверждаются тем, что один из текстов этого летописания, как выясняется из английских хроник, послужил источником речи Петра Акеровича для его выступления на Лионском соборе 1245 г.

4) Анализ приемов работы областных летописцев (владимирово-волынского, новгородского и отчасти киевского) обнаруживает, что в основе деятельности каждого из них лежало стремление обосновать приоритет своего княжества во всей Русской земле и оправдать права местного князя распоряжаться ее судьбами.

²¹⁷ *Annales Burtonienses*, p. 474

²¹⁸ Новгородская I летопись, стр. 218—219

О. Д. ЧЕХОВИЧ

СОБРАНИЕ ВОСТОЧНЫХ АКТОВ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКИСТАНА

В коллекции документов, принадлежащей Институту по изучению восточных рукописей Академии Наук Узбекистана, насчитывается всего 2338 восточных актов, относящихся ко времени XVI—XX вв

По месту происхождения они распределяются следующим образом: большинство документов — свыше 1500 — происходит из Бухары, около 100 актов — из Хорезма, около 50 — из Самарканда, 97 — из долины реки Кашка-Дарьи, 24 — из Ходжента и Ферганы и 9 документов — из Аравии. Последние относятся к началу XX в и составлены были для бухарского эмира Абдул-Ахада и для некоторых сановников его, в том числе для известного Астанакула-кушбеги, в связи с покупкой ими недвижимостей в Мекке и Медине и учреждением вакфов, т. е. постоянных источников доходов в пользу мусульманских святынь.

Если подразделить наши документы по группам, как они делились в местном делопроизводстве того времени, то состав их примет следующий вид: в коллекции имеется 55 *инаят-намэ*, т. е. жалованных грамот, и *ярлыков*, данных среднеазиатскими ханами разным лицам за период с XVI до XX в., 66 *вакф-намэ*, т. е. документов об изъятии недвижимостей из частного оборота и обращении их с благочестивой целью в пользу религиозных, общественных учреждений и в пользу потомков жертвователя, 120 *риваятов*, т. е. юридических заключений муфтиев (законоведов) с ссылками на авторитетные труды по мусульманскому праву по поводу разных конфликтов. *Риваяты* эти относятся, главным образом, к XIX в.; 104 *мубарак-намэ*, т. е. извещений или распоряжений, исходивших от бухарских эмиров, несколько *махзар-идава* — исковых заявлений частных лиц к казиям (судьям), заявления эти составлялись по строго определенной форме писцами канцелярии казия и нередко имеют на обороте записи о ходе процесса и решения судьи. Далее, имеется около 29 *хат-и ибра* или *васика-и ибра* — актов, составлявшихся обычно в результате тяжбы и содержащих заявление об отказе от претензий истца к ответчику за определенную компенсацию, размер которой устанавливался путем примирительных переговоров при посредстве особых служащих канцелярии казия, около 1000 *васика-и батот*, т. е. купчих на земли, воды, сады, дома с дворами, мельницы, каравансарай и прочие недвижимости, этого вида документы имеются для времени, начиная с XVI до XX в., так что они хорошо отражают процесс развития оборота недвижимостей в стране, а также и эволюцию формы самих документов. Особый интерес представляют ханские купчие XVI—XVIII вв., составленные от имени бухарских ханов. Имам-кули (1611—1643), Абдул-Азиза (1645—1680), Субхан-кули (1680—1702) Убайдуллы-хана (1702—1711) и др., из которых видно, что сделки

по купле-продаже земли иногда сопровождались особыми операциями по превращению земель одного юридического вида в другой. Затем имеется 35 актов о закладе недвижимостей, несколько дарственных, меновных и арендных, а также многочисленные ариза, т. е. прошения и донесения эмиру Бухары.

Большинство «ариза» относится ко времени последнего бухарского эмира Сеид-Мухаммед-Алима (1910—1920). Для изучающих историю революционного движения в Бухаре в эпоху, предшествовавшую Февральской и Октябрьской революциям, здесь есть интересный материал: например, донесение о волнениях в районе Ваганзи, вследствие которых был отстранен от должности казий Сеид-Мухаммед-ходжа, донесение правителя области Чирагчи о массовом бегстве жителей Кайрама вследствие недостатка воды, запущенности системы орошения и переобременения налогами, сообщение Астанакул-бека о проводившейся им мобилизации среди жителей Хатырчи, донос о «бунтовщиках» в Бальджуане, сообщение о восстании жителей Янги-Кургана в связи с с налогообложением и неправильным установлением цен при переводе натурального налога в денежную форму, о помощи бухарцев отряду Красной Армии в 1918 г. в Хатырчи и др.

Имеются еще тил-хат — частные долговые расписки, хати и крари — признания в отношении долговых или иных обязательств, засвидетельствованные в канцеляриях казиев, хати-и тарика — акты о разделе наследств, хати-и ваколят — доверенности, хати-и шаджара или насаб-намэ — родословные грамоты, руи хат, дафтар и некоторые другие виды.

Все ханские грамоты рассматриваемой коллекции можно разделить на две группы: тарханные ярлыки и ярлыки пожалования чинов и должностей. К первой группе относятся тарханный ярлык Абдуллы-хана бухарского, данный джуйбарским ходжам в 1588/89 г., и 15 ярлыков хорезмских ханов с XVII по XX в. Ко второй группе относятся ярлык Абдул-Азиз-хана, пожалованный в 1660 или 1661 г. Шах-ходже Хусейну на должность раиса, два ярлыка эмира Насруллы (1825—1860) на должности казиев Катта-Кургана и Панджамбе, два ярлыка эмира Музаффара (1860—1885), из которых первый был пожалован его сыну Мир-Абдул-Мумину, назначенному правителем Гузара, и второй — Мухаммед Шериф-бию на чин первоначи, 13 ярлыков бухарского эмира Абду-Ахад-хана с пожалованием разных чинов и должностей. Из ярлыков последнего эмира Сеид-Мухаммед-Алима один содержит пожалование селения в качестве танхо (вид бенефиция) сановнику Рахманкул-бек-бию в местности Харкан-руд (современный Гиждуван), остальные 14 грамот последнего эмира представляют акты о пожаловании должностей казиев, раисов, правителей областей и мударрисов. Кокандских ярлыков два, они относятся к середине XIX в. и даны Худояр-ханом и Алим-ханом лицам, пожалованным чинами додхо и ишик-агасы.

Среди вакуфных документов описываемого собрания имеется Вакф-намэ-и авлэд, т. е. акт о вакфе в пользу потомков Ходжи Мухаммед Ислама Джуйбари от 1575 г., вакуфная грамота джуймарских шейхов на лавки, мельницы, гончарные мастерские и другие предприятия в Бухаре, затем вакф-намэ XVII в. Абдурахима-ходжи на каравансарай и лавку около мечети Магок, баню Каппа, участок земли по улице мечети Поянда и другие интересные для исторической топографии места в Бухаре. Имеется еще поздний (1813) вариант вакуфных грамот знаменитых самаркандских медресе Ширдар и Тилля-Қари и около 20 вакуфных грамот из Ходжента.

В этой же коллекции находятся вакуфные документы Ходжи Ахрара, которые изучал В. Л. Вяткин и на основании которых он сделал ряд поправок к труду В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», справедливость этих поправок признал впоследствии и сам В. В. Бартольд.¹ Этот объемистый свиток с грамотами Ходжи Ахрари, длиной в 18 метров, числящийся в нашей коллекции под № 18, был переписан в конце XVIII в., что видно из его палеографических особенностей и из приложенной печати эмира Маасума. В. Л. Вяткин считал, что он переписан с оригинала, составленного частью в 1488 и частью в 1460 г. Чтение документа убеждает нас в том, что дата 864 г. х. (1460 г. н. э.), содержащаяся во втором документе этого свитка, является не датой учреждения вакфа, а датой покупки некоторых из недвижимостей, обращенных в вакф позднее.

При составлении вакуфного документа в него был включен почти целиком, вместе с датой, текст нескольких купчих, так что вторая из названных В. Л. Вяткиным дат к данному вакуфному акту собственно не относится.

Позднюю копию третьего из документов этого свитка изучал в 1902 г. В. В. Бартольд.² Основываясь, повидимому, на дате, которая содержится в подтвердительном постановлении казия, В. В. Бартольд предположил, что временем составления подлинника был 940 г. х. (1533 г. н. э.). Но в вводном арабском славословии, которое опущено в опубликованном В. В. Бартольдом тексте (быть может, оно отсутствовало в читанном им экземпляре), употреблены по отношению к Ходже-Ахрару такие выражения, которые могли быть адресованы только к живому в то время человеку, стало быть, акт был составлен при жизни Ходжи-Ахрара, т. е. не позже 1489 г.

В Центральном историческом архиве УзССР недавно найден еще один экземпляр этих грамот Ходжи-Ахрара, который переписан в конце XV или в начале XVI в. и, как видно, не был известен ни В. Л. Вяткину, ни В. В. Бартольду. Список заверен печатью казия Абдул-Авваля, сына Абдул-Вахида. Не может быть, чтобы этот очень небрежно, со многими ошибками переписанный экземпляр был основным подлинником, сличение его со списком Института по изучению восточных рукописей, изучавшимся В. Л. Вяткиным, показало, что он переписан с какого-то другого оригинала и может считаться наиболее полным из всех известных пока списков грамот Ходжи-Ахрара. Весьма существенные все же пробелы этого экземпляра удачно восполняются списком Центрального исторического архива УзССР. Так, например, конец первой грамоты, утраченный в свитке, принадлежащем Институту, сохранился в списке Архива и содержит интереснейшее перечисление обращенных Ходжей-Ахраром в вакф бытовых предметов — скота, сельскохозяйственных орудий и рабов. Эта часть грамоты осталась, видимо, неизвестной В. Л. Вяткину, который писал, что вакуфные рабы фигурируют только в одной грамоте — в вакф-намэ мавзолея Ишрат-хана.³ Другие части документа, утраченные в экземпляре Архива, сохранились в грамоте Института, так что эти списки удачно дополняют друг друга. В той части, которая сохранилась в обоих списках, находка второго

¹ См. рец. на Справочную книжку Самаркандской области, вып. VII в ЗВО, т. XV, стр. 050—056.

² Отчет о командировке в Туркестан в 1902 г., ЗВО, т. XV, стр. 262—269.

³ Неопубликованная рукопись № 1288 Института истории компартии при ЦК КП(б) Узбекистана.

экземпляра позволила исправить описки, уточнить чтение собственных имен и географических названий

Из всей богатой коллекции Института по изучению восточных рукописей опубликованы только единицы полвека тому назад А. А. Диваев издал в тексте и переводе на русский язык приписывавшуюся Тимуру вакуфную грамоту № 10. Она напечатана в Протоколах заседаний и сообщениях Туркестанского кружка любителей археологии за второй и третий годы его существования и в газете «Туркестанские ведомости», в № 39 и 41 за 1901 г. Упомянувшиеся выше вакуфные грамоты Ходжи-Ахрара частично использованы В. Л. Вяткиным в работах «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета»⁴ и «К исторической географии Ташкентского района»⁵. Затем Н. П. Остроумов опубликовал в переводе с комментарием ярлык № 5 описываемой коллекции, тоже приписывавшийся Тимуру, в «Туркестанских ведомостях», № 254 и 255 за 1910 г. Далее А. А. Семенов опубликовал несколько десятков документов в работах «Образцы таджикских официальных документов»⁶ и «Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства»⁷ и, наконец, И. И. Первышев опубликовал несколько актов в журнале «Социалистическая наука и техника», № 7 за 1935 г.

По поводу вакуфной грамоты и ярлыка, приписывавшихся Тимуру, необходимо заметить, что они были опубликованы без предварительного исследования вопроса об их подлинности и достоверности. Несколько это видно из публикаций, палеографические особенности этих актов не подвергались специальному изучению.

Первый из опубликованных документов — вакуфный акт № 10 нашего собрания числится в инвентарной описи Института, как вакуфная грамота мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане, данная эмиром Тимуром. Он попал в коллекцию из собраний Туркестанского кружка любителей археологии. В протоколах этого кружка отмечено, что грамота была представлена военному губернатору Сыр-Дарьинской области группой жителей города Туркестана, просивших о восстановлении вакфа и связанных с этим налоговых льгот. Затем грамота попала к советнику областного правления, активному члену Туркестанского кружка любителей археологии Е. Т. Смирнову, который передал ее вице-председателю кружка Н. П. Остроумову. 29 августа 1897 г. она была доложена собранию упомянутого кружка, причем Н. П. Остроумов обратил внимание на сходство некоторых выражений ее с оборотами речи жалованных грамот русских князей. Тогда же было решено издать этот документ полностью, что и было выполнено в следующем году. Вопрос о подлинности этой грамоты, повидимому, не ставился под сомнение и вообще не поднимался. Не было замечено, что золотая печать сверху документа не принадлежит ему, она оттиснута на бумаге совершенно другого рода, кусочек которой ловко вклеен между изорванными и подклеенными частями полей этого акта. Общий вид его и особенно цвет поблекших, водянистых и рыжеватых чернил, какие нигде на подлинных актах не встречаются, заставляют совершенно утвердиться в мысли, что здесь мы имеем дело с грубой подделкой.

Опубликованный Н. П. Остроумовым ярлык № 5 был вывезен из Хивы исполнявшим обязанности дипломатического чиновника при

⁴ Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902.

⁵ «Туркестанские ведомости» № 101 за 1900 г. и Протоколы зас. и сообщ. Туркестанского кружка любителей археологии, год V, Ташкент, 1900.

⁶ Издание Турк. Восточного ин-та, Ташкент, 1923.

⁷ Труды САГУ, сер. II, вып. 1, Ташкент, 1929.

туркестанском генерал-губернаторе А. Д. Калмыковым, который получил его в подарок во время служебной командировки к хивинскому хану. Этот документ представляет лист грубой желтой бумаги, легко расслаивающейся при сломе, покоробленной, потрескавшейся во многих местах и в таком виде приклеенной к куску пестрой материи. Неизвестно, на каком основании Н. П. Осгроумов считал, что эта бумага китайская. Размер документа 29×47 см. Он состоит из одиннадцати строк, написанных арабскими буквами. Почерк до странности сходен с тем, каким писались бухарские ярлыки и другие грамоты во время эмира Хайдара (1800—1825) и некоторое время до и после этого. Ничего общего с почерком среднеазиатских документов XIV в., как мы их знаем по известным подлинникам и публикациям,⁸ в этом ярлыке нет. В правом верхнем углу документа оттиснута черной краской печать миндалевидной формы с надписью «Эмир Тимур, сын Тарагая, баходура». Ярлык написан на тюркском языке, но большинство слов и выражений его — арабско-персидского происхождения. Этим наш ярлык резко отличается от документов татарских ханов того же времени, в которых, по подсчету В. Радлова, только до 8% нетюркских слов. Так, например, блюстители порядка на базарах, названные в золотоордынском ярлыке «базарда турганляр», в нашем ярлыке обозначены словом «мухтесиб», наряду с термином «ярлык» здесь употреблено название «инаят-намэ» и такое выражение «хукм-и хумаюн-и джехан панохи». Вообще, этот ярлык во многих частях представляет как бы дословный перевод с персидского образца, с другой стороны, в нем есть и от монгольской формы, например, обязательное во всех среднеазиатских ярлыках «сузум», что является, по мнению В. В. Бартольда, турецким переводом монгольского выражения «утэ ману» — «слово наше».⁹

Документ содержит изъявление воли Тимура подтвердить привилегии в уплате налогов, которыми пользовались проживавшие в Хорезме потомки арабского полководца и правителя Хорасана Абу-Муслима, убитого в 755 г н э. Дата документа — 780 г х (1378 г н э) совпадает со временем четвертого похода Тимура на Хорезм. Главным основанием для заподозрения этого документа в неподлинности является его почерк. Но если это подделка, то совсем иного рода, чем подделка вакуфной грамоты № 10, упоминавшейся выше. Судя по бумаге, чернилам и почерку, она могла быть сделана в конце XVIII или в начале XIX в.

Известно много случаев подделок старых среднеазиатских документов, их подделывали ради получения вакуфных доходов, налоговых льгот и пр. Примером древней подделки грамоты Тимура, якобы данной сейидам местности Сыгнак, Ташкентского района в 1401 г, является ярлык, который хранился в деле № 197 Сыр-Дарьинского областного правления. В 1902 г этот документ изучался В. В. Бартольд, который определил его как подделку, потому что в нем употреблен титул позднейших ханов, какого Тимур никогда не носил. Некоторые особен-

⁸ См. факсимиле письма Тимура французскому королю Карлу VI в книге «Бист маколе-и казвини» Мирзы Мухаммеда ибн-ул Ваххаб-и Казвини, изданной в Бомбее в 1928 г., В. Радлов, Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, ЗВО, т III, 1889, стр 1—40. Предполагается принадлежность к этой же эпохе вакуфного документа из Согда (№ 1087 Самаркандского музея). Знакомство с почерками, бывшими в употреблении в XIV в., можно почерпнуть также из рукописных книг и эпиграфических памятников, конечно, с учетом особенностей, обусловленных различием материала и технических приемов.

⁹ В. В. Бартольд. Монеты Улугбека. «Изв. Росс. Акад. матер. культуры», т II, 1922, стр 191.

ности стиля дали возможность В В Бартольду установить, что он был подделан во второй половине XVI в ¹⁰ В конце XIX в поземельно-податные комиссии областных правлений определили как подложные многие из рассмотренных ими вакуфных документов В положении об управлении Туркестанским краем имеется даже особое примечание к ст 255 о многочисленных фактах подделок документов ¹¹

Собрание Института по изучению восточных рукописей не является единственным в Узбекистане Имеются огромные фонды восточных грамот в Центральном историческом архиве, менее значительные, но тоже очень интересные коллекции в Самаркандском и Бухарском музеях, в среднеазиатском университете и в Бухарской государственной библиотеке

Культурно-исторические сокровища, заключенные в этих фондах, настолько велики, что медлительность в их изучении и публикации не может быть оправдана

---

¹⁰ Отчет о командировке в Туркестан в 1902 г ЗВО, т XV

¹¹ См А А Семенов Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства Труды САГУ, сер II, вып I, стр 43

Е. Э. ЛИПШИЦ

О ПОХОДЕ РУСИ НА ВИЗАНТИЮ РАНЕЕ 842 года

В томе XV журнала *Byzantion*, выпущенном в США во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг, опубликована статья, дискутирующая вновь вопрос о том, имели ли место нашествия русских на Византию ранее 860 г Автор статьи — Жермена да Коста Луйе (*G da Costa Louillet*), ученица византиниста Анри Грегуара, доложила свои выводы первоначально на Всемирном V конгрессе византинистов в Риме в 1936 г, а затем опубликовала их в *Byzantion* По мнению редактора *Byzantion* Грегуара, ей удалось «полностью и окончательно» опровергнуть точку зрения покойного акад В Г Васильевского на этот вопрос

Грегуар, предпосылая публикуемой статье, ввиду большой важности ее выводов, свое предисловие, не только вполне солидаризируется с автором ее, но и формулирует свою точку зрения на вопрос в значительно более резкой и решительной, чем автор статьи, форме По словам Грегуара, собственно говоря, «проблемы и вообще не существует» Восточные, византийские и западные тексты, совпадая удивительным образом, намечают три этапа и три даты в истории завоевания Руси Скандинавией 1) начало IX в — торговые связи, 2) около 839 г — скандинавское государство близ Новгорода под главенством правителя, который из подражания хазарскому принял титул хакана, и 3) период, который начинается незадолго до 860 г, когда скандинавы обосновались в Киеве и отсюда начали совершать свои нападения на Константинополь Что касается этих нападений, то из их числа было лишь два исторически достоверных нападение 860 г и 941 г Грегуар указывает, что в науке слишком долго господствовали «химеры» Васильевского, пытавшегося найти следы и доказательство экспедиций Руси на Константинополь, предшествующих 860 г Как Грегуар, так и да Коста Луйе в конечном итоге своих рассуждений приходят к общему выводу, что единственное свидетельство о древнейшем походе Руси на Византию, содержащееся в житии Георгия Амастридского, следует относить не к 825 г (или, точнее говоря, к периоду времени от 820 до 842 г, если следовать в точности В Г Васильевскому), а к 941 г, т е отождествляя его с походом Игоря По их мнению, самая возможность этого похода в столь раннее время исключается, так как «в рассматриваемое время не существовало никакого славянского государства в Южной Руси, способного угрожать Византии Напротив, в это время русские были еще простыми шведскими торговцами, друзьями империи или воинами, нанимавшимися на службу империи и жившими, вероятно, еще в Балтике»¹ Поскольку же этому тезису противоречит свидетельство жития Георгия Амастридского, если считать выводы В Г Васильевского о его дате верными, то авторы статьи и ставят своей задачей во что бы то ни

¹ *Byzantion*, t XV, p 246.

стало опровергнуть датировку жития, установленную В. Г. Васильевским. Относя житие к числу переработок Симеона Метафраста, они утверждают, что именно тогда в него и был внесен новый отрывок о нападении русских на Амастриду, поскольку он находится в самом конце жития.

Из круга существенно важных для истории древней Руси вопросов, затронутых автором и редактором изложенных выше гипотез, в настоящей статье будет рассмотрен лишь один вопрос, связанный непосредственно с историей византийской литературы и являющийся в то же время главным тезисом в статье Вузантис — вопрос о дате свидетельства о нападении Руси на Византию в житии Георгия Амастридского. Что же касается до «норманской теории» Грегуара, декларированной в рассматриваемой статье при полном игнорировании всех новейших исследований по истории Киевской Руси, проделанных советскими историками во главе с акад. Б. Д. Грековым и основанных на тщательном и всестороннем анализе не только ранее известных письменных источников, но и новооткрытых археологических памятников, то они, думается, заслуживали бы специальной оценки специалистов по истории СССР.

Житие Георгия Амастридского принадлежит к кругу агиографических текстов, возникших в бурный период позднего иконоборчества. Оно сохранилось, поскольку можно судить на основании наличных изысканий, лишь в одной пергаменной рукописи в Парижской Национальной библиотеке.² Рукопись эта, содержащая в себе жития за февраль, и по палеографическим основаниям и по своему содержанию датируется X веком.

Текст жития привлек к себе впервые внимание уже в 1845 г., когда акад. А. А. Куник обнаружил в нем отрывок, описывающий нападение русских на Пафлагонию. Эта часть жития была тогда же издана А. А. Куником, который и отождествил описываемые в нем факты с теми, о которых сообщает патриарх Фотий, т. е. считал, что оно трактует о событиях 865 г.

Полностью житие было впервые издано и тщательно обследовано акад. В. Г. Васильевским, не только доказавшим ошибочность предположения А. А. Куника, но давшим впервые анализ всего текста в целом и отнесшим его к числу произведений одного из наиболее крупных и блестящих представителей византийской литературы IX в. — Игнатия. В своем обширном комментарии В. Г. Васильевский разобрал историю всего состава кодекса и на основании анализа его содержания пришел к выводу о том, что и житие Георгия Амастридского и весь кодекс совершенно неправильно отнесены в каталоге к числу обработок Симеона Метафраста (жившего в конце X и начале XI в.) «Вопреки надписанию, сделанному, кажется, первым каталогизатором собрания Ридольфи, жития большей частью являются здесь в своем первоначальном или оригинальном виде, а не в позднейшей переделке Симеона Метафраста». Обращаясь к прочим статьям и вообще к составу Парижской Медичейской служебной минеи, мы можем сделать наблюдение, что в ней вообще нет статей позднее второй половины IX в. по содержанию и позднее первой половины X в. по сочинению. Мнение, которое приурочивало нашествие к морскому и неудачному походу Игоря, почти устраняется внешней историей нашего текста кодекса, ибо довольно неправдоподобно, чтобы в кодексе X в. успел быть внесенным рассказ о событии, случив-

² Первоначально под № 133, затем последовательно под № 1057, № 2010 и, наконец, № 1452.

шемся около половины этого столетия и притом уже прошедший через другие более ранние списки»³

Анализируя стиль и содержание жития, В. Г. Васильевский пришел к выводу, что оно принадлежит перу того Игнатия, который, по словам византийского лексикографа Свиды, «был диаконом и сосудохранителем великой константинопольской церкви, затем стал митрополитом Никейским, грамматиком и написал жития Тарасия и Никифора святых и благословенных патриархов, надгробные элегии, ямбы на Фому повстанца, которые носили название «о Фоме» и многое другое»⁴. По мнению В. Г. Васильевского, автор жития Георгия Амастридского, видимо, написал его вскоре после смерти Георгия (806), «тогда, когда не сошло еще со сцены следующее ближайшее поколение». Характерной особенностью этого произведения, выделяющей его из круга других памятников этого рода, принадлежащих к иконоборческой эпохе, является умолчание об иконах. Эта черта указывает на то, что житие по времени своего создания может относиться только к тому периоду существования Византии, когда «для православного писателя, верного памяти патриарха Тарасия, литературная деятельность была возможна под условием молчания об иконах», т. е. ко времени царствования императора Михаила II (820—829). В подтверждение своей гипотезы В. Г. Васильевский приводит соответствующее место из жития патриарха Никифора (написанного тем же Игнатием), в котором Михаилу II приписываются слова «Мы приказываем, чтобы никто не смел приводить в движение язык свой ни против икон, ни за иконы»⁵. Следовательно, это житие одновременно с житием Филарета Милостивого, отмеченным той же чертой умолчания об иконоборческих дискуссиях, и относится ко времени иконоборческого компромисса Михаила II Феофила⁶.

Подробное исследование стилистических особенностей и внутреннего содержания жития Георгия Амастридского как литературного памятника дало возможность В. Г. Васильевскому не только доказать с полной убедительностью, что это житие принадлежит тому же автору, которым были написаны жития Тарасия, Никифора и Григория Декаполита, но и установить главные вехи жизни писателя и выявить его сложный и яркий литературный облик.⁷

Житие Георгия Амастридского, по мнению В. Г. Васильевского, является первым опытом писателя. Прямое повторение нескольких выражений из Гомера и Эврипида, множество сентенций, часто заимствованных из священного писания, а иногда и просто из житейской мудрости — все эти черты могут быть констатированы в житии Георгия так же, как и в других житиях, принадлежащих перу этого же писателя. Помимо того, В. Г. Васильевский приводит ряд выражений, почти бук-

³ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования — Труды, т. III, стр. 88—108.

⁴ Svidae Lexicon, ed. Bernhardt, s. v. ἱγνάτιος.

⁵ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. XXXI—XXXVII, ср. Nicephori arch. constantinopolitani opuscula historica, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1880, p. 210.

⁶ Новое издание жития Филарета Милостивого, см. Byzantion, t. IX, par Fourmy et Lerooy, pp. 85—170.

⁷ Житие Григория Декаполита было издано по Cod. Par. 505 в греческом подлиннике уже после смерти В. Г. Васильевского. Но В. Г. Васильевский имел возможность использовать его по копии, снятой с рукописи (В. Г. Васильевский. Указ. соч., прим. к стр. XCV). Лучшую публикацию жития см. у F. Dvorník. La vie de Saint Grégoire le Décapolite et les slaves macedoniens au IXe siècle. Paris, 1926. По данным Ф. Дворника, оно дошло не менее чем в восьми рукописных версиях, датируемых XII—XVIII вв. В некоторых из рукописей (Paris gr. 501, Par. gr. 1525, Par. gr. 1549) упоминается и имя автора жития Игнатия, диакона великой церкви.

важно совпадающих с аналогичными, встречающимися в житиях обоих патриархов

Таким образом, общий вывод исследователя о том, что «стиль, манера и литературные приемы, свойственные автору Амастридского жития, близко сходятся с теми, какие намечаются в агиографических трудах, надписанных именем Игнатия»,⁸ кажется вполне убедительным

Но В. Г. Васильевский в своем исследовании не ограничился отношением жития к числу произведений Игнатия и анализом его стилистических особенностей. Заслугой его явилось и то, что он первый обратил внимание на чрезвычайно запутанный и извилистый жизненный путь писателя, жившего и творившего в сложные и трудные времена иконоборчества, и сделал многое для уточнения его биографии, а тем самым и для определения возможности пользования его сочинениями, как историческими документами, восполняющими недостаток источников, имеющихся в распоряжении исследователей при изучении этой интересной, сложной и во многих отношениях переломной эпохи в истории византийской культуры. Само собой разумеется, что для целей настоящего исследования все эти вопросы имеют очень большое значение, так как от их решения зависят и вопросы о датировке сообщений жития Георгия и о степени исторической достоверности его сведений о походе Руси на Пафлагонию

Если суммировать результаты всех предшествующих исследований, а также публикаций произведений Игнатия, можно установить следующие главные вехи биографии Игнатия

Уже из сведений Свиды можно было бы заключить, что Игнатий жил в промежуток времени между восстанием Фомы славянина (820—823) и серединой X в. Крайние грани дают, с одной стороны, восстание, описанное Игнатием в недошедшей до нас ямбической поэме, а с другой,— время жизни лексикографа Свиды. Но этот большой промежуток времени поддается значительному сокращению, если принять во внимание автобиографические сведения, разбросанные в сочинениях Игнатия

Так, во вступлении к житию патриарха Тарасия⁹ автор отмечает, что изложенное удостоился сам своими глазами видеть и своими ушами слышать. Из этих слов вытекает, что автор жития был современником Тарасия. Далее он сообщает и более подробные сведения об этом знакомстве «Я не могу забыть ни пользы от твоего преподавания, ни времени моего горячего служения тебе». Игнатий вспоминает то время, когда, находясь в расцвете своей юности, он впитывал в себя и учился у Тарасия науке о триметрах, тетраметрах, трохеях и анапестах и героических поэмах, вспоминает и о том, как слушал проповеди Тарасия и, передавая их в переписку лучшим писцам, старался сохранить образ своего учителя.

Значит, Игнатий может по всем основаниям считаться младшим современником — учеником Тарасия (умершего в 806 г.) и очевидцем кончины его. В заключительной части жития он упоминает о своей старости и болезнях

Тарасий (ставший патриархом через четыре года после воцарения Ирины) был одним из образованнейших людей своего времени. С временем его связывается возрождение школы при константинопольской Софии, пережившей острый кризис в период правления первых императо-

⁸ В. Г. Васильевский. Указ соч., стр. С — СIII.

⁹ Житие Тарасия издано у J. Heikel. *Ignatii diaconi vita Tarassii archiepiscopi Constantinopolitani*, «Acta societatis scientiarum fennicae», t. XVII, Helsingfors, 1891.

ров-иконоборцев Льва III и Константина V¹⁰ Неудивительно поэтому, что Игнатий очень любил щеголять своей начитанностью в области античной литературы, метрики¹¹ и философии В этом отношении исключительно характерно большое отступление в житии Никифора, где автор на протяжении целых четырех печатных страниц, «вспомнив о науках», счел уместным изложить в конспективной форме известную ему школьную премудрость в области светских наук (грамматики, риторики, диалектики, математики, музыки, философии), для того чтобы показать одновременно и эрудицию своего героя и свою собственную¹²

Игнатий упоминает, что был лично знаком с Никифором, слушал его поучения, ярко запечатлевшиеся в его памяти¹³ Из этого вытекает, что Игнатий жил в те годы, когда Никифор занимал пост константинопольского патриарха Никифор до получения им поста был сначала протоасикритом, затем принял монашество (в своем же монастыре на Босфоре) и, заняв 12 апреля 806 г, место Тарасия (умершего 25 февраля 806 г), оставался на этом посту вплоть до 1 апреля 815 г, когда был смещен иконоборческим собором, созданным Львом V Армянином Умер Никифор в 829 г Если принять во внимание, что Игнатию принадлежит и канон (Минея 13 марта) на перенесение мощей Никифора, написанный не ранее 846 г, то получается еще одна хронологическая веха

По мнению одного из наиболее тонких исследователей поэтических произведений Игнатия,¹⁴ Игнатий родился около 780 г Его пострижение в монахи, служба в великой церкви в качестве диакона и сосудохранителя должны быть отнесены ко времени около 810 г¹⁵, а занятие им поста митрополита Никей к 830 г К последнему этапу жизни Игнатия и относится написание им жития Тарасия и Никифора

В Г. Васильевский считал, что обучение у Тарасия происходило в то время, когда Игнатий был уже в сане диакона великой церкви А записи бесед и поучений Тарасия относятся, по его мнению, ко времени патриаршества Тарасия, так как он был возведен на кафедру прямо из мирян (в конце 784 г) и, следовательно, ранее того не мог произносить публичных поучений в храме¹⁶ Так как в патриаршество Тарасия, т. е. ранее 806 г, Игнатий достиг уже по крайней мере 25-летнего возраста, он родился приблизительно около 770—774 г Будучи возведен в сан никейского митрополита ранее первого патриаршества Фотия (857—863), он тогда именно и написал житие патриарха Тарасия Другие исследователи не высказывают по этому вопросу чего-либо оригинального

¹⁰ Более подробные сведения об этой школе см. у Хр. Лопарева Византийские жития святых в VIII—IX вв., П., 1914, стр. 99 По вопросам высшего образования и университета рассматриваемого периода некоторые сведения можно почерпнуть в работах Fuchs Die höheren Schulen von Konstantinopel, Leipzig, 1923, Е. Э. Липшиц Византийский ученый Лев Математик Из истории византийской культуры IX в. (печатается в т. XXVII «Византийского временника» с подробной библиографией)

¹¹ Правда В. Г. Васильевский со свойственной ему обычной наблюдательностью отмечает промах Игнатия в части знания гомеровских поэм (указ соч., стр. LVI)

¹² Ignatij diaconi vita Nicephori Nicephori opuscula historica, ed. de Boor, pp. 149—152

¹³ Ibid., pp. 216—217

¹⁴ Ср. C. F. Müller Ignatij diaconi tetrasticha jambica 53, versus in Adamum 143, Kiel, 1886 Как увидим ниже, В. Г. Васильевский придерживался несколько другой точки зрения на этот вопрос

¹⁵ Минимальный возраст для принятия сана диакона был 25—30 лет (В. Г. Васильевский Труды, т. III, стр. 101).

¹⁶ Там же, стр. XCII

Что касается до установления произведений Игнатия, сохранившихся до настоящего времени, то здесь исследователями проделана большая работа, значительно расширившая краткий перечень сочинений писателя, запечатленный в лексиконе Свиды. Из числа последних в указанных уже нами изданиях опубликованы произведения Игнатия — жития Никифора де Боором и Тарасия Хейкелем. Хейкель сопроводил свою публикацию специальным трактатом «О некоторых особенностях, свойственных языку Игнатия». Наблюдения эти, касающиеся особенностей синтаксиса Игнатия, излюбленных им оборотов речи, а также и отступлений от принятых в аттическом диалекте норм, очень важны, как для решения вопроса о принадлежности некоторых сохранившихся (но не упомянутых Свидой) произведений именно Игнатию, так и для выяснения литературной физиономии этого писателя.

Помимо житий обоих патриархов Игнатию приписывается написание еще двух житий — Григория Декаполита и Георгия Амастридского. Об этом речь уже шла выше. Первое, по мнению новейшего издателя и исследователя жития Ф. Дворника, представляет собой одну из ходких биографий, наводнявших Византию в течение IX в. Принадлежность его Игнатию доказывается, по мнению издателя жития, наличием в нем особенностей литературного стиля, свойственных писателю, хотя в нем и меньше встречается классических реминисценций, чем во всех других произведениях, носящих его имя, пристрастие к риторике, упоминание библейских героев, сравнительно скупая характеристика исторических событий дают основание Дворнику видеть и в этом житии произведение Игнатия.

В результате, агиографические сочинения Игнатия располагаются в следующем порядке: 1) житие Георгия Амастридского, в котором сам автор указывает на свою неопытность — первый литературный труд его, написанный в такую пору его жизни, о которой автор впоследствии говорит с сожалением и раскаянием, в период примирительного отношения к иконоборцам с умышленным умолчанием об иконах,¹⁷ 2) житие Григория Декаполита, 3) житие патриарха Никифора, написанное вскоре после его смерти, где автор признается в своем заблуждении и просит о заступничестве Никифора перед богом, 4) житие патриарха Тарасия, написанное до 846 г., где автор жалуется уже на свою старость и немощи.

Таковы прозаические произведения Игнатия, известные в настоящее время.¹⁸

Литературный облик писателя, важнейшие черты которого были выявлены согласно всеми исследователями его агиографических сочинений, оказывается в достаточной мере сложным. При сопоставлении его произведений с современными им и примерно аналогичными по содержанию произведениями особенности литературного стиля писателя выступают с полной рельефностью. Ни в современном житии Филарета Милостивого, написанном Никитой из Амнии, ни в житии Стефана Нового, принадлежащем перу «диакона великой церкви» Стефана, нет подобного увлечения школьной премудростью, любви к риторике, к упоминаниям персонажей из священного писания, как у Игнатия.

¹⁷ На то, что житие Георгия Амастридского принадлежит к числу первых опытов писателя, указывал и П. В. Никитин (П. В. Никитин. О некоторых греческих текстах житий святых, СПб., 1895, стр. 49—50).

¹⁸ Гедеоном в 1903 г. изданы 64 письма, приписанные им Феофану Никейскому. Эти письма по мнению Гедеона, правильнее было бы отнести к Игнатию, Ср. «Византийский временник», т. X, стр. 631—633.

Правда, все эти жития, в том числе и жития, написанные Игнатием, при сравнении с житиями предшествующей эпохи поражают своим значительно большим богатством натуралистическими, бытовыми, историческими деталями, которые даже при сохранении установленной традиционной схемы построения жития придают им гораздо более свободный, живой и повествовательный характер. Если сравнить трактовку одной и той же темы в житиях IX в. и в житиях, принадлежащих Кириллу Скифопольскому (подражателям которого авторы IX в., несомненно, являлись, на что неоднократно сами указывали), то эти различия выступают с особой наглядностью и четкостью.¹⁹

Повествуя, например, о происхождении героя повествования, его имущественном положении, автор IX в. дает столь подробную характеристику движимого и недвижимого имущества византийского богача, что она кажется скопированной с живой исторической действительности IX в., характеристику, где обязательная в византийском средневековье святость сюжета удачно сочеталась с сказочными, историческими и житейскими темами. В этом отношении общий литературный характер житий этой эпохи дает возможность проследить нить, связующую их с богатырскими сказаниями народно-эпического характера, ярким образцом которых явилось в X в. сказание о Дигенисе Акрите.

Но, разумеется, эти особенности новой эпохи сказывались не в одинаковой степени у различных представителей агиографии IX в. Если Никита из Амнии, автор жития Филарета Милостивого, был наиболее ярким представителем нового свободного натуралистического литературного стиля, то значительно в более сложном преломлении стиль этот сказывается у таких писателей, как Стефан, и особенно у Игнатия. Хотя Хр. Лопарев и противопоставляет литературному направлению Игнатия то, к которому принадлежал Стефан, автор жития Стефана Нового, «представляющего собой правдивую летопись, основанную на рассказах современников иконопочитателей и иконоборцев, отличающуюся фактологическим характером без туманных фраз»,²⁰ все же нельзя не заметить, что автор проявляет сильное пристрастие к риторическим оборотам.²¹ В этом отношении Стефан занимает среднее место между Никитой и Игнатием.

Игнатий, как писатель-прозаик, хотя и отдавал дань вкусам своего времени, наиболее скуп в отношении исторических характеристик, которые тем в большей степени производят впечатление исторической достоверности. В то же время из всех трех названных писателей он наиболее склонен к риторическим оборотам, показу своей эрудиции, к реминисценциям из классических авторов и сентенциям из священного писания. Сложность характера и стиля писателя сказывается и в его языке, отмеченном, с одной стороны, стремлением к подражанию правильному аттическому диалекту, с другой — частыми отступлениями от существующих в нем грамматических норм, отступлениями типичными, как выявил Хейкель в названном труде, и для других современников Игнатия.

Но если таковы черты писателя как прозаика, то характеристика его поэтических произведений может внести в них некоторые существенные дополнения, а также пролить новый свет на отмеченные выше особенности стиля писателя. Но что важнее всего, именно изучение по-

¹⁹ Ср. Житие Иоанна в *Acta sanctorum*, mai 3, стр. 16—21 и Житие Филарета Милостивого в указ. издании Фурми и Леруа, ср. также Хр. Лопарев *Указ. соч.*, стр. 119.

²⁰ Хр. Лопарев. *Указ. соч.*, стр. 343, ср. стр. 292.

²¹ В. Г. Васильевский *Житие Стефана Нового*. Труды, т. II, вып. 2, стр. 303.

этических произведений Игнатия дает возможность осветить некоторые неясные моменты биографии Игнатия

Как уже было указано, литературное творчество Игнатия не исчерпывалось одной прозой Свиды в своем списке произведений Игнатия упоминает о его «ямбах на Фому», надгробных элегиях и многом другом Первые не сохранились Из вторых известна элегия памяти его ученика Павла, носящая в заглавии имя самого автора,²² элегия к самому себе и к Самуилу, диакону великой церкви Однако в рукописях было обнаружено еще несколько произведений Игнатия, повидимому подразумевавшихся Свидой среди «многого другого»

Помимо мелких стихотворений, частью не вполне достоверно относящихся именно к нашему автору,²³ ему принадлежат несколько канонов, сохранившихся в Минеях от 13 и 21 марта, и два более крупных поэтических произведения — 53 ямбических четверостишия на басни Эзопа и стихи об Адаме Обе эти поэмы были изданы несколько раз еще в конце прошлого столетия и явились основанием, для того чтобы причислить Игнатия к выдающимся византийским писателям

Издатель последнего произведения К Ф Мюллер, тщательно обследовав все литературное наследство Игнатия и особенности его стиля, пришел к выводу, что стихи эти принадлежат безусловно к числу его сочинений По характеру сюжета поэма эта сопоставляется обычно с религиозными драмами Четыре действующих лица поэмы — Змей, Адам, Ева и Бог говорят ямбическими тетрастихами Самой песне предпослан небольшой пролог (53 стиха), представляющий собой обращение поэта к больному другу Поэма очень невелика по своему объему (143 стиха) Краткость ее, вероятно, объяснялась тем, что она была предназначена не для чтения, а для представления и, может быть, сопровождалась музыкой

Если с точки зрения следования правилам античной метрики поэт проявляет себя в этих стихах (за очень редкими исключениями) как верный ученик классического стихотворного канона, как в части соблюдения правил просодии, так и в других отношениях, и применяет новые обычаи византийского стихосложения лишь в части употребления предпоследнего акцентированного слога и отсутствия распушенных стоп, то в отношении создания нового литературного жанра Игнатий является подлинным новатором Среди сохранившихся памятников византийской литературы поэма его представляет собой один из первых образцов драм-мистерий, использовавшихся, вероятно, в церковной литургии²⁴

О том, что эта практика имела место в Константинополе, можно судить, в частности, по свидетельству епископа Лиутпранда В Legatio Лиутпранд обвиняет византийцев в том, что они превратили церковь Софии в театр. Он указывает, что был приглашен императором присутствовать на сценических представлениях, где изображалось взятие пророка Ильи на небо²⁵

²² Matranga Anecdota graeca, t II, 664, Migne Patr gr, t CXVII, p 1174

²³ Anthologia Palatina, t I, p 109, Anthologia graeca ed Stadtmüller, t I, p 29; о произведениях этого рода, неправильно относимых к диакону Игнатию, см у Müller в «Rheinisches Museum», Bd. 46, S 321, и в «Byzantinische Zeitschrift», Bd. III, S 520, Ignati diaconi tetrasticha jambica, Kiel, 1886; de Boor'a. Der Epigrammen-dichter Ignatius, Hermes, 1888, Bd XXIII Wolters в «Rheinisches Museum», Bd 83, Neue Folge (De Constantinae Cephalae anthologia, 1883, F Hansen Philol Anzeiger, Bd XVII, 1887, SS 141—142

²⁴ Magnin Journal des savants, t I, 1849, p 12

²⁵ Monum Germ, t V, pp. 310—354, cp L Bréhier Les manufatures du moine Jaques et le théâtre religieux à Byzance (Monuments Piot., t XXIV, Paris, 1920, Venetia Cottas Le théâtre à Byzance, 1931, pp 162 etc

Что касается до тетрастихов, то они были изданы впервые в Венеции в 1505 г. Aldo Manutio без указания имени автора. Имя Игнатия им было присвоено впервые Ритергузием в XVI в.²⁶ Впоследствии они неоднократно служили предметом изучения и публикации в изданиях басен Эзопа. Мюллер, сопоставляя их с произведениями Игнатия, окончательно установил их происхождение, как стихов, сочиненных нашим поэтом. По мнению исследователя, отличие их от произведений Бабрия (предшественника Игнатия) заключается в том, что Игнатий втискивает басни Эзопа в форму четверостиший, излагая их содержание самым сжатым образом, в то время как Бабрий подробно излагал их в ямбах, украшая их деталями.

Тетрастихи относятся к числу юношеских произведений Игнатия, чем и объясняются их поэтические особенности, отличающие их от стихов об Адаме в части просодии и метрики, отступающих порой от правил античного стихосложения. Но они были очень популярны и встречались в многочисленных рукописных вариантах и переработках вплоть до XIV—XV вв. В одной только Парижской Национальной библиотеке имеется шесть рукописей, содержащих тетрастихи, имеется и три первопечатных издания.

Перечисленными произведениями исчерпывается то, что обычно приписывается Игнатию. Но, как уже отмечал В. Г. Васильевский, авторам рассмотренных выше публикаций было известно далеко не все то, что можно найти об Игнатии в церковной литературе. В. Г. Васильевский дополнил ранее известное присвоением Игнатию жития Георгия Амастридского и нескольких церковных канонов.

Но и эти материалы не исчерпывают списка сочинений Игнатия, дошедших до нашего времени.

Среди антииконоборческих сочинений знаменитого защитника иконопочитания Федора Студита — современника диакона Игнатия — сохранилось одно чрезвычайно интересное произведение, которое до сих пор не было привлечено для разрешения поставленного вопроса. Вместе с тем оно, как кажется, может пролить новый свет не только на вопрос о литературном наследстве писателя, но и на поставленную В. Г. Васильевским проблему об отношении Игнатия к иконоборцам, для решения которой агиографические сочинения Игнатия не давали достаточного материала, а вместе с тем и на вопрос о времени составления жития Георгия Амастридского.

Это сочинение Федора Студита носит название: «Обличение и опровержение нечестивых поэм Иоанна, Игнатия, Сергия и Стефана, новых христорборцев, сперва в стихах равного с ними метра и размера и другими стихами, а затем и прозой, вместе с обличением нечестивой подписки».²⁷ Содержание его таково.

Прежде всего Федор Студит приводит стихи, написанные в форме акrostихов поэтами Иоанном, Игнатием, Сергием и Стефаном, а затем шаг за шагом опровергает их сначала в стихах, а затем и прозой. Далее подобным же образом сначала приводится подписка, которую давали при императоре Льве V Армянине сторонники иконопочитания, переходя в иконоборчество после собора 815 г., и противопоставляется ей подписка православного.

Все перечисленные у Федора Студита поэты представляют группу людей, возглавляемую неким Иоанном, всюду стоящим среди них у

²⁶ Ritterhusius Lugd. Batav., 1598, C. F. Muller Op. cit., p. 19, его же Handschriftliches zu Ignatius diaconus «Byzantinische Zeitschrift», 1892, 1894, 1896.
²⁷ Migne P. Gr., t. 99, pp. 435—479.

Федора Студита на первом месте. Группа эта была связана и с императорским дворцом. С этой последней точки зрения обращает на себя внимание иконоборческое стихотворение Стефана, начертанное под крестом над входными воротами во дворец Халки, в нем воспевается крест, заменивший собой икону Христа при иконоборческих императорах Льве III и Константине V.²⁸ Так как в стихотворении сообщается о замене иконы, «изобразившей Христа в безгласном виде и лишенным дыхания», крестом, поставленным Львом III и Константином V — императорами-иконоборцами, то нельзя не заключить, что и автор стиха был близким ко двору поэтом и что он был иконоборцем.

Но прежде чем говорить о Стефане, необходимо вернуться к главе группы Иоанну, которому Федор Студит отводит в «опровержении» главенствующее место, и затем к Игнатию. Кто такой был этот Иоанн? На этот вопрос, думается, ответить нетрудно, если принять во внимание хронологию сочинения опровержения, а также и время написания опровергаемых иконоборческих стихов.

Федор Студит цитирует два иконоборческих стихотворения Иоанна на тему «Страдание Христа — надежда Иоанна»,²⁹ написанные в форме акростиха, которым выражена главная мысль стихотворения. Первое из них прославляет венценосцев, вновь поднявших на высоту крест, во втором доказывается, что «изображать Христа на стенах незаконно», и затем шаг за шагом опровергаются отдельные пункты стихотворения, сначала в стихах, затем в прозе.

При этом нельзя не обратить внимания на эпитеты, обращенные Федором к Иоанну. В начале своего прозаического опровержения он именует автора стиха «благороднейшим» человеком, через несколько строк он обвиняет его в надменности, не стесняясь в то же время в выражениях для осуждения его нечестия. Подобное обращение невольно наводит на мысль о высоком положении и знатном происхождении Иоанна. Принимая во внимание, что произведение Федора Студита завершается иконоборческой подпиской, одним из главных (если не самым главным) составителей которой был патриарх Иоанн VII Грамматик, само собой напрашивается предположение, что и автором стихов был именно он.

Трудно предполагать, чтобы столь видный идеолог иконоборческой партии, как тот поэт, стихи которого здесь подвергаются критике, нигде не упоминался. Вместе с тем среди видных сторонников иконоборческой партии единственным лицом, жившим во времена Студита, к которому могли бы быть приложены эпитеты, которыми поэт охарактеризован в опровержении, является патриарх Иоанн Грамматик — известный родственник крупного византийского ученого времени императора Феофила — Льва Математика.³⁰

Личность Иоанна Грамматика, пользовавшаяся в византийской историографии в силу его резкой иконоборческой политики исключительно дурной славой, остается и сейчас еще мало изученной. В то же время Иоанн является бесспорно одной из наиболее интересных фигур в истории позднего иконоборчества и в культурном движении IX в. Если обратиться к руководству К. Крумбахера по истории византийской литературы, мы не найдем почти никаких сведений о деятельности Иоанна VII Грамматика. По словам этого исследователя, «от Иоанна Харакса — современника Филопона — следует отличать аван-

²⁸ Banduri Imperium Orientale, Antiquitates Constantinopolitanae, Paris, 1711, et Venetus, 1729, t VII, p 180

²⁹ Ibid., p 437

³⁰ О последнем см. Е. Э. Липшиц Указ соч.

тюриста, происходившего из рода Маврохарзанов — Иоанна Харакса. По довольно обстоятельным рассказам хронистов (которые, впрочем, производят впечатление продиктованных ненавистью к иконоборцам), этот последний был злобным, эксцентричным, предававшимся черно-книжию и интригам грамматиком и дипломатом. Подлинно то, что он был избран Михаилом II в воспитатели своего сына. Он был возведен императором Феофилом в патриархи, но после восстановления иконопочитания был смещен с кафедры. О его жизни сообщают Продолжатель Феофана и Кедрин (Скилица)»³¹

Значительно более исчерпывающие сведения, основанные на детальном исследовании данных источников, можно найти у Гирша,³² Ф. И. Успенского³³ и Дж. Бюри,³⁴ которые дают возможность установить главные вехи жизни Иоанна и важнейшие черты его деятельности.

Суммируя вкратце результаты предшествующих исследований биографии Иоанна, можно свести их к следующим основным пунктам. Иоанн был уроженцем Константинополя. Отец его происходил из рода, носившего имя Морохарзамиев или Морокарданиев. По другим сведениям (Псевдо-Симеон Магист), отец Иоанна носил имя Панкратия Скиаста.³⁵ Род Морохарзамиев или Морокарданиев принадлежал к числу знатных семейств Константинополя, может быть армянского происхождения.³⁶ Иоанн был человеком высокого образования. Даже крайне враждебно настроенные к нему писатели отмечают его литературные заслуги и ученость. Михаил Студит характеризует его следующими словами: «Яннес, недостойный носить имя Иоанна, справедливо именуемый леканомантом,³⁷ был более искушен, чем прочие в грамматике». Самое его прозвище — Яннес должно было подчеркивать его сходство с знаменитым чародеем.

Как выяснил Ф. И. Успенский, необыкновенные познания Иоанна, поражавшие его современников, дали основание писателям — сторонникам иконопочитания обвинять Иоанна в сношениях с духами, в черно-книжии, чародействе, как это обычно имело место в средние века. По свидетельству Продолжателя Феофана, он имел славу ученейшего человека своего времени.

Впервые Иоанн выступает на политическую арену при императоре Льве V Армянине и становится советником императора. Иоанн носил звание анагоста, т. е. одного из низших церковных чинов. В связи с задуманной Львом V церковной реформой «Иоанн в сообществе с несколькими грубыми невеждами»³⁸ был уполномочен императором пересмотреть старые книги, хранившиеся в монастырях и церквях. И, собрав множество книг, они старательно исследовали их, но ничего не нашли, чего злостно добивались, пока не напали на синодик Константина Исавра и Каваллина. Найдя в нем для себя опору, начали в

³¹ K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Literatur*, 1898.

³² F. Hirsch, *Byzantinische Studien*, Leipzig, 1876.

³³ Ф. И. Успенский, Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-дромиты ЖМНП, 1890, январь.

³⁴ J. Bury, *History of the Eastern Roman Empire*, 1912, p. 435 etc.

³⁵ Ф. Успенский, Указ соч., стр. 3, Hergenröther Photius, Bd I, S. 291.

³⁶ Theof. Cont., ed. Bonn, p. 154, Cedren., t. II, ed. Bonn, p. 144, J. Bury, *Op. cit.*, p. 60. Ф. И. Успенский считал, однако, что Иоанн был родом из Анатолии и едва ли мог похвастаться знатностью своего происхождения.

³⁷ Колдуном, гадающим на блюде.

³⁸ Более подробные сведения о составе комиссии см. в Житии Никиты Феостепикта Vita Nicetae Mediciani «Acta sanctorum», апрель. Cp. Scriptor incertus de Leone Bardae Filii, ed. Bonn, 1842.

книгах отыскивать главные положения, которые глупо и бессмысленно приводились на соборе, отмечая знаками места, которые, по их мнению, могли убедить неразумную толпу, что в древних книгах есть запрещение поклоняться иконам».

Затем они привлекли на свою сторону епископа Константина — сына одного священника (из башмачного ряда), учителя грамматики Касимату, законоведа из Сфоракин, обучающего юношество, и некоего преступника, бежавшего в монастырь и постриженного под именем Антония, ставшего потом игуменом в монастыре Митрополитов и, наконец, епископом Силейским»³⁹ Эти факты Ф. И. Успенский относит к 814—815 гг. Лев V начал готовиться к борьбе с иконопочитателями с июня 814 г. Подготовительная работа, о которой идет речь в вышеприведенном отрывке, продолжалась в течение семи месяцев. К началу 815 г. император уже начал открыто высказываться против икон⁴⁰.

Заседания комиссии происходили в императорском дворце, где участники жили на полном довольствии, причем Иоанн производил сам наиболее серьезную часть работы.

Затем он перешел в монастырь Сергия⁴¹ и в качестве его настоятеля вошел в доверие к Михаилу II (820—821) и стал воспитателем будущего императора Феофила. Как к искусному в диалектике человеку к нему посылали для убеждения наиболее твердых сторонников иконопочитания; по меньшей мере, в семи случаях он добился успеха.

При патриархе Антонии (821—832) Иоанн получил звание синкелла, а затем, по смерти Антония, стал патриархом. Будучи синкеллом, он в качестве императорского посла совершил путешествие в халифат и сыграл роль посредника в примирении Феофила с его полководцем Мануилом.⁴²

Смерть императора Феофила в 842 г. явилась поворотным пунктом в жизни и политической карьере Иоанна. Уже во второй половине жизни императора Феофила иконоборческая политика проводилась правительством с меньшей решительностью. Будущий преемник Иоанна по патриархату — Мефодий в последние годы царствования Феофила пользовался свободой и мог готовить почву для восстановления иконопочитания. Император даже брал Мефодия с собой в свои поездки, когда временно покидал столицу. Основываясь на данных Генесия, Ф. И. Успенский характеризует дальнейшую судьбу Иоанна в следующих основных чертах⁴³.

Когда вопрос о восстановлении иконопочитания был разрешен Феодорой в положительном смысле, к Иоанну была послана группа сановников, чтобы удалить его из патриархии. Иоанн, однако, не сдавался. Хотя они пытались силой вывести его, он заставил их уступить и оставить его. Варда отправился тогда к Иоанну сам и за-

³⁹ Ф. И. Успенский Указ соч., стр. 4—5.

⁴⁰ Об актах иконоборческого собора 815 г. см. D. Serruy *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, 1903, pp. 345—351, G. Ostrogorsky *Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites*, Bréslau, 1929, S. 46 и сл.

⁴¹ Там же, Genes. Regum, ed. Bonn, p. 84.

⁴² Вопрос о дате посольства и его задачах дискутируется в указанных сочинениях. См. также А. А. Васильев *Византия и арабы*, т. I, 1900.

⁴³ Ф. И. Успенский Указ соч., стр. 10—11. Ф. И. Успенский отмечает, что автор хроники Генесий был сыном того Константина Армянина — начальника стражи, любимца и приближенного императора Михаила II, который играл важную роль в событиях, связанных с низложением Иоанна. Поэтому он мог сообщить ценные известия на основании личных наблюдений и личного опыта своего отца. Не могу не отметить, однако, их субъективной и местами тенденциозной окраски.

ставил его покинуть патриархию ⁴⁴ По мнению Ф И Успенского, Иоанн был низложен собором 842 г и закончил жизнь в монастыре, отказавшись от борьбы с иконопочитателями, но не изменив собственных убеждений Он был еще жив в 846 г Точных данных о его смерти не имеется Лишь в заключительных главах, излагающих историю царствования императора Михаила III (842—867), имеется сообщение, дающее возможность установить дату, до которой произошла смерть Иоанна Михаил III приказал механику открыть гробницу Константина V и патриарха Иоанна, погребенного в омофоре, и, «продержав некоторое время взятые там трупы в государственной тюрьме, в один из дней конских бегов на ипподроме устроил неожиданный спектакль, обнажив трупы, приказал бичевать их, а потом кости их предал сожжению»

Как показывают рассмотренные вкратце данные о жизни и деятельности Иоанна, исследователи, расходясь в отдельных моментах хронологии и последовательности событий, все же согласно устанавливают важнейшие вехи его биографии

Однако некоторые вопросы остаются вовсе невыясненными Среди них наиболее важными являются вопросы о научном и литературном направлении Иоанна, а также и о его произведениях О литературной деятельности Иоанна известно очень немного, поэтому ему обычно и отводится так мало места в истории византийской литературы, а большей частью о нем и вовсе не упоминается Так, мы тщетно будем искать каких-либо сведений о литературной деятельности Иоанна в таких общепринятых руководствах, как книга К Крумбаха или Дж Бюри Сообщение первого было разобрано выше Второй, посвящающий специальную главу состоянию образования и науки в Византии в интересующий нас период, ограничивается общим указанием на «значительные достижения Иоанна в науке и философии», ⁴⁵ а также и на его занятия черной магией ⁴⁶ При этом он приводит легендарный рассказ о том, что Иоанн в имении своего брата, патриция Арзабера, на побережье Босфора, построил себе помещение вроде лаборатории под землей Доступ в нее открывался через длинную лестницу в маленькую дверь Здесь он занимался своими опытами, за которые получил в источниках славу «предтечи дьявола», леканоманта и т п Бюри приводит и другую версию, сохранившуюся у Михаила Сирийца, согласно которой Иоанн поклонялся идолам и занимался магией за алтарной завесой в церкви. ⁴⁷

Из этих сообщений, имеющих явно легендарный характер, ⁴⁸ можно лишь заключить о большой учености Иоанна и его занятиях всякого рода запрещенными церковью экспериментальными исследованиями. О литературном его наследстве, однако, неизвестно ничего. Единственное указание в руководствах на произведения, которые ему, может быть, принадлежат, можно найти у Николаи ⁴⁹ в его истории греческой литературы. Речь идет о двух сочинениях — трактате по грамматике и отрывках о диалектах Трактат издан трижды, ⁵⁰ а отрывки были изданы

⁴⁴ Интересная сцена, разыгравшаяся при этом, подробно рассказана не только у Генесия (стр 83), но и у Theoph Contip, p 159, Symeon mag, p 647 и др Рассказ очень противоречив, см подробности.

⁴⁵ J Bury. Op cit, p. 435

⁴⁶ Ibid, p 443

⁴⁷ Ibid, pp. 435—443, 460

⁴⁸ Hirsch (op. cit, p 219) обратил внимание на характерную вставку у Продолжателя Феофана в этом месте слова λευεται

⁴⁹ Nikolai Geschichte der gesamten griechischen Literatur Magdeburg, 1867.

⁵⁰ Последнее издание у J. Bekker Anecd graeca, t III

в XVIII в вместе с сочинением Григория Коринфского — *περί διολέγων* ⁵¹

Предположение Николай, насколько мне удалось проследить, не нашло ни откликов, ни возражений в позднейших исследованиях Ф. И. Успенский упоминает об этом вскользь, не давая ни оценки, ни разбора этого предположения

Следовательно, никаких сочинений, которые можно было бы считать бесспорно принадлежащими Иоанну Грамматику, пока не обнаружено

Таким образом, при выяснении вопроса о возможном авторстве Иоанна в отношении стихов, цитируемых Федором Студитом, единственным критерием могут служить хронологические данные, если не считать вышеизложенных исторических соображений, говорящих в пользу его авторства

Самое произведение Федора Студита не датировано, но критикуемая в нем подписка иконоборцев дает основание отнести его ко времени около (вернее, после) 815 г, когда эта подписка была составлена Именно в эти годы, начиная с весны 814 г, Иоанн Грамматик приступил к работе над обоснованием иконоборческой программы, работа была закончена к концу года. Созванный в апреле 815 г иконоборческий собор заставил сторонников иконопочитания сплотиться вокруг своих виднейших деятелей К апрелю следующего 816 г относятся попытки Иоанна Грамматики переубедить своих противников, в результате чего семь человек признало иконоборчество ⁵²

С другой стороны, из переписки Федора Студита ⁵³ явствует, что стихи были им получены уже после написания первых опровержений «Уже после того, как я составил опровержение,— пишет Федор Студит,— я получил ямбы, которые мне задали работу снова Хорошо, однако, что ты познакомил меня с ними Правило об акростихе здесь не соблюдено, так что акростих здесь не всегда падает на седьмой слог, но то на один, то на другой произвольно, а также рассекает последующий слог, что уже не является акростихом». Стихи были, следовательно, написаны около 815 г. ⁵⁴

Хронологические соображения, таким образом, вполне подтверждают вероятность сочинения стихов Иоанном Грамматиком, являвшимся душой и главным действующим лицом развернувшейся в то время во всей остроте дискуссии. Приведенные у Федора Студита стихи могут считаться, следовательно, первым известным литературным произведением Иоанна Грамматики.

Если принять биографическую канву, установленную предшествующими исследованиями де Боора, Хейкеля, Мюллера и особенно Васильевского, то получается, что в годы сочинения стихов Игнатию должно было быть лет 35—40, и в период от 815 до 820 г он должен был уже состоять в должности диакона и сосудохранителя великой церкви.

Однако трудно предположить, чтобы, занимая должность диакона Софии в Константинополе в годы самого разгара иконоборческих мероприятий Льва V и Иоанна Грамматики — тогда еще молодого человека, он мог остаться в стороне от борьбы Он должен был примкнуть либо к одному, либо к другому лагерю Но из собственного признания его и страстного раскаяния в «Житии патриарха Никифора» явствует, что он «запятнал себя общением с еретиками» и «замарал свои

⁵¹ G. Koehn, 1766.

⁵² J. Burgu Op cit, p 73

⁵³ M. Cozza-Luzzi, p. 208 (epist λῆτοφ τῶν) V 257, ср письмо Навкратию (Ibid, p. 30, ep. N 37).

⁵⁴ Вся группа писем, изданных Cozza Luzzi, датируется временем от 815 до 819 г. Ср. J. Burgu, op. cit, app, p. 452, В Мелиоранский Из семейной истории Аморийской династии. «Византийский временник», т VIII, стр 190

руки каким-то рукописанием», хотя он и утверждал, что не по произволу собственного ума прибегнул к Итавирию еретиков и что он не был уловлен их сетями и соблазнительными приманками, но заперт был жестокими угрозами, преграждавшими ему всякий путь к бегству, злым образом взят был в плен улавливающими душу»⁵⁵

Игнатий здесь совершенно ясно указывает на то, что он был вынужден не только уступить иконоборцам, но и «согрешить» и замарать свои руки каким-то рукописанием, очевидно, написав какое-то сочинение в духе иконоборческой доктрины. Характерно, что Игнатий нигде не упоминает о том, что он терпел впоследствии при иконоборцах какие-либо притеснения, несмотря на то, что жил в самом центре событий — Константинополе и занимал церковную должность в Софии, будучи учеником одного из главных действующих лиц разыгравшейся в эти годы драмы — патриарха Никифора. Не указывает ли и это на то, что он, будь то из страха или по другим каким-то соображениям, сумел в этот период своей жизни столкнуться с иконоборцами. Он, по всей вероятности, принадлежал к числу тех лиц из клира, которые, по характеристике Никифора, предпочитали, «когда им предлагали одно из двух или нанести ущерб душе или лишиться мест, — избирали первое»⁵⁶. Страстный характер раскаяния Игнатия, местами явно перекликающегося с писаниями самого Никифора, является в этом отношении свидетельством, кажется, совершенно бесспорным.⁵⁷ С Иоанном Игнатий был связан к тому же и профессиональными интересами, будучи также «грамматиком», «человеком от литературы», почему и мог легко подпасть под влияние этого блестящего для своего времени ученого, прославившегося «обращением» в иконоборчество семи закоренелых иконопочитателей.

⁵⁵ Vita Nicephori, ed. de Boor, p. 216, ср. В. Г. Васильевский Указ соч.

⁵⁶ Migne P. Gr., t. 100, 570, § 16

⁵⁷ И. Д. Андреев также отмечает факт перехода Игнатия на сторону иконоборцев (И. Д. Андреев, Герман и Тарасий, Сергиев посад, 1907, стр. 61). Привожу ввиду важности этого места текст признания Игнатия полностью (ср. de Boor Op. cit., p. 215—216): «В заключение я должен приписать тебе, непобедимому, то, что я остался цел в своем поражении и падении, да подвигну любовь отеческого сердца твоего к состраданию и да привлеку к себе твое попечительное предстательство перед богом... Уловленным коварной рукой и замаранным общением с еретиками, но не осквернившим суд совести, позволь умыться слезами покаяния и тяжелой епитимии. Удостой снова идти путем истины тех, которые нуждаются только в обращении, а не в научении. При помощи неопровержимых доводов и положений твоего сладкозвучного учения утвердив прочно и непоколебимо мысль на основании апостольских и отеческих определений, мы, свидетель в том бог, соблюли чистоту догмата, храня его, как некое семя, в глубине нашего сердца. И ничтожество нашей защиты, наша слабость и наша пустая болтовня да явится перед тобою, сильным перед богом, не виной, а порождением удрученного сердца, сокрушением скорбящей души. Да обрету оставшуюся у тебя в изобилии милость прощения, чтобы, впадая в полное уныние, мне не ввергнуться в неизлечимое отчаяние и не быть отвергнутым, подобно древнему [Исаву], за малую усладу променявшему первородство, так как на отеческий жертвенник не принес потребных жертв. Знаю, что не мало, а много потерплю за это нерадение — как знавший волю господина и не сотворивший, буду бичуем и буду плакать безмерно, ибо не нашел, хотя искал раскаяния. Итак, ныне протяни мне руку помощи и извлеки меня потопленного волнением неверия, да не поглотит меня зияющая бездна чуждых истине мыслей, да не сомкнет надо мной уст своих колодец, источающий губительное и смертоносное развращение, но умили стиви ко мне судию, радующегося более об одном грешнике кающемся, чем о великом множестве праведников. Будь поручителем моим перед тем, кто знал все прежде, чем оно является, что не по добровольному согласию пришел я на Итавирий еретиков или был уловлен на нем сетями и капканами, из которых нельзя выпутаться, но захваченный устрашающими, хотя и бессильными угрозами, уничтожившими все пути для моего бегства, я был взят в плен злокозненно сетями улавливающих души. Отсюда тяжестя проклятия причиняет мне печаль и скорбь и ставит меня в ряды осужденных.»

Но по отношению к Игнатию есть еще один способ проверки естественно напрашивающегося предположения о том, что речь шла о стихах, сохранных в «Опровержении» Федора Студита рядом со стихами Иоанна Грамматика. Если из сочинений Иоанна Грамматика ранее не было установлено ни одного достоверно ему принадлежащего, так что не с чем было и сравнивать, то с Игнатием дело обстоит совсем иначе. Сохранились его многочисленные и прозаические и поэтические произведения, сопоставление с которыми разбираемых стихов может привести к весьма плодотворным результатам.

Техника стихосложения византийских поэтов изучена хотя и не полностью, но все же настолько, что исследованиями были выявлены все индивидуальные черты Игнатия как поэта, в особенности все черты его метрики и стиха. Подобно тому как и в прозаических произведениях Игнатий старался подчеркивать свою связь с античной традицией, сочетая ее в то же время с чертами типично византийскими, так и в стихе он выступает как поэт двойственного облика. Насколько возможно, он строго соблюдает в ямбическом стихе правила просодии, избегает *hiatus*'а, применяет спондеи только в первой, третьей и пятой стопах триметра.⁵⁸ Но в то же время, как это обычно практиковалось в его эпоху, Игнатий старается избегать распушенных трехсложных стоп и соблюдает византийский прием акцентирования предпоследнего слога.⁵⁹ Исходя именно из этих особенностей стихосложения Игнатия и была установлена ошибочность отнесения к числу произведений именно этого поэта «Нравственного алфавита», приписанного ему Минем. Стиль этого стихотворения — «варварский», с частыми *hiatus*'ами, нарушениями правил просодии и метрики, резко отличен от других поэтических произведений Игнатия.

Оба же стихотворения Игнатия («Похвала Игнатия — размышлять о кресте» и «Крест — похвала Игнатия») не дают отступлений от особенностей, характеризующих стихотворную манеру писателя в других его поэмах.⁶⁰

Не могу не отметить также поразительного сходства в построении первого стиха в первом акrostихе с первой строфой канона к Якову (подписанного именем Игнатия и сохранившегося в Минеях за 21 марта).

Следовательно, и имя автора, и хронологические данные, и техника стиха и, наконец, собственное признание Игнатия говорят за то, что акrostихи, сохранные у Федора Студита, и поэмы, а также жития Георгия Амастридского и обоих патриархов писало одно и то же лицо.

Но тем самым предположение В. Г. Васильевского о том, что у Игнатия могли быть особые основания для умолчания по вопросу об иконах, получают новое дополнительное подтверждение, и сведения о биографии и психологическом облике писателя получают немаловажное уточнение. Выходит, что писатель на определенном этапе своей карьеры был связан с иконоборцами и, в частности, с блестящим ученым и деятелем этой эпохи Иоанном Грамматиком.

Сделанный выше вывод дает возможность поставить по-новому и вызвавший в свое время дискуссию Х. М. Лопарева с В. Г. Васильевским вопрос о дате жития Георгия Амастридского. Известно, что

⁵⁸ О том, что правила применения спондея были в полной силе в Византии и позднее, свидетельствуют стихи Иоанна Цеци (Стамб. *Anecdota graeca*, t. III, p. 318, v. 16 sqq.)

⁵⁹ Ср. Müller Op. cit., 18

⁶⁰ На принадлежность канона (изд. Миней, Venetia, 1880, стр. 78) диакону Игнатию впервые указал В. Г. Васильевский (указ соч., стр. XC)

В. Г. Васильевский, относя житие Георгия Амастридского к числу произведений диакона Игнатия, одновременно высказал предположение, что тем «знаменитым и славным Иоанном, любителем изящного», который подвигнул Игнатия на написание жития Георгия Амастридского, был Иоанн, архиепископ Амастриды с 807 г. Эта точка зрения была отвергнута Хр. Лопаревым, правильно указавшим, что это предположение В. Г. Васильевского не вяжется с биографическими данными Игнатия, принятыми самим же В. Г. Васильевским. Хр. Лопарев обратил внимание на тот факт, что Игнатий молодость свою провел не в Амастриде, а в Константинополе, и поэтому вряд ли мог написать житие по поручению амастридского архиепископа. На этом основании Хр. Лопарев отказывался считать житие Георгия Амастридского произведением диакона Игнатия и высказал предположение, что здесь речь идет об Иоанне, «усердном любителе диалектики», с которым переписывался патриарх Фотий. Соответственно и составление жития передвинуто им с периода времени от 820 г. до 842 г. на промежуток времени между 858—867 гг. и 878—886 гг., когда патриаршествовал Фотий.

Характерно, однако, что убедительность доводов В. Г. Васильевского, относившего житие к числу произведений Игнатия по литературным основаниям, заставила Хр. Лопарева пойти на компромисс. Он считал, что автор жития вышел «из школы Игнатия». Но нужен ли этот компромисс?

Как было указано, автобиографические моменты, имеющиеся в сочинениях Игнатия, отлично согласуются и с данными жития, и с хронологическими данными. Не естественнее ли было бы считать, что здесь речь идет о том же Иоанне, с которым Игнатий был связан на этом этапе своей жизни и в своем поэтическом творчестве? Тогда справедливое возращение Хр. Лопарева, что и инициатор и автор жития необходимо должен был жить в Константинополе, должно само собой отпасть.

Внимание же центрального константинопольского правительства, а, следовательно, и Иоанна Грамматика к делам Амастриды находит свое объяснение в исторических условиях этого времени. Рост торгового и военного значения Амастриды и всей Пафлагонии в связи с активной понтийской политикой императоров первой половины IX в. привел к повышению Амастриды в ранге. Она была превращена в автокефальную архиепископию, а вся Пафлагония была поставлена под управление стратига (вместо прежнего катепана). Первый из этих фактов и явился сюжетом изображения в житии Георгия Амастридского.

В похвале, которой завершается житие Георгия Амастридского, и в самом компромиссном в отношении к иконоборчеству характере жития Георгия есть ясные указания, говорящие в пользу отождествления Иоанна с Иоанном Грамматиком. Чрезвычайно характерны в этом смысле слова похвалы, обращенные к Георгию: «Снизойди к смелости, с которой я взялся за предприятие похвал твоих, но благосклонно прими. Ибо мое предприятие не есть проявление легкомыслия, но произведение горячей веры и дружбы к подвигнувшему меня на него знаменитому и славному Иоанну, любителю изящного. Побуждаемый его увещеваниями, чтобы не навлечь на себя обвинения в непослушании, я пустился в это море похвал, охраня град сей» и т. д.⁶¹ Знаменитым Иоанном, «любителем изящного» в эти годы был без сомнения известный ученый Иоанн Грамматик, очень скоро сделавший блестящую карьеру в качестве приближенного императора. При этом речь идет о человеке, от которого Игнатий опасался «навлечь на себя обвинение в непослуша-

⁶¹ Цит. по переводу В. Г. Васильевского (указ. соч., стр. 70).

нии» Увещеваниями же иконопочитателей занимался, как мы уже знаем, именно Иоанн Грамматик

Имена Иоанна и Игнатия встречаются рядом еще в одном произведении IX в — в знаменитой лицевой псалтири из собрания Хлудова, находящейся в настоящее время в собрании Гос Исторического музея в Москве.⁶² Принадлежность псалтири IX в доказывается и характером ее уставного письма, и стилем миниатюр, и разными историческими указаниями, имеющимися в миниатюрах. Миниатюры эти, содержащие изображения современных событий, представляют огромный интерес и в историческом, и в художественном отношении, хотя они неоднократно переписывались позднее

Для целей настоящего исследования особенно важны сюжеты миниатюр, относящихся к иконоборческому движению. Среди них есть изображения, имеющие прямое отношение к изучаемой нами теме, на которые еще в свое время обратил внимание Н. П. Кондаков. Так, на л. 23 об. пас. 25, ст. 5 изображено заседание «нечестивых» иконоборцев на Влахернах в 815 г.⁶³ Император, окруженный телохранителями, сидя на троне, выслушивает сидящего иконоборческого патриарха Феофота. Дело происходило в то время, когда Никифор был уже в ссылке, а заключение в тюрьму Федора Студита последовало вскоре после этого собора. Далее группа из двух иконоборцев занята поруганием икон Христа в круглом медальоне, один, укрепив икону на древке, намерен окунуть ее в сосуд с известкой «это — софист и пособник Льва, — Иоанн, его отличают дыбом поднимающиеся волосы, другой подносит к иконе губку, это — второй пособник Льва — епископ Игнатий, повсюду пятна, потоки крови и надписи». Тех же двух лиц за подобным же занятием мы встречаем внизу изображения распятия на Голгофе.⁶⁴ Н. П. Кондаков по поводу этих миниатюр отмечает, что они пародируют акростихи, приведенные у Федора Студита, хотя специально не останавливается на вопросах дальнейшего выяснения авторства акростихов. Там же можно встретить еще два изображения Иоанна Грамматика.⁶⁵

Таким образом, почти современные событиям миниатюры полностью подтверждают выводы, полученные выше из анализа исторических и литературных данных.

К последним можно добавить еще некоторые сведения, которые сообщает продолжатель Феофана. По его словам, Иоанн и какой-то поэт Игнатий, носивший имя «вселенского дидакала»⁶⁶ (так же как и Стефан Капитолит) были тесно связаны с дворцовым строительством иконоборческих императоров.

Так, рассказывая о построении дворца Вриас, Продолжатель Феофана сообщает, что Иоанн Синкелл привез планы его из Багдада и принимал ближайшее участие в его сооружении.⁶⁷ Для построения монастыря был использован строевой материал из соседнего языческого храма Сатира, откуда и монастырь, находившийся по соседству с храмом, называется этим именем.

Стихи Игнатия были вырезаны на стенах перистилия, идущего вокруг

⁶² Ср. Н. П. Кондаков. Миниатюры греческой рукописи псалтири IX в. из собр. Хлудова, М. 1897. Новейшая постановка вопроса о происхождении этих миниатюр с привлечением всей литературы по этому вопросу дана Е. Э. Липшиц в докладе на сессии Отделения истории и философии АН СССР 28 ноября 1947 г. «Об исторических корнях некоторых художественных течений в Византии IX в.»

⁶³ Н. П. Кондаков. Указ. соч., рис. 1.

⁶⁴ Там же, стр. 8, ср. рис. 2.

⁶⁵ На л. 35 об., ср. Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 9.

⁶⁶ О происхождении и значении термина см. в указ. соч. Фульса и Е. Э. Липшиц.

⁶⁷ Theoph. Cont., p. 98-Sym. Mag., p. 634.

части дворца, именуемой Сигмой,— излюбленного места постоянного пребывания императора

Рассмотрение всей совокупности данных приводит нас к следующим заключениям, имеющим непосредственное значение для ответа на вопрос, явившийся исходной точкой настоящего исследования.

1 Житие Георгия Амастридского принадлежит к числу произведений византийского писателя первой половины IX в. Игнатия, известного по многим другим сочинениям, современника и участника иконоборчества того времени. Последнее, кроме соображений В. Г. Васильевского, может быть подтверждено сохранившимися у Федора Студита стихотворениями Игнатия, данными миниатюр лицевой Хлудовской псалтири и свидетельствами византийских писателей.

2. Возражения Хр. Лопарева против гипотезы В. Г. Васильевского о возникновении жития в 20-х годах IX в. следует считать неосновательными,⁶⁸ хотя отождествление инициатора этого произведения Иоанна с амастридским архиепископом Иоанном и неправильно. Инициатором написания жития является, по всей вероятности, тот же Иоанн Грамматик, с которым Игнатий был связан в эту пору своей жизни и к которому обращены слова похвалы.

Тот факт, что константинопольское правительство, одним из главных деятелей которого был в это время Иоанн Грамматик, могло особенно интересоваться Амастридой и ее епископом, легко объясняется экономическими (и политическими) соображениями. Развитие морских сношений с понтийскими землями и рост морской торговли в IX в. привели к повышению удельного веса в экономике империи приморских центров Пафлагонии и, в частности, Амастриды. Енеше это новое значение Пафлагонии и Амастриды нашло свое выражение в изменении административной структуры этих мест. Амастрида была превращена в самостоятельную епископию, отделившись от Гангрской митрополии (что и рассказывается в житии Георгия). Вся же Пафлагония была превращена в самостоятельную фему — стратигию (может быть, из прежнего катепаната).⁶⁹

Следовательно, все эти данные дают новое подтверждение датировки жития, предложенной В. Г. Васильевским. С другой стороны, находка ранее не привлекавшихся для решения этого вопроса произведений Игнатия и новейшие исследования его литературной манеры вновь подтверждают большую точность и достоверность всех скупых исторических и автобиографических сведений, содержащихся в произведении Игнатия.

3. Последний вывод дает новые основания считать дату первого похода Руси на Византию (ранее 842 г.), основанную на данных жития Георгия Амастридского и впервые установленную В. Г. Васильевским, правильной.

⁶⁸ Не могу не отметить, что ни Жермена да Коста Луйе, ни Грегуар ни словом не упоминают о наличии критики Хр. Лопарева, хотя, казалось бы, они могли использовать ее для доказательства своего тезиса о позднейшей дате похода Руси на Византию. Обзор всей литературы вопроса дал А. Васильев в книге «The russian attack on Constantinople in 860», 1946. С этой книгой я ознакомилась уже после окончания набора данной статьи, поэтому я не имею возможности подвергнуть здесь детальному разбору аргументацию А. А. Васильева. Отмечу лишь, что А. А. Васильев не принял во внимание тех данных источников, которые легли в основу моих выводов.

⁶⁹ Ср. J. Bury Op. cit., стр. 222.

4 С другой стороны, обращение к иконоборческому патриарху Иоанну, заклеяемому всей последующей византийской историографией, как чернокнижнику, еретику и чародею, содержащееся в похвале, завершающей житие Георгия Амастридского *после* рассказа о нападении русских на Амастриду, указывает вновь на то, что житие дошло в своей первоначальной форме, как это установил В. Г. Васильевский, а не в переработке конца X в. — начала XI в. Симеона Метафраста, как то полагают Грегуар и да Коста Луйе.⁷⁰ Немыслимо было бы предполагать, чтобы весь компромиссный характер жития по вопросам иконописания и особенно похвала могли быть сохранены в редакции Симеона Метафраста, относящейся ко времени полного торжества иконопочитания, когда самое имя Иоанна подвергалось всяческим проклятиям. Именно поэтому, вероятно, это житие и было столь мало популярно, что сохранилось лишь в одной рукописи. Ни в византийской минологии Василия II, ни в славянской минее оно не фигурирует вовсе, а память Георгия, перенесенная на другое число, сопровождается кратким сообщением о его жизни. Не упоминается о нем и в лексиконе Свиды, подробно перечисляющем все литературные заслуги Игнатия.

Таким образом, попытка авторов статьи опровергнуть точку зрения русского византиноведения на этот вопрос отнюдь не отвечает современному состоянию науки. Нельзя не отметить при этом, что эта попытка выполнена без привлечения всей совокупности источников, без анализа произведений Игнатия и даже с неполным использованием важнейшей литературы вопроса.

---

⁷⁰ См. оп. cit., стр. 242, ср. соображения В. Г. Васильевского, см. выше, стр. 314.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СССР

А Л С И Д О Р О В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ОБОСТРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ .	3
И П К О З Л И Т И Н ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920)	65
А. И Д Р О Б И Н С К И Й РУСЬ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ВО ФРАНЦУЗСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ЭПОСЕ	95
И Л П Е Р Е Л Ь М А Н, НОВГОРОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ В XV—XVI ВЕКАХ	128
А А Н О В О С Е Л Ь С К И Й ИЗ ИСТОРИИ ДОНСКОЙ ТОРГОВЛИ В XVII ВЕКЕ	198

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Ш М Л Е В И Н К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ, ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА	217
И. С Б А К ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОЛИЦЫН	258

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В Т П А Щ У Т О, КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ 1233 ГОДА	273
О Д Ч Е Х О В И Ч СОБРАНИЕ ВОСТОЧНЫХ АКТОВ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКИСТАНА	306

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е Э Л И П Ш И Ц, О ПОХОДЕ РУСИ НА ВИЗАНТИЮ РАННЕЕ 842 ГОДА	312
--	-----

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства Ц М Подгорненская Технический редактор М. Л. Темерлин
Корректор Н. Н. Морозов

РИСО АН СССР № 3150 А—(6115 Тип Зак 629 Подп к печ 16/VIII 1948 г
Формат 6,3 м 70×108¹/₁₆ Издат № 1656 Печ л 20³/₄ Уч.-издат л 30,4 Тираж 4000
Цена 26 руб,

2-тип Издательства Академии Наук СССР Москва Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
119	15 сн	и вариантами	с вариантами
119	25 сн	отправления	, года отправления
151	5—6 сн	88	87
		87	88
168	12 св.	, и что	, «что
275	27 св	М Д Присеков Указ соч	Там же
281	3 сн	стб 731—732	стб 735
287	19 сн	Там же	ПСРЛ, т II, стб 741
288		Данил же	<i>Данил же</i>
294	15 сн	ср т I	ср ПСРЛ, т. I
296	3 св	вои стрити,	вои строити,
324	3 сн.	леуети	леуети
332	16 св	В Т Пащуто	В Т Пашуто